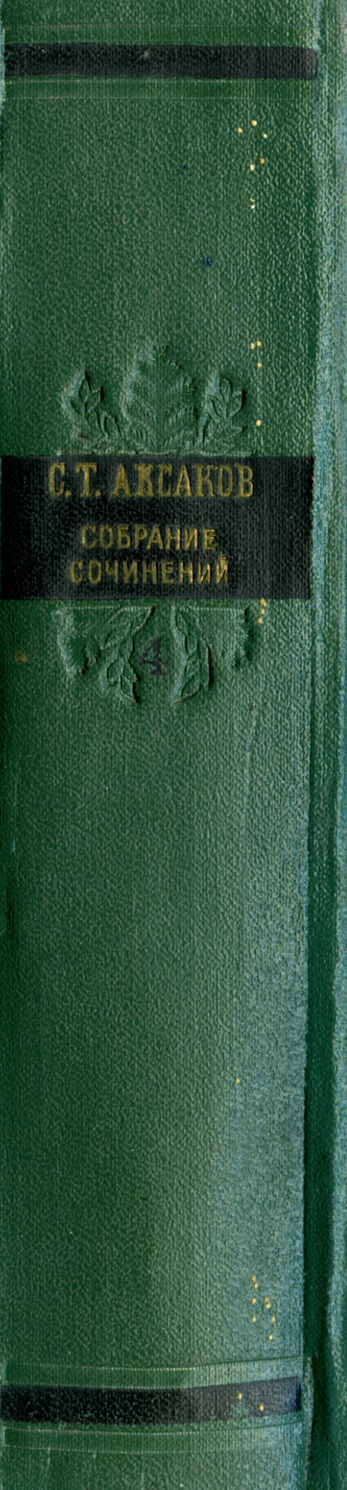

С. Т. АКСАКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

С. Т. АКСАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956

С. Т. АКСАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956**

Подготовка текста и примечания
С. МАШИНСКОГО

С картины художника К. Трутовского

1892

ЗАПИСКИ
ОБ УЖЕНЬЕ РЫБЫ

Делу время и потехе час.

Из книги «Устав сокольничьего пути», писанный царем Алексеем Михайловичем.

Охоту тешить — не беду платить.
Охота пуще неволи.

Русские пословицы.

Моим братьям и друзьям

Н. Т. и А. Т. АКСАКОВЫМ

Есть, однако, примиритель,
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, —
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И — в свои младые годы.

*(Отрывок из послания
к М. А. Дмитриеву, 1850 г. январь.)*

ВСТУПЛЕНИЕ

Я написал записки об уженье рыбы для освежения моих воспоминаний, для собственного удовольствия. Печатаю их для рыбаков по склонности, для охотников, для которых слова: *удочка* и *уженье* — слова магические, сильно действующие на душу. Я считаю, что мои записки могут быть для них приятны и даже несколько полезны: в первом случае потому, что всякое сочувствие к нашим склонностям, всякий особый взгляд, особая сторона наслаждений, иногда уяснение какого-то темного чувства, не вполне прежде сознанного, — могут и должны быть приятны; во втором случае потому, что всякая опытность и наблюдение человека, страстно к чему-нибудь привязанного, могут быть полезны для людей, разделяющих его любовь к тому же предмету.

Уженье, как и другие охоты, бывает и простою склонностью и даже сильною страстью: здесь не место и бесполезно рассуждать об этом. Русская пословица говорит глубоко и верно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презреньем нападают, как на тихое, невинное уженье. Один называет его охотою празднолюбцев и лентяев; другой — забавою стариков и детей; третий — занятием слабоумных. Самый снисходительный из судей пожимает плечами и с сожалением говорит: «Я понимаю охоту с ружьем, с борзыми собаками — там много движения, ловкости, там есть какая-то жизнь, что-то деятельное,

даже воинственное. О страсти к картам я уже не говорю; но удить рыбу — признаюсь, этой страсти я не понимаю...» Улыбка договаривает, что это просто глупо. Так говорят не только люди, которые, по несчастию, родились и выросли безвыездно в городе, под влиянием искусственных понятий и направлений, никогда не живали в деревне, никогда не слыхивали о простых склонностях сельских жителей и почти не имеют никакого понятия об охотах; нет, так говорят сами охотники — только до других родов охоты. Последних я решительно не понимаю. Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетьми и удочкой за рыбою — все имеют одно основание. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно нам от грубого дикаря до самого образованного человека. Противоестественное воспитание, насильственные понятия, ложное направление, ложная жизнь — все это вместе стремится заглушить мощный голос природы и часто заглушает или дает искаженное развитие этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно равнодушен к так называемым *красотам природы*, то есть: к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, великолепному восходу или закату солнца, к светлой месячной ночи; но это еще не любовь к природе: это любовь к ландшафту, декорациям, к призматическим преломлениям света; это могут любить люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло всякое поэтическое чувство: зато их любовь этим и оканчивается. Приведите их в таинственную сень и прохладу дремучего леса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте их в тихую, жаркую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег сонного озера, обросшего камышами; окружите их благовонием цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, неумолкающими голосами ночных птиц и насекомых, всею жизнию творения: для них тут нет красот природы, они не поймут ничего! Их любовь к природе внешняя, наглядная, они любят картинки, и то ненадолго; смотря

на них, они уже думают о своих пошлых делишках и спешат домой, в свой грязный омут, в пыльную, душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовонием загнивших прудов в их жалких садах или вечерними испарениями мостовой, раскаленной дневным солнцем... Но бог с ними! Деревня, не подмосковная, — далекая деревня, в ней только можно чувствовать полную, не оскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений! На зеленом, цветущем берегу, над темной глубью реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, — улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои, вы услышите ее голос, заглушенный на время суетней, хлопотней, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...

Но я увлекся в сторону от своего предмета. Я хотел сказать несколько слов в защиту уженья и несколько слов в объяснение моих записок. Начнем сначала: обвинение в праздности и лени совершенно несправедливо. Настоящий охотник необходимо должен быть очень бодр и очень деятелен; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесенье полдневного зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое внимание во время самого уженья, приискиванье удобных мест, для чего иногда надо

много их перепробовать, много исходить, много изъездить на лодке: все это вместе не по вкусу ленивому человеку. Если найдутся лентяи, которые, не имея настоящей охоты к уженью, а просто не зная, куда деваться, чем занять себя, предпочтут сиденье на берегу с удочкой беганью с ружьем по болотам, то неужели их можно назвать охотниками? Чем виновато уженье, что такие люди к нему прибегают? Другое обвинение, будто уженье забава детская и стариковская — также не основательно: никто в старости не делался настоящим охотником-рыболовом, если не был им смолоду. Конечно, дети почти всегда начинают с уженья, потому что другие охоты менее доступны их возрасту; но разве дети в одном уженье подражают забавам взрослых? Что же касается до того, что слабый старик или больной, иногда не владеющий ногами, может удить, находя в том некоторую отраду бедному своему существованию, то в этом состоит одно из важных, драгоценных преимуществ уженья пред другими охотами. Остается защитить охотников до уженья в том, что будто оно составляет занятие слабоумных, или, попросту сказать, дураков. Но, боже мой, где же их нет? За какие дела они не берутся? В каких умных и полезных предприятиях не участвуют? Из этого не следует, чтобы все остальные люди, занимающиеся одними и теми же делами с ними, были также глупы. Против нелепости такого обвинения можно назвать несколько славных исторических людей, которых мудрено заподозрить в глупости и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Известно, что наш знаменитый полководец Румянцев предан был этой охоте до страсти; известен также и его ответ, с притворным смирением сказанный, на один важный дипломатический вопрос: *это дело не нашего ума; наше дело рыбку удить да городки пленить*. Славный Моро, поспешая с берегов Миссисипи на помощь Европе, восставшей против своего победителя, не мог проехать мимо уженья трески, не посвятив ему нескольких часов, драгоценных для ожидавшего его вооруженного мира, — так страстно любил он эту охоту! Людовик Филипп, человек, кажется, тоже умный, все время, свободное от дел государственных, посвящал удочке в своем прелестном Нельи.

Теперь объяснимся о моих записках: на русском языке, сколько мне известно, до сих пор не напечатано ни одной строчки о рыболовстве вообще или об уженье в особенности, написанной грамотным охотником, знающим коротко свое дело. На французском и английском языках есть много полных сочинений по этой части и еще более маленьких книжек собственно об уженье. В Лондоне даже существует общество охотников до ловли рыбы удочкой, которое систематически преследует эту охоту, совершенствуя ее во всех отношениях. Некоторые сочинения об этом предмете у французов написаны очень живо и увлекательно. Но у нас они не переведены, а если б и были переведены, то могли бы доставить более удовольствия при чтении, чем пользы в применении к делу. Причиною тому разность в климатах, в породах рыб и их свойствах. В этом случае добросовестные наблюдения рыболова-туземца, как бы ни были недостаточны, будут иметь важное преимущество.

Все это вместе решило меня сделать первый опыт на русском языке. Охотников до уженья много на Руси, особенно в деревнях, и я уверен, что найду в них сочувствие. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *трактат об уженье*, не *натуральная история рыб*. Моя книжка ни больше ни меньше как простые записки страстного охотника: иногда поверхностные, иногда односторонние и всегда неполные относительно к обширности обоих предметов, сейчас мною названных[1].

1847 год.

---

[1] Я печатаю книжку мою третьим изданием. В течение шести лет, постоянно продолжая удить, с меньшим увлечением и большим вниманием, я имел возможность для второго издания сделать много новых наблюдений и сказать пространнее и полнее о том, о чем было сказано слишком коротко, в чем справедливо обвиняли меня некоторые охотники; в течение же последних трех лет я почти ничего нового прибавить не мог.

1856 год.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УДОЧКИ

Вероятно, из всех родов рыболовных снастей одна из первых была изобретена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегам реки или моря для добывания себе скудной пищи или беспечно отдыхая под тенью крутого берега и растущих на нем деревьев, приметил стаи рыб, плавающих около берегов; видел, как голодные рыбы жадно хватают падающих на поверхность вод разных насекомых и древесные листья, и, может быть, сам бросал их в воду, сначала забавляясь только быстрыми движениями рыб. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы в насекомые спрятать что нибудь, похожее на крючок (из кости или крепкого дерева) и привязать его на нитку, выделанную из звериных жил или волокон растений, и что если рыба схватит и проглотит такую насадку, то крючок зацепит, и рыбу можно будет вытащить на берег. Так, вероятно, родилась удочка; почти такова она и теперь в деревнях у крестьянских мальчишек: загнутый крючком гвоздь без шляпки, крючок из проволоки или булавки, привязанный на нитку, с камешком вместо грузила и палочкою сухого дерева или камыша вместо наплавка... ведь это почти удочка дикаря. Впрочем, даже и у нас, в настоящем своем развитии, у самых взыскательных охотников удочка строго сохранила все первоначальные основные свои качества.

Слово *удочка* — названье общее. Она состоит из следующих частей: удилища, лесы, поплавка, или наплавка, грузила, поводка и крючка. Все это рассмотрим мы внимательно, порознь и по порядку.

УДИЛИЩЕ

Едва ли нужно говорить, что этим именем называется длинный прут или палочка, к которой привязывается леса. Удилища бывают искусственные и натуральные: я решительно предпочитаю последние. Искусственное, складное удилище делается из морского тростника (камыша) разной толщины, даже просто вытачивается из дерева, так что одно коленце, будучи тонее, может вкладываться в другое, более толстое; целое удилище состоит из трех или четырех таких коленцев; все они привинчиваются одно к другому или просто втыкаются одно в другое; верхнее коленце делается из китового уса или тонкой камышинки с маленьким проволочным колечком на верхнем конце для привязки лесы. Такие складные удилища, хорошо отделанные, с набалдашником и наконечником, имеют наружность толстой красивой палки; кто увидит их в первый раз, тот и не узнает, что это целая удочка; но, во-первых, оно стоит очень недешево; во-вторых, для большой рыбы оно не удобно и не благонадежно: ибо у него гнется только верхушка, то есть первое коленце, состоящее из китового уса или камышинки, а для вытаскивания крупной рыбы необходимо, чтобы гибь постепенно проходила сквозь удилище по крайней мере до половины его; в третьих, его надобно держать всегда в руках или класть на что-нибудь сухое, а если станешь класть на воду, что иногда неизбежно, то оно намокнет, разбухнет и даже со временем треснет; к тому же размокшие коленца, покуда не высохнут, не будут свободно вкладываться одно в другое; в четвертых, все это надо делать неторопливо и аккуратно — качества, противоположные натуре русского человека: всякий раз вынимать, вытирать, вкладывать, свинчивать, развинчивать, привязывать и отвязывать

лесу с наплавком, грузилом и крючком, которую опять надобно на что-нибудь намотать, положить в футляр или ящичек и куда-нибудь спрятать... Не правда ли, что это утомительно и скучно? Точно такие складные удилища подделываются у нас из простого дерева; нет сомнения, что последние никуда не годятся. Во многих местах употребляют удилища составные: к обыкновенному березовому или ореховому удилищу прикрепляют верхушку из китового уса или тонкого можжевелового прута; но и здесь почти те же неудобства: гибь будет также неровна и верхушка станет сгибаться только до того места, где она привязана. Всего простее и лучше цельные, натуральные ореховые или березовые удилища: последние прочнее, и везде скорее можно их сыскать; говорят, что и вязовые также хороши, но мне не случалось их употреблять. Весною, покуда лист еще не распустился, а сок дерева уже бросился из корня вверх и надулись почки на ветвях, всего благонадежнее срезывать удилища; впрочем, можно срезывать их и во всякое время года. Надобно выбирать стволы тонкие, длинные и прямые; тщательно обрезать все сучочки, оставя главный ствол неприкосновенным во всю его длину, до самой последней почки, причем должно наблюдать, чтобы удилище не было тонко в комле; нижнюю половину, идущую к руке, надобно оскоблить, даже состругать, если она слишком толста, а верхнюю *непременно* оставить в коже; несколько таким образом приготовленных удилищ должно плотно привязать к прямому шесту или доске и в таком принужденном положении завялить, то есть высушить в комнате или на воздухе под крышей, где бы не брали их ни дождь, ни солнце. Такое удилище, если не сломается от неосторожности, может служить два и три года.

Выбор и приготовление хорошего удилища весьма важны. Прямизна и гибкость верхнего его конца необходимы для успешной подсечки; следовательно, от хорошего удилища зависит иногда количество выуженной рыбы, но верх его достоинства узнается только тогда, когда на тонкую лесу возьмет крупная рыба. Тут-то можно полюбоваться, как на хорошем удилище, согнув-

шемся до половины в дугу, будет ходить на кругах огромная рыба до тех пор, пока искусная рука рыбака утомит ее и подведет к берегу, где можно взять добычу другою, свободною рукой или, что всего благонадежнее, подхватить сачком.

Всякому известно, что такое сачок. Но вот какие качества должен иметь он: 1) сачок должен быть легок; 2) ободок, к которому прикрепляется сетка, лучше употреблять железный, а чтобы ржавчина ее не переедала, можно обшивать ободок холстиной и к ней уже пришивать сетку; 3) мешок из сетки — тонкой и не частой; 4) мешок этот должен быть не мелок, четверти в три глубиною, для того чтобы рыба не могла выпрыгнуть и чтобы даже можно было ее завернуть в нем.

ЛЕСА

Лесою называется нитка, одним концом привязанная к удилищу, а другим к крючку. По большей части она свивается из волос конского хвоста; но есть лесы шелковые, нитяные и приготовленные из какого-то индийского растения [1], прозрачностью совершенно похожего на белый конский волос. Все эти роды лес имеют свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первые и по прочности и по удобству доставания свежих конских волос; нетрудно найти искусника свить, или ссучить, из них лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплесть: плетеная леса прочнее, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше уметь это делать самому. Лесы шелковые и нитяные в России не приготовляются на продажу; они получаются из Англии и Австрии; с крючком, наплавком и грузилом они продаются в магазинах не менее двух рублей пятидесяти копеек ассигнациями — цена слишком высокая. Можно приготовлять их дома; всякая женщина умеет ссучить

---

[1] Так думал я прежде по слухам; но теперь думаю, что это шелк-сырец, приготовляемый каким-нибудь особенным способом.

на руках или на маленьких колесах, на которых спускают тонкие бечевки, несколько шелковинок или ниток (всего лучше конопляных) какой угодно толщины и длины. Выгода таких лес состоит в том, что они, будучи без узлов и не имея упругости, извиваются по движению воды, разнообразят и представляют натуральным, как будто шевелящимся, вид насаженного червяка или чего-нибудь другого; когда же насадка и конец шелковой зеленой лесы лежат на дне, то она совершенно походит на волокны длинного водяного моха, называемого водяным шелком. Должно признаться, что рыба берет на них охотно; но зато они довольно скоро перегнивают и нестерпимо путаются, что отнимает много времени и ужасно надоедает; обоим этим порокам можно несколько помочь, проварив лесы в растопленном воске[1], но от того они отчасти потеряют свою, так сказать, зыблемость, составляющую приманку для рыбы. Что же касается до лесы из индийского растения, тонкой, как конский волос, то вся ее выгода состоит в прозрачности и легкости; если насадка также легка (например, мухи, кузнечики и проч.), то она стоит на всех глубинах воды и долго плавает на поверхности, не погружаясь; но *зыблемости* шелковых и нитяных лес она не имеет и более пригодна для уженья некрупной рыбы без наплавка, особенно в водах прозрачных, около полудня, когда рыба гуляет на поверхности воды. Такая леса (из индийского ли она растения, или из сырца) сначала очень крепка и с помощью хорошего удилища и осторожности можно на нее выудить рыбу в четыре и даже в пять фунтов; но она скоро мшарится, то есть делается шероховатою, местами тонеет; высыхая на солнце, в сгибах трескается в длину и для уженья хорошей рыбы делается неблагонадежною, даже опасною. Говорят, что все это можно отвратить, вытирая ее досуха всякий раз после уженья и вымазывая маслом; но я, верный моей русской беспечной природе, никогда этого не пробовал и много раз терял рыбу и удочку;

---

[1] Здесь опять должно сказать, что это не прочно: воск скоро сойдет и леса начнет путаться попрежнему; впрочем, воск можно подновлять.

я скажу об этом подробнее в статье о поводках[1]. Итак, обратимся к лесам из конских волос. Получаемые из-за границы очень хороши, но зато и очень дороги и не довольно разнообразны в своей толщине. Покупаемые в русских лавках сбыкновенно ссучены неровно и часто из старых, уже не так прочных, волос, что, впрочем, можно узнать по желтоватому цвету. Итак, всего лучше приготовлять их дома.

Надобно выдернуть волосы из хвоста белой[2] лошади; выбрать самые длинные, ровные, белые и прозрачные и сучить или вить из них лесы какой угодно толщины: от двух, четырех, шести и до двадцати волос. Можно вить и сучить лесы цельные или с коленцами. Цельные, без сомнения, лучше, но для приготовления их надобно гораздо более уменья. Лесы с коленцами делаются очень просто. Берутся, например, шесть конских волос одинаковой длины, выравниваются в толщине[3], завязываются на конце обыкновенным узлом, разделяются поровну и сучатся или вьются (как кто лучше умеет) до самого конца волос; потом опять завязывается обыкновенный узел: это называется коленцем. Коленцы связываются между собой уже двойным *рыбачьим* узлом, затягиваются как можно крепче, коротенькие кончики подстригаются довольно плотно, и вот вам готова леса какой угодно длины. Объяснить на словах свиванье цельной лесы довольно трудно; но раз увидевши, как это делается, перенять легко. Тут волосы

---

[1] В 1853 году привезли мне в подарок из Гавра много чудесных лес, очень тонких и полупрозрачных, имеющих в то же время (покуда они сухи) какую-то упругость и звонкость струны. Я употреблял их целый год и должен сказать, что сначала они удивительно крепки и могут выдержать самую крупную рыбу, но месяца в четыре, при ежедневном уженье, перегнивают и требуют перемены. Намокнув, они делаются мягки, как шелк, но высохнув, опять получают упругость; они свиты из нескольких удивительно тонких волокон, кажется сырцовых. В Гавре называют их американскими. Рыба берет на них очень охотно. Может быть, это волокны какого-нибудь американского растения.

[2] Приготовляются лесы и из черных волос, но очевидно, что прозрачность белых волос, сливаясь с водою, делает лесу неприметною для рыбы, следовательно лучшею.

[3] То есть одна половина волос кладется комлем вверх, а другая вниз.

употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются один за другим: как скоро приходит к концу один волос, то другой впускается на его место, а кончики обоих обстригаются так плотно, что после даже неприметно, где волосы оканчивались и где вставлялись. Сделанные таким образом лесы, по окончании каждого уженья и в продолжение зимы сохраняемые в сухом месте, если не будут изорваны насильственно, могут служить года три и более, хотя бы весною, летом и осенью удили на них каждый день. Не нужно распространяться, как важна для охотника крепость лесы, которая преимущественно зависит от ее ровности. Лесы, плетенные из волос, как обыкновенно заплетаются девичьи косы, особенно хороши. Они гораздо прочнее сученых и витых лес и никогда не путаются.

НАПЛАВОК

Наплавком называется небольшая, обыкновенно круглая или овальная, палочка[1], длиною и толщиною в палец, из легкого дерева, или древесной коры осокоря, или из пробки, привязываемая к лесе в каком угодно расстоянии от крючка. Величина наплавка должна зависеть от толщины лесы, тяжести грузила, величины крючка и удилища. Если наплавок мал — он тонет, если велик — не встает на глубине, а это иногда бывает нужно. Наплавок имеет два назначения: первое, чтобы крючок с насадкой плавал в таком расстоянии от дна, какое нужно рыбаку, или лежал на дне, смотря по надобности, и второе, еще важнейшее, чтобы он показывал своим движением всякое прикосновение рыбы к насаженному крючку и, наконец, время, когда надобно подсечь (то есть дернуть удилищем лесу) и вытащить на берег свою добычу. Следовательно, всякое легкое, плавающее на воде вещество может служить наплавком. Наплавки приготовляются различным образом: 1) Они

[1] Впрочем, фигура наплавка — дело произвольное. Я видал наплавки, очень искусно вырезанные из осокоря, представляющие рыбу, птицу и даже человека; но вообще наплавок бывает в средине толще.

вырезываются или вытачиваются из коры *осокоря*, которая имеет прекрасный темнокрасный цвет, очень легка и не намокает в воде. По-моему, это самые лучшие наплавки. 2) Можно их сделать из всякого сухого дерева: на один обвостренный конец маленькой палочки, в палец толщиною посредине, плотно надевается нижняя половина гусиного пера, а в другой, обвостренный же, втыкается маленькая, из проволоки сделанная петелька для продеванья лесы, другой конец которой (то есть лесы) продевается сквозь колечко, вырезанное из пера и надеваемое на перяной конец наплавка (колечко должно быть несколько шире пера). 3) Вместо дерева можно употреблять пробку: пропускают сквозь нее тоненькую деревянную палочку и потом обделывают точно так же, как наплавки второго разряда. Есть еще наплавки, получаемые из-за границы, сделанные из одного гусиного, толстого пера и устроенные точно так же, как сейчас описанные мною наплавки но они пригодны только для удочки наплавной, без грузила, ибо слишком легки; притом толстый конец пера, в котором утверждается петелька, обыкновенно заклеивается сургучом или особенною смолою; если вода как-нибудь туда проникнет, то наполнит пустоту пера, и наплавок будет тонуть; притом они не видки на воде. Хотя осокоревые наплавки менее удобны для передвиганья, ибо каждый раз надобно распустить двойную петлю лесы, которою затянут наплавок, зато они менее сложны и реже портятся; а у наплавков второго и третьего разрядов проволочные петельки часто выдергиваются и перяные колечки еще чаще трескаются. Колечки надобно иметь запасные, но надевать их хлопотно: должно отвязывать лесу, если крючок и грузило по величине своей сквозь перяное колечко пройти не могут. Можно также употреблять наплавки из зеленого и сухого камыша особой породы, мягкого, толстого и ноздреватого внутри; но он непрочен и не везде родится. Величина наплавка должна быть соразмерна с целым устройством удочки, как я уже и сказал, а потому наплавок должен иметь такую тяжесть, относительно к этому общему устройству удочки, чтобы рыба, трогая и забирая в рот насадку крючка, не почувствовала никакого препятствия.

ГРУЗИЛО

Грузилом называется кусочек металла, почти всегда свинца (ибо он тяжел и мягок), прикрепляемого к лесе, в недальнем расстоянии от крючка для его погружения в воду. Грузила бывают разной тяжести смотря по величине всей удочки и текучей или стоячей воде. Для самой маленькой удочки довольно одной небольшой дробинки; для средней — одной, двух или трех крупных дробин, а для самой огромной употребляют небольшую пулю. Прикрепление грузила из свинца делается следующим образом: берется кусочек свинца такой величины, какой надобно, разбивается в длинную узенькую пластинку и навертывается на лесу или поводок; а чтобы грузило не передвигалось, то легким ударом молотка бока его сжимаются. Дробины прикрепляются еще простее: возьмут дробину или пулю, разрежут ее до половины ножом, вложат в это отверстие лесу и потом краешки сколотят. Всегда надобно прикреплять грузило к волосяной лесе повыше шелкового поводка, ибо свинец скорее переедает шелк, чем конские волосы. За неимением дроби и пуль можно сделать грузило из всякого кусочка свинца, о чем сейчас мною сказано, наблюдая только, чтобы фигура его была овальна: угловатое грузило скорее заденет за траву или шероховатое дно. После свинца всего лучше олово, а за неименьем того и другого можно употребить и медь и железо: последние привязываются иногда к лесе особой ниткой.

КРЮЧОК

Без сомнения, это важнейшая часть удочки: весь успех уженья зависит от доброты крючка. Лучшие крючки — английские. Величина их различна и разделяется на двенадцать нумеров [1]. При выборе их надобно наблюдать следующее: 1) Крючок должен быть хорошо закален:

---

[1] Это разделение прежнее. Теперь насчитывается множество нумеров, но я хорошенько их не знаю.

недокаленный будет разгибаться, а перекаленный — ломаться; синий цвет, признак доброй закалки, легко подделать, и потому всего лучше каждый крючок попробовать погнуть рукою. В случае крайности лучше брать крючки недокаленные: они будут разгибаться немного, а перекаленные будут ломаться; последние никуда не годятся. 2) Сгиб крючка должен быть кругловат, не слишком глубок и не мелок, широк, к острому концу немного погнут набок. Жало должно быть остро, длинно, смотреть в сторону. Выгода первых двух качеств не требует пояснения, но выгоду последнего — для чего конец крючка должен быть погнут немного вбок — можно узнать только из опыта. Если вы будете удить на две одинаковые по величине и устройству удочки, из которых у одной жало крючка смотрит на сторону, а у другой прямо по спинке крючка, то увидите, что на вторую удочку будет втрое более промахов, чем на первую. Без сомнения, причина состоит в том, что при подсечке крючок с жалом прямым удобнее выдергивается изо рта рыбы, не задев за которую-нибудь его сторону. 3) Зазубрина должна хорошо, но не круто отделяться и крепко держаться в рассечке, ибо она не допускает крючок выскользнуть назад изо рта подсеченной рыбы. Крючки нередко ломаются в рассечке, если она слишком глубока. 4) Крючок не должен быть толст. Толстый крючок неудобен, потому что мелкая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыба и проч.) теряет на нем свой натуральный вид и сейчас умирает, и особенно потому, что крючок тонкий скорее пронзит губу. Еще труднее толстому крючку проколоть верхнюю часть рыбьего рта, которая бывает очень жестка. 5) Спинка крючка не должна быть длинна: это также мешает живости насадки, которая обыкновенно сбивается книзу и верхняя часть спинки остается ничем не закрытою. Это рыбу пугает, но сверх того, если она и возьмет насадку в рот, что почти всегда делается на ходу (кроме уженья со дна), то сейчас почувствует твердую, не закрытую спинку крючка и проворно выплюнет (выкинет назад) насадку. В этом всякий наблюдательный охотник может убедиться собственными глазами, когда будет удить в светлых водах. 6) Спинка крючка оканчивается

лопаточкой, плечики которой должны быть широки и не остры, для того чтобы завязка поводка или волосяной лесы не обрезывалась и держалась крепко: это последнее условие очень важно. Завязка часто подрезывается внутри неприметно для глаза, хотя бы заботливый рыбак всякий день осматривал свои удочки; дело идет хорошо, покуда берет небольшая рыба, но чуть взяла крупная — прощай и крючок и добыча... Леса взвивается вверх, как будто просто сорвалась рыба, огорченный охотник поспешно достает свежего червя, хочет насадить и вместо крючка видит перерезанный конец поводка или лесы, которым была она привязана... Тут последуют заключения: «Рыба была так велика, что поводок не выдержал, откусила щука» и проч., а это вздор! При внимательном рассмотрении окажется, что длина поводка или лесы не убавилась, а что она порвалась у самого крючка, в самой завязке.

Обращаю особенное внимание охотников-рыбаков на *привязку* крючка к поводку или прямо к лесе: от прикосновения к железу и мокроты привязка, то есть самый узелок, часто переедается ржавчиной; для предохранения от нее можно под привязку наматывать тонкую шелковинку в один ряд, но не более, иначе привязка будет толста. Всего лучше осматривать крючки ежедневно и внимательно: чуть появится желтизна около привязки — сейчас переменить поводок. Хотя и волосяная леса подвергается действию ржавчины, но она долее ей противится.

ПОВОДОК

Поводком называется особый небольшой *привязок* к лесе, к которому уже прикрепляется крючок. Поводки бывают: 1) из тонкой проволоки, медной или железной; 2) из басовых и простых толстых струн; 3) из спинки гусиного пера во всю его длину, очищенную от мякоти, и 4) из шелка. Первые три рода поводков употребляются для уженья щук, ибо по множеству и остроте зубов она перегрызает, иногда в одну секунду, всякие

лесы: волосяные, нитяные и шелковые, а последний род поводков шелковых почти никто не употребляет. Это собственно придумано у нас в доме одним старым рыбаком. Тридцатилетняя опытность моя и нескольких охотников, перенявших эту выдумку, удостоверили меня в ее несомненной пользе. На удочку с шелковым поводком всякая рыба берет (по-охотничьи: клюет) гораздо жаднее. Почти все, что было мною говорено о выгодах шелковой лесы, состоящих в ее зыблемости, шелковый поводок имеет в себе, для чего он должен быть не короче шести вершков; а волосяная леса, к которой он привязан, не путается и не гниет так, как цельная шелковая: разумеется, всякий год надобно раза четыре переменять поводки; но это нетрудно. Еще выгода: шелковым поводком гораздо крепче привязывается крючок, чем волосяною лесою; причина очевидная: упругость волос. Толщина поводка зависит от толщины лесы. На самую толстую лесу я обыкновенно навязываю поводок, ссученный из шести, на среднюю из четырех, а на маленькую из двух обыкновенных шелковинок английского шелка. Здесь разумеется *маленькая* удочка, или *плотичная*, волоса в четыре: для удочки наплавной поводок из двух шелковинок будет тяжел. Шелк для поводков лучше употреблять зеленый, ибо он сходен цветом с травой, но в случае нужды годится всякого цвета. Хороший шелк бывает так крепок, что на свежий поводок из *одной* шелковинки можно вытащить с осторожностию рыбу в пять фунтов; только такие поводки, если удить постоянно, надобно переменять раз или два в неделю.

Есть еще поводки, получаемые из-за границы, из индийского растения или сырца-шелка с прикрепленными уже крючками; они имеют все достоинства и пороки целых таковых лес. Рыба берет на них очень хорошо, но предупреждаю охотников, чтоб они не привязывали своих лес к выписным, волосяным поводкам за *петельку*, которая всегда у них делается, а связывали бы поводок с лесою обыкновенным рыбачьим узлом. Индийский волос на петельке легко рвется, и потому я до них небольшой охотник. Я испытал это, к несчастию, много раз. — Леса в один конский волос

употребляется без поводка. Впрочем, можно и вовсе не употреблять поводков, а привязывают крючок прямо к лесе, что и делают почти все охотники.

УСТРОЙСТВО УДОЧКИ

Как скоро все части удочки у вас будут изготовлены, то вам остается только устроить целую удочку. Удочки бывают различной величины смотря по своему назначению: *маленькие* для мелкой рыбы: гольцов, пескарей, ершей, уклеек (в Оренбургской губернии их называют сентявками и белоглазками), ельцов, мелких окуней и плотвы; *средние*, более других употребительные, для крупных окуней, язей, головлей, лещей, линей и карасей; *большие* удочки назначаются для самой крупной рыбы: для пород, сейчас мною поименованных, достигающих иногда огромной величины, и особенно для пород хищных: для щук, жерихов, сазанов, судаков, карпий и лохов, или *красуль*. Разумеется, это разделение произвольно, и если удить в водах, где водятся все породы рыб, то легко может взять огромная рыба на среднюю и даже на маленькую удочку; она любит иногда попроказить и, не трогая большие, самые лакомые насадки, хватает за пшеничное зернышко, кусочек хлеба с булавочную головку или муху... И страшно и весело бывает тогда рыбаку!.. Горько, когда рыба сорвется или порвет лесу; зато какое счастие, если на маленькую удочку вытащит он большого язя или головля. Верно одно, что на большую удочку не возьмет уже мелкая рыбка — по величине насадки.

Итак, вы берете крючок, привязываете к нему поводок, поводок привязываете к лесе и сейчас прикрепляете к ней грузило; если у вас наплавок с петелькой и пером, то надеваете его с другого конца лесы и, отмеривши ее столько, чтоб она была четверти две или полторы длиннее удилища, привязываете ее двойною петлею к тонкому его концу, к самой верхушке, а как вся леса должна быть всегда гораздо длиннее удилища, то остальную ее часть надобно плотно обвить около него, спускаясь

сверху вниз, и где леса кончится, там привязывать ее гладенько к удилищу вощеной ниткой.

Теперь устроена у вас удочка обыкновенная, всего более употребляемая; но есть еще два рода удочек: *подонная* и *наплавная*, или *накидная*. Первая удочка, то есть ее леса, бывает длиною до восьми аршин и более; грузило ее состоит из пули и прикрепляется: от трех четвертей до одного аршина расстоянием от крючка, который обыкновенно берется из самых крупных нумеров, то есть: первого, второго, третьего. — Такая удочка с самой толстой лесой, волос в тридцать, употребляется на больших и быстрых реках без наплавка; леса привязывается к маленькому и самому гибкому удилищу; а как ее нельзя закинуть обыкновенным образом, то леса забирается кругами в руку до самого грузила, и таким способом крючок с насадкой закидывается на большое расстояние. Тут уже удилище всегда держится в руке и служит для указания, что рыба взяла, для подсечки и для того только, чтоб уводить и утомить рыбу, по большей части самую крупную; но она подтаскивается уже просто за лесу и вынимается рукою или сачком. По большей части такое уженье производится по ночам и с лодки. Я сам видел, как рыбак удил таким образом на Москве-реке (в 1827 году) огромнейших головлей, фунтов по девять; он уверял меня, что головли иногда попадаются в четырнадцать фунтов.

Наплавная, или накидная, удочка устраивается из лесы в два и даже в один конский волос, без грузила, наплавка и поводка. На длинную лесу навязывается самый маленький крючок (№ 10, 11, 12), а она привязывается к тонкому, легкому и гибкому удилищу. Насадка состоит из мух и самых маленьких красненьких червячков, называемых *мотылями*, которых я нигде, кроме окрестностей Москвы, не видывал. Крючок почти не тонет, и рыба хватает насадку на поверхности воды. Удить надобно на местах быстрых. Предпочтительно берут: ельцы, язики, головлики и уклейка. Разумеется, удилище надобно держать в руке. Я не охотник ни до подонной, ни до накидной удочки. Особенно трудно закидывать последнюю. Обыкновенно удят на нее с моста или войдя в воду по колени и глубже; в таком только

положении удобно ее закидывать по ветру: уженье беспокойное и требующее большого навыка. Чувство осязания в руке должно быть так развито, чтобы верно указывало время подсечки: со всем тем на каждую рыбу придется по нескольку промахов. Подонная и наплавная — начало и конец всех удочек. Кстати здесь сказать, что вообще уженье без наплавка мне не нравится не только потому, что оно беспокойно: ибо надобно постоянно держать удилище в руке, но главное потому, что уженье без наплавка много лишается своей прелести. Внимательное наблюдение за движениями наплавка, за различием и значением этих движений, ожидание, что сейчас потянет или утащит наплавок — все это вместе составляет наслаждение для охотника. Притом есть такого рода клев, где только глазами можно различить, когда надобно подсечь; а если судить по силе дерганья (без наплавка же иначе судить нельзя), то будешь беспрестанно ошибаться: станешь подсекать не во-время и пропускать настоящее мгновение для подсечки, ту небольшую *потяжку,* которую никогда нельзя различить рукой. Итак, удочки у нас готовы всех сортов: надобно уметь их насадить, или, как многие охотники говорят, наживить.

НАСАДКА

Насадкою называется все то, что для приманки рыбы насаживается на острый конец крючка, который, если насадка велика, прячется в ней весь. Исчисляя многоразличные виды и роды насадок, я скажу об уменье насаживать, ибо оно также разнообразно. Можно сделать одно общее правило: жало крючка должно быть так скрыто в насадке, чтоб его не было видно глазами и слышно осязанием; чтоб оно не укололо рта рыбы при самом первом ее прикосновении, но чтоб в то же время выход жала был свободен и чтоб при подсечке или собственном движении рыбы (которая, взявши в рот насадку, иногда вдруг бросается в сторону), жало мгновенно высовывалось и впивалось во внутренние части рта рыбы.

1) Самая обыкновенная, везде находимая в навозе весной, летом, осенью, употребляемая всеми насадка — есть красный *навозный червь*, называемый в низовых губерниях *глистою*. Только в середине лета рыба берет на него не так охотно. На него клюют все породы рыб, кроме жериха и щуки, но и те иногда изволят им лакомиться, особенно щука. Разумеется, на навозного червячка, по его мелкости, обыкновенно берет мелкая и средняя рыба, но иногда хватает и крупная. Красного червяка надобно насаживать, впуская жало в его голову [1], весь крючок должен быть в нем скрыт; всего лучше, чтобы головка держалась на привязке лесы или на плечиках крючка, середина скрывала в себе крючок и жало, а хвост изгибался на свободе. Таким образом, червяк, нигде по бокам не прорванный, будет довольно долго жив и сохранит свой натуральный вид: и то и другое очень важно для приманки рыбы. Она весьма охотно хватает за длинный хвостик, но для мелкой рыбы, особенно для плотвы, такая насадка не удобна: рыба схватит за длинный конец и наплавок утащит; рыбак дернет — и полчервяка безвредно останется во рту рыбы. Разумеется, чем меньше удочка, тем меньше насаживается червяк. Для большой рыбы на один и тот же крючок насаживают по нескольку навозных червей, даже по десятку и более, прокалывая их поперек и спрятав жало в одном из червей: это называется удить на *кучу глист*.

2) *Земляной червь*, фигурой совершенно сходный с червяком навозным; он длиною бывает вершка в три и даже четыре, а толщиною почти в мизинец; цвета бледнокоричневого, самые же крупные — коричневого. Земляные черви насаживаются не совсем так, как навозные. Насадка делается двумя способами: или проколоть червяка пониже головы пальца на полтора, весь крючок поместить в остальной его части, а плечики крючка спрятать в скважине, или насаживать с хвоста,

---

[1] Иногда можно насаживать и с хвоста, если мелкая рыба беспрестанно отрывает только один хвостик. Особенно выгоден этот способ насадки при уженье ершей. Жало крючка скрывается тогда в голове червяка.

отступя пальца на два и более, острый конец крючка скрыть в голове червяка, которая будет несколько висеть, а тупой — в его середине. Многие предпочитают второй способ, утверждая, что рыба охотнее берет червяка с головы; но я не могу вполне с этим согласиться. По моему замечанию, мелкая рыба жаднее берет червяка с хвостика, а крупная, особенно окунь, — как случится и всего чаще поперек. Этой породы червей я не видывал в Оренбургской губернии, а здесь, около Москвы, их очень много. Удочки надобно употреблять самого большого размера. Язи, головли, лини и особенно окуни берут на этого червя очень хорошо; он имеет и ту выгоду, что мелкая рыба его не трогает.

Есть еще глиста, или червяк, тоже земляной. Он отличается от обеих пород червей, сейчас описанных: он белесоват, очень длинен, но не толст; тело его прахово и легко рвется; он пригоден для насадки средних удочек. Обе породы земляных червей не живут в навозе, а в земле. Вторых можно везде найти, а первых — иногда очень трудно: в сухое время они уходят глубоко в землю и только после дождя вылезают наружу, особенно ночью. Любимое их местопребывание — рыхлые гряды в огороде: там, после дождя, можно запастись ими надолго, но для сбережения надобно держать их в большом глиняном горшке, засыпав сверху, вершка на два, обыкновенной землей; горшок должно ставить в подвал и на уженье брать червей понемногу. Таким образом можно сохранять их несколько дней, даже неделю, в сильные жары.

3) В Москве-реке, в речках, в нее впадающих, и в заливаемых ею озерах водится маленький червячок, называемый *мотыль*, вероятно, оттого, что, состоя весь из крошечных суставов, он мотается во все стороны. Насаживать его очень хлопотно, ибо как скоро вы его проколете, то из него вытечет красная влага и останется одна прозрачная кожица. Несмотря на то, туземные рыбаки умудряются насаживать мотылей на маленькие удочки: прокалывая двух или трех поперек, в четвертом искусно прячут жало. Всякая мелкая рыба клюет на них очень охотно именно летом, когда плохо берет на червяка навозного; но возня с ними очень скучна.

4) Есть еще довольно большой, толщиною в палец, длиною в вершок, с красною, жесткою головою, *белый червь*, в Симбирской губернии называемый *сальником*, а около Москвы, бог знает почему, *угрем*. Это гусеница навозного жука. Он насаживается точно так же, только всегда с головы, как и обыкновенный червь, с тою разницею, что находящуюся в нижней его части черную дрянь надобно слегка выдавить и червяка сполоснуть, а не то он в воде скоро весь посинеет и даже почернеет. На него охотно берут крупные язи, окуни, особенно головли. Мелких же сальников, называемых у нас *молошниками*, насаживают не выдавливая.

Все породы червей надобно сберегать в ящичках, деревянных или металлических, которые бы плотно задвигались и были наполнены землею, всегда влажною: излишняя мокрота и сухость равно им вредны; всего лучше такие ящички после уженья ставить на погребицу или в другое сырое и прохладное место.

5) Раки составляют во всякое время отличную насадку и приманку для рыбы в тех водах, где они водятся; в водах же, где их нет, рыба на них не берет, но, вероятно, можно приучить. Обыкновенно употребляют облупленные, сырые раковые шейки, но можно употреблять и внутренние стороны рака и его клещенки; жаль только, что эту превосходную насадку немилосердно треплет плотва, и где ее очень много, там она выведет из терпенья всякого терпеливого рыбака. Можно удить и на вареных раков: рыба берет на них хуже, но плотва не станет так сильно трепать и раздергивать эту насадку. Самый же лакомый кусок, на который с жадностью бросается всякая крупная рыба, есть рак *линючий*. Всем известно, что раки линяют, то есть переменяют свою скорлупу, летом, в июне и в июле месяце[1]. Это время их болезни, и потому они сидят в норах, откуда надобно вытаскивать их руками. Линючий рак тогда готов для насадки, когда можно с него и со всех его частей, даже с ножек, слупить осторожно старую жесткую скорлупу; под нею останется тонкая, молодая

---

[1] Не утверждаю, но мне сказывали, что в иных местах раки линяют два раза в год.

кожица, и он сделается так нежен и мягок, что самого огромного рака может заглотать и язь, и головль, и линь, у которого рот очень мал относительно его величины. Все роды больших рыб, не исключая и хищных, до невероятности жадны до линючего рака. Он насаживается целый, исключая клешни, которые составляют особую лакомую насадку. Сначала крючок продевается сквозь середину шейки, начиная с ее конца, вдоль по кишечному каналу, и вынимается вон внизу, возле первых двух ножек, так что шейка остается продета поводком; отступя на полпальца, крючок снова впускается весь во внутренность рака, и жало его выходит несколько наружу возле рачьих глаз. Поводок легонько выправляется, и рак получает свою естественную длину и фигуру. Эту насадку надобно делать очень искусно: если вы прорвете где-нибудь молодую кожу и жидкая внутренность рака выйдет наружу, то жадная и дерзкая плотва сейчас начнет щипать за прорванное место и совершенно испортит вашу насадку.

Клещенки, или клешни, у крупных раков отрывают у самого туловища, во всю их длину, не повредив нигде ни маленького кончика, очищают от старой кожи и так же осторожно насаживают с верхнего узкого конца на крючок, который прячется в самой клешне при ее раздвоении: она расправляется на поводке и имеет вид вытянутой длинной женской перчатки. На нее очень жадно берет рыба средней величины и даже крупная.

Если линючий рак уже прорван, то можно насаживать его по частям, то есть: шейку особо, туловище разрезать вдоль пополам и каждую половинку употреблять также особо, наблюдая при насадке общее правило. Эти половинки рачьего туловища покрыты с внутренней стороны каким-то мохом; большие окуни жадно берут на них. Уженье на такую насадку называется «уженьем на *рачий мошок*». Все раковые насадки надобно часто вынимать и осматривать, если наплавок не совершенно спокоен: они легко портятся от прикосновения мелкой рыбы, то есть жало крючка высовывается наружу.

Раков всего лучше иметь живых; но как это не всегда возможно (впрочем, раки живут без воды дни два и

три), то надобно очистить шейки и сохранять их в жаркое время на льду.

6) *Печеный хлеб и хлебные зерна.* Ржаной хлеб, мягкий, умятый руками до степени липкого теста, скатанный несколько кругловатыми шариками, составляет также весьма употребительную насадку, особенно у крестьян, живущих по рекам, изобильным рыбой. Величина шариков бывает различная, смотря по величине крючка и рыбы, какую желаешь поймать: от мелкой горошинки до небольшого грецкого ореха. Всего охотнее берет на хлеб плотва, но берет также и всякая другая рыба, исключая пород хищных, также ершей и гольцов. Хлебная насадка, кроме удобства ее приготовления, имеет две выгоды: а) клев на нее вернее, ибо круглый кусочек хлеба нельзя таскать с места на место безнаказанно, как это часто делает рыба с хвостом насаженного червяка; и б) от вас зависит, насадив большой кусок хлеба, величиною с грецкий небольшой орех, защитить тем себя от дерганья мелкой рыбы и ждать спокойно крупной, чего нельзя сделать ни с шейкой нелинючего рака, ни с червяком. Можно удить на ситный и белый хлеб, но ржаной более имеет запаха и рыба охотнее берет на него.

Хлебные зерна овса, ячменя, гороха, а всего лучше пшеницы употребляются предварительно распаренные в горячей воде, отчего они делаются крупными, мягкими и удобными для протыкания жалом крючка. Насаживают по одному зерну, по два и по три, смотря по их мягкости, величине и по рыбе. Тут особенно надобно наблюдать, чтобы острие крючка выходило свободно. На зерна преимущественно ловится рыба, заранее прикормленная. Рыба берет всякая, кроме пород хищных, и даже весьма крупная.

7) *Живец, животка,* или мелкая, живая рыбка. На мелкую рыбку берет окунь, щука, шереспер, или жерих, судак и головль. На рыбку берет охотно и налим, но только по ночам; на маленькие кусочки изрезанной рыбки поздно осенью клюет плотва красноперка. Рыбку обыкновенно насаживают, впуская в ее спинку острый конец крючка, от головки к хвостику. Многие охотники задевают крючком за губу живца и утверждают, что

этот способ гораздо лучше, что насаженная таким образом рыбка ходит бойчее, долее живет и лучше приманивает хищную рыбу. Все это отчасти и правда, но не менее правда и то, что рыбка, задетая за губу, часто срывается сама и еще чаще отрывается, если схватит ее не самая крупная хищная рыба и не вдруг всю заглотает. Для насадки употребляются все породы рыб, кроме хищных; в случае крайности можно и их употреблять, разумеется покуда они очень малы; пескари же, гольцы и лошки во всех своих возрастах служат превосходными живцами. Мелкую рыбку для насадки надобно сохранять живою, что довольно трудно. Самый простой способ — держать ее в ведре с водою, которую переменять как можно чаще, а всего лучше — в маленькой плетеной сажалке, которая может подле вас стоять или плавать в воде; но переносить эту сажалку с места на место неудобно.

8) *Кобылки, жуки, мухи.* Все роды кобылок употребляются для уженья: от саранчи до кузнечика. Всего охотнее, как мне случалось заметить, берет крупная рыба на большую зеленую кобылку, а средняя и мелкая — на серенькую, очень маленькую. Удить надобно с легким грузилом и не рано, а около полдён, когда рыба гуляет поверху. Можно даже совсем снять грузило и пустить наплавок как можно мельче, иногда вершка в три глубиною, обращая таким образом обыкновенную удочку в наплавную. Все породы насекомых насаживаются одним способом: крючок впускается в спинку от головки к хвостику. Этот род уженья бывает успешнее в водах чистых и довольно быстро текущих, особенно в реках *степных*, потому что в степях более водится кобылки, чем в других местах, и рыба привыкла к ней, часто попадающей в воду.

Жуки употребляются для уженья так называемые *майские*, но в средней полосе России они появляются в июне и держатся до половины июля и потому напрасно называются майскими. На них берут язи и головли. При насадке их надобно наблюдать, чтобы верхние, жесткие крылышки были приподняты и из-под них торчали их вторые крылья, длинные, мягкие и прозрач-

ные. Некоторые охотники даже отрывают верхние, жесткие крылья.

Обыкновенные *мухи* составляют лакомую приманку для мелкой рыбы; она жадно берет на них с весны до осени, на удочку наплавную, или накидную; изредка берет рыба и порядочной величины, особенно головли.

Надобно, чтобы мухи и всякие насекомые, употребляемые для насадки, были свежие, живые, для чего следует их наловить перед самым уженьем и посадить в чистый, сухой, стеклянный пузырек, потому что в мокром или имеющем какой-нибудь запах они тотчас перемрут.

Можно удить на коромыслов, бабочек, летучих тараканов, одним словом на всех насекомых и даже на улиток (слизней). Удят также всякую крупную и хищную рыбу на кусочки сырого мяса.

Я не употреблял сам, но слыхал, что насаживают крючки *«зеленью»*, то есть водяным цветом, когда он сделается довольно густ.

За неименьем другой насадки случилось мне один раз (на рыбной реке, Деме, в Оренбургской губернии) попробовать насадить крючок кишочкой кулика, и рыба брала всякая!.. Я пробовал то же раза два в других местах и всегда с успехом. Я ловил мелкую рыбу, потому что удил на тонкие кишочки, а на толстые, может быть, брала бы и крупная рыба.

Итак, у нас готовы не только удочки, но и всякая насадка: надобно выбирать места для уженья.

О ВЫБОРЕ МЕСТА

Если вы случайно заедете или постоянно живете на такой местности, где на реке есть мельница и пруд — спешите туда: там найдете вы самое разнообразное уженье и приволье в выборе места, о чем я буду говорить ниже. Я должен признаться, что пристрастен к запруженной реке. Вид пруда и мельницы, стук ее снастей, шум падающей воды — приводят в тихое и сладкое

волнение душу старого рыбака. Чем-то дорогим прошедшим глядят воды и водяные травы, шумят вертящиеся колеса, дрожит мельничный амбар и пенятся кипящие под ним волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанные прохожими, помольцами и хозяевами, переходы через воду из жердочек — все говорит о чем-то давно знакомом, близком сердцу. Где мельница — там и рыба. Пруд — ее притон и гульбище! Там много всякой пищи, там привольно метать икру и выводиться маленькой рыбешке. Около мельницы во все времена года, во всякую пору дня охотник найдет и достанет рыбу. В раннюю весну, в позднюю осень, в дурную погоду — она держится больше в материке, в верховьях пруда; в теплое время, в летние жары — она гуляет по полоям, в травах и камышах; в холодное ненастье — жмется по течению материка к теплой навозной плотине; но особенно любит она держаться в ямах, под спусками вешняка или под водяными колесами. Напрасно низвергающийся поток относит назад стаи мелких рыбок, они сторонкой беспрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищные породы рыб хватают мелюзгу, обессиленную борьбою с стремлением воды. Рыбак вскарабкается на мокрый лежень, на котором тяжело ходит мельничный вал, и под навесом водяных труб, обросших зеленым мохом, под каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своем месте при каждом обороте колеса, бросает удочку, насаженную червяком или всего лучше рыбкой, в самую быстрину, в волны и пену — и таскает жадных окуней и небольших щук... Но сказав о мельнице как о выгодном месте в частности, обращаюсь к выбору мест для уженья вообще.

Выбор мест бывает различен не только по времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще несколько мутна, рыба бродит зря, как говорят охотники, и клюет везде на всех глубинах, ибо берега рек еще не определились, не заросли по местам густою осокой, аиром или камышом; еще не поднялись со дна водяные травы, не всплыли лопухи; береговые деревья и кусты не оделись листьями, не покрыли прозрачные воды тенью зеленого навеса, маня рыбу пищею во всякое время и прохладою в полдень.

При раннем весеннем уженье, которое может иногда начинаться в исходе апреля, когда в реках еще много воды и они бегут быстрее обыкновенного, надобно грузило прибавить, чтобы крючок опускался как можно глубже, потому что удить приходится в *натяжку*, то есть леса стремлением воды будет натягиваться и крючок не будет касаться дна, а это весной необходимо. Рыба жмется обыкновенно ко дну, к берегам, особенно крутым, где течение потише. Места надобно выбирать не мелкие и не слишком глубокие; крючок с насадкой червя навозного или земляного (на хлеб удить на быстряках неудобно) от сильного течения будет прибивать к берегу, и потому должно так класть или втыкать удилище, чтобы насадка только касалась берега и чтоб леса и наплавок не ложились на него; в противном случае они станут при подсечке задевать за берег, а это никуда не годится: рыба, хватая играющую насадку с набега, сейчас встретит упор от задевшей лесы или наплавка и сейчас бросит крючок, да и подсечка никогда не может быть верна, ибо рука охотника встретит такое же препятствие, и подсечка не может сообщиться мгновенно крючку. Когда вода еще не совсем слила и не просветлела, трудно достать раков, насекомых еще никаких нет, и потому единственная насадка — черви; но как скоро река войдет в *межень* и образуются тихие места, то на них всякая нехищная рыба очень охотно станет брать на хлеб.

В реках не запруженных, текущих вольно, собственною массою воды, обыкновенно выбирают для уженья *омуты*, то есть глубокие места, где вода вдруг теряет свою быстроту, падая в яму; потом, завертывая назад около берега, она встречается с верхнею, текучею струею, борется с нею и, наконец, теряет свое стремление: из этой борьбы образуется тишина; в таких тихих омутах постоянно держится рыба.

Летом надо выбирать глубину умеренную, дно песчаное или хрящеватое (то есть состоящее из мелких камешков), идущее от берега покато и отлого в глубину; на таких местах хорошо удить рано утром и поздно вечером. Еще лучше, если вода аршина на два от берега проросла травою и накрылась ее листьями, как бы

зеленым ковром. Тут много выгод для охотника. Тут есть для рыбы и пища и защита от яркого солнца, а главное, тут не видно рыбака, сидящего на берегу, и ловко ему положить свои длинные удилища на травянистую ткань. Глубокие места, обросшие круглыми, как тарелки, зелеными лопухами, представляют те же выгоды. Места, где деревья зелеными ветвями своими наклонились над водою, где гибкие кусты омывают длинные листья свои в прозрачных струях, тихо ропщущих от их прикосновения, благонадежны для уженья не очень раннего и не очень позднего: ибо в это время рыба, уже поднявшись со дна, ходит на умеренной глубине и очень любит держаться около зелени листьев. Охотники хорошо это знают и на реках и озерах, берега которых совершенно голы, прибегают к хитрости, устроивают искусственную зелень: срубают вершину какого-нибудь молодого дерева (если оно мало, то два и три) или целый куст тальнику, вербы, выбирают удобное для уженья место и кладут их на воду, погрузив до половины и воткнув нижние, заостренные концы в берег. Мелкая рыба не замедлит броситься к зеленым листьям, а за ней придет и крупная. Дни в два рыба привыкнет держаться около кустов, которые впоследствии, когда листья поблекнут, можно переменять по ночам. Так же поступают и на больших реках, где удят с лодки, привязав к ней связку вершин древесных или куст. Если место не так глубоко, то лодка стоит на *приколе*, то есть привязанная к длинному колу, воткнутому во дно; если же глубоко, то лодка держится на веревке с камнем, опущенным на дно.

Осенью для уженья крупной рыбы по утрам и вечерам надобно выбирать самые глубокие места; но около полудня рыба уже не прячется от солнечного зноя, как летом, под траву, кусты, тень нависших берегов и даже тень мостов; напротив, обрадовавшись теплоте солнечных лучей, она стаями выплывает на поверхность воды, хватает падающие на нее увядающие листья и всяких насекомых. Тут надобно удить как можно мельче и предпочтительно на всяких насекомых.

Есть осеннее уженье «на́хлыстом», как выражаются рыбаки, которого мне не довелось испытать, но которое, говорят, бывает очень удачно. Оно особенно выгодно и

приятно потому, что в это время другими способами уженья трудно добывать хорошую рыбу; оно производится следующим образом: в маленькую рыбачью лодку садятся двое; плывя по течению реки, один тихо правит веслом, держа лодку в расстоянии двух-трех сажен от берега, другой беспрестанно закидывает и вынимает наплавную удочку с длинной лесой, насаженную червяком, кобылкой (если они еще не пропали) или мелкой рыбкой; крючок бросается к берегу, к траве, под кусты и наклонившиеся деревья, где вода тиха и засорена падающими сухими листьями: к ним обыкновенно поднимается всякая рыба, иногда довольно крупная, и хватает насадку на ходу. Вероятно, вместе с сухими листьями падают в воду какие-нибудь насекомые, и потому падение листьев привлекает рыб. Я много раз сам наблюдал, как хватает рыба упавшие листья и уносит вглубь: некоторые листочки всплывают, а другие пропадают; может быть, рыба глотает те из них, которые еще зелены. В тихое время и на тихой воде, в верховьях прудов, где материк стоит наравне с берегами, обросшими лесом, листья застилают воду иногда так густо, что трудно закинуть удочку, и если грузило легко, то крючок с насадкой будет лежать на листьях; разумеется, надобно добиться, чтобы крючок опустился и наплавок встал; удить надобно всячески, то есть и очень мелко и глубоко, потому что рыба иногда берет очень высоко, под самыми листьями, а иногда со дна. Это уженье имеет одну невыгодную сторону: в листьях трудно разглядеть наплавок; но зато рыба охотно и смело берет под лиственным покрывалом, и прозрачность осенней воды в этом случае помогает успешному уженью, ибо рыба издалека видит упавшую в воду насадку, а человека не видит. Берут по большей части окуни, средние головли, язи и крупные ельцы. Впрочем, может взять и всякая рыба. Приятность этого уженья состоит в том, что оно спокойно и что в позднее осеннее время нельзя в других местах выудить никакой порядочной рыбы, кроме хищной; а изъ-под листьев мне случалось выуживать хороших язей, головлей и очень крупную плотву: последняя брала на хлеб, а первые — на крупных земляных червей.

Во всякое время года выгодны для уженья *перекаты* (мелкие места реки), устья впадающих речек и ручьев, ямы, выбитые падением воды под мельничными колесами и вешняками. Перекаты — проходное место рыбы, переплывающей из одного омута в другой, скатывающейся вниз, когда вода идет на убыль, и стремящейся вверх, когда вода прибывает; перекаты всегда быстры, следовательно удить надобно со дна и с тяжелыми грузилами. Течение воды будет тащить и шевелить насадку на крючке, и проходящая рыба станет хватать ее.

При устьях впадающих речек и ручьев всегда держится мелкая рыбешка, а около нее держатся все породы хищных рыб: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже головли, которые, несмотря на свою нехищную, повидимому, породу, очень охотно глотают маленьких рыбок. В глубоких ямах, выбиваемых паденьем полой воды под вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Под шумом воды, падающей с мельничных колес, также всегда стоит рыба, хотя и не так крупная.

Из всего этого не следует заключать, что только в местах, мною исчисленных, должна клевать рыба. Где есть вода, там она может плавать, следственно и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и нередко клев ее бывает так прихотлив, что приводит в недоумение опытного рыбака.

До сих пор мы говорили о реках. О выборе мест в небольших речках и ручьях, где ловится на удочку форель (пеструшка), кутема и лох, нечего сказать особенного: такие места, то есть небольшие омуточки или ямки, переменяются беспрестанно, и об этом будет сказано в статье об уженье форели. Выбор мест для уженья в проточных прудах, заросших травою и камышами, имеет свои особенности. Уженье в их материке (материком называется русло настоящей реки) есть уженье речное. Тут нет выбора мест, зависящего от положения берегов, ибо вода затопила их и стоит выше земной поверхности на аршин, иногда и более; тут надобно знать положение дна, заметив его при спуске полой воды или, если этот пруд вам незнаком, ощупав дно рыбачьим лотом. (Лотом называется маленькая гиря

или большая свинцовая пуля, привязанная на длинный шнурок.) Отлогое дно, идущее от берега в глубину, твердое, не заросшее травою, не имеющее задевов, без сомнения есть самое лучшее место; но здесь уженье производится уже с лодки или с нарочно устроенных для того мостков или плота. Для уженья в *полоях*, то есть в разливе пруда, проросшего травой и камышами, как это особенно бывает в губерниях черноземных, надобно выбирать местечки поглубже, не заросшие травой или камышом. Летом вся рыба бросается туда и полои делаются единственным и обильнейшим местом для уженья, о чем мы поговорим подробнее в своем месте. В озерах, если берега их обросли травою и кустами, выбор мест для ловли удочкой во многом сходен с выбором мест в реке. В копаном пруде берега и дно везде одинаковы, и потому можно удить где угодно. Впрочем, всегда надобно соображаться с привычками самой рыбы: где она больше держится, там и удить. Опыт — лучший указатель в этом деле.

Места для уженья получают особенные достоинства от прикормки.

ПРИКОРМКА

Прикормкою называются бросаемые в воду хлеб, хлебные зерна, квасная гуща, червячки и вообще все то, что ест рыба. Много есть рыбаков-охотников, которые целый век удят без прикормки и даже не находят в ней большой пользы, но последнее несправедливо: прикормка дело великое, и не только доставляет обильнейший лов, но дает возможность выуживать рыбу в таком месте, где без прикормки вы бы никак ее не выудили, и в такое время года, когда эта порода рыбы перестала уже брать. Разумеется, мы говорим о прикормке постоянной, которую хорошо приготовлять следующим образом: берутся хлебные зерна ржи, овса, пшеницы или какие есть; прибавляются отруби, корки ржаного хлеба, особенно пригорелые (рыба далеко слышит их запах), все это кладется в чугун, наливается водой и ставится в жаркую печь, сутки на двое, так, чтобы совершенно разопрело.

Прикормки бывают *временные* и *постоянные*. Временною прикормкою мы называем бросанье оной во время уженья, или с вечера накануне, или перед самым уженьем. Можно бросать и червей и раков, расщипанных в куски. Постоянною называется опущение в воду, на самое дно, мешка с прикормкою, сейчас мною описанною; величина мешка произвольная, но весьма достаточно, если он будет четверти две с половиной в длину и полторы в ширину. Мешок должен быть сшит из рединки, так, чтобы не только просачивалась жидкость, но и зерна местами высовывались. Мешок с такою прикормкою, с камнем для тягости, привязанный на веревочке, опускается на самое дно в избранном для уженья месте. Мешок надобно класть недалеко от берега, так, чтобы удочки ходили около него впереди, для того чтобы подходящая к прикормке рыба прежде встречала насаженные крючки. Мешок должен быть привязан шнурком к маленькому колышку, который втыкается в берег или под берег так, чтобы его нельзя было и приметить никому и чтобы только хозяин мог его отыскать. Шнурок нужен, во-первых, для того, чтобы, в случае надобности, можно было перенести мешок с прикормкою на другое место, и, во-вторых, для того, что если вы заденете за него удочкой, то можете вытащить мешок и крючок отцепить, а без шнурка вы оторвали бы его. Задеть можно при всей осторожности: сама рыба натащит. Мне случилось один раз зацепить крючком за мешок; я вытащил его посредством шнурка и нашел пришпиленную к нему крючком моей удочки плотицу.

Постоянная прикормка должна лежать с неделю, прежде чем начнется уженье; очень полезно, сверх того, побрасывать всякий день прикормки особо, горсти по две, по утрам или вечерам. Если сделать такую прикормку с весны, сейчас как сольет вода, покуда не выросла трава около берегов и на дне реки, пруда или озера и не развелись водяные насекомые, следственно в самое голодное для рыбы время, то можно так приводить рыбу, что хотя она и высосет прикормку из мешка, но все станет приходить к нему, особенно если поддерживать эту привычку ежедневным бросаньем при-

кормки в одно и то же время; разумеется, уже в это время предпочтительно надобно и удить.

Прикормка постоянная имеет еще ту выгоду, что менее приманивает мелкой рыбы, чем временная.

Нет никакого сомнения, что не только можно, но и должно на *то* удить, *чем* прикормлена рыба, то есть: на хлеб и на распаренные хлебные зерна; но охотники редко выдерживают такую последовательность и спешат предложить дорогим гостям вкуснейшие и любимейшие ими кушанья, как-то: червей, раков и др. В оправданье охотников можно сказать то, что на хлеб и зерна некоторые породы рыб, особенно хищных, совсем не берут; за что же рыбак добровольно лишит себя возможности их выудить, лишится разнообразия добычи, столь приятного всякому охотнику.

Делаются хлебные прикормки с конопляным маслом, с сыром; пришивают к мешку, завернувши в тряпочку, маленькие кусочки бобровой струи (даже привязывают их к крючкам): все это я пробовал, но никакой особенной пользы не видел; хлебом же или квасною гущею с конопляным маслом, по моему замечанию, скорее можно отвадить рыбу; я два раз испытал это очевидно на карасях. Я уверен, впрочем, что должна существовать такая лакомая пища для рыбы, которая имеет силу непременно собрать ее в одно место: но покуда еще не сделано этого важного открытия.

Хотя после всего мною сказанного нельзя оспоривать, что постоянная прикормка очень выгодна для уженья, но, повторяю, есть охотники, которые предпочитают уженье без прикормки. «Что за удовольствие, — говорят они, — поймать рыбу, которая посредством долговременной привычки сделалась почти ручною, приваженною есть корм без всякого опасения, в известное время, как дворовая птица? Тут пропадает искусство удить, тут почти равняется умеющий с неумеющим рыбаком; тут не нужны ни труд, ни забота, ни бессонные ночи. Нет, изучить, отгадать местопребывание, свойство и вкус осторожной, пугливой, вольной рыбы, привлечь и обмануть ее искусною насадкой, подстеречь ее прикосновение к крючку — вот в чем наслаждение рыбака! Одна такая рыба стоит десяти прикормленных!» Несмотря на

то, что я много уживал с прикормкой, продолжаю и теперь удить и защищаю ее выгоды, я должен признаться, что в возражении против нее — много правды, если смотреть на уженье только с его поэтической стороны.

ОБ УМЕНЬЕ УДИТЬ

Нет, кажется, ничего проще, как взять удочку, насадить червячка или кусок хлеба, закинуть в воду и, когда погрузится наплавок, вытащить рыбу на берег. Все это правда, а не менее того и то правда, что существует большое уменье удить рыбу. Для приобретения вполне этого уменья надобно много опытности и даже некоторых особенных способностей. Например, нужны: ловкость в руках и искусство сохранять натуральный вид червяка, рака и насекомых, насаживаемых на крючок; острое зрение для наблюдения за движениями наплавка, иногда едва приметными и вовсе непонятными для непосвященного в таинство уженья; нужно неразвлекаемое внимание, ибо клев рыбы, смотря по временам года и по насадке, бесконечно разнообразен; нужны сметливость и догадка... Вы уже смеетесь, вы подумали, любезные читатели, что я хочу исчислять все качества, необходимые ружейному охотнику, о которых напечатано в «Совершенном егере», и дойду наконец до «*острых, прямых зубов?*» Хотя их не худо иметь каждому человеку, но я скажу вам нечто другое. Настоящему рыбаку, охотнику-артисту, необходимо изучение нравов рыб, а это самое трудное и темное дело, хотя рыбы живут и в прозрачных чертогах. Нравы их должно отгадывать; данных очень немного, и потому надобно иметь и проницательность и соображение, а сколько труда, беспокойства!.. Вечерняя и утренняя заря — наилучшее время для наблюдения нравов рыб, относительно их пищи, а летом, как говорится, заря с зарей сходится... итак, наблюдателю немного часов останется спать.

Если бы кто-нибудь вздумал спросить меня хотя ради шутки: что я разумею под словами «*нравы рыб?*», то

я отвечал бы, что под этими словами я разумею вообще природные свойства рыб, то есть в каких водах преимущественно любят жить такие-то породы рыб, что составляет их любимую пищу, в какое время года и в какое время дня держится рыба в таких-то местах, и проч. и проч.

Надобно признаться, что мы очень мало знаем эту любопытную сторону натуральной истории в *жизни* обитателей вод. Все, что мне случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно не верно. Рассказы рыбаков по ремеслу, которые, впрочем, редко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно, могут быть очень полезны, но эти люди часто смотрят с отвращением на свое ежедневное, трудовое занятие, работу, доставляющую им скудный кусок насущного хлеба. У них нет любви к своему делу, следовательно не может быть внимания и наблюдательности образованного человека, но повторяю, что рассказами их очень можно воспользоваться. Говоря о каждой породе рыб отдельно, я скажу все то немногое, что знаю о их нравах, также о клеве и способах удить. Предупреждаю моих читателей, что хотя все, мною сказанное, будет совершенная правда, но легко может оказаться неудачным и даже безуспешным в исполнении. Не только в разных водах у одних и тех же пород рыб бывают разные вкусы и свойства, но в одной и той же реке нравы их изменяются с течением времени. Вероятно, это зависит от изменения свойств воды, берегов дна и обыкновенного рыбьего корма. Например, от усиленного народонаселения, скотоводства, постройки мельниц вода делается мутнее и теплее; берега теряют обраставшие их прежде травы, в разливах прудов вырастают новые, свойственные только воде мелкой и запруженной; породы рыб отчасти замещаются другими; рыба от сытного корма делается не так жадна, а с тем вместе изменяется ее клев. Итак, мне остается сказать только об одних общих правилах относительно уменья удить.

Первое. Важнейшее дело в уменье удить — уменье хорошо устроить удочки; об этом уже было говорено, но я повторяю вкратце: удилище должно быть прямо, гладко, легко, ловко для подсечки, конец его гибок;

леса должна быть ровна и ссучена не круто. Крутая леса будет свиваться, наплавок станет вертеться, крючок с насадкою приподниматься кверху, и если в этом положении возьмет рыба, то по большей части случится промах. Это несносно на уженье и даже пугает рыбу; такую лесу или надобно рассучить, что довольно хлопотно, или бросить. Узелки, которыми поводок привязан к лесе и крючку, должны быть невелики, без махров; поводок должен идти от внутренней стороны крючка; крючок — хорошо загнутый, всегда острый: как скоро жало притупляется, сейчас переменить крючок [1]; насадка свежая, живая, насажена искусно. Вся удочка должна быть соразмерна в своих частях, красива, даже изящна. Такая удочка — большая порука за успех.

Второе. Не менее важно уметь пользоваться благоприятною погодою и временем дня. Самые драгоценные часы для уженья — раннее утро. Нет никакого сомнения, что в это время рыба голоднее, берет охотнее и смелее, потому что вода еще не так прозрачна, и что оттого рыба заклевывает вернее. Вечером также рыба берет охотнее, чем в продолжение дня, особенно поздно вечером: тогда и крупная рыба начнет смело ходить около берегов даже на местах очень чистых и мелких, и хотя рыба ест во всякое время дня, но вечером она жаднее ищет корма. Чем жарче погода, тем надобно удить ранее: среди лета, в ясные знойные дни, едва блеснет белая полоса на востоке, охотник должен быть на месте уженья: мы разумеем уженье крупной рыбы и особенно на прикормленном месте; покуда рыбак бросит прикормку, разовьет и насадит старательно удочки, уже займется заря, начнут выскакивать пузыри со дна на поверхность воды от идущей со всех сторон рыбы, и клев наступает немедленно. Он не продолжается долго, часов до шести. Как только солнце хорошенько обогреет и лучи его поглотят утреннюю прохладу, ступайте на другое место удить среднюю или мелкую рыбу, или ступайте с своею добычею домой и ложитесь спать. В дождливую и прохладную погоду не нужно начинать

---

[1] Чтобы жало крючка не тупилось, надобно не втыкать его никогда в удилище, что делается весьма часто.

удить так рано, особенно весной и осенью, даже можно удить почти целый день.

Третье. Весьма также важно знать, в каких местах, в какое время года и в какую погоду держится рыба. Можно получить об этом некоторое понятие, прочтя все написанное мною; но узнать настоящим образом этого нельзя по одному описанию; тут необходимо знание опытное, собственное наблюдение. Иногда место и время кажется очень хорошо, со всеми выгодами, а рыбы нет или она не берет; иногда совсем наоборот: рыба клюет и в дурное время и на плохих местах. Никак нельзя оспоривать, что у рыбы есть любимые места, повидимому без всякой причины. Самые благоприятные дни для уженья — дни теплые, серые, с перепадающими дождями и особенно тихие: при одном только уженье окуней и плотвы даже сильный ветер бывает иногда полезен. В знойные, безоблачные дни можно удить только рано поутру и поздно вечером (о полдневном уженье поговорю особо); но в серые, с перепадающими дождями дни можно удить целый день. Хотя иногда набежит туча с грозой и сильным вихрем, с частым и крупным дождем, который забьет ваши наплавки под траву, в шумные брызги и пузыри изрубит гладкую поверхность воды, взмутит ее, если она неглубока, отнесет длинные плетеницы трав туда, где их не бывало, так изменит положение места уженья, что вы сами его не узнаете... но туча пронеслась, влажная, парная теплота разливается в воздухе, мгновенно наступает глубокая тишина, все приходит в порядок: круглые, зеленые лопухи медленно отплывают на свое прежнее место, длинные листья прибрежной травы снова расстилаются широко над водою, и рыба, испуганная на время внезапным возмущением стихий, с новою жадностью бросается на ваши, между тем оправленные, крючки. Теперь поговорим собственно о процессе уженья.

Четвертое. Охотник должен наблюдать возможную тишину и стараться, чтобы рыба его не видала, особенно, если вода светла, место неглубоко и удочки закидываются недалеко от берега. На воде мутной, на значительной глубине, также под шумом мельничных

колес или падающей воды и при далеком закидывании удочек можно наблюдать менее осторожности.

Пятое. Удочку должно закидывать, не шлепая по воде удилищем, всегда подальше и потом привесть на то место, на котором вы назначаете держаться наплавку (не дав крючку лечь на дно); закинутую же удочку никак не должно *подтаскивать* к берегу, а если это нужно, то вынуть ее совсем и закинуть ближе: подтаскивая, сейчас заденешь за какую-нибудь неровность дна.

Шестое. Без надобности не должно часто вынимать удочки, особенно при уженье крупной рыбы: этим можно испугать ее; но если беспрестанно дергает мелкая рыба, то неминуемо должно часто вынимать и оправлять или переменять испорченную насадку; но делать это следует осторожно и тихо.

Седьмое. Никогда не должно употреблять много удочек. Если вы удите со дна, можете закинуть три удочки, никак не более, насадив их разною насадкою, если она у вас есть и если место уженья просторно. При малейшем движении наплавка надобно сейчас положить руку на удилище, не пошевеля его с места, чтобы в ту же минуту, как скоро рыба погрузит наплавок или значительно потащит в сторону, можно было ее подсечь. Если наплавки ходят на весу, то более двух удочек употреблять не должно: ибо тут иногда вслед за первым движением мгновенно следует погружение наплавка и лишнее число удочек будет мешать; если же вы удите мелкую рыбу, которая берет часто посреди беспрестанного дерганья, то надобно удить на одну удочку и держать удилище в руке, иначе вы будете кидаться от одной удочки к другой и на обеих пропускать время, благоприятное для подсечки.

Восьмое. Знание времени, поры для подсечки, без сомнения, всего важнее в уменье удить; но сделать общее правило, когда надобно подсекать, невозможно, ибо у всякой рыбы особый клев и особая подсечка, и та изменяется по изменению характера клева и времени года; хотя о ней будет сказано при описании каждой рыбы отдельно, но это дело так важно в уменье удить, что о нем стоит поговорить особенно. Я слыхал всегда

от старых, опытных рыбаков, что всего нужнее дать рыбе *заклевать хорошенько*, то есть: проглотить насадку вместе с крючком и утащить наплавок на дно. Я долго и слепо этому верил; но впоследствии, при собственном внимательном наблюдении, убедился, что это правило никак нельзя принимать безусловно. В отношении к рыбам хищным оно верно всегда, наплавок, точно, погружается; но в отношении к другим породам рыб, особенно некрупным, это правило вредно: они не проглатывают, а берут насадку в рот и плывут в сторону, очень часто не утаскивая наплавка; если встретится какое-нибудь препятствие (и оно встретится непременно от упора натягиваемой лесы), особенно если рыба услышит жесткую спинку крючка, а всего более, если уколется его жалом, то она сейчас выбросит насадку вместе с крючком. Итак, *потяжка* наплавка, то есть время, когда он поедет в сторону, особенно при некотором наклонении нижнего конца — есть настоящая пора для подсечки. Подсекать должно всегда живо, но не слишком сильно, всегда несколько вверх и в противоположную сторону той, куда рыба тащит наплавок. Это последнее правило еще нужнее соблюдать, когда удишь со дна.

Девятое. Как можно надобно стараться, чтобы не класть удилища на воду и не погружать их концов в воду. Если позволяет место, то можно легонько втыкать концы удилищ в берег, или класть их на береговую высокую траву, или подставлять под них рогульки, которые заблаговременно можно воткнуть у берега в воду на местах, где вы постоянно удите. Это чрезвычайно нужно для скорости и верности подсечки. В таком случае необходимо класть удилища на воду, если она, по отмели, далеко проросла травою, так что удилище едва достает ее края, а иногда и не достает. При таком неудобном уженье надобно тащить заклевавшую рыбу, если можно, прочь от себя или прямо до самой поверхности воды и потом выкинуть на берег. Это делается для того, чтобы рыба не запуталась в траве, куда она (особенно крупная) сейчас бросается.

Десятое. Леса, от удилища до наплавка, особенно, если она длинна, не должна слишком много погружаться

в воду; она может задеть за что-нибудь на мелком дне у берега, и вы сделаете промах.

Одиннадцатое. Не должно вытаскивать рыбу с одного приема, из всей силы: у мелкой рыбы вы станете рвать губы и забрасывать так далеко на берег, что иногда не скоро в траве и найдете, даже потеряете; а с крупной рыбой можете порвать лесу или сломать удилище. Надобно быстро подсечь, и если рыба невелика, то легонько ее вытащить; если же вы послышите большую рыбу, то после подсечки, которая должна быть довольно сильна, чтобы жало крючка могло вонзиться глубже, надобно дать ей свободу ходить на кругах, не ослабляя лесы, и не вдруг выводить на поверхность воды, а терпеливо дожидаться, когда рыба утомится и сделается смирна; тогда, смотря по удобству берега или подведя поближе, взять ее рукою под жабры, если берег крут — или вытащить ее таском, если берег полог, для чего надобно отбежать назад или в сторону. Впрочем, это непростительная вина удить, не имея с собою сачка в таких местах, где может взять крупная рыба. При вытаскивании крупной рыбы без сачка, увидев и услышав ее, надобно подводить к берегу, особенно крутому, в таком положении, чтобы голова рыбы и верхняя часть туловища были наружи и приподняты кверху: само собою разумеется, что это можно сделать с толстой, крепкой лесою; в противном случае надобно долго водить рыбу сначала в воде, потом на поверхности и подтаскивать ее к берегу очень бережно, не приподымая уже головы рыбьей кверху, и потом взять ее рукою, но непременно *в воде.*

Двенадцатое. Если возьмет очень большая рыба и вы не умеете или не можете заставить ее ходить на кругах в глубине, если она бросится на поверхность воды и пойдет прямо от вас, то надобно попробовать заворотить ее вбок, погрузив удилище до половины в воду; если же это не поможет и, напротив, рыба, идя вверх, прочь от вас, начнет вытягивать лесу и удилище в одну прямую линию, то бросьте сейчас удилище в воду. Это одно спасение: если вы станете упорствовать, то потеряете и рыбу и удочку, ибо без гиби, происходившей от конца удилища, леса непременно и в одну минуту

порвется. Рыба утомится, плавая на брошенном вами удилище, и прибьется или к берегу, или запутается в траву на мелком месте: там можете вы удобнее взять ее руками.

Тринадцатое. При вытаскивании большой рыбы никогда не должно брать рукой за лесу, хотя бы и казалось это очень удобным: тут может случиться та же потеря, о которой я сейчас говорил. В одном только случае надобно прибегнуть к этому средству: если у вас переломится удилище очень высоко, тогда нечего делать, надобно поймать обломанный конец удилища и полегоньку подвесть рыбу к мелкому месту или пологому берегу и, взяв рукой за лесу на аршин или менее от рыбы, выволочь ее таском на берег. Если же место глубоко и берег крут, то, подведя к нему рыбу и придерживая наслаби левою рукою за лесу — правою взять рыбу под жабры и выкинуть на берег, как уже и было мною сказано. Должно всегда помнить, что леса, особенно не толстая, только потому выдерживает тяжесть большой рыбы, что она плавает в воде, что вода гораздо гуще воздуха, следовательно лучше поддерживает рыбу, и что гибкий конец удилища служит, так сказать, продолжением лесы.

Четырнадцатое. Если рыба на удочке запутается в траве, то никак ее не тащить; напротив, ослабить лесу и дать рыбе свободу выпутаться самой из травы, что она почти всегда сделает: нужно только терпение. Наплавок или леса сейчас вам покажет, что рыба пошла в ход; тогда надобно проворно вывести ее на чистое место и далее поступать так, как я сейчас говорил. Если же по прошествии долгого времени рыба не отпутывается и слышно по руке, что она крепко затянулась и задела на дне за корни травы или корягу, то надобно лезть в воду и отцепить руками: тут сохранится иногда и удочка и рыба, или надобно достать длинный шест, вырезать на тонком конце его углубление (род рогульки) и, дойдя им по лесе до крючка и до корня травы, за которую он зацепил, легонько вырвать траву из дна или отцепить от коряги; в этом случае рыбу уже трудно сохранить.

Пятнадцатое. Никогда не должно уходить с места, не попробовав поудить на удочки разной величины и разной глубины и на все роды насадок, какие у вас есть. Рыба бывает непостижимо своенравна и прихотлива, по крайней мере так кажется нам по нашему неведению: сколько раз со мной случалось, что на удочку, хуже других устроенную, не на месте лежащую, на один и тот же обрывок червяка или рака беспрестанно брала хорошая рыба, тогда как наплавки других удочек, во всем ее превосходящих, с живою, лакомою насадкой, лежали неподвижно; таким указанием пренебрегать не должно, и, не *мудрствуя лукаво,* советую, оставя другие удочки, продолжать удить на ту, на которую берет, то есть на *счастливую,* насаживая на нее не целых червей и раков, а небольшие обрывки их и закидывая удочку на то же самое место. Кто знает, может быть положение дна так выгодно для лежания насадки, что она видна со всех сторон?

Шестнадцатое. Хотя справедливо мнение, признанное всеми рыбаками, что рыба ходит высоко в августе и сентябре, а в прочие месяцы ходит низко, но к этому надобно прибавить, что состояние погоды совершенно изменяет ход рыбы. Если погода стоит жаркая и солнечная, то еще в исходе июля рыба поднимается высоко и держится под навесом трав, преимущественно широколистных, что продолжается в августе и даже в сентябре — до наступления холодного времени; впрочем, рыба опускается не столько от холодной погоды, как от дождей и сильных ветров: вообще крупная рыба держится глубже мелкой. Итак, главнейшее правило состоит в том, чтобы соображаться с временами года и состоянием погоды: на дворе тепло, ясно и тихо — рыба гуляет везде, даже по самым мелким местам (особенно вечером), следовательно там и надобно ее удить; наступает ненастье, особенно ветер — рыба бросается в траву, прячется под берегами и кустами: должно искать ее там; наступает сильный холод — рыба становится на станы, то есть разделяется по породам, собирается стаями и ложится на дно в местах глубоких: надобно преследовать ее и там и удить очень глубоко. Такие станы, известные рыбакам, и зимою дают возможность, про-

рубя над ними проруби, удить рыбу, несмотря на стужу.

Кажется, я все сказал, что более или менее составляет уменье удить или к нему относится. Говоря сколько можно вообще, я не мог избегнуть и частностей, которые неминуемо должны повториться в своем месте.

Теперь следует сказать несколько также общих замечаний о «клеве» и причинах неудачи в уженье, зависящих от характера самого рыбака.

Рыба не всегда клюет одинаково. Никак нельзя ручаться, чтоб превосходный клев вдруг не изменился. У рыбаков существуют на этот счет разные мнения. Одни говорят, что рыба перестает брать перед ненастьем, что она *слышит* ненастье, и я считаю это мнение справедливым. Много раз случалось мне замечать, что в прекрасную погоду вдруг рыба переставала брать, и почти всегда, через сутки или ближе, наступало упорное ненастье, то есть сильные, продолжительные дожди с холодным ветром. Я замечал также, что рыба потом привыкала к дурному времени и начинала опять брать, хотя не так хорошо, как прежде; за сутки же до наступления вёдра клев восстановлялся прежний. Другие рыбаки убеждены, что рыба отлично берет *«на молодую»* и очень плохо — на *«ущерб месяца»*. С этим согласиться я не могу, потому что мои наблюдения этого не подтверждают. Вот положения, выведенные мною из многочисленных опытов и не подлежащие сомнению: 1) Рыба клюет жаднее, когда нет травы, и предпочтительно весной, сейчас по слитии полой воды. 2) Чем жарче становится летом, тем хуже клюет рыба, и в сильные летние жары только самое раннее утро и поздний вечер могут дать рыбаку что-нибудь порядочное. 3) В середине лета рыба очень неохотно клюет на *навозного* червяка, а на хлеб лучше, чем в другое время года; всего же лучше — на рака, особенно линючего. 4) Прохладная, не ярко солнечная погода выгоднее для уженья летом, потому что рыба менее гуляет и держится глубже на местах, известных охотнику.

Никак нельзя спорить, что в уженье, как и везде, многое зависит от счастья и что есть счастливые рыбаки, так же как есть счастливые игроки. Иначе мудрено

будет объяснить ни на чем не основанную удачу одного и ничем не заслуженную неудачу другого. Но, как счастливый игрок, без уменья, нередко остается в проигрыше, так и счастливый рыбак, без уменья, выуживает мало. Везде надобны твердость, терпенье и уменье воспользоваться счастием. Нетерпеливый рыбак, раздосадованный тем, что у его соседа-рыбака на дурном месте, на грубо устроенную удочку, на глупую, несвоевременную насадку частехонько поклевывает рыба, а его удочки, мастерски устроенные, по-охотничьи насаженные, лежат неподвижно, нередко бросает выгодное прикормленное место, переходит на другое, на третье, пропускает удобное время и возвращается домой с пустыми руками, тогда как сосед, перейдя на оставленное им место, несмотря на плохие удочки и неуменье удить (отчего, разумеется, он потеряет половину рыбы), возвращается домой с полным кошелем. Впрочем, это более касается до характера, а не до уменья удить. Вообще не должно никогда гневаться на неудачу. Я много знавал рыбаков, у которых если сначала что-нибудь не удавалось, например запутывалась или зацеплялась удочка, а всего хуже, если срывалась первая хорошая рыба, то они, рассердясь, и насаживать начнут дурно, и подсекать станут рано и слишком резко, да и удить бросят. Таким образом, будучи сами кругом виноваты, эти нетерпеливые охотники обыкновенно обвиняют свое несчастие.

Об уженье на крючки с готовыми, искусственными насекомыми я ничего не могу сказать, потому что сколько раз его ни пробовал, пробы были неудачны.

Уженье форели (пеструшки), кутемы и лоха, или красули, имеет совсем особенный характер, если производится на быстрых, мелких речках; в верховьях же прудов тех же самых речек, в которых иногда водятся эти породы рыб, оно ничем не отличается от обыкновенного уженья, ибо вода уже в них глубока и не совсем прозрачна. Удить форель в речках незапруженных и мелких, следовательно совершенно прозрачных, надобно с величайшею осторожностью: малейший шум, человеческая тень, мелькнувшая на поверхности воды, мгновенно заставят спрятаться под берег или корни дерев пугливую рыбу, из-под которых она не выходит иногда по

нескольку часов. Высмотрев издали удобное место [1], надобно подкрадываться из-за кустов и, пропустив сквозь них длинное, прямое удилище, на конце которого навита коротенькая леса без наплавка с небольшим грузилом, крючком и насадкою красного навозного червяка, тихонько развить лесу и опустить в воду; если рыба вас не увидит, то она схватит в ту же секунду, иногда едва допустит червяка погрузиться в воду. Если же вы опустите крючок и рыба не берет немедленно, то значит: или ее нет, или вы ее испугали. Сейчас надобно идти на другое место. Для уженья выбираются по речке, как я уже сказал, небольшие омуточки. На одном месте никогда более пяти, много шести рыб не выудишь. Иногда можно закидывать удочку, спрятавшись за крутыми берегами, густыми деревьями или кустами, *не пропуская сквозь них удилища:* в таком случае леса должна быть подлиннее. Надобно признаться, что уженье довольно беспокойно и утомительно. Пеструшка и особенно лох, по словам некоторых охотников, охотно берут на маленькую рыбку.

Пеструшка, хотя очень редко, попадается иногда довольно большая; я не выуживал более двух с половиною фунтов, но достоверно знаю, что другие рыбаки выуживали в пять фунтов и более. Лох бывает огромной величины: я видел лоха в двадцать семь фунтов; он зашел, в весеннее водополье, в маленький ручей и был пойман недоткой. В небольшой речке и на малой глубине возиться с рыбой очень трудно. Водить неловко, из берегов торчат корни, на берегах кусты и деревья, а лесы по большей части бывают нетолстые, крючок небольшой, удилище негнуткое, а рыба самая бойкая... Беда да и только! При таких обстоятельствах мудрено избежать несчастной потери. Впрочем, очень крупная рыба редко берет в маленьких омуточках, а более в верховьях прудов, в местах глубоких: там хорошему охотнику с средними удочками обыкновенного устройства нечего бояться

---

[1] Удобными местами считаются омуточки, ямки, где вода завертывается и бежит тише и где форель выпрыгивает иногда на поверхность, ловя червячков, падающих с дерев, мошек и других насекомых.

отчаянных прыжков этой бешеной на удочке рыбы, и драгоценная добыча не уйдет от его сачка.

Уженье около полдён, о котором я обещал сказать особо, в жаркие летние дни производится в таких местах, где густая тень покрывает воду, как-то: под мостами, плотами, нависшим берегом, толстыми пнями и корягами, нередко торчащими в воде, под густым навесом трав, расстилающихся иногда над значительною глубиною. Особенно окуни любят стоять в тени и берут в полдни довольно хорошо; иногда хватит язь и головль даже на мелкопущенную удочку. Но только в проточных прудах, заросших камышами и травами, полдневное уженье имеет настоящее значение. Летом в жаркий день, часов с девяти утра, вся порядочная рыба уйдет из матерка и чистых мест разлива в полои, проросшие разными травами и зеленым густым лесом камыша, над которым возвышается уже палочник своими пуховыми темнокоричневыми султанами. В травах и камышах всегда бывают местечки поглубже других, которые никогда не зарастают и которые называются «протоками». Вот тут-то надобно удить, разумеется на лодке. В траве около таких мест, в надлежащем расстоянии, заблаговременно втыкаются колья, к которым привязывается лодка для того, чтобы она не качалась. Тут непременно нужны длинные удилища, ибо лодка должна стоять неблизко от места уженья и удилища кладутся на траву. В камышах же ненадобно кольев. Подогнав осторожно лодку к незаросшему месту, надобно стать к нему боком, так, чтобы лодка и рыбак совершенно были спрятаны в камыше, которого горсти по две с обеих сторон захватываются и подгибаются под себя: рыбак плотно сядет на них, и лодка будет стоять неподвижно. Удилища должны лежать поперек лодки. По большей части вода бывает неглубока, тем более надобно тишины и осторожности в движениях, особенно при вытаскивании рыбы, которая очень хорошо берет в таких местах и очень крупная. Это уженье в полоях имеет особенную важность потому, что в знойное летнее время, кроме раннего утра и позднего вечера, и то на местах прикормленных, трудно выудить что-нибудь порядочное и в материке пруда, и в его верховье, и в реке, тогда как здесь

добыча бывает иногда чрезвычайно изобильна и разнообразна. Весело смотреть на *кружок*[1], привязанный к лодке с противоположной стороны, в котором ходят крупные окуни, язи, головли, лини, лещи и даже щуки!

Но, кроме сказанных выше причин, полдневное уженье на лодке имеет, по крайней мере для меня, своего рода совершенно особенную прелесть. Для многих она покажется непонятною; для многих даже невыносимы палящие лучи летнего полдневного солнца, которое, отражаясь в воде, действует с удвоенною силою; но я всегда любил и люблю жары нашего кратковременного лета... Пышет знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнет зеленый, как весенний луг, широкий пруд, затканный травами, точно спит в отлогих берегах своих; камыши стоят неподвижно. Материк и чистые от трав протоки блестят как зеркала, все остальное пространство воды сквозь проросло разновидными водяными растениями. То яркозеленые, то темноцветные листья стелятся по воде, но глубоко ушли корни их в тинистое дно; белые и желтые водяные лилии, цвет лопухов, попросту называемые кувшинчиками, и красные цветочки темной травы, торчащие над длинными вырезными листьями, — разнообразят зеленый ковер, покрывающий поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нега и льгота телу! Как приятна близость воды и возможность освежить ею лицо и голову! Рыбе также жарко: она как будто сонная стоит под тенью трав. Завидя лакомую пищу, только на мгновенье лениво выплывает она на чистые места, пронзаемые солнечными лучами, хватает добычу и спешит под зеленые свои навесы.

Всякому рыбаку известно, что нередко случается задевать крючками удочек за неровное дно, берег, камни, травяные и древесные корни, торчащие в воде неприметно для зрения, или ветви целых дерев, нередко в ней лежащих. Много пропадает от того крючков и даже лес. Избежать таких невзгодий нельзя, особенно если удишь

---

[1] **Кружком** называется мешок из крепкой частой сети; в середину его вставляется обруч, нижний конец завязывается наглухо, а верхний собирается на крепкий шнурок, которым он и привязывается к чему случится.

в водах неизвестных; притом рыба, преимущественно окуни, именно в таких крепких местах любит держаться и, попавшись на удочку, сама натаскивает ее на задев. Итак, для отдевания удочек всегда надобно иметь гладкое железное кольцо, вершка в полтора в поперечнике, в один фунт или менее веса, привязанное на длинном, тонком и крепком шнурке; продев в него задний конец удилища задетой удочки, надобно дать кольцу свободу бежать вниз сначала по удилищу, а потом по лесе, которую в это время держать несколько наслаби: кольцо, дойдя до крючка, отденет его своею тяжестью[1]. За неимением кольца можно довольно успешно отдевать удочки шестом, точно так, как я говорил об отдеванье запутавшейся в траве рыбы. Но может случиться, что нет ни кольца, ни шеста и некому лезть в воду, чтобы отцепить крючок — потеря его неизбежна; остается оторвать и сколько можно сохранить лесу; для этого нет другого средства, как навивать ее на удилище до тех пор, пока она лопнет.

Никогда не должно спешить отдеванием зацепившейся удочки. Очень часто бывает, что рак затаскивает крючок в нору, а рыба — под берег. Удилище надобно положить, не натягивая лесы; нередко случается, что через несколько времени удочка отцепится сама, то есть ее отцепит рыба, или выпустит рак, или вымоет из берега водой.

Иногда удочки отцепляются диковинным образом, но, без сомнения, это делает рыба. Я видел своими глазами, как удочку, задевшую грузилом за крутой берег, отцепила плотва, дернув книзу за крючок. Это и немудрено; я видел, как крючок, воткнувшийся в деревянную плаху очень крепко, потому что я несколько раз сильно дергал удочку, рискуя даже оторвать — был отцеплен рыбой, которая, схватив насаженный крючок сзади и потянув вниз, весьма легко сняла его с дерева. Этого

---

[1] Я читал в одной французской книжке, что такое кольцо делается с двумя крючками, крепко припаянными к внешней стороне кольца один против другого, для того чтобы, задев крючьями за корягу, за которую зацепилась удочка, можно было ее вырвать и тем спасти крючок.

мало — я задел один раз крючком на глубоком месте так крепко, что, пробившись более часа, бросил удочку, чтоб не пугать рыбу и отдеть после. Через полчаса я вижу, что вдруг наплавок исчез, лесу натянуло и тащит в воду даже удилище; я схватил его и выволок большого окуня: насадка была раковая.

Теперь следует взглянуть вообще на все породы рыб, ловлею которых мы занимаемся.

О РЫБАХ ВООБЩЕ

Стихия рыбы — вода; назначение — плавать в ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушенным хвостом. Для погружения себя в воду и стояния на всех ее глубинах имеет она во внутренности своей пузырь, лежащий вдоль спинного хребта, наполненный воздухом и перетянутый на две неравные половинки: должно предположить, что посредством сжиманья и разжиманья этого пузыря рыба погружается вниз или поднимается вверх. Дальнейшие подробности внутреннего устройства рыб относятся уже к натуральной истории. Я поговорю о том, как и где живут они и как размножаются.

Трудно вообразить себе плодовитость рыб. Многие из них имеют такую мелкую икру и в таком множестве, что если б она оплодотворялась и выводилась вся, то каждая рыба производила бы ежегодно, может быть, миллион себе подобных и для помещения их недостало бы воды на земной поверхности. Но не то выходит на деле. Природа недаром снабдила таким изумительным обилием икры каждую рыбью самку, ибо, кроме того, что икра нередко остается неоплодотворенною, она истребляется каждую минуту окружающими ее в воде и живущими над водою в воздухе хищными врагами, для которых служит лакомой пищей. Не могу определить, в каком возрасте рыбьи самки начинают *метать*, или *бить, икру*, способную к принятию оплодотворения, а молоки самцов — получают способность оплодотворять; но то не подвержено сомнению, что икру и молоки через

год после своего рождения ежегодно имеют маленькие, молодые рыбки, не достигшие и десятой доли своей природной величины. Каждая порода рыбы мечет икру в свое определенное время, так что эта операция производится почти круглый год [1]. Когда наступит пора [2] и рыбьи самки почувствуют охоту или надобность выкинуть из себя обременяющую их икру, а самцы — молоки, и те и другие собираются стаями; самцы теснятся вплоть за самками, даже смешиваются с ними: первые выпускают икру, вторые обливают ее молоками; за ними следят другие породы рыб, преимущественно хищные: щуки, окуни, судаки, жерихи, налимы и проч., и даже не называемые хищными: головли и язи [3]. Все они с жадностью глотают мелкие, как мак, яички, опутанные слизью, плавающие кучками в виде клочьев шерсти или паутин, держащиеся на поверхности и на всякой глубине воды. Мечущие икру и молоки самки и самцы, особенно первые, стараются прижаться или удариться об что-нибудь жесткое; они трутся около берегов и водяных растений, предпочтительно около камыша и лопухов, около подводных коряг, корней и камней. Некоторые породы, как-то: лещи, караси и плотва, выскакивают беспрестанно из воды и шлепаются об ее поверхность, чтоб от движения и толчков свободнее вытекали икра и молоки. Сидя тихо и смирно с удочкой на берегу озера или речного залива, проросшего травами, а иногда притаясь в лодке в густых камышах пруда, я имел случай нередко, хотя поверхностно, наблюдать любопытную

---

[1] Многие охотники утверждают, что некоторые породы рыб мечут икру по два раза в год. Но я никак не могу с этим согласиться. Хотя икра во внутренности рыб (одной и той же породы) бывает точно в разное время года, но это только доказывает, что они мечут икру в разные сроки. Я убежден, что каждая рыбья самка мечет икру один раз в год. Убежденье мое я основываю *на медленности, с какою* икра растет в рыбе: два раза в год — некогда совершиться этому процессу.

[2] Эту пору узнает всякий, взглянув на пойманную в то время рыбу, особенно взяв ее в руки. Кроме того, что она бывает необыкновенно толста, даже пузаста — из самок течет жидкая икра, а из самцов — беловатая слизь, похожая на молоко.

[3] Я полагаю, что все без исключения породы рыб едят всякую икру, даже собственную свою.

картину *рыбьего боя*[1]: при совершенной тишине в воздухе поверхность воды волнуется, как будто ветром, от вертящейся и прыгающей рыбы; брызги летят во все стороны, и плеск воды слышен издалека. В первый раз я был очень удивлен таким зрелищем. Я подошел с ружьем к небольшому озерку, кругом обросшему высокою и плотною гривою камыша, и вдруг услышал какой-то странный шум воды; полагая, что он происходит от утиных выводок, я осторожно вошел в камыш, по колени в воде пробрался до его края и увидел — настоящую рыбью пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдруг догадался я, что значит такое явление, хотя слыхал о нем. Впоследствии несколько раз имел я случай наблюдать этот процесс у лещей и особенно у карасей; но при всем моем желании рассмотреть его в подробностях я никак не мог; пожиранье же икры другими рыбами я видал сам, да и нахаживал ее часто в желудках пойманных рыб.

Другие породы рыб, особенно *донные*, то есть ходящие или плавающие обыкновенно по дну, как-то: ерши, пескари, гольцы, лини, а всего более налимы, которые мечут икру около святок, — при совершении этой операции, вероятно, трутся около берегов и подводных коряг или о хрящеватое, каменистое дно: последнее предположение доказывается тем, что именно на таких местах, именно в это время года, попадают налимы в морды или нероты. Выметываемая икра вышесказанными породами рыб, казалось бы, должна подвергаться меньшей гибели, потому что воды покрыты льдом да и рыба зимою не плавает везде, а стоит по своим местам;

---

[1] Процесс метанья, или боя, икры даже этих трех пород, сейчас мною названных, наблюдать очень трудно, потому что он происходит по большей части в травах или камышах, а главное потому, что рыба боится приближения человека. Некоторые рыбаки утверждают, что не самцы гоняются за самками, а напротив: самки за самцами, и всегда бывают гораздо в большем числе, чем самцы, что первые трутся около последних, загоняют их на мель, на густую траву, и, когда самец, обернувшись кверху брюшком, начнет изливать молоки, — самки прямо в эту оплодотворяющую жидкость выпускают свою икру. Я не беру на себя решить, которое мнение справедливее. Оплодотворенная икра в теплое, солнечное время выводится через десять, двенадцать и четырнадцать дней.

кажется, этих пород должно бы разводиться гораздо более других; но этого никак нельзя сказать, особенно о налимах. Без сомнения, есть другие причины, от которых также пропадает их мелкозернистая, бесчисленная икра.

Итак, при самом появлении рыбьих яичек начинается их истребление; оно продолжается до полного образования мелкой рыбешки, которая, будучи окружена теми же врагами, может по крайней мере прятаться от них и спасаться проворством своего плаванья и малостью роста. Кроме хищных и нехищных рыб, немало также поедает икру птица; самые главные истребительницы — утки, чайки и вороны: утки и чайки хватают ее, плавающую в воде, даже ныряют за ней, а вороны достают ее сухопутно, ходя по берегам и по мелкой воде, преимущественно около трав, куда икру прибивает ветром и где она, прилипнув к осоке или камышу, на которые всплескивается волнами, часто обсыхает и пропадает даром. Должно предположить, что в первый год или в первые года рыба растет очень скоро, потому что после вывода из икры, мелкой, как размоченный мак, достигает она в один месяц величины овсяного зерна в шелухе. Я убедился в этом собственными наблюдениями; о дальнейшем росте рыбы, а также о долговечности ее ничего положительного не знаю. Говорят и пишут, что щуки живут до трехсот лет, а карпии — более ста, чему, как уверяют печатно, были деланы несомненные опыты, ибо в пруды, которые никогда не сходят, но освежаются проточною водою или внутренними родниками, пускали маленьких щук и карпий с золотыми или серебряными кольцами, продетыми сквозь щечную кость, с означением на кольцах года: таких рыб ловили впоследствии (разумеется, уже потомки) и убедились по надписям годов в их долговечности.

Рыба имеет болезни, которые часто обнаруживаются черными пятнами по всему телу; если эти пятна находятся только на поверхности кожи, то рыба переносит их благополучно, но если чернота пойдет вглубь и коснется внутренних органов — рыба умирает. Около Москвы, в речках, по большей части припруженных, замечал я, что почти каждую осень на плотве появляются черные пятнышки; здешние рыбаки уверяли меня, что

это происходит от осенней морозобитной травы, которою плотва питается, и что никакого вреда от того ей не бывает: кажется, это справедливо. В небольших непроточных прудах, в которых водятся караси в большом изобилии, нередко случается, что они, особенно белые, получают сначала кровяные, а потом черные пятна, но я редко замечал, чтоб караси именно от них снули. Я сначала думал, что пятна происходят от внутренних причин, но при внимательном рассмотрении я, наконец, увидел, что они происходят от укушения крошечных зеленых червячков, которые в иные года, особенно в жаркое и сухое лето, появляются в стоячих водах в невероятном множестве; они заползают под чешую карасей и кусают их до крови: в одной ранке я нахаживал более десятка червячков. Сверх того, в таких прудах водятся большие, зеленоватые водяные черви (вероятно, вырастающие из маленьких зеленых), завертывающие себя в трубочку, как будто склеенную из осоки, — водяные ящерицы и жуки [1]. Все они кусают и портят бедных карасей и препятствуют их размножению и полному росту, а сидящих в плетеных сажалках или прорезях даже совсем заедают. Вдобавок вся эта гадость берет на удочку, насаженную навозным червяком, и мне часто случалось вытаскивать на крючках этих отвратительных гадин. Нигде я не встречал такого обилия и разнообразия этой подводной фауны, как около Москвы.

Иногда попадается снулая рыба без всяких наружных и внутренних признаков болезни, но кишки и пузырь оказываются как будто сморщенными и несколько высохшими.

Здоровье рыбы, без сомнения, зависит от хорошей воды и пищи. Все охотники знают, что в одной воде рыба бывает жирна, вкусна и бойка, в другой — тоща, безвкусна и вяла. Но какие качества воды и какая пища

---

[1] Водяные червяки имеют способность выползать до половины из своих трубочек и прятаться в них совсем. Водяные жуки — плоские, каштанового цвета, с беловатыми по краям обводками; они проворно ползают по земле и летают быстро по воздуху: поднимаются прямо из воды и опускаются прямо в воду. Мне сказывали, что подмосковные крестьяне употребляют их вместо пиявок.

полезны или вредны для рыбы — мы решительно не знаем. Вода действует даже на цвет рыбы: не изменяясь в своих природных пестринах и отметинах, она изменяется в их яркости или цветности единственно от пересадки из одной воды в другую. Это дознано многими опытами: озерные караси, например, по большей части бывают яркого темножелтого или золотистого цвета, а пересаженные в копаные, глинисто-мутные пруды делаются бледнобланжевыми; окуни в иных реках бывают очень темны и яркопестры, но, посидев долго в пруде, становятся светлыми, белесоватыми: точно то же делается более или менее и с другими породами рыб.

Рыба очень нередко задыхается зимой под льдом даже в огромных озерах и проточных прудах [1]: сначала, в продолжение некоторого времени, показывается она в отверстиях прорубей, высовывая рот из воды и глотая воздух, но ловить себя еще не дает и даже уходит, когда подойдет человек; потом покажется гораздо в большем числе и как будто одурелая, так что ее можно ловить саком и даже брать руками; иногда всплывает и снулая. Как скоро число прорубей будет значительно увеличено — рыба отдыхает и скрывается. Это последнее обстоятельство произвело общую уверенность, что рыба дохнет от недостатка прорубей, то есть от недостатка продушин, в которые могли бы вылетать спершиеся водяные испарения и мог бы получаться свежий воздух. Это отчасти справедливо; но согласиться безусловно с таким заключением нельзя, и вот почему. 1) Все озера и пруды, и большие и малые, не находящиеся близ жилья человеческого, никогда не имеют прорубей, потому что некому и не для чего их делать; не имеют также и полыней, то есть мест не замерзших, бывающих, как известно, только на реках больших и быстротекущих: следовательно, в таких прудах и озерах не должна бы совсем водиться рыба, особенно в изобилии; опыт пока-

---

[1] Из многих, мною самим виденных таких любопытных явлений самое замечательное случилось в Казани около 1804 г.: там сдохлось зимою огромное озеро Кабан; множество народа набежало и наехало со всех сторон: рыбу, как будто одурелую, ловили всячески и нагружали ею целые воза.

зывает противное. 2) В прудах и озерах, находящихся в селениях или близ селений, имеющих постоянные проруби для водопоя скота и других надобностей, рыба в иные года сдыхается под льдом при одинаковом числе прорубей. 3) Это сдыханье, при одних и тех же обстоятельствах, случается не каждый год, а лет через десять и более. Итак, из всего мною сказанного следует заключить, что есть какие-нибудь другие условия, при содействии которых дохнет рыба под льдом, но что независимо от этих причин рыба отдыхает, если будет увеличено сообщение воды с атмосферическим воздухом, и что содержание больших прорубей, ежедневно вычищаемых не только на прудах, не имеющих течения, и озерах, но даже на прудах проточных и даже на тихих омутистых реках, покрывающихся сплошным льдом, — для сохранения здоровья рыбы весьма полезно.

Рыба снет иногда от примеси вредных посторонних веществ, как-то: навозной жидкости со скотных дворов и испорченной воды с фабрик и металлических заводов, если то или другое как-нибудь проникнет в озеро или пруд, преимущественно не проточный. Но на рыбу бывает повальный и внезапный мор от причин совершенно неизвестных. В последний раз мне случилось видеть такой мор в 1841 году: я жил это лето в подмосковном селе Ильинском; от него верстах в трех есть довольно большой, глубокий пруд и мельница при деревне Оборвихе на речке Сомынке; всякой рыбы много водилось в этом пруду, потому что в нем нельзя было ловить неводом и даже бреднем по множеству подводных каршей, коряг и густой травы. Я ездил туда удить почти каждый день. Один раз (в исходе июля), подъезжая к пруду, я увидел, что все берега белелись, точно по краям воды лежал снег; подошед ближе, я рассмотрел, что это была снулая рыба: окуни, плотва, язики, головлики и небольшие щурята. Мельник сказал мне, что мор начался вчера. В снулой рыбе не оказывалось никаких признаков болезни; крупные язи и огромные щуки ходили поверху и кружились; крестьяне ловили их и употребляли в пищу без всякого вреда. Замечательно, что лини, караси и ерши остались невредимы. Я сейчас попробовал удить из любопытства: рыба брала изредка, но

очень тихо и вяло и выуженная казалась почти снулою. Мор продолжался дней пять и вдруг прекратился. Через несколько дней клев начался попрежнему, и в рыбе не было заметно никакого уменьшения: в окружных водах рыба осталась совершенно здоровою. Очевидно, что это не была общая эпидемия и что причина ее была местная, находившаяся только в Сомынском пруде, в воде которого, однако, никакой перемены я заметить не мог. Мне рассказывали крестьяне, что будто какой-то пьяный солдат, поссорившись с мельником в кабаке, погрозил ему и, проходя мимо пруда, что-то в него бросил. Предоставляя на произвол каждого читателя удовлетвориться или нет таким объяснением, я, с своей стороны, скажу, что нам весьма еще мало известны как целительные, так и ядовитые вещества, особенно травы, которые знает народ. Одно верно, что Сомынский мор рыбы происходил не от дурмана, не от табаку, не от кукольванца, ибо действие этих отрав кратковременно и продолжается менее суток. Эти отравы производятся следующим образом: истертый в мелкий порошок табак, дурман, а всего чаще кукольванец, ибо он несравненно сильнее, смешивают с печеным хлебом или сырым тестом и раскидывают небольшими кусочками в тех местах, где более держится рыба, которая с жадностью их глотает. Через час или менее, смотря по качеству и количеству отравы, рыба делается пьяною, одурелою: выходит на мель, всплывает на поверхность воды, кружится, мечется, тычется в берега, даже иногда выскакивает на них и особенно забивается в камыши и травы, где они есть. Отравители, большею частию деревенские парни и мальчишки, нетерпеливо дожидавшиеся этой потехи, с громкими и радостными криками бегают по берегам, по мелкой воде, поросшей травою, берут снулую и ловят руками засыпающую рыбу: для крупной употребляют и сачки. Хотя в сравнении с прежним это гибельное добывание рыбы значительно уменьшилось, но, к сожалению, все уверены, что отравленная таким образом рыба, даже снулая, служит безвредною пищею для человека. Хотя трудно с этим согласиться, но положим, что такая уверенность справедлива, да для рыбы эта отрава очень вредна: та, которая наглоталась кукольванца много, уми-

рает скоро, всплывает наверх, бывает собрана и съедена; но несравненно большая часть окормленной рыбы в беспамятстве забивается под берега, под коряги и камни, под кусты и корни дерев, в густые камыши и травы, растущие иногда на глубоких местах — и умирает там, непримеченная самими отравителями, следовательно *пропадает совершенно даром* и гниением портит воду и воздух. Я даже думаю, что вся рыба, окормленная кукольванцем и отдохнувшая, потому что мало съела отравы, непременно должна долго хворать, терять способность к достижению полного роста и, может быть, к размножению своего потомства. Я замечал, что где часто окармливали рыбу, там она значительно уменьшалась, хотя число пойманной посредством отравы ничего не значило в сравнении с числом рыбы, какое вылавливали прежде ежегодно, в той же воде, обыкновенными рыболовными снастями. Замечено также, что после отравы кукольванцем рыба перестает брать на удочки.

Хищные породы рыб питаются мелкою рыбешкой; нехищные — глотают все, что ни попало: тем не менее питанье этих последних иногда дело загадочное. В прудах, озерах и реках, поросших и проросших водяными травами и растениями, рыба кормится ими и водящимися около них водяными насекомыми и гадинами. Это понятно, и все рыбаки знают, что самую питательную пищу предоставляет рыбе молодой камыш, первые побеги которого на вкус сладки. Если подойти тихонько к пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься, какой странный и неумолкаемый шум, даже чавканье, производит рыба, кушая траву. Но чем питается нехищная рыба в больших реках, текущих всегда в берегах песчаных, на которых не растет ни одной былинки, дно которых также песчано и чисто и где очень мало водится водяных насекомых? Наконец, чем питается рыба в деревянных сажалках, с деревянным дном, называемых *прорезями* (потому что они *прорезаны* или просверлены), в которых обыкновенно рыбаки держат пойманную рыбу иногда по нескольку месяцев и никогда ее не кормят? На эти вопросы я отвечать удовлетворительно не умею. Поневоле надобно согласиться с мнением рыбаков,

которые говорят, что рыба, кроме всякой другой пищи, питается тиною, илом, землею, песком и даже — одной водой. Пребывание в сажалках без корма только этим и можно объяснить, допустив предварительно, что всякая вода содержит в себе множество инфузорий, неприметных для глаза человеческого, следовательно питательна для рыбы уже сама по себе.

Весною, при наступлении водополья, как скоро вода сделается мутна, реки начнут прибывать и подниматься, рыба также поднимается кверху и идет против воды, сначала около берегов: тут ловят ее во множестве саками. Когда же реки выступят из берегов и разольются по поемным местам, рыба также разбредется по полоям, не переставая упорно стремиться против течения воды. Это инстинктивное стремление бывает так сильно, что не видавши, трудно поверить: несмотря на ужасную быстрину, с которою летит спертая полая вода, вырываясь в вешняках или спусках из переполненных прудов, рыба доходит до самого последнего, крутого падения воды и, не имея уже никакой возможности плыть против летящего отвесного вниз каскада — прыгает снизу вверх; беспрестанно сбиваемые силою воды, падая назад и нередко убиваясь до смерти о деревянный помост или камни, новые станицы рыб беспрестанно повторяют свои попытки, и многие успевают в них, то есть попадают в пруд. Во время весенних разливов рыба заходит в самые вершины рек, речек и ручьев; заходит в такие места, что трудно поверить, стоя на таком месте летом, чтобы тут ловили крупную рыбу крыленами или вятелями, ставя их сначала по течению, а потом против течения воды. Но как скоро *дрогнет* вода, то есть пойдет на убыль, рыба поворачивает назад и с таким же стремлением скатывается вниз, с каким до сих пор шла вверх, для чего немедленно бросается она из мелких мест в глубокие, из разливов — в материк. Нередко случается, однако, что, зайдя слишком высоко или далеко в луговые поймы, не находит она водяного пути для возвращения в реку и остается в ямках и бокалдинах: если увидят люди, то поймают ее, а если нет и бокалдины высыхают уединенно, рыба гибнет и достается на пищу воронам и разным другим птицам — иногда и свиньям.

Рыба, застигнутая внезапно обмелением водяных сообщений в ямах, или, по-московски, в бочагах, переходит иногда из одного в другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому следу, где недавно бежала вода. Если же хотя крошечный ручеек останется, она перепрыгает по нем вниз непременно. Даже из копаных сажалок или прудков, сквозь которые протекает ручеек, рыба уходит этим самым способом, если только берега низки. Такие весенние путешествия рыбы снизу вверх и обратно повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапном прорыве огромных прудов и при *паводках*, случающихся от сильных и продолжительных дождей.

Не все породы рыб могут жить в одной и той же температуре воды: для одних нужна чистая, быстрая и холодная вода, для других — более теплая, тихая и даже стоячая, имеющая дно иловатое и тинистое. Я скажу об этом поточнее в описании рыб, а здесь означу только порядок, следуя которому живет одна порода за другою почти во всякой реке. Большая часть рек начинаются холодными, как лед, ключами; протекая на открытом воздухе, прогреваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками — они постепенно теплеют. В самой голове таких ключей или родников живет форель, то есть пеструшка, кутема и лох, или красуля; за ними лошок, голец и налим. Потом появляются головль, плотва, окунь, щука и пескарь; далее — уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жерихи, если вода велика; наконец — лещи, лини, карпии и караси. Некоторые из поименованных пород, как-то: гольцы и караси, могут жить и водиться в водах самых холодных и самых теплых, в самых чистых и в самых грязных. Разумеется, точность такого порядка иногда нарушается; но где же нет исключений от причин и обстоятельств местных. Итак, все породы рыб могут жить в одной и той же реке, если течение ее *продолжительно*, только одни выше, где вода холоднее и чище, а другие ниже, где вода теплее и мутнее: в этом убедиться нетрудно, исследовав течение какой-нибудь порядочной реки. В водополье вода везде одинакова: везде мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая в теплой сравнительно воде, подни-

мается вверх до самых холодных ключей; но при возвращении назад, если случайно что-нибудь захватит ее в таких местах, где вода для нее еще холодна, или, наоборот, скатится она слишком низко, так что вода для нее окажется уже тепла, — рыба или поднимется выше, или опустится ниже, только непременно отыщет сродную ей температуру. Если не может этого сделать в тот же год по причине прудовых затворов и решеток, то непременно сделает в следующую весну. Непреодолимость такого стремления к обычной температуре воды испытали многие охотники, пробуя развесть у себя в пруду те породы рыб, которые водились в той же самой реке, только несколько верст пониже. Все усилия оказывались бесполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днем и ночью, во все времена года, держали сначала месяца по два в сажалках, загороженных в том же пруду, — ничто не помогало. Весной рыба поднималась вверх, так что ее ловили верст за пятнадцать выше, и потом вся без остатка скатывалась вниз. Итак, оставалось одно средство: заставить рыбу выметать икру в той самой воде, где назначалось жить ее потомству, и оно иногда удавалось.

В проточных небольших родниковых прудах, имеющих всегда свежую и даже холодную воду, которые весной мало прибывают от полой воды и *никогда не уходят*, спуски которых всегда загораживаются решетками и верховья мелки, будет жить всякая рыба, хотя бы температура воды не сходствовала с натурою рыбы, но будет только *жить*, а не *водиться:* даже не достигнет полной природной величины своей. Самый лучший способ, да и более удающийся, к разведению известных рыбьих пород в проточных и непроточных прудах, в которых они сами собой не держатся или не заводятся, состоит в следующем: надобно ловить рыбу, которую желаешь развесть, перед самым метаньем икры; на каждых шесть икряных самок отобрать по два самца с молоками, посадить их в просторную сквозную огородку или сажалку, устроенную в назначенном для того пруде, когда из выметанной в свое время икры выведется рыбешка и несколько подрастет — загородку разобрать всю и рыбу выпустить в пруд: старая уйдет, а молодая останется и разведется иногда, если температура воды

не будет уже слишком много разниться с тою, в которой была поймана старая рыба. Точно таким образом разводят и раков [1].

Я сейчас говорил о том, как иногда бывает трудно разводить некоторые породы рыб в такой воде, где прежде их не было; но зато сама рыба разводится непостижимым образом даже в таких местах, куда ни ей самой, ни ее икре, кажется, попасть невозможно, как, например: в степных озерах, лежащих на большом расстоянии от рек, следственно не заливаемых никогда полою водою, и в озерах нагорных. Оренбургской губернии, в Стерлитамацком уезде, есть на реке Белой несколько отдельно друг от друга стоящих гор, очень высоких и видных с луговой стороны верст за сорок. Когда небо покрыто тучами, они живописно белеют на темном горизонте [2]. Не знаю, что теперь находится на их вершинах, но лет пятьдесят тому назад на двух из них были небольшие озера с чистою и холодною водою, и в одном озерке, кажется на горе Юрак-Тау, водились караси, а может быть, и другая рыба. Как они могли попасть туда — объяснить трудно. Я знал также один из так называемых в Оренбургской губернии *провалов* (круглые, более или менее глубокие ямы, имеющие фигуру воронки) в вершинах реки Ика; этот провал с незапамятных времен, как и многие другие, с весны сохранял долго снег, а летом был совершенно сух, так что в нем, сверху по бокам, росла лесная малина. Вдруг слышу, что он наполнился водою, а года через два — что в воде завелись караси: и в том и в другом явлении я удостоверился

---

[1] Я имел случай убедиться, что раки могут жить в густой тине или в речном иле глубиною более аршина от земной поверхности. Один раз, в исходе лета, при мне чистили сруб родникового колодца, глубиною с лишком в два аршина, который весеннею полою водою поднимался и был доверху занесен земляным илом и тиной очень плотно; не знаю, почему он не был вычищен ранее. На полуторааршинной глубине, где пошла земля помокрее, начали попадаться крупные, живые раки; их выкидали десятка два, и они были отлично жирны и вкусны; итак, раки могут обходиться почти без воздуха.

[2] Я недавно с удовольствием прочел несколько строк об этих горах в статье г. Авдеева «Поездка на кумыс», напечатанной в декабрьской книжке «Отечественных записок» 1852 года.

своими глазами. Повторяю мой вопрос: как могли попасть туда караси, когда озера с карасями, самые ближайшие, находились в пяти верстах от провала? Надобно допустить известное предположение, что птица (всего скорее чайка или ворона), проглотив где-нибудь рыбью оплодотворенную икру, залетает потом в такие места, на такую воду, где прежде рыбы не водилось, выкидывает икру в своем помете и что пищеварительный сок птичьего желудка или зоба не лишает эту икру способности вывесть из себя маленьких рыбок. Таким только образом можно объяснить появление рыбы на горе Юрак-Тау и в Икском провале, хотя я и должен признаться, что такое объяснение меня не вполне удовлетворяет.

Рыба имеет тонкий слух и острое зрение, особенно форель, но, кажется, рыба вообще больше боится стука, чем вида человека или животного, по крайней мере скоро к ним привыкает; но к звуку она чувствительна до невероятности; звуком можно ее оглушить до беспамятства, чему служит доказательством всем известное *глушение* рыбы ударами дубинки по тонкому осеннему льду. Рыбаки знают, что на рыбу сильно действует самый слабый звук. Кому из них не случалось смирно стоять или сидеть близ закинутых удочек, ожидая крупной рыбы, и видеть, как мелкая, поднявшись вверх, покрывает и рябит всю поверхность воды около его наплавков? Вдруг рыбак кашлянет или чихнет — и как брызги во все стороны рассыплятся серебряные стайки мелких рыбок, точно мгновенный дождь спрыснул воду; то же делается от всякого внезапного звука или появления щуки, большого окуня, жериха и других хищных рыб.

Почти все молодые рыбки, особенно некоторые из пород не очень крупных, так красивы, или, лучше сказать, так миловидны, резвы и чисты, что народ на юге России употребляет слово *рыбка* как слово ласки, нежности — в похвалу красоте и прелести девической. Оно нередко встречается в народных малороссийских песнях, в которых чувство любви если не так глубоко, не так серьезно, как в старинных песнях великорусских, зато нежнее, эстетичнее, так сказать. В повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» молодой казак Левко, вызывая из хаты свою милую Галю разными нежными

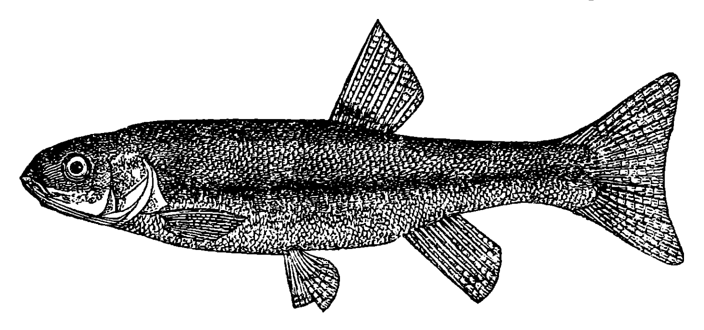
словами, между прочим говорит: «Сердце мое, *рыбка моя*, ожерелье! Выгляни на меня. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою...» Для великорусского крестьянина это слишком нежно; но и он очень любит смотреть на всякую рыбу в воде, весело мелькающую на поверхности, сверкающую то серебряной, то золотой чешуей своей, то радужными полосами; иногда тихо, незаметно плывущую, иногда неподвижно стоящую в речной глубине!.. Ни один, от старого до малого, не пройдет мимо реки или пруда, не поглядев, как *гуляет вольная рыбка*, и долго, не шевелясь, стоит иногда пешеход-крестьянин, спешивший куда-нибудь за нужным делом, забывает на время свою трудовую жизнь и, наклонясь над синим омутом, пристально смотрит в темную глубь, любуясь на резвые движенья рыб, особенно, когда она играет и плещется, как она, всплыв наверх, вдруг, крутым поворотом, погружается в воду, плеснув хвостом и оставя вертящийся круг на поверхности, края которого, постепенно расширяясь, не вдруг сольются с спокойною гладью воды, или как она, одним только краешком спинного пера рассекая поверхность воды — стрелою пролетит прямо в одну какую-нибудь сторону и следом за ней пробежит длинная струя, которая, разделяясь на две, представляет странную фигуру расходящегося треугольника... Нужно ли говорить после этого, что рыбак-охотник глядит на всякую рыбу еще с большею, особенною любовью, а на крупную и почему-нибудь редкую глядит с восхищением, с радостным трепетом сердца! Не охотникам, может быть, покажутся смешны такие выражения; я не буду тем оскорбляться — я говорю охотникам, и они поймут меня! Каждый из них, достигнув старости, находит отраду в воспоминании того живого чувства, которое одушевляло его в молодости, когда с удочкой в руке, забывая и сон и усталость, страстно предавался он своей любимой охоте. Он, верно, с удовольствием вспоминает это золотое время... И я помню его, как давнишний, сладкий и не совсем ясный сон; помню знойные полдни, берег, заросший высокими, душистыми травами и цветами, тень ольхи, дрожащую на воде, глубокий омут реки, молодого рыбака, прильнувшего к наклоненному над водою древесному пню,

с повисшими вниз волосами, неподвижно устремившего очарованные глаза в темносинюю, но ясную глубь... И сколько рыбы кипело в ней! Какие язи, головли, окуни... И как замирало сердце юноши, как стеснялось дыханье... Давно уже это было, очень давно! Молодые охотники и теперь испытывают то же, и дай бог им надолго сохранить это живое, невинное чувство страстного рыбака.

Приступаю к описанию пород рыб мне известных, которые берут на удочку. Начну с мелкой рыбы, никогда не достигающей значительной величины, потом скажу о породах крупных, но не хищных, очень редко питающихся рыбою, и, наконец, о породах собственно хищных, для которых мелкая рыбешка составляет существенную и почти единственную пищу.

1. ЛОШОК[1]

Самое имя этой красивой рыбки указывает, что оно уменьшительное от имени рыбы *лох*, и оно недаром дано ей: красные, черные и белые крапинки, которыми она

испещрена, очень похожи на крапины лоха, или красули, достигающей огромной величины; но рыбка, о которой я говорю, — самая маленькая рыбка: лошок в два вершка — редкость по величине. Они водятся в маленьких

[1] Недавно я узнал, что «лошки» называются в Можайском уезде «голопуэкой», а в Верейском — «свинобойкой». Вероятно, они водятся и в других губерниях.

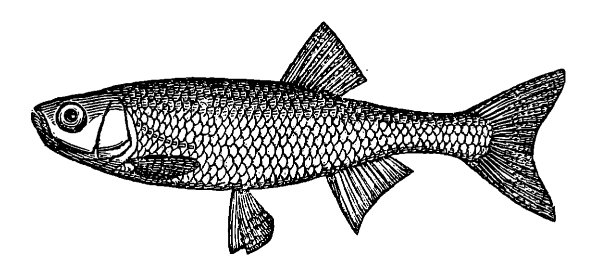
родниковых речках и всегда появляются большими стаями. Иногда в омуточке прозрачного ручья вдруг видишь, что светлое везде дно покрыто чем-то черным: это лошки, которые в несколько рядов стоят друг на друге, и обыкновенно покрупнее внизу, а самые мелкие сверху. Нетрудно наловить их сколько угодно *недоткой* из рединки, частым саком или *хребтугом*[1], привязанным двумя узкими боками к двум палкам; но если не случится под руками и этих нехитрых рыболовных снастей, а есть небольшая удочка, то лошки станут беспрестанно брать на навозного червяка (без хвостика вернее) и простую муху: чем удочка меньше, тем лучше. Разумеется, никто не станет удить лошков без особенной надобности, я сам помню, что уживал их только в ребячестве; но они очень могут понадобиться, ибо составляют превосходную насадку для уженья окуней и всякой хищной рыбы средней величины. Я видел лошков только в Оренбургской губернии; там водились они в большом изобилии и даже не в маленьких речках, а в таких, на которых стояли мельницы постава на четыре, и я очень помню бесчисленные станицы лошков, лежащие на дне под мельничными водяными колесами. Но умножившееся народонаселение взмутило чистоту и прозрачность тамошних прекрасных речек и ручьев, и лошков становится гораздо меньше. Жареные лошки на сковороде составляют вкусное блюдо; их готовят не чищеных, а выдавливают руками и хорошенько промывают.

2. ВЕРХОВКА

Это также самая маленькая рыба: не больше лошка, только лошок кругл, а она плоска. Верховка так похожа на уклейку, что многие считают их за одну и ту же рыбу, только в разных возрастах; но это несправедливо. Я знаю много рек в разных губерниях, в которых изобильно водится уклейка, под именем *сентявки*, или *белоглазки*, но в которых решительно нет верховки. Имя

[1] Хребтугом называется раскрытый мешок из рединки же, в котором задают лошадям овес.

дано ей по ее свойствам: она любит плавать на поверхности воды и часто ложится на бок, блестя на солнце несколько синеватою серебряною белизною, точно как будто всплыла уснувшая рыбка. Где много ее, там она очень надоедает: вертясь кругом удочки с быстротою

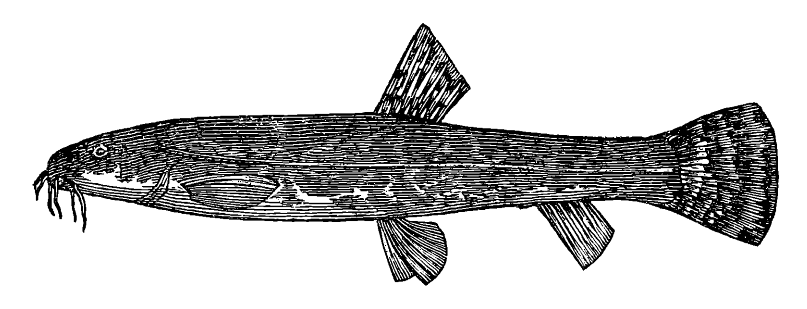

молнии, она беспрестанно трогает и поталкивает с разбега ваши крючки, грузила, лесы и даже наплавки, особенно, если вы удите не со дна. Ее можно выудить только на самую маленькую удочку, насаженную на тоненького червячка или на крошечный кусочек хлеба, а всего скорее на муху; наплавок надобно пускать как можно мельче: она редко его погружает, но быстро тащит в сторону... Она также пригодна только для насадки крючков на хищную рыбу, и только с этой целью может удить ее рыбак. Около Москвы, во всех реках и чистых прудах, водится в большом множестве, а в Оренбургской губернии ее нет.

3. ГОЛЕЦ

Имя его происходит от свойства кожи: она гола, на ней нет никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопределенного цвета: серовато-желтоватого или бланжевого с неправильными, неясными пятнами, более или менее темными. В одной и той же воде одни гольцы бывают светлее, а другие гораздо темнее. Вообще в речках и ручьях они темнее, а в прудах, особенно в сажалках, — желтее. Голец не вырастает длиннее трех вершков, и то большая редкость; он совершенно кругл и пузаст; самые крупные бывают толщиною в большой

палец мужской руки; маленький ротик его имеет усы. Мечет икру в апреле. Отличительное свойство гольца состоит в том, что он водится во всех водах, начиная от копаного, тинистого, нечистого, теплого летом пруда до холодного и прозрачного, как лед, горного источника. Он

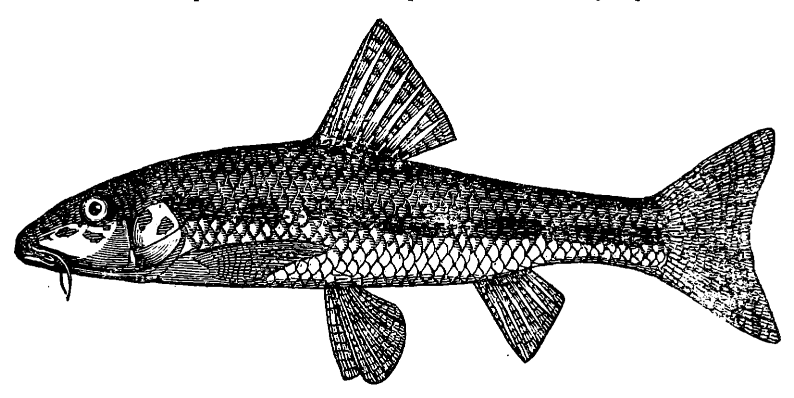

первый с форелью (если не прежде ее) появляется в голове родников, лежа иногда под самыми теми камнями, из-под которых бьет девственная струя воды. Вообще гольцы так мелки, что редко кто-нибудь занимается собственно их уженьем, да и клюют они в реках очень мало; но в омуточках ручьев и прудах, где иногда они разводятся до невероятного множества и берут беспрестанно, — по-моему, очень весело их удить. Они исключительно клюют на одного навозного червячка. Крючки надобно употреблять меньшего разбора из средних, потому что на маленькие трудно и скучно насаживать беспрестанно, по необходимости выбирая самых мелких червяков; хвостики можно пускать короче, гольцы берут и вовсе без хвоста, хотя не так охотно, но зато гораздо вернее, потому что голец клюет не с разбега и не вдруг заглатывает, а взяв в рот конец червяка, тихо плывет в сторону; следственно, надобно подсекать немедленно, как скоро наплавок повезет вбок или прямо. Удить надобно со дна. Гольцы по мягкости своей кожи служат лакомою насадкой для всех хищных рыб, но и для человека они составляют самую вкусную пищу; уха из одних гольцов, осторожно вычищенных, то есть не раздавя в пузырьках желчи, так жирна и вкусна, что едва ли уступит ухе из налимов; жареные и маринованные гольцы

превосходны. Они берут на удочку до сильных морозов. Я слышал, будто гольцы такие жадные пожиратели чужой икры, что в небольших прудах переводят породы других рыб, в чем я, однако, сомневаюсь.

4. ПЕСКАРЬ

Имя его происходит явно от того, что он всегда лежит на песчаном дне. Хотя обыкновенно говорят *пискарь*, а не *пескарь*, но это единственно потому, что первое легче для произношения. Впрочем, многие уверены, что

эта рыбка должна называться *пискарем*, потому что, будучи сжата в руках человека, издает звук, похожий на писк. Самый крупный пескарь не бывает длиннее трех с половиною вершков и — толще большого пальца руки (и этой величины достигает он редко). Он брусковат и довольно ровен. Спинка и бока покрыты темносиними крапинками, а брюшко очень беловатое, серебристого цвета. Пескарь очень красивая, или миловидная, и самая чистая рыбка. Пескари всегда собираются стаями, которые иногда бывают невероятно многочисленны; водятся и в малых и в больших реках, преимущественно песчаных. Про пескарей говорят рыбаки, что они мечут икру по нескольку раз в год; но это несправедливо. Вероятно, эту операцию производят они в зимние месяцы. Будучи посажены в пруды, размножаются и в них изо-

бильно, особенно, если вода чиста (иногда живут и в нечистой, что, впрочем, редкость); но в маленьких прудках они бывают мелки, а в больших проточных прудах и реках необыкновенно крупны. Пескарей уже удят собственно для них, и для многих охотников это весьма приятное уженье, ибо пескари если клюют, то клюют беспрестанно и очень верно; их удят, привязывая даже по два и по три крючка на разных поводках к одной и той же лесе, и они берут иногда вдруг за все три. Для уженья употребляется обыкновенный навозный червяк; средние удочки всего удобнее.

В продолжение моего рыбачьего поприща я заметил в уженье пескарей неизъяснимую странность: в реках и проточных прудах, особенно около кауза и вешняка, они клюют на удочку необыкновенно жадно; в больших непроточных прудах уже берут не так хорошо, а в маленьких прудках или копаных сажалках не берут вовсе, хотя бы и водились в них во множестве; еще странность: в последних они берут иногда на хлеб, а в реках — никогда. Мне много случалось удить в копаных прудах, где водились только караси и пескари, и я много раз имел случай видеть, как крючки с червяками лежат спокойно на дне или мотаются между стаями пескарей, не обращая на себя их внимание (причем нередко выуживал я пескарей, задевая их снаружи за бока), тогда как крючок, насаженный кусочком хлеба, едва коснется дна, то сейчас бывает ими окружен. Пескари до тех пор его потрогивают, поталкивают, треплют, щиплют и сосут, пока он свалится с крючка; если крючок и кусочек хлеба очень малы, то иногда случалось и выудить пескаря. Такими проделками они ужасно мне надоедали, ибо сами не клевали настоящим образом, а карасям мешали. Уженье пескарей начинается не рано весной, а когда вода сделается совершенно светла: оно продолжается до самой зимы. Они клюют во всякое время дня. Обыкновенно удят их весной и летом в реках на перекатах, на местах мелких, песчаных, хрящеватых, где вода течет довольно быстро и где можно увидеть их стаи, лежащие на дне. Уженье устроивается тремя способами: 1) Можно удить с наплавком и умеренно тяжелым грузилом, пуская так глубоко, чтобы грузило было на весу, а крючок

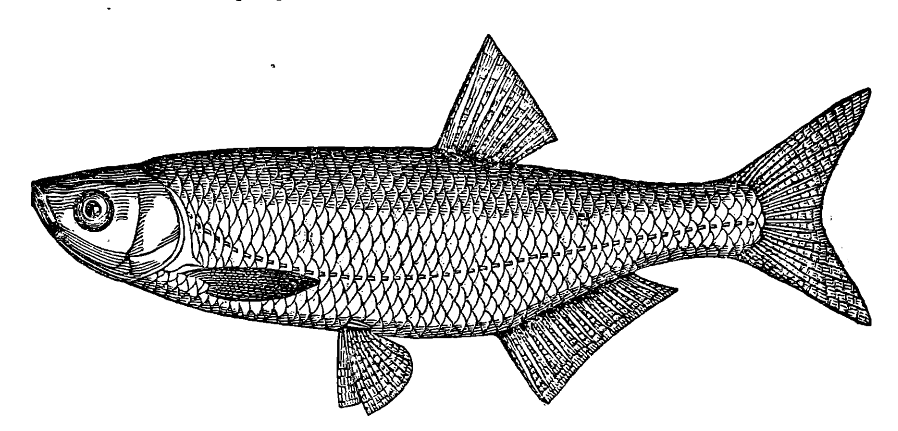
тащился по дну. Это хорошо при умеренной быстроте течения. 2) Можно удить без наплавка с грузилом очень тяжелым, находящимся в расстоянии двух и даже трех четвертей от крючка: грузило ляжет на дно, а леса с червяком будет извиваться по течению воды. Этот способ наилучший, особенно на сильных быстринах. 3) Можно удить вовсе без грузила, с наплавком, а лучше без наплавка, пусть вода несет крючок с червячком по своему произволу: по быстроте течения он не вдруг коснется дна, но при его приближении пескари проворно подымаются кверху и хватают крючок. Нигде я не уживал пескарей в таком множестве и таких крупных, как в Москве-реке. При наступлении морозов пескари сваливаются с мелких мест в глубокие, где остаются на зиму. Там они берут до тех пор, пока крепкий лед покроет поверхность воды: удить должно *непременно* со дна.

Пескарь берет живо и верно; его подержка и утаскиванье видны по наплавку и слышны по руке; надобно подсекать его проворно; разумеется, должно удить на одну удочку и всегда держать удилище в руке. Он служит превосходною насадкою для хищной рыбы и самою здоровою пищею для человека. Уха из пескарей, как нежирная и легкая, обыкновенно предписывается докторами больным; пескари, жаренные в сметане, отлично вкусны.

Я уже сказал, что пескарей удят на два и даже на три крючка, привязанных к одной лесе, один другого короче. Правда, если придется удить на месте, где лежит огромная стая пескарей, — они берут жадно, и случается вытаскивать вдруг по два и по три пескаря. Но я не люблю этого устройства удочек: они ужасно путаются и пригодны только для пескарей, которых, если клев хорош, и на один крючок наудишь множество. Французы большие охотники до двойных и тройных удочек. Они употребляют их для уженья крупной рыбы: крючки навязывают разной величины, привязки к лесе пускают также очень различной глубины, так что один крючок лежит на дне, а другой висит на аршин от дна; разумеется, и насадку употребляют разную. Такой способ уженья получает уже особый смысл. Я пробовал его, но без успеха; двойная или тройная удочка неловка, уродлива, чаще задевает, и рыба берет на нее неохотно.

5. УКЛЕЙКА

Я уже сказал, что верховка на нее совершенно похожа, только вчетверо ее меньше: так же плоска, тонка, синевато-серебристого цвета и белоглаза; по этим-то

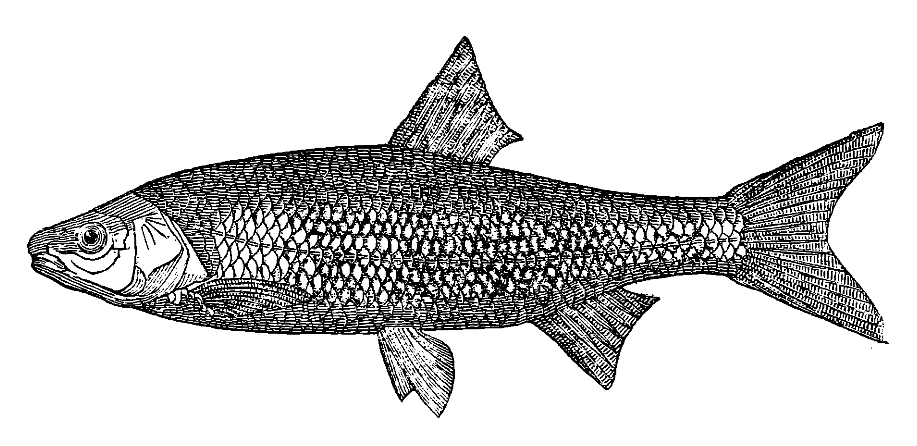
двум последним качествам называют ее в Оренбургской губернии *сентявкой* и *белоглазкой*. Я никогда не видывал уклейки длиннее четверти и шире вершка. Отчего около Москвы называют ее *уклейкой*, добраться я никак не умею. Она водится в большом количестве во всех чистых водах, особенно в реках. Когда вы стоите над синею глубью речного омута или озера и солнце сзади освещает поверхность воды, то непременно увидите на довольно значительной глубине сверканье синевато-серебряных полос, кругловатыми линиями, в разных направлениях, пронзающих воду, — это уклейки.

Редко случается, чтоб охотник занимался их уженьем; но что бы вы ни удили, только бы крючок был насажен навозным червяком, уклейка не оставит схватить его, испортить или попасть на удочку при первом погружении крючка в воду: разумеется, это делается там, где уклейки очень много. Если же червяк дойдет благополучно до дна, то она уже его мало трогает. Уклейка очень надоедает тем, что портит насадку червя, совсем не для нее назначаемую; впрочем, она бросается только

на небольшого червя. Если кому угодно ее удить, то надобно употреблять маленькие удочки, наплавок пускать очень мелко, с крошечным грузилом или даже без грузила; всего охотнее и вернее берет она на мушку; на червяка с хвостиком также клюет хорошо, но не так верно, потому что часто хватает только за свесившуюся половину червяка; без хвостика же клюет неохотно, а на хлеб еще неохотнее. Клев ее быстр; она налетает с разбега и вдруг утаскивает наплавок в сторону, иногда погружая его и в воду; а если сама попадет на крючок, что бывает нередко, то натянет лесу и дернет даже за удилище, если вы не вдруг подсечете. Для нее нет особенных мест: она держится по всей реке, но я замечал ее в большом количестве в местах глубоких и тихих. Уклейка пригодна для насадки на всякую хищную рыбу, даже и на крупную, которую она может приманить издали, кидаясь на крючок с необыкновенною быстротою во все стороны и сверкая блестящей белизной своей. Уклейка никогда не бывает жирна и потому не употребляется для ухи, но изжаренная в сметане и высушенная — а еще лучше прокопченная, как сельдь, — очень хороша. Вообще вкус ее приятнее вкуса мелкой плотицы. Уклейка клюет до поздней осени, но после сильных морозов — уже только в глубоких омутах и со дна.

6. ЕЛЕЦ

Рыба, неизвестная в низовых губерниях; может быть, так названа потому, что впервые появилась в известной реке Ельце, на которой стоит город Елец. Блестящей серебряной чешуей своей она сходна с уклейкой, но она белее, не плоска, а брусковата; похожа складом на головля. Длиною бывает с небольшим в четверть, а толщиною пальца в полтора; глаза, перья и хвост какого-то неопределенного серовато-сизого цвета, а спинка потемнее. Вообще эта рыбка очень живая и красивая. Елец водится довольно изобильно во всех реках Московской губернии, также в проточных прудах и озерах, заливаемых речною весеннею водою, но в небольших, копаных, несвежих прудах жить не может. Он так же, как и

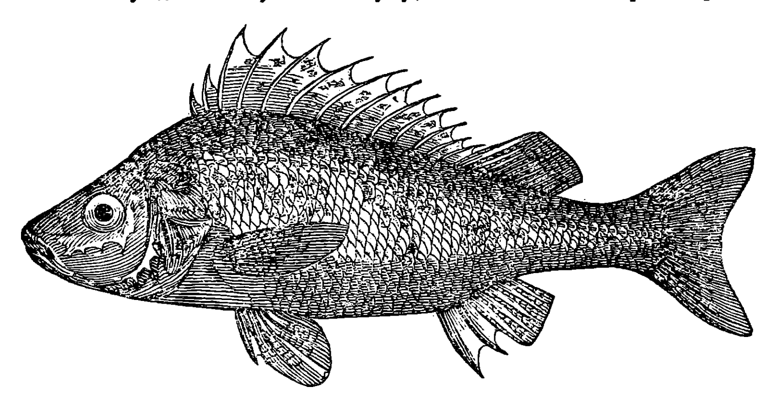

уклейка, очень проворен в своих движениях, но шире, белее и ярче сверкает в глубине; берет по большей части со дна и охотнее держится на местах неглубоких, быстрых, хрящеватых и каменистых. Клюет довольно верно; если со дна, то сначала ведет наплавок, не погружая: в это время должно подсекать его; если же насадка не касается дна, то берет живо и совсем утаскивает наплавок. Удить его надобно на навозного червяка, но крупные берут охотнее на земляного небольшого червя; говорят, что елец клюет и на хлеб, но мне никогда не случалось выудить ельца на хлебную насадку. В осень ельцы любят играть на солнце, и в это время надобно удить их, навязывая наплавок очень мелко, спуская его иногда до самого поводка; после же сильных морозов, в октябре, они берут только уже со дна, в глубоких омутах. Средней величины ельцы пригодны для насадки на щук и больших налимов. Вкус ельца составляет нечто среднее между плотицей и уклейкой, следовательно имеет мало достоинства. Клевать начинает очень рано, даже в апреле, когда вода в реках еще слишком сильна и мутна.

7. ЕРШ

Имя ерша, очевидно, происходит от его наружности: вся его спина, почти от головы и до хвоста, вооружена острыми, крепкими иглами, соединенными между собой

тонкою, пестрою перепонкою; щеки, покрывающие его жабры, имеют также по одной острой игле, и когда вытащишь его из воды, то он имеет способность так растопырить свои жабры, так взъерошить свой спинной гребень и загнуть хвост, что название ерша, вероятно, было ему дано в ту же минуту, как только в первый раз

его увидел человек. Ерш в этом виде, быстро выхваченный из воды, не покажется даже рыбой, а чем-то круглым и мохнатым; даже на подъеме он покажется тяжелее, чем другие рыбки равной с ним величины. Русский народ любит ерша; его именем, как прилагательным, называет он всякого невзрачного, задорного человека, который сердится, топорщится, ершится. Про ерша сочинил он, вероятно всем известную, целую сказку с лубочными картинками своенародной фантазии и иногда с забавными созвучиями вместо рифм. По-моему, ерш — лучшая рыбка из всех, не достигающих большого роста. Складом своим он совершенно сходен с окунем, хотя никогда не питается рыбой. В реках средней полосы России он не бывает и четырех вершков длины, но в Петербурге, в устье Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я сам видал их, с лишком в четверть длиною. Слыхал также об огромных сибирских ершах. Ерш имеет необыкновенно большие, навыкате, темносиние глаза; от самой головы, как я уже сказал, идет у него жесткий гребень, почти в вершок вышиною; он оканчивается, не

доходя пальца на два до хвоста, но и это место занято у него другим небольшим гребешком, уже мягким, похожим на обыкновенное плавательное рыбье перо; ерш колется, как окунь, если взять его неосторожно; он весь пестрый, кроме брюшка, но пестрины какого-то темноватого, неопределенного цвета; он весь блестит зеленовато-золотистым лоском, особенно щеки; кожа его покрыта густою слизью в таком изобилии, что ерш превосходит в этом отношении линя и налима; хвост и верхние перья пестроваты, нижние перья беловато-серые. Ерши водятся только в чистых водах и в большем количестве в реках песчаных или глинистых, также и озерах, заливаемых полою весеннею водою. Где ершей много и они крупны, там уженье их необыкновенно изобильно и приятно; клюют только на красного навозного червяка и, хотя не так охотно, — на земляных червей; разумеется, для этого надобно отбирать самых мелких; удочки употребляются средние. Ерши гораздо жаднее клюют со дна, чем на весу, и потому в таком только случае не должно удить со дна, если оно травянисто или имеет задевы.

Ерши очень рано весною начинают клевать и перестают в конце самой поздней осени. Если вы нападете на станичку, можете переудить бо̀льшую их часть: насаживать можно червяков с хвостами и без хвостов, но первое всегда лучше. Ерши берут и заклевывают верно, без обмана, и почти всегда погружают наплавок в воду, но иногда ведут в сторону, тряся его; нередко, вынимая просто удочку, вытаскиваете ерша, который держал крючок во рту. Впрочем, это бывает иногда со всякой рыбой. Я нигде не находил ершей в таком множестве, как в поемных озерах около Москвы-реки: там можно было их выудить сколько угодно: двести, триста и более, зато крупные попадались редко, отчего уженье теряло свою заманчивость. Ершей не употребляют для насадки, вероятно по причине их острых вооружений, которые не нравятся хищным рыбам, но для человека ерш составляет превосходную добычу. Уха из ершей — самая здоровая, питательная и вкусная пища, но всего лучше они — особенно если крупны, — приготовленные на холодное под желе, которое бывает необыкновенно густо.

По моему мнению, ничто не может сравниться с деликатнейшим вкусом этого блюда.

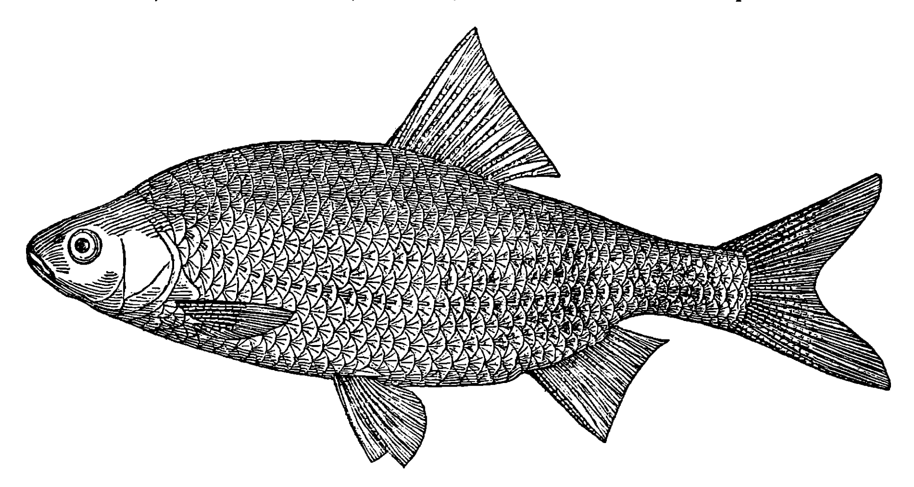
Я всегда дорожил крупными ершами и отыскивал их неутомимо. Но клев их в реках очень капризен: иногда на мели, иногда только в глуби; сегодня клюют хорошо, завтра не клюют совсем. Ерши в исходе апреля набиты икрой до безобразия и в мае ее мечут, после чего клюют жаднее.

Теперь я поговорю о тех рыбах, которые, родясь такими же крошками, как и те, коих я уже описал, достигают большой величины.

8. ПЛОТИЦА

Очевидно, получила свое имя от того, что она плоска. В некоторых губерниях ее называют *сорога*, или *сорожняк*; происхождение этого названия объяснить не умею. Без сомнения, это самая плодовитая и многочисленная порода рыбы. В реках больших и малых, озерах, прудах проточных и копаных, если только вода довольно свежа, одним словом сказать, везде водится плотва во множестве. Это так ее опошлило, что рыбаки совершенно ее не уважают. Только тогда получает она некоторую значительность, когда начинает весить более фунта. Я сам видел плотицу в четыре фунта, но старые рыбаки рассказывали мне в Оренбургской губернии, что в старину попадалась плотва в семь фунтов: такую плотицу выудить уже очень приятно. Плотица несколько широка и кругловата, особенно крупная, плоска, чистосеребристого цвета, который к спинке становится темнее; глаза имеет красные или красно-коричневые, и чем плотица больше, тем глаза становятся краснее; верхние и нижние перья темно-красноваты; чешуя довольно крупная. С увеличением роста плотица становится шире и кругловатее; рот имеет небольшой. Клев ее начинается с самой ранней весны, даже тогда, когда полая вода не совсем слила и еще довольно мутна; одним словом, плотва первая начинает и почти последняя оканчивает рыбий клев. Она жадно бросается на всякую насадку: на обыкновенного навозного червяка, а крупная — даже на земляного, на хлеб, на всякие распаренные зерна, на раковые шейки

и на всяких насекомых. Ее можно удить на всех местах и на всякой глубине; но крупная плотва клюет лучше и вернее со дна, в местах глубоких и тихих, особенно на хлеб; в камышах же, полоях, в мелкой воде она берет на

две четверти аршина и даже менее от поверхности воды, особенно в ветреное время. В водах, где водится большая рыба и где рыбак ее особенно имеет в виду, плотва нестерпимо надоедает: от ее дерганья и тасканья нет никакой защиты; одно спасенье — огромные куски хлеба, самый крупный земляной червь, непрорванный сальник и линючий рак, в целости насаженный на крючок. Я помню в детстве моем, когда Оренбургская губерния была еще гораздо менее населена и реки ее кипели всякой рыбой, особенно плотвой, как во множестве удили ее на кусочки кишок мелких птичек, на травяные стебельки и на всякую дрянь. Но презирать плотву можно там, где много другой, лучшей рыбы. Мне самому случалось жить в таких местах, где я был рад и порядочной плотичке; а как это может случиться и с другим охотником, то и следует поговорить обстоятельнее об ее уженье. Клев плотвы бесконечно разнообразен. Всего благонадежнее удить ее на кусочки хлеба и на распаренные пшеничные зерна, но к этому надобно ее приучить, бросая прикормку, состоящую из того и другого. Мне

попадались реки, в которых плотва ни на что не брала, кроме червяка[1], и то с хвостом, а это клев самый неверный; не знаю, чем объяснить такую странность: непривычкой ли к хлебу и зерну, или изобилием питательных трав и разных водяных насекомых? Крупная плотва особенно любит брать рано утром. Надобно стараться приучить ее клевать со дна; тут она утаскивает и погружает наплавок в воду, а потому подсекать ее нетрудно, и только тут можно удить на две удочки; если же вы удите на весу, то надобно подсекать ту же минуту, как скоро она потащит наплавок или начнет его погружать. Плотва средняя, и особенно мелкая, редко берет верно: внимание, сметка, быстрота и ловкость подсечки тут необходимы. Удилище должно держать в руке. Нечего на это смотреть, что много будет промахов, зато много будет и рыбы. На местах, где давно опущен мешок с прикормкой, плотва очень привыкает кушать распаренные зерна и берет на них без обмана. Тут можно ее наудить сколько угодно, насаживая на маленькую удочку одно или два зерна разбухшей в горячей воде пшеницы и всякий раз пробуя — свободно ли выходит наружу жало крючка; впрочем, самая крупная плотва скорее возьмет на куски умятого хлеба, величиною в русский небольшой орех. Для насадки червей надобно употреблять средние удочки, а для хлебных крошечных шариков и пшеничных зерен — маленькие крючки. Мелкая плотва может служить насадкой для хищной рыбы. Уха из нее невкусна и часто пахнет травой; лучше ее жарить в сметане и сушить. Плотва некрупная клюет до глубокой осени и даже зимою в прорубях; икру мечет в июне.

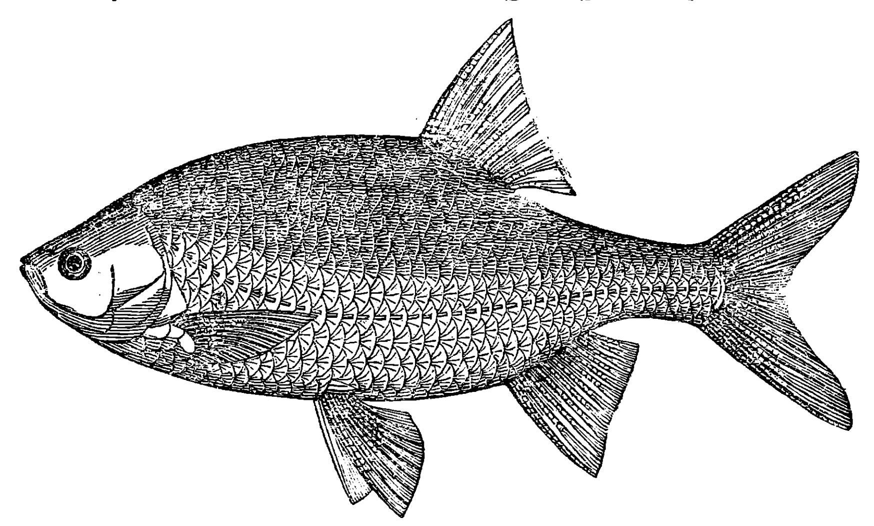
9. КРАСНОПЕРКА

Рыбаки называют ее *плотица-красноперка*; итак, повидимому, не следовало бы говорить о ней как особой породе рыбы, но я нахожу между нею и обыкновенною

---

[1] Один почтенный охотник (С. Я. А.) сообщил мне, что в реке Неме, протекающей близ г. Вереи, плотва, водящаяся во множестве, не берет совсем на удочку, так что в иной год выудишь две или одну плотицу.

плотицею существенное различие, кроме различия цвета, которое, хотя не так ярко, встречается и у других рыб одной и той же породы. Красноперка гораздо шире обыкновенной плотицы; кругловатой своей фигурой и складом совершенно похожа на *подлещика*, покрыта чешуей желто-золотистого блестящего цвета; края этой

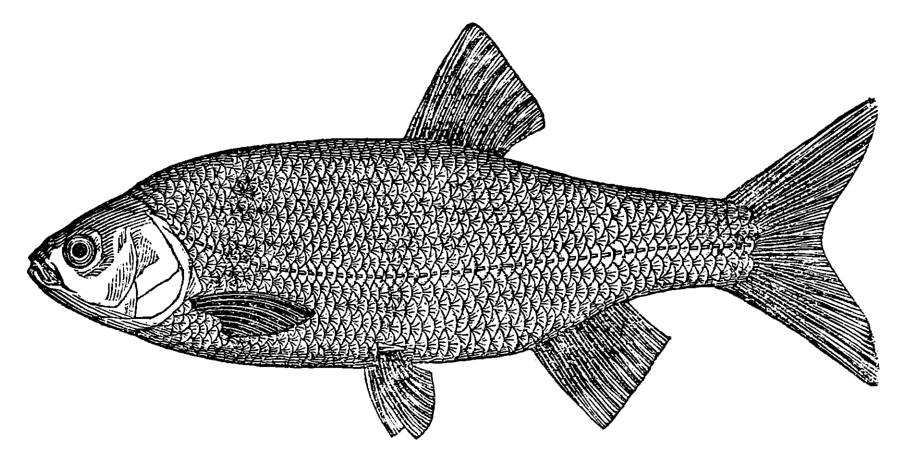
чешуи как будто оторочены золотисто-коричневой каемочкой; перья, особенно нижние, яркого красного цвета, отчего она и получила свое имя, глаза коричневые; все это вместе делает ее одною из самых красивых рыб. Красноперка, вероятно, может достигать такой же величины и такого же возраста, как и простая плотица. Икру мечет в одно время с нею. Один раз при мне выудил рыбак красноперку (на раковую шейку) в три с половиною фунта; она была так красива, что мы долго любовались ею. Не везде, где водится обыкновенная плотва, водится и красноперка; около Москвы никто про нее и не слыхивал, да и в Оренбургской губернии, во многих реках, прудах и озерах, изобилующих всеми породами рыб, в том числе и плотвой, нет ни одной красноперки, тогда как в других местах она водится во множестве; клев ее совершенно отличен от клева плотицы: она

не теребит, не рвет, не таскает крючка, схватив за кончик червяка; красноперка или вовсе не берет, или берет верно. Очень редко выудишь ее в реке; но в конце лета и в начале осени удят ее с лодки в большом количестве в полоях прудов, между травами, и особенно на чистых местах между камышами, также и в озерах, весной заливаемых тою же рекою; тут берет она очень хорошо на красного навозного червяка и еще лучше — на распаренную пшеницу (на месте прикормленном); на хлеб клюет не так охотно, но к концу осени сваливается она в прудах в глубокие места материка, особенно около кауза, плотины и вешняка, и держится до сильных морозов; здесь она берет на хлеб и маленькие кусочки свежей рыбы; обыкновенно употребляют для этого тут же пойманную плотичку или другую мелкую рыбку; уж это одно свойство совершенно отличает ее от обыкновенной плотвы. Мелкая красноперка очень хороша для насадки на хищную рыбу, потому что живуща и не скоро утомляется, ходя на большом крючке. Вкусом мало отличается от обыкновенной плотвы. Для уженья на зерна употребляются маленькие, а для червей и кусочков рыбы — средние удочки. По необыкновенно красивой наружности, потому что водится не везде и клюет не всегда, даже появляется во множестве не всякий год — уженье красноперки несравненно выше уженья плотвы.

10. ЯЗЬ

Не умею определить, откуда происходит его название. Язь, так сказать, уже капитальная рыба и занимает одно из почетных мест в уженье крупной рыбы, настоящем охотничьем уженье, которое преимущественно привлекает истинного рыбака. Тот уже не охотник, кто закидывает маленькую удочку на мелкую рыбу там, где клюет крупная: лучше просидеть или простоять несколько часов, ничего не выудив, глядя на неподвижные наплавки, но ежеминутно ожидая богатой добычи, чем приняться за тасканье дрянных плотичек и, может быть, отогнать этим больших рыб. Язи как-то редко попадаются в малом виде; по большей части они начинают

брать на удочку, достигнув порядочной величины; впрочем, это замечание не везде верно [1]. Около Москвы небольших язей фунтов до двух называют *подъязиками*, но в других местах России я не слыхивал такого подразделения. Язи около четырех фунтов попадаются

всего чаще, но бывают и в девять фунтов. Самый большой язь, которого мне удалось выудить, весил около семи фунтов. Язь довольно широк, но уже не кругловат и ровнее плотицы; иногда достигает трех четвертей длины и двух вершков толщины, разумеется в спине; хвост и нижние перья имеет красные, а верхние — сизые, глаза светлокоричневые; покрыт чешуей, которая около спины крупнее и темнее, по большей части серебристого цвета, но попадаются изредка язи в одной и той же реке, желтовато-золотистые. Они водятся только в водах чистых: реках, проточных прудах и больших озерах; икру мечут в мае. Язи легко привыкают к прикормке, особенно постоянной, и только при этом условии можно выудить много крупных язей в одно утро на одном и том же месте; под словом *много* я разумею какой-нибудь десяток. С начала весны язи охотно берут на

---

[1] Это замечание справедливо только в отношении к Оренбургской губернии; около Москвы совсем напротив: мелкие язики попадаются гораздо чаще.

куски умятого хлеба, величиною с небольшой грецкий орех, потом на крупных земляных и на кучу навозных червей, или глист, также на раковые шейки; в начале и средине лета—на линючих раков и на большого белого червя (сальника); попозднее — на кобылок, а осенью язи почти не берут; если и возьмет какой-нибудь шалун, то уже не на большую насадку и удочку, а на удочку маленькую, мелко пущенную и насаженную на пшеничку, муху или тому подобную мелочь. Одного из самых крупных язей я выудил на большого зеленоватого комара особенной породы, на крошечную удочку; зато я водил его около часа. Настоящий клев язей — со дна; для уженья употребляются крючки большие, если велика насадка, и средние, если она мала. По слитии полой воды вслед за плотицей сейчас начинают брать язи; самый лучший клев их, по замечанию рыбаков, бывает в то время, когда цветет калина. Если вы удите без прикормки, *на ходу рыбы*, то надобно, выбрав узкое место реки, одну удочку закинуть на середину, другую поближе, а третью у берега; если же удите на прикормленном и отлогом месте, то выгоднее класть все наплавки около травы, поближе к берегу, а удилища — на траву. Без всякого сомнения, в обоих случаях самое драгоценное время для уженья язей — раннее утро. Тут они берут задолго до восхождения солнца, так что, только сидя лицом к заре и то наклонясь к земле, можно различить наплавки. Только истинный охотник может вполне оценить всю прелесть этого раннего уженья... При торжественной тишине белеет восток и гонит на юго-запад ночную темноту, предметы выступают из мрака, яснеют; но камыши стоят еще неподвижны, и поверхность вод не дымится легким паром: еще долго до солнца... Вдруг начинаете вы слышать, сначала издали, бульканье подымающихся со дна пузырей: это воздух, выпускаемый через ноздри крупною рыбою... Это верный знак, что идут язи... Пузыри выскакивают ближе, вы уже их видите... Сейчас начнется клев... Язь берет верно и прямо утаскивает наплавок в воду; подсечка должна быть скорая, решительная, но не слишком крепкая и не порывистая. Язь — одна из сильных рыб и на удочке ходит очень бойко. Надобно осторожно, утомив наперед, выво-

дить его на поверхность воды и наблюдать, чтобы круги, которые он станет давать, были не слишком широки: иначе ему будет легко, бросившись в сторону, натянуть лесу и оборвать.

Большие язи бывают очень жирны, и уха из них довольно вкусна, но всего лучше приготовлять их на холодное под соусом с сметаной и хреном; жаль только, что язь очень костлив. Цвет его тела бледнобланжевый.

Наибольшую часть крупной рыбы, выуженной мной в течение всего рыболовного моего поприща, составляют язи; река Бугуруслан, на которой я вырос, изобиловала в то время преимущественно язями; головли переводились, а лещи еще не заводились. Итак, большие язи были вожделенной добычей рыбака. Да и как славно брали они тогда на хлеб, без всякой прикормки, по всей реке без исключения. Только, бывало, и слышишь о порванных лесах, разогнувшихся или переломленных крючках и удилищах. Разумеется, язей таскали через голову, как плотичек, — итак, мудрено ли, что выуживали четвертую часть из числа попадавшихся?..

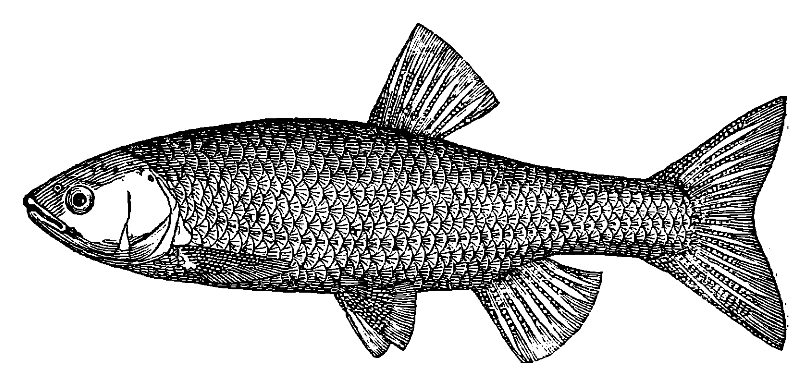
К числу диковинных случаев, виденных мною на уженье, можно причислить и следующий: удил я один раз на берегу своего пруда (Оренбургской губернии), а другой рыбак сидел на мостках, устроенных в траве над самым материком, посередине пруда. Вдруг вижу я, что рыбак встал на ноги и начал водить, повидимому, большую рыбу. Эта история продолжалась так долго, что я пришел в большое удивление. Я попробовал спросить, но расстояние было велико, и мы слышали только крик друг друга, а слов расслушать не могли. Мне надоело смотреть на однообразные движения рыбака, и я занялся собственными удочками; изредка я взглядывал на него и видел все одно и то же. Наконец, по крайней мере через час, увидел, что рыбак поспешно плывет на лодке прямо ко мне: он привез в сачке не отцепленного огромного язя (с лишком в пять фунтов) и пригласил меня посмотреть, каким манером он попался на удочку. В самом деле, это была диковинка: шелковый поводок (в две шелковинки) обернулся и захлестнулся за конец спинного плавательного пера, а крючок, насаженный червяком, не тронутый висел у язя сбоку. Я пробовал держать

рыбу на весу (а в воздухе это несравненно тяжелее, чем в воде) — и рыба держалась крепко. Впоследствии с тем же рыбаком случилась другая история в этом же роде, еще удивительнее, но я расскажу ее, говоря о щуке.

Сообщаю новость охотникам: в прошлом, 1851 году, ночью на 15 сентября, попал мне язь в три фунта на крючок, насаженный карасем и поставленный на налимов, в яме под вешняком. Итак, язь может взять и на рыбку.

11. ГОЛОВЛЬ

Хотя очевидно, что имя его происходит от большой головы, но она у него совсем не так велика, а если и кажется большей величины, чем у других рыб, то единственно оттого, что лоб у головля очень широк и как-то

сливается с его брусковатым станом. Головль не так широк, как язь, длиннее его и гораздо толще в спине. По уверению многих рыбаков, достигает до аршинной длины и до четырнадцати фунтов весу; сам же я не видывал головля более девяти фунтов. Он гораздо красивее язя: чешуя крупнее и серебристее, а каждая чешуйка по краям оттенена тонкою, блестящею, коричневою каемкой. Рот имеет довольно большой, глаза темные; нижние перья красноваты, а верхние, особенно хвост, темносизого цвета, так что когда в полдневный пригрев солнца рыба подымется со дна на поверхность воды, то

сейчас отличишь головлей по темносиним, черным почти, хвостам. Головль любит воду чистую и свежую, водится даже в такой холодной воде, в которой язь не может держаться, так что в реках всегда появляется вслед за породами форели. Даже не знаю, живет ли он в больших озерах, но в проточных речных прудах размножается обильно; исключительно держится на песчаных и хрящеватых местах, даже каменистых; в полоях головль редкость: река, материк в пруде, вот его место. Он необычайно быстр в своих движениях, чему способствует склад его стана, которым несколько похож на щуку. Не так легко прикармливается хлебными зернами и вообще осторожнее язя, но иногда берет на хлеб; лучше любит червей и особенно сальника, раковые шейки и целых линючих раков; самые большие головли берут на рыбку, предпочтительно ночью, для чего и ставят на них осенью, когда сделается холоднее, крючки, насаженные пескарями, гольцами, а по неимению их уклейками и плотичками. Я уже упомянул об уженье головлей летом, по ночам, с лодки, на длинные лесы. Крупный головль большею частью берет со дна; клев его необыкновенно быстр, и он почти всегда сам себя подсекает и потом стремительно выскакивает наружу, мечется на удочке, как бешеный, и выпрыгивает иногда весь из воды. Рыбак должен стараться предупредить все эти опасные проделки и, угадав по быстроте движений, что у него взял головль, не пускать его со дна наружу, пока он не утомится и не присмиреет, иногда погружая для этого конец удилища в воду. Нет рыбы его сильнее, бойчее, быстрее, неутомимее. Огромный головль на удочке — великолепное зрелище! Самый опытный, искусный рыбак не без страха смотрит на его быстрые, как молния, неусмиряющиеся прыжки и тогда только успокоится, когда подхватит сачком. Головлей удят и без грузила и без наплавка, на наплавную удочку средней величины, насаживая на крючок кобылку, жучка, муху или навозного червяка; это уженье производится на быстрых течениях реки; попадаются преимущественно средние головлики и редко крупные; впрочем, большого головля на такую лесу почти невозможно выудить. Хотя он сходен вкусом с язем, но как-то чище, деликатнее. Уженье

больших головлей я считаю первоклассным уженьем как по осторожности, необыкновенной быстроте и бойкости их, так и потому, что они берут редко: поймать двух, трех крупных головлей в одно утро — богатая, даже великолепная добыча. Но отчего так редко берут большие головли, тогда как, вероятно, каждому охотнику случалось видать их гораздо более, чем другой крупной рыбы — это разрешить я никак не могу. Головли всегда и везде приводили меня в отчаяние — на реках Оренбургской, Симбирской, Пензенской и Московской губерний. Всего обиднее видеть их иногда гуляющих стаями в полдень, по самой поверхности воды, иногда лежащих на каменистом или песчаном неглубоком дне речного, как стекло прозрачного, переката! Под самый рот подводишь им все любимые насадки: раков, огромных земляных червей, жирного сальника, пескаря — все понапрасну! Точно и не видят! Иногда вдруг один подойдет, как будто понюхает (и займется дух от ожидания у охотника), толкнет рылом насадку и отойдет прочь! Иногда случалось, что кусок опустится прямо на головля, лежащего на дне, и что же? Отодвинется немножко в сторону и ляжет опять на песок, пошевеливая, как кормовым веслом, черным хвостом своим. Рыбаки обыкновенно объясняют это тем, что головли видят охотника и не берут из осторожности. Но бог знает, справедливо ли это объяснение: сторожкая, пугливая рыба, увидев какую бы то ни было движущуюся фигуру, может уплыть прочь, спрятаться — это понятно; но дальнейших соображений осторожности я не признаю: почему же головли берут редко и в глубоких местах, в воде непрозрачной, где рыбака решительно не видно? Нет, тут должны быть другие причины, которых мы не знаем.

Говоря о головле, считаю не лишним рассказать случай, служащий доказательством, что никогда не должно брать рукою за лесу, вытаскивая большую рыбу, о чем я упомянул выше. Удил я один раз после обеда рано весною, вверху большого пруда (то есть в материке), заросшего камышами. Я стоял на узкой стрелке: так назывался мыс, залитый с трех сторон водою. Крупная рыба еще не начинала брать. Три мои большие удочки лежали неподвижно; наконец, тронуло на белого червя

(сальника); два раза стаскивало, в третий раз я как-то ловко подсек и вытащил головлика. Видя, что крупная рыба не берет, я откинул большую удочку, взял среднюю, в шесть волосков, насадил маленького сальника и закинул. Не успел я положить удилища, как наплавок исчез...подсекаю — огромная рыба!.. Гибкое удилище согнулось в кольцо до самой руки. Сначала, по быстроте прямолинейных движений, я подумал, что это щука; но рыба не замедлила меня разуверить: огромный головль, какого я ни прежде, ни после не видывал, вылетел на поверхность воды и начал свои отчаянные прыжки... Тонкая леса моя была так крепка, удилище так гнутко, я водил так осторожно, что через полчаса головль утомился. Я подвел его к берегу, чтобы подхватить сачком, но сачок был *мал* и *мелок*, рыба в нем не умещалась[1]. Между тем вдруг головль сделал отчаянный прыжок и выскочил на густую осоку, которая свесилась с берега и была поднята подтопившею его водою: стоило только осторожно взять головля рукой или накрыть его сачком и вытащить на берег таском; но я, столь благоразумный, терпеливый, можно сказать искусный рыбак, соблазнился тем, что рыба лежит почти на берегу, что надобно протащить ее всего какую-нибудь четверть аршина до безопасного места, схватил за лесу рукою и только натянул ее — головль взметнулся, как бешеный, леса порвалась, и он перевалился в воду... Я потерял такую драгоценную для охотника, особенно в такое раннее весеннее время, добычу, что буквально был в отчаянии, да и до сих пор не могу вспомнить этой потери равнодушно, хотя впоследствии утешил себя тем, что написал идиллию «Рыбачье горе»...

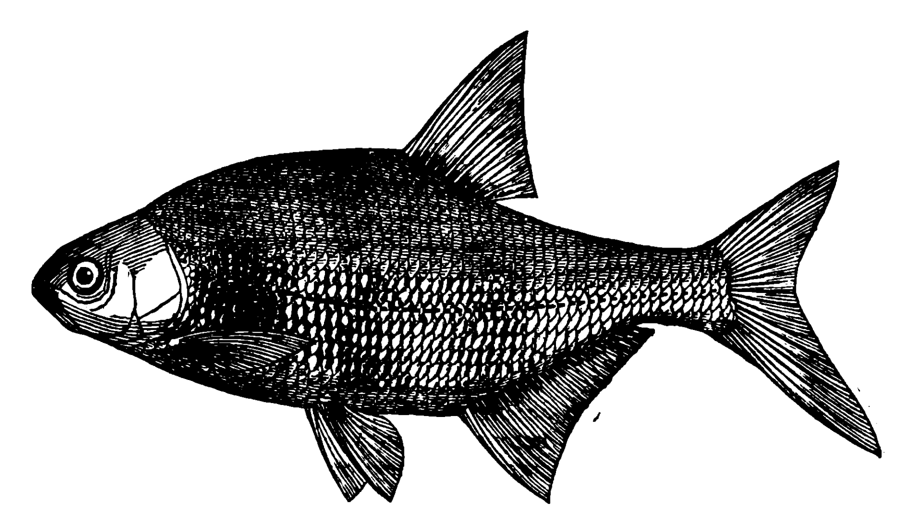
12. ЛЕЩ

Определить с точностью происхождение его имени довольно трудно. Легко быть может, что слова *лещедь*, *лещедка* произошли от одного корня с именем леща, ибо

---

[1] Вот доказательство сказанного мною выше, что сачок всегда должен быть глубок и не мал.

у широкой и плоской лещеди есть с ним некоторое подобие; лещедкой же называется расколотый пенек дерева или сучка, в который ущемляется все то, что надобно придавить, сделать плоским. Круглой, плоской, широкой своей фигурой лещ отличается от всех других рыб; голова у него небольшая, особенно кажется такою по ширине склада; рот еще меньше относительно величины

всего тела. Лещи бывают огромной величины и весу: достигают почти аршинной длины, двух четвертей ширины и в то же время только до двух вершков толщины в спине. Я от многих слыхал, что лещи попадаются в восьмнадцать фунтов, но сам не видал больше двенадцати фунтов. Они бывают желтовато-золотистого и серовато-серебристого цвета, но первые редки; брюхо — белое. Чешуя на них крупная, хвост и перья сизые и очень небольшие, глаза белые, с темными зрачками. Фигура леща неприятна, она представляет что-то уродливое. Он не сносит воды холодной и появляется в реках после всех рыб; преимущественно водится во множестве в реках тихих, глубоких, тинистых, имеющих много плес и заливов; особенно любит большие пруды и озера; икру мечет в апреле, в самое водополье. Я помню, что в реке

Бугуруслане, Оренбургской губернии, когда она была еще мало заселена, сначала водилось много головлей и мало язей; потом развелось множество язей, а головлей стало мало; лещи же, сколько их ни пускали в пруд, никак не разводились, хотя верст двадцать ниже, где наша река впадает в другую, именно в *Насягай*, лещей было довольно. Теперь же и в пруде Бугуруслана и по всей реке лещей развелось множество [1]. Очевидно, что прозрачная и необыкновенно холодная вода реки от многих мельниц и новых поселений постепенно делалась мутнее, теплее, так что, наконец, стали в ней держаться лещи. Впрочем, был употреблен для разведения их тот способ, о котором я говорил в статье «О рыбах вообще»». — Небольшие лещи называются *подлещиками*. Иные считают их особою породою рыбы, но, по-моему, это несправедливо. Весной, едва реки начнут входить в берега и воды проясняться, как начинается самый жадный клев лещей, потому что они тощи, голодны после извержения икры и молок, как и всякая рыба, а корму еще мало. Они берут на червяка навозного и земляного, но всего охотнее на первого. Впрочем, их можно прикормить хлебом и распаренными зернами; они хорошо берут на размоченный горох. Для уженья, если оно производится в реках, избираются места тихие и глубокие, всего лучше заводи и заливы. В прудах и озерах можно выбирать место какое угодно, но, разумеется, глубокое, имеющее гладкое, покатое дно и удобный берег для вытаскивания добычи. В некоторых водах они водятся в таком изобилии и с весны клюют так охотно и верно, что их можно выудить невероятное количество. Я разумею лещей средних: очень крупные берут всегда редко. Удить надобно со дна, на две и на три удочки; лещ берет тихо и ведет наплавок, не вдруг его погружая: всегда успеешь схватить удилище и подсечь. Удочки лучше употреблять большие, а крючки средние, насаживая по нескольку червяков навозных или по одному, ибо лещ берет без церемонии на обе насадки. Первые его порывы на удочке бывают очень сильны, но он скоро утомляется и всплывает наверх, как деревянный заслон:

---

[1] Эта перемена произошла через сорок лет.

тут весьма удобно подвести его к берегу, подхватить сачком и даже просто взять рукою. Это я говорю о лещах средней величины, то есть около четырех фунтов. Но первые движения огромного леща, то есть фунтов около восьми, десяти, так порывисты и упорны, что надобно крепкую лесу, очень гнуткое удилище и много уменья и ловкости, чтобы выдержать их благополучно. Вот для чего лучше употреблять удочки большого разбора. Говорю это по рассказам, я сам мало уживал лещей, и не тяжеле пяти фунтов. Многие охотники страстно любят весенний клев лещей, который продолжается недели две. Без всякого сомнения, чем рыба больше, тем лестнее ее выудить, а потому и огромные лещи, которые берут не часто, представляют для охотника заманчивое уженье; но тасканье лещей мелких, то есть подлещиков, весом фунтов до двух, которые берут беспрестанно, до чрезвычайности верно и однообразно, сейчас всплывают наверх, и неподвижные вытаскиваются на берег, как деревянные щепки, — по-моему, совсем не весело: я пробовал такое уженье, и оно мне не понравилось. Для меня гораздо приятнее выудить леща, между многими другими рыбами, в продолжение лета и в начале осени, когда уже он берет редко.

Лещи бывают очень жирны, если хотите вкусны, но как-то грубо приторны, а большие — и жестки; впрочем, изредка можно поесть с удовольствием бок жареного леща, то есть ребры, начиненные кашей: остальные части его тела очень костливы.

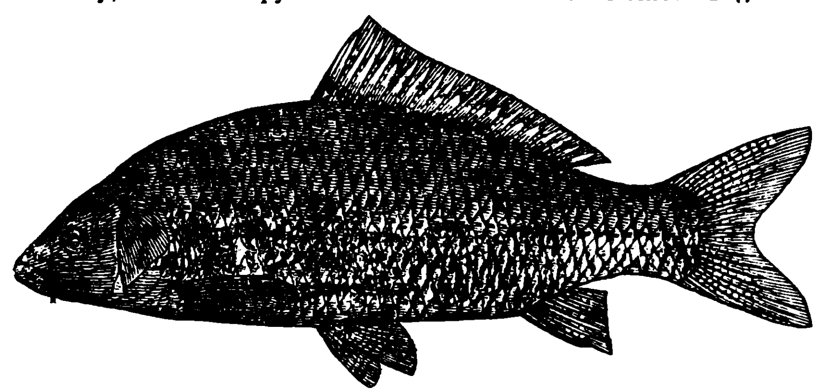
13. САЗАН

Производства его имени сделать не умею; уж полно, русское ли оно? Сазан очень красивая рыба, достигающая пудового веса. Прежде я и не слыхивал, чтобы сазаны водились в реках средней величины. В Оренбургскую, Симбирскую и другие низовые губернии обыкновенно их привозили зимою в значительном количестве с больших рек и преимущественно с Урала, в который набиваются они со взморья в таком невероятном мно-

жестве, что оно может показаться баснословным. Но лет двадцать тому назад в реке Свияге, протекающей под самым Симбирском, вдруг появились сазаны; сначала средней величины и крупные, а впоследствии уже развелось и множество мелких. Не утверждаю за верное, но мне сказывали, что в верховье этой самой реки у какого-то помещика был огромный пруд, не уходивший лет сорок, в котором он развел сазанов (карпий) в изобилии; но вдруг этот пруд прорвало, сазаны ушли и распространились по всей реке. Конечно, всего ближе было зайти сазанам из Волги, в которую Свияга впадает; но почему же они не заходили прежде? Как бы то ни было, но появление сазанов открыло новое превосходное уженье для симбирских рыбаков-охотников. Через несколько лет уже появились сазаны и в других небольших реках Симбирской и даже Пензенской губернии. Мне самому удалось выудить несколько сазанов от трех до четырех фунтов. Без сомнения, они бойчее на удочке всякой другой рыбы. Сазан берет тихо и везет наплавок с возрастающей скоростью, не вдруг погружая его в воду; но как скоро вы его подсечете, он бросается с невероятною быстротой прямо от вас, диагонально поднимаясь кверху и вытягивая в прямую линию лесу и удилище. Не ожидая начала такого маневра, я потерял несколько сазанов и крючков; довольно толстые лесы в одну минуту были порваны. Для уженья крупных сазанов употребляют удочки самого большого размера и особенно крепкие лесы. Сазан клюет только на навозного и земляного червяка. Самый лучший клев — весною. Сазан очень красив: он покрыт необыкновенно крупною, темно-желто-золотистою чешуей; кажется, будто по золотому полю он весь усыпан гвоздиками с темными шляпками, что напоминает красивую чешую головля. Он довольно широк, при первом взгляде имеет некоторое сходство с карасем, но горбатее, уже и длиннее его; около краев рта имеет два толстые, короткие и мягкие уса, оканчивающиеся кругловатыми и плоскими головками. Сазана я решительно признаю за одну и ту же рыбу с карпией по совершенному их сходству во всем, хотя говорю о каждой особо. У большого сазана мясо нескольке грубо, а мелкие сазаны очень вкусны.

14. КАРП, ИЛИ КАРПИЯ

Карп — имя иностранное, а карпия — переделанное на русский лад. Говоря о сазане, я уже сказал, что он и карпия — одна и та же рыба, с тою разницею, что карпия в прудах имеет цвет не яркий, а серовато-грязный и не достигает такой огромной величины, как сазаны, водящиеся в больших реках и особенно в их устьях, при впадении в море; в Астрахани, например, улов сазанов бывает невероятно велик и замечателен как по множеству, так и по крупноте их. В самой Москве много води-

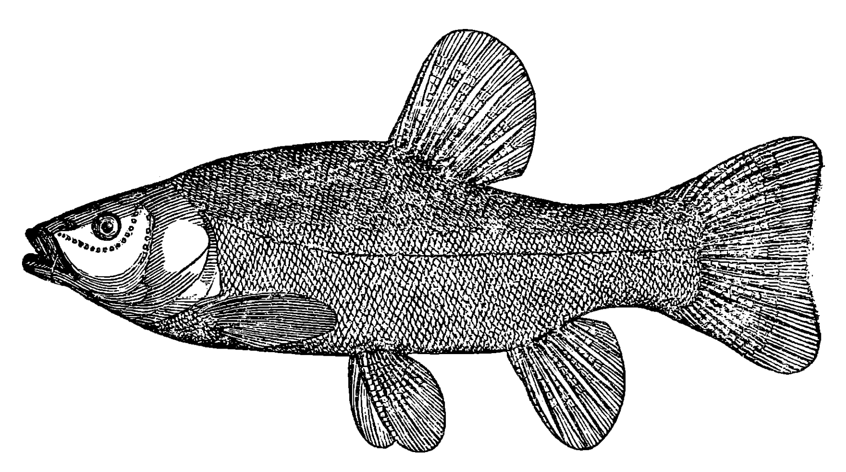
лось карпий в разных прудах, особенно в Пресненских и прудах Дворцового сада, который ныне принадлежит Кадетскому корпусу. В окрестностях Москвы редко найдешь хороший пруд, проточный или непроточный, все равно, лишь бы довольно большой, в котором бы не были разведены карпии. В прудах долго не чищенных и заглохших тиной, карпии переводятся; нередко дохнут они в прудах и оттого, что в продолжение долгих зим не заботятся о достаточном количестве ежедневных прорубей, отчего вода сдыхается и портится. — Карпии охотно клюют на земляного и навозного червяка. На удочке очень бойки и сильны, клюют больше со дна. Я не слыхивал, чтоб около Москвы попадались карпии в реках, пойманные же в прудах часто пахнут тиной, если дно в них тинисто. Впрочем, их можно так же, как карасей, сажать в прорезные сажалки, в проточную све-

жую воду: они скоро потеряют запах тины и получат свой обыкновенный приятный вкус. Карпии, разводимые в прудах, легко приучаются к прикормке в назначенный час и в назначенном месте; если во время их кормления звонить постоянно в колокольчик, то они так к нему привыкнут, что станут собираться на звон колокольчика даже и не в урочное время. Вероятно, и других рыб можно приучить к тому же. В Москве есть еще люди, которые помнят эту проделку в Нескучном саду, когда он принадлежал князю Шаховскому. Весьма недавно в Пресненских прудах водилось множество карпий очень крупных; народ любил кормить их калачами. В самом деле, это было забавное зрелище: как скоро бросят калач в воду, то несколько из самых крупных карпий (а иногда и одна) схватят калач и погрузят его в воду; но, не имея возможности его откусить, скоро выпустят изо рта свою добычу, которая сейчас всплывет на поверхность воды; за нею немедленно являются и карпии, уже в большем числе, и с большею жадностью и смелостью схватывают калач со всех сторон, таскают, дергают, ныряют с ним, и как скоро он немного размокнет, то разрывают на куски и проглатывают в одну минуту. Все эти проделки провожал народ громкими восклицаниями и хохотом. Мне не удавалось удить много ни сазанов, ни так называемых карпий, но по рассказам охотников должно заключить, что это уженье, особенно в реках или больших прудах, очень приятно, добычливо и требует в то же время уменья, осторожности и сачка: ибо крупная карпия — самая бойкая, сильная и неутомимая рыба.

15. ЛИНЬ

Хотя можно имя его произвесть от глагола *льнуть*, потому что линь, покрытый липкою слизью, льнет к рукам, но я решительно полагаю, что названье линя происходит от глагола *линять*: ибо пойманный линь даже в ведре с водою или кружке, особенно если ему тесно, сейчас полиняет и по всему его телу пойдут большие, темные пятна, да и вынутый прямо из воды имеет цвет двуличневый линючий. Без сомнения, народ заметил

такую особенность линя и дал ему характерное имя. Линь складом своего стана несколько схож с язем, только немного шире, толще его и как-то четвероугольнее; он покрыт мельчайшею чешуей темнозеленого, золотистого цвета, которую трудно разглядеть простыми глазами; он весь как будто обмазан густою слизью; глаза имеет маленькие, яркокрасные; хвост и перья толстые, мягкие

и темные; рот небольшой. Линь достигает значительной величины; уверяют, что лини бывают в четырнадцать фунтов весом, но я не видывал линя более восьми фунтов. Надобно сказать, что я не совсем верю большой величине и весу многих рыб, о которых рассказывают рыбаки и охотники; часто они судят по глазомеру и по руке, и очень ошибаются. Вот, например, лини: сколько я их переудил в жизнь мою, сколько видел выуженных другими или пойманных разными рыболовными снастями; как бы мне не встретить хотя одного если не в четырнадцать, то хоть в десять или двенадцать фунтов? Виденный и взвешенный мною на безмене восьмифунтовый линь был длиною в две четверти с вершком, но зато чрезвычайно толст. Лини клюют на хлеб, на земляных и навозных червей, на раковые шейки и на линючих, небольших раков: им трудно заглатывать крупных. Самый клев линей в реках (правильнее сказать: в заливах

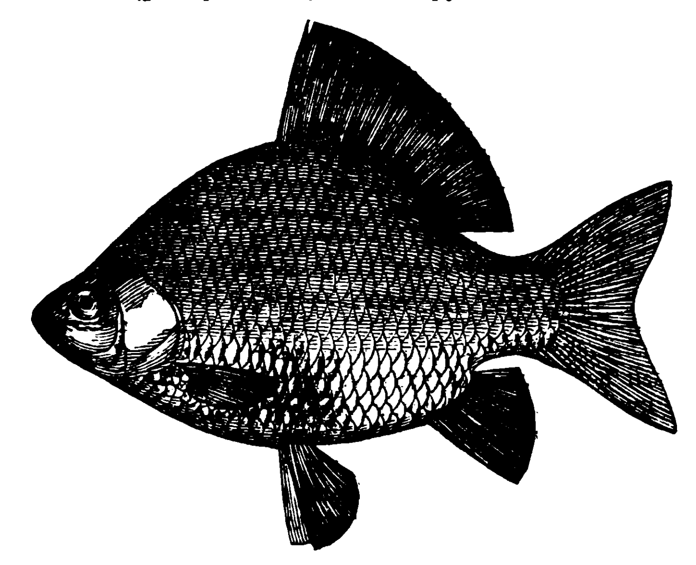
рек, и то в самых тихих, и то рано весною), озерах и прудах начинается сейчас по слитии вешних вод; летом они берут уже в одних прудах, то есть в их травянистых полоях и верховьях, изредка даже в материке пруда; но в реке незапруженной летом уже ни за что линя не выудишь. В Оренбургской губернии я уживал линей, и помногу, в сентябре, даже при небольших морозах, по глубоким местам в полоях пруда, обросших кругом травою; но около Москвы этого клева не существует: как скоро похолодеет, все лини из заливов и трав уйдут, а в материке не берут. Линь хорошо водится в реках тихих, тинистых и травянистых; холодной воды не любит, но всего больше размножается в проточных прудах, озерах и даже в прудах непроточных, небольших. Рыбаки говорят, что лини мечут икру два раза в год: в марте и августе. Нисколько того не утверждая, я замечу, однако, что лучший клев линей бывает в апреле и сентябре, как будто после метанья икры. Заводи, заливы, полои, непременно поросшие травою, — вот любимое местопребывание линей; их надобно удить непременно со дна, если оно чисто; в противном случае надобно удить на весу и на несколько удочек; они берут тихо и верно: по большей части наплавок без малейшего сотрясения, неприметно для глаз, плывет с своего места в какую-нибудь сторону, даже нередко пятится к берегу — это линь; он взял в рот крючок с насадкой и тихо с ним удаляется; вы хватаете удилище, подсекаете, и жало крючка пронзает какую-нибудь часть его мягкого, тесного, как бы распухшего внутри, рта; линь упирается головой вниз, поднимает хвост кверху и в таком положении двигается очень медленно по тинистому дну, и то, если вы станете тащить; в противном случае он способен пролежать камнем несколько времени на одном и том же месте. Когда вы почувствуете, что линь очень велик, то ненадобно торопиться и тащить слишком сильно: можно переломить крючок, если он воткнулся в лобковую кость его рта и пришелся на взлом; держите лесу слегка внатяжку и дожидайтесь, когда линь решится ходить; тогда начинайте водить и водите долго, ибо он очень силен и не скоро утомляется; берегитесь травы: он сейчас в нее бросится, запутается и готов оставаться там несколько

часов. Далее поступайте так, как следует обходиться с большою рыбою. Линь очень редко срывается, разве порвется леса или сломится крючок. Уженье линей на мелких местах, посреди густых водяных трав, что случается очень часто, требует особенной ловкости и уменья: запутавшись, завертевши лесу за траву, линь вдруг останавливается неподвижно; разумеется, тащить не должно; но если рыбак, ожидая времени, когда линь придет в движение, опустит удилище и будет держать лесу слишком наслаби, то иногда линь с такою быстротою бросается в сторону, что вытянет лесу в прямую линию и сейчас ее порвет (разумеется, линь большой); а потому советую удить в травах на лесы самые толстые, крепкие и употреблять удилища не слишком гибкие. По своей мягкости и живучести маленькие линьки служат отличной насадкой на хищную рыбу. Уха из линей густа и питательна, имеет вместе особенный, довольно приятный, сладимый вкус; но всего лучше их сушить в сметане. Лини часто пахнут тиной, от чего легко их избавить, посадив в плетеную сажалку и поставив недели на две в проточную воду. В сажалке надобно кормить их печеным хлебом, отчего они скоро разжиреют.

16. КАРАСЬ

Самая плодовитая и везде во множестве водящаяся рыба. Складом своим широк и кругловат; фигура его составляет средину между красноперкой и лещом, то есть он шире красноперки и уже леща; покрыт чешуей серебряного или золотого цвета. И белые и желтые караси (как называют их без церемонии рыбаки) живут иногда в одной и той же воде вместе. В небольших копаных прудах во множестве попадаются караси среднего, переходного от белого к желтому, как будто розового цвета; вероятно, это помесь. Вся разница между ними состоит в том, что караси желтые несколько круглее и перья имеют красные, особенно нижние, у белых же они серовато-сизые. Вообще карась — складная и красивая рыба, преимущественно золотой. Многие уверяли меня, что караси бывают в десять и даже двенадцать фунтов, но я

долго этому не верил. Переудивши в жизнь мою неисчетное множество карасей, я ни одного не выудил тяжеле двух с половиною фунтов. Помню я в детстве моем, как тянули неводами заливные озера по реке Белой (это было тогда, когда Оренбургская губерния называлась еще Уфимскою), как с трудом вытаскивали на

зеленый берег туго набитую рыбой *мотню*[1], как вытряхивали из нее целый воз больших щук, окуней, карасей и плотвы, которые распрыгивались во все стороны; помню, что иногда удивлялись величине карасей, взвешивали их потом, и ни один не весил более пяти фунтов. Но несколько лет тому назад прислал мне зимой в Москву один приятель (Ф. И. Васьков) несколько мерзлых карасей, пойманных в Костромской губернии; все они были необыкновенной величины, или, лучше сказать, толщины, потому что карась, достигнув двух четвертей с небольшим длины, начинает расти только в толщину; один из обитателей Чухломских вод весил девять

[1] Мотнею называют остроконечный длинный мешок, находящийся в середине невода.

фунтов! Вот было бы весело поймать такого карася-исполина на удочку! Итак, почему же не быть карасям и в двенадцать фунтов? Живя в Оренбургской губернии, я и не слыхивал об уженье карасей. При изобилии всякой крупной речной рыбы, конечно, никакой охотник не станет думать о карасях. Я познакомился с ними по необходимости, проводя летнее время где-нибудь в окрестностях Москвы. Тут везде есть копаные пруды, иногда очень большие и глубокие, поддерживаемые открывшимися на дне родниками и оттого всегда имеющие хорошую воду; карасей разведено почти везде множество, и я волею-неволею полюбил это уженье. Караси начинают брать весною позднее другой рыбы; надобно, чтоб теплота воздуха и весенние лучи солнца прогрели воду и тем подняли карасей с тинистого дна, из глубоких ям, куда они забиваются на зиму. Если очень холодно, то в начале сентября перестают брать, а если тепло, то берут до октября. Всего охотнее караси клюют на красных навозных червяков, или глист, но берут и на земляных червей и на хлеб: к последнему надо их приучить, бросая куски хлеба для прикормки. Я выудил один раз неожиданно желтого карася на раковую шейку, предназначенную для линя: итак, караси могут брать и на рака. Ежели в пруде водятся и белые и желтые караси, то на хлеб будут брать преимущественно желтые, а на червяка — белые; исключения довольно редки. Если же и возьмет на хлеб белый карась, то уже почти всегда не маленький. Странность необъяснимая, потому что белый карась точно так же ест хлебную прикормку, как и желтый. Хотя караси по большей части водятся в озерах и копаных прудах и редко попадаются в заливах проточных прудов, но никак нельзя сказать, что они не живут в реках. Я очень часто замечал, что в реке карасей, по-видимому, нет, а во всех озерках и заводках, наливающихся припруженною водою этой же самой реки, везде есть караси. Они разводятся в невероятном количестве в самых нечистых водах и первые годы растут очень скоро, как и всякая рыба. Но живя в водах нечистых, следовательно теплых, караси точно так же могут жить в воде самой холодной. Вот какое тому доказательство видел я сам: в двух верстах от меня, в мордовской де-

ревушке Киватское, была прорванная мельничная плотина, брошенная более десяти лет; против того места, где был прежде вешняк, всегда стояла, полная с краями, глубокая яма воды, студеной, как лед, из которой вытекал ручеек: несомненный признак, что в яме был родник. Почти всякий день проезжал я на охоту с ружьем мимо этого места. Один раз, возвращаясь с охоты, в исходе июня, вижу я кучу народа около вышесказанной ямы. Я зашел посмотреть, что тут делают. Каково было мое удивление, когда я увидел, что несколькими бреднями ловили в яме карасей и уже поймали более воза. Караси были все желтые, все одинаковой средней величины. Ловившие рыбу дрожали от холода, несмотря на жаркое время. Никогда никому не входило в голову, чтоб в этой яме могла держаться рыба, особенно караси: мальчишки увидели плавающие поверху темные тучи какой-то рыбы и рассказали о том в деревне.

Клев карасей чрезвычайно неодинаков; иногда они берут беспрестанно и очень верно: тронутый наплавок дает около себя один или несколько кружков и отправляется в сторону, но погружается редко; тут довольно времени схватить удилище и подсечь; тут можно удить на несколько удочек и разложить спокойно свои удилища на чем случится; но иногда, в том же самом пруду, караси начнут клевать до того осторожно, или, лучше сказать, неверно, что надобно удить на одну удочку и держать удилище в руке, потому что должно уловлять, посреди троганья и поталкиванья, малейшую потяжку наплавка; промахов будет немало, но иначе ничего не выудишь; в этом случае гораздо вернее удить на хлеб. Впрочем, иногда караси берут только на хлеб, иногда только на червей. Перемену в характере клева я объясняю тем, что покуда держатся около удочек караси средние, ровные, то клев продолжается верный; когда же привалят стаи мелких карасей (вот почему не годится бросать много прикормки), то начнется одно пустое троганье и поталкиванье, так что порядочный карась должен протесняться сквозь кучу мелких и не может взять тихо и спокойно, а берет также урывками, хватая за хвост червяка, следственно также неверно. Впрочем, и то надобно сказать, что когда в небольшом

пруде выужено значительное количество карасей да у числа вдвое большего прорваны, оторваны[1] или поранены губы, то и карась, как он ни прост, должен сделаться осторожным.

Для хлебной насадки надобно употреблять удочки маленькие, а для червяка — средние. Очень раннего вставанья по утрам не нужно. В летние жаркие и красные дни, как скоро сядет солнце, караси начинают ходить около берегов; в это время и удочки надобно закидывать как можно ближе к берегу. В полдень же они подымаются наверх и черными большими пятнами, как пролитая смола, то темнее, то светлее, тихо передвигаются с места на место по поверхности воды; тут надобно пускать наплавки как можно мельче, ибо в это время караси берут очень мало со дна. Крупные караси — я разумею карасей около двух фунтов, — попав на удочку, довольно бойко бросаются в сторону, вертя и головой и всем телом и виляя хвостом; я предполагаю, что у самых больших карасей этот маневр может быть опасен, и потому надобно стараться сейчас повернуть карася в сторону, не давая натянуть лесы; карась скоро утомляется и всплывает наверх боком, как лещ. Сушеные и особенно жаренные в сметане караси — превосходнейшее блюдо, но как они живут в прудах, то вкус их зависит от качества воды и они часто пахнут тиной. Впрочем, если таких карасей насажать в плетеную сажалку и опустить в чистую, проточную воду, то через две, много через три недели они потеряют неприятный вкус и сделаются очень хороши. Карась самая живучая рыба, и потому мелкие карасики служат отличною насадкой для всякой крупной, хищной рыбы.

Две последние породы рыб: линь и карась имеют особенный характер, им только свойственный. Их можно назвать *тинистыми*, ибо они только там разводятся в изобилии, где вода тиха и дно ее покрыто тиной. Тина — их атмосфера; на зиму они решительно в нее

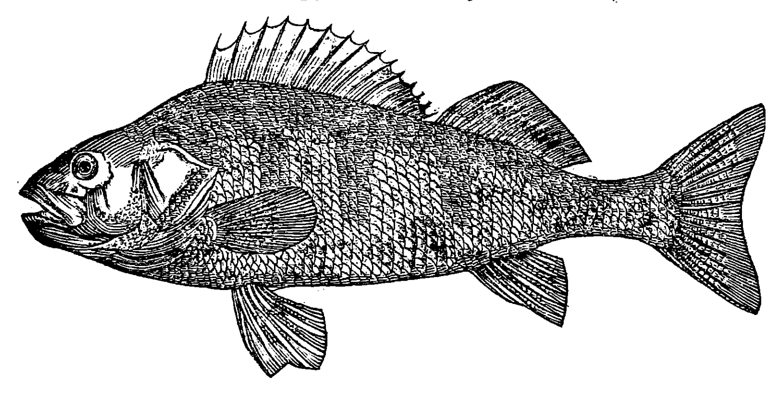
[1] От сильной подсечки нередко совсем отрываются у карасей (и у всякой мелкой рыбы) губы, которые, точно как колечко, держатся на кожице, вытягиваясь в нужном случае наподобие небольшого хобота.

забиваются и остаются живы даже тогда, когда в жестокие бесснежные зимы в мелких прудах и озерах вся вода вымерзает и только остается на дне мокрая, тинистая грязь.

Теперь я приступаю к описанию хищных рыб.

17. ОКУНЬ

Уж право и не знаю, откуда произвести его имя. Не происходит ли оно от глагола *окунать:* ибо окунь всегда окунает, то есть погружает в воду, наплавок, и даже не

один раз, если кусок, им заглатываемый, слишком велик?.. Но я нисколько не стою за такое словопроизводство.

После плотвы окунь — самая многочисленная порода рыбы. В реках, озерах, в прудах проточных и даже непроточных, лишь бы вода была свежа, он разводится изобильно. Окунь довольно широк станом, горбоват, покрыт чешуей зеленоватого, несколько золотистого цвета; на спине имеет гребень с острыми иглами и между им и хвостом плавательное перо; хвост и особенно нижние перья красные, брюшко беловатое, глаза желтые с черными зрачками; поперек всего тела лежат пять полос, что делает его пестрым и вообще очень красивым. На щеках, покрывающих его жабры, он имеет по одной игле, которыми очень больно колется, если его возьмешь неосторожно; большой рот и широкое горло

показывают способность глотать большие куски, несоразмерные даже с его ростом, и обличают хищную его породу. Окунь достигает значительной величины и особенно веса. По рассказам людей, впрочем достоверных, бывают окуни в двенадцать фунтов; но я видел только в восемь фунтов, и то мерзлых, привозимых с Урала. Сам я выудил окуня в три с половиною фунта и тяжеле его живых не видывал. В длину окунь не вырастает много, что я особенно заметил, сравнивая восьмифунтового окуня, который был двух четвертей с половиною длины и четыре вершка ширины, с окунем в три с половиною фунта: в длине не было такой большой разницы, какой следовало бы ожидать. Но зато окунь растет в толщину, которая простирается в спине до двух с половиной вершков. Окуни начинают клевать весною, как только прояснится вода, и продолжают до тех пор, пока вода покроется льдом, даже берут зимой в прорубях; впрочем, я никогда не пробовал зимнего уженья. В исходе апреля окуни полны икрой, которую мечут в мае. Выметав икру, начинают они брать жаднее. Самый богатый клев окуней — в августе и в начале сентября, когда от легких морозов вода сделается чище, прозрачнее и им будет не так удобно ловить мелкую рыбу[1]. Почти все охотники очень любят уженье окуней, и многие предпочитают его всем другим: во-первых, потому, что окуни клюют часто и если подойдет стая окуней (а осенью они собираются стаями), то уже немногие из них пойдут прочь, не хватив предлагаемой пищи; во-вторых, потому, что они берут жадно и верно, даже до того, что большею частью совсем проглатывают насадку; и, наконец, в-третьих, потому, что уженье их не требует осторожности. Окунь не только не боится шума и движенья воды, но даже бросается на них, для чего палкой или толстым концом удилища нарочно мутят воду по дну у берега, ибо это похоже на муть, производимую мелкою рыбешкой. Средние окуни чаще

---

[1] Должно заметить, что это не везде так. Около Москвы, например, во второй половине августа клев значительно уменьшается. Впрочем, здешние речки от беспрестанных мельниц или фабрик находятся постоянно в подпруде и характера рек, текущих самобытно, то есть массою собственной, ненакопленной воды, — не имеют.

берут на весу, а крупные — со дна, если оно чисто. С весны надобно удить на червей, летом — на раковые шейки и линючих раков и особенно на большие линючие раковые клешни, которые окуни очень любят; к осени же, до самой зимы, всего лучше удить на маленьких рыбок; если же их нет, что часто случается, то надобно поймать плотичку или какую-нибудь нехищную рыбку, изрезать ее на кусочки, крупные или мелкие, смотря по рыбе, какая берет, и по величине удочки, и насаживать ими крючки. Впрочем, окунь неразборчив и клюет почти всегда на все вышеименованные насадки, даже на кусочки сырого мяса; на крупных же земляных червей окуни берут очень жадно во всякое время года[1]. Выгоднейшее время для уженья, без сомнения, утро; но в раннем вставанье, до солнца, нет надобности. По утрам должно удить на местах чистых, открытых или *около* трав; в полдень, напротив (разумеется, в летние жары), окунь любит стоять в тени, в корягах под кустами, под навесом трав и лопухами; следовательно, надобно удить в *самых* травах; вечером же окунь опять ходит по местам чистым и открытым. Если окуни берут не часто, то можно удить и на три удочки, из которых одну, большего размера, насадив крупной насадкой, положить на дно, а две пустить на весу. Если же окуни берут беспрестанно, то и с двумя удочками трудно управиться. Тут уже дело не в том, чтобы успеть подсечь, а в том, чтоб окуни не слишком далеко заклевывали и не утаскивали удилищ совсем в воду. Далекое заклевыванье отнимает много времени при доставании крючка, портит поводок и рыбу, отчего она сейчас умирает. Как скоро окунь повез наплавок или погрузил в воду, сейчас надобно его вытаскивать. Окунь никогда не хватает, не рвет насадки с разбега, с размаха, как то делают многие нехищные рыбы: клев его решителен, серьезен, добросовестен, ибо никогда не обманчив. Я имел случай много раз наблюдать его в прозрачных водах: завидя добычу, крупный окунь прямо бросается к ней, сначала быстро, но чем ближе, тем медленнее; приближаясь,

---

[1] Около Москвы, сколько я ни пробовал удить на кусочки рыбки или мяса, окуни у меня никогда не брали.

разевает рот и, почти коснувшись губами куска, вдруг останавливается неподвижно и, не делая движения ртом, как будто потянет в себя воду: крючок с насадкой исчезает, а окунь продолжает плыть как ни в чем не бывало, увлекая за собой и лесу, и наплавок, и даже удилище. Ловя живую рыбу, он поступает иначе: стремительно бросается за нею и хватает ее на бегу. Окунь почти никогда не срывается; промахи случаются также очень редко. Правда, бывает иногда клев, который может привести в заблуждение неопытного рыбака, ибо беспрестанно какая-то рыба утаскивает наплавок и беспрестанно промахи следуют один за другим; видя всякий раз, что конец червяка оторван, охотник сначала считает это шалостью ельцов или плотвы, хотя характер клева чисто окуневый. Между тем посреди множества промахов иногда вытаскивает он порядочных окуней и убеждается, что и окуни иногда шалят, обманывают, клюют неверно. Обвинение несправедливое. Все сии проделки происходят от самых маленьких окуней, которые грешат невольно, ибо не могут заглотать ни длинного червяка, ни толстой раковой шейки; как же скоро подойдет окунь покрупнее, то сейчас возьмет верно, и рыбак его вытащит; чтоб убедиться в этом, надобно взять маленькую удочку, насадить маленького червячка, и сейчас будет выужен крошечный окунишка. Если охотник не захочет дожидаться подхода окуней покрупнее, которым мелкие сейчас уступят добычу, то надобно перейти на другое место, ибо стая окунишек, на которую он попал, не отстанет целый день от его удочек.

Бесспорно, что крупных окуней удить весело (об огромных нечего и говорить), но я должен признаться, что частый клев окуней средних и мелких так однообразен, так верен, вытаскиванье их так просто, что все это вместе иногда может так же наскучить, как и тасканье подлещиков. Искусство удить тут почти исчезает, а с ним — и весь интерес уженья. Я знаю, что за это восстанут на меня многие охотники, ибо клев окуней считают лучшим, но я говорю откровенно свое мнение. Большие окуни очень упористы и сильны и, покуда не будут утомлены, ни за что наверх не выходят; для них употребляются удочки большого размера, и, несмотря на

то, надобно их вытаскивать осторожно; хотя огромный окунь не кидается быстро во все стороны, но зато, стараясь упираться головою в берег или дно, так круто поворачивается, что может порвать и крепкую лесу.

Известно, что окуни составляют превосходное и самое здоровое кушанье: приготовленные на холодное, а еще лучше печеные в чешуе, они имеют отличный вкус и вдобавок совсем не костливы. Уха из них также очень хороша.

Отличительное свойство окуней — жадность, в чем разве только щука может с ними равняться; уженье *на блесну*, о котором я поговорю особо, служит тому неопровержимым доказательством. Я расскажу два убедительные примера этой жадности, случившиеся со мной. В одно прекрасное летнее утро, на большом озере, называемом по-татарски Киишки [1], таскал я плотву и подлещиков; вдруг вижу, что на отмели, у самого берега, выпрыгивает из воды много мелкой рыбешки; я знал, что это происходит от преследования хищной рыбы, но, видя, что возня не прекращается, пошел посмотреть на нее поближе. Что же я увидел? на отмели, острым углом вдавшейся в берег, не глубже двух вершков, большая стая порядочных окуней ловила мелкую рыбу, которая от неизбежной погибели выскакивала даже на сухой берег; окуни так жадно преследовали свою добычу, что сами попадались на такую мель, с которой уже прыжками добирались до воды поглубже: я даже поймал трех из них руками. Несмотря на мое присутствие, окуни не переставали гонять и ловить рыбу; я сбегал за своей удочкой и, насаживая мелкую рыбешку, лежавшую на берегу, и закидывая в самую середину стаи, выудил тридцать хороших окуней. Другой случай еще поразительнее: в ненастную и ветреную погоду пришел я удить окуней у мельничного кауза [2], между сваями, его

---

[1] Киишки — по-русски значит длинный. Это озеро находится в тридцати верстах от губернского города Уфы и в полуверсте от реки Белой, с которой сливается весною; разумеется, русские называют его и сидящую на нем деревню Кишки.

[2] Я уже сказал, что кауз около Москвы называют «дворец». Не происходит ли это названье от слова «дверца» то есть маленькая дверь, поднимающаяся для протока воды на колесо? Может быть, сначала говорили «дверец», а потом, для удобства произношения, стали говорить «дворец».

окружавшими; едва только закинул я среднюю удочку, насаженную на раковую шейку, как пошел проливной дождь, от которого я спрятался под крышею пильной; дождевая туча еще не пронеслась, как я услышал крик зовущего меня мельника; я поспешно бросился к нему и вижу, что он возится с моей удочкой, на которую взяла большая рыба; но я не успел прибежать во-время: мельник стоял с одним удилищем и лесой, оборванной выше наплавка... Как ни досадна была эта услужливость, от которой я потерял большую рыбу и прекрасно устроенную удочку, но делать нечего; я развернул другую большую удочку, насадил кучу глист и раковую шейку и закинул: через минуту наплавок исчез, и я вытащил славного окуня, фунта в два, у которого изо рта висела и другая, сейчас оторванная им длинная леса и с наплавком. Оба случая, теперь описанные и иногда рассказанные мною не охотникам, не рыбакам, нередко возбуждали лукавые улыбки, в которых ясно выражалось, что мои рассказы годятся в известную книжку: «Не любо, не слушай, а лгать не мешай»; но иногда ничего нет невероятнее истины и мудренее действительности.

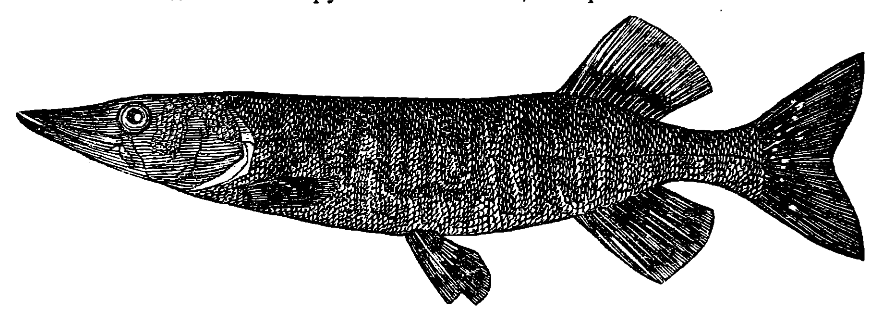
Вот и еще рассказ, не менее сомнительной вероятности для не охотников: я знаю Симбирской губернии в Корсунском уезде один глубокий пруд, весь состоящий из запруженного сильного родника, называемого Белый ключ. Вода была превосходная, так что в ней жили насаженные головли и даже стерляди. В пруду развелось такое множество окуней и пескарей, что уженье вышло отличное и *диковинное:* рыбак закидывал удочку на червяка, сию минуту проглатывал его пескарь, и в непродолжительном времени проглатывал пескаря окунь... Сначала это был сюрприз для охотника, но потом мы все пользовались таким удобством, то есть самопроизвольной насадкой пескарей, и кто хотел удить именно окуней, тот не снимал только с крючка попавшегося пескаря. Говоря о насадке живцов за губу (на странице 33—34), я сказал о выгодах и невыгодах такой насадки. Всякий, кто поудил бы один час в пруде Белого ключа, убедился бы вполне в справедливости сказанного мною о невыгоде такого способа: это была именно насадка за губу; окуни брали беспрестанно, но

вытаскивались менее чем наполовину. Я тут же пробовал насаживать в спинку, и ни один окунь не срывался.

В прошедшем 1853 году, в исходе июля, у одного рыбака взял окунь на земляного червя (чего он не заметил), а на окуня — щука, которую он и вытащил. Замечательно, что щука не могла проглотить окуня, хвост которого торчал из ее рта.

18. ЩУКА

При всем моем усердии не могу доискаться, откуда происходит имя щуки. Эта рыба по преимуществу хищная: длинный брусковатый стан, широкие хвостовые

перья для быстрых движений, вытянутый вперед рот, нисходящий от глаз в виде ткацкого челнока, огромная пасть, усеянная внизу и вверху сплошными острыми, скрестившимися зубами [1], из коих не вырвется никакая добыча, широкое горло, которым она проглатывает насадку толще себя самой, — все это вместе дает ей право называться царицею хищных рыб, обитающих в пресных водах обыкновенных рек и озер. Я разумею здесь только те породы рыб, которые называются *бель*, в противоположность чему все другие породы, как-то: осетры, севрюга, белорыбица и проч., называются *красная рыба*. Щука имеет большие, темные, зоркие глаза, которыми издалека видит свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена вся пятнами и крапинами темнозеленоватого цвета; брюхо имеет белое, хвост и плавательные перья

---

[1] Щука меняет зубы ежегодно в мае месяце. Я, к удивлению моему, узнал об этом очень недавно.

зеленовато-серые с темными извилистыми каемками. Я слыхал, что щука может жить очень долго, до ста лет (то же рассказывают и даже пишут о карпии), в чем будто удостоверились опытами, пуская небольших щурят с заметками на хвосте или перьях в чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и записывая время, когда пускали их; слыхал, что будто щуки вырастают до двух аршин длины и до двух с половиною пуд весу; все это, может быть, и правда, но чего не знаю, того не утверждаю[1]. Самая большая щука, какую мне удалось видеть, весила один пуд и пятнадцать фунтов; длиною она была аршин и семь вершков, шириною в спине и боках в четверть аршина, но зато почти во всю длину была равной квадратной толщины. Щука преимущественно питается рыбой и всякой водяной гадиной; она по алчности своей глотает даже лягушек, крыс и утят, отчего большую щуку называют *утятницей*. Щука водится только в водах чистых и появляется в реках вместе с плотвою и окунями, и вместе с ними дохнет, если вода в пруде или озере от чего-нибудь испортится. Она мечет икру в самом начале апреля, а иногда, если весна ранняя, в исходе марта. Где много всякой мелкой рыбы, там и щуки разводятся и держатся во множестве; большею частью ловят их на жерлицы, о чем я поговорю впоследствии. Щука очень охотно берет на удочку, крючок которой насажен какою-нибудь мелкой рыбкой, для

---

[1] После выхода моей книжки первым изданием случилось мне прочесть в «Охотничьей книге» г-на Левшина, напечатанной в 1812 году (часть 4-я, стран. 487-я) любопытное известие о долговечности щук; выписываю его с совершенною точностью: «Когда вычищали пруды близ Москвы, в Царицыне, чему прошло с небольшим двадцать лет, то, между прочего, при пересаживании рыбы в сажалки поймана была щука около трех аршин длиною и в пол-аршина шириною, с золотым кольцом, продетым в щечную кость близ жабр, с надписью на оном: *«Посадил царь Борис Федорович»*. По тогдашнему исчислению щуке сей оказывалось более двухсот лет. Леман утверждает, что 1497 года в Хейльброке поймана была в одном озере щука девятнадцати футов (семи аршин с лишком), и по надписи на медном кольце, на ней бывшем, оказалось, что в озеро сие посажена она была цесарем Фридерихом II в 1230 году; следственно, в сей воде жила она двести шестьдесят семь лет. Весу в ней было восемь пуд тридцать фунтов; она от старости почти вся побелела. — Предоставляю читателям поверить, насколько им угодно, справедливости таких рассказов.

чего поводок употребляется металлический или из простой басовой струны, о чем говорено выше, но клюет также на рака и даже изредка на червяка; клев ее иногда очень быстр, и как скоро она схватит насадку, то наплавок мгновенно исчезает из глаз, но случается, что она схватит рыбку, не проглотив ее, тихо поведет наплавок в сторону, нисколько не погружая его. Щука нередко берет на простые удочки, закинутые совсем не для нее; разумеется, сейчас, как ножницами, перекусывает самую толстую лесу или поводок, что иногда бывает очень досадно. Только в одном случае можно вытащить щуку на удочку с обыкновенным поводком: если крючок зацепит за край губы и ей нельзя будет достать зубами до лесы, но такие счастливые случаи очень редки. Щук не нужно удить со дна; напротив, приманка будет гораздо виднее, если насаженная на крючок рыбка станет ходить аршина на полтора глубины. Вообще уженье на рыбку редко производится со дна. С весны щуки берут мало на жерлицы, летом же попадают они около трав, в которых обыкновенно стоят, подстерегая мелкую рыбу, но всего лучше удить их осенью [1]: во-первых, потому, что вода

---

[1] Это говорится про Оренбургскую губернию: там величайшая редкость, если щука возьмет даже летом или осенью на белого червя (сальника); хотя редко, но иногда берет она на раковую шейку; на земляного же и навозного червя — никогда. Около Москвы совсем напротив: особенно рано весной, выметав икру (и особенно в реке Воре, Дмитровского уезда), щуки берут очень часто не только на земляного, но даже на маленького навозного червяка. Это было бы нетрудно объяснить тем, что подмосковные речки слишком сильно вылавливаются и что в них мало мелкой рыбы, отчего щуки голодны; но я должен сказать, что здесь гораздо чаще берут они на червяка, чем на жерлицы или удочки, насаженные рыбками, преимущественно весной; следовательно, этого вопроса иначе нельзя разрешить, как предположением, что здешние щуки имеют особенный вкус к червям. В прошедшем 1853 году уженье началось очень рано, и мне удалось поймать несколько небольших щук в апреле месяце: всех на маленькие удочки и всех на червяка. Одну из них выудил я на поводок из *одной шелковинки!* Берег был крутой, я удил без товарища и принужденным нашелся выкинуть щуку (в полтора фунта) на довольно высокий берег. Крошечный крючок она проглотила, но шелковинка в самом зеве захлестнулась за костяную оконечность верхней губы, отчего не попала на зубы; рыба вытаскивалась боком и казалась вдвое тяжеле. Рыбаки понимают, что это очень редкий и счастливый случай.

сделается светлее и щуки издалека видят приманку, и во-вторых, потому, что водяные травы от морозов опадут и щукам сделается не так удобно прятаться и не так ловко ловить мелкую рыбешку: в это время они голодны и жадны.

Рыбаки рассказывают следующую хитрость щуки: она становится на мели, головою вниз по течению воды, и хвостом мутит ил на дне, так что муть совсем закрывает ее от мимо плывущих рыбок, на которых она бросается как стрела, лишь только они подплывут близко: сам я таких штук не видел. Уженье щук очень веселое потому, что, как скоро вы закинете удочку и поблизости есть щука, то она не замедлит явиться, равно и потому, что нередко берут щуки очень большие. Хотя на удочке они очень бойки и в движениях быстры, но как-то не упористы, а ходки и на поворотах повадливы: вероятно, брусковатая, челнообразная фигура их тому причиной; небольшие щуки, фунтов до трех, довольно легко выкидываются на берег даже без сачка; разумеется, леса должна быть толстая и поводок здоровый; равного с ней весу окунь покажется гораздо тяжеле. Присутствие щук легко можно угадать по внезапному прекращению клева плотвы и другой некрупной рыбы и еще вернее по выпрыгиванью из воды мелкой рыбешки, которая как дождь брызжет во все стороны, когда щука с быстротою стрелы пролетит под водою. Выудивши щуку, много две, на одном месте, надобно перейти на другое, на третье место и так далее; то же должно сделать, ежели пройдет с полчаса, и щуки не берут: это верный знак, что их нет поблизости. Некоторые охотники страстно любят уженье щук и предпочитают его всем другим уженьям; не разделяя этого мнения, я понимаю его причину. Для кого не скучно переходить с места на место, а, напротив, скучно сидеть на одном и том же месте, напрасно ожидая клева порядочной рыбы; кто любит скорое решение: будет или не будет брать; кто любит повозиться с рыбой проворной, живой, быстрой в своих движениях, которая выкидывает иногда необыкновенные, неожиданные скачки, — тому уженье щук и вообще хищных рыб должно преимущественно нравиться.

За щуками, особенно небольшими, водится странная проделка: по недостатку места, где бы можно было спрятаться, щука становится возле берега, плотины, древесного пня, торчащего в воде, сваи или жерди, воткнутой во дно, и стоит иногда очень близко к поверхности воды, целые часы неподвижно, точно спящая или мертвая, так что не вдруг ее приметишь; даже мелкая рыба без опасения около нее плавает; цель очевидна, но инстинктивную эту хитрость она простирает до неразумного излишества. Стоящих в таком очарованном положении щук и щурят не только стреляют из ружей [1], но даже бьют, или, правильнее сказать, глушат, дубинами, как глушат всякую рыбу по тонкому льду [2]; даже наводят на них волосяной силок, навязанный на длинной лутошке, и выкидывают на берег. Я имел случай убить из ружья стоящую в таком положении щуку в девять фунтов. Мало этого, при моих глазах мой товарищ-рыбак, сидевший и удивший со мною в одной лодке, крепко привязанной к кольям, приметив щуку, стоящую под кормою лодки, схватил ее рукою... она весила с лишком два фунта. Алчность щук не имеет пределов; они нередко кидаются на таких рыб или утят, которых никак заглотать не могут, из чего выходят презабавные явления: добыча, будучи сильнее вцепившегося в нее врага, таскает его по воде за собою. Я сам видел, как оперившийся совсем утенок, или, лучше сказать, молодая утка, с ужасным криком от испуга и боли, хлопая по воде крыльями и даже несколько приподымаясь с воды, долго билась со щукой, которая впилась в заднюю часть ее тела; видел также, как большой язь таскал за собой небольшую

---

[1] Всякую рыбу, стоящую неглубоко в воде, можно застрелить из ружья. Надобно только взять в соображение угол падения дроби и метить не в самую рыбу, а дальше или ближе. Угол отражения дроби (всегда равный углу падения) будет зависеть от того, как высок берег, на котором стоит охотник.

[2] Как только вода в пруде или озере покроется первым тонким и прозрачным льдом, способным поднять человека, ходят с дубинками по местам не очень глубоким. Заметя близко ко льду высоко стоящую рыбу, сильно ударяют дубинкою над ее головою — рыба оглушится (впадет в обморок) и взвернется вверх брюхом: проворно разбивают тонкий лед и берут рыбу руками, покуда она не очнулась.

щуку, схватившую его за хвост. Но я расскажу два случая, еще более доказывающие непомерную жадность щуки. Рыбак, стоявший возле меня на плотине огромного пруда, вытаскивая небольшую рыбу, вдруг почувствовал на удочке такую тяжесть и упорство, что едва не выронил из рук удилища, но, приняв это за неожиданное движение какой-нибудь средней рыбы, стал тащить с большею силою и выволок на плотину порядочную щуку. Каково было наше удивление, когда мы увидели, что за крючок взяла обыкновенная плотичка, а за нее уцепилась щука, не касаясь крючка, и так крепко вонзила свои зубы, что надобно было палкой разжать ей рот! Другой случай был со мной недавно, а именно в половине сентября 1845 года: пришел я удить окуней, часу в восьмом утра, на свою мельницу; около плотины росла длинная трава; я закинул удочку через нее в глубокий материк, насадив на крючок земляного червя; только что я положил удилище на траву и стал развивать другую удочку, как наплавок исчез, и я едва успел схватить удилище; вынимаю — поводок перегрызен; я знал, что это щука, и сейчас закинул другую удочку; через несколько минут повторилась та же история, но я успел подсечь и начал уже водить какую-то большую рыбу, как вдруг леса со свистом взвилась кверху: поводок опять оказался перегрызен; явно, что и это была щука и уже большая, ибо я почти ее видел. Не имея с собой поводка для щук, что было очень досадно, я закинул третью удочку, насаженную также на земляного червя, но уже держал удилище в руке, в готовности подсечь щуку при первом движении наплавка; так и случилось: едва наплавок стал наклоняться, я проворно подсек и свободно вытащил небольшую щуку, которая также откусила у меня поводок, но уже на плотине. Дома, когда стали эту щуку чистить, чтобы сварить к столу, нашли у ней в глотке, кроме последнего, и первый мой крючок с отгрызенным поводком. Итак, это была щука, взявшая у меня в первый и третий раз, ибо вторая, с которою я довольно возился, была вдвое больше выуженной щуки; но какова же жадность, что ни боль от крючка в горле, ни шум от возни со второю щукою не могли отогнать первую! Я очень хорошо знаю,

что подробное описание таких случаев может быть интересно только для настоящих и страстных охотников, но именно для них я и пишу. Для них также должен я сказать, что в том же году я выудил щуку в три с половиною фунта на один волос из индийского растения, или сырца. Со мной не было сачка, потому что я удил мелкую рыбу, и я должен был посылать за ним домой; итак, около получаса щука, проглотившая далеко крючок, билась и металась на одном волоске и не могла перегрызть его. Хотя я не охотник до этого выписного волоса, но должен признать превосходное его качество в этом отношении. Щука средней величины, пойманная весною (тогда называют ее *щукою с голубым пером*) и даже летом и сваренная на холодное прямо из воды, а не снулая, составляет недурное блюдо.

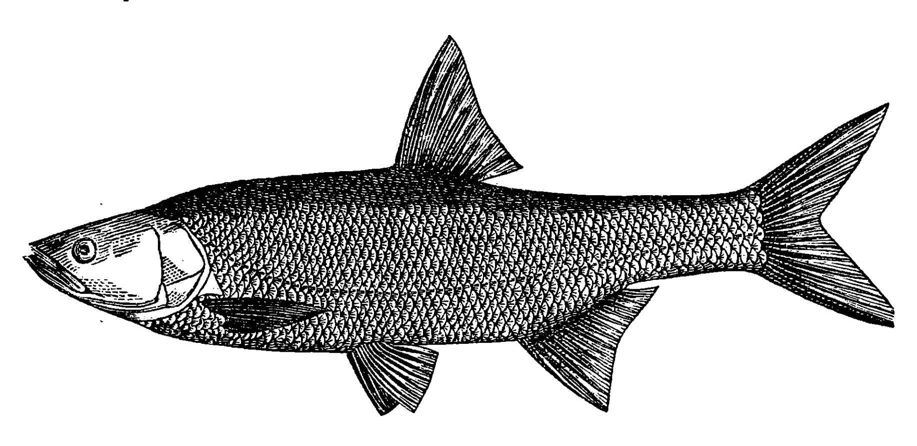
Щука берет иногда очень поздно осенью, по ночам, со дна, на крючки, поставленные на налимов и, разумеется, насаженные рыбкой.

Говоря об язях, я рассказал, как пятифунтовый язь был выужен за спинное перо; но тот же охотник выудил щуку в восемнадцать фунтов за перо хвостовое, проколотое крючком. Хотя леса была толстая и крепкая, но рыбак, видя, что рыба попала огромная, что поворотить ее невозможно и что леса вытягивается в прямую линию, — бросил удилище. Щука гуляла с ним по широкому пруду, погружая даже удилище совсем в воду; рыбак плавал за нею в лодке; как скоро рыба останавливалась, он брал удилище в руки и начинал водить; как скоро натягивалась леса прямо — бросал удилище. Таким образом, утомляя рыбу *несколько часов* сряду, рыбак вывел ее на поверхность, как сонную или одурелую, и подхватил сачком. Он долго не знал, с какой рыбой возится, и увидел, что это щука, только тогда, когда она в первый раз всплыла наверх. Честь и слава искусству и долготерпению охотника!

19. ЖЕРИХ, ШЕРЕСПЕР

Эта хищная рыба во всех низовых губерниях называется *жерих*, а около Москвы — *шереспер*. Первое имя, вероятно, происходит от глагола *жировать*, то есть

играть, прыгать, что весьма соответствует свойствам этой рыбы, ибо она очень любит выпрыгивать из воды и плескаться на ее поверхности из одного удовольствия, а не для преследования добычи; второе же имя должно происходить от того, что жерих, выскакивая из воды,

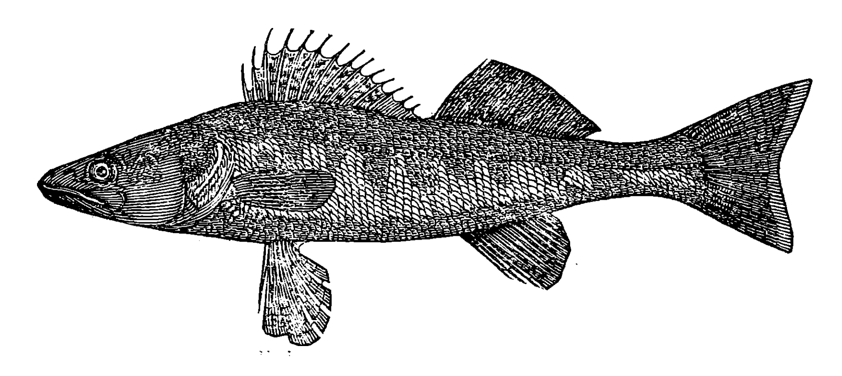

расширяет свои плавательные, и без того весьма широкие, перья и гребень. Я слышал также и даже читал, что эту рыбу называют *конь:* названье — тоже приличное по ее скачкам. Я буду употреблять первое имя для удобства произношения и потому, что употребление его гораздо обширнее. Жерих длинен, похож на язя своим станом, но уже его и цветом крупной чешуи гораздо белее, серебристее, кроме спины, которая темнее язевой; он имеет ту особенность, что нижняя губа его рта длиннее верхней; верхняя как будто имеет выемку, а нижняя похожа своим образованием на загнутый кверху птичий нос и входит в выемку верхней части рта. Таким образом, рот жериха представляет несколько клюв хищной птицы в обратном положении. Хвост его и верхнее перо очень тверды и широки, цветом серые, а нижние перья красноватые; глаза серые, зрачки темные; рот довольно велик, но не огромен. Нижняя часть тела белая. Жерих не водится в маленьких речках, но любит реки большие или по крайней мере многоводные, глубокие и

быстрые; живет также и в больших, чистых озерах, питается всякими водяными насекомыми, мелкою рыбою и на нее только берет на удочку; клев его чрезвычайно быстр, и на удочке ходит он необыкновенно бойко; он вырастает длиною в аршин и весом бывает в восемнадцать фунтов. Говорят рыбаки, что жерихи бывают в тридцать фунтов, но я этого не утверждаю. Икру мечут в исходе апреля и в начале мая. Без сомнения, уженье жерихов одно из лучших, интереснейших для охотника; но, к сожалению, я очень мало знаком с ним и не могу сообщить дальнейших подробностей об этой замечательной рыбе. Я видел, что рыбаки удят их на рыбку, на быстринах, на весу, аршина в полтора глубины. Любимое место жерихов — глубокие водоемины под вешняками или спусками, где вода кипит и клубится беспрестанно, когда два или три запора подняты, что на сильных реках делается постоянно. В пене, шуме и брызгах прядают вверх и шлепаются эти *водяные кони,* и туда рыбак бросает свою прочно устроенную удочку с тяжелым грузилом. Жерих, приготовленный прямо из воды на холодное, составляет прекрасное блюдо.

20. СУДАК

С этою превосходною рыбою для стола я еще менее знаком как рыбак, но знаю, что она берет на удочку. Судаки вырастают до огромной величины, вес их

простирается до полпуда и более. Живут в больших реках, проточных озерах и прудах, но предпочтительно любят быструю и свежую воду реки. Судак имеет рот вытянутый, длинный, редкие, но толстые и крепкие зубы и довольно большой язык, что дает ему некоторое право, по моему мнению, причисляться к роду форелей. Станом он брусковат и похож на щуку, но немного шире ее; нижняя половина его тела и брюха—серебристо-белого цвета, а спина и верхние стороны боков — сероваты; поперек всего тела лежат двенадцать неясных полос темно-синего, неяркого цвета; глаза имеет довольно большие, желтоватые, зрачки темные. В реках, где водится много судаков, они берут охотно на удочку, насаженную рыбкой. Судак, очевидно, хищная рыба; он попадает на жерлицы и крючки так же, как щука, но преимущественно ночью, с весны до половины лета. Живые, не истомленные долгим сиденьем в прорезях судаки составляют лакомое и здоровое блюдо; это необходимая принадлежность хорошего стола, вследствие чего иногда бывают очень дороги; но зато мерзлых судаков в Москву и ее окрестности навозят такое множество, что они к концу зимы делаются иногда чрезвычайно дешевы, то есть рублей по шести ассигнациями за пуд. Для постников это драгоценная рыба: вкусна даже перемерзлая, здорова, не костлива, на все пригодна, не приедается и дешева. Одним словом — это постная говядина.

21. ЛОХ, КРАСУЛЯ

Эта превосходная порода рыбы во всех отношениях заслуживает второе имя, которым зовут его в Оренбургской губернии. Иногда употребляют и название «красной рыбы», вероятно по желтовато-розовому цвету ее тела и, может быть, по красным крапинам, которыми она испещрена; но не должно смешивать красулю с собственно так называемою *красною рыбой*, или семгой: последняя отличается от первой более широким станом, серовато-белым цветом чешуи и большею краснотою тела; она живет преимущественно в больших реках. Красуля принадлежит к породе форели и вместе с нею

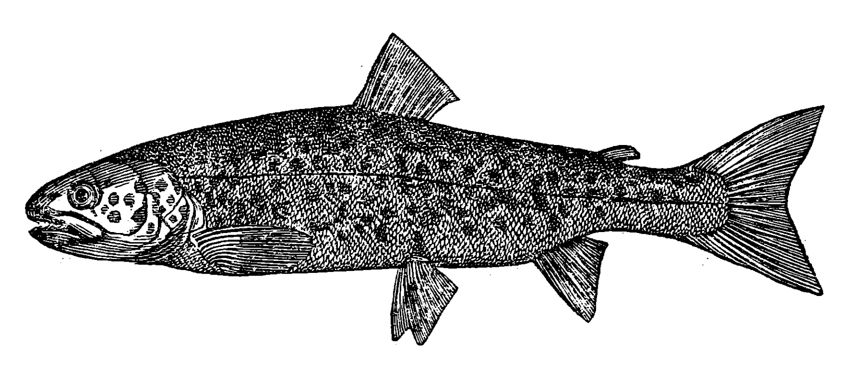
водится только в чистых, холодных и быстрых реках, даже в небольших речках или ручьях, и в новых, не загаженных навозом прудах, на них же устроенных, но только в глубоких и чистых; стан ее длинен, брусковат, но шире щучьего; она очень красива; вся, как и форель, испещрена крупными и мелкими, черными, красными и белыми крапинами; хвост и перья имеет сизые; нижнюю часть тела — беловато-розового цвета; рот довольно большой; питается мелкою рыбой, червяками и разными насекомыми, падающими в воду снаружи и в ней живущими. Красуля достигает огромной величины; мне принесли однажды красулю, пойманную в маленькой речке, куда она зашла по мутной, весенней, воде: она весила двадцать семь фунтов и была уже несколько брюхаста.

При уженье форели, обыкновенно на красного червяка, попадаются иногда и красули, но это бывает редко, потому что они берут преимущественно на рыбку; большею частью ловят их разными рыболовными снастями, бьют по ночам острогою и даже стреляют из ружей, подкарауливая, когда красули по мелким, каменистым перекатам, в красные летние дни, всегда около полдён, перебираются из одного омута в другой. Эта последняя необыкновенная охота особенно в употреблении у оренбургских татар, живущих по берегам Большого и Малого Зая, протекающих и сходящихся в одну реку в Бугульминском уезде. Проезжая из Бугульмы в Казань, на одной станции знакомый мне ямщик, татарин, попросил у меня на несколько зарядов пороху и крупной дроби; я охотно дал ему и того и другого, но спросил, какую птицу он стреляет. Татарин отвечал мне, что он стреляет рыбу, именно лохов. Разумеется, я расспросил обо всех подробностях этой необыкновенной охоты и даже сам сходил посмотреть места по Малому Заю, на которых он стрелял красуль, водящихся в этой реке в большом изобилии: берега были высоки и удобны для того, чтоб за ними притаиться, а перекаты так мелки, что и небольшую рыбку нетрудно было застрелить. — Во всю мою жизнь я выудил только одну красулю, на маленького навозного червяка, фунта в три весом, но и та чрезвычайно бойко ходила на удочке; можно

предположить, что очень трудно возиться с большой красулей. Вкус ее превосходен. Она имеет довольно большой язык, как и все три породы форелей.

22. ФОРЕЛЬ, ПЕСТРУШКА

В Оренбургской губернии водилась она в чрезвычайном изобилии во всех ручьях и речках, ибо все они были студены летом, как лед, и прозрачны, как горный хрусталь. Но набежавшее отовсюду разнородное и разноплеменное народонаселение, впрочем далеко еще не заселившее этого чудесного края, поизмяло его роскошные луга и помутило светлые воды. Теперь форели водится гораздо менее, но все еще много. В некоторых речках, мне известных, она осталась в их верховьях, до первой мельницы. Простой народ и не знает слова *форель;* он

называет эту прелестную рыбу: *пестряк*, а в собирательном: *пеструшка* — имя самое приличное, ибо она вся испещрена черными, красными и белыми крапинами. Станом, складом, пестротою кожи — одним словом, всем она так похожа на красулю, что можно почесть их за одну и ту же рыбу; но пеструшка кажется шире и площе красули и гораздо пестрее; рассказывают, что она бывает огромной величины, до пятнадцати фунтов веса; но я плохо этому верю и думаю, что смешивают с нею красуль, которых мелкими я никогда не встречал; при-

знаюсь, я не чужд сомнения, что пестряк и красуля одна и та же рыба, только в разных возрастах. Я сам видел пестряка в семь фунтов, убитого острогою.

Это избиение всех родов форели, противное истинному охотнику до уженья, как и всякая ловля рыбы разными снастями, производится следующим образом: в темную осеннюю ночь отправляются двое охотников, один с пуком зажженной лучины, таща запас ее за плечами, а другой с острогою; они идут вдоль по речке и тщательно осматривают каждый омуток или глубокое место, освещая его пылающей лучиной; рыба обыкновенно стоит плотно у берега, прислонясь к нему или к древесным корням; приметив красулю, пестряка, кутему или налима, охотник с острогой заходит с противоположной стороны, а товарищ ему светит, ибо стоя на берегу, под которым притаилась спящая рыба, ударить ее неловко, да и не видно. Рыбак с острогою осторожно, соблюдая возможную тишину, погружает понемногу в воду свой нептуновский трезубец и, доведя его на четверть расстояния до спины рыбы, проворно вонзает в нее зазубренные иглы остроги. Точно таким образом бьют и всякую другую рыбу в прудах, озерах и речных заливах, разъезжая на лодке, с тою разницею, что огонь разводится на железной решетке, прикрепляемой к носу лодки железною же рукояткой; тут иногда добывают такой величины щук, каких нельзя поймать и удержать никакою другою рыболовною снастью. В этом последнем случае я охотно допускаю острогу.

Я говорил выше об уженье форели по речкам; повторяю, что никогда не был до него большим охотником, но я много удил пеструшки и кутемы, и с большим наслаждением, в верховьях чистых прудов, где вода, не затопляя берегов, стоит наравне с ними, образуя иногда очень глубокий, следовательно и не совсем прозрачный, материк. Тут можно удить со дна на две удочки и класть удилища на берег, не наблюдая особенной осторожности и тишины; тут клев пеструшки уже не имеет необыкновенной своей быстроты, и можно успеть схватить удилище, когда наплавок начнет шевелиться и погружаться. Это уженье самое веселое и заманчивое, особенно, если есть надежда на крупную форель и кутему.

Самые большие пестряки, мною выуженные, весили около трех фунтов, но и те очень бойко ходили на удочки, и сачок был очень нужен. Я особенно люблю это уженье; тут нет надобности переменять часто места, и можно просидеть целое утро спокойно, со всеми удобствами, трубкой, сигаркой, на одном месте. В жаркое летнее время надобно удить рано, а в холодное — целый день. Я всегда удил на средние удочки, на обыкновенного навозного или земляного червяка, по большей части со дна, но многие охотники удят мелко и на рыбку; может быть, последняя насадка лучше, ибо в желудке пеструшки часто находят мелкую рыбешку. К сожалению, мне не случалось этого попробовать. — Пеструшка так нежна, что летом и пяти минут не проживет в ведре с холодною водою; покуда удишь, можно сохранить ее живою в *кружке*, но домой всегда приносишь или привозишь ее снулою, хотя бы место уженья было в самом близком расстоянии: от того она много теряет своего деликатного, единственно ей только свойственного вкуса. Обыкновенно готовят пеструшку снулую и не нахвалятся ее вкусом; но гастроном, желающий вполне оценить достоинство форели, должен отведать ухи, сваренной из форели, только что пойманной, на берегу реки или из привезенной в бочке со льдом [1]. Пеструшка превосходна также, приготовленная на холодное, равно жаренная и сушенная в сметане.

Пеструшка идет позднею осенью очень хорошо в морды. Она берет и зимой на удочку в прорубях; даже ночью удят ее с фонарем, наводя луч огня прямо в прорубь. Я сам видел, как крестьянские мальчики ловили некрупную пеструшку, протыкая дубинками тонкий осенний лед и опуская в пробитое отверстие нитку с крючком, насаженным навозным червяком; нитка привязывалась посередине к небольшой палочке, которая клалась поперек отверстия, так что рыба, попав на крючок, никак

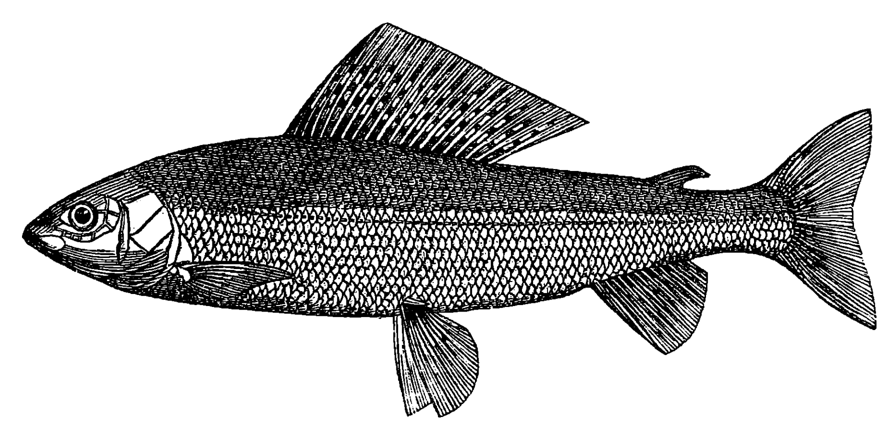
[1] Если нельзя довезть пеструшку живою до кухни, то лучшее средство к сохранению ее вкуса — заколоть ее, завернуть в траву и поливать в тени холодною водою (обложить льдом — еще лучше). Всякая рыба теряет вкус, когда заснет, потому что истомится, умирая в ведре, и, вероятно, выпустит несколько желчи.

не могла утащить палочку в воду. Наставив много таких удочек по речным омуточкам, мальчики ходили взад и вперед по речке и осматривали свои рыболовные снасти: попавшуюся рыбку снимали, а сдернутый червяк заменяли новым.

Несмотря на то, что пеструшка самая пугливая, сторожкая рыба и самая быстрая в своих движениях — ее ловят руками (также кутему и налимов), ибо она любит втискиваться между корягами и корнями дерев, залезать под камни и даже в норы. Я уже говорил о ловле всякой рыбы руками, которая в большом употреблении около Москвы.

23. КУТЕМА

Я нигде не видывал этой рыбы, кроме Оренбургской губернии. Хотя имя ее звучит по-русски, но это слово, как я слышал, чувашское и значит: *светлая, блестящая*. Я решительно причисляю ее к роду форелей. Во-первых, потому, что где водится пеструшка, там непременно живет кутема и гораздо в большем количестве; во-вторых,

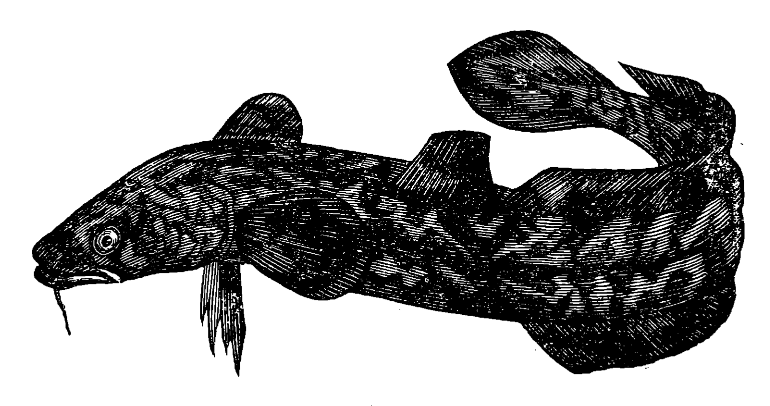
потому, что она имеет язык, и в-третьих, потому, что она совершенно сходна с форелью устройством своих костей, всеми своими нравами и превосходным вкусом. Складом своего стана она несколько пошире пеструшки, хотя от-

носительно довольно толста в спине; цветом вся сизо-серебряная, плавательные перья и хвост имеет также сизые с легким отливом розово-лилового цвета; оттенок этот приметен, если посмотреть к свету на ее перья и спину, которая несколько темнее нижней части тела, совершенно белой. Кутема, по единогласному мнению туземцев и по собственному моему наблюдению, не вырастает длиннее двух четвертей и не весит более двух с половиною, много трех фунтов; хотя она также любит чистую и холодную воду, но несколько менее взыскательна на этот счет, чем пеструшка. Когда на дикой, чистой, вольной речке или ручье сделают первую мельницу и запрудят воду плотиной из свежего хвороста и земли, пригнетя сверху несколькими пластами толстого дерна, взодранного плугом, то в первые годы в этом пруду, чистом и прозрачном, как стекло, живут пеструшка, красуля и кутема. Такой пруд бывает чудно хорош! особенно в тихое время, по зарям утренним и вечерним, когда сверкающее зеркало воды, подобно огромному куску льда, неподвижно лежит в зеленых, потемневших берегах. Наклонясь к заре, увидишь выпрыгивающих на гладкую поверхность воды кутему и пеструшку, как будто розово-серебряных от блеска зари: они ловят разных мошек и других крылатых насекомых, толкущихся над тихою водою и нередко падающих в нее. В таком пруде, отдаленном от селения, куда навоз возить далеко и плотина которого поддерживается дерном и землею, могут долго водиться все эти три превосходные породы форели. Впоследствии времени, когда хворост перегниет, плотина осядет, на мельничном дворе накопится навоз, а девать его некуда, потому что там пашни не унавоживают, тогда этим навозом (и даже деревенским, если пруд не слишком отдален) начнут усыпать плотину; он сообщит воде свой запах и пеструшка не станет жить в пруде, а удалится в верх реки; кутема же остается в нем несколько времени. Когда же вода еще более испортится, то и кутема пропадет. Она берет на удочку охотнее пеструшки, так что ее всегда выудишь вдвое больше. Что касается до уженья этой рыбы, то оно совершенно одинаково с уженьем пеструшки, и потому я не стану говорить о нем особенно.

Вот все породы рыб, которые берут на удочку и водятся в водах тех губерний, в которых мне случалось жить, следственно и удить. Это небольшой клочок в отношении к бесконечному пространству нашей Руси, и много есть пород рыб, неизвестных мне даже по имени, и способов уженья, незнакомых мне по опыту, отчего записки мои очень не полны. Предоставляю другим вознаградить этот недостаток. Я считаю, однако, не лишним поговорить о двух породах рыб, которые хотя не берут на удочку во время обыкновенного дневного уженья, но попадают на крючки или обыкновенные удочки, если их ставить на ночь. — Нельзя также прейти молчанием раков; раки вполне заслуживают внимания рыбака: они играют важную роль в уженье; охотнику необходимо знать, когда, где и как можно доставать их. Надобно также сказать кое-что и о тех способах рыбной ловли, которых хотя нельзя назвать уженьем, но которые ближе к нему, чем к ловле другими снастями: я разумею блесну, крючки и жерлицы. Рыбы, о которых я хочу поговорить, называются *налим* и *сом*.

24. НАЛИМ

Налим водится и в маленьких родниковых речках и во всех больших реках, проточных прудах и озерах, имеющих хорошую, свежую воду. Он принадлежит также

к породе хищных рыб, ибо преимущественно питается мелкою рыбешкою; фигура его совсем особенная и не совсем приятная: от головы, с довольно большим и широким ртом и одним усом, торчащим из-под нижней губы, сейчас начинается белесоватое брюхо, которое у больших налимов бывает кругло и велико; от брюха стан его сплющивается и оканчивается длинным, плоским, извилистым плесом, опушенным, до небольшого кругловатого хвоста, сплошным мягким, плавательным пером. Налим не имеет чешуи, а покрыт слизью, так что его трудно удержать в руках; он весь мраморный: по темнозеленому желтоватому полю испещрен черными пятнами; глаза имеет темные; некоторые налимы бывают очень темны, а другие очень желты. Я не видал налима более пятнадцати фунтов, но говорят, что он достигает тридцати фунтов. Хотя я только от одного рыбака слышал, что он выудил налима, но, судя по тому, что позднею осенью и в начале зимы налим берет со дна на обыкновенные удочки, насаженные рыбкою или куском рыбы и поставленные около берегов на ночь, его очень можно выудить, если удить ночью; но в это время года никто не станет удить по ночам [1]. Уха из одних налимов (даже без бульона из ершей), живых непременно, особенно если положить побольше печенок и молок, до того хороша, что, по моему мнению, может соперничать с знаменитой стерляжьей ухой. Из уважения к такому высокому качеству и по невозможности удить налимов я допускаю и даже люблю ловлю их *мордами*, по-заволжски, или *неротами*, по-московски. Она производится следующим образом:

На перекатах реки, в которой водятся налимы, загораживаются *язы*, то есть вся ширина реки или только та сторона, которая поглубже, перебивается нетолстыми сплошными кольями, четверти на две торчащими выше водяной поверхности, сквозь которые может свободно течь вода, но не может пройти порядочная рыба; в этой

---

[1] Недавно я убедился, что налим может взять на удочку и в день: при мне один рыбак выудил налима в два фунта на земляного червя, весною, в спущенном пруде. Налимы берут также весною на крючки, сейчас по слитии полой воды.

перегородке оставляются ворота или пустое место, в которое вставляется морда[1] (или нерот), крепко привязанная посредине к длинной палке: если отверстая ее сторона четыреугольная, то ее можно вставить между кольями очень плотно; если же круглая (что, по-моему, очень дурно), то дыры надобно заткнуть ветками сосны или ели, а за неименьем их — какими-нибудь прутьями. Всего необходимее, чтоб морда лежала плотно на дне. Зимой, особенно в сильные морозы, преимущественно около святок, выходят налимы из глубоких омутов, в которых держатся целый год, и идут вверх по реке по самому дну, приискивая жесткое, хрящеватое или даже каменистое дно, о которое они трутся для выкидывания из себя икры и молок; таким образом, встретив перегородку, сквозь которую пролезть не могут, и отыскивая отверстие для свободного прохода, они неминуемо попадут в горло морды. Иногда вваливаются такие огромные налимы, что даже непонятно, как они могли пролезть в узкое отверстие, будучи почти вдвое его объемистее. Это объясняется тем, что вся толщина налима состоит в брюхе, которое, по мягкости своей, удобно сжимается, и тем, что налим покрыт необыкновенною слизью. Всего выгоднее загораживать язы на устьях речек, впадающих в главную реку. Налимы идут всегда по ночам и днем никогда в морды не попадаются. В наши долгие, жестокие зимы очень приятно после снежной вьюги, свирепствовавшей иногда несколько дней, особенно иногда после оренбургского бурана, когда утихнет метель и взрытые ею снежные равнины представят вид моря, внезапно оцепеневшего посреди волнения, — очень весело при блеске яркого солнца пробраться по занесенной тропинке к занесенным также язам, которые иногда не вдруг найдешь под сугробами снега, разгресть их лопатами, разрубить лед пешнями и топорами, выкидать его плоским саком или лопатой и вытащить морду, иногда до

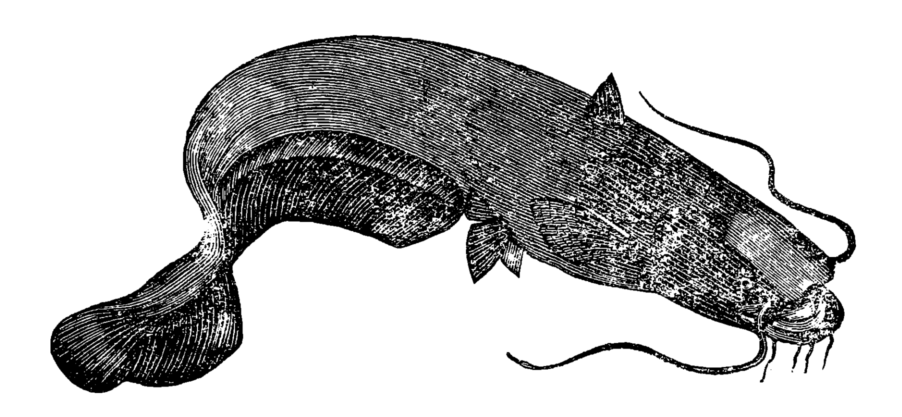
---

[1] Мордою называется сплетенный из ивовых прутьев круглый мешок; задний конец его завязывается наглухо, а в переднем, имеющем вид раскрытого кошелька, устраивается горло наподобие воронки, так что рыбе войти можно свободно, а выйти нельзя.

половины набитую налимами. Изредка, особенно к великому посту, попадаются окуни, плотва и раки. Налимы берут осенью на крючки, привязанные на толстую лесу или шнурок, без наплавка, насаженные целою рыбкою или куском свежей рыбы. Такие крючки ставят на ночь, насадку опускают на дно у самого берега, иногда же посредине реки, и шнурок привязывают к колышку или к древесному сучку; но об этом я скажу в своем месте подробнее. Попадают такие налимы, что отрывают толстые шнурки: очевидно, что лучше привязывать их к кусту или сучку дерева (только не ольховому, ибо он сейчас переломится или оторвется от ствола), которое имеет гибь. Уха из налимов, пирог с налимьими печенками... такие блюда, превосходный вкус которых известен всем.

25. СОМ

Сом фигурой своей очень похож на налима, но рот его, или, правильнее сказать, пасть, шире, безобразнее; голова еще более сливается с туловищем, то есть брюхом; он гораздо отвратительнее налима и как-то похож

на огромного головастика. Я слыхал, что сомы бывают чудовищной, баснословной величины, что проглатывают не только детей, но и взрослых. Они водятся только в больших реках, преимущественно в тихих, тинистых и глубоких. Вкус сомовий груб и неприятен, но его плесо, или хвост, весь состоящий из позвоночной кости и жира, имеет превосходный вкус: кулебяка с какою-нибудь красною свежепросольною рыбой и доброй начинкой, проложенная внутри ломтиками свежего сомовьего жира, который весь в печи растает и напитает собою и начинку и корку, — объеденье! Сомов ловят на огромные крючки или крючья, величина которых иногда бывает не менее пожарного багра, с соразмерною зазубриною, привязывая их на крепкие веревки и насаживая больших рыб, огромные куски мяса, ощипанных вполовину кур, уток и даже маленьких поросят; насаживают также говяжью и баранью требуху; но на чистую мясную насадку сом берет охотнее. Я слыхал также, что где водится сомов много, там удят их на огромные удочки, насаживая рыбу и больших лягушек.

РАКИ

Хотя рак ни рыба, ни мясо, но лучше и того и другого. Пословица *на безрыбье и рак рыба* на этот раз несправедлива. Но, кроме своего высокого гастрономического достоинства, раки, как я уже сказал, играют очень важную роль в уженье, ибо служат самою лучшею насадкою для всех рыбных пород, особенно линючие, которых в это время года ничто заменить не может. Раки водятся почти во всех реках, проточных прудах и даже иногда в озерах, но слишком холодной воды и теплой, особенно несвежей и нечистой, сносить не могут. В реках больших и песчаных раки бывают очень крупны, но невкусны и водятся в малом количестве; но в небольших речках, особенно в губерниях черноземных, водятся в невероятном множестве, так что даже мешают удить, особенно после линянья, когда они бывают худы и голодны: на что бы вы ни насадили ваши крючки, хотя бы на раковые шейки, едва они коснутся дна, как раки бросятся со

всех сторон, схватят клешнями и ртами свою добычу и поползут с нею в нору. Сначала будешь ошибаться, что это берет большая рыба, станешь давать им волю заклевывать, отчего иногда очень нескоро освободишь крючок из норы; потом скоро применишься к их клеву и не станешь давать им затаскивать крючки. Как скоро рак повезет наплавок, то надобно сейчас потихоньку вынимать удочку: иногда вытащишь и рака; но какое же тут уженье хорошей рыбы, если надобно вынимать беспрестанно удочки? Когда крючки ходят на весу и не близко к берегу, то раки будут брать менее; всего жаднее бросаются они на рыбку, навозных и земляных червей и хлеб. Одно верное спасение от раков: полои и разливы прудов, где их мало и где они не трогают никакой насадки, вероятно оттого, что не ползают по тине. Впрочем, не везде они нападают на удочки. Мне случалось удить во многих реках, в которых водились раки, и никогда ни один из них не трогал моих удочек. — Их ловят кругами и рачнями. Первое есть не что иное, как обруч деревянный или железный, подшитый сетью; на середине его прикрепляется камень для тяжести и кусок мяса, рыбы или хлеба: первые — чем вонючее, тем лучше. Такой кружок привязывается, в равном друг от друга расстоянии, тремя равной длины веревочками, которые все три опять привязываются к довольно толстой веревке (кружок имеет вид привешенной к потолку люстры); длина этой веревки зависит от глубины воды; она в свою очередь опять прикрепляется к длинной палке. Несколько таких раколовных снастей закидываются по местам глубоким, тихим и крутоберегим, поближе к берегу, где всегда бывает множество рачьих нор; через полчаса на каждом кружке будут сидеть и кушать по нескольку раков; остается легонько вынимать кружки и собирать добычу. Устройство так называемой в Оренбургской губернии *рачни* точно такое же, как и кружка, с тою разницею, что вместо обруча и сетки употребляются старые лапти (осметки): это простее и удобнее. Таких рачен легко наделать десятка три. Внутри каждого лаптя (привязанным к нему камнем или наби-

того глиной для скорейшего погружения) должно прикрепить лычком кусок какого-нибудь мяса, рыбы, если случится, а если нет ни того, ни другого, то корку хлеба; рачни раскидать по реке, саженях в пяти одна от другой. Когда раколов закинет последнюю рачню, то возвращается к первой и через полчаса начинает вынимать рачни по порядку; на каждой будет сидеть по два и по три рака; вынимать надобно осторожно и тихо до поверхности воды и потом проворно выкинуть на берег. В реках, изобильных раками, в несколько часов можно таким образом поймать не одню сотню раков.

В реках очень быстрых или мелких такой способ неудобен, и потому ловят раков руками, отыскивая их в норах, под корягами и камнями.

В тинистых прудах и озерах раки живут не в норах (потому что для устройства нор требуется жесткий грунт), а в тине; на круги и рачни они нейдут, и потому ловить их нет других средств, как частым бредешком или недоткой, вытаскивая на берег как можно более тины, а вместе с ней — и раков.

Ночью раки ползают по отмелям около самых берегов, влезают и на берег (вероятно, отыскивая корму). Ходя по таким местам с горящей лучиной, ловят раков руками.

Наконец, есть еще способ, и довольно забавный, доставать раков; но для этого необходимо, чтоб вода была очень прозрачна. Надобно взять довольно длинную, не сухую палку, расщепить ее с одного конца и вставить в расщеп клинышек, чтоб края палки не сходились вершка на полтора. Запасшись таким орудием, надобно выбрать место умеренно глубокое, где водится более раков, и у самого берега бросить на дно какого-нибудь мяса, кишки, требуху или хоть умятого хлеба; раки сейчас поползут к корму со всех сторон; тогда расщепленную палку бережно погрузить в воду и, наводя тихонько на рака, как можно к нему ближе, вдруг воткнуть развилки в дно: рак попадет между ними и увязнет вверху расщепа. Кажется, штука простая, а надобно очень примениться, и сначала промахов будет множество. Если

раков в реке много, то и этим способом можно наловить их довольно.

В июне и в июле раки линяют и сидят больные в норах, а рачихи, также в норах, высиживают икру: и тех и других необходимо доставать руками. Рачихи линяют позднее раков. Желая поймать линючего рака, некрупные налимы забиваются в их норы, и деревенские мальчики, доставая раков, нередко ловят налимов руками.

КРЮЧКИ И ЖЕРЛИЦЫ

Ставленье крючков и жерлиц, о котором я упоминал не один раз, делается следующим образом. Большого сорта *крючки*, и даже средние, на толстых лесах или крепких шнурках с грузилом, если вода быстра, насаживаются рыбкою, опускаются на дно реки, пруда или озера, предпочтительно возле берега, около корней и коряг, и привязываются к воткнутому в берег колу, удилищу или кусту. Рыба на крючки попадается ночью; их начинают ставить осенью, когда сделается холодно и пойдут морозы; эту ловлю продолжают во всю зиму на таких реках, которые не мерзнут или покрываются тонким льдом[1]. Попадаются налимы, головли, судаки и щуки. Для предосторожности не худо употреблять крючки с поводками из проволоки или струны, без чего щука непременно перегрызет и самый толстый шнурок: ибо она, хотя редко, берет и на крючок со дна. — Жерлицы ставятся для одних только щук. Это тот же крючок, только рыбку надобно насаживать живую в спинку (наилучший способ насадки: животку пришивать боком к крючку) и пускать ее не глубже, как на один аршин, для чего длинная бечевка или шнурок всегда с металлическим поводком наматывается на рогульку и ущемляется в нарочно сделанный раскол одного из ее рожков;

---

[1] Про зимнюю ловлю на крючки я только слыхал, но мои попытки были всегда неудачны. Самый лучший лов около 1 октября, если есть морозы, а если нет, то позднее.

сама же рогулька коротко и крепко привязывается к длинному рычагу, который другим заостренным концом своим втыкается в наклоненном положении в берег или неглубокое дно; на крупных щук обыкновенно насаживают окуней, и немаленьких. Щука, проглотив насадку, размотает шнурок с рогульки во всю его длину и, если хорошо забрала, будет ходить целый день и ни за что не сорвется. Жерлицы ставятся преимущественно в прудах и озерах, в мелких местах около трав и камышей. Для ставленья и выниманья жерлиц нужна лодка, потому что всего лучше ставить их в разливах прудов. Щуки попадают и днем, но чаще ночью. Для больших щук обыкновенные крупные крючки не годятся, потому что слишком тонки и малы. Огромная щука так сильна и станет так кидаться и метаться, что крючок, хотя бы задел за ее желудок, называемый рыбаками *кутырь*, непременно прорвет его и выскочит вон. Для этой ловли приготовляются особенные толстые крючки, и они-то называются жерлицами. Мне не один раз случалось вынимать щук с вывороченным, как чулок, кутырем, то есть желудком, а щуки были еще живы и бойко ходили. На такие жерлицы попадаются и огромные окуни, даже изредка налимы (разумеется, в глубокую осень), если шнурок размотается с рогульки и насадка опустится на дно или прислонится в воде к берегу: ибо налим на весу ни под каким видом не берет. Лучшее время для ловли щук на жерлицы — конец лета и первая половина осени; весною и в позднюю осень они берут мало. Двойные жерлицы, то есть с двумя крючками, по моим опытам, всегда оказывались неудобными.

Я небольшой охотник до жерлиц: стоит ли заниматься одними щуками, когда и без них всякая рыба берет на удочку? Но ставленье крючков осенью на налимов — очень любил и теперь люблю и потому поговорю подробнее об этой ловле. Кроме того, что налим драгоценная по вкусу рыба и что ее в это время года ничем другим не достанешь, ставленье крючков потому приятно, что начинается тогда, когда прекращается уженье; заменяя его некоторым образом, оно может служить единственной отрадой страстному рыбаку,

огорченному лишеньем любимой забавы на целые полгода! Крючки имеют значительную выгоду в том, что их можно ставить скрытно, так что никто, кроме хозяина, не увидит и не найдет их; а это обстоятельство очень важно, если ловля производится на бойких местах, где много шатается народа: редко кто не полюбопытствует посмотреть поставленную снасть, если ее увидит; а много найдется и таких людей, которые будут нарочно приходить и вынимать вашу добычу. Да и посмотревший из одного любопытства уж непременно закинет крючок дурно: не туда и не так, как надобно; если же насаженная рыбка подбилась как-нибудь под берег, зашла за пенек или задела за корягу, то, вынимая ее без всякой осторожности, незваный гость, наверное, заденет, стащит насадку набок или оторвет совсем. Для избежанья таких помех можно привязывать шнурок к колышку (который втыкается плотно в дно реки у берега и покрыт водою на четверть и более), даже к коряге или к таловому пруту: тальник часто растет над водою и очень крепок. Это можно так хитро устроить, что вор, знающий наверное, где поставлены крючки, — не найдет их. В местах, безопасных от посетителей, можно ставить крючки на удилищах и с наплавками; последнее приятно потому, что, подходя, рыбак издали уже видит, взяла на крючок рыба или нет и куда затащило наплавок, а также и потому, что на удилище веселее поводить и вытащить рыбу. Ставить надобно не на глубоких, а около глубоких мест, также около коряг, корней и крутых берегов, на крепях, как говорят рыбаки. Впрочем, иногда налимы берут на середине реки, на чистом и гладком дне, а потому надобно ставить разными манерами. Для насадки можно употреблять всякую мелкую рыбу, кроме ершей, окуней и щурят: живую или снулую — для налима это все равно; я даже считаю, что снулая лучше: живая может спрятаться под траву и забиться под коряги, так что налим ее не увидит. Я предпочитаю плотичку, за ее белизну, всем другим насадкам; но рыбаки считают, что всего лучше небольшие карасики, уверяя, что они мягче и слаще другой рыбы и *живущи;* последнее совершенно справедливо, но, по моему замечанию, налимы и другие хищные рыбы берут на них

не так охотно. Можно насаживать на крючки куски мяса, облупленных до половины раков и небольших лягушек: где много налимов, там берут они на все. Всяким насадкам всего вреднее живые раки; где ловятся они во множестве, там очень мешают этой ловле: объедают насадку и затаскивают в нору крючок, откуда его не скоро вытащишь. Раки нападают на свою добычу более днем, и потому на день крючки надо вынимать очень рано поутру и ставить как можно позднее вечером. Крючки нужны не столько большие, сколько толстые, ибо где водятся огромные налимы, там может ввалиться иной в полпуда; он замотает *бечевку* или шнурок, разумеется крепкий, за корягу и так сильно рвется, что иногда выворачивает кутырь, так же как щука, и потому тонкий крючок может прорвать желудок.

БЛЕСНА

Ближе всех подходит к обыкновенному уженью *блесна.* Если хотите — это настоящее уженье, с тою разницею, что рука охотника, в которой он держит лесу блесны, служит вместо удилища; впрочем, я не знаю, почему не употреблять коротенького удилища? Им также ловко будет подергивать и потряхивать насадку. Это происходит следующим образом: на обыкновенную лесу прикрепляется металлическая, блестящая рыбка, у которой сбоку припаян крючок (иногда по крючку с обеих сторон); иногда крючок торчит из рта искусственной рыбки; рыбак садится в лодку и, пуская ее вдоль по течению реки, бросает одну или две блесны, на которых искусственные рыбки кажутся плавающими; жадные окуни, а иногда и щуки, хватают с размаху плывущих за лодкою искусственных рыбок и попадаются на крючки. Эта ловля производится осенью, когда вода делается чиста. Я никогда не уживал на блесну, но видал, как удят другие. Я встречал страстных охотников до этой ловли, но мне она никогда не нравилась, может быть потому, что я не охотник до уженья с лодки, плывущей по глубоким местам... Надо признаться:

я люблю твердую землю, берег, а жидкого пути — боюсь.

Впрочем, можно ловить блесной, или *блеснить*, как говорят охотники, зимой в прорубях, а осенью с берега на местах глубоких, у самого берега, причем необходимо надобно часто потряхивать и подергивать за лесу, чтоб искусственная рыбка сколько можно казалась похожею на настоящую. Блеснить с берега и в проруби не так удобно; что же касается до уженья зимой, то в зимнюю стужу у меня пропадает охота удить.

Моим братьям и друзьям
Н. Т. и А. Т. АКСАКОВЫМ

ЗАПИСКИ РУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА

ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

ВСТУПЛЕНИЕ

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ РУЖЕЙНОЙ ОХОТЫ

Я думал сначала говорить подробно в моих записсках вообще о ружейной охоте, то есть не только о стрельбе, о дичи, о ее нравах и местах жительства в Оренбургской губернии, но также о легавых собаках, ружьях, о разных принадлежностях охоты и вообще о всей технической ее части. Теперь, принявшись за это дело, я увидел, что в продолжение того времени, как я оставил ружье, техническая часть ружейной охоты далеко ушла вперед и что я не знаю ее близко и подробно в настоящем, современном положении. К чему, например, говорить теперь о прежних славных породах собак, об уменье выдерживать и соблюдать их, когда самые породы уже не существуют? О дрессировке, которая уже изменилась, потому что изменились требования охотников? О знаменитых ружьях Моргенрота, Штарбуса, старика Кинленца и Лазарони, когда ружья их сохранились только как исторические памятники, в оружейнях старых охотников? Итак, обо всем этом я скажу кое-что в самом вступлении; скажу об основных началах, которые никогда не изменятся и не состареются, скажу и о том, что заметила моя долговременная опытность, страстная охота и наблюдательность. К тому же книжка моя может попасть в руки охотникам деревенским, далеко

живущим от столиц и значительных городов, людям небогатым, не имеющим средств выписывать все охотничьи снаряды готовые, прилаженные к делу в современном, улучшенном их состоянии. Признаюсь, именно им желал бы я быть хоть несколько полезным. Меня утешает мысль, что добрый совет по части технической может так же пригодиться им, как и наблюдения над нравами дичи или заметки и указания в самой стрельбе. Для них собственно пишу я это вступление. Я не знаю, кого назвать *настоящим охотником*, — выражение, которое будет нередко употребляться мною: того ли, кто, преимущественно охотясь за болотною дичью и вальдшнепами, едва удостоивает своими выстрелами стрепетов, куропаток и молодых тетеревов и смотрит уже с презрением на всю остальную дичь, особенно на крупную, или того, кто, сообразно временам года, горячо гоняется за всеми породами дичи: за болотною, водяною, степною и лесною, пренебрегая всеми трудностями и даже находя наслаждение в преодолении этих трудностей? Я не беру на себя решение этого вопроса, но скажу, что всегда принадлежал ко второму разряду охотников, которых нет и быть не может между постоянными жителями столиц, ибо для отыскания многих пород дичи надобно ехать слишком далеко, надо подвергать себя многим лишениям и многим тяжелым трудам. Прежде число второго разряда охотников было несравненно значительнее; теперь же, напротив, решительное большинство на стороне первых. Требования этого большинства нынешних охотников относительно качества ружей весьма отличны от прежних; из сего непосредственно следует, что и ружейные лучшие мастера приготовляют ружья сообразно настоящим требованиям большинства, то есть приготовляя ружья предпочтительно для стрельбы мелкой дичи. Итак, к делу.

РУЖЬЕ, РУЖЕЙНЫЙ СТВОЛ

Для охотников, стреляющих в лет мелкую, преимущественно болотную птицу, не нужно ружье, которое бы било дальше пятидесяти или, много, пятидесяти пяти

шагов: это самая дальняя мера; по большей части в болоте приходится стрелять гораздо ближе; еще менее нужно, чтоб ружье било слишком кучно, что, впрочем, всегда соединяется с далекобойностью; ружье, несущее дробь кучею, даже невыгодно для мелкой дичи; из него гораздо скорее дашь промах, а если возьмешь очень верно на близком расстоянии, то непременно разорвешь птицу: надобно только, чтоб ружье ровно и не слишком широко рассевало во все стороны мелкую дробь, обыкновенно употребляемую в охоте такого рода, и чтоб заряд ложился, как говорится, решетом. Нельзя не заметить странного обстоятельства, что редко одно и то же ружье бьет одинаково хорошо и крупною и мелкою дробью.

Распространение двуствольных ружей, выгоду которых объяснять не нужно, изменило ширину и длину стволов, приведя и ту и другую почти в одинаковую, известную меру. Длинные стволы и толстые казны, при спайке двух стволин, очевидно неудобны по своей тяжести и неловкости, и потому нынче употребляют стволинки короткие и умеренно тонкостенные; но при всем этом даже самые легкие, нынешние, двуствольные ружья не так ловки и тяжеле прежних одноствольных ружей, назначенных собственно для стрельбы в болоте и в лесу. Вообще надобно сказать, что, несмотря на новое устройство, впрочем давно уже появившееся, так называемых полуторных и двойных камер в казенном шурупе, несмотря на новейшее изобретение замков с пистонами, — старинные охотничьи ружья били кучнее, крепче и дальше нынешних ружей, изящных по отделке и очень удобных для стрельбы мелкою дробью мелкой дичи, но не для стрельбы крупной дробью крупной дичи. Если я ошибаюсь, то не по пристрастью к старине, а, может быть, по недостаточным или ошибочным опытам над нынешними ружьями. Впрочем, мое мнение разделяют многие охотники.

Отличный бой ружья — дело неопределенное, не приведенное в ясность. Всем охотникам известно, что двуствольные ружья, при одинаковых условиях в отделке и в доброте стволин, почти всегда бьют неодинаково: один ствол лучше, другой хуже. Я никогда не мог разрешить себе этой задачи, да и ни один ружейный мастер мне не

объяснил ее удовлетворительно. Лучшее доказательство, что мастера сами не знают причины, состоит в том, что ни один из них не возьмется сделать двух стволин одинакового боя, как бы они ни были сходны достоинством железа. Причины далекобойности ружей, по мнению охотников, заключаются в следующих качествах стволов: 1) в мягкости и ровности слоев железа; 2) в длине ствола и его узкости; 3) в толщине стенок казны и 4) в длине казенного щурупа и в числе нарезанных на нем винтов. Первая причина мне кажется основательнее других, да и ружейные мастера всегда ею объясняют свои неудачи в приведении иных ружей в цель; они говорят, и можно с ними согласиться, что от мгновенного, *ровного* нагреванья ствола придается бо̀льшая сила вылетающей дроби, для чего необходима ровность слоев железа. Защитники второй причины утверждают, будто в длинной стволине порох воспламеняется весь до вылета дроби, тогда как в короткой он не успевает весь вспыхнуть и уцелевшие зерна выкидываются и падают вниз, и что заряд дроби, долее идущий в стволе, в насильственно-стесненном положении, долее не разлетается в воздухе, чему содействует и узкость стволины. С этим согласиться нельзя. Неверность таких предположений всего лучше объясняется опытом: кто из охо̀тников не видал ружей с чрезвычайно короткими стволами, которые бьют отлично хорошо: кучно, далеко и крепко? Что же касается до выкидыванья невоспламенившихся зерен пороха, то оно всегда бывает одинаково, длинна ли, коротка ли стволинка. Я делал многие опыты: подстилал полотно под ружейные дула разной длины — результат выходил один и тот же. Объяснение третьей причины состоит в следующем: говорят, что толщина стен казны, у которой при выстреле нагреваются только первые, ближайшие слои, — от противодействия остальной, ненагретой массы железа усиливает бой заряда. Это мнение разделяют многие опытные охотники и очень уважают казнистые стволины. Что касается до четвертой причины, то есть до глубины винтов и длины казенного щурупа, то, не умея объяснить физических законов, на которых основано его влияние на заряд, я скажу только, что многими

опытами убедился в действительной зависимости ружейного боя от казенника: я потерял не одно славное ружье, переменив старый казенный шуруп на новый, повидимому гораздо лучший. Итак, диковинный бой иных ружей остается необъяснимою загадкой. Могу только дать искренний совет охотникам: не переделывать даже и безделиц в тех ружьях, которые отлично бьют. Я испортил один раз необыкновенно далекобойное ружье только тем, что перепаял на нем цель, для чего надобно было слегка нагреть конец ствола.

Из всего сказанного мною следует, что в выборе ружья ничем нельзя руководствоваться, кроме опыта, то есть надобно пробовать, как бьет ружье в цель мелкою и крупною дробью, как рассевает дробь, глубоко ли входят дробины в доску и какая доска, мягкая или жесткая? Мера должна быть всегда средняя: сорок пять шагов для бекасиной и шестьдесят — для самой крупной, или гусиной, дроби. Не худо также попробовать предварительно ружье на птице, а потом уже его покупать. Едва ли нужно говорить о том, что в ружейном стволе не должно быть: расстрела, выпуклостей, внутренних раковин, еще менее трещин и что казенный шуруп должен привинчиваться всеми цельными винтами так плотно, чтоб дух не проходил.

ЛОЖА, ПРИКЛАД, ШОМПОЛ, ИЛИ ПРИБОЙНИК

Без сомнения, ловчее стрелять из ружей с кривыми ложами, то есть погнутыми несколько вниз: ибо, прицеливаясь, не нужно слишком вытягивать шею и слишком низко опускать голову на щеку приклада для скорейшего отыскания цели. Конечно, можно привыкнуть стрелять из ружей и с прямыми ложами. Эту привычку еще легче получить человеку, у которого шея коротка: последнее обстоятельство ясно указывает на то, что ружье, ловкое в прикладе одному, может быть неловко другому. Впрочем, под словом *прямая ложа* не должно разуметь совершенную прямизну: все ложи охотничьих ружей несколько кривы, и меньшую кривизну уже называют прямизною. Итак, попробовав несколько лож

разной кривизны, охотник должен выбрать ту, которая придется ему ловчее других, снять с нее *лекало* (выкройку) и по нем заказывать себе ложи. По моему мнению, чем кривее ложа, тем лучше, разумеется до известной степени. С прямою ложей неизбежно неестественное стягиванье шеи; к чему же насиловать себя для получения дурной и безобразной привычки? Притом приклад кривой ложи будет приходиться прямо ложбиной, то есть углублением средины, в плечную кость, ляжет плотно и не станет двигаться с места или вертеться. Неминуемый толчок от выстрела только прижмет приклад к плечу, и скула охотника, следственно и голова не почувствуют никакого сотрясения, неприятного и даже болезненного, если стреляешь много. Я не один раз испытал, что ружье, которое несколько отдавало с прямою ложею, с кривою совершенно переставало отдавать.

О шомполе, или прибойнике, нечего распространяться. Можно только посоветовать, чтоб к тонкому концу его никогда не привинчивать железного крейцера (двойной штопор), это может портить ружье, и чтоб косточка на противоположном конце его была как можно шире.

ЗАРЯД

Каждое ружье имеет свой собственный, особенный заряд, которым бьет лучше, чем зарядом несколько поменьше или побольше. Найти меру этого настоящего заряда довольно трудно и требует иногда много времени и хлопот. Можно попасть на него случайно, даже с первого раза, но это редкое исключение. Я, напротив, убедился, что иные охотники целый век стреляют не настоящими зарядами, особенно любители одной болотной дичи: ружье бьет мелкою дробью хорошо — о чем же тут хлопотать? Пословица, не всегда верная в приложении к жизни, говорит, что *«от добра добра не ищут»*. Но охотник, стреляющий крупною дробью сторожкую и крепкую к ружью крупную дичь на далеком расстоянии, необходимо должен отыскать меру полного настоящего заряда для своего ружья. Положительных правил

для такого отыскиванья нет. Вычисление меры заряда по ширине ружейного дула неверно; обсыпанье со всех сторон калиберной пули порохом — также: ибо величина заряда зависит от толщины стен ружейного ствола и его длины, от толщины казны и от длины казенного шурупа, а всего больше — от качества железа, то есть от его хрупкости, мягкости, плотности, тягучести и упругости. Настоящий заряд как-то чувствуется: звук его густ, полон и приклад ружья не толкнет, не отдаст, а только плотнее прижмется к плечу и щеке стрелка, тогда как большой заряд, не в меру, даст толчок и в плечо и в щеку, так что от нескольких выстрелов кожа на скуле щеки покраснеет и даже лопнет. Я не только видал это на других, но и сам ходил по нескольку месяцев с подбитою скулою, продолжая от жадности стрелять из ружья большими зарядами и всякий раз сбивая щеку. Несправедливо говорят, что будто ружье отдает и малыми зарядами: малый заряд тогда только отдает, когда дроби будет положено больше, чем пороху; малый заряд слышен по жидкости звука выстрелов, похожих на хлопанье арапника или пастушьего кнута, по слабому действию дроби и по тому, что при стрельбе в цель дробь всегда обнизит, то есть ляжет ниже цели. Для отысканья полного настоящего заряда я предлагаю следующий способ: сделать мерку, которой внутренняя ширина равнялась бы внутренней ширине ружейного ствола, а глубина была бы в полтора раза против ширины; если ружье с кремнем, то надобно прибавить столько лишнего пороха, сколько может поместиться на полке, для чего достаточно насыпать мерку пороху вѐрхом, а дроби в гребло; если же ружье с пистоном, то насыпать мерку в гребло поровну и пороха и дроби. Я разумею порох хороший; если же порох дурен, то его надобно класть несколько побольше, чем дроби. Еще должно заметить, что заряд мелкой дроби будет тяжеловеснее заряда крупной, хотя оба сделаны по одной мерке. В этом можно убедиться, взвесив оба заряда, вес которых должен быть всегда одинаков, какого бы сорта дробь ни была[1]; следовательно, крупной

[1] За основание должно принять вес заряда мелкой дроби.

дроби надобно прибавлять от двух до четырех дробин сверх меры. Такой заряд, пригодный только для ружей небольшого малопульного калибра, бывает иногда с первого раза впору, по большей части несколько маловат, но никогда велик; для широкоствольного же ружья он будет чрезмерно велик, а для узенького — слишком мал; но по заряду в ружье среднего калибра уже можно сделать приблизительно заряд и для широкого и для узенького ствола. Таким зарядом надобно начать стрелять в цель; если звук выстрела не густ, не полон, приклад не плотно прижимается к плечу, дробь не глубоко входит даже в мягкое дерево и ложится пониже цели, то заряд мал: прибавляя понемногу пороху и дроби, вы, наконец, непременно найдете настоящий заряд.

У простых охотников есть ружья, которые отдают всегда, всякими зарядами; мне попадались такие ружья с подушечками на прикладах, чтоб не сбивать щеки. Они били отлично. Я имел терпение долго пробовать их и убедился, что они точно отдают всякими зарядами. Причину этого, по моему мнению, надобно искать в несоразмерности казенника с стенками ружейного ствола. — Для предохранения ружейных стволов от ржавчины не нужно вымазывать их на зиму деревянным маслом, а всего лучше: выстрелить раз из чистых стволин и, *не продувая* их, заткнуть суконными пробками и повесить в сухой комнате. Весной стоит только промыть стволы теплою водой. Замки можно смазывать деревянным маслом.

ПОРОХ

Порох приготовляется разного качества: винтовочный, полированный, мушкетный и пушечный. Первый, то есть винтовочный, лучше всех и предпочтительно употребляется охотниками: он должен быть мелок, не очень сер и не слишком черен; он должен не марать рук, вспыхивать мгновенно и не оставлять после себя угольной копоти или сажи. Для пробы можно насыпать маленькую щепотку пороха на лист белой бумаги и за-

жечь его: если не останется никакого следа, то порох хорош. В полированном порохе нет никакой надобности; по мнению моему и многих охотников, он слабее винтовочного и больше пачкает ружья, хотя на взгляд чище и глянцевитее. По нужде я употреблял мушкетный порох, но клал его одною хорошею щепоткою больше в каждый заряд.

ДРОБЬ, КАРТЕЧЬ, ПУЛЯ, ЖЕРЕБЬЯ

Дроби считается двенадцать нумеров. Сверх того, есть дробь крупнее 1-го нумера и называется «нуль», или «безымянка»; есть мельче 12-го нумера, носящая немецкое имя: «дунст». Русские продавцы называют последнюю: «дунец», производя это слово от глагола *дунуть*, то есть дробь так мелка, что дунешь — и разлетится. Забавно, что это совпадает со смыслом немецкого слова. — Дробь 1-го нумера называется гусиною; 2-го нумера — крупною утиною; 3-го нумера — утиною; 4-го нумера — мелкою утиною; 5-й и 6-й нумера не имеют особых имен, происходящих от птицы; 7-й и 8-й нумера называются крупною и мелкою рябчиковою дробью, а 9-й нумер — бекасиною, или бекасинником. Остальные три сорта дроби называются по нумерам; 10-й нумер обыкновенно, а 11-й очень редко употребляются для гаршнепов и самых крошечных куличков; 12-й нумер решительно не употребителен, и я не знаю даже, приготовляют ли его теперь. Дунста особо не льют, а отсевают из мелких сортов дроби, если кто закажет; да он совсем и не нужен: им можно бить птицу только в самом близком расстоянии. Из любопытства я пробовал стрелять дунстом: если заряд не разорвет птицу, то убивает ее, как будто палкой, не делая ран. Я застрелил однажды в августе дунстом молодого, но уже большого косача, сидевшего на низеньком дубке, шагах в пятнадцати от меня. Косач не пошевельнулся, умер на сучке и упал как сноп, только пух и перья полетели кругом. Когда я взял его за ноги и тряхнул, то весь бок, в который ударил заряд, дочиста облетел, как будто косач

был ошпарен кипятком, и не только посинел, но даже почернел: раны — никакой, крови — ни капли.

Картечь есть не что иное, как маленькие пулечки или огромные дробины, несравненно крупнее безымянки; впрочем, величина их бывает различная, смотря по надобности; самую крупную картечь употребляют для зверей, как-то: медведей, волков, оленей и проч., а маленькую — для больших птиц, собравшихся в стаи, для лебедей, гусей, журавлей и дроф. Картечь может быть так крупна, что заряд в харчистое, то есть широкоствольное, ружье весь состоит из осьми пулечек; самой же мелкой картечи идет на заряд того же ружья от двадцати до двадцати пяти штук. Для того, чтоб картечь долее летела кучей, завертывают или завязывают ее в тряпку, даже заклеивают в бумажный патрон.

Пули известны всем. Надобно прибавить, что только теми пулями можно бить верно, которые совершенно приходятся по калибру ружья. Впрочем, из обыкновенных охотничьих ружей, дробовиков, как их прежде называли, редко стреляют пулями: для пуль есть штуцера и винтовки. Эта стрельба мне мало знакома, и потому я об ней говорить не буду.

Вместо пуль и картечи, большею частию за неименьем их, употребляют для стрелянья зверей *жеребья*, то есть нарубленные кусочки свинцового прута, даже меди и железа. Последние два металла неудобны. Во-первых, они легки и силою пороха относятся в сторону от цели, отчего могут быть употреблены с успехом только в близком расстоянии. Во-вторых, они жестки и царапают стенки ружейного ствола. Свинцовые жеребья старинные охотники предпочитают иногда пулям и картечи, основываясь на том, будто они *сердитее бьют* и будто раны, ими причиняемые, тяжеле. Может быть, последнее несколько справедливо, потому что угловатая фигура жеребья шире раздирает тело при своем вторжении и делает рану если не тяжеле, то болезненнее, но зато пуля и картечь, по своей круглоте, должны, кажется, идти глубже. Что же касается до того, что заряд картечи бьет вернее, кучнее в цель, чем заряд из жеребьев (разумеется, свинцовых), то это не подлежит сомнению.

ПЫЖИ

Пыжом называется то вещество или материал, которым сначала прибивается всыпанный в дуло ружья порох и которым отделяется этот порох от всыпаемой потом сверх него дроби; другим пыжом прибивается самая дробь. Первый пыж называется нижним, а второй — верхним. Пыжи делаются из льна, посконн, конопли и шерсти. С тех пор как ввелись в употребление ружья с пистонами, дробовики и пороховницы — патронташи и пыжи, о которых я сейчас говорил, уволены в отставку. Вместо них стали употреблять так называемые *рубленые* пыжи, но вернее сказать — вырубаемые кружки из старых шляп и тонких войлоков посредством особенной железной формы, края которой так остры, что если наставить ее на войлок и стукнуть сверху молотком, то она вырубит войлочный кружок, который, входя в дуло несколько на̀туге, весьма удобно и выгодно заменяет все другого рода пыжи. Разумеется, эта форма, всегда совершенно одинаковая с калибром дула, делается особенная для каждого ружья, что, конечно, довольно затруднительно. Таких легких и укладистых пыжей можно положить в один карман более сотни. Но как у многих деревенских охотников, особенно у охотников средней руки, нет форм и самого материала для вырубки пыжей, то они употребляют на пыжи какой-нибудь из числа тех материалов, о которых я упомянул сначала. Самые лучшие пыжи скатываются из льняных хлопков: они ложатся плотно, волокна их коротки и дробь в них не завертывается. За неименьем льняных можно употреблять хлопки посконные и конопляные, а за неименьем хлопков — самый лен, посконь и коноплю, предварительно изрубя, мерою в полвершка, длинные, волокнистые их пряди: в противном случае дробь иногда завертывается, и заряд будет неверен. Пыжи шерстяные употребительнее других у простых охотников; они имеют одно преимущество, что шерсть не горит, но зато заряд прибивается ими не плотно, часть дроби иногда завертывается в шерсти, и такие пыжи, по мнению всех охотников, скорее пачкают внутренние стены ствола. С пыжами из хлопков, весьма удобными в местах

безопасных, надобно быть очень осторожну: они вспыхивают, вылетя из ствола, и могут произвести пожар; изрубленные же лен и конопля разлетаются врозь и, следовательно, не могут воспламеняться; очевидно, что для предупреждения опасности следует рубить и хлопки. Первый пыж, который кладется на порох, надобно прибивать довольно крепко, а второй, на дробь, только прижать поплотнее. Стреляющим с шерстяными пыжами должно принять в соображение то, что их пыжи могут отодвигаться тяжестию дроби, если дуло заряженного ружья будет обращено вниз, особенно на езде в тряском экипаже, что случается нередко; а потому должно всегда ружье, давно заряженное шерстяными пыжами, пробовать шомполом и снова прибить верхний пыж, ежели он отодвинулся; то же надобно наблюдать с вырубленными, войлочными и шляпными пыжами, особенно если они входят в дуло не на̀туге; с последними может случиться, что верхний пыж отодвинется, покосится и часть дроби сейчас высыплется, отчего последует неизбежный промах. Под словом *давно* я разумею ружье, заряженное несколько часов, потому что приносить его домой заряженным никогда не должно; многие не исполняют этого правила, и немало случается от того несчастных происшествий.

В случаях совершенной крайности в должность пыжей может быть употреблено все, что способно отделить порох от дроби и потом удержать ее в горизонтальном положении к пороху. Тут пойти могут в дело и тряпки, и бумага, особенно мягкая, употребляемая для печати, и трава, и листья древесные, не слишком сырые, и даже мох.

ПИСТОНЫ

Русские охотники называют их *колпачками*, потому что они надеваются на обращенную вверх затравку, как колпак на голову. Впрочем, пистоны фигурой своею больше похожи на шапки белорусских крестьян. Я не стану распространяться об устройстве пистонов и о тех переменах, которые произвели они в ружейных замках.

Охотникам все это хорошо известно, а не охотникам будет непонятно и скучно; скажу только о тех выгодах, которые доставляет употребление пистонов. Во-первых, если пистоны хороши, то *осечек* не должно быть вовсе, хотя бы случилось стрелять в сильный дождь, потому что затравка совершенно плотно закрыта колпачком и порох не подмокнет, даже не отсыреет, от чего нет возможности уберечь ружье с прежним устройством полки и затравки. Притом осечки у ружья с кремнем могут происходить и от других многих причин, кроме сырости: а) ветер может отнесть искры в сторону; б) кремень притупиться или отколоться; в) огниво потерять твердость закалки и не дать крупных искр; г) наконец, когда все это в исправности, осечка может случиться без всяких, повидимому, причин: искры брызнут во все стороны и расположатся так неудачно, что именно на полку с порохом не попадут. Между тем осечка может случиться на охоте за такою драгоценною добычей, потеря которой невознаградима; не говорю уже о том, что осечка при стрельбе хищных зверей подвергает охотника великой опасности. Во-вторых, ружье с пистонами стреляет скорее и бьет крепче, ибо воспламенение пороха производится быстрее и сила разреженного воздуха не улетает в затравку, которая остается плотно закрытою колпачком и курком. Все это вместе так дорого в охоте, что изобретение пистонов бесспорно имеет великую важность. Отдавая всю справедливость этому нововведению, я должен признаться в моем староверстве относительно дробовика и пороховницы. Мне кажется неудобным и неловким носить на плече две кожаные кишки с дробью, фляжку с порохом и особенную машинку с пистонами; еще неудобнее отмериванье зарядов на охоте, во время горячей, торопливой стрельбы, в дождливую погоду, а иногда и в стужу. Едва ли согласится со мною кто-нибудь из охотников нового поколения; но я, употребляя замок с пистонами, всегда предпочитал прежний патронташ с двадцатью пятью или тридцатью зарядами, заранее сделанными дома, спокойно и аккуратно. Мне всегда казалось и теперь кажется, что такие заряды приготовляются вернее. Притом в дробовике находятся только два сорта дроби, а в патронташе могут

быть заряды начиная с безымянки до самой мелкой бекасиной дроби. Это обстоятельство в такой охоте, где попадается дичь разнородная, также имеет свою важность. В охотах больших, или *отъезжих*, можно иметь два патронташа с готовыми зарядами и даже запасный ящик с порохом и разными сортами дроби: зарядов наделать недолго.

ЛЕГАВАЯ СОБАКА

Всякий охотник знает необходимость легавой собаки: это жизнь, душа ружейной охоты, и предпочтительно охоты болотной, самой лучшей; охотник с ружьем без собаки что-то недостаточное, неполное! Очень мало родов стрельбы, где можно обойтись без нее, еще менее таких, в которых она могла бы мешать. Я говорю о собаке, хорошо дрессированной, то есть выученной. Только в стрельбе с подъезда к птице крупной и сторожкой, сидящей на земле, а не на деревьях, собака мешает, потому что птица боится ее; но если собака вежлива [1], то она во время самого подъезда будет идти под дрожками или под телегой, так что ее и не увидишь; сначала станет она это делать по приказанию охотника, а потом по собственной догадке. Вся дичь, таящаяся, укрывающаяся от человека в траве, лесу, кустах, камышах и кочках болот, без помощи собаки почти недоступна. Если и поднимешь нечаянно, то редко убьешь, потому что не ожидаешь; с доброю собакой, напротив, охотник не только знает, что вот тут, около него, скрывается дичь, но знает, какая именно дичь; поиск собаки бывает так выразителен и ясен, что она точно говорит с охотником; а в ее страстной горячности, когда она добирается до птицы, и в мертвой стойке над нею — столько картинности и красоты, что все это вместе составляет одно из главных удовольствий ружейной охоты.

Тонкость обоняния, чутье — врожденное, наследственное качество легавых собак. Никакою дрессировкой и *натаскиванием* в поле, то есть практикой на охоте,

---

[1] То есть не гоняется за птицей и совершенно послушна.

нельзя дать его; но, конечно, можно несколько развить и сохранить приличным содержанием, равно как и наоборот, можно испортить доброе чутье собаки. Приличное содержание состоит в том, чтоб молодая собака не вешалась *зря*, чтоб ее не кормили мясом, пищей горячительною или пахучею и никогда — горячим кормом. Овсянка с молоком, молоко, простокваша и творог с хлебом в летнее, жаркое время и мясные, теплые щи с молоком и хлебом зимою — вот самая приличная пища легавой собаки. Последнюю пищу можно давать и летом, если собака слишком исхудала или нездорова. Крепких, больших костей, особенно разбитых, никогда давать не должно. Не должно также кормить собаку дичью. Многие собаки не едят ее, но можно приучить. Собака, которая ест дичь, будет ее мять на охоте. Тонкость чутья может доходить до степени невероятной и всегда соединяется, в одной и той же собаке, с удивительным пониманием, почти умом. Обучение легавых собак или дрессирование посредством *парфорса*, то есть ошейника с острыми спицами, совсем не нужно, если не требовать от собаки разных штук, вовсе до охоты не касающихся, и если иметь терпение самому заняться ее ученьем. Всякий знает, как легко и охотно выучиваются щенки подавать поноску переднюю и заднюю и доставать брошенные на воду щепки или палки. Для приучения к подаванию поноски должно сначала употреблять мячики, потом куски дерева и всякие, даже железные, вещи [1], которые может щенок схватить зубами и принести, наконец — мертвых птиц. Стойка над всякой птицей и зверем также врожденна собакам доброй породы; даже щенки стоят над курами и кошками очень крепко. Следовательно, приучив сначала молодую собаку к себе, к поданью поноски, к твердой стойке даже над кормом, одним словом к совершенному послушанию и исполнению своих приказаний, отдаваемых на каком угодно языке, для чего в России прежде ломали немецкий, а теперь коверкают французский язык, — охотник может идти с своею ученицей в поле или болото, и она, не

[1] Некоторые охотники находят это вредным; они говорят, что от жесткой поноски собака будет мять дичь; я сомневаюсь в этом.

дрессированная на парфорсе, будет находить дичь, стоять над ней, не гоняться за живою и бережно подавать убитую или раненую; все это будет делать она сначала неловко, непроворно, неискусно, но в течение года совершенно привыкнет. Разумеется, охотник на первых порах должен больше думать о собаке, чем об охоте. За всякое непослушание она должна быть наказана, но без запальчивости и самым легким образом; за точное же исполнение приказаний надобно собаку приласкать и даже чем-нибудь полакомить. Молодую собаку часто натаскивают (приучают) в поле или болоте вместе со старою. Но, по-моему, и это не нужно: у всякой, самой вежливой, старой собаки есть какие-нибудь свои привычки; молодая сейчас переймет их, да и две собаки вместе всегда больше горячатся и одна другую сбивают. Считаю за излишнее распространяться о том, что старая, невежливая собака в два-три поля погубит навсегда молодую. Для приобретения совершенного послушания обучаемой молодой собаки надобно сначала употреблять ласку, так, чтоб она сильно привязалась к хозяину, и непременно самому ее кормить; но с возрастом собаки надобно оставлять ласковость, никогда не играть с нею и быть всегда серьезным и настойчивым. Кобеля не надобно употреблять в охоту ранее года, а суку — ранее девяти месяцев. Первое и важнейшее правило, чтоб у собаки был один хозяин и никто другой не заставлял ее повторять те уроки, которые она учит, а потому весьма недурно, если первый и даже второй год уже настоящей охоты она будет запираема или привязываема на цепочке или веревочке немедленно по возвращении с поля да и во все свободное время от охоты; впоследствии это сделается ненужным. У хорошей собаки есть бескорыстная природная страсть к приискиванью дичи, и она предается ей с самозабвением; хозяина также полюбит она горячо и без принуждения не будет расставаться с ним ни днем, ни ночью: остается только охотнику с уменьем пользоваться и тем и другим. Я имел двух таких собак, которые, пробыв со мной на охоте от зари до зари, пробежав около сотни верст и воротясь домой усталые, голодные, едва стоящие на ногах, никогда не

ложились отдыхать, не ели и не спали без меня; даже заснув в моем присутствии, они сейчас просыпались, если я выходил в другую комнату, как бы я ни старался сделать это тихо. Обе эти собаки до того были страстны к отыскиванью дичи, что видимо скучали, если не всякий день бывали в поле или болоте. Если же мне случалось по нездоровью долго не ходить на охоту, то они, истощив все другие знаки нетерпенья, садились или ложились передо мною и принимались лаять и выть; потом бросались ко мне ласкаться, потом подбегали к ружьям и другим охотничьим снарядам и потом снова принимались визжать и лаять. Надобно было запирать их куда-нибудь в отдаленное место, чтоб они не надоели своим жалобным вытьем. Мало этого: по нескольку раз в день бегали они в сарай к моим охотничьим дрожкам, в конюшню к лошадям и кучеру, всех обнюхивая с печальным визгом и в то же время вертя хвостом в знак ласки. Наконец, потеряв терпение, они уходили одни в ближнее болото и проводили там по нескольку часов в приискивании и поднимании дичи. Когда мне сказали об этом, я не хотел верить и один раз, полубольной, отправился сам в болото и, подкравшись из-за кустов, видел своими глазами, как мои собаки приискивали дупелей и бекасов, выдерживали долгую стойку, поднимали птицу, не гоняясь за ней, и, когда бекас или дупель пересаживался, опять начинали искать... одним словом: производили охоту, как будто в моем присутствии. Одна из этих собак была чистой французской породы, а другая — помесь французской с польскою, несколько псовою собакой: обе не знали парфорса, имели отличное чутье и были вежливы в поле, как только можно желать.

После тонкого чутья самое важное достоинство собаки — легкость, нестомчивость, особенно на Руси, где пространства так обширны и где собаке беспрестанно приходится пробегать «дистанции огромного размера». Собаку легкую, не скоро утомляющуюся, можно узнать с первого взгляда по сухости всего сложения, предпочтительно ног и головы. Старинные немецкие, толстоногие, брылястые собаки, а также испанские двуносые теперь совсем перевелись или переводятся, да и не для чего их иметь: последние были вовсе неудобны, потому что

высокая трава, особенно осока, беспрестанно резала до крови их нежные, раздвоенные носы.

У собак вообще и у легавых в особенности есть расположение грезить во сне; чем лучше, чем горячее собака в поле, тем больше грезит и — грезит об охоте! Это можно видеть по движениям ее хвоста, ушей и всего тела. Замечательно, что многие легавые собаки не могут сносить музыки, которая действует болезненно на их нервы: они визжат, воют и даже подвергаются судорогам, если им некуда уйти от раздражительных музыкальных звуков, предпочтительно высоких нот.

В этом же вступлении я считаю приличным бросить общий взгляд на охоту с ружьем и на уменье стрелять.

Все охоты хороши! Каждая имеет своих горячих поклонников, предпочитающих ее другим родам охоты; но ружью должно отдать преимущество перед всеми. Из множества доказательств я приведу только два. Во-первых, всякая другая охота более или менее исключительна, одностороння. С борзыми собаками можно травить одних зайцев, изредка добыть лису; с тенетами тоже; с ястребами и с соколами — тоже, то есть травить какую-нибудь одну породу птиц; сетьми, неводами и удочкой можно ловить одну рыбу, и так далее. Притом сколько условий и ограничений! Для получения добычи необходимо, чтоб зверь или птица находились в известном положении, например: надобно, чтоб заяц или лиса выбежали в чистое поле, потому что в лесу борзые собаки ловить не могут; надобно, чтоб зверь полез прямо в тенета, а без того охотник и в двадцати шагах ничего ему не сделает; надобно, чтоб птица поднялась с земли или воды, без чего нельзя травить ее ни ястребами, ни соколами. Ружье, напротив, добывает все: зверя, птицу, даже рыбу, и во всех положениях: сидящих, стоящих, бегущих и летящих. Никакая быстрота полета и бега не спасают от ружья. Без всяких преувеличений и фраз можно сказать, что ружье — молния и гром в руках охотника и на определенном расстоянии делает его владыкой жизни и смерти всех живущих тварей. Во-вторых, в охотах, о которых я сейчас говорил, охотник *не главное* действующее лицо, успех зависит от резвости и жадности собак или хищных птиц; в ружей-

ной охоте успех зависит от искусства и неутомимости стрелка, а всякий знает, как приятно быть обязанным самому себе, как это увеличивает удовольствие охоты; без уменья стрелять — и с хорошим ружьем ничего не убьешь; даже можно сказать, что чем лучше, кучнее бьет ружье, тем хуже, тем больше будет промахов.

Многие думают, что выучиться хорошо стрелять очень трудно, а для иных невозможно: это совершенно несправедливо. Хотя нельзя оспоривать, что для уменья хорошо стрелять нужны острый, верный глаз, твердая рука и проворство в движениях, но эти качества *необходимы* только при стрельбе пулею из винтовки или штуцера; даже и это может быть поправлено, если стрелять с приклада, то есть положа ствол ружья на сошки, забор или сучок дерева; стрельба же из ружья дробью, особенно мелкою, требует только охоты и упражнения. Слабости зрения помогут очки, слабости и дрожанию руки — скорость прицела и выстрела. Стрелять постоянно, стрелять как можно больше — и будешь стрелять хорошо, то есть попадать в цель метко. Это истина, не подверженная сомнению; исключения чрезвычайно редки. Для скорейшего же усовершенствования в стрельбе *собственно дичи* можно сообщить молодым охотникам несколько практических наблюдений, до которых, разумеется, дойдет всякий собственным опытом, но потеряет много времени, а может быть, и охоту к ружью.

1) Никогда не думать о том, что дашь промах. Это опасение может войти в привычку, так укорениться, так овладеть мыслию охотника, что он беспрестанно будет пропускать благоприятную минуту для выстрела. Я видал охотников (даже испытал на себе), которым впоследствии стоило большого труда освободиться от панического страха *дать пудель*, то есть промахнуться. Тут главную роль играет самолюбие молодого охотника, особенно стреляющего при других охотниках; не хочется, чтоб сказали: «Он еще новичок, не умеет стрелять». Неопытный стрелок, начинающий охотиться за дичью, должен непременно давать много пуделей уже потому, что не получил еще охотничьего *глазомера* и часто будет стрелять не в меру, то есть слишком далеко. Но смущаться этим не должно. Глазомер придет со временем,

а покуда его нет, надо стрелять на всяком расстоянии, не считая зарядов. Одним словом: если прицелился, то спускай курок непременно.

2) Никогда не целить долго, *не наводить на цель, не держать на цели*, как выражаются охотники. Все это у начинающего стрелять может также обратиться в привычку и надолго помешать приобретению проворства и настоящего, полного уменья в стрельбе дичи. Надобно смотреть на птицу, а не на цель ружья, проворно приложиться и, как скоро цель коснется птицы, мгновенно спускать курок. Кроме того, что *наведение на цель* и *держание на цели* (разумеется, в сидящую птицу) производит мешкотность, оно уже не годится потому, что как скоро руки у охотника не тверды, то чем долее будет он целиться, тем более будут у него дрожать руки; мгновенный же прицел и выстрел совершенно вознаграждают этот недостаток. Я много знал отличных стрелков, у которых руки были так слабы, что они не могли держать полного стакана воды, не расплескав его. Само собою разумеется, что все это говорится о стрельбе дробью и преимущественно дробью мелкою.

3) Когда стреляешь в птицу, сидящую на воде или плотно присевшую на земле, то надобно целить *под нее*, то есть в ту черту, которою соединяется ее тело с водой или землей.

4) Если птица сидит на дереве, то надобно целить в ее середину.

5) Если птица летит мимо, то, смотря по быстроте, надобно брать на цель более или менее вперед летящей птицы. Например, в гуся или журавля и вообще в медленно летящую птицу должно метить в нос или голову, а в бекаса — на четверть и даже на полторы четверти вперед головы.

6) Птицу, летящую прямо от охотника довольно низко, надобно стрелять в шею так, чтобы дуло ружья закрывало все остальное ее тело.

7) Дичь, летящую прямо от стрелка в равной вышине от земли с головой охотника, надобно бить прямо в зад.

8) Всего труднее стрелять птицу, летящую прямо и низко на охотника, потому что необходимо совершенно

закрыть ее дулом ружья и спускать курок в самое мгновение этого закрытия. Если местность позволяет, лучше пропустить птицу и ударить ее вдогонку.

9) В птицу, летящую высоко и прямо над головой охотника, так что ружье надобно поставить перпендикулярно, должно метить в голову.

Всякие другие наставления или советы, которых можно наговорить много, я считаю совершенно излишними. Прошу только всех молодых горячих охотников, начинающих стрелять, не приходить в отчаяние, если первые их опыты будут неудачны. Даю только еще один совет, с большою пользою испытанный мною на себе, даю его тем охотникам, горячность которых не проходит с годами: как скоро поле началось неудачно, то есть сряду дано пять, шесть и более промахов на близком расстоянии и охотник чувствует, что разгорячился, — отозвать собаку, перестать стрелять и по крайней мере на полчаса присесть, прилечь и отдохнуть.

Вот все, что я счел за нужное сказать о технической части ружейной охоты. Может быть, и этого не стоило бы говорить, особенно печатно, но читатель вправе пропустить эти страницы.

В заключение я должен отчасти повторить сказанное мною в предисловии к «Запискам об уженье»: *книжка моя не трактат о ружейной охоте, не натуральная история всех родов дичи*. Моя книжка ни больше ни меньше, как простые записки страстного охотника и наблюдателя: иногда довольно подробные и полные, иногда поверхностные и односторонние, но всегда добросовестные. Ружейных охотников много на Руси, и я не сомневаюсь в их сочувствии [1]. Ученые натуралисты могут смело полагаться на мои слова: никогда вероятных предположений не выдаю я за факты и чего не видел своими глазами, того не утверждаю.

---

[1] Печатая мою книгу третьим изданием, я должен с благодарностью сказать, что не обманулся в надежде на сочувствие охотников и вообще всех образованных людей. Лестных отзывов было много. Мой скромный труд получил от *всех* такой благосклонный прием, такую высокую оценку, каких я не смел ожидать.

ПРОЛЕТ И ПРИЛЕТ ДИЧИ

Самое дорогое, поэтическое время для ружейного охотника — весна: пролет и прилет птицы! Целую зиму поглядывал он с замирающим сердцем на висящие в покое ружья, особенно на любимое ружье. Не один раз, без всякой надобности, были вымыты стволы, перечищены и перемазаны замки. Наконец, проходит долгая, скучная, буранная зима. Февраль навалил сугробы снега: с утоптанной тропинки шагу нельзя ступить в сторону. Правда, рано утром, и то уже в исходе марта, можно и без лыж ходить по насту, который иногда бывает так крепок, что скачи куда угодно хоть на тройке; можно подкрасться как-нибудь из-за деревьев к начинающему глухо токовать краснобровому косачу; можно нечаянно наткнуться и взбудить чернохвостого русака с ремнем пестрой крымской мерлушки по спине или чисто белого как снег беляка: он еще не начал сереть, хотя уже волос лезет; можно на пищик [1] подозвать рябчика — и кусок свежей, неперемерзлой дичины может попасть к вам на стол...

Но ненадежны мартовские утренники, неверен путь по насту, особенно в красный день. Как скоро обогреет хорошенько солнце — снежная кора распустится, *раскровеет*, как говорит народ, начнет садиться с глухим гулом, похожим на отдаленный пушечный выстрел, и не поднимет ноги человека; с каждым шагом будет он вязнуть по пояс в снежную громаду [2]. Беда отойти далеко от дороги — измучаешься, на одной версте пробьешься не один час. Охотиться же на лыжах очень утомительно: надобно иметь много ловкости, даже уменья и большую привычку управлять лыжами по неровной местности.

---

[1] Пищиком называется маленькая дудочка из гусиного пера или кожи с липового прутика, на котором издают ртом *писк*, похожий на голос самки рябца.

[2] Кто хаживал по весеннему насту, тот, верно, заметил это явление: целые поляны как будто охают и внезапно опускаются. Необыкновенный глухой гул, соединенный с содроганием всей поверхности той массы снега, на которой стоит человек, производит сильное и неприятное действие на нервы. Оно похоже на электрический толчок, чувствуемый цепью людей, когда извлекается искра из лейденской батареи.

Прибавились значительно дни. Ярче, прямее стали солнечные лучи и сильно пригревают в полдень. Потемнела полосами белая пелена снега, и почернели дороги. Вода показалась на улицах. Уже март на исходе и апрель на дворе. Для страстного охотника, каким был я смолоду и какие, вероятно, никогда не переведутся на Руси, уже наступило время тревоги и ожидания. Если весна не слишком поздняя, то прилетная птица начинает понемногу показываться. Грачи, губители высоких старых дерев, красоты садов и парков, прилетели первые и заняли свои обыкновенные летние квартиры, самые лучшие березовые и осиновые рощи, поблизости к селению лежащие, для удобного доставания хлебного корма. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старые гнезда новым материалом, ломая для того крепкими беловатыми носами верхние побеги древесных ветвей. Далеко слышен их громкий, докучный крик, когда ввечеру, после дневных трудов, рассядутся они всем собором, всегда попарно, и как будто начнут совещаться о будущем житье-бытье. Пора начинать ежедневные утренние и послеобеденные обходы гумен, овинов и прудов с посиневшими токами, обсеянными кругом желтою мякиной. Там прежде всего окажутся *клинтухи*, или собственно *дикие голуби*. Сначала они появляются в весьма малом количестве: пара, две, много три; их можно встретить в стае галок или русских голубей, подбирающих зерна по гуменным дорожкам. С последними с первого взгляда их не различишь: вся разница состоит в том, что дикий голубь поменьше, постатнее русского; весь чистосизый, и ножки у него не красные, а бледнобланжевого цвета. Едва ли нужно объяснять, что название «русский», придаваемое птице, значит: дворовый, домашний. Но если вы увидите издали голубей, сидящих на гуменном заборе или дереве, — это, без сомнения, *клинтухи*, то есть дикие голуби; подойдя ближе, вы удостоверитесь в том. Голуби с прилета, как и вся птица, бывают чисты пером и жирны телом — обстоятельство, трудное для объяснения, ибо путь прилетной птицы длинен, а корм скуден. Впоследствии клинтухи потеряют ценность для охотника, застрелить же дикого голубя посреди зимы — дорогая добыча.

Но воздух становится теплее и влажнее. Апрель берет свое: везде лужи, везде бегут мутные ручьи, зачернели проталины, как грязные пятна на белой скатерти. Обтаяли кругом родники, паточины, свежие навозные кучи и удобренная ими мельничная плотина. Около первых надобно стеречь появление малых дроздов, больших дроздов-рябинников, а около последних — чибисов, или пиголиц, жаворонков, удотов и скворцов. Уже материк реки, мало замерзающий выше пруда и зимою, прошел до самых последних грив камыша. Холодно, неприязненно синеет глубина; но пора осматривать реку, как раз появятся *нырки* и *крохали*. Скоро все это будет презрено и забыто, но вначале все драгоценно... таков человек не в одной ружейной охоте!..

Наконец, наступает совершенная ростополь: юго-западный теплый ветер так и съедает снег, насыщенный дождем. Много оттаяло земли, особенно по высоким местам, на полдневном солнечном пригреве. Картина переменилась: уже на черной скатерти полей кое-где виднеются белые пятна и полосы снежных сувоев да лежит гребнем, с темною навозною верхушкой, крепко уезженная зимняя дорога. Посинели от воды, надулись овраги, взыграли и сошли. Переполнилась ими река, подняла в пруду лед, вышла из берегов и разлилась по низменным местам: наступила водополь, или водополье. Пар поднимается от земли: земля отходит, говорит крестьянин. На небе серо, в воздухе сыро и туманно. Именно в такое-то сумрачное время наступает валовой, повсеместный пролет и даже прилет птицы не только по ночам, зарям, утренним и вечерним, но и в продолжение целого дня. И прежде изредка, понемногу, показывались гуси и лебеди, больше по парочке, и высоко проносились в серых облаках: теперь они летят огромными вереницами. Журавли появляются позднее, плывя в небесах раздвинутыми тупыми треугольниками, как будто корабли, построенные к бою. Все породы уток стаями, одна за другою, летят беспрестанно: в день особенно ясный высоко, но во дни ненастные и туманные, предпочтительно по зарям, летят низко, так что ночью, не видя их, по свисту крыльев можно различить многие из пород утиных. Нырки, чернь и свиязь чаще всех машут

крыльями и быстрее рассекают воздух: шум от их полета сливается в один дребезжащий, пронзительный свист. За ними следуют: широконоски, чирки, шилохвости и другие; наконец, серые и кряковные, полет которых как-то нетороплив, хотя силен и спор. Стаи степных куликов (кроншнепов) и болотных (неттигелей), называемых в Оренбургской губернии веретенниками, и все разнообразные породы мелких куликов и курахтанов, каждая с своим особенным полетом, с своим писком и свистом, наполняют воздух разнородными, неопределенными и в другое время неслышными звуками. Надобно заметить, что пролетающая птица не кричит своим обыкновенным голосом, а прилетающая и занимающая места, хотя бы и временно, сейчас начинает свой природный, обычный крик и свист. Пролетная птица торопится без памяти, спешит без оглядки к своей цели, к местам обетованным, где надобно ей приняться за дело: вить гнезда и выводить детей; а прилетная летит ниже, медленнее, высматривает привольные места, как будто переговаривается между собою на своем языке, и вдруг, словно по общему согласию, опускается на землю. Тут начинаются так называемые у охотников «высыпки»—слово весьма знаменательное, употребляемое только для выражения внезапного появления, во множестве, лучшей породы дичи: вальдшнепов, дупельшнепов, бекасов и гаршнепов. Вчера проходили вы по болоту, или по размокшему берегу пруда, или по лужам на прошлогодних ржанищах и яровищах, где насилу вытаскивали ноги из разбухшего чернозема, проходили с хорошею собакой и ничего не видали; но рано поутру, на другой день, находите и болота, и берега разливов, и полевые лужи, усыпанные дупелями, бекасами и гаршнепами; на лужах, в полях, бывает иногда соединение всех пород дичи — степной, болотной, водяной и даже лесной. Итак, слово «высыпка» вполне выражает дело.

В это же время на оттаявших хлебных полях, залежах и степях появляются дрофы, стрепета и кречетки, или степные пиголицы. Озимые куры, или сивки (они же и ржанки), огромными стаями начинают виться под облаками так высоко, что не всегда разглядишь их простыми глазами; но зато очень хорошо услышишь их

беспрестанный писк, состоящий из двух коротких нот: одна повыше, другая пониже. Множество певцов делает этот крик беспрерывным и сливающимся в один однообразный мотив, усладительный для уха охотника. Навертевшись и наигравшись досыта на солнышке, в вышине, они с шумом опускаются на озими и проворно разбегаются по десятинам, отыскивая себе корм.

Степные кулики (кроншнепы) присоединяются к полевой птице несколько позднее и не такими большими стаями, в какие собираются при отлете. Они бродят по грязи, около луж, на вспаханных полях, где иногда вязнут по брюхо, несмотря на долгие свои ноги, и где длинными, кривыми носами, запуская их по самую голову, достают себе из размокшей земли хлебные зерна и всякого рода червей и козявок. — Вальдшнепы прилетели уже давно. Никто не видывал, как, когда, в каком количестве прилетают они; но при появлении первых проталин в мелком лесу, на опушках большого леса, в парках и садах, в малиннике, крыжовнике и других ягодных кустарниках, особенно в кустах болотных, около родников, немедленно появляются вальдшнепы, иногда поодиночке, иногда вдруг большими высыпками.

В тех местах, где болот мало или они бывают залиты полою водою и стоят сплошными лужами, как большие озера, — дупели, бекасы и гаршнепы очень любят держаться большими высыпками на широко разлившихся весенних потоках с гор, которые, разбегаясь по отлогим долинам или ровным скатам, едва перебираются по траве, отчего луговина размокает, как болото. Это бывает несколько позднее первого появления трех пород благородной дичи и продолжается не долее четырех или пяти дней. Высыпки как появляются, так и пропадают внезапно. Мне случалось иногда попадать на них почти уже с расстрелянными зарядами. Съездив поспешно домой и наделав новых зарядов, возвращался я через несколько часов на высыпки — все пусто! Ни одной птички! Ни пера, как говорят охотники!

Наконец, полая вода сливает, сохнут поля и луга, входят в берега реки, уменьшается птица. Уже нет больших стай: пролетная — пролетела, прилетная разбирается парами и держится предпочтительно около тех

мест, где замышляет вить гнезда. Одна холостая птица шатается где ни попало. Жилые бекасы и дупели занимают свои прежние, а иногда и новые болота и сейчас начинают токовать. Заблеял дикий барашек [1], кружась в голубой вышине весеннего воздуха, падая из-под небес крутыми дугами книзу и быстро поднимаясь вверх... весенняя стрельба с прилета кончилась!..

Обращаюсь назад, чтоб бросить общий взгляд на пролет и прилет дичи в Оренбургской губернии, верный только исторически, а теперь уже баснословный. Птицы бывало такое множество, что все болота, разливы рек, берега прудов, долины и вражки с весенними ручьями, вспаханные поля бывали покрыты ею. *Стон стоял в воздухе* (как говорят крестьяне) от разнородного птичьего писка, свиста, крика и от шума их крыльев, во всех направлениях рассекающих воздух; даже ночью, сквозь оконные рамы, не давал он спать горячему охотнику. Птица была везде: в саду, в огородах, на гумнах, на улице... Это уж слишком, кажется; но я уверяю, что много раз, выезжая или выходя рано утром на охоту, находил я диких уток и голубей, сидевших на грязи и лужах среди улицы. Когда подъедешь, бывало, к болоту или весеннему разливу около реки, то совершенно потеряешься: по краям стоят, ходят и бегают различные породы куликов и куличков. Стаи разноцветных курахтанов снуют между ними во все стороны. Утки, с пестрыми селезнями своими, от крупной, тяжеловесной *кряквы* до маленького, проворного *чирка*, бродят по грязи, плавают по воде, сидят на кочках. Из-под ног с криком, как бешеные, вырываются бекасы, вскакивают дупели и гаршнепы. В то же время, независимо от сидящих, новые стаи всего разноплеменного птичьего цар-

[1] Так называет народ бекаса, потому что он, быстро и прямо опускаясь вниз, подгибает одно крыло, а другим машет так часто, что от сильного упора в воздухе происходит звук, подобный блеянию барашка. Это мнение охотничье и народное, но один почтенный профессор, почтивший мою книгу своими замечаниями, объясняет блеяние дикого барашка следующим образом: «Бекас, бросаясь стремительно вниз с распущенными крыльями, не производит ими никаких размахов. От сопротивления воздуха кончики маховых перьев (охотники называют их правильными) начинают сильно дрожать и производят означенный звук».

ства летают, кружатся над вашею головою, опускаются, поднимаются, перелетывают с места на место, сопровождая каждое свое движение радостным, веселым, особенным криком. В большое затруднение приходит молодой охотник — к кому подъезжать? к кому подходить? в кого стрелять? и от излишнего богатства происходила иногда бедность... Но немногие уже из охотников помнят такие прилеты птицы в Оренбургской губернии. Все переменилось! И в десятую долю нет прежнего бесчисленного множества дичи в плодоносном Оренбургском крае. Какие тому причины — не знаю. Но да не подумают охотники, читающие мою книжку, что это пристрастие старика, которому *кажется,* что в молодости его все было лучше и всего было больше. К сожалению, это всем известная истина. Я не разделяю мнения, что такое ужасное уменьшение дичи произошло от быстрого народонаселения и умножения числа охотников. Я не стану защищать себя и всех моих собратов того времени. Смолоду мы точно были не охотники, а истребители; но отчего дичь год от году переводится в таких местах, где совсем нет охотников? Да и число их всегда было ничтожно для такого обширного края. Очевидно, что этому должны быть другие, не известные нам причины. Постепенное уменьшение птицы в Оренбургской губернии началось весьма давно, а тогда было еще очень просторно и привольно в ней и человеку, и зверю, и птице, да и теперь не тесно.

РАЗДЕЛЕНИЕ ДИЧИ НА РАЗРЯДЫ

Упоминая несколько раз о дичи, я еще не определил этого слова: собственно дичью называется дикая птица и зверь, употребляемые в пищу человеком, добываемые разными родами ловли и преимущественно стрельбою из ружья. У нас речь идет о птицах. Слово «дикая», в смысле вольная, независимая, придается обыкновенно тем породам птиц, которые не покорены человеком и не сделались домашними, ручными. Покоренных пород немного: гуси, утки, голуби, куры, индейки. Три первые породы, в отличие от диких вольных братий их, народ называет русскими.

Всю дичь по месту ее жительства, хотя оно и изменяется временами года и необходимым добыванием корма, можно разделить на четыре разряда: I) болотную, II) водяную, III) степную, или полевую, и IV) лесную. Охотники любят стрелять дичь всех разрядов, дорожа иногда тою или другою, смотря по редкости, надобности и времени, но предпочитают всем остальным породам дичь болотную, и с нее начинаю я мои записки. Довольно сказать, что к ней принадлежат дупельшнепы, бекасы, гаршнепы. Это аристократия дичи, к которой причисляется только вальдшнеп из лесного разряда. Итак, вот мое разделение дичи:

РАЗРЯД I

Болотная дичь

1. Бекас
2. Дупельшнеп
3. Гаршнеп
4. Болотный кулик
5. Красноножка, щеголь
6. Сорока
7. Речной кулик
8. Травник
9. Поручейник
10. Черныш
11. Фифи
12. Поплавок
13. Чернозобик, или краснозобик
14. Морской куличок
15. Зуек
16. Песочник
17. Куличок-воробей
18. Болотный курахтан
19. Болотная курица
20. Погоныш, болотный коростель
21. Пиголица, чибис.

РАЗРЯД II

Водяная дичь

1. Лебедь
2. Гусь
3. Кряковная утка
4. Шилохвость
5. Серая утка
6. Свиязь
7. Широконоска
8. Чирок
9. Нырок
10. Чернь
11. Крохаль, или гагара
12. Гоголь
13. Водяная курица, лысуха

РАЗРЯД III

Степная, или полевая, дичь

1. Дрофа, дудак, или тудак
2. Журавль
3. Стрепет
4. Кроншнеп, степной кулик
5. Кречетка, степная пиголица
6. Серая куропатка
7. Озимая курица } полевые
8. Морская ласточка } курахтаны
9. Коростель полевой, или луговой
10. Перепелка

РАЗРЯД IV

Лесная дичь

1. Глухарь, глухой тетерев	6. Витютин	дикие голуби
2. Тетерев березовик	7. Клинтух	
3. Рябчик	8. Горлица	
4. Белая куропатка	9. Дрозды	
5. Вальдшнеп, лесной кулик	10. Зайцы	

В строгом смысле нельзя назвать это разделение совершенно точным, потому что нельзя определить с точностью, на каком основании такие-то породы птиц называются болотною, водяною, степною или лесною дичью, ибо некоторые противоположные свойства мешают совершенно правильному разделению их на разряды: некоторые одни и те же породы дичи живут иногда в степи и полях, иногда в лесу, иногда в болоте. Если мы скажем, например, что болотною называется дичь, выводящаяся в болоте, то все породы уток, гуси, лебеди должны называться болотною дичью. Если скажем, что болотная птица та, которая не только выводится, но и живет постоянно в болоте, то, кроме болотных кур, погонышей, бекасов, дупелей и гаршнепов, все остальное многочисленное сословие куликов и куличков *не живет* в болоте, а только выводит детей; некоторые из них даже и гнезда вьют на сухих берегах рек и речек. Точно так и тетерев, дичь лесная, половину года держится в полях, даже водится в местах почти безлесных; вальдшнеп, тоже лесная дичь, весной и особенно осенью долго держится в кустах довольно топких болот и только остальное время года — в лесу; коростель же, помещенный мною в разряд дичи степной, или полевой, равно живет в степи, хлебных полях, луговых болотах и лесных опушках. Такие же противоречия встретим мы в размещении и других пород дичи. Итак, надобно оставить притязания на совершенную точность: довольно, если распределение сделано приблизительно верно и на каком-нибудь положительном основании.

РАЗРЯД I

БОЛОТНАЯ ДИЧЬ

ПРИСТУП К ОПИСАНИЮ БОЛОТНОЙ ДИЧИ

Приступая к описанию дичи, я считаю за лучшее начать с лучшей, то есть с болотной, о чем я уже и говорил, и притом именно с *бекаса*, или, правильнее сказать, со всех трех видов этой благородной породы, резко отличающейся и первенствующей между всеми остальными. Я разумею *бекаса, дупельшнепа* и *гаршнепа*, сходных между собою перьями, складом, вообще наружным видом, нравами и особенным способом доставания пищи. К ним принадлежит и даже превосходит их *вальдшнеп*, но он займет свое место в разряде *лесной дичи*. Досадно, что мы не имеем для этих куликов своих русских названий и употребляем одно французское и три немецкие. Впрочем, народ зовет бекаса *диким барашком*, о чем было сейчас сказано, а вальдшнепа *лесным куликом* и *красным куликом*. Печатно называют последнего — *слука* и говорят, что это название древнее и доныне живущее в народной речи на юге России. Я этого не знаю, но смело утверждаю, что в средней и восточной полосе России народ не знает слова *слука*. Дупельшнепа и гаршнепа народ никак не называет, а просто говорит:

«Серые кулички, что по болотам в кочках живут». Лет сорок тому назад я читал в одной охотничьей книжке, что дупельшнепа по-русски называют *лѐжанка*; в другой, позднейшей книге напечатано, что дупельшнепа называют *стучиком*, а гаршнепа *лѐжанкой;* но все это неправда. Русский народ называет *лѐжанкой* какую-то мифическую перепелку, с красными ногами, столь жирную будто бы, что она и летать не может. Жиру этой перепелки приписывает он странное свойство: производить на несколько часов, или даже на сутки, ломоту и легкие судороги в руках, ногах и во всем теле того человека, который ее усердно покушал. Я затравил ястребами не одну тысячу перепелок, несчетное количество пересмотрел их затравленных и пойманных сетками, множество перестрелял, но баснословной *лéжанки* с красными ногами не видал. Перепелки точно бывают так жирны осенью, что с трудом могут подняться, и многих брал я руками из-под ястреба; свежий жир таких перепелок, употребленных немедленно в пищу, точно производит ломоту в теле человеческом; я испытал это на себе и видал на других, но дело в том, что это были перепелки обыкновенные, только необыкновенно жирные. Дав им полежать суток двое на погребу или посоля, можно употреблять их в пищу безвредно. В той же старинной книжке гаршнепа называют *волосяным куличком*, но это перевод немецкого названия, которое на Руси никому не известно. Можно догадаться, почему русский народ не удостоил особенным названием дупельшнепа и гаршнепа, а бекасу и вальдшнепу дал характерные имена. Первые два рода таятся в болотах и топях, по которым шататься без надобности крестьянин не охотник; а бекасы, иногда по нескольку вдруг, кружась во всякое время дня над болотом, где находятся их гнезда, и производя крыльями резкий, далеко слышный звук, необходимо должны были привлечь его внимание и получить имя. Вальдшнеп, по утрам и вечерам летая над лесом, во время тяги[1], издавая известные звуки,

---

[1] Вальдшнепы около утренней и вечерней зари летают по одному направлению, над самыми вершинами дерев, — или тянут. Этот лет по одним и тем же местам называется охотниками «тяга».

похожие на хрюканье или хрипенье, часто вскакивая с большим шумом из-под ног крестьянина, приезжающего в лес за дровами, также был им замечен по своей величине и отличному от других птиц красноватому цвету и получил верное название.

БОЛОТА

Говоря о болотной дичи, я часто буду упоминать о месте ее жительства, то есть о болотах. Я стану придавать им разные названия: чистых, сухих, мокрых и проч., но людям, не знакомым с ними в действительности, такие эпитеты не объяснят дела, и потому я хочу поговорить предварительно о качествах болот, весьма разнообразных.

Болота бывают *чистые луговые*. Этим именем называются все влажные, потные места, не кочковатые, а поросшие чемерицей и небольшими редкими кустами, мокрые только весной и осенью или во время продолжительного ненастья. Покрытые сочною и густою травою, они представляют изобильные сенокосы и вообще называются лугами; они составляют иногда, так сказать, окрестность, опушку настоящих мокрых болот и почти всегда сопровождают течение рек по черноземной почве, особенно по низменным местам, заливаемым полою водою.

Сухими болотами называются места, носящие на себе все признаки некогда существовавших топких болот, как-то: кочки, достигающие иногда огромной величины, следы иссохших паточин, родниковых ям и разные породы болотных трав, уже перемешанных с полевыми. Такие места по большей части зарастают кустами и отбиваются от сенокоса. Весьма обыкновенное дело, что болота мокрые и топкие превращаются в сухие оттого, что поникают ключи или высыхают головы родников; но я видал на своем веку и противоположные примеры: болота сухие, в продолжение нескольких десятков лет всегда представлявшие какой-то печальный вид, превращались опять в мокрые и топкие Это по большей части случается в такие годы, когда дождливая, продолжительная

осень до того насытит землю, что она уже не принимает в себя влаги, когда внезапно последуют затем зимние морозы, выпадут необыкновенно глубокие снега, и все это повершится дождливою, дружною весною. Тогда-то вновь открываются давно иссякшие жилы родников, вся окрестность просачивается подступившею из-под земли влагою, и оживает мертвое болото; в один год пропадут полевые травы, и в несколько лет посохнут кусты и деревья. В такие *мочливые года*, как говорят крестьяне, не только иссякшие ключи получают прежнее течение, но нередко открываются родники и образуются около них болота там, где их никогда не бывало.

Болота *мокрые* и кочковатые, всегда поддерживаемые подземными ключами, изредка поросшие таловыми кустиками, постоянно сохраняя влажность почвы, уже не представляют богатых сенокосов, потому что изобилие болотных трав и излишняя мокрота мешают произрастанию обыкновенных луговых трав. Везде видно преобладание чемерики, или чемерицы, пупавок и трилистника. Мягкая поверхность земли, уступая ноге человека, не глубоко тонет под ней: сейчас слышен твердый грунт. Ходить по таким болотам не вязко, не топко и не тяжело. Это самые обширные и лучшие болота для охоты; они нередко пересекаются *текучими*, а не *стоячими* в ямках родниками.

Болота *топкие* с грязями, паточинами или ржавчинами и стоячими родниками имеют уже совсем другой характер: трав луговых там нет, да и болотная растительность скудна. Местами виднеются круглые пятна или длинные косы жидкой грязи и довольно большие лужи, иногда красноватые: в последнем случае болота называются ржавыми или просто ржавчинами. Красноватый цвет воды и грязи показывает несомненное присутствие железной руды. Кочек на них бывает мало, а на грязях и ржавчинах не растет почти и трава; зато нередко обрастают они кругом гривами густого, мелкого камыша, хвоща и необыкновенно высокой осоки. Поверхность воды на ржавых лужах подернута тонкою пленою, которая отражается на солнце железно-синеватым блеском. Водяные пауки любят бегать по ней взад и вперед на своих длинных, дугообразных ногах. Вода в родни-

ковых ямках, которые иногда бывают довольно глубоки, хотя не имеет видимого течения, а только сочится, остается и летом свежею и холодною, особенно если зачерпнуть ее поглубже. Истомленный зноем охотник, распахнув насоренную поверхность воды кожаным картузом своим, может утолить жажду и прохладить раскаленную солнцем голову... беды никакой не будет: он пойдет опять ходить по болотам и разгорится пуще прежнего. Но ходьба эта очень трудна, особенно около грязей и паточин: там иногда можно увязнуть по пояс и не скоро выбиться на более твердое место. Причина, отчего происходят в болотах топкие грязи и паточины, состоит в следующем: сквозь тину и верхний слой почвы протачивается, неприметно для человеческого глаза, тонкая струйка родниковой воды. Струйка эта так мала, что не может составить никакого течения и только образует около себя маленькие лужицы мутной, иногда красноватой воды, от которой, однако, вымокают даже и болотные растения: торф обнажается и превращается в топкую, глубокую грязь. Она засыхает сверху, во время сильных жаров и засух даже трескается и может жестоко обмануть еще неопытного охотника: если он, обрадовавшись, повидимому, сухому месту, прыгнет на него с кочки, то выкарабкается не скоро.

Хотя камыш и тростник растут иногда в обыкновенных мокрых болотах и даже в топких, на местах, которые потверже, как я уже говорил, но есть собственно *камышистые*, или *тростниковые*, болота, принадлежащие только по почве к роду болот мокрых. Они покрыты мелкими кочками и отдельными кустиками камыша, именно на них или около них растущими. Травы на таких болотах бывает очень мало, и хотя они грязноваты, но не топки и мелкий скот может бродить по ним без всякого затруднения и опасности завязнуть, что часто случается в болотах топких.

Вообще в болотах, больше или меньше, растут разные породы мхов, но есть собственно *моховые* болота, непременно поросшие лесом и преимущественно еловым; они же называются и *глухими*. На черноземной почве болота такого рода — редкость, почему и в Оренбургской губернии их очень мало, но зато Московская губерния,

кроме южной стороны, изобилует ими. Они не топки, но мягки и пухлы. В дождливую погоду бывают очень мокры, а в засуху на полянах или там, где лес редок, иногда совершенно высыхают, ибо не поддерживаются ни подземными ключами, ни открытыми родниками, ни паточинами. Лесные, моховые болота обязаны своим происхождением близости глиняного грунта, не пропускающего сквозь себя дождевую воду: она стоит на нем, как на глиняном блюде, и верхний пласт земли, плотно лежащий на глине, постоянно размокая, разбухая, лишенный солнечных лучей от навеса древесных ветвей, производит мох. В таких болотах родится, иногда в великом изобилии, клюква и брусника; красивая зелень последней известна всем, ягоды же служат лакомою и питательною пищею для некоторых пород лесной дичи, равно как и для людей.

Наконец, есть болота *зыбкие*, которые народ не совсем верно называет *трясинами*, ибо они не трясутся, а зыблются, волнуются под ногами человека, *ходенем ходят*, как говорит тот же народ. Это не что иное, как целые озера, по большей части мелкие, но иногда и глубокие, покрытые толстою и очень крепкою пленою, сотканною из корней болотных растений, кустов и деревьев, растущих в торфяном грунте. Иногда посреди таких болот остаются незаросшие более глубокие места прежнего озера. Природа медленно производит эту работу, и я имел случай наблюдать ее: первоначальная основа составляется собственно из водяных растений, которые, как известно, растут на всякой глубине и расстилают свои листья и цветы на поверхности воды; ежегодно сгнивая, они превращаются в какой-то кисель — начало черноземного торфа, который, слипаясь, соединяется в большие пласты: разумеется, все это может происходить только на водах стоячих и предпочтительно в тех местах, где мало берет ветер. *Водяной цвет*, называемый *зеленью* около Москвы и *шмарою* в Оренбургской губернии, которым ежегодно во время лета покрываются непроточные пруды, озера и болота, который появляется и на реках, но разбивается и уносится быстрым их течением, — водяной цвет, соединяясь с перегнивающими водяными растениями, древесными иглами и листьями,

составляет уже довольно густую массу, плавающую на воде. Погоныши и даже болотные курочки бегают по ней не проваливаясь, оставляя только дорожки следов, которыми искрещивается вдоль и поперек разными узорами это зеленое покрывало. Прибиваемая ветром к берегу липкая масса пристает к нему плотно и осеменяется разными болотными, береговыми травами, которые охотно растут по ней и которые сейчас скрепляют ее длинными нитями своих корней. Год от году толстеет и твердеет эта пловучая почва, и год от году усиливается растительность трав, ежегодное согнивание которых производит торфяную землю. Наконец, появляются на ней тальник, ива, даже ольха и береза: они окончательно скрепляют почву своими корнями, и скоро по наружности она сделается совершенно похожею на берега и будет казаться их продолжением. Впоследствии времени порастает она даже кочками. Иногда большие куски этой плены отрываются от берега и пловучими островами, со всею зеленью, деревьями и живущею на них птицей, гуляют по озеру и пристают то к тому, то к другому берегу, повинуясь направлению ветра; иногда опять прирастают к берегам. Это случается только на озерах больших и глубоких; на водах же средней величины и мелких процесс зарастания обыкновенно оканчивается тем, что сплошной слой от края до края, во всех направлениях, заволочет поверхность воды, и через несколько лет наружность его представит вид обыкновенного болота, но обманчива эта наружность... Как только отойдешь несколько шагов от настоящего края, земля начнет в буквальном смысле волноваться, опускаться и подниматься под ногами человека и даже около него, со всеми растущими по ее поверхности травами, цветами, кочками, кустиками и даже деревьями. С непривычки может закружиться голова и ходить покажется страшно, хотя и не опасно, если болота не имеют так называемых *окошек*, то есть мест, не заросших крепкими корнями трав и растений. Такие места очень верно называют крестьяне «прососами» и «просовами». Окошки чистые, не малые, в которых стоит жидкая тина или вода, бросаются в глаза всякому, и никто не попадет в них; но есть прососы или окошки скрытные, так сказать потаен-

ные, небольшие, наполненные зеленоватою, какою-то кисельною массою, засоренные сверху старою, сухою травою и прикрытые новыми, молодыми всходами и побегами мелких, некорнистых трав; такие окошки очень опасны; нередко охотники попадают в них по неосторожности и горячности, побежав к пересевшей или подстреленной птице, что делается обыкновенно уже не глядя себе под ноги и не спуская глаз с того места, где села или упала птица. Бывали примеры, что такая неосторожность стоила жизни охотнику. Жидкая, тинистая, липкая масса, на дне которой стоит вода, засосет туда человека, если он не успеет или ему будет не за что схватиться. Во всяком случае без товарища по таким болотам ходить не должно. Утвердительно могу сказать, что зыбкие болота иногда превращаются в обыкновенные: вероятно, верхний пласт, год от году делаясь толще и тяжеле, наконец сядет на дно, а вода просочится наружу и испарится.

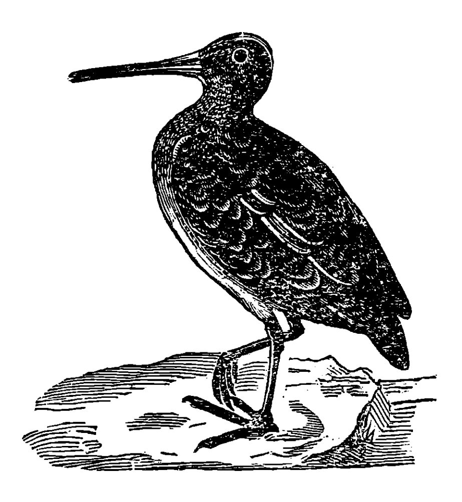
Таковы виды болот, мне известных. Самое лучшее из них — болото чистое, луговое, заливаемое весенними потоками, поросшее кустиками и редкими деревьями. Как хорошо оно в теплое весеннее утро! Вода сбыла, оставя кое-где мокрые следы и небольшие гривы наносной земли с черноземных полей. Нигде растительность не является с такою силой. Солнце палит влажную, тучную почву и тянет из нее травы и цветы: чуть не видишь, как растут они! Кусты и деревья только что распустились или распускаются, блестящим ароматным лаком покрыты их листья. Каждый куст и дерево окружено собственною, благоуханною атмосферой...

Перехожу к описанию болотной дичи.

1. БЕКАС

Начинаю с бекаса, отдавая ему преимущество над дупельшнепом и гаршнепом по быстроте его полета и трудности добыванья. Всякий истинный охотник согласится признать за ним это первенство. Телом бекас невелик, с трехнедельного цыпленка, но имеет очень длинные нос и ноги. Спина, крылья и короткий хвостик

покрыты пестрыми перьями, темнокоричневый, сероватый цвет которых определить трудно. Брюхо у него и часть зоба или груди — белые; глаза темные, немного навыкате, довольно большие и веселые, ножки темноватые, почти черненькие; три передних пальца очень длинны и снабжены острыми и довольно долгими ногтями. Подбой или изнанка крыльев сероватая или сизовато-пепельная, под плечными суставами — очень красивые серые пятнышки; на спине у бекаса перья коричневее и длиннее; каждое перо с одного бока имеет

светложелтую оторочку; конец носа как будто немного расплюснут, и обе носовые половинки покрыты мелкими поперечными рубчиками, похожими на терпужок. Вообще бекас, не отличаясь яркими цветами перьев, имеет вид красивый и живой. Нос его, относительно к величине тела, несоразмерно длинен; у крупного старого бекаса он бывает длиною вершок с четвертью; он запускает его в мягкую болотную почву или хотя не болотную, но случайно от воды размокшую и достает беловатые корешки трав и растений, что и составляет его преимущественную пищу: именно ей приписывают изящный вкус бекасиного мяса. Всегдашнее местопребывание бекаса — мокрые болота. Он плотно таится в них между

кочками: исключения очень редки. В случае опасности бекас сейчас ляжет и вытянется по земле. Редко увидишь его и еще реже убьешь сидячего. Обыкновенно бекасы прилетают в начале апреля, всегда ранее дупельшнепов и гаршнепов, и оказываются сначала по растаявшим болотам, около весенних луж: иногда вдруг в большом количестве, иногда понемногу. Случается, что после прилета бекасов наступают морозы, выпадает снег, лужи и болота замерзают; бекасы бросаются тогда к родникам, берегам ручьев и речек и даже к навозным кучам — лишь бы только найти талую землю. Если в болотах стоит слишком много воды или когда болот очень мало, бекасы высыпают на лужи, стоящие по жнивью хлебных полей, и на луговые весенние ручьи, о чем я уже и говорил. С прилета бекасы дики и далеко вскакивают, не подпуская в меру ни охотника, ни собаки, вероятно потому, что болота и берега луж очень го́лы и бекасам притаиться негде; на размокших же луговинах, где прошлогодняя отава больше и гуще, они гораздо смирнее. Я редко встречал охотников, которые бы видали пролетных бекасов, и я сам один раз только в жизни видел весною, рано поутру, бекасиную стаю, пролетевшую очень высоко. Вероятно, они летят ночью, как и многие другие породы прилетной птицы. Это мнение подтверждается тем, что очень часто по утрам находят бекасов в тех местах, где их накануне вечером не было. — Весенняя стрельба бекасов с прилета несравненно труднее осенней и для меня приятнее, хотя она не так добычлива: во-первых, потому, что с прилета всякая птица дорога, а бекасы еще дороже, и, во-вторых, потому, что чем более трудности, тем более требуется искусства от охотника и тем драгоценнее делается добыча. Впрочем, всякий хороший стрелок, если не поленится, может убить много бекасов. Их всегда стреляют дробью, известною под именем бекасиной, то есть 9-м, и редко 10-м нумером, но с прилета надобно употреблять дробь несколько покрупнее, а именно 8-го нумера. — Бекас не жирен с весны, как бывает осенью, а только сыт, вскакивает далеко и с криком бросается то в ту, то в другую сторону. Быстро несясь в наклоненном положении, повертываясь с боку на бок и мелькая то справа, то слева белизной

своего брюшка, бекас в несколько секунд вылетает из меры ружейного выстрела. Очевидно, что быстрота меткого прицела — единственное средство догнать свинцовым дождем эту быстролетную птичку. Тут некогда потянуть, приложиться половчее и взять вернее на цель особенно потому, что весенний, прилетный бекас вылетает неожиданно, не допуская собаку сделать стойку, а охотника приготовиться; осенью будет совсем другое дело. К тому же с прилета нет молодых, *летних*, смирных бекасов, летающих тише и прямее, а все старые, годовалые, владеющие полною быстротой своего чудного полета. Здесь торжествует проворство охотника и доброта его ружья.

В мае бекасы садятся на гнезда, которые вьют из сухой травы на кочках, в болотах, поросших кустами. Бекасиная самка обыкновенно кладет четыре яйца, величиною не меньше голубиных, цветом зеленоватые, испещренные темнокоричневыми крапинами. Фигура яиц, общая всем куличьим яйцам, имеет ту особенность, что нижний конец их представляет острый угол и бо́льшая ширина яйца находится только в самом верху тупого конца, а не в середине. Не могу утвердительно сказать, но, кажется, самец помогает самке сидеть на яйцах и выхаживать молодых: по крайней мере он всегда играет вверху, недалеко от гнезда. Токов [1] бекасиных я никогда не замечал и ни от кого о них не слыхал, почему и полагаю, что бекасы разбиваются на пары, как и другие куличьи породы. Правда, про бекаса говорят, что он *токует*, но это потому, что он, наигравшись в вышине под облаками, обыкновенно спускается на землю с криком, похожим на слоги: «таку-таку, таку-таку». С этим же криком бегает он иногда по болоту, а всего чаще издает эти звуки, сидя на сучке сухого дерева, или на высоком пне, или даже на кусту; последнее, впрочем, бывает очень редко; знаю я также, что токующих бекасов, разумеется самцов, охотники-промышленники

---

[1] Током называется место, куда весною постоянно слетаются самцы и самки некоторых пород дичи для совокупления и где между самцами, которых всегда бывает несравненно более, происходит драка.

приманивают на голос самки и бьют сидячих. Все это вместе, однако, не объясняет дела. К сожалению, мои наблюдения не простираются далее; хотя я много нахаживал бекасиных гнезд, часто замечал их особою приметой и подглядывал из скрытного места, но ничего, объясняющего этот вопрос, мне видеть не удалось.

В исходе мая бекасы выводятся и держатся сначала в крепких болотных местах: в кустах, топях и молодых камышах; как же скоро бекасята подрастут, то мать переводит их в луговые части болот, где суше и растет высокая, густая трава, и остается с ними там, пока они совершенно вырастут. К концу июня (иногда в половине и даже в начале) молодые бекасы поднимаются, но летают прямо, тихо и недалеко; лежат крепко и выдерживают близкую стойку собаки. Мне случалось убивать при выводке двух старых бекасов, из чего я заключаю, что и самцы держатся при детях. Горячности к спасению молодых, какая примечается в утках и тетеревиных курочках, бекасиная самка не оказывает: от гнезда не отводит и собою не жертвует. По-настоящему, до начала августа не должно стрелять молодых: стрельба слишком проста и легка, а мясо бекасят слишком мягко, как-то слизко и особенного вкуса не имеет; но не так поступал я в молодости, как и все горячие охотники!

С того времени, как бекасиные самки сядут на гнезда, около которых остаются и самцы, все холостые бекасы разбиваются врозь по обыкновенным кочковатым болотам, и начинается летняя, мало добычливая стрельба бекасов. В июле они прячутся в места более крепкие и в это время линяют. Впрочем, у них перебирается перо за пером, и линька не мешает им летать быстро; но находить их тогда очень трудно, да и бить бекасов, поднимающихся в кустах, очень нелегко. В конце июля они опять выбираются в открытые болота и остаются в них до отлета, но перед отлетом никогда не сбираются в большие стаи, как весною во время прилета. С начала августа до половины сентября — самая лучшая охота за бекасами. Чем позднее осень, тем они становятся жирнее, но жирных до такой степени бекасов, как иногда бывают дупели и гаршнепы, я не видывал. На обширных болотах, не слишком топких или по

крайней мере не везде топких, не зыблющихся под ногами, но довольно твердых и способных для ходьбы, покрытых небольшими и частыми кочками, поросших маленькими кустиками, не мешающими стрельбе, можно производить охоту целым обществом: охотники идут каждый с своею собакой, непременно хорошо дрессированною, в известном друг от друга расстоянии, ровняясь в одну линию. Если общество не многочисленно и все стрелки настоящие охотники, то такая охота может быть чрезвычайно приятна и удачна. Напротив, если замешается хоть один плохой, неопытный или слишком горячий стрелок, да еще с невыдержанною, невежливою собакой, то пропало все поле. Я должен признаться, что никогда не любил охоты большим обществом и предпочитал охоту в одиночку, вдвоем или много втроем, ибо как скоро будет охотников и собак много, то трудно соблюсти те условия, при которых охота может быть удачна и весела. Я нигде не встречал таких обширных и отлично удобных болот, как в Симбирской и Пензенской губениях, особенно на границе и той и другой, по реке Инзе. Охотники сбирались тоже отличные, и охоты бывали баснословно удачные. В одно поле, на двуствольное ружье, лучшие охотники убивали каждый до шестидесяти штук бекасов, дупелей и вальдшнепов: ибо осенью и последние сваливаются из лесов в болота и держатся в больших кустах с мочажиной около реки Инзы. Гаршнепов попадалось не так много, потому что они любят болота другого рода.

Бекасы начинают пропадать не в одно время: иногда в половине, иногда в конце сентября, а иногда остаются в небольшом числе до половины октября. Я не умею определить настоящей причины такой значительной разницы. Близость или отдаленность зимы, вопреки мнению некоторых охотников, не имеет в этом случае никакого влияния. Но вообще можно сказать, что если мокрота болот поддерживается умеренными дождями и стоит теплая погода, то болотная птица держится долее; засуха как раз ее выгонит. Впрочем, не всегда бекасы пропадают все вдруг; чаще случается, что большая их часть пропадет, а некоторые останутся и держатся иногда до сильных морозов, так что и болота начнут

замерзать. Я полагаю, что остаются те бекасы, которые позднее других вывелись или слабые, не совсем здоровые. Это подтверждается тем, что из поздних бекасов редко убьешь сытого. Самого позднего бекаса, и не худого, я убил 18 октября, в степи, около небольшой осенней лужи, когда уже лежал мелкий снежок, а самого раннего — 23 марта, когда еще в неприкосновенной целости лежала белая, блестящая громада снегов и таяло только в деревнях по улицам. Я шел на лыжах (в Оренбургской губернии) по берегу реки Бугуруслана, который уже давно очистился от льда, ибо и в жестокую зимнюю стужу мало замерзал. Я искал нырков, которые с прудового материка полетели вверх по реке. Вдруг из-под крутого берега, где впадал ручеек из ближнего родника, с криком вырвался бекас. У меня от такой неожиданности, как говорится, сердце оторвалось; я выпустил было драгоценную добычу из меры, но, опомнившись, выстрелил... Ствол был заряжен рябчиковою дробью: одна дробинка повредила правое крыло у корня двух последних перьев; бекас пошел книзу и упал на отлет, сажен за сто на противоположном берегу реки, и быстро побежал по стеклянному насту, подпрыгивая и подлетывая... Собака не решалась броситься с крутого, высокого, снежного берега в речку; я приходил в отчаяние, но умное животное обежало на мост за полверсты, поймало и принесло мне бекаса, не помяв ни одного пера... Радость была неописанная.

Я несколько раз употреблял выражение: «выпустить из меры», выражение, понятное и не охотникам; но как определить меру стрельбы в лет бекаса и других резвых птиц? Я слыхал от старых охотников, что если глаз не различает пестрых перьев на бекасе, то стрелять не должно: это значит, что бекас вылетел из меры. Такое определение никуда не годится уже потому, что близорукий охотник и в пятнадцати шагах не видит пестрин; стало, ему никогда не придется стрелять, а между тем он бьет бекасов иногда лучше зоркого охотника. Приблизительно и довольно верно можно сказать, что сорок шагов самая лучшая, а пятьдесят — самая дальняя мера для успешного стреляния бекасов; это расстояние охотник привыкнет узнавать глазомером. Конечно, бы-

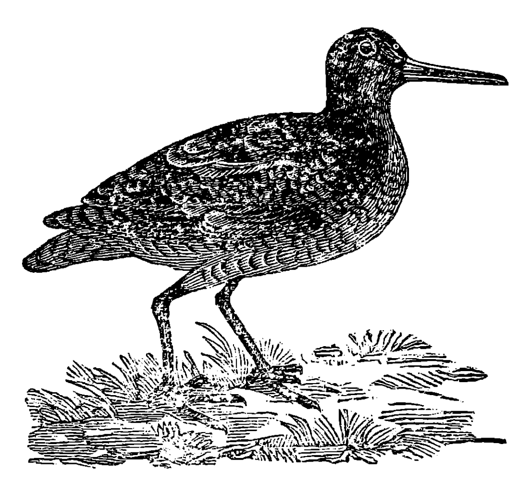
вают удачные выстрелы, но их нельзя принимать в расчет. Иногда убьешь бекаса и на шестьдесят шагов и даже на семьдесят; но зато и стреляешь на авось, почти с уверенностью, что дашь промах.

Самые блистательные охотничьи выстрелы, по-моему, бывают в бекаса, когда он играет вверху, не боясь присутствия охотника, потому что, завидя его, сейчас поднимется высоко. Бекасиной дробью редкое ружье может достать его. Это были мои любимые выстрелы, и в этом случае я употреблял с успехом дробь 7-го нумера, которая, будучи покрупнее, летит дальше и бьет крепче. Мера всегда бывает более шестидесяти шагов. Стрелять можно только в ту минуту, когда бекас летит прямо над головой, следовательно должно поставить ружье совершенно перпендикулярно. Положение очень неловкое, да и дробь, идучи вверх, скорее слабеет. Много зарядов улетало понапрасну в синее небо, и дробь, возвращаясь назад, сеялась, как мелкий дождь, около стрелка. В случае удачного выстрела бекас падает из-под небес медленно и винтообразно. Охотники понимают, как живописно такое падение и как неравнодушно смотрит на него победитель.

На охоте за бекасами были со мной два странные случая. Один раз ударил я бекаса вверху, и он, тихо кружась, упал в десяти шагах от меня с распростертыми крыльями на большую кочку; он был весь в виду, и я, зарядив ружье, не торопясь подошел взять свою добычу; я протянул уже руку, но бекас вспорхнул и улетел, как здоровый, прежде чем я опомнился. В это время бекасы были редки, выстрел был отличный, и мне была очень досадна эта потеря. В другой раз собака подала мне застреленного бекаса; я взял его и, считая убитым наповал, бросил возле себя, потому что заряжал в это время ружье; бекас, полежав с минуту, также улетел и даже закричал, а раненая птица не кричит. Для предупреждения таких досадных потерь я принял за правило всегда прикалывать живую птицу. Советую и всем охотникам делать то же, и делать аккуратно, потому что птица, приколотая вскользь, то есть так, что перо не попадет в мозг, а угодит как-нибудь мимо, также может улететь, что со мной случалось не один раз, особенно на охоте за осенними тетеревами.

2. ДУПЕЛЬШНЕП

Его всегда называют дупелем, чему и я последую: хотя это последнее название и неправильно, но короче и удобнее для произношения. Я отдал первое место бекасу, но не все охотники со мною согласятся. Обыкновенно предпочитают дупеля, который чуть не вдвое больше (что показывает и немецкое его название), а это

не безделица в охоте. Дупель гораздо жирнее бекаса, следовательно вкуснее, подпускает охотника и собаку ближе, выносит стойку дольше, летит тише и прямее. Вот причины, почему охотники считают его первою, лучшею болотною дичью. Не оспаривая этих справедливых причин, я повторяю, что даю первое место бекасу за быстроту полета и за то, что убить его несравненно труднее. Дупель так сходен перьями и складом с бекасом, что их не вдруг даже различишь, если не обратишь внимания на разность в величине и не увидишь хлупи или брюшка, которое у дупеля не белое, а серо-пестрое. При внимательном рассмотрении окажется, что шея его и ножки не так длинны, нос тоже покороче и потолще бекасиного, цвет ножек зеленоватее и нижняя сторона крыльев гораздо пестрее. Конец дупелиного носа снаружи покрыт такими же мелкими рубчиками, как у бекаса.

Дупели прилетают или оказываются на мокрых местах иногда одною, а иногда двумя неделями позднее бекасов, когда погода сделается уже теплее, что я могу доказать двенадцатилетними, обстоятельными записками о прилете дичи в Оренбургской губернии. Они появляются на местах не столько мокрых и голых, как бекасы, а непременно в кочковатых, не топких болотах, также на размокших луговинах, на залежах, поросших высоким бастыльником или полынью, и даже на загонах с высокою прошлогоднею жнивою. — Дупель, взлетывая, производит крыльями шум или шорох, по которому опытное ухо охотника сейчас отличит его от бекаса, хотя бы он вылетел сзади; но потом летит тихо, так что его глухого покрякивания не слыхать, и садится гораздо скорее, чем бекас. По прошествии времени весенних высыпок, на которых смешиваются все эти три лучшие породы дичи (дупель, бекас и гаршнеп), о превосходстве которых я уже довольно говорил, дупели занимают обыкновенные свои болота с кочками, кустиками, а иногда большими кустами не мокрые, а только потные — и начинают слетаться по вечерам на тока, где и остаются во всю ночь, так что рано поутру всегда можно их найти еще в сборище на избранных ими местах. Токованье происходит у них ночью, и потому при всем моем старании не мог я подсмотреть и получить о нем полного и точного понятия. Знаю только, что как скоро начнет заходить солнце, дупели слетаются на известное место, всегда довольно сухое, ровное и по большей части находящееся на поляне, поросшей чемерикою, между большими кустами, где в продолжение дня ни одного дупеля не бывает. Вероятно, туда же слетаются и самки, хотя собрания на токах продолжаются и тогда, когда они давно сели на гнезда и даже начинают выводить молодых. Я видал по вечерним зарям, что дупели гоняются друг за другом, припрыгивают, распустив крылья и подняв веером свои хвостики, подобно токующим косачам или надувающимся индейским петухам. Белый подбой под их хвостиками, состоящий из мелких перышек, часто мелькает в темноте, но ясно разглядеть ничего нельзя. Можно только с достоверностию предположить, что самцы совокупляются

в это время с самками и горячо дерутся за них между собою: измятая трава и выщипанные перья, по ней разбросанные, подтверждают такое предположение. Тока продолжаются с начала мая до половины июня. Разумеется, все положительно назначаемые мною сроки изменяются иногда несколькими днями, смотря по состоянию погоды. — Охотники, кончив весеннюю стрельбу на высыпках, пользуются токами и бьют дупелей из-под собаки: по вечерам — до глубоких сумерек, по утренним зарям — до солнечного восхода; но по утрам дупели скоро от выстрелов разлетаются в глухие места болот, иногда не в близком расстоянии, где и остаются до вечера. Часа за полтора до заката солнца уже везде около тока есть подбежавшие дупели, а при самом захождении солнца они уже летят на ток со всех сторон. В это время, если вы поднимете дупеля, дадите по нем промах и он улетит из глаз вон... не беспокойтесь: через несколько минут он прилетит опять на прежнее место, если только не подбит. Добычливые охотники, притаясь в каком-нибудь кустике или кусте, не в дальнем расстоянии от тока, остаются там на всю ночь и стреляют дупелей, целя в мелькающую белизну под их распущенными хвостиками. Впрочем, в это время года ночей почти нет, заря сходится с зарей и присутствие света не прекращается. Драка между самцами продолжается не только во всю ночь, но почти до восхода солнца; тут они утихают и разбегаются во все стороны; но тут уже опять можно стрелять их из-под собаки. Я просидел одну ночь, подкарауливая дупелей на току, и убил их несколько штук, но мне не понравилась эта охота, хотя она заманчива тем, что требует от стрелка много ловкости и проворства. Главное в ней условие — острота зрения, а я никогда не мог им похвалиться. Притом гораздо более дупелей поранишь, чем убьешь наповал, да часто не найдешь и убитых, потому что охотник не выходит из скрытного места до окончания охоты и тогда только собирает свою добычу. Очевидно, что во время стрельбы собака не нужна, но поутру необходимо употреблять ее для отыскания убитых и подбитых дупелей, которые иногда имеют еще силы отойти довольно далеко. В заключение скажу, что мне показалось как-то совестно

убивать птицу пьяную, безумную, вследствие непреложного закона природы, птицу, которая в это время не видит огня и не слышит ружейного выстрела!

На многочисленных токах, куда собираются дупели сотнями, куда никогда не заходила нога охотника, — что не редкость в обширной Оренбургской губернии, — поселяне, как русские, так равно и мордва, чуваши и даже татары, очень много ловят дупелей (как и тетеревов) *поножами*, то есть сильями, вплетенными, на расстоянии полуаршина друг от друга, в длинную тонкую веревку, привязанную к нескольким колышкам, которые плотно втыкаются в землю на тех местах тока, где нужно их расставить. Когда попадет в сило один дупель, начнет биться и трепетаться, другие кинутся его бить и попадают в силья сами: большая часть из них удавливается.

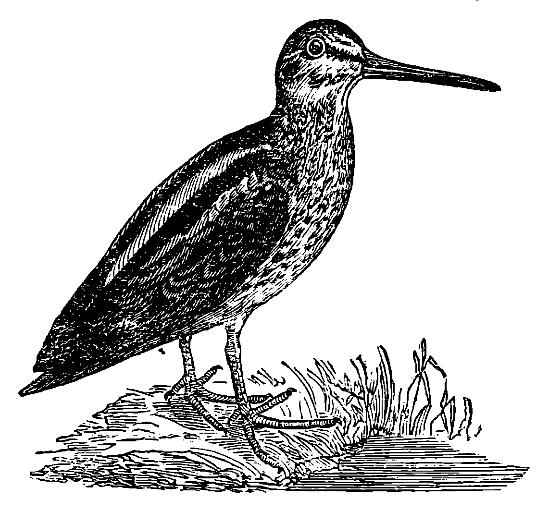
По прекращении токов исхудалые самцы-дупели скрываются в самые крепкие болота, поросшие кустами и деревьями, и там линяют, не теряя способности летать, как и бекасы. Между тем дупелиные самки в исходе мая, следовательно в первой половине токов, вьют гнезда, по большей части на кочках, в предохранение от сырости, в болотах не очень мокрых, но непременно поросших кустами, и кладут по четыре яйца точно такого же цвета и формы, как бекасиные, только несколько побольше. Высиживание детей, укрыванье их сначала в самых крепких и глухих болотных местах, а потом в лугах и, наконец, перемещенье в чистые болота на всю осень — у дупелей совершенно одинаковы с бекасами. Вся разница состоит в следующем: при выводках я никогда не нахаживал двух старых дупелей. После линьки, или линянья, особенно если болота очень мокры от многих дождей, чего дупели не любят, они иногда перемещаются в залежи, в пар, то есть в паровое поле, и лежащие около болот некошеные луговины, поросшие чилизником и бобовником. Вот, по-моему, лучшая охота за дупелями. Это бывает в исходе июля и в августе; тогда они делаются так жирны, что, не видевши, трудно поверить: летают очень тяжело и скоро опять садятся. Мне случалось бить столь жирных дупелей, что, когда убьешь его и он ударится о землю, как мокрая глина, то кожа трескалась на его хлупи. Впрочем, в таких местах они

бывают редко и ненадолго, особенно в пару, где молодая трава, несмотря на сильную растительность черноземной оренбургской почвы, довольно мала и прятаться в ней птице неудобно. Во всю мою жизнь я один раз только нашел множество дупелей в паровом поле: они были необыкновенно жирны и сначала смирны, потом сделались сторожки, но держались упорно около двух недель. Вероятно, взрыхленная сохою земля и сочные корешки молодой травы очень им нравились; даже когда начали засевать пар, дупели держались несколько дней кругом, по ковылистым луговинам. Я убил тогда более сотни чудесных дупелей. — К половине августа они переселяются опять в большие болота и там, вместе с бекасами, остаются до отлета, который, впрочем, всегда бывает ранее бекасиного также неделями двумя. И тогда-то производятся те славные охоты целым обществом, о которых я недавно говорил. Дупелей бьют по большей части тою же дробью (то есть 9-м нумером), как и бекасов, но лучше употреблять дробь 8-го нумера; для дупелей же, напуганных стрельбою, — как то бывает всегда на токах, куда они, разлетаясь от выстрелов, постоянно возвращаются и где они делаются, наконец, так сторожки, что поднимаются шагах в пятидесяти или более, — я употреблял с успехом дробь 7-го нумера. На расстоянии шестидесяти шагов дупеля не убьешь наповал бекасиною дробью даже 8-м нумером или по крайней мере редко, а только поранишь: он унесет дробь очень далеко и если не умрет скоро, то долго будет хворать и скрываться в самых глухих болотных местах. Мне случалось нахаживать и убивать таких дупелей в позднюю осень, когда все другие давно уже пропали. Я находил на них зажившие раны и даже старую, заросшую в теле дробь, которую нетрудно было отличить от новой, потому что последняя всегда была крупнее.

Жирных и непуганных стрельбою дупелей, допускающих самую близкую стойку собаки, можно травить ястребами-перепелятниками. Если дупель вскочит не далее шести или семи шагов, то ястреб его догонит. Разумеется, что никакой ружейный охотник не станет травить дупелей ястребом, если будет иметь возможность стрелять их.

3. ГАРШНЕП

Этот маленький куличок, без всякого сомнения, принадлежит к славной породе бекасов. Господа немцы назвали его *гаршнепом*, то есть *волосяным куликом*, вследствие того, что он имеет длинные перышки, растущие по верхней части его шеи и лежащие вдоль спины. Впрочем, эти перышки нисколько не похожи на волосы, и скорее можно их назвать косичками, но другого имени

гаршнеп у нас не имеет, а потому должен остаться при своей немецкой кличке, не вовсе удачной, но всем известной. О названии «лѐжанка», которого никто не знает на Руси, придаваемом гаршнепу в «Книге для охотников», изданной в 1813 году в Москве, я уже говорил. — Гаршнеп вдвое меньше бекаса; складом, носом, ногами и пестрым брюшком совершенно сходен с дупелем, а перьями — и с бекасом и с дупелем; только пестрины у него на спине несколько темнее и красноватее, имеют сизо-зеленоватый, как будто металлический, отлив; кожа на шее толста и мясиста, очевидно для того, чтоб могли расти из нее длинные перышки и косички. Гаршнеп — постоянный обитатель топких болот, преимущественно поросших кустиками камыша. Корешки болотных трав, особенно

сладкие корешки молодого камыша (которого и первые побеги также на вкус очень сладки), и разные червячки и козявочки составляют его обыкновенную пищу. Весною он прилетает всегда вместе с дупелями и вместе с ними показывается на первых высыпках, но улетает гораздо позднее, даже после бекаса. Как скоро минуется срочное и короткое время высыпок пролетной птицы, гаршнеп немедленно переселяется в топкие, грязные и камышистые болота. Камыш его стихия: я имел этому поразительное доказательство. Однажды весною, когда вся птица уже прилетела и везде по удобным местам появились гаршнепы, ушел у меня в деревне огромный пруд, заросший почти весь сплошным камышом, который зимою был гладко скошен на разные деревенские потребности. Гаршнепы пропали не только на болотах около самого пруда, но и на местах довольно отдаленных: дупели и бекасы остались, гаршнепа — ни одного. Я, ничего не подозревая, продолжаю охотиться, удивляясь только, отчего так внезапно пропали гаршнепы. Вдруг узнаю, что крестьяне, ловившие рыбу, оставшуюся в лужах по обмелевшим камышам пруда, поднимали там много гаршнепов. Я сейчас туда отправился — и что же нашел? Гаршнепы со всего околотка слетелись на грязное, топкое дно сбежавшего пруда, покрытое густыми корнями камыша. Грязь была так жидка, что гаршнепы могли только сидеть на оголившихся камышовых корнях. Ходьба была адская: ноги вязли по колена, даже выше; собака вязла по брюхо и далеко отставала от меня, да в ней и не было надобности: гаршнепы вскакивали сами. Три дня с неимоверными усилиями, к которым бывает способна только молодость и страстная охота, бродил я по этой непроходимой топи. Я убил восемьдесят три гаршнепа, чего, конечно, не убил бы в обыкновенных болотах и даже на высыпках, ибо гаршнепов, относительно к числу бекасов и дупелей, бывает в Оренбургской губернии несравненно менее и редко убьешь их десятка полтора в одно поле[1]. Я убил бы их

[1] Я слышал от охотников Пензенской и Симбирской губерний, что там гаршнепов бывает чрезвычайно много и что случается одному охотнику убивать в одно поле до сорока штук и более.

гораздо более, потому что они не убывали, а прибывали с каждым днем, но воду запрудили, пруд стал наливаться и подтопил гаршнепов, которые слетели и вновь показались на прежних своих местах уже гораздо в меньшем количестве. — Гаршнеп обыкновенно очень смирен, вылетает из-под ног у охотника или из-под носа у собаки после долгой стойки без малейшего шума и летит, если хотите, довольно прямо, то есть не бросается то в ту, то в другую сторону, как бекас; но полет его как-то неверен, неровен, похож на порханье бабочки, что, вместе с малым объемом его тела, придает стрельбе гаршнепов гораздо более трудности, чем стрельбе дупелей, особенно в ветреное время. Гаршнеп, взлетев, сейчас бросается против ветра, но, не имея сил долго бороться с ним, вдруг сдает направо или налево, то есть делает боковое движение, и опять устремляется против ветра. В это время без сноровки бить его очень трудно. Вся хитрость состоит в том, чтоб уловить гаршнепа в ту минуту, когда он, сделав уступку ветру и будучи отнесен им в сторону, начнет опять лететь прямо; тут выходят такие мгновения от противоборства ветра и усилий птицы, что она стоит в воздухе неподвижно; опытные стрелки знают это и редко дают промахи по гаршнепам. Когда ветер сносит их в сторону, особенно если какнибудь захватит сзади, то длинные шейные и спинные перья заворачиваются, и гаршнеп представляет странную фигуру, непохожую на птицу: точно летит хлопок льна или клочок шерсти. В начале июня гаршнепы пропадают, и до второй половины августа нигде отыскать их нельзя: по крайней мере я никогда не нахаживал и от других охотников не слыхал. Предположение, что они прячутся в глухие, неудобопроходимые болота, поросшие деревьями, кустами и высоким камышом, где выводят детей, держатся до совершенного их возраста и оттуда потом перемещаются снова в свои обыкновенные болота, — такое предположение меня не удовлетворяет. Очень странно, что я, будучи всегда неутомимым и страстным до безумия охотником, таскаясь по самым глухим и топким болотным местам, несмотря на жаркое летнее время, не нашел не только гнезда или выводки гаршнепа, но даже ни одного не поднял. Сколько мне известно, другие

охотники также не нахаживали гаршнеповых гнезд и выводков[1]. Это обстоятельство наводит на мысль, что гаршнепы далеко отлетают для вывода детей, в такие непроходимые лесные болота, куда в это время года не заходит нога человеческая, потому что такие болота, как я слыхал, в буквальном смысле недоступны до тех пор, пока не замерзнут. Как бы то ни было, из всего мною сказанного следует, что я ничего не знаю, как, где выводятся гаршнепы, и ничего не могу сказать об этом.

В исходе августа, следовательно к осени, начинают кое-где проскакивать гаршнепы. Молодых уже трудно различить со старыми, разве только по тому, что старые крупнее и скорее начинают жиреть. Если в это время вы убьете сытого гаршнепа, то, наверно, это старый: по жестким прави́льным перьям вы в том удостоверитесь, ибо у молодых они не только мягки, но даже несколько кровянисты, как у всякой молодой птицы. К концу осени сравняются все: и старые и молодые. Я никогда не находил много гаршнепов вдруг в одном болоте (говоря о стрельбе уже осенней), никогда двух вместе; но я слыхал от охотников, что в других губерниях, именно в Симбирской и Пензенской, осенью бывает гаршнепов очень много, что весьма часто поднимаются они из-под собаки по два и по три вдруг и что нередко случается убивать по два гаршнепа одним зарядом. Впрочем, они так плотно таятся и крепко лежат, что и добрая собака проходит иногда мимо их. Сам же собою гаршнеп только тогда взлетит, когда на него почти наступишь. Бить их очень хорошо дробью 10-го нумера, потому что стрелять далеко не приходится, а мелкая, севкая дробь летит, как широкое решето, и хотя бы задела одним только краем, так и сварит эту порхающую птичку.

Чем глубже становится осень, тем более жиреет гаршнеп и, наконец, весь заплывает салом. Вот уже пропадают дупели — гаршнеп держится; пропадают и бекасы — гаршнеп все еще держится... Погода становится

---

[1] Один охотник, впрочем, сказывал мне, что убил очень молодого, едва летающего гаршнепа около Петербурга, под Стрельною, в самом топком болоте.

суровее: стынут болота; тонким, как стекло, льдом покрывается между кочками вода с белыми пузырями запертого под ней воздуха; некуда приютиться гаршнепу, как он ни мал, нет нигде куска талой грязи — гаршнеп и тут еще держится, но уже бросается к родничкам и к паточинам. Здесь находит он себе убежище и не расстается с ним до последней крайности, до сильных морозов, которые закуют все без исключения. Даже во время замерзков, когда земля начинает покрываться первым пушистым снегом, вовсе неожиданно случалось мне находить в самой голове родника гаршнепа, притаившегося на мерзлой земле; изумляла меня крепкая стойка собаки на таком голом месте, где, казалось, ничто спрятаться не могло. После многих и, наконец, грозно сказанных: «пиль!» собака бросалась, и — вспархивал гаршнеп [1]. Не всегда удавалось убить его, потому что ружье бывало заряжено немелкою дробью; но когда удавалось — радость была большая. Охотники могут себе вообразить, как я, на шесть скучных месяцев уже давно простившись с лучшею породою дичи, дорожил ее последним запоздавшим представителем.

Должно заметить общую особенность дупелей, бекасов, гаршнепов и особенно вальдшнепов: они никогда не выпрямляются на ногах и не вытягивают своих шей, как обыкновенные береговые кулики; ножки и шейки их всегда как-то согнуты или скорчены, что и дает им особенную посадку. Самцов от самок различить по перьям очень трудно.

О ВКУСЕ МЯСА И ПРИГОТОВЛЕНИИ БЕКАСИНЫХ ПОРОД

Описанные теперь мною три вида одной породы, то есть бекас, дупель и гаршнеп, вместе с вальдшнепом, известны всем гастрономам необыкновенною деликатностью своего вкуса. Слава их так повсеместна и прочна, что не нужно распространяться об ней; но должно сказать правду, что когда они бывают худы и сухи, то мясо их мало разнится от мяса обыкновенных куличков.

---

[1] Знакомый мне охотник убил четырех гаршнепов 6 ноября около родников, когда уже порядочный снег покрывал землю.

Многие кушают их и похваливают, увлекаясь громкою репутацией. Впрочем, когда они разжиреют, то бесспорно превосходят вкусом все другие породы куликов, как бы последние ни были жирны. — Основываясь на том, что они питаются единственно корешками растений, их готовят непотрошенными: честь, которой не удостоивается никакая другая дичь, кроме дроздов, из уважения к ягодной пище, которую употребляют они в известное время года. Хотя мне и жаль, но я должен разрушить положительность этого мнения: вальдшнеп, дупельшнеп, бекас и гаршнеп питаются не одними корешками, особенно два первых вида, которые не всегда постоянно живут в мокрых болотах и не могут свободно доставать себе в пищу корешков в достаточном количестве; они кушают червячков, разных козявок, мух и мушек или мошек. Что же касается до способа приготовления их непотрошенными, то я советую употреблять его со всеми породами куличков: они будут от того гораздо вкуснее; в этом я убедился по опыту. Для людей, слишком разборчивых и брезгливых, я предлагаю особенный способ приготовления как знаменитой бекасиной породы, так и всех других пород дичи без исключения. Нет никакого сомнения, что, выкидывая внутренность из птицы, мы выкидываем самые жирные и вкусные части. Итак, надобно внутренность птицы осторожно вынуть, все нечистое из кишок отделить, остальное промыть легонько в холодной воде, положить опять в птицу, зашить отверстие и готовить кушанья какие угодно; можно даже, смотря по вкусу, изрубить внутренность птицы и смешать с поджаренным мелко истертым хлебом, с зеленью или какими-нибудь пряностями. Я осмелюсь предположить, что мясо бекасиных пород много обязано своею славой тому, что их жарят всегда непотрошенных,— всегда в кастрюлях,— завернутых в ветчинное сало или в напитанную им бумагу. Бекас нежнее вальдшнепа и дупеля, а гаршнеп нежнее бекаса, следовательно вкуснее. Там, где этой превосходной птицы слишком много, можно готовить их впрок, мариновать под желе с уксусом или слегка посоля, заливать свежим коровьим растопленным маслом, как перепелок. Посуду должно поставить на лед и, когда наступят морозы, можно перевозить ее куда угодно.

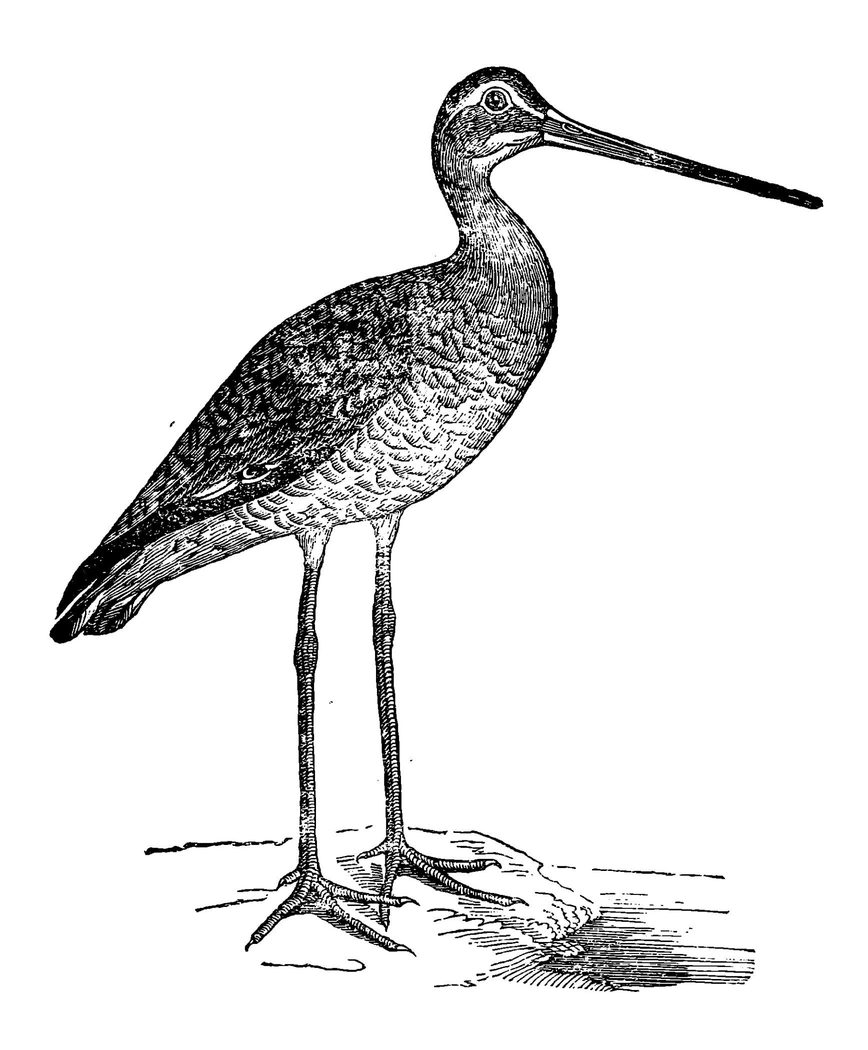
Недавно узнал я от одного почтенного охотника, П. В. Б — ва, что дупелей, бекасов и, пожалуй, всякую другую дичь, стрелянную даже в июле, сохраняют у него совершенно свежею хоть до будущей весны. Птицу кладут в большую форму, точно такую, в какой приготовляют мороженое, вертят ее и крепко замораживают; потом форму зарубают в лед, и, покуда он не пропадет в леднике, птица сохраняется так свежа, как будто сейчас застрелена.

4. БОЛОТНЫЙ КУЛИК

Под этим именем он известен всего более, но охотники зовут его иногда *улиткою,* или *неттигелем*: откуда произошли оба эти названья, и русское и немецкое, — не знаю. Крестьяне в Оренбургской губернии называют его *веретенник*, основываясь на том, что будто крик его, которым обыкновенно оглашаются болота, иногда в большом множестве им населяемые, похож на слова: «веретён, веретён!» Сходство это, впрочем, совершенно произвольно, да и крик болотного кулика весьма разнообразен: он очень короток и жив, когда кулик гонит какую-нибудь хищную или недобрую птицу прочь от своего жилища, как, например, сороку или ворону, на которую он то налетает, как ястреб, в угон, то черкает сверху, как сокол; он протяжен и чист, когда болотный кулик летит спокойно и высоко, и превращается в хриплый стон, когда охотник или собака приближаются к его гнезду или детям. Болотный кулик телом не больше русского голубя, но имеет очень длинные ноги, шею и нос, отчего и кажется довольно большою птицей. Верхняя половинка его носа на конце несколько овальна и похожа на уховертку. Цвет его перьев желтовато-красноватый. Самец меньше самки и пером светлее, а шея у него гораздо краснее. Болотные кулики прилетают около половины апреля. Хотя я видал их пролетающих огромными стаями, но около прудов, болот и полевых луж попадаются они по большей части врозь или парами и редко маленькими станичками. С прилета они бывают довольно сыты, но потом до самого отлета очень худы и тощи.

С прилета, когда они шатаются везде по мокрым местам, охотники стреляют их сидячих, с подъезда и даже с подхода, потому что они скоро делаются довольно смирны. Как только сольет полая вода, болотные кулики занимают свои родимые болота, в которых живут постоянно каждый год, если какая-нибудь особенная причина не заставит их переменить места своего жительства. Причины бывают разные: иногда болото высыхает от того, что пропадают в нем родники или паточины; иногда от того, что их затопчет скот; иногда от того, что болото высушивается искусственно людьми и превращается в сенокосные луга или пашню. Впрочем, болотные кулики неразборчивы; они живут во всяких болотах: в топких, грязных, кочковатых, мокрых и сухих, даже в открытой ковылистой степи, около какой-нибудь потной низменности или долины, обросшей кустами, только бы не мешали им люди. Вместе с занятием постоянных жилищ они сейчас разбираются парами; самец помогает самке вить гнездо на кочке или сухом месте. Самка кладет четыре довольно большие яйца, немного поменьше куриных, цветом похожие на дупелиные и одинаковой фигуры со всеми куличьими яйцами. Самец разделяет все труды и попечения с самкою; он настоящий отец своим детям; сидит на яйцах, когда сходит самка, и, летая кругом, отгоняет всякую опасность, когда мать сидит на гнезде. Увы! он часто губит себя и все свое потомство своим бдительным надзором, открывая безжалостному охотнику криком и летаньем место своего жилища и самое гнездо. После трехнедельного сиденья вылупляются куличата, покрытые желтовато-серым пухом; они сейчас получают способность бегать и доставать себе пищу; на другой день их уже нет в гнезде. Пища их, как и всех куликов, кроме пород бекасиных, состоит из разных насекомых. Отец с матерью держатся с ними сначала в болоте и потом выводят их в чистые места, луга и хлебные поля, где они, по достижении уже полного возраста, начинают летать.

Грустно мне вспомнить, какое истребление производил я, как и все охотники, в оренбургских обширных болотах, битком набитых всякою дичью и преимущественно болотными куликами, отличающимися от многих

куличьих пород необыкновенною горячностью к детям. Это опустошение еще гибельнее, если производится в то время, когда кулики сидят на яйцах: тут пропадают вдруг целые поколения; если же куличата вывелись хотя за несколько дней, то они вырастут и выкормятся без помощи отца и матери. — Едва только приближается

охотник или проходит мимо места, занимаемого болотными куликами, как один или двое из них вылетают навстречу опасности, иногда за полверсты и более. Мы называли их в шутку «посланниками». Вылетев навстречу человеку или собаке, даже лошади, корове и всякому животному, — ибо слепой инстинкт не умеет различать, чье приближение опасно и чье безвредно, — болотный кулик бросается прямо на охотника, подлетает вплоть, трясется над его головой, вытянув ноги вперед, как будто упираясь ими в воздух, беспрестанно садится и бежит прочь, все стараясь отвести в противоположную сторону от гнезда. С собакой ему иногда удается эта хитрость, но охотник видел, откуда прилетел он; убивает посланника и прямо идет к его жилищу. Чем ближе подходит он к болоту, тем чаще вылетают встречные кулики. Когда же у самого их жилища раздается выстрел — поднимается все летучее население болота и окружает охотника, наполняя воздух различным криком и писком своих голосов и шумом своих полетов; только одни самки или самцы, сидящие на яйцах, не слетают с них до тех пор, пока опасность не дойдет до крайности. Это летучее население преимущественно состоит из болотных куликов и частью только из чибисов, или пиголиц, травников и поручейников. Охотник вступает в болото, и, по мере того как он нечаянно приближается к какому-нибудь гнезду или притаившимся в траве детям, отец и мать с жалобным криком бросаются к нему ближе и ближе, вертятся над головой, как будто падают на него, и едва не задевают за дуло ружья... Но недолго тянется дело у охотника — опытного и хорошего стрелка; только новичок, недавно взявшийся за ружье, может до того разгорячиться, что задрожат у него и руки и ноги, и будет он давать беспрестанные промахи, чему способствует близость расстояния, ибо дробь летит сначала кучей. Стрелять болотных куликов в лет в это время, при некоторой сноровке и хладнокровии, ловчее, чем сидячих: надо выпускать их в меру и не стрелять в минуту быстрых поворотов. По большей части история оканчивается тем, что через несколько часов шумное, звучное, весело населенное болото превращается в безмолвное и опусте-

лое место... только легко раненные или прежде пуганные кулики, отлетев на некоторое расстояние, молча сидят и дожидаются ухода истребителя, чтоб заглянуть в свое родное гнездо... Но не входят такие мысли в голову охотника: он весело собирает и пересчитывает свою добычу и отправляется в другое болото.

Но не всегда и не все болота, посещаемые охотниками, подвергаются такому опустошению: это случается только с местами новыми, нетронутыми, никогда не стрелянными. Если болотные кулики не будут истреблены в первый раз или по неуменью стрелять, или по излишней горячности охотника, то в другой раз сделаются гораздо осторожнее: налетают близко только сначала, а потом возьмут такой верх, что их не достанешь и утиною дробью; да и летают над охотником лишь несколько куликов, а остальные все посядут кругом в безопасном расстоянии. От времени до времени летающие и сидящие кулики меняются между собою своими должностями. Таких *ученых* куликов (в смысле проученных), как выражаются охотники, бить уже очень трудно, и нужно употреблять дробь покрупнее, даже 6-го нумера; обыкновенно же употребляют 7-го и 8-го нумера.

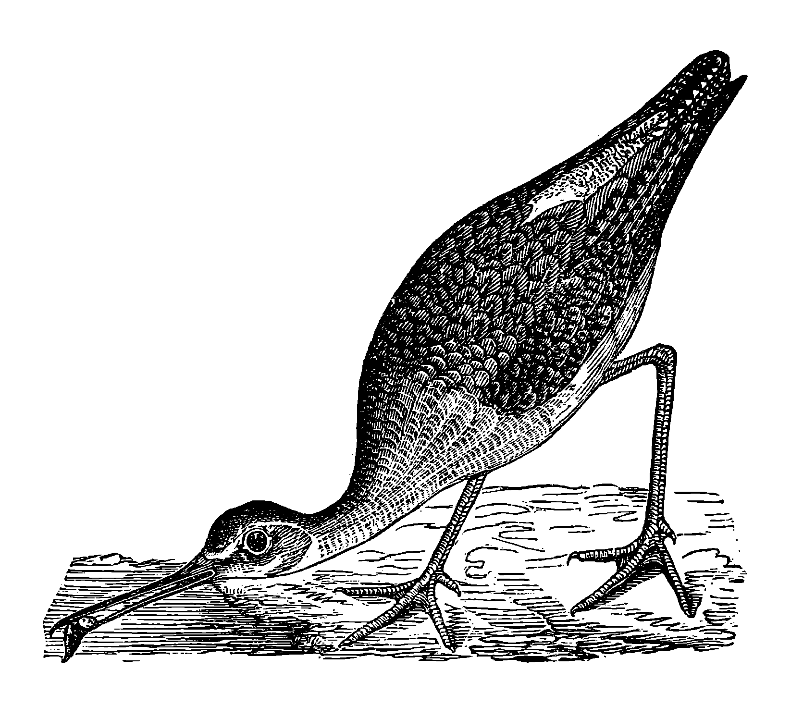
В то время, когда старые кулики держатся с молодыми выводками в большой траве или хлебе, молодых можно стрелять из-под собаки, точно как дупельшнепов, ибо они не поднимаются высоко и не улетают очень далеко, а, пересев, сидят смирно, спрятавшись в траве, и подпускают собаку близко, даже выдерживают стойку. Это бывает в последних числах июня и в самом начале июля. В половине этого месяца они появляются уже отдельными выводками по отлогим берегам прудов и озер, потом собираются к отлету большими стаями по большим рекам и огромным степным озерам и в начале августа совершенно пропадают, по крайней мере в тех местах Оренбургского края, где я жил и охотился; вероятно, где-нибудь поюжнее они держатся долее.

Болотные кулики, несчастные жертвы всякого стрелка, так беспощадно истребляемые, мало уважаются охотниками, без сомнения, потому, что их везде много и что во время сиденья на яйцах и вывода детей только ленивый не бьет их: ибо не умеющий вовсе стрелять в лет может

стрелять их сидячих; но с прилета или на отлете никакой охотник ими не пренебрегает. Мясо болотных куликов совершенно сходно вкусом с мясом всех куличьих пород: оно сухо и черство, когда они тощи и худы, и очень мягко, сочно и вкусно, когда они жирны; молодые же болотные кулики, хотя несколько разжиревшие, имеют вкус превосходный. В Оренбургской губернии они так рано пропадают, что не успевают вполне разжиреть, но изредка и мне случалось убивать старого, запоздалого, вероятно пролетного, болотного кулика, облитого салом.

5. КРАСНОНОЖКА, ЩЕГОЛЬ

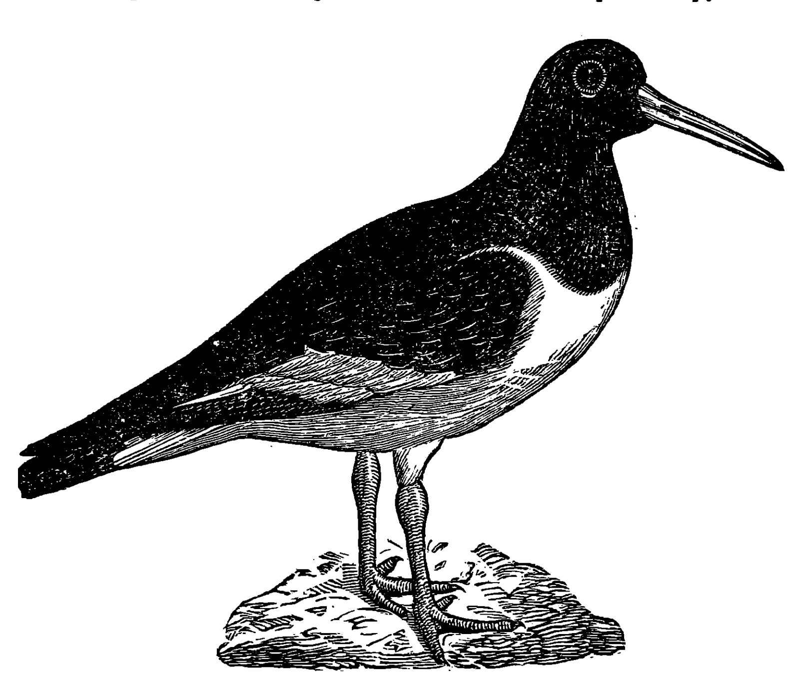
И то и другое имя носит он недаром: длинные его ноги точно выкрашены яркою киноварью, а сам он так складен, так красив и чист пером, что вполне заслуживает и второе свое название. Он телом поменьше болотного кулика, но его ноги и шея, относительно величины, очень длинны, и красноножка с первого взгляда покажется больше, нежели он есть в самом деле. Нос его, однако, много короче, чем у болотного кулика. Сам он весь пестрый, темносерый, как будто дымчатый или пепельный; такого же темного цвета и такими же поперечными мелкими крапинками и полосками, очень правильными, покрыты его беловатое брюшко и шея; хвост коротенький, как обыкновенно у куликов; по-моему, красноножка всех их красивее. Этот кулик в Оренбургской губернии пролетный: гнезд не вьет и детей не выводит. Я потому говорю об этом утвердительно, что ни я, ни другие охотники никогда не видали молодых красноножек. Они появляются только с весны и потом с половины августа держатся до исхода сентября. Щеголя находишь почти всегда в одиночку, редко вдвоем, по большей части вместе с другими куличками и болотными курухтанами, собирающимися в стайки для отлета. Красноножка имеет приятный, звонкий и особенный свист или голос; даже не видя его, знаешь издалека, по его крику, что он бродит где-нибудь по берегу пруда, озера или речного залива. Чистота и гладкость его перьев, без сомнения, происходят от того, что он попа-

дается охотникам всегда довольно сытый, а в сентябре и довольно жирный. По той же причине и мясо его вкуснее, чем у других куликов. По редкости своей, кратковременному появлению и красивости красноножка обращает на себя особенное внимание охотника. По крайней мере я ценил его всегда очень высоко и гонялся за ним без устали до тех пор, пока не убивал или не терял совсем из виду, пренебрегая уже куличьим обществом, обыкновенно его окружающим. Он не очень смирен, или по крайней мере его не скоро добудешь, может быть от того, что, подкрадываясь или подъезжая к нему, всегда пугаешь наперед других куликов, вместе с которыми гуляет он по отлогим берегам прудов, беспрестанно опуская нос в жидкую грязь. Пища его состоит из обыкновенной куличьей пищи, то есть из червячков, козявок, корешков, семян береговых трав, даже из илу и тины, которая всегда находится в зобах всех болотных и водяных птиц.

6. КУЛИК-СОРОКА

Этот кулик имеет много имен. Его зовут *волжским куликом,* очевидно потому, что он водится во множестве около реки Волги; впрочем, и по песчаным берегам других

немалых рек кулика-сороки бывает много. Называют его также *жеребцом,* а в какой-то охотничьей книжке, как мне помнится, придавали ему имя *огарь.* Обоих последних названий объяснить не умею, имя же *сороки* ему прилично потому, что он пестринами, или пежинами, даже складом несколько похож на обыкновенную сороку, хотя он имеет хвост короткий, а ноги, шею и нос гораздо длиннее, чем у простой сороки, телом же несравненно ее больше, даже мясистее болотного кулика. Вообще кулик-сорока здоровая и крепкая к ружью птица. Нос у него почти в вершок, довольно толстый, ярко-

красный, как киноварь; ноги бледномалиновые, невысокие, толстые, похожие на утиные, но без перепонок между пальцами; около глаз красный узенький ободочек, да и самые глаза, кроме черных зрачков, также красные. Голова, шея до самого зоба, спина, крылья и конец хвоста темно- или черно-бурого цвета с каким-то едва приметным, зеленовато-сизым отливом, а зоб, хлупь, подбой крыльев и хвоста — блестяще белые, как снег; по краям крыльев лежит белая же полоса.

В тех местах, где я обыкновенно охотился, то есть около рек Бугуруслана, Большой Савруши, Боклы и Насягая, или Мочегая (последнее имя более употребительно между простонародными туземцами), кулик-сорока гнезд не вьет и детей не выводит, но около рек Большого Кинеля и Демы я нахаживал сорок с молодыми, и тогда они хотя не очень горячо, но вились надо мной и собакой; вероятно, от гнезд с яйцами вьются они горячее. Впрочем, я изредка встречал их и на соседних прудах и на своем собственном как с весны, в исходе апреля, так и в августе месяце, но всегда понемногу; крик их также совершенно особенный и далеко слышный. Может быть, кулика-сороку и не следовало бы помещать в разряд болотной дичи, потому что он выводит детей не в болотах, а на голых, песчаных берегах рек; но еще менее можно причислять его к разрядам другой дичи. Говоря в строгом смысле, можно составить особенный отдел *речной дичи*, но он бы состоял не более как из трех куличьих пород, и потому не из чего хлопотать об их отделении. — Кулики-сороки мало уважаются охотниками; я сам никогда за ними не гонялся и во всю мою жизнь убил не более двух десятков. Мясо их сухо, черство, когда они худы, но с прилета и на отлете они бывают чрезвычайно жирны и довольно сочны. Жир их в это время, особенно весною, отзывается чем-то похожим на рыбу; должно предположить, что они питаются ею, бегая по береговым разливам рек и ловя мелкую рыбешку. Есть еще замечательная особенность в куликах-сороках: красный цвет, которым окрашены их глаза, носы и ноги, проявляется в самом цвете кожи, мяса и преимущественно жира: когда кулик будет изжарен, жир имеет яркооранжевый цвет. Вкус их неприятен

даже тогда, когда они жирны. Наружность кулика-сороки как-то нестатна и неловка: она представляет нечто среднее между статью кулика и складом обыкновенной сороки или галки, а пегие перья, несмотря на яркую пестроту цветов, красный нос, глаза и ноги, совсем некрасивы и даже неприятны. По крайней мере такое впечатление всегда производили на меня кулики-сороки.

7. РЕЧНОЙ КУЛИК

Этот кулик немного поменьше красноножки, но относительно во всем его потолще. Перья речного кулика не имеют никаких особенных цветов; он не пегий и не пестрый, он серовато-белесоватый с какими-то неопределенными оттенками, мягкими и приятными для глаз; брюшко, нижняя половина шеи и подхвостные перья — белые, нос обыкновенного рогового цвета, а ноги светло-зеленоватые. Вообще он пониже и как-то поувесистее красноножки, но в то же время довольно строен и красив. Имя речного кулика носит он по всей справедливости: не только по ручьям, даже по маленьким речкам его не встретишь, а живет он по средним и большим рекам, обыкновенно ведущим за собой песчаные берега; бывает также и на озерах. Разумеется, он залетает иногда на маленькие пруды и речки, но это исключение. Звонкий и приятный его голос слышен весьма издалека. Весной появляется он довольно поздно, после прилета многих куличьих пород. Я никогда не видал стаи речных куликов, но весною находил их парами, а в июле и августе с выводками молодых. В обыкновенных болотах речные кулики не водятся. По крайней мере я нигде не нахаживал их гнезд, но, вероятно, они выводят детей где-нибудь недалеко, по уремам и займищам (нередко болотистым) средних рек и даже рек меньшей величины, потому что я находил их с молодыми на прудах именно таких рек [1]. Речные кулики держатся в Оренбургской

---

[1] Один настоящий охотник и образованный наблюдатель, Н. Т. Аксаков, которому я обязан за многие сведения, сказывал мне, что нахаживал куличат и гнезда речных куликов в моховых болотах сосновых больших лесов.

губернии до начала сентября и в это время бывают довольно жирны, с прилета также они не худы, как и вся прилетная птица. Мясо их сочнее и вкуснее других куликов, и в этом отношении они не уступают красноножке, но как они попадаются охотнику гораздо чаще, то уважаются несколько менее редкого и красивого *щеголя*; впрочем, всякий охотник предпочитает речного кулика всем остальным породам куличков, с которыми он совершенно сходен в пище и во всей куличьей характеристике.

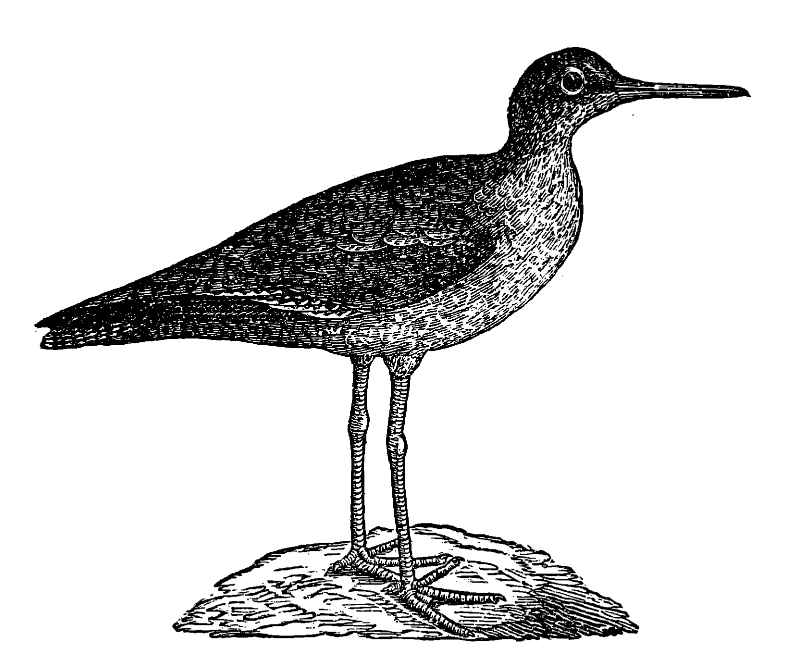
Речных куликов никогда не убьешь много. Во-первых, потому, что их мало, а во-вторых, потому, что они, особенно старые, довольно сторожки. Я всегда дорожил ими, и мне нередко удавалось убивать их в лет; по особенному счастью, они как-то нечаянно и часто на меня налетали[1].

8. ТРАВНИК

Не знаю, почему носит он это имя. Если потому, что охотно держится с молодыми в траве, растущей по берегам прудов и заливов, то это не составляет его исключительной особенности; пища его также не состоит преимущественно из молодых побегов мелкой береговой травы, он кормится точно тем же, чем и все куличьи породы. *Травник* с первого взгляда похож на красноножку: он также серо-пестрый, хотя светлее пером, и также имеет красные ноги и нос; но он гораздо меньше щеголя, особенно телом; ноги его бледно-красноваты; пестрины не так ярки и определенны, и вообще он не так крепок, складен и красив. Травник — куличок очень обыкновенный и встречается весьма часто. Вот описание с натуры молодого травника, — старые же несравненно светлее или белее пером: длина от носа до хвоста шесть вершков, длина носа без малого вершок, половина носа к корню красноватого цвета с маленькою чернотой на верхней половинке, а концы обеих половинок носа черноваты, голова, шея и спина серо-каштанового цвета, такого же цвета и крылья; правильные перья темнокаш-

---

[1] К сожалению, политипаж этого кулика по стечению обстоятельств не мог быть изготовлен.

тановые; хвост средней величины, беловатый с поперечными коричневыми полосками, брюхо беловатое с коричневыми крапинами; длина ног два с четвертью вершка, цвет их красноватый. Должно заметить, что каштанового цвета в старых травниках не заметно.

Травники оказываются весною в половине апреля: сначала пролетают довольно большими стаями и очень высоко, не опускаясь на землю, а потом, когда время сделается потеплее, травники появляются парами по берегам разлившихся рек, прудов и болотных луж. Они довольно смирны, и в это время можно их стрелять с подъезда и с подхода. В одну пору с болотными куликами занимают они болота для вывода детей и живут всегда вместе с ними. Мне редко случалось встретить травников в болотах без болотных куликов, и наоборот. Нравами также они совершенно сходны; так же вьют гнезда на кочках, так же самка кладет четыре яйца, так же самец разделяет с нею заботы о высиживании яиц и сохранении детей, к которым оказывают травники та-

кую же, если не бо̀льшую, горячность. Разница состоит в следующем: яйца травников не только вдвое меньше, но и цветом гораздо светлее и зеленее; пестрины на них не темнокоричневые, а зеленовато-темно-серые; молодых они не выводят в густые луга и хлеба, а держатся с ними в болотах и потом в осоке и траве по берегам прудов. Еще должно заметить, что молодые травники поднимаются, то есть начинают летать, неделями двумя ранее молодых болотных куликов, ранее всей куличьей породы, кроме бекасов: в моих записках замечено, что в 1815 году травники поднялись 8 июня!..[1] Впрочем, это единственный случай; в продолжение двенадцати лет он не повторился. Обыкновенно же молодые травники поднимаются около 20 июня. Постоянно раннему их подъему могут быть три причины: 1) или старые кулики садятся ранее на гнезда; 2) или сидят на яйцах менее трех недель; 3) или перья, собственно в крыльях, у молодых вырастают скорее. Ни одной из этих причин я не могу вполне ни подтвердить, ни опровергнуть. Всех вероятнее последняя, и всего более имею я доказательств к опровержению второй, потому что, по моим наблюдениям, все куличьи породы без исключения сидят на яйцах один и тот же срок. Когда молодые достигнут полного возраста, что бывает в исходе июля, то старые травники держатся с выводками по открытым, голым берегам прудов, озер и речных заливов; любят также шататься около грязей. Голос у них довольно громкий и в то же время мелодический; когда взлетают с места, то крик их похож на звон маленького серебряного колокольчика. Они пропадают в одно время с болотными куликами. Все, что я писал о избиении сих последних во время вывода детей, совершается и над травниками; от большей глупости (так нецеремонно и жестко выражаются охотники) или горячности к детям они еще смелее и ближе, с беспрестанным, часто прерывающимся, коротким, звенящим криком или писком, похожим на слоги *тень, тень*, подлетают к охотнику и погибают все без исключения, потому что во время

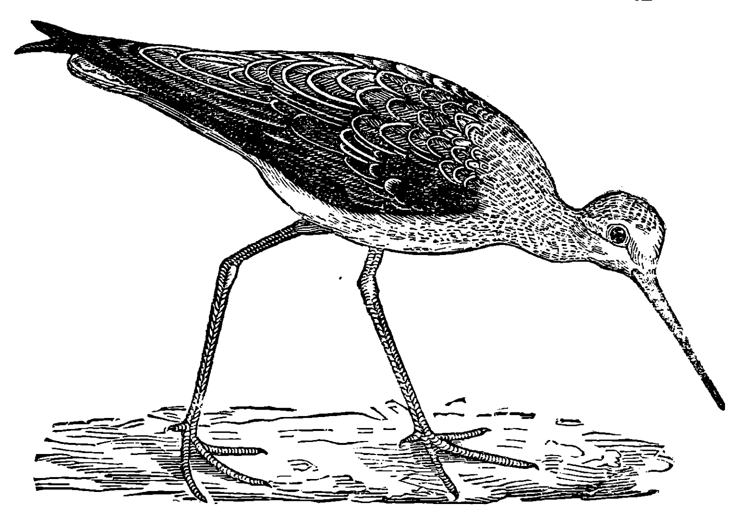
---

[1] Один охотник сказывал мне, что стрелял молодых бекасов 4 июня; но это исключительная редкость.

своего летания около собаки или стрелка часто останавливаются неподвижно в воздухе, вытянув ноги и трясясь на одном месте. Мясо травников по большей части сухо, потому что они всегда худы, но не черство. С прилета и перед отлетом бывают они несколько сытее, но жирны никогда не бывают. Разумеется, охотники не слишком ими дорожат, но все более, чем поручейниками и другими куличками. Я не разделяю этого мнения, и для меня некоторые, самые мелкие куличьи породы всегда были дороже травников и других средних куличков.

9. ПОРУЧЕЙНИК

Хотя имя его очень ясно и определительно, но не совсем верно ему дано. Собственно по ручьям никакие кулики не живут, кроме зуйков, если не называть ручьями небольших речек, по берегам которых бывают иногда и поручейники. Поручейник и по наружности гораздо меньше травника, но телом несравненно его скуднее, хотя так же высок на ногах и такую же длинную имеет шею: весь он какой-то не мясистый, хлипкий, хилый. Цветом

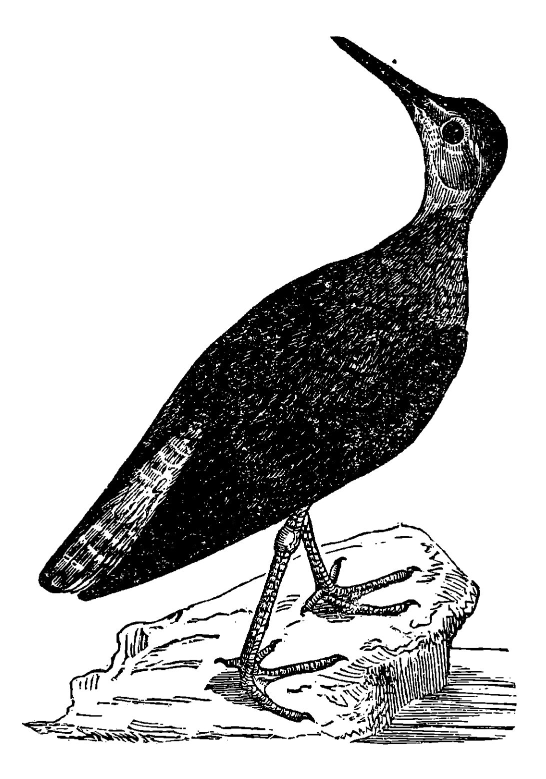

серо-пестрый, но гораздо светлее травника; брюшко и подхвостные перья у него белые, а ноги зеленоватого цвета. Прилетает также в половине апреля и пропадает в начале августа. В образе жизни и нравах совершенно сходен с травником, вместе с ним живет в болотах, только гораздо в меньшем числе, отличается такою же горячностью к детям и так же бросается на охотников с криком, чрезвычайно похожим на стон или хныканье, но охотники стреляют их неохотно; перебив прежде куликов болотных и травников, потом уже охотники удостоивают выстрелами поручейников, отчего они иногда менее истребляются. Яйца их поменьше травниковых и не так зелены, а отвечают цвету перьев самих поручейников, то есть серо-пестрые. Крик не звонкий и короткий. Поручейник всегда худ, даже с прилета и перед отлетом, и потому мясо его всегда довольно сухо, но не черство и не грубо. Из всех средних куличков считается самым последним. Станичками поручейников я никогда не видал.

10. ЧЕРНЫШ

Черныш, или *черный куличок,* — имена совершенно местные; они в употреблении только между оренбургскими охотниками. Я не мог добиться, как зовут этого куличка в других губерниях. Народ смешивает его с другими породами мелких куличков и всех их называет *зуями,* или *зуйками.* Впрочем, черныш принадлежит к числу не мелких, а средних куличков; телом он будет даже помясистее поручейника, но пониже его на ногах. Это куличок очень живой, складный, круглый и проворный. Начиная с зоба и до хвостика брюшко у него яркобелое, шейка серо-пестрая, спина до хвоста темного цвета с мелкими беленькими крапинками, крылья еще темнее, и крайние их половинки уже без крапинок, которые, впрочем, не заметны издали, и куличок кажется почти черным, когда летит мимо или бежит по берегу. Перья в хвосте очень белы, но на концах их есть темные пятнышки, что вместе составляет как будто полоску или кайму; носик черный, и такого же цвета глаза, а ножки зеленоватые. Хотя все кулики и кулички без исключения

бегают очень проворно, но черныш бегун самый бойкий, кроме *зуйка*, или *перевозчика;* при взлете с места и в продолжение быстрого своего полета он издает звонкий и приятный крик, похожий на слоги *тиллй, тиллй*. Он не так смирен, как другие, или, может быть, так кажется оттого, что не стоит на одном месте, а все

бежит вперед, летает очень быстро, и убить его в лет, *в угон* или *в долки* довольно трудно, а гораздо легче срезать его *вполерек*, когда он случайно налетит на охотника, ибо, повторяю, полет его быстрее полета всех других куличков, после бекаса. Довольно часто случается бить его в бег. Весной он прилетает в одно время с другими средними куличками, даже несколько ранее.

Черныши появляются всегда парами или в одиночку, но стайками я никогда их не видал. Когда вся птица садится на гнезда, они не пропадают, а только уменьшаются в числе, так что в продолжение всего лета их изредка встречаешь, из чего должно заключить что-нибудь одно: или самцы не сидят на гнездах и не разделяют с самкою попечения о детях, или чернышей всегда много остается холостых. Где выводят они детей — не знаю[1]; но в июле появляются с выводками молодых: доказательство, что вьют гнезда где-нибудь недалеко. С прилета и перед отлетом бывают они довольно сыты, но жирных мне никогда убивать не случалось. По берегам озер, прудов рек и речек шатаются они иногда до исхода августа. Разумеется, в это время бывают жирнее и гораздо вкуснее; впрочем, мясо черныша всегда недурно.

11. ФИФИ

Небольшой, пестрый, каштаново-серенький куличок, названный охотниками таким именем именно потому, что крик его похож на повторение слога *фи, фи*. Это название также местное, заимствованное мною от петербургских охотников. Он издали похож на поручейника, но как-то зеленовато-сер, на ногах несколько его пониже и вообще поменьше, только складнее и подбористее. Впрочем, светлозеленые ноги фифи слишком длинны относительно величины тела, хотя это его не безобразит; брюшко, также нижняя сторона шеи под горлышком очень белы; он весь пестрый, серо-каштановый и в то же время зеленоватый; глаза маленькие, черные, и такого же цвета нос, длиною с лишком с полвершка; хвост маленький, состоящий из белых перышек с темными поперечными, косыми полосками в виде елки; подбой крыльев дымчатый. Появляется в Оренбургской губернии только весною в исходе апреля и к осени в августе месяце, в половине которого и пропадает. Фифи всегда оказываются стайками, которые перед отлетом бывают

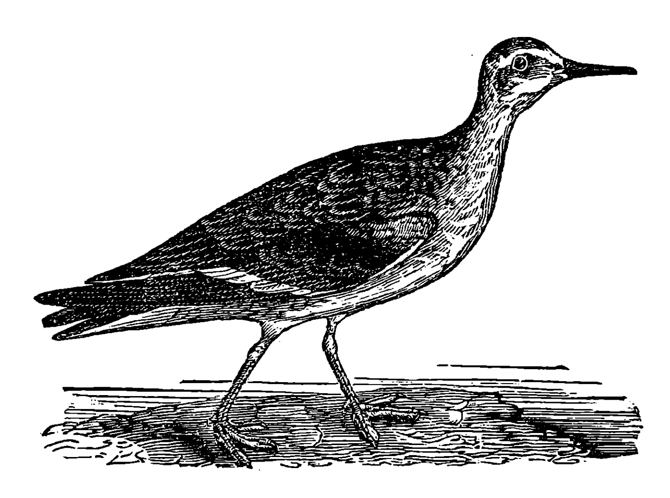
---

[1] Тот же охотник сказывал мне, что черные кулички выводят детей в больших лесах по небольшим болотцам.

довольно многочисленны. Это куличок совершенно пролетный в Оренбургской губернии. Любит держаться по отлогим, грязным берегам прудов и озер, особенно по иловатым и тинистым местам, с которых по какому-нибудь случаю сбыла вода, или по лугам, слегка затопленным водою. Никто из охотников не нахаживал его гнезд, но все знают, что в осенний пролет (то есть в августе) фифи появляются несравненно в большем числе; очевидно, что они возвращаются с молодыми. Их можно убивать иногда по нескольку вдруг. Мясо их нежно и вкусно, хотя никогда не бывает очень жирно; впрочем, они так рано пропадают, что им некогда разжиреть.

12. ПОПЛАВОК

Этот куличок принадлежит уже к разряду мелких куличков. Хотя он на ногах не ниже черныша и шея у него не короче, чем у этой птицы, но телом он гораздо меньше. Имя вполне выражает особенность его характера: между тремя передними пальцами своих ног он имеет тонкую перепонку и плавает по воде, как утка, даже ныряет. Можно бы предположить, что он владеет способностью ловить мелкую рыбешку, но поплавки никогда не пахнут ею, и, при всех моих анатомических наблюдениях, я никогда не находил в их зобах признаков питания рыбой. Поплавок довольно складен, пропорционален в своих частях и красив; ножки у него светлобланжевого цвета, брюшко и нижняя часть шеи белесоватые; прочие перья голубовато-сизые; маковка головы темная, и под глазами имеет он по темноватому же пятну. В Оренбургском крае он также куличок пролетный и нигде, сколько мне известно, детей не выводит. Весною я встречал поплавков очень не рано и всегда небольшими стайками. В августе они вторично показываются, как будто возвращаются назад, но также в небольшом числе, почему и не могу утвердительно сказать: с молодыми ли пролетают они в августе, или это стайки холостые. Первое предположение, мне кажется, должно быть вероятнее. Впрочем, в Оренбургской губернии вообще их очень мало, но я слыхал, что в губерниях более

южных видят их большими стаями. Перепонки между пальцами не мешают поплавкам очень проворно бегать по берегам прудов; плаванье же их не похоже на спокойное плаванье уток: оно как-то порывисто и торопливо. На воде они держатся друг от друга не в далеком расстоянии, и потому мне случалось убивать поплавков одним зарядом по три и по четыре штуки. Мясо их сочно и вкусно, хотя никогда не бывает жирно.

Говоря о средних и мелких куличках, я не упоминал о том, какую дробь надо употреблять для их стрельбы, и потому скажу единожды навсегда, что при расстоянии близком всего лучше бекасиная дробь нумер 9-й, для самых мелких куличков — нумер 10-й; на расстоянии дальнем я предпочитаю 8-й нумер. Впрочем, средние и мелкие кулички к ружью не крепки, что нужно принимать к соображению.

13. ЧЕРНОЗОБИК, ИЛИ КРАСНОЗОБИК

Вероятно, эти имена даны ему по черновато- или красновато-пестрому зобу. Чернозобики бесчисленными стаями покрывают берега и острова Финского залива в продолжение двухнедельного весеннего пролета птицы; эти имена даны этому куличку там, а в Оренбургскую

губернию завезены охотниками, стрелявшими около Петербурга. Туземные стрелки называют их общим именем: серыми куличками. Чернозобик — куличок средней величины, круглый, мясистый и скла́дный; ноги и шея его не так длинны; нос прямой и короткий; он весь испещрен темно-желтоватыми пятнами, похожими на пестрины дрозда-рябинника. На зобу перья или черные, или глинистые. Чернозобики в Оренбургской губернии бывают только пролетом весною, с половины до конца апреля; в продолжение же лета и даже осенью я никогда чернозобиков не встречал, но слыхал, что в Пензенской губернии появляются они на короткое время а августе; разумеется, это обратный пролет; может быть, то же бывает в других уездах и Оренбургской губернии. Весною чернозобики всегда появляются довольно большими стайками, рассыпаясь по берегам прудов, озер и заливов. Они довольно смирны. Мне случалось убивать их одним зарядом штук по восьми. Они бывают очень сыты всегда; мясо их вкусно и сочно. Вообще чернозобик весьма красивый и приятный куличок; издали похож на среднего болотного курахтанчика, хотя гораздо его меньше. Появляясь только один раз в год и то на короткое время, чернозобики всегда возбуждали во мне горячее преследование. Я помню года, в которые они совсем не появлялись, и я тщетно отыскивал их на обыкновенных любимых ими местах в целом околотке.

Я слышал, что около Петербурга чернозобики летят весной в баснословном множестве (как и болотные кулики) и что один известный охотник убил одним зарядом восемьдесят пять куличков. Хотя мне сказывали это люди самые достоверные, но, признаюсь, не умею себе представить возможности убить одним зарядом такое множество чернозобиков. В Оренбургской губернии многие охотники их совсем не знают.

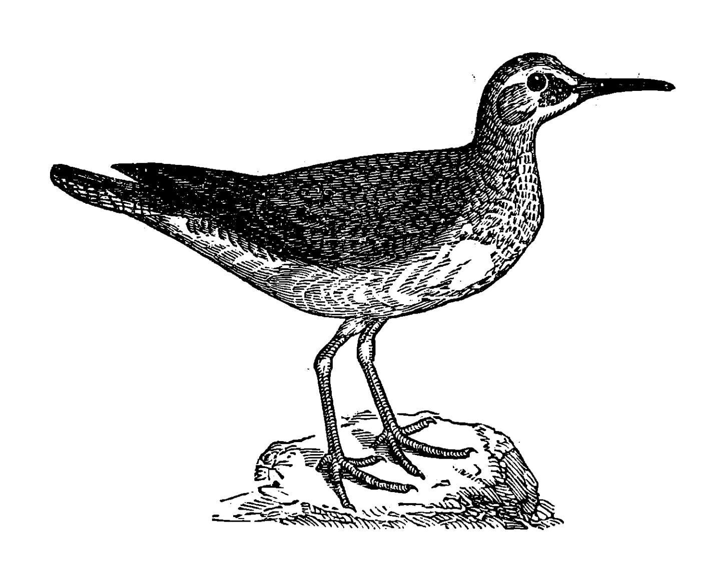
14. МОРСКОЙ КУЛИЧОК

Этот куличок еще реже попадается и еще менее известен в Оренбургской губернии. Мне самому иногда случалось не встречать его по нескольку лет сряду. Имя

морского куличка существует только между охотниками высшего разряда: простые стрелки и народ его не знают. Я думаю, что это имя также занесено теми охотниками, которые стреливали этих куличков по морским берегам, где они бывают во время весеннего пролета в невероятном множестве. Морской куличок гораздо менее чернозобика и на ногах невысок, но все остается куличком круглым и складным. Он не имеет особенных пятен на зобу, весь покрыт бледнокоричневыми мелкими пестринками и похож издали на маленького курахтанчика. Он имеет замечательную особенность: носик его довольно длинный относительно тела, загнут кверху и с половины до конца как будто несколько расплюснут; цвет его светлороговой, а расплюснутая часть — белесовата. Морской куличок отличается также и особенностью своего свиста или писка, который передать трудно; появляется на самое короткое время в исходе апреля небольшими станичками, иногда вместе с мелкими курахтанчиками или чернозобиками, по берегам прудов, речных разливов и луж. Мясо его сочно и вкусно. Питается обыкновенным куличьим кормом.

15. ЗУЕК, ИЛИ ПЕРЕВОЗЧИК

Это самый маленький куличок (кроме куличка «воробья»). Объемом тела он немного больше обыкновенного воробья, но на вид кажется крупнее его; все части в нем пропорциональны, и он очень строен во всех своих куличьих статях; спина, верхняя сторона крыльев, хвостик, шейка и головка серовато-коричневого цвета, с разными неопределенными крапинками или узорами, перышки же на брюшке, под хвостиком и крыльями яркобелые. Глаза темные, нос и ноги светлорогового цвета. Стоя на одном месте, он беспрестанно поднимает и опускает хвост. Зуйком, вероятно, назвал его народ по юркости и проворству, а может быть, и по крику, с которым он всегда летает над водою и который похож, если хотите, на учащенное произношение слова *зуй-зуй-зуй*. Имя же перевозчика дано ему охотниками вследствие того, что он очень часто перелетает с одного берега на другой — речки, реки, пруда или озера. Если

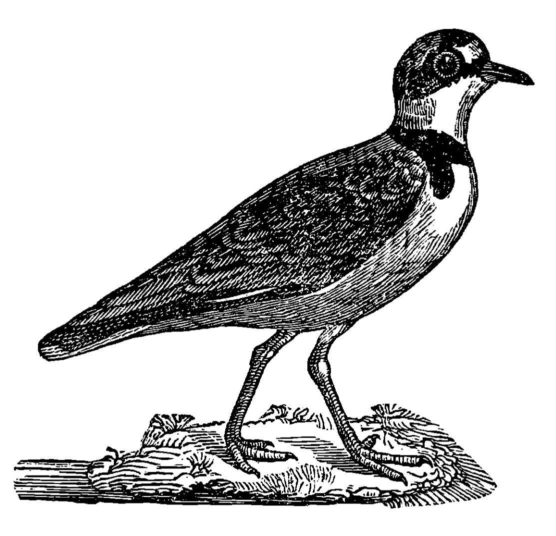
двое охотников идут по обоим берегам и своим приближением спугивают зуйка, то он будет повторять этот маневр, то есть перелет с одного берега на другой, противоположный, всегда с обычным криком, пожалуй сто раз сряду, точно переправляется или перевозится с одной стороны на другую. Впрочем, он и плавает очень хорошо, даже ныряет довольно далеко, когда бывает ранен в крыло, хотя пальцы его ног без перепонок. Зуек прилетает ранее всех куличков; всегда появляется парами. Он самый неутомимый бегун и, завидя приближающегося охотника, пускается так проворно бежать, что его не догонишь; вьет гнездо не в болотах, а на берегах речек и рек, на местах совершенно сухих и даже высоких. Самец помогает самке сидеть на яйцах, которых всегда бывает четыре, и вместе с ней не отлучается от детей, когда выведутся молодые. Яички у них маленькие, но побольше воробьиных, очень красивые, зеленовато-пестрого цвета. От яиц и от детей они не вьются, как другие кулички, над охотником и собакою, потому что высоко не летают, а всегда как будто стелются над водой или землею. Тем не менее, однако, они, хотя и низко, летают кругом охотника или собаки с обыкновенным своим криком, а всего чаще садятся на какую-нибудь

плаху или колышек, торчащие из воды, или на берег у самой воды и бегают беспрестанно взад и вперед, испуская особенный писк, протяжный и звонкий, который никогда не услышишь от летающего зуйка, а всегда от бегающего, и то в те мгновения, когда он останавливается. Как скоро дети подрастут, то старые держатся с ними по берегам речек, особенно около земляных и песчаных отмелей и кос. Мне часто случалось видеть из-за крутого берега всю выводку с отцом и матерью, бегающую по песку. При первой опасности молодые прячутся куда случится, а старики начнут летать и бегать взад и вперед, стараясь отманить охотника в противоположную сторону; но должно сказать правду, что горячность старых зуйков к детям не простирается так далеко, как у куликов болотных, травников и поручейников. Потом, когда молодые совершенно вырастут и начнут свободно летать, что бывает около половины июля, они перемещаются на открытые берега прудов и в августе пропадают. Я никогда не видывал стаи зуйков; даже выводки молодых скоро разбиваются врозь, но другие охотники встречали их станичками. Хотя этот куличок, по своей малости и неудобству стрельбы, решительно не обращает на себя внимания охотников, но я всегда любил гоняться за зуйками и стрелять их в лет или в бег; ходя по высокому берегу реки, под которым они бегали, я мог, забегая вперед, появляться нечаянно и тем заставлять их взлетывать. Дробь я употреблял 10-го нумера. Полет зуйка весьма неровный, с порывами и особенный; он как будто то наддает быстро вперед, то приостанавливается. Вообще стрельба перевозчиков нелегкая и не изобильная, но, по мне, очень веселая: больше пяти пар зуйков в одно поле я никогда не убивал, и то походя за ними несколько часов. Мясо их очень нежно и вкусно, жаль только, что слишком его маловато. Всего лучше готовить их в паштете или соусе.

16. ПЕСОЧНИК, ИЛИ ПЕСЧАНИК

Отчего зовут его этим именем, отгадать нетрудно; но отчего зовут его песчаным корольком — догадаться мудрено. В строгом смысле песчаника куличком называть

не должно, ибо он не имеет длинных ног, шеи и длинного куличьего носа. Складом своим, особенно носом, он совершенно похож на пиголицу, или озимую курочку, о которой будет говорено в отделении полевой, или степной, дичи. Но песочник нигде больше не живет, как

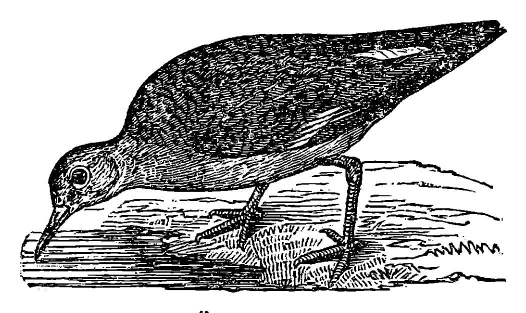
по песчаным берегам озер, прудов и предпочтительно по берегам больших и средних рек; около них, на голом песке, выводит своих детей и держится с молодыми до отлета; итак, мудрено его причислить к полевой дичи. Телом песчаник побольше воробья; на ногах не высок; он щекаст, голова у него, несоразмерно телу, велика и особенно кажется такою от торчащих прямо перышек, представляющих нечто вроде хохолка; брюшко у него беловато, грудь и голова темнокоричневые, а шейка белая, точно он повязан белым галстучком, отчего и называется многими охотниками *галстучником*. Вообще он скорее пегий, чем пестрый; около глаз имеет желтый ободочек, почему и зовут его также *желтоглазкой*. Прилетают песочники весною довольно поздно. Я сам не нахаживал их гнезд, но охотники уверяли меня, что песочники кладут свои яйца на голом песке, вырыв для того небольшую ямочку. Так же как и зуйки, песочники

летают низко и никогда не вьются над охотником от детей, а кружатся около него или перелетывают с места на место; всего чаще бегают кругом, стараясь отвесть в сторону собаку или человека. Они имеют свой особенный писк, тихий и как будто заунывный. Бывало, слышишь его где-то около себя, долго всматриваешься и насилу разглядишь песочника, стоящего на песчаном бугорке и беспрестанно делающего поклоны, то есть опускающего и поднимающего голову. Мясо его нежно и вкусно, но жирно никогда не бывает. Пропадает он довольно рано, в начале августа. Охотник редко удостоивает песчаников своим выстрелом, особенно потому, что в стайки они никогда не собираются, а стрелять в одного — не стоит тратить заряда.

Есть другой род песочников, вдвое крупнее и с черными большими глазами, без желтых около них ободочков; но я так мало их видел, что ничего более сообщить не могу.

17. КУЛИЧОК-ВОРОБЕЙ

Это бесспорно самый крошечный куличок, и хотя называется воробьем по некоторому сходству с ним в

перьях и малости своей, но в сущности он меньше обыкновенного дворового воробья. При всей своей миниатюрности он имеет все стати куличка и так соразмерен в своих частях, перышки его, которыми он совершенно сходен (в уменьшенном виде) с осенним курахтанчиком, так красивы, что я не знаю птички его миловиднее.

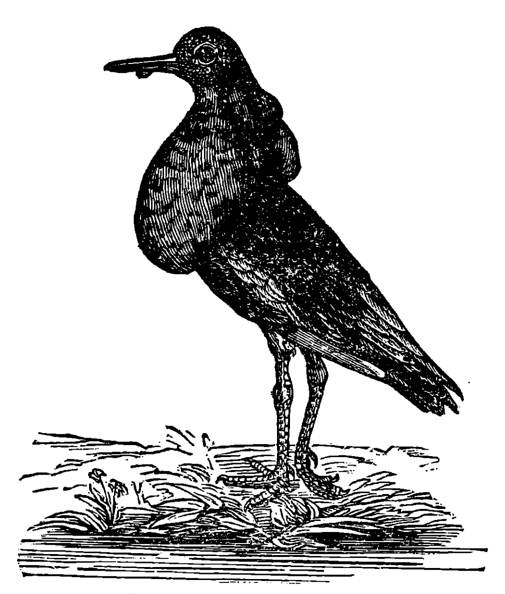
Я полагал прежде, что куличков-воробьев можно считать третьим, самым меньшим видом болотного курахтана (о котором сейчас буду говорить), основываясь на том, что они чрезвычайно похожи на осенних курахтанов пером и статями, и также на том, что к осени кулички-воробьи почти всегда смешиваются в одну стаю с курахтанами; но, несмотря на видимую основательность этих причин, я решительно не могу назвать кулички-воробья курахтанчиком третьего вида, потому что он не разделяет главной особенности болотных курахтанов, то есть самец кулички-воробья не имеет весною гривы и не переменяет своего пера осенью. По крайней мере я и никто из охотников ничего подобного не замечал. Кулички-воробьи прилетают довольно поздно, во второй половине апреля, и оказываются предпочтительно по голым, плоским, не заросшим травою грязным берегам прудов; впрочем, попадаются иногда по краям весенних луж. Они всегда появляются небольшими стайками и бегают довольно кучно, держатся весною не долее двух недель и потом пропадают до исхода июля или начала августа. Кулички-воробьи возвращаются к осени в большем числе, вероятно с выводками молодых, но где и как их выводят, ничего сказать не умею. В конце августа или в начале сентября они исчезают вместе с курахтанами. В Оренбургской губернии это, очевидно, кулички пролетные. Они очень смирны, и бить их не трудно; для стрелянья собственно куличков-воробьев надобно употреблять дробь самую мелкую, 10-го и даже 11-го нумера. С весны они всегда сыты, а перед отлетом жирны; мясо их отлично вкусно, но его уже чересчур мало; их употребляют для соусов и паштетов.

Я так всегда любил этих крошечных куличков, что мне даже жалко бывало их стрелять. Если мне случалось как-нибудь нечаянно подойти к их станичке близко, так, что они меня не видели и продолжали беззаботно бегать, доставать из грязи корм, а иногда отдыхать, стоя на одном месте, то я подолгу любовался ими, даже не один раз уходил прочь, не выстрелив из ружья... Для горячего охотника это не безделица! Когда кулички-воробьи целою стаей перелетают с места на место, полетом резвым, но без всякого шума, то бывает слышен

слабый, короткий и хриповатый, но в то же время необыкновенно мелодический и приятный писк. Я пробовал легко пораненных в крылышко держать живых в большой клетке, дно которой состояло из грязи и небольшой водяной лужи; я изобильно бросал туда разных семян и насекомых, но успеха не было: кулички скоро умирали.

18. БОЛОТНЫЙ КУРАХТАН

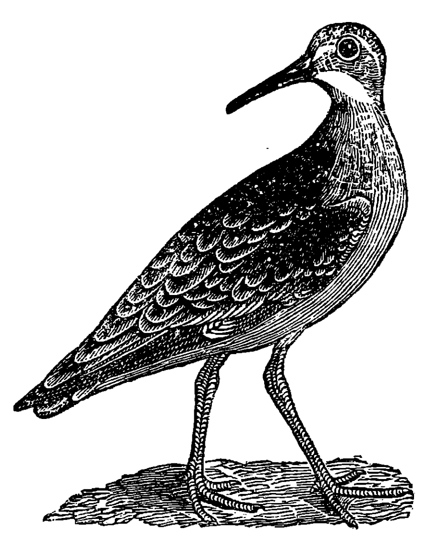
Имя *курахтан*, или курухтан, даже иногда турухтан, должно принадлежать птице, похожей своим наружным образованием на курицу. Полевые курахтаны имеют на это полное право, но есть и кулички, которых называют курахтанами (о них теперь идет речь), потому что при всем своем куличьем образовании самцы имеют на толстокожих шейках своих длинные перья, которые, весной поднимаются и висят или почти торчат, как гривы. Одним словом, в то время они бывают похожи на обыкновенных петухов. Я счел за лучшее разделить курахтанов на две породы: болотную и полевую, ибо они между собою никогда не смешиваются и держатся совершенно в различных местах. Болотный курахтан подразделяется на два вида, различающиеся между собою только величиною: большой курахтан вдвое больше малого; он телом будет почти с молодого голубя. Длинные ноги светлобланжевого цвета у петушков и бледно-зеленоватого у курочек, длинная шея и нос, который, впрочем, не так длинен, как у других куликов, обличают в них настоящую куличью породу. Курахтаны весьма стройны и красивы: большой очень похож величиной и стройностью на речного кулика, а малый похож на него только одною статностью, но величиной гораздо меньше. Самцы курахтаны обоих видов прилетают весною в половине апреля, испещренные разными яркими цветами в виде крупных пятен, или пежин, с большими гривами и едва заметными маленькими хохолками. Курахтаны имеют особенность, которой не разделяют *ни с одною* породой птиц: их весенние петушки *по большей части* бывают *не похожи* друг на друга ни цветом перьев, ни фигурою пестрин. Вот точное описание с натуры петушка курах-

Самец в весеннем пере.

тана; хотя описываемый далеко не так красив, как другие, но зато довольно редок по белизне своей гривы: нос длиною в полвершка, обыкновенного рогового цвета; глаза небольшие, темные; головка желтовато-серо-пестрая; с самого затылка начинается уже грива из белых, длинных и довольно твердых в основании перьев, которые лежат по бокам и по всей нижней части шеи до самой хлупи; на верхней же стороне шеи, отступя пальца на два от головы, уже идут обыкновенные, серенькие, коротенькие перья; вся хлупь по светло-желтоватому полю покрыта черными крупными пятнами и крапинами; спина серая с темнокоричневыми продольными пестринами, крылья сверху темные, а подбой их белый по краям и пепельный под плечными суставами; в коротеньком хвосте перышки разных цветов: белые с пятнышками, серые и светлокоричневые; ножки светлобланжевые.

Недели через три после своего появления огромными стаями курахтаны улетают вместе со всею пролетною

Самка болотного курахтана.

птицей, и к осени, то есть в августе, петушки возвращаются пепельно-серыми, пестрыми куличками без грив и хохолков, почти совершенно сходными с своими самками, которые и весной и осенью сохраняют один и тот же вид и цвет, постоянно имея хлупь и брюшко белые. Это изменение самцов составляет их особенность, не сходную с выцветанием селезней, о чем я стану говорить в своем месте. Впрочем, курахтаны и в осеннем виде своем остаются стройными, плотными, красивыми куличками, хотя не отличаются разноцветностью перьев. Весною они появляются большими и даже огромными стаями по краям болотных луж, по берегам озер, разлившихся рек и прудов, отдаленных от жилья. Весело бывало смотреть на них, проворно бегающих по начинающим зеленеть лужайкам, сверкающих на солнце яркостью своих перьев с их разноцветными золотистыми отливами. Точно широкая радуга легла на землю и бежит по ней, волнуясь и изгибаясь. В это время надобно стрелять их с подъезда. Несмотря на то, что они не дики и не сторожки, много их не убьешь, потому что они не стоят на одном месте, а все рассыпаются врозь и бегут, не останавли-

ваясь, как ручьи воды, по всем направлениям. Видя перед собой целые сотни этих красивых птичек, не захочешь от жадности стрелять по одному курахтану, а вместе они сбегаются редко, и поэтому часто пропускаешь удобное время. Разумеется, всегда предпочитаешь петушка с гривой. Мне случалось, однако, убивать их по десятку одним зарядом, но только в лет, когда вся стая как-нибудь нечаянно на меня налетала и свертывалась в плотную кучу. Курахтаны большие и малые всегда смешиваются в одну станицу и с весны и осенью. В Оренбургской губернии они гостят с прилета недолго, около трех недель. Куда они пропадают и где выводят детей — сказать не могу. Три раза в моей жизни случилось мне убить в разных обыкновенных болотах трех самок курахтанов меньшего вида, которые, видимо, вились от яиц или детей, но гнезд их я нигде никогда не нахаживал. Эти случаи, противоречащие общим их нравам, остались для меня неразрешенною загадкою. Вот еще другая странность: в начале августа нахаживал я изредка, всегда в выкошенных, вытолоченных или мелкотравных болотах, малого и большого рода курахтанов, которые прятались в траве в одиночку и, выдержав стойку, поднимались из-под собаки, как дупели: они пропадали очень скоро. Как и откуда они залетали на короткое время в болото—также вопрос для меня неразрешенный, но многие охотники замечали такое странное появление курахтанов. Потом, уже обыкновенным порядком пролетных птиц, появлялись с выводками молодых всегда *немногочисленные* стаи больших и малых курахтанов по берегам прудов и речным отмелям: обстоятельство очень странное, противоречащее возвращению к осени других пролетных куликов, всегда появляющихся гораздо в большем количестве, чем в пролет с весны. Осенью у самца шея толще, а грудь темнее и пестрее, почему и нетрудно отличить его от самки; притом петушок всегда крупнее. Осеннее пребывание курахтанов продолжается более месяца, и пред самым отлетом они бывают очень жирны, да и весной они жирнее других пролетных птиц.

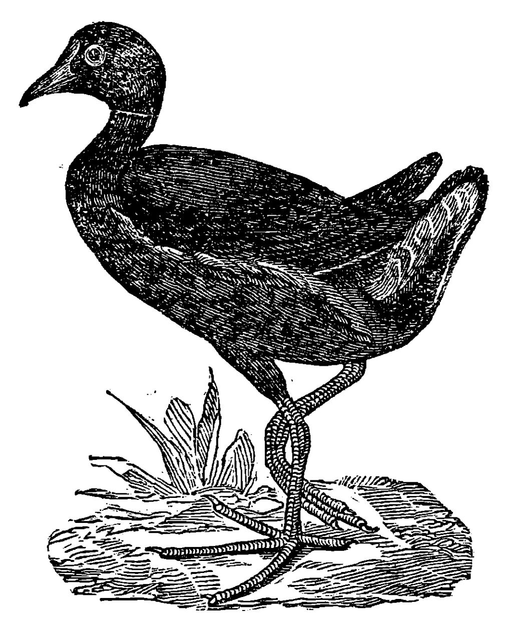
Я всегда имел особенное, так сказать, пристрастие к курахтанам, не только к весеннему красивому петушку, но и к осенним, сереньким куличкам; я преследовал их

сколько мог. Мясо их всегда очень сочно и вкусно, в осенний же пролет — превосходно. Притом надобно признаться, что красивая, бесконечно разнообразная, всегда неправильная пестрота перьев весенних петушков, с их чудными гривами, блестящими на солнце золотистым глянцем всех цветов: желтого, красноватого, вишневого и всего чаще зеленого, также привлекали мое внимание и даже возбуждали любопытство, не попадется ли курахтан, еще не виданный мною? Нередко любопытство мое удовлетворялось положительно.

Вот все породы куликов, мне известных, кроме кроншнепов и вальдшнепов, которые займут свои почетные места в отделах степной и лесной дичи. Один раз в моей жизни видел я в Оренбургской губернии пару куликов величиною с болотного кулика, похожих на него и статями, но почти белых пером. Другой молодой охотник, мой товарищ, выстрелил в них, но к сожалению, не убил. Была ли это особая куличья порода, или это были выродки из породы болотных куликов, называемые в народе *князьками* — утвердительно сказать не могу. В другой раз случилось мне застрелить среднего куличка, похожего статью на черныша; он был весь белый, ножки имел бледно-зеленоватого цвета, а носик загнутый не книзу, а кверху, как у морского куличка. Последнее обстоятельство уже показывает особенность породы, ибо слишком невероятно будет предположение, чтоб редкая уродливость в цвете перьев соединялась с редкою случайною уродливостью носа в одном и том же куличке. Что касается до выродков, или князьков, то этим последним именем называют всегда птицу, которая вместо своего обыкновенного цвета имеет перья белые. Так, например, бывают белые или глинистые галки, вороны, скворцы, воробьи и тетерева, даже вальдшнепы и гаршнепы; но из последних двух пород я князьков не видывал. Вероятно, есть такие выродки между всеми породами птиц; из поименованных же выше мною первых пяти пород я некоторых не только видел, но и бивал.

19. БОЛОТНАЯ КУРИЦА

Ее называют курицей, а не курочкой в отличие от *болотного коростелька,* или *погоныша,* которого также иногда зовут *болотною курочкой.* — Болотная курица величиной будет с молодого русского голубя. Она вполне заслуживает название курицы, потому что всем своим складом совершенно на нее похожа, особенно носом; цветом она вся темнозеленая, с весьма красивыми сизоватыми оттенками, испещрена мелкими белыми крапинками, особенно по нижней части шеи, по зобу и брюшку;

спина и вообще верх гораздо темнее, а низ светлее. Петушок ее красив необыкновенно; будучи совершенно сходен со своею курицей перьями, он имеет, сверх того, на голове мясистый гребешок яркого пунцового цвета и такого же цвета перевязки шириною в палец на ногах у самого коленного сгиба; остальная часть ног зеленоватая. Этот гребешок и перевязки бывают видны только вес-

ною: к осени нельзя отличить самца от самки. У одного известного охотника (Н. Т. Аксакова) жила два года пара болотных кур в нарочно устроенной для того комнате с болотным полом. Кормили их мухами, червячками и тараканами. Петушок терял осенью свой гребешок и перевязки. Впрочем, и курочка без гребня и перевязок, без всякой разноцветности перьев, очень хороша и миловидна. Прекрасная эта птица водится весьма в небольшом количестве в самых топких болотах, предпочтительно около болотных луж, озерков и озер, обросших камышом, аиром и осокой и покрытых в летнее время густою шмарою, или водяным цветом. Болотные куры любят бегать по этому зеленому ковру, когда он загустеет; бегают так легко и проворно, что оставляют только узоры следов на мягкой его поверхности, по водяным же лопухам они скользят, как по паркету. Впрочем, очень хорошо умеют и плавать, хотя не имеют перепонок между пальцами. Если шмара очень жидка, то болотная курица преспокойно плавает в ней, беспрестанно шевыряя своим носиком и глотая водяных насекомых, всегда гнездящихся в гниющем водяном цвете, который также она кушает охотно, пока он еще молод и зелен. С необыкновенным проворством шныряет она между густыми камышами, растущими иногда в воде глубиною на четверть и больше. — Когда и как прилетают болотные куры — решительно ничего не знаю и даже сомневаюсь, судя по их тихому, низкому и трудному полету, чтоб они могли выдержать дальнее путешествие. Болотные куры весною оказываются очень поздно, когда болота и заливы прудов уже обрастут густою зеленью трав. Точно так же ничего положительно не знаю, как, когда и где выводят они детей. Вероятно, в обыкновенных, не дальних, но топких, неудобопроходимых и весьма крепких болотах, ибо хотя я никогда не находил их гнезд, но молодых видал, только не выводками, а в одиночку; к тому же во все продолжение лета мне случалось находить старых маток и даже иногда застреливать. Из этого я заключаю, что болотные куры не слишком удаляются для вывода детей от обыкновенных мест своего пребывания, как то делают некоторые породы куличков. Впоследствии времени заключение мое подтвердил мне тот же

достоверный охотник: у него в деревне, в Симбирской губернии, болотные куры водили детей несколько лет сряду около одних и тех же озерков, обросших вокруг камышом и поросших лопухами и водяными кувшинчиками.

Болотные куры — дорогая, завидная, редкая дичь! Добывать их очень трудно: они почти всегда держатся в таких местах, где ни охотнику ходить, ни собаке отыскивать дичь невозможно; собаке приходится не только вязнуть по горло, но даже плавать. Если случится застать болотную курицу на месте проходимом, то она сейчас уйдет в непроходимое; застрелить ее, как дупеля или коростеля из-под собаки, — величайшая редкость; скорее можно убить, увидев случайно, когда она выплывет из камыша или осоки, чтоб перебраться на другую сторону болотного озерка, прудового матерека или залива, к чему иногда можно ее принудить посредством собаки, а самому с ружьем подстеречь на переправе. Но для этого надобно знать, что болотная курица именно тут скрывается. — Ничего не могу сказать положительного об ее голосе. Мне случилось однажды, сидя в камыше на лодке с удочкой, услышать свист, похожий на отрывистый свист или крик погоныша, только не чистый, а сиповатый; вскоре за тем выплыла из осоки болотная курица, и я подумал, что этот сиповатый крик принадлежит ей; потом, чрез несколько лет, я услышал точно такой же сиповатый свист в камыше отдельного озерка; я послал туда собаку, наверное ожидая болотной курицы, но собака выгнала мне погоныша, которого я и убил. Это обстоятельство навело на меня сомнение: может быть, и прежде я слышал свист погоныша, а болотная курица, находившаяся на ту пору в той же самой осоке (ибо ничто не мешает им жить вместе), случайно выплыла мне на глаза. Болотные куры к осени делаются чрезвычайно жирны и вкусны. Впрочем, и всегда они бывают довольно сыты, а мясо их мягко и сочно; пропадают они в первой половине сентября; по крайней мере позднее этого времени я их не нахаживал.

Во всю мою жизнь я убил не более десяти болотных кур и то единственно потому, что отыскивал их весьма прилежно. Многие охотники не только не бивали — не видывали их! Из числа десятка убитых мною три были

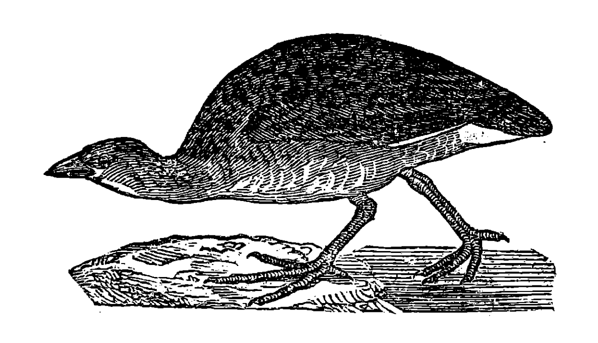
застрелены плавающие, две — бегающие по густой шмаре и одна — стоявшая на деревянной плахе, которая лежала в болотной воде; четыре убиты в лет из-под собаки, и в том числе две необыкновенным образом. В исходе мая я возвращался с охоты домой; идучи по берегу пруда и не находя птицы, по которой мог бы разрядить ружье,— а ствол его надобно было вымыть, — я хотел уже выстрелить на воздух. Вдруг от собаки, прыгавшей по воде около берега по мелкому камышу и осоке, из отдельного куста камыша, очень не близко, поднялись какие-то две птицы; между ними находилось расстояние не менее сажени; ружье было заряжено мелкою утиною дробью. Я подумал, что это поднялись два чирка, и выстрелил в одного из них наудачу. Ружье сильно потянуло, следовательно выстрел не мог быть верен; но обе птицы упали [1]; собака бросилась и вынесла мне болотную курицу. Обрадованный, я послал ее за другою, и она принесла мне петушка болотной курицы с гребнем и перевязками. Конечно, только охотник, принявший в соображение дальность меры, расстояние между летевшими птицами, несоразмерную с их величиною крупноту дроби, неверность выстрела, невероятно счастливый разнос дроби и редкость добычи, — может вообразить мою тогдашнюю безумную радость. Желаю каждому страстному охотнику, возвращаясь домой, так удачно разрядить свое ружье!

20. БОЛОТНЫЙ КОРОСТЕЛЬ, ИЛИ КОРОСТЕЛЕК

Его называют также *погонышем* и *пастухом*. Оба названия весьма удачны: чистый, отрывистый, короткий и частый его свист очень похож на посвистывание *пастуха, погоняющего* стадо. Погоныш во всем совершенно сходен с болотною курицей, или, правильнее сказать: он есть не

---

[1] К удивлению моему, это случалось со мной несколько раз, равно как и с другими охотниками. Ружье потянуло: значит, порох в затравке отсырел, зашипел и выстрел последовал не скоро. Нет никакого сомнения, что дуло ружья потеряет цель и по большей части обнизит. Как же тут убить птицу, в которую целил охотник, да еще летящую? — Все подобные случаи доказывают только, как широко раскидывается заряд.

что иное, как уменьшенная втрое или вчетверо болотная курица, но самец болотного коростелька не имеет пунцового гребешка на голове и перевязок на ногах, отчего и трудно различить петушка от курочки. По миниатюрности своей погоныш кажется еще стройнее, пропорциональнее и миловиднее болотной курочки. Имя болотного коростеля дано ему недаром: он точно так же скоро и часто подсвистывает, как обыкновенный луговой коростель покрикивает или подергивает хриплым своим голосом. Хотя погоныши живут и выводят детей также в болотах, довольно топких, где особенно любят держаться в осоке и камыше, по краям болотных луж, озерков и заливов в верховьях прудов, но обыкновенные места их пребывания гораздо доступнее охотнику и собаке, чем места жительства болотных кур. Погоныша нередко найдешь в болоте обыкновенном. Только в позднюю осень позволяет он собаке делать над собой стойку, вероятно оттого, что бывает необычайно жирен и утомляется от скорого и многого беганья, во всякое же другое время он, так же как болотная курица и луговой коростель, бежит, не останавливаясь, и нередко уходит в такие места, что собака отыскать и поднять его не может. При сем должно заметить, что все эти три породы дичи, то есть болотные куры, погоныши и особенно коростели луговые, чрезвычайно портят *поиск* легавых собак, ибо дух от них очень силен; собака горячится и, видя, что птица после каждой стойки все уходит дальше, бросается догонять ее, теряет след, сбивается и получает самые дурные привычки.

Я никогда не нахаживал погоныша с детьми, но один раз моя собака поймала его, сидящего на гнезде, и нисколько не измяла. Он даже жил у меня недели две. Видя, что он мало ест и худеет, я выпустил его опять в то же болото. В гнезде находилось шестнадцать яичек, каждое величиною в полтора воробьиного яйца, неопределенного и в то же время прекрасного зеленоватого цвета, с самыми крошечными палевыми крапинками. Если бы я не сам взял этого погоныша на гнезде, изо рта собаки, то никогда бы не поверил, чтобы такая маленькая и узенькая птичка могла нести такое количество яичек и имела бы возможность их высиживать. Яички лежали в один ряд, как всегда бывает и иначе быть не может; они никак не могли умещаться все под узкою хлупью, или брюшком, наседки и как будто стенкою окружали ее бока, хвостик и зоб. Я и теперь не понимаю, как могла сообщиться им та степень теплоты, без которой яйцо не может окончательно быть высижено, а между тем все яички погоныша были уже довольно насижены. Болотный коростелек, как и болотная курица, питается разными насекомыми, шмарою, или водяным цветом, и семенами трав; так же тихо, низко, прямо и трудно летит, и так же иногда очень далеко пересаживается; так же, или еще более, весь заплывает жиром во время осени, но остается позднее и пропадает в конце сентября, когда морозы начнутся посильнее. Крестьяне, окашивая осоку около прудовых заливов или болотных озерков, нередко подсекают косами молодых погонышей и даже старых. — Я видел молодых, уже почти оперившихся, но и тогда находил на них остатки пуха совершенно темного цвета. Не подвержено сомнению, что они выводятся такими же черненькими цыплятами, как и луговые коростели. Погонышей вообще несравненно больше, чем болотных кур; посвистыванье их слышно во всех болотах, но доставать их тяжело и для многих скучно; мне случалось, однако, убивать их до тридцати штук в одно лето. Один раз, в 1815 году, 29 апреля, я убил погоныша не темнозеленого, а темнокофейного цвета: он был очень красив; к сожалению, листок, на котором он был описан подробно в моих записках, вырван и потерян и я не помню его особенностей. В записке убитой

дичи сказано: «Убил болотного коростелька особливого, неизвестного рода и вида», и сделана выноска на такую-то страницу, которой именно недостает. Без сомнения, это был выродок, ибо ни прежде, ни после я ничего подобного не видал [1].

Чистый и мелодический свист болотного коростелька вместе с токованьем бекаса и задорным криком полевого коростеля, живущего часто неподалеку от них в поемных лугах, придает такую жизнь весенней майской ночи, которую гораздо легче чувствовать, чем описать.

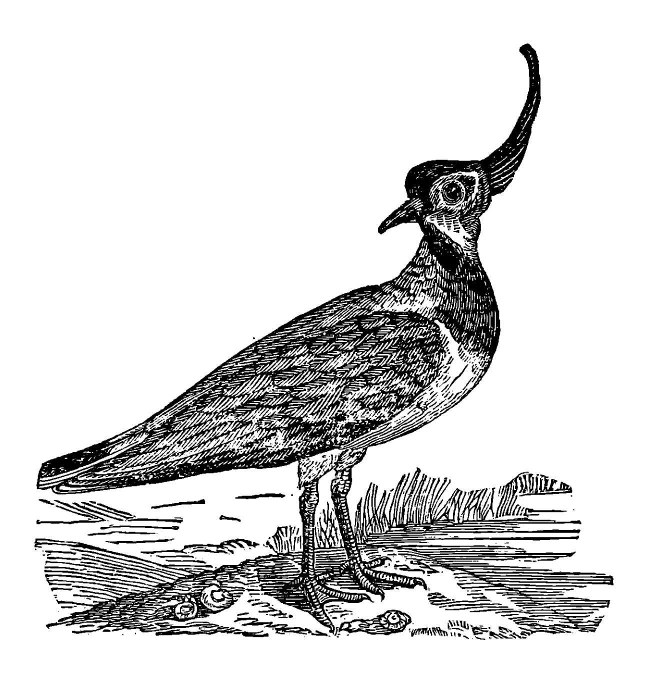
Болотная курица и погоныш, равно как и луговой коростель, имеют совершенно особенный свой полет, медленный, тяжелый и неуклюжий. Зад перетягивает все тело, и они точно идут по воздуху почти перпендикулярно или летят, как будто подстреленные.

21. ЧИБИС, ИЛИ ПИГОЛИЦА

Вот уже подлинно по пословице: последняя спица в колеснице, во всей болотной птице. А за что? По совести, не знаю: вкусом своего мяса пиголица никакого обыкновенного кулика не хуже, а пером красивее многих. Нельзя также сказать, чтобы и водилась она в чрезвычайном изобилии, но охотники смотрят на нее с презрением и, вероятно, за то, что она попадается везде и смирнее всякой другой дичи. — Пиголица составляет нечто среднее между куликом и полевым курахтаном; с последним она сходна величиною тела и станом; ноги и шея у ней довольно длинны, но далеко не так, как у настоящих куличьих пород; нос хотя не куриного устройства, но все вдвое короче, чем у кулика, равного с ней величиною: он не больше четверти вершка, темного цвета; длина пиголицы от носа до хвоста семь вершков. Пониже глаз, по обеим сторонам, находится по белой полоске, и между ними, под горлом, идет темная полоса; такого же цвета, с зеленоватым отливом, и зоб, брюхо

---

[1] Сказывали мне охотники, что есть погоныши, менее обыкновенных, пером почти глинистые, но мне такие никогда не попадались.

белое; ноги длиною три вершка, красно-свинцового цвета; головка и спина зеленоватые, с бронзово-золотистым отливом; крылья темнокоричневые, почти черные, с белым подбоем до половины; концы двух правильных перьев белые; хвост довольно длинный; конец его почти на вершок темнокоричневый, а к репице на вершок белый, прикрытый у самого тела несколькими пушистыми перьями рыжего цвета; и самец и самка имеют хохолки, состоящие из четырех темнозеленых перышек. Пиголица имеет особенные, кругловатые крылья и машет ими довольно редко, производя необыкновенный, глухой шум; летает, поворачиваясь с боку на бок, а иногда и в самом деле совсем перевертывается на воздухе: этот полет принадлежит исключительно пиголицам. Весною прилетают они очень рано и прежде всей дичи появляются на прудовых токах и на первых проталинах. Как в это время, бывало, обрадуешься пиголице и как стараешься застрелить первую прилетную весеннюю птицу, а тогда она бывает довольно сторожка! В Малороссии зовут ее

луговка, потому что она живет в сенокосных лугах [1]; имена же *чибиса* и *пиголицы*, вероятно, получила она от своего крика или писка, который, впрочем, придется к каждому слову и который, конечно, известен всем. Народ говорит, что пиголица кричит: «чьи вы, чьи вы?» — Весною чибисы появляются по большей части порознь или самыми небольшими станичками, около десятка, а осенью к отлету собираются в огромные станицы. По наступлении теплой погоды они разбиваются на пары и немедленно, ранее куликов, занимают всякого рода болота, потные места и поемные луга. По большей части они живут вместе с болотными куликами, травниками и поручейниками, но иногда живут одни. Они водятся во всех губерниях и даже около Москвы, тогда как о выводе болотных и некоторых других куликов там никто и не слыхивал. Пиголица вьет гнездо из прошлогодней травы, на кочке или на сухом возвышенном месте, кладет четыре яйца общей куличьей формы, цветом, величиною и пестринами весьма похожие на дупелиные яйца, только несколько потемнее. Самец и самка сидят попеременно на гнезде и потом вместе заботятся о молодых, которых, точно так же, как болотные кулики, довольно скоро уводят в луга и потом в хлебные поля. В июле они появляются отдельными выводками по берегам прудов, рек и нередко по скошенным лугам. В августе собираются большими стаями по большим рекам и озерам, а в начале сентября пропадают. Питаются совершенно одинаким кормом со всеми куличьими породами. Чибисы, или пиголицы, очень горячо привязаны к своим детям и не уступают в этом качестве и болотным куликам: так же бросаются навстречу опасности, так же отгоняют всякую недобрую птицу и так же смело вьются над охотником и собакою, но гибнут менее, чем другие кулики, потому что охотники мало их стреляют. Разве иногда, при неудачной охоте, возвращаясь домой с далеко неполным ягташем, захватишь дорогой пары две чибисов, чтобы счет был побольше, а ягташ пополнее. Впрочем, весною первые прилетные пиголицы бывают довольно сыты и вкусны, но потом, до самого отлета, худы, черствы и сухи (как и все

---

[1] Называют также и *чайкою*.

немаленькие кулики), сохраняя всегда приятный вкус дичины; мясо же молодых чибисов перед отлетом их, когда они начнут немного жиреть, бывает мягко, сочно и очень вкусно. Старых, очень жирных пиголиц редко удается застрелить, потому что они, собравшись в большие стаи к отлету, делаются довольно сторожки и сейчас сваливаются на большие реки, да и охотники за ними не гоняются; а именно в это-то время они и бывают жирны. Мне удалось один раз, уже довольно поздно для чибисов, кажется в половине сентября, вышибить крупною дробью одного чибиса из стаи, пролетевшей очень высоко надо мной, вероятно в дальний поход. Чибис был облит салом и так вкусен, что уступал в этом только бекасиной породе.

Я застрелил однажды пиголицу, кажется в августе, с белыми как снег крыльями. Она находилась в большой стае, и мне стоило немало хлопот, чтоб убить именно ее, — она была очень красива.

РАЗРЯД II

ВОДЯНАЯ, ИЛИ ВОДОПЛАВАЮЩАЯ, ДИЧЬ

ПРИСТУП К ОПИСАНИЮ ВОДЯНОЙ ДИЧИ

Водяная птица — ближайшая соседка птице болотной; выводит детей если не в болотах, то всегда в болотистых местах, и потому я немедленно перехожу к ней, хотя она в общем разряде дичи, по своему достоинству, должна бы занимать последнее место. Длинный овал челнообразного стана, устройство всех членов тела, обилие пуха и перьев, покрытых тонким лаком, не пропускающим мокроту, ясно указывают, что назначение этой породы птиц — не только временное плаванье по воде, но даже постоянное на ней пребывание. Походка их медленна, тяжела, неловка, некрасива: лебедь, гусь и утка, когда идут по земле, ступают бережно, скользя и переваливаясь с одной стороны на другую, а утки-рыбалки почти лишены способности ходить; зато вода — их стихия! На воде они дома! Без всякого видимого движения, без всякого усилия, плавно, тихо, спокойно рассекают они поверхность воды во всех направлениях и поворотах, незаметно передвигая в воде свои перепончатые лапы: тут они и ловки и красивы. — Человек все это подметил, перенял и, начав с челнока, дошел до современного корабля.

Теперь надобно взглянуть вообще на воды, о которых часто будет говориться в этом отделении.

ВОДЫ

Все хорошо в природе, но вода — красота всей природы. Вода жива; она бежит или волнуется ветром; она движется и дает жизнь и движение всему ее окружающему. Разнообразны явления вод, и непонятны законы этого разнообразия. Из вершины высокой, первозданной горы, сложенной из каменного дикого плитняка, бьет светлая, холодная струя, скачет вниз по уступам горы и, смотря по ее крутизне, образует или множество маленьких водопадов, или одно, много два большие падения воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится с плиты, то падает широким занавесом; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроет себе постоянное небольшое русло — и как все живо, зелено и весело вокруг него! Неизвестно, откуда возьмутся несвойственные горам травы, цветы, кусты и деревья, незабудки, дикий нарцисс, кукушкины слезки, тальник и березка. Нигде поблизости не растут они: но, видно, ветер везде разносит всякие семена, да только не везде они всходят и принимаются.

Иногда на таких горных родниках, падающих с значительной высоты, ставят оренбургские поселяне нехитрые мельницы-колотовки, как их называют, живописно прилепляя их к крутому утесу, как ласточка прилепляет гнездо к каменной стене. Весь небольшой поток захватывается желобом, или колодою, то есть выдолбленною половинкою толстого дерева, которую плотно упирают в бок горы; из колоды струя падает прямо на водяное колесо, и дело в шляпе: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни кауза... а колотовка постукивает да мелет себе помаленьку и день и ночь. Нет мелева — отодвигается колода в сторону, и поток снова летит вниз по крутизне горы, мгновенно собирая в один густой звук раздробленный шум своего падения. Мельничная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинном, неуклюжем срубе или кривых, неровных стойках. Все дрянно, плохо, косо, чуть липит. Нет признака искусной правильной руки человека, ничто не разноречит с природой, а напротив — дополняет ее... Но какие же паровые машины втягивают водяные жилы на горные высоты, тогда как

вода, по свойству своему, занимает самое низкое место на земной поверхности? Удовлетворительно не объясняет этого явления и современная наука. Иногда такой ключ бьет из средины горы, а всего чаще из ее подошвы. Но есть родники совсем другого рода, которые выбиваются из земли в самых низких, болотистых местах и образуют около себя ямки или бассейны с водой, большей или меньшей величины, смотря по местоположению: из них текут *ручьи*. Если бассейн глубок, то кипение видно только на дне: вода выкидывается из его отверстий, вынося с собою песок и мелкие земляные частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, они опускаются и устилают дно родника ровно и гладко. Но если бассейн мелок относительно силы ключа, то вся вода, с песком, землей и даже мелкими камушками, ворочается со дна доверху, кипит и клокочет, как котел на огне. И горные ключи и низменные болотные родники бегут ручейками: иные текут скрытно, потаенно, углубясь в землю, спрятавшись в траве и кустах; слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навес густой травы — пахнет в разгоревшееся лицо свежею сыростью, и, наконец, увидишь бегущую во мраке и прохладе струю чистой и холодной воды. Какая находка в жаркий летний день для усталого охотника! Иногда ручей бежит по открытому месту, по песку и мелкой гальке, извиваясь по ровному лугу или долочку. Он уже не так чист и прозрачен — ветер наносит пыль и всякий сор на его поверхность; не так и холоден — солнечные лучи прогревают сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей *поникает*, то есть уходит в землю, и, пробежав полверсты или версту, иногда гораздо более, появляется снова на поверхность, и струя его, процеженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и ненадолго, чистою и холодною.

Из многих таких ручейков составляются *речки*. Одна бежит по глубокому лесному оврагу, наливая попадающиеся на пути ямки и рытвины и образуя из них небольшие омуточки. Сломленные бурею и подмытые весеннею водою деревья местами преграждают ее течение, и, запруженная как будто плотиною, она разливается

маленьким прудом, прибывая до тех пор, пока найдет себе боковой выход или, перевысив толщину древесного ствола, начнет переливать чрез него излишнюю, беспрестанно накопляющуюся воду, легким шумом нарушая тишину лесной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, как говорят охотники, любят, сидя на деревьях, дремать под тихое журчанье лесной речки, в которой завелись уже и кутема и пеструшка, и выпрыгивают по вечерним зарям на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошек и сумеречных бабочек. Мне случалось заходить в такие лесистые, глухие овраги, и не скоро уходил я: там наверху еще жарко; летнее солнце клонится к западу, ярко освещены им до половины нагорные деревья, ветерок звучно перебирает листьями, а здесь, внизу, — густая тень, сумерки, прохлада, тишина.

Другая речка бежит по ровной долине или по широкому лугу. Извилистые берега ее обрастают местами лозником, вербою и ольхою, а местами одною осокою и другими береговыми травами; дно ее ровно и гладко, и глубина почти везде одинакова. Около такой небольшой речки, смотря по местности и почве, нередко бывают довольно большие болота, поддерживаемые родниками и поросшие камышом, таловыми кустами и мелкими деревьями. На таких речках строят, если случаются берега повыше, незатейливые мельницы на один постав, редко на два. Небольшие пруды их, распространяя кругом мокроту и влажность, не только поддерживают прежние, но даже производят новые болота и мочежины, новые приюты и приволья для всякой дичи. Собственно о прудах я стану говорить после.

Есть особенный вид рек, которые по объему текущей воды должно причислить к речкам, хотя при первом взгляде они могут показаться гораздо большей величины: это реки *степные*. Они состоят из цепи омутов (по-московски, бочагов) или небольших озер, очень глубоких и необыкновенно прозрачных, соединяющихся между собой *перекатами*, то есть мелкою речкою, иногда даже ручейком. Всегда поросшие особенною породой мягкого камыша и водяными лопухами, растущими и цветущими на всякой глубине, они бегут на

перекатах довольно быстро, но в омутах почти не приметно никакого течения. Очень редко по берегам их растет мелкий кустарник. Если взглянуть на такую реку, извивающуюся по степи, с высокого места, что случается довольно редко, то представится необыкновенное зрелище: точно на длинном бесконечном снурке, прихотливо перепутанном, нанизаны синие яхонты в зеленой оправе, перенизанные серебряным стеклярусом: текущая вода блестит, как серебро, а неподвижные омуты синеют в зеленых берегах, как яхонты.

Несколько речек, большей или меньшей величины, постепенно впадают одна в другую. Обильнейшая водою по праву, а счастливейшая иногда без всякого права, поглощая в себе имена других, удерживает свое собственное и продолжает течение уже многоводною и сильною *рекою*. Густая, разнообразная и обширная урема почти обыкновенно разрастается на ее берегах.

Смотря по возвышенной или низменной местности, окрестности такой реки бывают сухи или болотисты. В последнем случае необозримые, бесконечные камыши, проросшие кустами и лесом, с озерами более или менее глубокими, представляют самые благонадежные, просторные и крепкие места для вывода и укрывательства с молодыми всякой птице и преимущественно водяной дичи.

Иногда река на большое пространство протекает дремучими ненаселенными лесами и получает особенный, уединенный, дикий и вместе важный и торжественный образ. Берега ее не измяты ничьим прикосновением; изредка забредет на них охотник, но не оставит следов своих надолго: сильная растительность, происходящая от избытка влаги, сейчас поднимет смятые травы и цветы. Свободно и могуче обрастают берега ее широколистною и узкою осокою, аиром, палочником и крупными незабудками; а по всем затишьям — необыкновенной величины темнозеленые круглые лопухи плавают уединенно на длинных стеблях своих, однообразно двигаясь течением реки. Водяная птица как будто боится уединения, и утки перестают жить и водиться на реках, когда они слишком далеко углубляются в лесную глушь. Рыба и земноводный зверь остаются их хозяевами. В пустынном безмолвии и мраке катятся вольные мно-

говодные струи, и только ветви наклонившихся или упавших в воду столетних дерев, противясь течению, производят неумолкаемый, но тихий и глухой ропот. Плеснется большая щука, переплывет реку порешина (поречина), нырнет выхухоль — и только; но и этот слабый шум скоро поглощается общим безмолвием. Смотрится только в воду разнообразное чернолесье: липа, осина, береза и дуб, кладя то справа, то слева, согласно стоянию солнца, прямые или косые тени свои на поверхность реки.

Из слияния многих таких полноводных рек составляются большие реки *средней величины*, как, например, всем известная Ока, Белая в Оренбургской губернии и множество других; из них-то, наконец, образуются реки *первой величины*, как Волга и Кама, из которых последняя немногим меньше первой, своей победительницы. Несмотря на огромное различие в обилии и силе вод, и те и другие реки имеют один уже характер: русло их всегда песчано, всегда углублено; сбывая летом, вода обнажает луговую сторону, и река катит свои волны в широко разметанных желтых песках, перебиваемых косами разноцветной гальки: следовательно, настоящие берега их голы, бесплодны и, по-моему, не представляют ничего приятного, отрадного взору человеческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по течению, сторона нередко богата живописными, величественными видами, но на них хорошо смотреть издали, на полотне или на бумаги. У всякого есть своя особенность: моя состоит в том, что я не люблю больших рек: и громадных, утесистых их берегов, и песчаных, печальных отмелей луговой стороны. Мне даже страшно смотреть на необъятную массу воды, так самовластно отделяющую меня от противоположного берега, через которую без опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури — ужасное зрелище! Я не раз видал их в грозе и гневе. Желтые, бурые водяные бугры с белыми гребнями и потопляемые, как щепки, суда — живы в моей памяти. Впрочем, я не стану спорить с любителями величественных и грозных образов и охотно соглашусь, что не способен к принятию грандиозных впечатлений.

В отношении к охоте огромные реки решительно невыгодны: полая вода так долго стоит на низких местах, затопив десятки верст луговой стороны, что уже вся птица давно сидит на гнездах, когда вода пойдет на убыль. Весной, по краям разливов только, держатся утки и кулики, да осенью пролетные стаи, собираясь в дальний поход, появляются по голым берегам больших рек, и то на самое короткое время. Все это для стрельбы не представляет никаких удобств. В пролет же весенний Волга или Кама еще покрыты льдом, посиневшим, истрескавшимся, избитым в полыньи, но все еще неподвижно стоящим.

Теперь остается поговорить об озерах; они не имеют течения, но тем не менее хороши. Озера бывают четырех родов: 1) Озера заливные, или просто небольшие ямы и впадины, наливающиеся в весеннее время по займищам рек полою водою, которая затопляет их совершенно; убывая в продолжение летних жаров, они нередко совсем высыхают. 2) Озера большей величины, также заливные или принимающие в себя каким-нибудь протоком полую воду, но имеющие, сверх того, свою собственную поддержку в родниках, открывающихся на дне и в берегах; из таких озер нередко излишек воды бежит ручейком или сочится длинною мокрединою. Такие озера постоянно имеют чистую, свежую, хотя и не холодную воду. Конечно, летние жары и засухи и в них производят убыль, но они от того не загнивают, кроме обыкновенного летнего цветения воды, которому подвержены все реки без исключения и которого начало приметно даже в самых быстротекущих студеных ключах. Распространяя вокруг себя влажность и растительность, зеленые берега таких озер иногда опушаются чивою ветлою и ольхою, иногда обрастают и камышами. 3) Озера лесные, имеющие вид мрачный и цвет темный, если берега их не болотисты, а сухи, если крупный лес со всех сторон плотною стеною обступает воду; окруженные же иногда на далекое пространство топкими, даже зыбкими болотами, на которых растет только редкий и мелкий лес, они имеют воду почти обыкновенного цвета. Темный цвет лесных озер, кроме того, что кажется таким от отражения темных стен высокого леса, происходит

существенно от того, что дно озер образуется из перегнивающих ежегодно листьев, с незапамятных времен устилающих всю их поверхность во время осеннего листопада и превращающихся в черный, как уголь, чернозем, оседающий на дно; многие думают, что листья, размокая и разлагаясь в воде, окрашивают ее темноватым цветом. Наконец 4) озера степные, всегда значительной величины, самые чистые, светлые, красивые, лучшие из всех озер. Без сомнения, они имеют скрытые на дне родники, и весьма сильные, которые вознаграждают убыль, производимую испарением воды во время летних жаров и засух, убыль, которая в них бывает мало заметна. Присутствие родников в озерах доказывается и тем, что в некоторых местах и на известной глубине вода в них бывает гораздо холоднее. В Оренбургской губернии много таких озер; мне короче знакомы два чудесные озера, находящиеся в недальнем расстоянии одно от другого, в Белебеевском уезде: *Кандры* и *Каратабынь*; каждое из них имеет по нескольку десятков верст в окружности. Степные озера отличаются невероятною прозрачностью, превосходящею даже прозрачность омутов степных речек; и в последних вода бывает так чиста, что глубина в четыре и пять аршин кажется не глубже двух аршин; но в озерах Кандры и Каратабынь глубина до трех сажен кажется трех- или четырехаршинною; далее глубь начнет синеть, дна уже не видно, и на глубине шести или семи сажен все становится страшно темно! Преломление света в водах этих озер до того обманчиво, что во время купанья, идя от берега и постепенно погружаясь в глубину, кажется идешь на гору, и при каждом шаге поднимаешь ногу выше. Прелестные степные луга, оживляемые близостью огромной массы воды, окружают Кандры; глубина в десять сажен находится ближе к одной, несколько гористой стороне; посредине озера точно всплыл из воды небольшой, возвышенный, лесистый, зеленый островок: приют и место вывода детей для бесчисленных и разнообразных пород чаек. Две противоположные стороны — ровная степь, а четвертая сторона камышиста, и есть признак (длинная паточина по небольшому долочку), что тут был когда-то проток. Башкирцы сказывали мне, что старики их помнят, когда

этим протоком Кандры соединялось с Каратабынью. Нынче и весной нет этого соединенья. У башкирцев даже есть какая-то легенда насчет будущего соединения этих озер, но я не мог достать ее. Впрочем, прибыль полой воды в степных озерах незначительна. Болотною и водяною дичью они не богаты; только позднею осенью отлетная птица в больших стаях гостит на них короткое время, как будто на прощанье; зато всякая рыба *бель*, кроме красной, то есть осетра, севрюги, стерляди и проч., водится в степных озерах в изобилии и отличается необыкновенным вкусом.

Нельзя не упомянуть об озерах искусственных — прудах, о которых я сказал только мимоходом, но которые будут часто упоминаться в описании водяной дичи. Пруды бывают двух родов: проточные и копаные. Первые запружаются на реках, речках и ручьях, а вторые выкапываются предпочтительно на местах мокрых и низменных. Впрочем, около Москвы, где грунт по преимуществу глиняный, можно выкопать яму где угодно, даже на горе, — снеговая и дождевая вода будет стоять в ней круглый год, как в фаянсовой чашке. Есть средство устраивать пруды особенным способом, захватив полую воду, текущую обыкновенно весной по какому-нибудь оврагу или долочку, в которых летом не бывает капли воды; в это летнее время перегораживают поперек овраг или долочек — выкопав его, если надобно, поглубже — крепкою плотиною с прочно устроенным спуском, а иногда и без спуска, для стока полой воды; весною она наполнит овраг или выкопанный дол, а излишняя вода пойдет стороною, или через верх, или в поднятые затворы спуска, который запирается наглухо, когда станет сходить водополье. Такие пруды бывают иногда очень глубоки; их нельзя назвать совершенно стоячими, глухими: хотя один раз в году, а все же вода в них переменяется, но относительно к птице о них не стоит говорить. Пруды проточные на порядочных реках, поднимающих мельницы от четырех до восьми поставов, с широкими, всегда камышистыми разливами, сквозь проросшие, по мелководью, разными водяными травами и цветами, имеющие в протяжении несколько верст, — вот истинное раздолье для всякой водяной птицы, кото-

рая сваливается на такие пруды со всех сторон. Сытно и безопасно в камышах утиным выводкам всех пород, а также цыплятам речных водяных кур, или лысух. В камышах не проглотит утенка жадная щука, не унесет цыпленка коршун или скопа, которую называют водяным орлом и которая преимущественно питается рыбою. Хищной птице нужен свет и простор, а в камыше тесно и темно. Напрасно скопа, балабан (род сокола) вместе с коршунами и канюками по целым часам то плавают в небесах широкими кругами, то неподвижно висят над прудом. Они слышат пискотню молодых и покрякиванье маток, слышат шелест камыша, даже видят, как колеблются его верхушки от множества пробирающихся в тростнике утят, а нельзя поживиться добычей: «глаз видит, да зуб неймет!» Хищные птицы не бросаются за добычей в высокую траву или кусты: вероятно, по инстинкту, боясь наткнуться на что-нибудь жесткое и острое или опасаясь помять правильные перья. Но если какой-нибудь глупенький, отбившийся от выводки и матери утенок или цыпленок, услыша издалека зов ее, вздумает переплыть материк или не заросшую травой заводь, то гибель ждет его и сверху и снизу: в воде широкое горло щуки или сома, на поверхности — длинные когти хищных птиц.

Вот как разнообразны еще не во всех видах и не в подробности описанные мною воды. На них-то плавает, ныряет, живет водяная дичь. Итак, обращаюсь к ней.

1. ЛЕБЕДЬ[1]

Лебедь по своей величине, силе, красоте и величавой осанке давно и справедливо назван царем всей водяной, или водоплавающей, птицы. Белый как снег, с блестящими, прозрачными небольшими глазами, с черным носом и черными лапами, с длинною, гибкою и красивою шеею, он невыразимо прекрасен, когда спокойно плывет между зеленых камышей по темносиней, гладкой поверхности воды. Но и все его движения исполнены прелести:

---

[1] Лебедь и гусь так всем известны, что считаем ненужными их политипажи.

начнет ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею; начнет ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся с его пушистого тела; начнет ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распустит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнет также носом перебирать в нем каждое перо, проветривая и суша его на солнце, — все живописно и великолепно в нем.

Лебеди прилетают почти всегда попарно; появляются весной довольно рано, в начале апреля, когда по большей части все еще бывает покрыто снегом. Лебединых стай я не видывал: в тех местах Оренбургской губернии, где я постоянно охотился, лебеди бывают только пролетом, а постоянно не живут и детей не выводят, и для меня появление их не во время пролета было редкостью. Разве иногда нескольким холостым лебедям, шатающимся по большим прудам и озерам, понравится какое-нибудь привольное место у меня в соседстве, и они, если не будут отпуганы, прогостят на нем недели две или более. Я помню в молодости моей странный случай, как на наш большой камышистый пруд, середи уже жаркого лета, повадились ежедневно прилетать семеро лебедей; прилетали обыкновенно на закате солнца, ночевали и на другой день поутру, как только народ просыпался, начинал шуметь, ходить по плотине и ездить по дороге, лежащей вдоль пруда, — лебеди улетали. Откуда прилетали и куда улетали — не знаю. Так продолжалось около двух недель. Наконец, один старый охотник, зарядив свое дрянное, веревочкой связанное ружьишко за неимением свинцовой картечи железными жеребьями, то есть кусочками изрубленного железного прута, забрался в камыш прежде прилета лебедей и, стоя по пояс в воде, дождался, когда они подплыли к нему на несколько сажен, выстрелил и убил одного лебедя наповал. Разумеется, остальные сейчас улетели, но на другой день опять прилетели в урочный час, сели на середину пруда, поплавали, не приближаясь к опасному камышу, погоготали между собой, собрались в кучку, поднялись, уле-

тели и не возвращались. Осеннего пролета лебедей я не замечал совсем. Многие охотники сказывали мне, что лебеди не только постоянно живут, но и выводят детей в разных уездах Оренбургской губернии и особенно по заливным, волжским озерам начиная от Царицына до Астрахани; что гнезда вьют они в густых камышах; что лебедь разделяет с лебедкою все попечения о детях, что молодых у них бывает только по два (а другие уверяют, будто по три и по четыре) и что по волжским рукавам, при впадении этой реки в море, лебеди живут несчетными стадами. Ничего этого не утверждаю, а за что купил, за то и продаю. Что касается до меня, то я каждый год видал по нескольку раз лебедей, по большей части в недосягаемой вышине пролетавших надо мною; видал их и плавающих по озерам, но всегда неожиданно и в таком расстоянии, что не только гусиною дробью, но и картечью стрелять было невозможно; а иногда и стреляял, но выстрел мой скорее мог назваться почетным салютом, чем нападением врага. Впрочем, один раз в моей жизни, когда я бродил по колени в разливе реки Бугуруслана, между частыми кустами, налетел на меня лебедь довольно близко; я ударил его обыкновенною утиною дробью: лебедь покачнулся, пошел книзу и улетел из виду. На другой день мордвин соседней деревушки нашел его мертвым за версту от того места, где я стрелял. Мясо его было так жестко, что, несмотря на предварительное двухдневное вымачиванье, его трудно было разжевать. Вкус походил на дикого гуся, но гусь гораздо мягче, сочнее и вкуснее. В зобу его не было рыбы и почти никакой пищи. Чем питаются лебеди, ничего сказать не могу, но, вероятно, одинаким кормом со всею водяною птицею.

Не понимаю, отчего лебедь считался в старину лакомым или почетным блюдом у наших великих князей и даже царей; вероятно, знали искусство делать его мясо мягким, а мысль, что лебедь служил только украшением стола, должна быть несправедлива. Лебедь живет в старинных наших песнях, очевидно сложенных на юге России, живет также до сих пор в народной речи, хотя там, где теперь обитает настоящая Русь, лебедь не мог войти ни в песню, ни в речь, так мало знает и видит

его народ. На юге, в Киеве, попал он в народные песни и на великокняжеские столы; его *рушала*, то есть разрезывала, сама великая княгиня, следовательно лебедя ели. Вероятно, оттуда, по преданию и старому обычаю, перебрался он на столы великих князей и царей московских и в народную современную речь, где слова *лебедка* и *лебедушка* остались навсегда выражением ласки и участия.

Про силу лебедя рассказывают чудеса: говорят, что он ударом крыла убивает до смерти собаку, если она приблизится к нему, легко раненному, или бросится на его детей. Мне даже называли охотника, которому лебедь переломил руку таким же ударом крыла. Судя по его величине, крепости и силе мускулов, толщине и жесткости костей и перьев, этим рассказам поверить можно. Пенья лебедей, разумеется, никто не слыхал, но зычный крик их и глухое гоготанье, весьма отличное от гусиного, слыхали все охотники, и в том числе я сам. Из всего сказанного мною о силе лебедей можно заключить, как они должны быть крепки к ружью. Где они постоянно водятся, там бьют их нулем, или безымянкой, и картечью, и то подкрадываясь поближе. Лебедей стреляют не для мяса, а для пуху, первоклассное достоинство которого известно всем.

Лебеди легко делаются ручными. Я сам видел их несколько годов сряду, живущих лето на отведенном им пруду, а зиму проводящих в теплой избе. Не могу только хорошенько сказать: маленькими или большими были они пойманы. Я слышал, что ручные лебеди выводят детей, как обыкновенные гуси, в избах и хлевах, но что для этого нужно достать сначала свежих лебединых яиц и подложить под гусыню. Высиженные ею лебедята вырастают в стае домашних гусей (первый год с подрезанными крыльями), делаются совершенно ручными и ведутся, как дворовые гуси.

2. ГУСЬ

Серым гусем называют его старинные русские песни, и называют верно. Дикий гусь точно сер и отличается от гусыни только тем, что спина его потемнее, грудь,

или зоб, покрыта черноватыми пятнышками, и сам он несколько поменьше. Дворовые русские гуси, по большей части белые или пегие, бывают иногда совершенно похожи пером на диких, то есть на прежних самих себя. Вся разница состоит в том, что вообще у русских гусей нос и ноги красноваты, и сами они потолще, пообъемистее; дикие же гуси подбористее, складнее, щеголеватее, а нос и лапки их желтовато-зеленоватого цвета. Весною, пролетом, гуси показываются очень рано; еще везде, бывало, лежит снег, пруды не начинали таять, а стаи гусей вдоль по течению реки летят да летят в вышине, прямо на север. Стаи всегда пролетают очень высоко, но гуси парами или в одиночку летят гораздо ниже. Ежедневно шатаясь около пруда и бродя вдоль реки, которая у нас очень рано очищалась от льда, я всегда имел один ствол заряженный гусиною дробью, и мне не один раз удавалось спустить на землю пролетного гостя. Когда же время сделается теплее, оттают поля, разольются полые воды, стаи гусей летят гораздо ниже и спускаются на привольных местах: отдохнуть, поесть и поплавать. Пища гусей преимущественно состоит из мелкой молодой травы, семян растений и хлебных зерен. Гуси очень жадны. Когда корм приволен, то они до того обжираются, что не могут ходить: зоб перетягивает все тело; даже с трудом могут летать. Весною гуси бывают очень сторожки и редко подпускают охотника с подъезда и еще реже с подхода. Надобно отыскивать благоприятную местность, из-за которой можно было бы подкрасться к ним поближе. Местность эта может быть: лес, кусты, пригорок, овраг, высокий берег реки, нескошенный камыш на прудах и озерах. Нечего и говорить, что стрелять надобно самою крупною дробью, *безымянкой*, даже не худо иметь в запасе несколько картечных зарядов, чтоб пустить в стаю гусей, к которой ни подойти, ни подъехать, ни подкрасться в меру нет возможности. Очень весело на дальнем расстоянии вырвать из станицы чистого пером, сытого телом прилетного гуся! Пошатавшись по хлебным полям, кое-где сохранившим насоренные еще осенью зерна, наплававшись по разливам рек, озер и прудов, гуси разбиваются на пары и начинают заботиться о гнездах, которые вьют всегда в самых

крепких и глухих камышистых и болотистых уремах, состоящих из таловых кустов ольхи и березы, обыкновенно окружающих берега рек порядочной величины; я разумею реки, текущие по черноземной почве. Я не один раз нахаживал гусиные гнезда и всегда в таких непроходимых местах, что сам, бывало, удивишься, как попал туда. Гнездо обыкновенно кладется на сухом месте или на высокой кочке, просторное и круглое, свивается из сухой травы и устилается перышками и пухом, нащипанными гусыней из собственной хлупи. Охотники говорят, что яиц бывает до двенадцати, но я более девяти не нахаживал. Они совершенно похожи на яйца русских гусей, разве крошечку поменьше и не так белы, а светлодикого, неопределенного цвета. Во время сиденья гусыни на яйцах гусь разделяет ее заботу: я сам спугивал гуся с гнезда и много раз нахаживал обоих *стариков*[1] с выводками молодых. История высиживания яиц у диких гусей, как и у всякой птицы, выводящей детей один раз в год, оканчивается в исходе мая или в начале июня: все исключения бывают следствием какого-нибудь несчастного случая, погубившего первые яйца. В местах привольных, то есть по хорошим рекам с большими камышистыми озерами, можно и в это время года найти порядочные станицы гусей холостых: они обыкновенно на одном озере днюют, а на другом ночуют. Опытный охотник все это знает, или должен знать, и всегда может подкрасться к ним, плавающим на воде, щиплющим зеленую травку на лугу, усевшимся на ночлег вдоль берега, или подстеречь их на перелете с одного озера на другое в известные часы дня. Молодые гусята вылупляются из яиц, покрытые серо-желтоватым пухом; они скоро получают способность плавать, нырять, и потому старики немедленно переселяют свою выводку на какую-нибудь тихую воду, то есть на озеро, заводь или плесо реки, непременно обросшей высокой травою, кустами, камышом, чтобы было где спрятаться в случае надобности. Мне рассказывали многие, что гусыня перетаскивает на воду поочередно за шею каждого гусенка, если

---

[1] С т а р и к а́ м и называются в гусиной выводке старый гусак и гусыня.

вода далеко от гнезда или местность так неудобопроходима, что гусенку и пролезть трудно. Я этого не оспариваю, но должен сказать, что и самые маленькие гусята очень бойки и вороваты и часто уходили у меня из глаз в таких местах, что поистине надобно иметь много силы, чтоб втискаться и даже бегать в густой чаще высокой травы и молодых кустов. Впрочем, надобно вспомнить, что это переселение бывает немедленно после вылупления гусят и они должны быть еще в то время очень слабы. Когда молодые подрастут в полгуся и больше и даже почти оперятся, только не могут еще летать [1], что бывает в исходе июня или начале июля, — охотники начинают охотиться за молодыми и старыми, линяющими в то время, гусями и называющимися *подлинь*. Но до этой охоты я никогда не был охотник, ибо ее можно производить и без ружья с приученными к такой ловле собаками. Охотнику приходится стрелять только тех молодых и старых гусей, которых собаки выгонят на реку или озеро, что бывает не часто: гусь подлинь и молодые гусята крепко и упорно держатся в траве, кустах и камышах, куда прячутся они при всяком шуме, при малейшем признаке опасности. Только совершенная крайность, то есть близко разинутый рот собаки, может заставить старого линючего гуся или совсем почти оперившегося гусенка, но у которого еще не подросли правильные перья в крыльях, выскочить на открытую поверхность воды. Боже мой, какой крик и шлепотню поднимают они своими отяжелевшими папоротками от налитых кровью толстых пеньков! Как неловки бывают в это время все их движения! Даже ныряют они так нелепо, что всегда виден не погрузившийся в воду зад! Разумеется, тут весьма удобно бить их из ружья и ненадобно употреблять крупной дроби: они тогда очень слабы, и всего пригоднее будет дробь 5-го нумера. Впрочем, привычные

---

[1] Водяная птица в этом отношении совершенно противоположна некоторым породам степной дичи; перья в крыльях молодых тетеревов, куропаток и перепелок вырастают прежде всего, и они еще в пушку могут перелетывать, а у всей водяной дичи, напротив, перья в крыльях вырастают последние, так что даже безобразно видеть на выросшем и оперившемся теле молодого гуся или утки голые папоротки с синими пеньками.

собаки, даже дворняжки, без помощи ружья наловят их довольно. Старые гуси во время этого болезненного состояния бывают худы, и мясо их становится сухо и невкусно, а мясо молодых, напротив, очень мягко, и хотя они еще не жирны, но многие находят их очень вкусными.

Наконец, подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали молодыми гусями; перелиняли, окрепли старые, выводки соединились с выводками, составились станицы, и начались ночные, или, правильнее сказать, утренние и вечерние экспедиции для опустошения хлебных полей, на которых поспели не только ржаные, но и яровые хлеба. За час до заката солнца стаи молодых гусей поднимаются с воды и под предводительством старых летят в поля. Сначала облетят большое пространство, высматривая, где им будет удобнее расположиться подальше от проезжих дорог или работающих в поле людей, какой хлеб будет посытнее, и, наконец, опускаются на какую-нибудь десятину или загон. Гуси предпочтительно любят хлеб безосый, как-то: гречу, овес и горох, но если не из чего выбирать, то едят и всякий. Почти до темной ночи изволят они продолжать свой долгий ужин; но вот раздается громкое призывное гоготанье стариков; молодые, которые, жадно глотая сытный корм, разбрелись во все стороны по хлебам, торопливо собираются в кучу, переваливаясь передами от тяжести набитых не в меру зобов, перекликаются между собой, и вся стая с зычным криком тяжело поднимается, летит тихо и низко, всегда по одному направлению, к тому озеру, или берегу реки, или верховью уединенного пруда, на котором она обыкновенно ночует. Прилетев на место, гуси шумно опускаются на воду, распахнув ее грудью на обе стороны, жадно напиваются и сейчас садятся на ночлег, для чего выбирается берег плоский, ровный, не заросший ни кустами, ни камышом, чтоб ниоткуда не могла подкрасться к ним опасность. От нескольких ночевок большой стаи примнется, вытолочется трава на берегу, а от горячего их помета покраснеет и высохнет. Гуси завертывают голову под крыло, ложатся, или, лучше сказать, опускаются на хлупь и брюхо, и засыпают. Но старики составляют ночную стражу и не спят поочередно

или так чутко дремлют, что ничто не ускользает от их внимательного слуха. При всяком шорохе сторожевой гусь тревожно загогочет, и все откликаются, встают, выправляются, вытягивают шеи и готовы лететь; но шум замолк, сторожевой гусь гогочет совсем другим голосом, тихо, успокоительно, и вся стая, отвечая ему такими же звуками, снова усаживается и засыпает. Так бывает не один раз в ночь, особенно уже в довольно длинные сентябрьские ночи. Если же тревога была не пустая, если точно человек или зверь приблизится к стае — быстро поднимаются старики, и стремглав бросаются за ними молодые, оглашая зыбучий берег и спящие в тумане воды и всю окрестность таким пронзительным, зычным криком, что можно услышать его за версту и более... И вся эта тревога бывает иногда от хорька и даже горностая, которые имеют наглость нападать на спящих гусей. Когда же ночь проходит благополучно, то сторожевой гусь, едва забелеет заря на востоке, разбудит звонким криком всю стаю, и она снова, вслед за стариками, полетит уже в знакомое поле и точно тем же порядком примется за ранний завтрак, какой наблюдала недавно за поздним ужином. Снова набиваются едва просиженные[1] зобы, и снова по призывному крику стариков, при ярких лучах давно взошедшего солнца, собирается стая и летит уже на другое озеро, плесо реки или залив пруда, на котором проводит день.

Плохо хозяину, который поздно узнает о том, что гуси повадились летать на его хлеб; они съедят зерна, лоском положат высокую солому и сделают такую толоку, как будто тут паслось мелкое стадо. Если же хозяин узнает во-время, то разными средствами может отпугать незваных гостей.

Я стреливал гусей во всякое время: дожидаясь их прилета в поле, притаясь в самом еще не вымятом хлебе, подстерегая их на перелете в поля или с полей, дожидаясь на ночлеге, где за наступившею уже темнотою гуси не увидят охотника, если он просто лежит на земле, и, наконец, подъезжая на лодке к спящим на берегу

---

[1] Просиженный зоб уже пуст. Это значит, что пища сварилась и опустилась в кишки.

гусям, ибо по воде можно подплыть так тихо, что и сторожевой гусь не услышит приближающейся в ночном тумане лодки. Разумеется, во всех этих случаях нельзя убить гусей много, стрелять приходится почти всегда в лет, но при удачных выстрелах из обоих стволов штуки три-четыре вышибить из стаи можно. Можно также подъезжать к гусиным станицам или, смотря по местности, подкрадываться из-за чего-нибудь, когда они бродят по сжатым полям и скошенным лугам, когда и горох и гречу уже обмолотили и гусям приходится подбирать кое-где насоренные зерна и даже пощипывать озимь и молодую отаву. Можно также довольно удачно напасть на них в полдень, узнав предварительно место, где они его проводят. В полдень гуси также спят, сидя на берегу, и менее наблюдают осторожности; притом дневной шум, происходящий от всей живущей твари, мешает сторожевому гусю услышать шорох приближающегося охотника: всего лучше подъезжать на лодке, если это удобно. В продолжение всей осенней охоты за гусями надобно употреблять дробь самую крупную и даже безымянку; осенний гусь не то, что подлинь: он делается очень силен и крепок к ружью. Он жестоко дерется крыльями, и мне случалось видеть, что гусь с переломленным крылом давал такой удар собаке крылом здоровым, что она долго визжала и потом нескоро решалась брать живого гуся. К концу сентября, то есть ко времени своего отлета, гуси делаются очень жирны, особенно старые, но, по замечанию и выражению охотников, тогда только получают отличный вкус, когда *хватят ледку*, что, впрочем, в исходе сентября у нас не редкость, ибо от утренних морозов замерзают лужи и делаются закраины по мелководью около берегов на прудах и заливах. От ледку или от чего другого, только чем позднее осень, тем вкуснее становится гусь. Это истина несомненная, а надобно заметить, что сытного корма в это время становится уже мало.

Должно сказать правду, что стрельба диких гусей более дело добычливое, чем охотничье, и стрелок благородной болотной дичи не может ее уважать. К гусям надобно по большей части подкрадываться, иногда даже подползать или караулить их на перелете, — все это не

нравится настоящему охотнику; тут не требуется искусства стрелять, а надо много терпенья и неутомимости. Я сам занимался этой охотой только смолоду, когда управляли моей стрельбой старики-охотники, для которых бекас был недоступен и, по малости своей, презрителен, которые на вес ценили дичь. Настоящие охотники собственно за гусями не ходят, а, разумеется, бьют их и даже с удовольствием, когда они попадутся нечаянно.

Я сказал, что гуси летают в хлеба и назад возвращаются всегда по одной и той же воздушной дороге, то есть через один и тот же перелесок, одним и тем же долочком и проч. На этом основании изобретены *перевесы*, посредством которых ловят их в большом количестве. Это не что иное, как огромная квадратная сеть из толстых крепких ниток, ячеи или петли которой так широки, что гуси вязнут в них, а пролезть не могут. Эта сеть развешивается между двумя длинными шестами на том самом месте, по которому обыкновенно гусиная стая поздно вечером, почти ночью, возвращается с полей на ночевку. К верхним концам шестов привинчены железные кольца; сковозь них продеты веревочки. Посредством этих веревочек, прикрепленных в двум верхним углам сети, поднимается она во всю вышину шестов, концы же веревочек проведены в шалаш или куст, в котором сидит охотник. Сеть не натягивается, а висит, и нижние концы ее *наслаби* привязаны к шестам. Когда попадут гуси и натянут сеть, охотник бросает веревочки, и вся стая запутавшихся гусей вместе с сетью падает на землю. Таким же способом ловят и уток. Замечательно, что гуси, не запутавшиеся в перевесе, а только в него ударившиеся, падают на землю и до того перепугаются, что кричат, хлопают крыльями, а с места не летят: без сомнения, темнота ночи способствует такому испугу. Иногда ставят два и три перевеса рядом, неподалеку друг от друга, чтобы случайное уклонение от обычного пути не помешало стае гусей ввалиться в сеть.

Есть особой породы гусь, называемый *казарка*; он гораздо меньше обыкновенного дикого гуся, носик у него маленький, по сторонам которого находятся два копьеобразные пятнышка, а перья почти черные. В некоторых южных уездах Оренбургской губернии охотники

встречают их часто во время пролета и даже бьют; мне же не удалось и видеть. В большое недоумение приводило меня всегда их имя, совпадающее с именем *козар*.

3. УТКИ

Породы уток многочисленны и разнообразны. Я стану говорить только о тех, которые мне более или менее коротко известны. Оренбургская губерния по своему географическому положению и пространству, заключая в себе разные и даже противоположные климаты и природы, гранича к северу с Вятскою и Пермскою губерниями, где по зимам мерзнет ртуть, и на юг с Каспийским морем и Астраханскою губерниею, где, как всем известно, растут на открытом воздухе самые нежные сорта винограда, — представляет полную возможность разнообразию явлений всех царств природы и между прочим разнообразию утиных пород, особенно во время весеннего пролета. Но я не стану говорить об утках собственно пролетных: это завело бы меня слишком далеко и при всем том дало бы моим читателям слабое и неверное понятие о предмете. Пролетные утки не то, что пролетные кулики: кулики живут у нас недели по две и более весной и от месяца до двух осенью, а утки бывают только видимы весной, никогда осенью и ни одного дня на одном месте не проводят. Охотникам достаются они как случайная редкость. Итак, говорить о виденных мною вскользь диковинных утках и о рассказах охотников я считаю излишним. Я расскажу только об одной замечательной утке, которую я убил, еще будучи очень молодым охотником, а лет через десять потом убил точно такую же мой товарищ охотник, и я рассмотрел ее подробно и внимательно. Она была несколько больше самой крупной дворовой утки; перья имела светлокоричневого цвета, испещренные мелкими темными крапинками; глаза и лапки красные, как киноварь, а верхнюю половинку носа — окаймленную такого же красного цвета узенькою полоскою; по правильным перьям поперек крыльев лежала голубовато-сизая полоса; пух был у ней розовый, как у дрофы и стрепета, а жир и кожа

оранжевого цвета; вкус ее мяса был превосходный, отличавшийся от обыкновенного утиного мяса; хвост длинный и острый, как у селезня шилохвости, но сама она была утка, а не селезень. — Приступая к описанию уток, считаю необходимым поговорить о той исключительности, которою утки отличаются от других птиц и которая равно прилагается ко всем их породам.

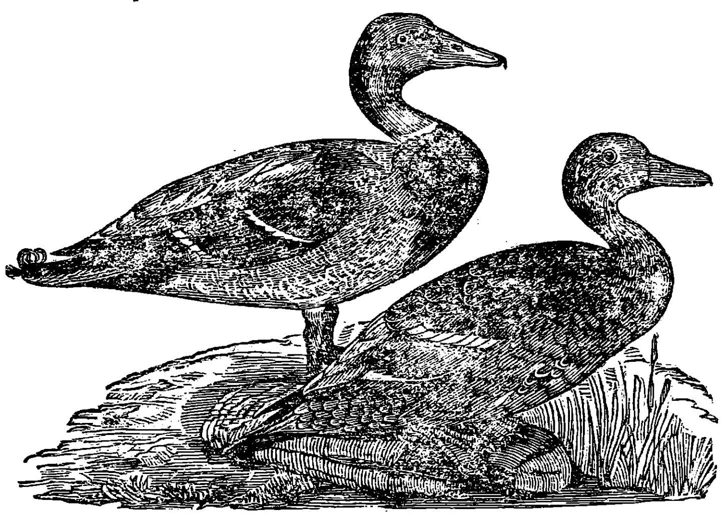
Весьма понятно, что там, где совокупление происходит на токах, на общих сборищах, — ни самцы, ни самки не могут питать личной взаимной любви: они не знают друг друга; сегодня самец совокупляется с одною самкой, а завтра с другою, как случится и как придется; точно так же и самка. Из этого необходимо следует, что они никогда не разбиваются на пары, что только одна мать, без всякой помощи самца, должна заботиться об устройстве гнезда, высиживанье яиц и сбереженье детей, ибо где нет супружества, там нет и отца. В противоположность тому, во всех породах птиц, разделяющихся на пары, и самец и самка, как муж и жена, вместе заботятся о выводе и сохранении детей и равную оказывают им горячность. Этот закон, очевидно, положительно и неуклонно исполняется всеми птицами. Одни только породы уток представляют резкое противоречие. Все утки разделяются на пары ранее другой дичи; селезень показывает постоянно ревнивую и страстную, доходящую до полного самоотвержения, любовь к утке и в то же время — непримиримую враждебность и злобу к ее гнезду, яйцам и детям! Утка принуждена выполнять все обязанности матери тайно от селезня. Если он найдет гнездо ее с яйцами или только что вылупившимися утятами, то гнездо разроет и растаскает, яйца выпьет (как говорят) или по крайней мере перебьет, а маленьких утят всех передушит. Я сам не видал, как селезень совершает такие неистовства, но другие охотники видали. Укрывательство же утки от селезня, его преследованье, отыскиванье, гнев, наказанье за побег и за то, если утка не хочет лететь с ним в другие места или отказывает ему в совокуплении, — разоренные и растасканные гнезда, разбитые яйца, мертвых утят около них, — все это я видел собственными моими глазами не один раз. Кажется, этого достаточно, чтоб остальное, слышанное

мною, хотя не виденное, принять за несомненную истину. Противоестественные, повидимому, поступки селезней должно объяснять, по моему мнению, до невероятности горячею их чувственностью; отсюда происходит и ненависть ко всему тому, что отвлекает от них уток. Во всех породах дичи все самцы, живущие с самками попарно, оказывают к ним привязанность, а в породах голубей — даже нежность и ласку; но такого бешеного сладострастия, каким отличаются селезни, совершенно нет; зато и самец и самка равно привязаны к детям. Некоторые охотники подозревают косачей, которые тоже на токах доходят до исступления, в разорении гнезд тетеревиных курочек, но я решительно ничего похожего не замечал. Самцы дупельшнепы также очень горячатся на токах, но отчего же их никто не подозревает в подобных проделках? По моему мнению, это подозрение уже потому несправедливо, что тетерева не разбиваются на пары, следственно у самцов нет побудительной причины разорять гнезда; самки, не будучи их дружками-женами, к ним от того не воротятся. Селезень, напротив, разорив гнездо своей утки, получает ее опять в полное владение, и она не расстается с ним ни на одну минуту до тех пор, покуда вновь не затеет гнезда, вновь не скроется от селезня и не сядет на яйца. Можно даже предположить, что иной утке совсем не удастся вывесть детей в продолжение целого лета, потому-то каждому охотнику и случается встречать в июне, даже в начале июля, до самой линевки, уток парами.

а) Кряковная утка

Мы выговариваем обыкновенно не *кря*, а *криковный селезень, криковная утка,* что, впрочем, весьма идет к ней, ибо она кричит громче всех утиных пород. Ее зовут также *кряквой* и *крякушей*... Очевидно, все три названия происходят от слова *крякать,* вполне выражающего голос, или крик, утки. По-малороссийски утка называется *качка.* Имя тоже очень выразительное: идет ли утка по земле — беспрестанно покачивается то на ту, то другую сторону; плывет ли по воде во время ветра — она качается, как лодочка по волнам. По совершенному сходству в статях и отчасти даже в перьях должно по-

лагать, что дворовые, или домашние, утки произошли от породы кряковных; везде можно найти посреди пегих, разнопестрых, белых стай русских уток некоторых из них, совершенно схожих пером с дикими кряковными утками и даже селезнями, а различающихся только какими-нибудь небольшими отступлениями найдется великое множество; с другими же дикими породами уток дворовые, или русские, в величине и перьях сходства имеют гораздо менее. Это обстоятельство довольно

странно. Повидимому, нет никаких причин, почему бы и другим утиным породам не сделаться домашними, ручными? — Кряква крупнее всех диких уток. Селезень красив необыкновенно; голова и половина шеи у него точно из зеленого бархата с золотым отливом; потом идет кругом шеи белая узенькая лента; начиная от нее грудь или зоб темнобагряный; брюхо серо-беловатое с какими-то узорными и очень красивыми оттенками; в хвосте нижние перышки белые, короткие и твердые; косички зеленоватые и завиваются колечками; лапки бледно-красноватые, нос желто-зеленого цвета. На темных крыльях лежит синевато-вишневая золотистая полоса; спина темноватого цвета, немного искрасна; над

самым хвостом точно как пучок мягких темнозеленых небольших перьев. Утка вся пестренькая: по светлокоричневому полю испещрена темными продольными крапинками; на правильных перьях блестит зеленая, золотистая полоса, косиц в хвосте нет; лапки такие же красноватые, как у селезня, а нос обыкновенного рогового цвета. Весною стаи кряковных уток прилетают еще в исходе марта, ранее других утиных пород, кроме нырков; сначала летят огромными стаями, полетом ровным и сильным, высоко над землею, покрытою еще тяжелою громадою снегов, едва начинающих таять. Потом, когда дружная весна быстро, в одну неделю иногда, переменит печальную картину зимы на веселый вид весны, когда везде побегут ручьи, образуются лужи и целые озера воды, разольются реки, стаи кряковных уток летят ниже и опускаются на места, которые им понравятся. В это время стрелять их очень трудно, потому что они дики и сторожки и не подпускают близко ни конного, ни пешего. Скорее убьешь крякву как-нибудь в лет, особенно поздно вечером, когда стаи летят гораздо ниже или перелетают с одной лужи на другую. Эта стрельба называется *стойкою на местах*. Места подразумеваются такие, через которые всегда бывает перелет птицы; но это длится недолго: скоро утки разобьются на маленькие стайки, попривыкнут, приглядятся и присмиреют. Тогда можно к ним подъезжать с осторожностью на простой телеге или охотничьих дрожках, которые не что иное, как укороченные и прочнее сделанные крестьянские *роспуски*, или чувашский тарантас без верха. Для стрельбы надобно употреблять крупную утиную дробь 2-го и 3-го нумеров, а если птица дика, то и гусиную можно пустить в дело. С подхода в это время стрельбы нет, потому что утки сидят на открытых местах целыми стаями.

Но весна становится час от часу теплее, и полая вода сливает. Небольшие стаи кряковных уток окончательно разбиваются на пары, *понимаются*[1] и делаются смирнее, особенно потому, что подрастет трава и уткам можно прятаться в ней. Селезень, сладострастнейший из самцов, не отходит от утки ни на шаг, не разлучается с ней ни

[1] То есть совокупляются.

на минуту, ни за что прежде ее первый не слетит с места. Иногда утка полощется в какой-нибудь луже или щелочет носом в жидкой грязи, а селезень, как часовой, стоит на берегу или на кочке; охотник подъезжает к нему в меру, но утка не видит или не замечает ничего; селезень пошевеливается, повертывается, покрякивает, как будто подает ей голос, ибо видит опасность, но утка не обращает внимания; один он не летит прочь — и меткий выстрел убивает его наповал. Утка улетает, не показывая никакого участия к убитому селезню. Совсем другое бывает, когда охотник как-нибудь убьет утку (хотя он всегда выбирает селезня): селезень не только будет летать кругом охотника, не налетая, впрочем, слишком близко, но даже несколько дней сряду станет колотиться около того места, где потерял дружку. В это время уже не трудно подъезжать к рассеянным парам кряковных уток и часто еще удобнее подходить или подкрадываться из-за чего-нибудь: куста, берега, пригорка, ибо утка, замышляющая гнездо или начавшая нестись, никогда не садится с селезнем на открытых местах, а всегда в каком-нибудь овражке, около кустов, болота, камыша или некошеной травы: ей надобно обмануть селезня, несмотря на его бдительность; надобно спрятаться, проползти иногда с полверсты, потом вылететь и на свободе начать свое великое дело, цель, к которой стремится все живущее. Для достижения этой цели утка употребляет разные хитрости. Почувствовав во внутренности своей полноту и тяжесть от множества в разное время оплодотворенных семян, сделавшихся крошечными желтками, из коих некоторые значительно увеличились, а крупнейшие даже облеклись влагою белка и обтянулись мягкою, но крепкою кожицей, — утка приготовляет себе гнездо в каком-нибудь скрытном месте и потом, послышав, что одно из яиц уже отвердело и приближается к выходу, утка всегда близ удобного к побегу места, всего чаще на луже или озере, присядет на бережок, заложит голову под крыло и притворится спящею. Селезень присядет возле нее и заснет в самом деле, а утка, наблюдающая его из-под крыла недремлющим глазом, сейчас спрячется в траву, осоку или камыш; отползет, смотря по местности, несколько десятков сажен, иногда гораздо

более, поднимется невысоко и, облетев стороною, опустится на землю и подползет к своему уже готовому гнезду, свитому из сухой травы в каком-нибудь крепком, но не мокром, болотистом месте, поросшем кустами; утка устелет дно гнезда собственными перышками и пухом, снесет первое яйцо, бережно его прикроет тою же травою и перьями, отползет на некоторое расстояние в другом направлении, поднимется и, сделав круг, залетит с противоположной стороны к тому месту, где скрылась; опять садится на землю и подкрадывается к ожидающему ее селезню. Редко случается застать его спящим; по большей части селезень просыпается во время отсутствия утки, которое иногда продолжается более часа. Проснувшись, он начинает беспокойно звать свою дружку, торопливо озираясь и порывисто плавая по озерку или луже; потом бросится искать ее кругом около берега, но далеко не отходит, а беспрестанно ворочается посмотреть: не воротилась ли утка, не плывет ли к нему по воде... что иногда случается. Утомясь своими тщетными поисками, селезень перестает искать утку и начинает плавать взад и вперед, беспрестанно оглядываясь и покрякивая; плавает до тех пор, пока в самом деле внезапно, бог знает как, откуда, воротится его дружка. С яростию бросается он навстречу беглянке, вцепляется носом в шею, вскакивает ей на спину и в ту же минуту, тут же на воде, совокупляется с нею... Едва успеет утка, измятая любовными ласками, оправиться, отряхнуться, выйти на берег, как новый припадок сладострастия нападает на селезня, он вновь совокупляется со своею супругой, и это повторяется несколько раз в продолжение одного часа. Если селезень, находясь при утке, увидит другого селезня, летящего к ним, то сейчас бросается навстречу и непременно его прогонит, как имеющий более прав и причин храбро сражаться. Если к летящей паре пристанет холостой селезень, не нашедший себе еще дружки, то непременно последует драка с законным супругом *на воздухе*, сопровождаемая особенным коротким живым криком, хорошо знакомым охотнику. Вид бывает живописный: оба селезня перпендикулярно повиснут в воздухе, схватив друг друга за шеи, проворно и сильно махая крыльями, чтоб не опуститься на землю и, несмотря на

все усилия, беспрестанно опускаясь книзу. Победа также, сколько я замечал, оставалась всегда на стороне правого. Иногда утка, чтобы усыпить селезня, употребляет особенного рода ласку: она тихо и долго щекочет носом его шею и спину. Вот почему народ по применению к себе думает, а за ним повторяют охотники, что *селезень любит искаться в голове*. Иногда утка находит средство уйти и от неспящего селезня: стоит ему только повнимательнее заняться своим аппетитом или позазеваться на что-нибудь — с неимоверным проворством утка пропадает из глаз. Но не всегда бывают удачны ее побеги! Случается, что селезень приметит и отгадает ее намерение, кинется за ней в погоню в ту самую минуту, как она юркнет в траву или камыш, настигнет, ухватит носом за шею, вытащит ее на воду и долго таскает и щиплет так, что перья летят. Вслед за побоями и наказанием немедленно следуют горячие супружеские ласки. Между тем природа достигает своей цели, утка наносит полное гнездо яиц, окончательно скрывается от селезня и садится высиживать их. Яиц бывает до двенадцати; они совершенно похожи на яйца русских уток, кроме какого-то неопределенного, бледного, самого тонкого, желтовато-зеленоватого цвета. Утка сидит на гнезде, почти с него не слезая; один раз только в сутки сойдет она, чтобы похватать поблизости какой-нибудь пищи, и в продолжение трехнедельного сиденья чрезвычайно исхудает. Наконец, вылупляются утята, покрытые сизо-желтоватым пухом. Если яиц много, то почти всегда бывает один или два *болтуна*: так называется яйцо, в котором не образовался утенок и в котором оттого, что оно до половины пусто, *болтается*, когда его потрясешь. Болтуны, вероятно, случаются оттого, что во множестве яиц не все могут быть одинаково прогреты теплотою тела утиной наседки: если яиц не более восьми или девяти, то болтунов не бывает. Через несколько часов после вылупления утят уже нет в гнезде: мать увела их на тихую воду пруда, озера или залива с камышами. Она бережно перенесла утят во рту через такие места, где пройти им трудно: это видали многие охотники и я сам. Между тем селезни, покинутые своими утками, долго держатся около тех луж и озерков, где потеряли своих

дружек. Многих из них перебьют охотники, что даже полезно для свободного вывода утят. Стоит только увидеть селезня или заслышать его призывное, впрочем весьма тихое, покрякиванье, — добыча верная: он непременно подпустит стрелка в меру или как-нибудь налетит на него, кружась около одного и того же места. — Наконец, для селезней наступает время линьки, и они также скрываются в крепкие места, в те же камышистые пруды и озера, что продолжается с половины июня почти до исхода июля. В это время только холостые утки, еще не начинавшие линять, изредка попадаются охотникам, и стрельба утиная почти прекращается, если не считать маток, убиваемых от яиц и детей. Но зато в это же время ловят множество утят и утиную подлинь приученными к тому собаками; даже загоняют их в обыкновенные рыболовные сети.

Утка — самая горячая мать. Когда собака или человек спугнет ее с гнезда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какою-то хворою или неумеющею летать: трясется на одном месте, беспрестанно падает, так что, кажется, стоит только погнаться, чтобы ее поймать. Редкая собака не поддается обману и не погонится за ней; обыкновенно утка уводит собаку за версту и более, но охотнику хорошо известно, что значат такие проделки, и, несмотря на то, он часто по непростительной жадности, позабыв о том, что утка летит так плохо от яиц, то есть от гнезда, что с нею гибнет целая выводка, сейчас ее убивает, если не помешает близкое преследованье собаки, у которой иногда она *висит над рылом,* как говорится. Впрочем, утка, отведя собаку в сторону, скоро воротится назад, налетит на охотника и все же будет убита. Еще большую горячность показывает утка к своим утятам: если как-нибудь застанет ее человек плавающую с своею выводкой на открытой воде, то утята с жалобным писком, как будто приподнявшись над водою, — точно бегут по ней, — бросаются стремглав к ближайшему камышу и проворно прячутся в нем, даже ныряют, если пространство велико, а матка, шлепая по воде крыльями и оглашая воздух особенным, тревожным криком, начнет кружиться пред человеком, привлекая все его внимание на себя и отводя в противоположную

сторону от детей. Если утка скрывается с утятами в отдельном камыше или береговой траве и охотник с собакой подойдет к ней так близко, что уйти некуда и некогда, утка выскакивает или вылетает, смотря по расстоянию, также на открытую воду и производит тот же маневр: ружейный выстрел прекращает тревогу и убивает матку наповал. Это делает каждый охотник без всякого сожаления, потому что бойкие утята, как бы ни были малы, выкормятся и вырастут кое-как без матери; иногда сироты пристают к другой выводке, и мне случалось видать матку, за которою плавали двадцать утят, и притом разных возрастов. Утка иногда кладет яйца и выводит детей, что, впрочем, большая редкость, в дупле дерева и в старом вороньем или сорочьем гнезде. Трудно отгадать, какая крайность может принудить ее к такому необыкновенному поступку, в противность естественному порядку, соблюдаемому всеми утиными породами. Одного такого случая я был самовидцем, а о другом рассказывал достоверный охотник. Я помню также, что один раз кряковная или серая утка нанесла яиц на гумне, в хлебной клади.

Вообще утка — самая прожорливая птица. Она ест с утра до поздней ночи, ест все что ни попало: щиплет растущую по берегам молодую гусиную травку, жрет немилосердно водяной мох или шелк, зелень, цвет и все водяные растения, жадно глотает мелкую рыбешку, рачат, лягушат и всяких водяных, воздушных и земляных насекомых; за недостатком же всего этого набивает полон зоб тиной и жидкою грязью и производит эту операцию несколько раз в день. Дворовые же утки охотно едят и всякую мясную пищу. Такому постоянному аппетиту отвечает и пищеваренье: с неимоверною скоростью изнывает и разлагается в ее зобе всякая пища. Очевидно, что пищеварительный сок у нее должен быть очень остр и горяч. Утка беспрестанно испражняется, и помет ее еще горячее гусиного.

Но вот уже август. Все старые кряковные утки и даже матки, линяющие позднее, успели перелинять, только селезни перебрались не совсем и совершенно выцветут не ближе сентября, что, впрочем, не мешает им бойко и далеко летать; все утиные выводки поднялись;

молодые несколько меньше старых, светлее пером и все — серые, все — утки; только при ближайшем рассмотрении вы отличите селезней: под серыми перьями на шее и голове уже идут глянцевитые зеленые, мягкие, как бархат, а на зобу — темнобагряные перышки; не выбились наружу, но уже торчат еще не согнутые, а прямые, острые, как шилья, темные косицы в хвосте. В половине сентября и молодые селезни, вместе с старыми, явятся в настоящем виде, в полной красе и блеске своих разноцветных перьев. В продолжение августа идет самая изобильная, добычная стрельба уток: молодые еще смирны, *глупы*, как выражаются охотники, и близко подпускают с подъезда. Ловко также стрелять их в лет, поднимающихся с небольших речек, по берегам которых ходят охотники, осторожно высматривая впереди, по изгибистым коленам реки, не плывут ли где-нибудь утки, потому что в таком случае надобно спрятаться от них за кусты или отдалиться от берега, чтоб они, увидев человека, не поднялись слишком далеко, надобно забежать вперед и подождать, пока они выплывут прямо на охотника; шумно, столбом поднимаются утки, если берега речки круты и они испуганы нечаянным появлением стрелка; легко и весело спускать их сверху вниз в разных живописных положениях. Добрая собака, особенно водолаз или пудель, тут очень нужна; она не допустит пропасть ни одной утке, даже легко пораненной в крыло или упавшей на отлет далеко на другой стороне реки, иногда посреди густой и болотистой уремы. В сентябре эта охота еще приятнее, потому что утки разжиреют и селезни выцветут; казалось бы, все равно, а спросите любого охотника, и он скажет вам, что убить птицу во всей красоте ее перьев, *в поре* и сытую — гораздо веселее.

Хотя утка слишком обыкновенная, а потому и не очень завидная дичь, но осеннюю стрельбу ее я вспоминаю с большим удовольствием. Притом это первая птица, с которою знакомишься, начиная стрелять, от которой некогда сильно билось молодое сердце страстного охотника, а впечатления детства остаются навсегда. Породы уток так разнообразны величиной и перьями, селезни некоторых пород так красивы, и осенью все они так бывают жирны, что я и не в молодых летах очень

любил ходить за ними по реке рано утром, когда мороз сгонял утиные стаи с грязных берегов пруда, даже с мелких разливов, и заставлял их разбиваться врозь и рассаживаться по извилинам реки Бугуруслана. Богатую добычу нередко привозил я домой: десятка по полтора и более таких уток, что и трех в ягташ не упрячешь. Подстреленная утка воровата, говорят охотники, и это правда: она умеет мастерски прятаться даже на чистой и открытой воде: если только достанет сил, то она сейчас нырнет и, проплыв под водою сажен пятнадцать, иногда и двадцать, вынырнет, или, лучше сказать, выставит только один нос и часть головы наружу и прильнет плотно к берегу, так что нет возможности разглядеть ее. Если же берега травянисты, то без хорошей собаки ни за что не найдешь подстреленной утки: она вылезет на берег и пропадет. Посреди чистой воды, когда берега голы и круты, она выставит один нос для свободного дыханья и, погруженная всем остальным телом в воду, уплывет по течению реки, так что и не заметишь. Но от доброй собаки трудно ей отделаться: она не даст ей уползти на берег, а внимательный и опытный охотник, зная по направлению утиной головы, где должна вынырнуть утка, подстережет появление ее носа и метким выстрелом, после мгновенного прицела, раздробит полусокрытую в воде ее голову.

Хотя утки всегда едят очень много, о чем я уже говорил, но никогда они так не обжираются, как в продолжение августа, потому что и молодые и старые, только что перелинявшие, тощи и жадны к еде, как выздоравливающие после болезни. В августе к обыкновенному их корму прибавляется самая питательная и лакомая пища — хлеб. Если хлебное поле близко от пруда или озера, где подрастали молодые и растили новые перья старые утки, то они начнут посещать хлеба сначала по земле и проложат к ним широкие тропы, а потом станут летать стаями. Беда хозяевам близких загонов гречи, проса, гороха и овсов! Утки, так же как и гуси, более любят хлебные зерна без оси, но за неименьем их кушают и с осью, даже растеребливают ржаные снопы; по уборке же их в гумна утиные стаи летают попрежнему в хлебные поля по утренним и

вечерним зорям, подбирая насоренные на земле зерна и колосья, и продолжают свои посещения до отлета, который иногда бывает в ноябре. В это время, кроме всех других способов, можно их стрелять на перелете: отправляющихся в поля и возвращающихся с полей.

В октябре утки сваливаются в большие стаи, и в это время добывать их уже становится трудно. День они проводят на больших прудах и озерах. Нередко вода бывает покрыта ими в настоящем смысле этого слова. Мне пришли на память стихи из послания одного молодого охотника, которые довольно верно изображают эту картину:

Пруды, озера уток полны:
Одев живой их пеленой,
Они вздымаются, как волны,
Под ними скрытою волной.

К такой огромной стае, сидящей всегда на открытой поверхности воды или на голых и пологих берегах, ни подъехать, ни подойти, ни подкрасться невозможно. На небольшую речку утки, по многочисленности своей, уже не садятся, как бывало прежде, и я употреблял с пользою, даже в продолжение всего октября, следующее средство: я сбивал с широких прудов утиные стаи ружейными выстрелами и не давал им садиться, когда они, сделав несколько кругов, опускались опять на середину пруда. Утки улетали вверх или вниз по реке, но по привычке к своему обыкновенному местопребыванию и не желая от него отдалиться, принуждены были разбиваться на мелкие стаи и рассаживаться кое-как по реке. Я оставлял охотника на пруду, который от времени до времени стрелял по возвращающимся станицам уток. Разумеется, выстрелы были безвредны, но они заставляли утиные стайки садиться по речным изгибам. Сам же я отправлялся пешком по берегу реки, шел без всякого шума, выказываясь только в тех местах, где по положению речных извилин должны были сидеть утки. Нередко удавалось мне добывать до десятка крупных и жирных крякуш, по большей части селезней, потому что, имея возможность выбирать, всегда ударишь по селезню; только советую в подобных случаях не горячиться, то есть не стрелять в тех уток, которые поднялись далеко.

Разбившиеся утиные стаи расплывутся по всей реке, и потому поднявшиеся утки не улетят очень далеко, а только пересядут к передним, которые находятся от охотника подальше. Дробь надобно употреблять сообразно дальности или близости подъема уток от 3-го до 5-го нумера включительно; чем дальше, тем дробь нужна крупнее. Я всегда употреблял мелкую, утиную нумер 4. Впрочем, успех такой стрельбы зависит от местности. Во-первых, надобно, чтобы поблизости не было больших прудов и озер и чтоб утиным стаям некуда было перемещаться, не разбиваясь; во-вторых, чтобы река текла не в пологих берегах и чтобы по ней росли кусты, без чего охотник будет виден издалека и утки никогда не подпустят его в меру.

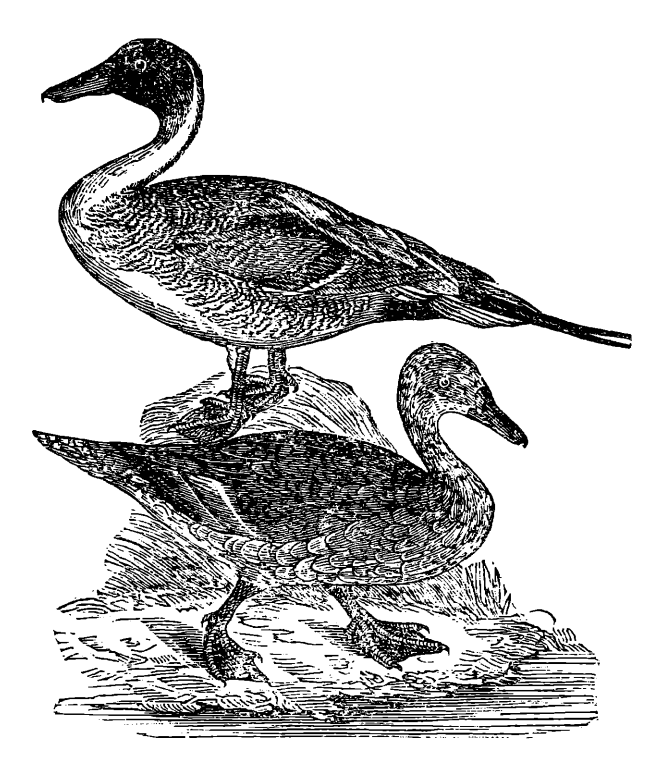
Кряковных уток стреляют также на *подманку*, особенно селезней, когда утки начнут прятаться от них: тут они горячо летят на поддельный крик утки. Стреляют их также и с прилета весной на дикую или русскую *ученую* утку, похожую пером на диких. Для этого надевают на утку хомутик и привязывают ее на снурке к колышку, с кружком для отдыха, посреди какой-нибудь лужи, и не в дальнем расстоянии ставят шалаш, в котором сидит охотник. Утка, от скуки и по природе своей, кричит во все горло без умолку, а дикие селезни и даже утки садятся около нее на воду под самое ружейное дуло охотника. Я такой стрельбы терпеть не могу. При сей верной оказии ловят селезней и сильями, или, лучше сказать, веревочкой с сильями, которую расставляют на колышках около приманной утки. Ловят или по крайней мере ловили прежде уток в Оренбургской губернии перевесами, точно как и гусей, потому что у них также всегда бывает одна и та же воздушная дорога в поля. Травят уток ястребами и соколами: первая охота пустая и даже малодобычливая, но охота с соколами, которая, кажется, совершенно перевелась в России, — великолепнейшая из всех охот. Башкирцы в Оренбургской губернии и теперь еще держат соколов, но дурно выношенных, не приученных *брать верх* так высоко, чтоб глаз человеческий едва мог их видеть, и падать оттуда с быстротою молнии на добычу. Башкирские соколы поважены почти в угон ловить уток.

Мясо кряковных уток довольно сухо и черство, когда они тощи, что бывает в июне и в июле, но всегда питательно. Мясо молодых утят очень мягко, и многие находят его очень вкусным, особенно зажаренное в сметане на сковороде; но мне оно не нравится. Вот осенние жирные кряквы, преимущественно прошлогодней выводки, имеют отличный вкус: они мягки, сочны, отзываются дичиной, и никогда откормленная дворовая утка с дикою не сравнится. Должно признаться, что все утиные породы, без исключения, по временам пахнут рыбой: это происходит от изобилия мелкой рыбешки в тех водах, на которых живут утки; рыбешкой этою они принуждены питаться иногда по недостатку другого корма, но мясо кряквы почти никогда не отзывается рыбой.

Я довольно подробно говорил о кряковных утках. Теперь, описывая другие утиные породы, я стану говорить только об их исключительных особенностях. Нравы всех уток-нерыбалок, образ жизни и пища так сходны между собой почти во всем, что мне пришлось бы повторять одно и то же.

б) Шилохвость

Эта утка поменьше кряковной и склад имеет совсем особенный: телом она несколько тонее и продолговатее, шея у ней гораздо длиннее и тоньше, а также и хвост, особенно у селезня. Утка вся светлосерая, покрыта мелкими крапинками; на крыльях, по правильным перьям, лежат сизо-зеленоватые глянцевитые полоски и больше ничего, а брюшко беловатое. Селезень довольно красив: нос небольшой, почти черного цвета; вся голова, даже на палец пониже затылочной кости, кофейного цвета; от головы вниз, по верхней стороне шеи, идет ремень, сначала темный, а потом узорчатый, иссерасизый, который против крылец соединяется с таким же цветом спины. Все остальные части шеи, зоб и хлупь — чистобелые; из-под шеи, по обеим щекам, по кофейному полю идут извилистые полоски почти до ушей; спина светлосизая или серая узорчатая; на крыльях лежат зеленовато-кофейные, золотистые полосы, сверху обве-

денные яркокоричневою, а снизу белою каемочкою; по спинке к хвосту лежат длинные темные перья, окаймленные по краям беловатою бахромкою, некоторые из них имеют продольные беловатые полоски; вообще оттенки темного и белого цвета очень красивы; верхняя сторона крыльев темновато-пепельная, а нижняя светлопепельная; такого же цвета верхние хвостовые перья; два из них потемнее и почти в четверть длиною: они складываются одно на другое, очень жестки, торчат, как спица или шило, от чего, без сомнения, эта утка получила свое имя. Подхвостье почти черное, ноги темного цвета, но светлее носа. Весною шилохвости прилетают позднее кряковных и сначала летят большими стаями. Полет их резвее полета крякуш; они чаще машут крыльями и производят свист в воздухе, что происходит от особенного

устройства их крыльев, которые не так широки, но длинны. Когда утки разобьются на пары, то шилохвости встречаются гораздо реже, чем другие утиные породы; гнезда их и выводки молодых также попадаются редко, отчего охотник и дорожит ими более, чем кряковными утками. Осенью я не видывал близко больших стай шилохвостей, но иногда узнавал их по особенному глухому их голосу, похожему на тихое гусиное гоготанье, по полету и по свисту крыльев; стаи всегда летели очень высоко. Еще реже нахаживал я их врассыпную по речкам. Приблизительно можно сказать, что шилохвостей убьешь вдесятеро менее, чем кряковных. Это довольно странно, потому что во время весеннего прилета они летят огромными стаями. Во всем прочем, кроме того, что яйца их несколько уже и длиннее яиц кряковной утки, шилохвости в точности имеют все свойства других утиных пород, следственно и стрельба их одна и та же.

Хотя шилохвостей застрелено мною мало сравнительно с другими породами уток, но вот какой диковинный случай был со мной: шел я однажды вниз по речке Берля [1], от небольшого пруда к другому, гораздо обширнейшему, находившемуся верстах в трех пониже; кучер с дрожками ехал неподалеку за мной. Семь крупных шилохвостей пронеслись высоко мне навстречу; я выстрелил из обоих стволов, но ни одна утка не обратила, повидимому, никакого внимания на мои выстрелы. Через несколько минут кучер закричал мне, что те же утки летят назад, и точно: видно, что-нибудь помешало им опуститься на маленький пруд, оставленный мною назади, и они возвращались на большой пруд. Утки летели так высоко, что стрелять было невозможно. Я проводил их глазами и продолжал идти по речке. Вдруг кучер мой снова закричал мне, что те же семь шилохвостей опять летят мне навстречу, прибавя, что «видно, и на большом пруду помешали им сесть». Мы оба устремили глаза на летящих еще выше прежнего прямо над нами уток. Вдруг одна из них перевернулась на воздухе, быстро пошла книзу и упала недалеко от меня: это был

---

[1] Самарской губернии, в Ставропольском уезде.

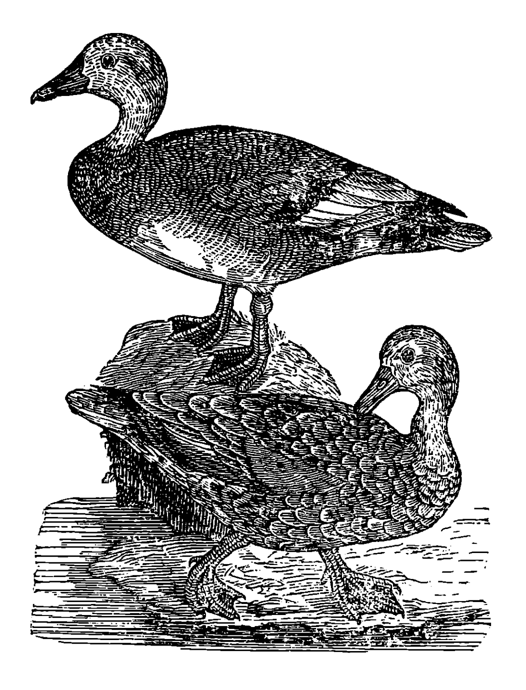
селезень шилохвость, с переломленною пополам плечною костью правого крыла... Трудно поверить, а дело было точно так. Со всякою другою раной птица может несколько времени летать, но летать с переломленною костью крыла и летать долго — это просто невозможно. Не было никакого сомнения, что это были те же самые утки, в которых я выстрелил: зоркий кучер мой не выпускал их из глаз. Итак, нельзя иначе объяснить это казусное дело, как предположением, что дробина ударилась в папоротку селезня и надколола плечную кость *вдоль*, то есть произвела маленькую трещинку в ней, и что, наконец, от усиленного летанья кость переломилась *поперек*, и птица упала. Я сам понимаю, что многим покажется такое объяснение неудовлетворительным, но другого придумать нельзя. Изумительно также тут стечение обстоятельств: надобно же было сделаться этому перелому в самую ту минуту, когда утки, пролетев несколько верст взад и вперед, в третий раз летели надо мной, так что шилохвость упал почти у моих ног.

в) Серая утка

Название несколько общее, потому что самки всех утиных пород пером *серы*, или, если выразиться точнее, серо-пестры, и собственно так называемые *серые утки* очень сходны со всеми утиными самками. Но тем не менее серая утка совершенно заслуживает свое имя, потому что она серее всех уток и особенно потому, что даже селезень ее не имеет никаких отметин. Ей по преимуществу принадлежит место в русской песне, когда говорится:

Уж я улицею,
Серой утицею, и пр.

Вся разница состоит в том, что пестрины на селезне несколько мельче и как будто светлее и что одна сторона поперечной белой полоски, лежащей и на крыльях утки, у селезня окаймлена узенькою полоскою красновато-коричневого цвета с блестящим лоском. Серых уток иногда называют *серками* и еще *полукряквами*: последнее

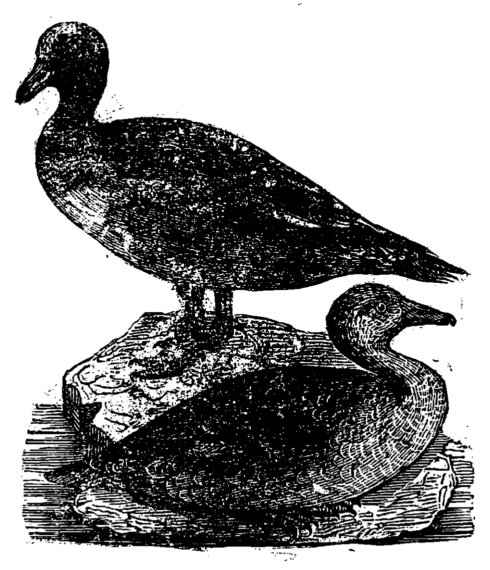

название не совсем справедливо, потому что они не вполовину, а только несколько меньше кряковных. Серые утки не имеют в себе никакой особенности в отличие от других утиных пород, кроме сейчас мною сказанной, то есть что селезень почти ничем не разнится с уткой, и что все утиные породы пестрее, красивее *серых уток*. Вообще они довольно обыкновенны и попадаются охотнику гораздо чаще, чем шилохвости, хотя во время весеннего прилета я не замечал больших станиц серых уток и еще менее — во время отлета. В этом обстоятельстве есть какое-то противоречие, которое объяснить довольно трудно. Несмотря на свою некрасивость, или, правильнее сказать, *простоту пера*, которая никому в глаза не кинется, *серые* утки, после кряквы и шилохвости, уважаются охотниками более всех остальных утиных пород, потому что довольно крупны, мясисты, бывают очень жирны и редко пахнут рыбой.

Многие охотники говорили мне, что есть две породы серых уток, сходных перьями, но различающихся величиною. Сначала я сам разделял это мнение, потому что точно в величине их замечал большую разницу; впоследствии же убедился, что она происходит от разности возраста. Впрочем, все еще остается некоторое сомнение, и я предоставляю решить его опытнейшим охотникам.

г) Свиязь

Это название охотничье, и откуда оно происходит — сказать не умею. Народ называет эту утиную породу *красноголовкой* и *белобрюшкой*, потому что у селезня голова и половина шеи красновато-кирпичного цвета, а хлупь или брюшко у селезня и утки очень белы и лоснятся на солнце. Эта утка, будучи менее кряковной и шилохвости, даже покороче серой утки, имеет склад круглый и крепкий. Ее быстрый полет, частое и резкое маханье крыльями показывают сильное сложение. Селезень очень красив: он весь пестрый; на голове, над самыми его глазами, находится белое пятно;

остальная часть головы и половина шеи красновато-коричневого цвета; потом следует поперечная полоса серой ряби, сейчас исчезающей и переходящей в светлобагряный цвет, которым покрыт весь зоб; брюшко белое, спина испещрена красивою поперечною рябью; на крыльях, поперек от плечного сустава, лежит чисто-белое, широкое и длинное пятно, оканчивающееся черною бархатною оторочкой, под которою видна зелено-золотистая полоса, также отороченная чернобархатною каймою; хвост короткий, шилообразный и довольно твердый; нос и ноги небольшие и черные. Правильные перья дикого, светлокофейного цвета. — Утка, напротив, вся темная, кроме белого брюшка; с первого взгляда очень похожа на *чернь*, и никак нельзя подозревать, чтоб она имела такого красивого, до такой степени на нее непохожего селезня. Рано весной свиязь летит большими стаями. Их можно узнать в вышине по скорому полету и особенному звуку, похожему на свист с каким-то шипеньем, отчего и называют их иногда *шипунами*. Свист происходит от быстрого полета, который сливается с их сиповатым покрякиваньем. Все три предыдущие породы уток летают осенью в хлебные поля отдельными стаями и станичками, но свиязей я никогда не замечал между ними. То же должен я сказать о всех последующих утиных породах [1]. К этому надобно присовокупить, что все они, не говорю уже о нырках, чаще пахнут рыбой. Можно предположить, что, не питаясь хлебным кормом и не будучи так сыты, как бывают кряковные, шилохвость и серые утки, они ловят мелкую рыбешку, которая именно к осени расплодится, подрастет и бесчисленными станицами, мелкая, как овес, начнет плавать везде, по всяким водам. Впрочем, свиязи, как и все почти утиные породы, и без хлебной пищи бывают осенью очень жирны, хотя никогда не могут равняться в этом отношении с кряквами. Никаких других особенностей свиязь не имеет, кроме того, что, прилетая весной большими стаями, в продолжение всего года попадается охотникам гораздо реже, чем бы следовало. Ве-

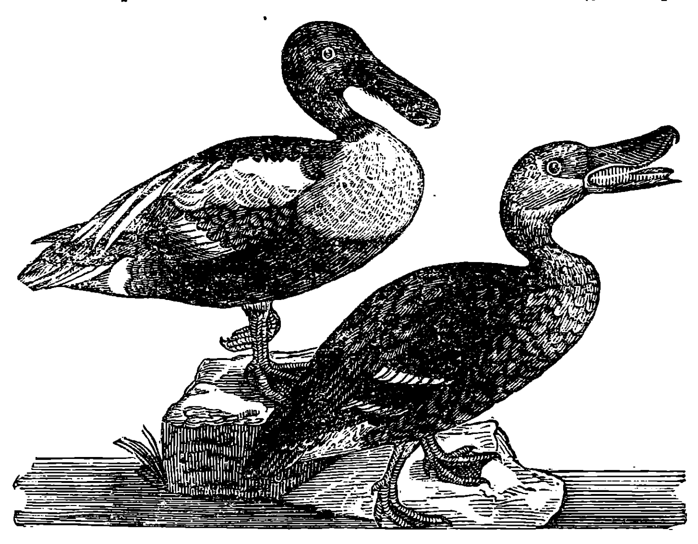
---

[1] Некоторые охотники утверждают, что свиязь и чирки летают в хлебные поля.

роятно, по причине таких редких встреч, а также по красивости селезней, мясистому, круглому и крепкому складу своему свиязь ценится охотниками выше других уток после кряковных, шилохвостей и серых. Я по крайней мере должен признаться, что всегда был очень доволен, когда мне случалось положить в ягташ красноголового селезня белобрюшки.

д) Широконоска

Широконоски называются также *плутоносами*. Первое название по праву и бесспорно принадлежит этой утиной породе: нос ее необыкновенно к концу широк

и похож на округленное весло, второе же имя дано ей неизвестно на каком основании. Эта утка очень периста, но даже и в перьях меньше предыдущих пород, телом же еще скуднее. Вообще она какого-то слабого, рыхлого, сухощавого сложения: с первого взгляда утка как утка, а возьмешь в руки — перья да кости. Никогда жирных широконосок я не видывал, хотя они попадались мне, как и всем охотникам, очень часто. Утка вся

серо-пестрая, покрыта коричневыми и немелкими крапинами по желтоватому полю; на правильных перьях поперечная полоска синяя с глянцем. Селезня должно бы назвать очень красивым: он весь пегий, зоб темнобагряный, на шее белая повязка, спина и крылья сизо-голубые, брюшко светлосерое; и со всем тем он как-то не кажется красивым и далеко уступает селезню свиязей. Ни весной, ни осенью я не замечал прилетных или отлетных стай широконосок, но парами и в одиночку, как я уже и сказал, они попадаются часто, что довольно странно и что также замечено мною в серых утках. Охотниками уважаются они мало.

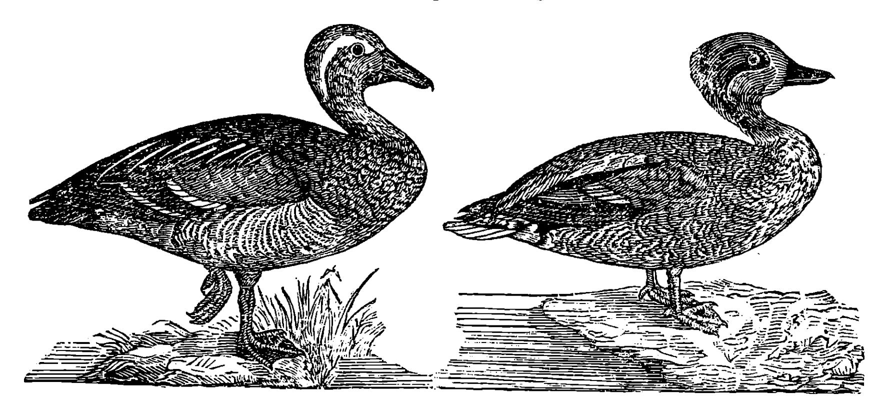
Вообще утки не отличаются крепостью к ружью, широконоска же слабее других пород. Несмотря на то, вот какой был со мной случай. В десяти верстах от меня ушел пруд; по обмелевшему дну много держалось всякой дичи, но ходить было тяжело. Это, однако, не мешало мне часто посещать его. Один раз, бродя между высокими камышами, по колено в грязи, и довольно нагрузив мой ягташ мелкою дичью, увидел я низко и прямо на меня летящую пару широконосок. Они летели совершенно в равной вышине от земли с моим ростом. Я ударил их встречу бекасиною дробью и убил наповал обоих: селезня и утку. Мне не хотелось мять в ягташе бекасов и гаршнепов, и я заткнул головы обеих широконосок за кожаный ремень, которым был подпоясан, подтянув его потуже, чтоб утки не выпали. Я проходил еще более часа. Наконец, вышел к своим дрожкам, поклал всю дичь в кожаный ящик и первых бросил туда широконосок. Я воротился домой не скоро: стрелял дорогой с подъезда и набил полон ящик разною дичью. По возвращении, при мне, у крыльца выбирали птицу из дрожек; когда добрались до дна ящика, вдруг селезень широконоска вылетел и скрылся из глаз, как совершенно здоровый!.. Оглушительные, обморочные, всегда головные раны, после которых птицы, повидимому убитые наповал, иногда отдыхают и улетают, — не редкость, но удивительно, как не удавился этот селезень, которого я таскал так долго заткнутого головой за туго подтянутым поясом?.. Как не задохся он в ящике под кучею дичи?

В противоположность ранам оглушительным, обморочным, или, правильнее сказать, контузиям, бывают раны внутренние, смертельные впоследствии, но с которыми птица *сгоряча*, как говорится, иногда долго летает и вдруг скоропостижно умирает. Таких случаев много со мной бывало, и я расскажу один из них. Выстрелил я с подъезда в пару чирков, проворно отплывавших от плоского берега на середину широкого пруда, где в недоступном для ружья расстоянии плавала большая стая черни. Я убил одного чирка, и собака подала его мне с воды. Поднявшись от выстрела и сделав круг, утиная стая черни села опять на средину пруда. Я, зарядив ружье, стоял еще на берегу, поджидая, не налетит ли на меня куличок или утчонка. Вдруг вся стая черни стремительно поднялась, как будто испуганная чем-то, и улетела. Я взглянул и увидел, что одна утка бьется на воде в предсмертных конвульсиях. Я послал собаку, и она вынесла мне уже умершую утку чернь, которая была вся в крови, вытекавшей из боковой раны прямо против сердца. Это достаточное доказательство, что птица может летать, будучи ранена смертельно. Но сколько тут удивительных обстоятельств! Утка была ранена на расстоянии по крайней мере девяноста или ста шагов, ранена рикошетом, взмывшею от воды 4-го нумера дробинкой (ибо я стрелял в чирков вдвое ближе), улетала вместе со стаей, как будто здоровая, и улетала довольно далеко; потом прилетела назад, села на прежнее место и умерла перед моими глазами. Отсюда можно заключить, сколько пропадает раненой птицы, не замечаемой охотниками.

е) Чирок

Вероятно, это имя дано ему по его крику. Чирок чиркает, то есть голос его похож на звуки слова *чирк, чирк*. Чирков две породы: первая — *чирки-коростельки*, а вторая — *чирки-половые*. Крик чирка-коростелька гораздо тонее и протяжнее, чем у чирка-полового, но гораздо пронзительнее и слышнее. Почему он назван чирком-коростельком — не знаю. Если по голосу, то хриплый и короткий крик обыкновенного коростеля, или

дергуна, более сходен с криком чирка-полового. Вообще чирки составляют самую мелкую, проворную, юркую и складную утиную породу. Утка *чирка-коростелька* вся светлосерая; на крыльях имеет она малозаметную (если не распустит крыла) светлосизую полоску. У ее селезня эта полоска гораздо шире и сизее, даже почти голубоватая, с ярким лоском; сверх того, по обеим сторонам его головы, вдоль по шее красно-кирпичного цвета, идут

Чирок-коростелек. Чирок-полевой.

белые полоски с небольшим в вершок длиною; пером он светлее утки, и брюшко его белесоватее. Чирки-половые всегда меньше коростельков, а иногда попадаются необыкновенно мелкие. Мне случилось однажды убить такую маленькую утку этой породы, что она казалась маленьким кряковным утенком: по миниатюрности своей она была очень миловидна. Половые чирки так же серы и пестры, как и чирки-коростельки, но цвет их перьев желтоватее и темнее; утка вся серо-пестрая, на крыльях имеет ярко блестящую, довольно широкую зеленую полоску. У селезня она еще шире и ярче; по обеим сторонам его головы, от глаз до половины шеи, тянутся две полоски, или, лучше сказать, два длинные пятна, около вершка, но вдвое шире, чем у чирка-коростелька. Эти пятна или полоски красновато-желтого цвета, точно как *подпалины* у *гончей* собаки: вот откуда, я думаю, про-

исходит имя *полового* чирка. Народ выражается с удивительной точностью; из всех утиных пород одним только чиркам придает он во множественном числе тот окончательный слог, которым означается малость и детство существа, например утята, цыплята и проч.; чирков старых вообще он называет *чирята.*

Во время весеннего прилета и осеннего отлета чирки появляются большими стаями; весною всегда оказываются несколько позднее других утиных пород, а осенью держатся долее всех, кроме кряковных уток. Чирки в розницу или *по разноте,* как говорят охотники, во все время своего пребывания у нас попадаются чаще всех уток. Несмотря на их обыкновенность и также на то, что чирки смирнее всех утиных пород, я всегда дорожил ими более, чем многими утками средней величины. Чирки прилетают довольно сытые, а улетают, облитые жиром, немного уступая в этом отношении кряквам, хотя я никогда не замечал, чтоб они летали в хлебные поля. Полет их очень жив и скор, особенно когда они соберутся в большие стаи. Кружась над местом, на которое хочет опуститься стая, чирки быстро поворачиваются, свиваясь как будто в темный клубок и развиваясь в более светлую полосу. Не один раз, стоя на весенних и осенних поздних вечерних стойках, бывал я испуган шумом и свистом, даже внезапным вихрем от промелькнувшей над самою головою плотно свернувшейся станицы чирят.

Я не говорил о величине яиц предыдущих утиных пород, кроме кряковной; будучи сходны между собою цветом и фигурой, они уменьшаются соразмерно с уменьшением величины утки, но яйца чирят так малы и матовый, слегка зеленоватый цвет их так нежен, что нельзя не упомянуть о них особенно. Странное дело: у кряковных и других больших уток я никогда не нахаживал более девяти или десяти яиц (хотя гнезд их нахаживал в десять раз более, чем чирячьих), а у чирков находил по двенадцати, так что стенки гнезда очень высоко бывали выкладены яичками, и невольно представляется тот же вопрос, который я задавал себе, находя гнезда погоныша: как может такая небольшая птица согреть и высидеть такое большое количество яиц?

Чирки с весны парами, а потом и в одиночку попадаются охотникам везде, где только есть вода, в продолжение всего лета, но они особенно любят маленькие речки, озерки и лужи, часто в самом селении находящиеся; прилетают даже к русским уткам. В осеннее время можно иногда сделать очень удачный выстрел в навернувшуюся нечаянно стаю чирят, и мне случилось один раз убить из одного ствола моего ружья, заряженного рябчиковою дробью, девять чирков. Подстреленный чирок ныряет проворнее всех уток, разумеется кроме нырка, и всех искуснее умеет спрятаться и притаиться в траве. Мясо жирного, осеннего чирка, если не пахнет рыбой, что, к сожалению, хотя редко, но бывает, я предпочитаю даже мясу кряковной утки [1]; в нем слышнее запах дичины. Все утиные яйца очень вкусны; но яйца чирка вкуснее других.

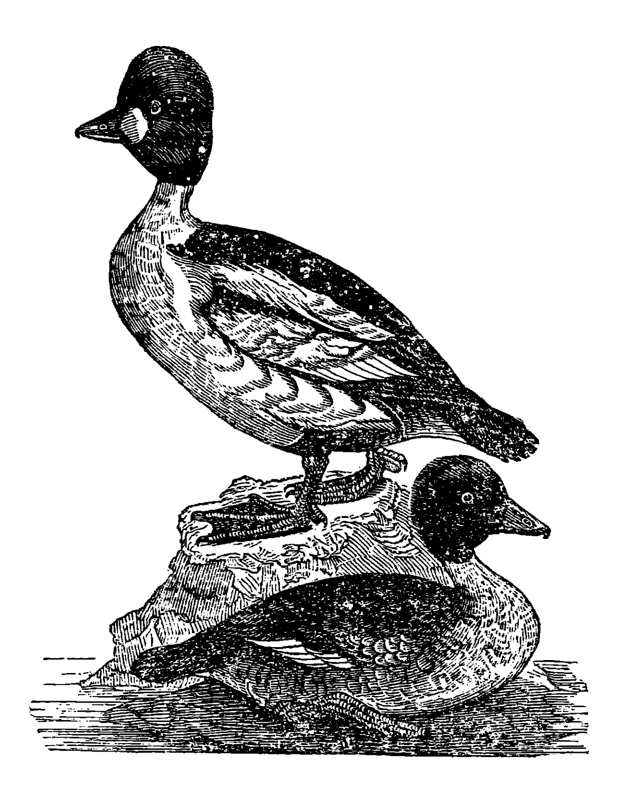
Вот лучшие породы уток, мне известные. Теперь я стану говорить об утках низшего достоинства, которые охотниками не уважаются, особенно потому, что все, без исключения, постоянно и сильно пахнут рыбой. Все они уже утки-рыбалки, или рыболовки; это по преимуществу водоплавающие птицы. Постоянное их местопребывание и днем и ночью — вода; земля для них почти не существует.

ж) Нырок

Небольшая, но крепкая, складная и мясистая утка. Кличка ей дана, как говорится, *по шерсти*, хотя, правду сказать, *гагара* не уступает *нырку*, а *гоголь* превосходит его в искусстве или способности нырять. Нырки пером пестры, а говоря точнее, их можно назвать пегими; цвет пежин однообразный и траурный — черный с белым; селезень пестрее и красивее утки. Полет их очень быстр, и от частого маханья крыльями происходит особенный

---

[1] Между некоторыми охотниками существует мнение, что чирята никогда рыбы не едят, никогда, следовательно, не могут ею пахнуть, но оно не всегда, или, лучше сказать, не везде справедливо.

звук, похожий не на чистый свист, а на какое-то дрожанье свиста, которое нельзя передать словами; подобный звук слышен отчасти в полете стрепета. Охотникам он хорошо знаком. Нырок не вдруг поднимается с воды, завидя человека: он сейчас начинает так проворно нырять, что на широкой воде в одну минуту очутится в безопасном расстоянии от выстрела. Если же это случится не на широкой реке и нырку придется нырять вниз по течению, то он производит с таким проворством свое подводное плаванье, что стрелок, если захочет догнать его, должен бежать, как говорится, во все лопатки. Наконец, когда охотник внезапно явится слишком близко к вынырнувшему нырку, забежав вперед за излучину или колено реки, — нырок поднимается; сначала отделяется от воды довольно трудно, летит, шлепая

крыльями по водяной поверхности, но скоро разлетится, полетит очень быстро и поднимется высоко. Нырки прилетают весной ранее всех уток. В исходе марта иногда стоит в Оренбургской губернии глубокая зима: ни малейших признаков наступающей весны, кроме ослепительного блеска, которым стекленеется поверхность снегов!.. И вдруг охотник слышит, что в вышине, под облаками, раздаются какие-то особенные звуки; он легко узнает их: это дребезжащий свист или шум от резкого полета огромных стай нырков. Поглядев пристально, зоркими глазами можно увидеть их, быстро и высоко летящих, подобно облаку или серой тучке, гонимой сильным ветром. Трудно пересказать, какое сладкое впечатление производят на сердце охотника эти неясные звуки, этот неопределенный шум, означающий начало прилета птицы, обещающий скорое наступление весны после долгой, нестерпимо надоевшей зимы, которая доводила до отчаяния охотника своею бесконечностью... Вот пример, как иногда бывает длинна зима в Оренбургской губернии: в 1807 году 1 апреля перед солнечным восходом было двадцать градусов мороза по Реомюру! Это так красноречиво, что ничего прибавлять не нужно и, несмотря на первое апреля, — совершенно верно, ибо с точностью записано мною в моих охотничьих записках. Не знаю, как другие охотники, но я всегда встречал с восхищением прилет нырков и, в благодарность за раннее появление и радостное чувство, тогда испытанное мною, постоянно сохранял к ним некоторое уважение и стрелял их, когда попадались... Хороша благодарность и уважение, скажут не охотники, но у нас своя логика: чем более уважается птица, тем более стараются добыть ее.

Сначала большие стаи нырков пролетают, не опускаясь, да и некуда им опускаться; вслед за ними появляются нырки парами везде, где река или материк в пруде очистились от льда, а на больших реках — по полыньям; потом до лета нырки продолжают держаться по рекам и прудам, парами и в одиночку. В продолжение лета нырков встречаешь мало, и то селезней, а осенью они опять собираются к отлету большими стаями. Никогда не нахаживал я их гнезд, но выводки мне попада-

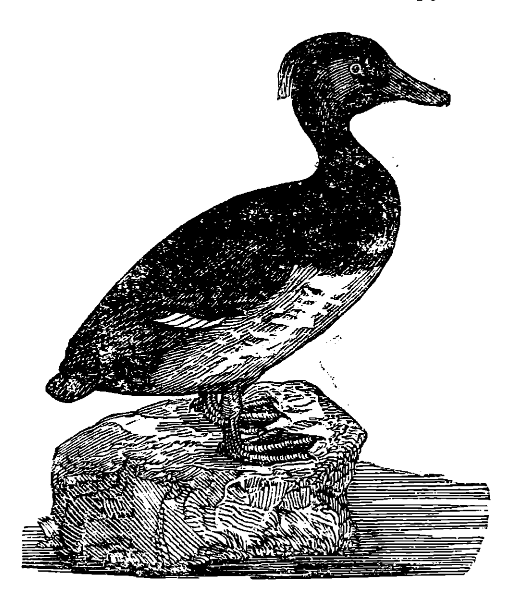
лись. Кажется, можно сказать утвердительно, что нырки не вьют гнезд на твердой земле, как все предыдущие, описанные мною утиные породы, а, подобно другим рыболовным уткам, ухитряются класть свои гнезда в камышах или высокой густой осоке, *на воде* или *над водою*. Я нашел два такие гнезда, и они будут описаны в своем месте. С нырка начинаются утиные породы, которые почти лишены способности ходить по земле: лапы их так устроены, что ими ловко только плавать, то есть грести, как веслами; они посажены очень близко к хвосту и торчат в заду. У нырка эта особенность еще не так резко выдается, и он составляет как будто переходную породу. Нос у него обыкновенного устройства, черноватый, не узенький и не бледнорогового цвета, как у всех остальных пород рыбалок, кроме черни. Все водоплавающие птицы снабжены от заботливой природы густым и длинным пухом, не пропускающим ни капли воды до их тела, но утки-рыбалки, начиная с нырка до *гоголя* включительно (особенно последний), предназначенные всю жизнь проводить на воде, снабжены предпочтительно самым густым пухом. Нырок всегда на воде: с утра до вечера ловит мелкую рыбешку, не брезгуя, впрочем, никакими водяными мелкими гадинами и насекомыми.

Утки с утятами, которые изумительно проворны, держатся упорно в камыше, и трудно выгнать их на открытую воду. Нырки всегда довольно сыты, а осенью бывают даже очень жирны; мясо их было бы сочно, мягко и вкусно, если б не пахло сильно рыбой. Я встречал людей, которым этот запах был не противен, и они считали нырков за лакомое кушанье. Если с нырка содрать кожу, выскоблить начисто его внутренности, хорошенько выполоскать, помочить часа два в соленой воде и потом зажарить, то рыбного запаху останется очень мало, и у кого хорош аппетит, тот может кушать его с удовольствием. Нырок довольно крепок к ружью и требует настоящей утиной дроби, не мельче 4-го нумера.

Есть точно такие же маленькие нырки, не более чирка, и есть еще нырки большие, с красными головами, широким носом пепельного цвета и широкими лапами абрикосового цвета. И тех и других мне видеть близко не удалось.

з) Чернь

Недаром дано этой породе уток собирательное имя: они появляются не очень рано весной, всегда огромными стаями; не только в одиночку или попарно, но даже маленькими стайками я никогда их не встречал. Обыкновенно садятся они на большие, чистые пруды или озера

и густым черным покрывалом одевают светлую воду. Вода буквально кажется *черною*, а потому и в этом отношении верно дано им название *чернь*. Они бывают у нас только пролетом: весной и осенью; на больших водах держатся долго, особенно в хорошую, теплую осень. Где выводят детей — не знаю, только не в тех уездах Оренбургской губернии, где я живал, потому что с молодыми я никогда их не видывал [1]. Величиною, складом носа и пером чернь очень похожа на утку нырка,

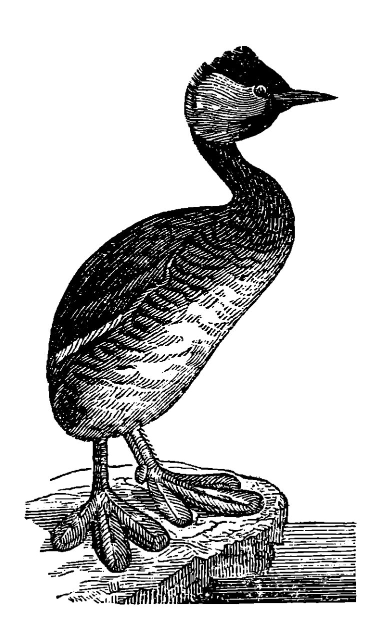
[1] Недавно получил я известие от одного достоверного охотника, что он встречал выводки черни в Оренбургской губернии. Я могу объяснить свою ошибку только тем, что смешивал их с выводками *белобрюшки* или нырка: утки их очень сходны.

то есть верхняя часть у них черного, а нижняя — беловатого цвета. Мне не удавалось много стрелять их; это хлопотно, потому что они всегда сидят на середине пруда и надобно к ним подъезжать на лодке, чего я никогда не делал, да и птица того не стоит. Я бивал их только тогда, когда они случайно на меня налетали. Различия в перьях между селезнем и уткой я не замечал, но другие охотники сказывали мне, что селезень отличается бо̀льшим отливом кофейного цвета, большею величиной и черным хохлом. Вообще эта утка пером некрасива, но крепкого сложения; нос и лапы у ней точно такого же цвета и устройства, как у нырка, а пахнет рыбой меньше его. Если удастся подплыть в меру из-за камыша к стае *черни*, то можно убить одним зарядом до десятка.

и). Гагара

Долго думал я, что *крохаль* — утка-рыбалка, особенная от *гагары*, потому что в молодости случилось мне убить двух гагар, которые не имели хохлов, были гораздо белесоватее пером, крупнее телом и которых простые охотники тогда называли крохалями. Впоследствии убедился я, что это одно и то же и что убитые мною утки-рыбалки были старые гагары, или крохали, которые всегда бывают крупнее и белесоватее. Без хохлов также попадались мне многие впоследствии, и, вероятно, хохлы имеют только селезни.

Длина этой утки от носа до хвоста, или, лучше сказать до ног, ибо хвостовых перьев у гагар нет, — одиннадцать вершков, нос длиною в вершок, темносвинцового цвета, тонкий и к концу очень острый и крепкий; голова небольшая, продолговатая, вдоль ее, по лбу, лежит полоса темнокоричневого цвета, оканчивающаяся позади затылочной кости хохлом вокруг всей шеи, вышиною с лишком в вершок, похожим более на старинные брыжжи или ожерелье ржавого, а к корню перьев темнокоричневого цвета; шея длинная, сверху темнопепельная, спина пепельно-коричневая, которая как будто оканчивается торчащими из зада ногами, темносвинцового цвета сверху и беловато-желтого снизу, с редкими, неправильными, темными пятнами; ноги гагары от лапок

до хлупи не кругловаты, но совершенно плоски, три ножные пальца, соединенные между собой крепкими глухими перепонками, почти свинцового цвета и тоже плоские, а не круглые, как бывает у всех птиц. Повыше последнего сгиба ноги, от которого начинается лапка, есть четвертый палец, в виде крошечной плоской лопатки, с таким же ногтем. Крылья, относительно величины самой птицы, не уступающей кряковной утке, очень узки и малы. Цвет их пепельно-коричневый; с обоих краев первые перья белые, а посредине крыльев поперек идет полоса пальца в три шириною, коричневого цвета; такого же цвета и три правильные пера. Брюхо, от ног до самого хохла или ожерелья, покрыто белыми, мелкими, серебристыми перьями, имеющими, с первого взгляда, вид волос, так они тонки; под перьями лежит превосходный, густой и нежный пух дикого цвета. Подбой крыльев яркобелый.

Гагары вполне утки-рыбалки и так пахнут рыбой, что есть их почти невозможно, а потому охотники не стреляют гагар, разве для того, чтоб разрядить ружье,

или для пуху, который не уступает гоголиному. Русский народ, однако, знал хорошо гагару только под именем крохаля (без сомнения, это имя древнейшее), потому что крохаль живет до сих пор в поговорке или присловье народном [1]. Когда хотят выразить чью-нибудь заботливость и любовь к другому лицу, то говорят: «*Он* (*или она*) *дрожит над ней, как крохаль*». Это означает или сильную привязанность селезня крохаля к утке, или особенную горячность последней к утятам, подмеченную народом. К сожалению, я не знаю коротко нравов этой утки, которые непременно должны быть замечательны, чему доказательством служит особенность в плоскости ног и в свивании гнезд, плавающих по воде. Я нашел один раз такое гнездо: гагара, сидя на нем, как на лодке, плавала по маленькому озерцу, находившемуся посреди огромного камыша; увидя меня в близком расстоянии, гагара сползла или свалилась на воду и нырнула. Яиц было девять (?), похожих на куриные величиною и фигурою, бледно-зеленоватого цвета с крапинками. Во время общего весеннего прилета птицы я никогда не замечал пролетных гагар стаями. Они оказываются как-то нечаянно, всегда в одиночку и всегда очень поздно весною. Глубокие пруды, особенно материки прудов, большие озера с камышами — вот обыкновенное их местопребывание. Пища гагар преимущественно состоит из мелкой рыбешки и частью из водяных насекомых. Гагары почти не могут ходить, а могут только присесть на свои ноги и то на мели, отчего получают странную посадку, ибо сидят, запрокинувшись назад, в полустоячем положении, подняв свой острый нос кверху. Они имеют в крыльях перья коротенькие, отчего самые крылья кажутся не так коротки. Вообще гагары летают, особенно поднимаются сначала, трудно, пока не разлетятся, и только одна крайность может заставить их подняться с воды; по большей части от всякой опасности они отделываются упорным ныряньем, в чем уступают только одним гоголям. Впрочем, некоторые охотники видали их летающих высоко и быстро целыми станицами.

---

[1] Крестьяне называют иногда гагарой лысуху.

Есть еще порода маленьких гагар, которые втрое меньше больших, совершенно с ними схожи станом и пером, но, кажется, без хохлов. Эта порода, напротив, всегда попадалась мне станичками: они летают гораздо резвее. Название гагары объяснить не умею.

Иногда смешивают гагар с гоголями по прямизне и длине вытянутых шей, но между ними немало существенной разницы во многих отношениях, о чем сейчас я буду говорить.

к) Гоголь

Собственное имя *гоголя* часто употребляется в народе как нарицательное или качественное. Всякий русский человек поймет, когда скажут про кого-нибудь: *«Экой гоголь!..»* или: *«Смотри, каким гоголем выступает...»*, хотя гоголь никак не выступает, потому что почти не может ходить. Это уподобление основывается на том, что гоголи (равно как и гагары) очень прямо держат свои длинные шеи и высоко несут головы, а потому людей, имеющих от природы такой склад тела, привычку или претензию, которая в то же время придает вид бодрости и даже некоторой надменности, сравнивают с гоголями. Без особенного острого зрения можно различить во множестве плавающих уток по озеру или пруду, торчащие прямо, как палки, длинные шеи гагар и гоголей; последние еще заметнее, потому что они погружают свое тело в воду гораздо глубже всех других уток и шеи их торчат как будто прямо из воды. Гоголь — последняя и, по преимуществу, самая замечательная утка-рыбалка, и пища его состоит исключительно из мелкой рыбешки. Гоголь поменьше гагары и равняется величиной с утками средними, например с широконоской или белобрюшкой, но склад его стана длиннее и челнообразнее. Цвет перьев сизый, даже голубоватый, с легкими отливами; ноги торчат совершенно в заду, лапки зеленоватого цвета, перепонки между пальцами очень плотные. Гоголь почти вовсе ходить не может и поднимается с воды труднее и неохотнее еще, чем гагара. Мне даже не случалось видеть во всю мою жизнь летающего гоголя. Нос у него узенький, кругловатый, ни-

сколько не подходящий к носам обыкновенных уток: конец верхней половинки его загнут книзу; голова небольшая, пропорциональная, шея длинная, но короче, чем у гагары, и не так неподвижно пряма; напротив, он очень гибко повертывает ею, пока не увидит вблизи человека; как же скоро заметит что-нибудь, угрожающее опасностью, то сейчас прибегает к своей особенной способности погружаться в воду так, что видна только одна узенькая полоска спины, колом торчащая шея и неподвижно устремленные на предмет опасности, до невероятности зоркие, красные глаза. В этом сторожевом положении гоголь удивителен! Как бы вы пристально на него ни смотрели, вы не заметите даже, когда и куда пропадет он! Не заметите также, когда и откуда вынырнет... до такой степени он ныряет быстро. Даже слово *нырять* не годится для выражения гоголиного ныряньья: это просто исчезновение. Для полного понимания изумительного проворства гоголя довольно сказать, что когда употреблялись ружья с кремнями, то его нельзя было убить иначе, как врасплох. Вместе со стуком кремня об огниво, брызнувшими от стали искрами, воспламенением пороха на полке, что, конечно, совершается в одну секунду — исчезает шея и голова гоголя, и дробь ударяет в пустое место, в кружок воды, завертевшийся от мгновенного его погружения. Единственно волшебной быстроте своего ныряньья обязан гоголь тем вниманием, которое оказывали ему молодые охотники в мое время, а может быть, и теперь оказывают, ибо мясо гоголиное хуже всех других уток-рыбалок, а за отличным его пухом охотник гоняться не станет. Видимая возможность убить утку, плавающую в меру и не улетающую от выстрелов, надежда на свое проворство и меткость прицела, уверенность в доброте любимого ружья, желание отличиться перед товарищами и, всего более, трудность, почти невозможность успеха раздражали самолюбие охотников и собирали иногда около гоголей, плавающих на небольшом пруде или озере, целое общество стрелков. Я помню в молодости моей много подобных случаев. Сколько крика, смеха, горячности, беганья и бесполезных выстрелов! По большей части случалось, что, не убив ни одного гоголя и расстреляв свои

патроны, возвращались мы домой, чтоб на просторе досыта насмеяться друг над другом. Но иногда упорство преодолевало, и то единственно в таком случае, если на воде был захвачен один, много два гоголя, ибо тут надобно было каждому из них беспрестанно нырять. Бедная утка, наконец, выбивалась из сил, не могла держать своего тела глубоко погруженным в воде, начинала чаще выныривать, медленнее погружаться, и удачный выстрел доставлял победу которому-нибудь из охотников. — После рассказанного мною, казалось бы, должно заключить, что гоголи лишены способности летать, но некоторые, достойные вероятия, охотники уверяли меня, что видели быстро и высоко летающих гоголей. Притом откуда же они являются весною? Конечно, откуда-нибудь прилетают, хотя никто не видывал их прилета; они в начале мая вдруг оказываются на прудах и озерах, всегда в очень малом числе. Что же касается до того, что гоголь, окруженный охотниками, не поднимается с воды от их выстрелов, то, без сомнения, он чувствует опасность подъема по инстинкту, в чем и не ошибается: поднявшись с воды, он был бы убит в ту же минуту в лет несколькими выстрелами. Если же случится подойти к воде из-за чего-нибудь, так, чтобы не было видно охотника, то застрелить гоголя весьма легко: он плавает на воде высоко, шея его согнута, и он пристально смотрит вниз и сторожит маленьких рыбок. Тогда выстрел убивает его, как простую утку.

Я пробовал стрелять гоголей тем способом, каким стреляют стоящую неглубоко в воде рыбу. Надобно принять в соображение угол падения дроби и метить не в самую рыбу, а несколько выше или ниже. Угол отражения дроби, всегда равный углу падения, будет зависеть от того, как высок берег, на котором стоит охотник, и как далека от него цель. Если берег совершенно плоск и расстояние не близко, одним словом, если угол падения будет очень остр, то дробь рикошетом взмоет вверх. Очевидно, что в этом случае надобно брать на цель ниже или ближе стоящей рыбы; если же берег высок и угол падения дроби будет выходить тупой, то дробь пойдет в воде под тем же углом вниз, следовательно брать на цель надобно несколько выше или дальше. За-

метив, что гоголь сначала ныряет прямо вглубь, а не в сторону или вперед, как другие утки, и потом уже поворачивает куда ему надобно, я целил в нырнувшего гоголя, как в стоячую в воде рыбу, но успеха не было. Проворство его спасало. Острота зрения и слуха у гоголя изумительны: хотя бы он плыл спиною к охотнику, он видит, не оглядываясь, все его движения и слышит стук кремня об огниво. Много раз входило мне в голову: не устроен ли глаз у гоголя особенным образом? Но по наружности ничего особенного не заметно. Должно предполагать, что из ружей с пистонами можно бить гоголей успешнее, ибо нет искр от огнива, нет вспышки пороха, и выстрел пистонных ружей гораздо быстрее. Поверить это предположение на опыте мне не удалось, но впоследствии я слышал, что мое мнение совершенно оправдалось на деле.

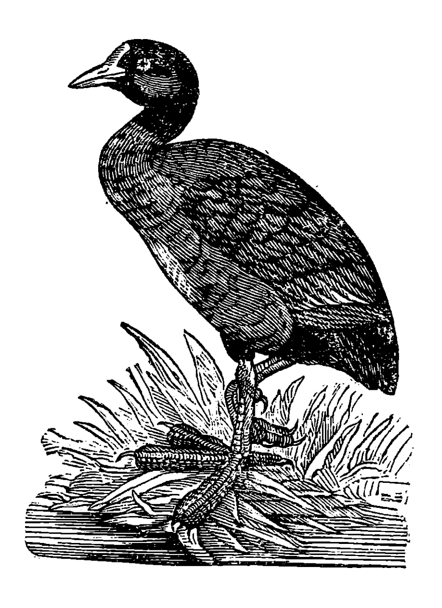
Я не нахаживал гоголиных гнезд, но нет никакого сомнения, что гоголь устраивает их в камышах над водою, как гагары, лысухи и, вероятно, другие породы уток-рыбалок, потому что гоголь более всех их лишен способности ходить. Гоголиные выводки я встречал часто и один раз видел, как гоголь-утка везла на своей спине крошечных гоголят, покрытых сизым пухом, и плыла с ними очень быстро. Я слыхал об этом прежде от охотников, но, признаюсь, не вполне верил. Невольно представляется вопрос: отчего бы и другим уткам не делать того же? Отчего именно гоголиной утке нужна такая особенность, тогда как гоголята проворнее всех других утят?

Ко всему мною сказанному надобно прибавить, что гоголи встречаются всегда в небольшом числе и не везде, а только на водах довольно глубоких и рыбных и что различия утки от селезня в цвете перьев я никогда не замечал. Гоголи пропадают осенью очень рано. Мясо их нестерпимо воняет рыбой и на вкус горько и противно. Жирных гоголей я не видывал.

В заключение повторю, что описанная мною утка есть настоящий гоголь со всеми его замечательными особенностями, а называемые иногда большого и малого рода гоголями утки-рыбалки — не что иное, как гагары.

4. ЛЫСУХА, ИЛИ ЛЫСЕНА
(*Водяная курица*)

Гоголем заключилось отделение уток. *Лысуха,* или *лысена,* по устройству своего тела, особенно шеи и головы, по беловатому, острому, совершенно *куриному* носу, даже по своему неровному плаванью и непроворному ныряныо, несмотря на постоянное пребывание на мелкой воде, отличается от утиных пород и по справедливости может назваться *водяною курицею.* Имя лысухи, или лысены, без сомнения, дано ей потому, что у ней на лбу лежит как будто припаянная белая, гладкая бляха, весьма похожая на большую, очищенную от шелухи миндалину, отчего голова издали кажется лысою. Эта белая, будто костяная, бляха есть не что иное, как мясистый нарост, покрытый крепкою, скорлупообразною кожею. Все лысухи без исключения, и самцы

и самки (между которыми различия я никогда не замечал), имеют эту бляху, которая лоснится на солнце.

Наружною величиной лысена в перьях не меньше средней утки, но собственно телом — немного больше чирка; цветом издали вся черная, а вблизи черновато-сизая или дымчатая; ноги хотя торчат в заду, как у *нырка,* но все не так, как у гагар и гоголя; она может на них опираться больше других, настоящих уток-рыбалок, и даже может ходить. На ногах у лысены, повыше первого сгиба, из-под мягких сизых перьев лежат желто-зеленые поперечные полосы в полпальца шириною; зеленоватый цвет виден даже на последнем сгибе ног до самой лапы; он проглядывает сквозь свинцовый цвет, общий ногам всех лысен; лапы их на солнце отливают грязноперламутровым глянцем; перепонка между пальцами толстая, вырезанная городками, отчего они и не могут так ловко плавать, как другие утки. Все ноги их исчерчены правильными беловатыми линиями, поперечными и продольными, образующими маленькие квадратики и городки; нижняя сторона лап темносвинцовая; хвост самый короткий, темный. Надобно заметить, что одно только устройство ног заставляет причислить лысуху к породе уток-рыбалок; во всем остальном, кроме постоянного пребывания на воде, она не сходна с ними. Летают лысухи плохо и поднимаются только в крайности: завидя какую-нибудь опасность, они, покрикивая особенным образом, как будто стоная или хныкая, торопливо прячутся в камыш, иногда даже пускаются в бег, не отделяясь от воды и хлопая по ней крыльями, как молодые утята; то же делают, когда хотят подняться с воды, покуда не разлетятся и не примут обыкновенного положения летящей птицы. Весной появляются довольно поздно и пропадают рано осенью: прилета и отлета их стаями и даже парами я не замечал. Обыкновенное местопребывание лысух — стоячие воды, пруды и озера с камышами; они любят держаться на мелкой воде, даже у самых берегов, потому что их пища преимущественно состоит из насекомых, водяных трав и даже тины, для чего нужно им доставать дно. Впрочем, питаются и рыбой, если она попадется, и всегда ею пахнут, хотя гораздо менее уток-рыбалок. К осени лысены бывают очень жирны и были бы довольно вкусны, если б не рыбный запах, который, однако, значительно

уменьшается, если содрать с лысены кожу и потом уже ее жарить.

Я уже сказал, что нашел однажды пловучее гнездо гагары; точно такого же устройства попалось мне гнездо и лысухи. Оно держалось довольно высоко на воде, мало в нее погружаясь. Лысена плавала кругом. Гнездо было свито из сухой осоки и особенной породы мягкого, толстого, также сухого камыша. Одна сторона гнезда, по которой взлезала и слезала лысена, была обмята и пониже других. Дно гнезда внутри и круглые боковые стенки почти доверху были вымазаны и даже промазаны очень гладко, искусно и прочно собственным калом лысухи, отвердевшим, как каменная штукатурка [1]; на дне лежала настилка из черных перьев и темного пуха, выщипанного матерью из своей хлупи, и, наконец, девять яиц (немножко поменьше куриных) прекрасного темносизого, слегка зеленоватого цвета с глянцем, испещренных белыми крапинками. Очевидно было, что гнездо прикреплялось к камышу (тем же самым калом), и очень крепко, потому что верхушки двух перерванных камышин и одна выдернутая или перегнившая у корня, плотно приклеенные к боку гнезда, плавали вместе с ним по воде, из чего можно заключить, что когда гнездо не было оторвано от камыша, то воды не касалось. Я собирал тогда яйца всех птиц и без памяти обрадовался такой редкой находке. Я взял бережно гнездо, поставил его в лодку и поспешно поплыл домой: лысуха, покрикивая, или, лучше сказать, похныкивая, провожала меня чрез весь пруд, почти до самого мельничного кауза [2].

Маленькие цыплята лысены бывают покрыты почти черным пухом. Мать не показывает к детям такой сильной горячности, как добрые утки *не* рыбалки: спрятав цыплят, она не бросается на глаза охотнику, жертвуя собою, чтобы только отвесть его в другую сторону, а прячется вместе с детьми, что гораздо и разумнее.

---

[1] Что эта обмазка или штукатурка есть не что иное, как помет лысены — убедиться нетрудно, сличив обмазку с свежим пометом, которого всегда бывает довольно на верху гнезда.

[2] Кауз — дверцы, в которые течет вода по трубам на водяные колеса. Около Москвы называют его *дворец* (дверец?).

Охотники редко без особенных причин стреляют лысух, и потому они очень смирны; мясо их незавидного вкуса, даже и черный пух не так длинен и густ, как пух уток-рыбалок. Впрочем, он им не так нужен, потому что лысухи много времени проводят сидя и даже ходя по плоским берегам пруда или озера, а не беспрестанно плавают по воде. Чуваши, мордва и татары охотно едят лысух, если они им попадутся, и мне случалось дарить их этим лакомством. В местах, где я живал в Оренбургской губернии, лысены водятся во множестве и составляют какую-то необходимую принадлежность прудов и озер. Было бы странно подойти или подъехать к камышистому пруду и не увидеть на нем порывисто двигающихся в разных направлениях черных кочек с белыми костяными бляхами, чем кажутся издали лысены, и не услышать их тихого, грустно хныкающего голоса: картина была бы неполна.

РАЗРЯД III

ДИЧЬ СТЕПНАЯ, ИЛИ ПОЛЕВАЯ

СТЕПЬ

Собираясь говорить о степной дичи, я считаю нужным рассказать все, что знаю о месте ее жительства.

Слово *степь* имеет у нас особенное значение и обыкновенно представляет воображению обширное пространство голой, ровной, безводной земной поверхности; многие степи таковы действительно, но в Оренбургской губернии, в уездах Уфимском, Стерлитамацком, Белебеевском, Бугульминском, Бугурусланском и Бузулуцком [1], степи совсем не таковы: поверхность земли в них по большей части неровная, волнистая, местами довольно лесная, даже гористая, пересекаемая оврагами с родниковыми ручьями, степными речками и озерами. Всякое пространство ковылистой *нови*, никогда не паханной земли, иногда на несколько сот верст в окружности, а иногда небольшое, зовут там степью. Такие степные места, как следует по настоящему называть их, бывают чудно хороши весной своею роскошною, свежею ра-

[1] Последние три уезда отошли теперь ко вновь учрежденной Самарской губернии.

стительностью. Сочными, пышными, высокими травами и цветами покрыта их черноземная почва, особенно по долинам и равнинам между перелесками. В благоприятный год степные сенокосы обильнее и лучше заливных лугов. Только по скатам величавых горных хребтов, которые вдоль по рекам, речкам и суходолам перерезывают иногда степные сырты и увалы, попадаются горные породы мелкорослых трав: особенного вида приземистый, рассыпчатый ковыль, сизый горный шалфей, белая низенькая полынь, чабер и богородская трава. Особенным ароматом наполняют они воздух, и кто не ночевывал летом в наших степях, на покатостях горных кряжей, тот не может иметь понятия о благорастворенном, мягком, живительном их воздухе, который здоровее даже лесного. Целебные качества степных трав и степного воздуха очевидно доказываются удивительным восстановлением телесных сил кочевых башкирцев, которые каждую весну выезжают в свои степные *кочи* исхудалые, изможденные голодною зимою, и также исцелением множества больных, уже приговоренных к смерти врачами. Да не приписывают этого исцеления употреблению одного кумыса: он мало оказывает пользы без степного корма для кобыльих маток, без степного воздуха, без жизни в степи.

Рано весной, как только сойдет снег и станет обсыхать вётошь, то есть прошлогодняя трава, начинаются *палы́*, или степные пожары. Это обыкновение выпаливать прошлогоднюю сухую траву для того, чтобы лучше росла новая, не обходится иногда без дурных последствий. Чем ранее начинаются палы, тем они менее опасны, ибо опушки лесов еще сыры, на низменных местах стоят лужи, а в лесах лежат сувои снега. Если же везде сухо, то степные пожары производят иногда гибельные опустошения: огонь, раздуваемый и гонимый ветром, бежит с неимоверною быстротою, истребляя на своем пути все, что может гореть: стога зимовавшего в степях сена, лесные колки [1], даже гумна с хлебными копнами, а иногда и самые деревни. Для отвращения

---

[1] Колком называется, независимо от своей фигуры, всякий отдельный лес; у псовых охотников он носит имя *острова*.

подобных бедствий лет сорок или пятьдесят тому назад в общем употреблении было одно средство: предварительно опалить кругом стога, лес, гумна и деревню. Я своими глазами видал, как целые толпы крестьян и крестьянок, с метлами в руках, производили такое опаливание; они шли по обеим сторонам нарочно пущенного и бегущего, как ручей, огня, тушили его боковые разливы и давали ему надлежащее направление. При сильном ветре, обыкновенно бывающем весною и усиливающемся от пожаров, особенно если трава суха, это предохранительное опаливанье — дело довольно затруднительное. Случалось, что не могли сладить с огнем, и он уходил в поле, так что самая предосторожность производила ту же беду, от которой защищались. Таким же образом выжигают залежи, поросшие высоким бастыльником, и прошлогоднюю жниву. Это делается не столько для удобрения земли, сколько для того, чтобы легче было пахать яровую пашню, ибо на плодоносной почве густая прошлогодняя жнива бывает выше колена. Не входя в рассуждение о неосновательности причин, для которых выжигают сухую траву и жниву, я скажу только, что палы́ в темную ночь представляют великолепную картину: в разных местах то стены, то реки, то ручьи огня лезут на крутые горы, спускаются в долины и разливаются морем по гладким равнинам. Все это сопровождается шумом, треском и тревожным криком степных птиц. Хорошо, что степные места никогда не выгорают все дотла, а то негде было бы водиться полевой птице. Мокрые долочки, перелески и опушки лесов с нерастаявшим снегом, дороги, в колеях которых долго держится сырость, наконец речки — останавливают и прекращают огонь, если нет поблизости сухих мест, куда бы мог он перебраться и даже перескочить. Это перескакиванье в ночной темноте бывает также очень живописно. Огонь, бежавший широкою рекою, разливая кругом яркий свет и заревом отражаясь на темном небе, вдруг начинает разбегаться маленькими ручейками; это значит, что он встретил поверхность земли, местами сырую, и перебирается по сухим верхушкам травы; огонь слабеет ежеминутно, почти потухает, кое-где перепрыгивая звездочками, мрак одевает окрестность... но одна

звездочка перескочила на сухую залежь, и мгновенно расстилается широкое пламя, опять озарены окрестные места, и снова багряное зарево отражается на темном небе.

Сначала опаленные степи и поля представляют печальный, траурный вид бесконечного пожарища; но скоро иглы яркой зелени, как щетка, пробьются сквозь черное покрывало, еще скорее развернутся они разновидными листочками и лепестками, и через неделю всё покроется свежею зеленью; еще неделя, и с первого взгляда не узнаешь горелых мест. Степной кустарник, реже и менее подвергающийся огню, потому что почва около него бывает сырее: вишенник, бобовник (дикий персик) и чилизник (полевая акация) начинают цвести и распространять острый и приятный запах; особенно роскошно и благовонно цветет бобовник: густо обрастая иногда огромное пространство по отлогим горным скатам, он заливает их сплошным розовым цветом [1], промеж которого виднеются иногда желтые полосы или круговины цветущего чилизника. По другим местам, более отлогим, обширные пространства покрыты белыми, но не яркими, а как будто матовыми, молочными пеленами: это дикая вишня в цвету. Вся степная птица, отпуганная пожаром, опять занимает свои места и поселяется в этом море зелени, весенних цветов, цветущих кустарников; со всех сторон слышны: не передаваемое словами *чирканье* стрепетов, заливные, звонкие трели кроншнепов, повсеместный горячий *бой* перепелов, трещанье кречеток. На восходе солнца, когда ночной туман садится благодатною росою на землю, когда все запахи цветов и растений дышат сильнее, благовоннее — невыразимо

---

[1] Плоды дикого персика состоят из небольших бобов, с серебряный пятачок в окружности, сердцеобразной фигуры. Орехи, имеющие вкус горького миндаля и, вероятно, все его качества, заключены в жесткой и крепкой скорлупе, покрытой сверху мохнатою зеленоватою кожицею. В Оренбургской губернии бьют из них масло, вкус которого и запах так пронзительно остры, что одну ложку его кладут на бутылку макового масла, и этого достаточно, чтобы сообщить целой бутылке очень сильный, приятный и ароматический вкус; если персикового масла положить более, то оно производит желудочные и головные боли.

очаровательна прелесть весеннего утра в степи... Все полно жизни, свежо, ярко, молодо и весело!.. Таковы степные места в Оренбургской губернии в продолжение мая.

Если лето дождливо, то роскошная растительность сохраняет свою свежесть до начала июля и достигает великолепных размеров; но если июнь сух, то к концу его травы начинают сохнуть, а ковыль развивать понемногу свои пуховые нити. К концу же июня, к Петрову дню, поспевает ранняя полевая клубника; но самый *раст* ее бывает около летней Казанской, 8 июля. Эта чудная, ароматная, превосходная вкусом и целебная для здоровья ягода родится в некоторых местах в удивительном изобилии: в голой, чистоковылистой степи ее мало, но около перелесков, по долинам и залежам, когда они закинуты уже года три или четыре и начинают лужать, клубника родится сплошная и, когда созреет, точно красным сукном покрывает целые загоны. В июле поспевает полевая вишня; места, где растет она, называются *вишенными садками;* они занимают иногда огромное пространство и сначала еще ярче краснеют издали, чем клубника, но спелая ягода темнеет и получает свой собственный, вишневый цвет. Русские туземцы только сушат полевую клубнику для продажи и для употребления во время поста, а все азиатские племена приготовляют из нее пастилу, которая бывает очень вкусна, если сделана из отборных спелых ягод: она известна под именем *татарской пастилы*. Вишню также сушат, а большие садки отдают *на съём* приезжающим нарочно для этого промысла верховым торгашам, которые нанимают кучу всякого народа, набирают вишен целые десятки возов, бьют морс и увозят в больших сорокоушах: из этого морса выгоняется превосходная водка. Но прежде нашествия человеческого нападают на ягоды птицы: тудаки, стрепета и тетерева со своими выводками. Последние исключительно питаются ягодами, пока ягоды не сойдут, и в это время мясо молодых тетеревов получает отличный вкус.

Осенью ковылистые степи совершенно изменяются и получают свой особенный, самобытный, ни с чем не схожий, чудный вид: выросшие во всю свою длину и вполне распушившиеся перлово-сизые волокна ковыля

при легком дуновении ветерка уже колеблются и струятся мелкою, слега серебристою зыбью. Но сильный ветер, безгранично властвуя степью, склоняет до пожелтевших корней слабые, гибкие кусты ковыля, треплет их, хлещет, рассыпает направо и налево, бьет об увядшую землю, несет по своему направлению, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все как будто текущее в одну сторону. Для непривычных глаз такое зрелище сначала ново и поразительно, никакое течение воды на него не похоже; но скоро своим однообразием оно утомляет зрение, у иных производит даже головокружение и наводит какое-то уныние на душу. Степные же места не ковылистые в позднюю осень имеют вид еще более однообразный, безжизненный и грустный, кроме выкошенных луговин, на которых, около круглых стогов потемневшего от дождя сена, вырастает молодая зеленая отава; станицы тудаков и стрепетов любят бродить по ней и щипать молодую траву, даже гуси огромными вереницами, перемещаясь с одной воды на другую, опускаются на такие места, чтобы полакомиться свежею травкою.

Необходимая принадлежность степей Оренбургского края с весны до поздней осени — башкирские *кочи*, с их многочисленными стадами мелкого скота и конскими табунами. Как только покажется подножный корм, башкирцы, все без исключения, со всеми своими семействами, здоровые и больные, со всем своим скарбом, переселяются в степь. Выбирают привольное место, не слишком в дальнем расстоянии от воды и леса, с изобильными пастбищами для скота, ставят войлочные свои шатры, вообще известные под именем *калмыцких кибиток*, строят плетневые шалаши и водворяются в них. Тогда-то степи населяются и принимают свой первобытный образ, бледнеющий с каждым годом. Здесь утонули в траве рассыпанные стада баранов, овец и коз, с молодыми ягнятами и козлятами, матки которых всегда ягнятся на траву; далеко слышно их разноголосное блеянье. Там бродят и мычат стада коров; там пасутся и ржут конские табуны; а вот появляются на концах горизонта, то с одной, то с другой стороны, какие-то черные движущиеся точки: это остроконечные шапки

башкир. Иногда такие точки помелькают на крайних чертах горизонта и — пропадут; иногда выплывают на степь, вырастают и образуют целые полные фигуры всадников, плотно приросших кривыми ногами к тощим, но крепким, не знающим устали, своим иноходцам [1]: это башкирцы, лениво, беспечно, всегда шагом разъезжающие по родной своей степи. Пересекая ее во всех направлениях, они или просто гуляют от нечего делать, или едут в гости в *шабры-кочи* (соседнее кочевье), иногда верст за сто, обжираться до последней возможности жирною бараниной и напиваться допьяна кумысом. В первых кочевьях башкирцы живут до тех пор, пока не потравят кругом кормов своими стадами; тогда переселяются они на другое место, а потом даже на третье. В выборе первой кочевки башкирцы руководствуются правилом: сначала занимать такие места, на которых трава скорее выгорает от солнца, то есть более высокие, открытые и сухие; потом переходят они к долинам, к перелескам (где они есть), к овражкам с родниками и вообще к местам более низменным и влажным. С самого начала весны отделяют они всех кобылиц, кроме дойных маток, в один табун, или косяк, и, под начальством жеребца, пускают в степь. Косячный жеребец делается полным хозяином и настоящею главою своего гарема. Он держит жен своих в строгом повиновении: если которая-нибудь отобьется в сторону — он заворачивает ее в табун; он переводит их с одного пастбища на другое, на лучший корм; гоняет на водопой и загоняет на ночлег, одним словом, строго пасет свой косяк, никого не подпуская к нему близко ни днем, ни ночью. Распустив гриву и хвост, оглашая степную даль ржаньем, носится он вокруг табуна и вылетает навстречу приближающемуся животному или человеку и, если мнимый враг не отойдет прочь, с яростию бросается на него, рвет зубами, бьет передом и лягает задними копытами. Бешеная запальчивость его бывает до того безумна, что од-

---

[1] В породе башкирских лошадей очень много попадается иноходцев, почти всегда головастых, горбатых и вообще невысокого достоинства относительно резвости бега; но они очень покойны для верховой езды, и башкирцы очень любят на них ездить.

нажды косячный жеребец напал на тройку лошадей, на которых я ехал в охотничьих дрожках! Он изъел шею моего корневого жеребца, и я только выстрелами мог отогнать его... Наступает суровая осень, голодно и холодно становится в степи на подножном корме, и жеребец сам пригоняет вверенный ему косяк жеребых маток на двор к своему хозяину.

Но не все лошади кормятся зимою на дворах; большая часть башкирских табунов проводит зиму в степи. В деревнях остаются только лошади отличные, почему-нибудь редкие и дорогие, лошади езжалые, необходимые для домашнего употребления, жеребята, родившиеся весной того же года, и жеребые матки, которых берут, однако, на дворы не ранее, как во второй половине зимы: все остальные *тюбенюют*, то есть бродят по степи и, разгребая снег копытами, кормятся вётошью ковыля и других трав. Хотя снега в открытых степях и по скатам гор бывают мелки, потому что ветер, гуляя на просторе, сдирает снег с гладкой поверхности земли и набивает им глубокие овраги, долины и лесные опушки, но тем не менее от такого скудного корма несчастные лошади к весне превращаются в лошадиные остовы, едва передвигающие ноги, и многие колеют; если же пред выпаденьем снега случится гололедица и земля покроется ледяною корою, которая под снегом не *отойдет* (как то иногда бывает) и которую разбивать копытами будет невозможно, то все конские табуны гибнут от голода на *тюбеневке*. Башкирцы, по лености своей, мало заготовляют сена на зиму, да, правду сказать, на весь скот и на все конские табуны в таком количестве, в каком башкирцы держали их прежде, заготовить сена было невозможно. Теперь башкирцы косят его вдвое больше, а скота и лошадей против прежнего не имеют и вполовину.

Наконец, наступает первозимье: снег покрывает землю, ложатся пороши, испещряется степь русачьими *маликами*, лисьими *нарысками*, волчьими *следами* и следами мелких зверьков. Пришла пора сходить и съезжать русаков. Если вдруг выпадет довольно глубокий снег четверти в две, пухлый и рыхлый до того, что нога зверя вязнет до земли, то башкирцы и другие азиатские

и русские поселенцы травят, или, вернее сказать, давят, в большом числе русаков не только выборзками, но и всякими дворными собаками, а лис и волков заганивают верхами на лошадях и убивают одним ударом толстой ременной плети, от которой, впрочем, и человек не устоит на ногах. Успех травли и гоньбы происходит от того, что лошадям и высоким на ногах собакам снег в две и две с половиной четверти глубины мало мешает скакать, а зверю напротив: он вязнет почти по уши, скоро устает, выбивается из сил, и догнать его нетрудно. С первою оттепелью, с первою осадкой снега и образованьем наста, без чего редко становится зима, всякое добыванье зверя в степи гоньбою прекращается, потому что снег окрепнет и, поднимая зверя, не поднимет ни человека, ни лошади. Одни зимние вьюги, по-оренбургски — бураны, беспрепятственно владычествуют на гладких равнинах, взрывая их со всех сторон, превращая небо, воздух и землю в кипящий снежный прах и белый мрак... О, не дай бог никому испытать жестокость зимних метелей в степях оренбургских!

Кроме известной дичи: тудаков, кроншнепов, стрепетов и других, в степях водятся звери и разные зверьки: белесоватая степная лиса, которая хуже мехом и меньше ростом лесной, красной лисицы, называемой *огневка*, зайцы, русаки и тумаки, которых охотники называют *ковыльниками*, хорьки, горностаи, ласки и карбыши. В отрогах водятся волки, изредка и барсуки, а по скатам гор водились прежде в великом множестве сурки. Я еще помню, что около самых деревень, куда, бывало, ни взглянешь, везде по сурчинам [1] сидят они на задних лапках,

---

[1] Сурчинами называются бугорки, насыпанные сурками при рытье своих нор, которые бывают очень глубоки, всегда имеют два входа и проводятся под землею на довольно большое расстояние. Главный, или передний, вход, широкий и утолоченный от беспрестанного влезанья и вылезанья, называется *норою*, а задний, малоприметный, употребляемый только в крайности, называется *поднорком*. Эти бугорки, а иногда порядочные бугры, если семейство сурков велико, составляются первоначально из чернозема, а потом, по мере углубления норы, заметываются выгребаемою лапами сурков глиною и даже галькой и потому краснеются издали, покуда плотно не обрастут чилизником и бобовником.

как медвежата, и громким свистом перекликаются между собою. По мере населения края сурки отступали от новых пришельцев в места более уединенные и, наконец, в некоторых уездах почти перевелись. Бесчисленные сурчины, но уже пустые, свидетельствуют о множестве прежних жильцов. В покинутых норах нередко поселяются лисы и выводят детей, а зайцы русаки прячутся в них от всякой невзгоды. Крепкая кожа и отлично мягкое сало сурков, которые бывают до невероятности жирны к осени, весьма пригодны для домашнего обихода. Бить из ружей их трудно, потому что сурки сидят над самою норою и, будучи даже смертельно ранены, падают прямо в нору и успевают залезать в нее так глубоко, что их не достанешь, а разрывать нору много хлопот. Туземцы ловят сурков петлями, которые настораживают над лазом из главной норы, и капканами, которые ставят на торных тропах, проложенных от одной сурчины к другим; сурки любят целыми семьями посещать своих соседей и принимать гостей: соберутся кучкой, посидят на задних лапках, посвищут и разойдутся. Бывало, станешь приближаться к такой приятельской беседе, и вдруг хозяева попрячутся в норы, а гости побегут неуклюже и смешно к своим сурчинам. — Сурки рано осенью уходят в норы, затыкают их изнутри сухою травою и засыпают до весны, до пробуждения от зимнего сна всей природы.

Со временем не останется лоскута нераспаханной степи в Оренбургской губернии. Вопреки землемерским планам и межевым книгам, все ее земли удобны, все должны быть населены, и все, написанное мною о степных местах этого чудного края, сделается преданием, рассказом старины.

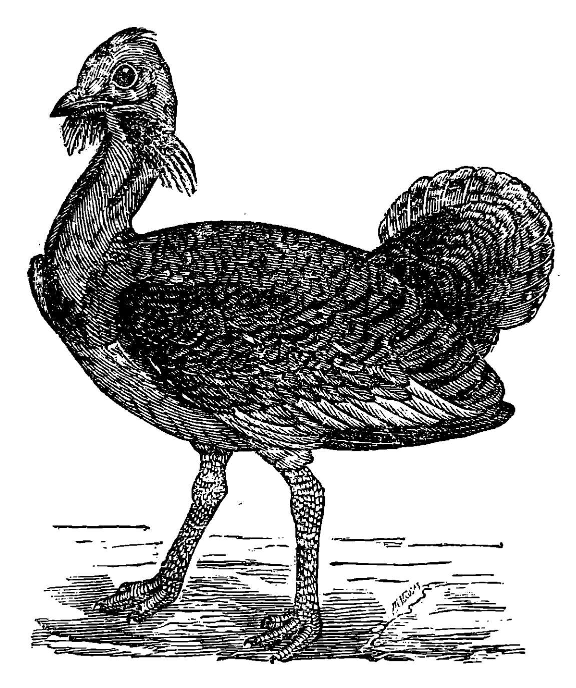
1. ДРОФА

Имя *дрофы* — не знаю, откуда происходит. В Оренбургской губернии зовут ее по-татарски *тудак*, или *дудак*. Это же название слыхал я в соседственных губерниях, но в Курской, вместо дрофа, говорят *дрохва*. Я остаюсь убежден в нерусском происхождении этого слова.

По величине своей, особенно по тяжести (старая жирная дрофа весит до тридцати пяти фунтов), по вкусному мясу, когда она молода и сыта, по осторожности ее и трудности добыванья дрофа имеет бесспорное право на первенство между степною дичью. Станом и статью, образованием головы, носа и ног она очень похожа на дворовую большую индейку. Молодая дрофа в первый год пером иссера-глинистая, но с возрастом выцветает и делается год от году белее. Голова у дрофы и шея какого-то пепельного или зольного цвета; нос толстый, крепкий, несколько погнутый книзу, в вершок длиною, темносерый и не гладкий, а шероховатый; зрачки глаз желтые; ушные скважины необыкновенно велики и открыты, тогда как у всех других птиц они так спрятаны под мелкими перышками, что их и не приметишь; под горлом у ней есть внутренний кожаный мешок, в котором может вмещаться много воды; ноги толстые, покрытые крупными серыми чешуйками, и, в отличие от других птиц, на каждой только по три пальца. Петух, или самец, кроме большей величины, отличается тем, что у него по обеим сторонам головы растут перья, вихрястые или хохластые, а около подбородка, вдоль шеи, висят косицы длиною вершка в два с половиной, в виде гривы или ожерелья, распускающегося, как веер: всего этого нет у курицы, или дрофиной самки, да и вообще зольный цвет головы и шеи, ржавая краснота перьев и темные струи по спине у самца ярче. Пух у дрофы редкий, иссера-розовый; даже перышки на брюхе и спине у самых корней имеют розовый цвет. Она отличается от всех птиц внутренним устройством своего организма, и один только стрепет, как мы увидим ниже, разделяет с нею эту особенность. Дрофа имеет желудок, и пища переваривается в нем, а не в зобу. Тудаки водятся, то есть выводят детей, непременно в степи настоящей, еще не тронутой сохою[1], но летают кормиться везде: на залежи озими и хлебные поля.

---

[1] Есть охотники, которые утверждают противное, но я, убежденный примером других птиц, не верю, чтобы дрофа вила гнездо и выводила детей в молодых хлебах, но, вероятно, она немедленно перемещается туда с своими цыплятами.

Я не нахаживал гнезд дрофы, но, судя по стрепету, имеющему с нею большое сходство во всем, кроме величины, можно поверить рассказам охотников, что дрофа кладет до девяти яиц (другие утверждают, что не более трех), похожих фигурою на яйца индейки, с тою разницею, что дрофиные несколько больше, круглее, цветом темные, с желтоватыми пятнами. Дрофа питается преимущественно травою, изредка хлебными зернами, но глотает всяких насекомых, даже ящериц, неоперившихся птичек, мышей, земляных лягушек и небольших змей, чем особенно занимается журавль. Весною появляются тудаки небольшими станичками, а к осени собираются большими стаями: в это время застрелить дрофу еще труднее, чем весною. Во множестве они очень сторожки и не допускают на ружейный выстрел, даже картечью, хотя бы охотник подъезжал на крестьянской телеге, обтыканной зелеными ветвями, или спрятанный в возу травы или сена. Но в одиночку, даже в паре,

дрофы несколько смирнее; иногда может удасться подъехать к ним в меру выстрела крупною гусиною дробью или безымянкой: последняя благонадежнее потому, что стрелять приходится не близко и потому, что эта птица к ружью очень крепка. Пешком подойти к ней невозможно, а можно, если местность будет благоприятна, как-нибудь подползти оврагом, подкрасться из-за бугра, нежатого хлеба или стога сена. Дрофу в одиночку и даже в паре можно *заездить*, как говорят охотники, то есть, увидав их издали, начать ездить кругом; сначала круги давать большие, а потом с каждым разом их уменьшать; дрофа не станет нажидать на себя человека и сейчас пойдет прочь, но как везде будет встречать того же, все ближе подъезжающего охотника, то, походя взад и вперед, ляжет в какую-нибудь ямку, хотя бы в ней негде было спрятать одной ее головы: в этом глупом положении, вытянув шею и выставив напоказ все свое объемистое тело, подпускает она охотника довольно близко. Разумеется, не на всякой местности можно исполнить этот нехитрый маневр.

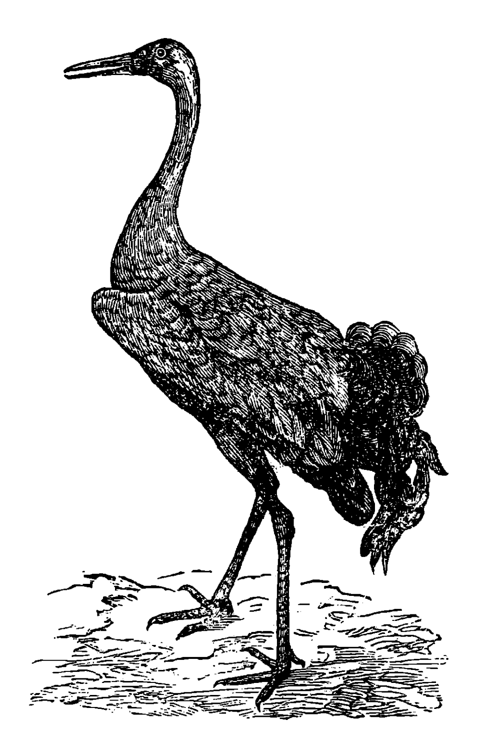
Все, что я говорю о дрофах — говорю понаслышке от достоверных охотников. К собственному моему удивлению и огорчению, я почти незнаком с нравами и стрельбой этой первоклассной степной дичи, хотя долго жил в такой губернии, где дрофа в некоторых уездах продолжает водиться довольно изобильно. Чтоб понять такую странность, надобно принять в соображение огромное пространство Оренбургской губернии: это обширный край, целое царство. Я живал всегда именно в тех уездах, где даже залетные дрофы считались редкостью. Прежде они водились везде, но теперь держатся только там, где не так сильно умножилось народонаселение, где остались большие пространства нераспаханной, мало посещаемой башкирскими табунами ковылистой степи. Впрочем, мне случалось несколько раз находить дроф по одной и по две и даже по нескольку штук, но не только не удалось убить, даже выстрелить в дрофу привелось один раз во всю мою жизнь, и то в лет утиною дробью и не в меру. Во встречах моих с тудаками господствовала совершенная неудача, полное охотничье несчастие. Боясь наскучить моим читателям, я не стану

их описывать. Но застреленных дроф другими охотниками, молодых и старых, худых и жирных, я видел не один раз и мог рассмотреть внимательно их наружность и внутренность. — Полет у дрофы тяжел, крыльями она машет редко и как будто слегка переваливается с боку на бок, но летит сильно и скоро. Весною оказывается не рано, а по наступлении теплой погоды, когда подрастет уже молодая трава. Говорят, что осенью дрофы собираются перед отлетом огромнейшими стаями и держатся долго, постепенно подвигаясь к югу. Рассказывали также мне башкирцы, что тудаки очень охотно бродят целыми станицами по старым, уже брошенным башкирским *кочам,* или *кочевьям.* Дрофы предпочтительно любят рыться и копаться там, где стояли плетеные шалаши, или так называемые *калмыцкие кибитки,* и где осталось много нечистот человеческих и скотских.

Дальнейших подробностей о нравах этой замечательной птицы, равно и о средствах ее добывания, к сожалению, сообщить не могу, потому что не люблю основываться на одних рассказах.

2. ЖУРАВЛЬ

Объемом собственно тела он менее, хотя подлиннее, дрофы и едва ли будет с большого старого гуся, но длинные перья на спине, боках и величина крыльев дают ему вид самой большой птицы. Журавль очень высок на ногах, шея его также очень длинна, и если б нос соответствовал другим членам, как это бывает у куликов, то ему следовало бы быть в пол-аршина длиною, но его нос, крепкий и острый к концу, темно-зеленоватого костяного цвета, не длиннее трех вершков, голова небольшая. Журавль весь светлопепельного, сизого цвета; передняя часть его головы покрыта черными перышками, а задняя, совершенно голая, поросла темнокрасными бородавочками и кажется пятном малинового цвета; от глаз идут беловатые полоски, исчезающие в темносерых перьях позади затылка, глаза небольшие, серо-каштановые и светлые, хвост короткий: из него, начиная с половины спины, торчат вверх пушистые, мягкие, довольно длинные, красиво загибающиеся перья; ноги и три

передние пальца покрыты жесткою, как будто истрескавшеюся, черною кожею.

Журавль, так сказать, самая видимая, всем известная, малоукрывающаяся, настоящая *строевая*, отлетная птица; он живет и в речи, и в пословицах, и в приметах народных. Длинношеего или длинноногого человека как раз прозовут журавлем. Не желая менять верное малое на неверное большое, говорят: «*Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки*»; выражение *в небе* уже показывает высоту журавлиного полета. Кто не слыхал их пронзительного *курлыканья*, похожего на отдаленные звуки валторн и труб, падающего с неба, с вышины, не доступной иногда глазу человеческому?.. Эти звуки издают одни самцы, и для того у них дыхательное горло имеет особенное устройство. Весело слушает крестьянин весною эти звуки и верит им, хотя бы стояла холодная погода:

эти звуки обещают близкое тепло; зато в жаркие дни, какие изредка бывают у нас в исходе августа и даже в начале сентября, крик высоко летящих журавлей наводит грусть на его сердце: «Быть рано зиме, — говорит он, — журавли пошли в поход», — и всегда почти верно бывает такое предсказание. Полет и крик журавлиный имеют в себе что-то привлекательное. Иногда станица их очень долго кружится на одном месте, с каждым кругом забираясь выше и выше, так что, наконец, не увидит их глаз и только крик, сначала густой, резкий, зычный, потеряв свою определенность, доходит до нас в неясных, мягких, глухих и вместе приятных звуках. Вообще журавли весною прилетают не рано, позднее другой дичи, и сейчас разбиваются на пары. Осенью отлетают, собравшись предварительно в большие стаи, в весьма различные сроки: иногда в начале августа, иногда в исходе сентября; летят всегда днем. Они никогда не летят кучей, а всегда выстраиваются треугольником, одна сторона которого по большей части гораздо длиннее. Такой неправильный треугольник летящих журавлей очень верно называют на юге России *журавлиный ключ*, потому что он имеет совершенное сходство не с нашими железными немецкими ключами, а с простым, самодельным, деревянным крестьянским ключом, которым запираются или задвигаются деревянные же внутренние засовы клетей и амбаров [1]. Впрочем, изредка полет журавлей представляет фигуру тупого и почти равностороннего треугольника.

---

[1] Ключ этот очень похож на молотильный цеп в наклоненном положении, с тою разницею, что висячая, короткая его часть не кругла, а плоска и двигается не на привязи, а на деревянном спенке (шалнере), устроенном в конце длинной рукоятки. Над внутреннею задвижкой амбара или клети, имеющею на себе зарубку, проверчена в дверном косяке сквозная дыра; хозяин, желая запереть амбарушку, пропускает выпрямленный ключ снаружи внутрь; опускная короткая его половина, вышед из отверстия, сейчас опускается и попадает прямо в зарубку; повернув направо или налево, смотря по устройству двери, он задвигает внутренний засов. Этот ключ, иногда железный, до сих пор употребляется везде в деревнях, отдаленных от городов. Разумеется, такой запор не удержит ночного вора, но ребятишки и скотина не отворят запертой двери, и цель вполне достигается.

В строгом смысле журавль не степная, а полевая птица. В настоящих степях редко встретишь журавлей; они любят хлебные поля и вспаханную землю, охотно кушают всякие хлебные зерна и всего охотнее — горох. Журавль очень прожорлив и за недостатком корма, приготовляемого для него человеческими руками, жадно глотает все что ни попало: семена разных трав, ягоды всякого рода, мелких насекомых и земляных червей, наконец ящериц, лягушек, мышей, маленьких сусликов и карбышей, не оперившихся мелких птичек и всяких змей; к последним журавль имеет особенный аппетит. Если попадется слишком длинная змея, *железница* или *медяница*, то он расклюет ее носом на несколько частей и проглотит; небольших змей и ужей глотает целиком, наперед несколько раз подбросив ужа или змею очень высоко вверх; то же делает журавль с ящерицами и лягушками: вероятно, он хочет (инстинктивно) прежде их убить, а потом съесть. Я не разделяю мнения некоторых охотников, что он играет, бросая вверх свою добычу, но во всяком случае очевидно, что его желудок переваривает такую пищу безвредно.

Журавли вьют гнезда всегда на земле непаханой, но иногда со всех сторон окруженной пашнею, для гнезда выбирают сухое, возвышенное место, нередко старую, брошенную *сурчину*, непременно заросшую чилизником, бобовником или вишенником. Гнездо бывает свито незатейливо: это просто круглая ямка на земле, слегка устланная сухою травою; два огромные длинные яйца, похожие фигурою на куличьи, зеленовато-пепельного цвета, испещренные крупными темнокоричневыми крапинками, лежат ничем не окруженные и не покрытые. Журавль с журавлихой, или *журкой* (так ласково называет ее народ), сидят попеременно на яйцах; свободный от сиденья ходит кругом гнезда поодаль, кушает и караулит; громкий его крик возвещает приближение какой-нибудь опасности, и сидящий на яйцах сейчас бросает их, отбегает, согнувшись, в сторону и начинает звать своего дружку, который немедленно к нему присоединяется; они вместе уходят от гнезда дальше или улетают. Очевидно, что большой горячности к гнездам и яйцам журавли не имеют; не много больше оказывают ее

и детям. Когда выведутся журавлята, то старики уводят их в нежатый хлеб или в луга, где растут кусты и высокая трава; если же луга выкосят, то журавли скрываются с молодыми в мелком лесу, кустах и камышах уремы, а иногда в лесных опушках. Смотря по местности и удобству журавли выводят иногда детей в лугах и даже болотных уремах. Журавлята всегда бывают неуклюжи, нескладны, слабы и беспрестанно пищат очень жалобно. Они выводятся, покрытые сизым пухом, и долго в нем остаются; перятся очень медленно. Будучи пойманы и выкормлены вместе с дворовою птицей, очень скоро привыкают ко всякой пище и делаются совершенно ручными; но как скоро подрастут крылья, то непременно улетят если не в первый год, то в следующий; если же крылья подрезывать, то остаются ручными, но детей не выводят.

Вообще журавль довольно осторожная птица, и к журавлиной стае подъехать и даже подкрасться очень мудрено, но в одиночку или в паре, особенно если найдешь их около тех мест, где они затевают гнездо, журавли гораздо смирнее, и на простой телеге или охотничьих дрожках иногда можно подъехать к ним в меру ружейного выстрела. Нечего и говорить, что дробь надобно употреблять самую крупную, безымянку, а для журавлиных стай в осеннее время необходимо иметь в запасе заряды мелкой картечи. Обыкновенным образом стрелять журавлей очень трудно и мало убьешь их, а надобно употреблять для этого особенные приемы и хитрости, то есть подкрадываться к ним из-за кустов, скирдов хлеба, стогов сена и проч. и проч. Можно также, узнав предварительно, куда летают журавли кормиться, где проводят полдень, где ночуют и чрез какие места пролетают на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное место и ожидать в нем журавлей на перелете, на корму или на ночевке; ночевку журавли выбирают на местах открытых, даже иногда близ проезжей дороги; обыкновенно все спят стоя, заложив голову под крылья, вытянувшись в один или два ряда и выставив по краям одного или двух сторожей, которые только дремлют, не закладывая голов под крылья, дремлют чутко, и как скоро заметят опасность, то зычным, тревожным криком разбудят товарищей, и все улетят.

Весьма естественно, что журавль — сильная птица, но к этой силе присоединяются особенные оборонительные оружия, которыми снабдила его природа; они состоят в крепости костей его крыльев, удар которых ужасно силен, в длинных ногах и крепких пальцах с твердыми ногтями и, наконец, в довольно длинном, очень крепком и остром клюве. При помощи такого оружия раненный легко журавль делается опасною птицею для охотника и собаки, если они вздумают неосторожно его схватить. Сначала подстреленный журавль бежит прочь, и очень шибко, так что без собаки трудно догнать его: скорости своему бегу придает он подмахиваньем крыльев или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, он на всем бегу бросается на спину и начинает защищаться ногами и носом, проворно и сильно поражая противника. Я видел печальные следствия такой храброй обороны: одного кривого охотника и одну кривую собаку: и тот и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненого журавля.

Когда журавль серьезен и важно расхаживает по полям, подбирая попадающийся ему корм всякого рода, в нем ничего нет смешного; но как скоро он начнет бегать, играть, приседать и потом подпрыгивать вверх с распущенными крыльями или вздумает приласкаться к своей дружке, то нельзя без смеха смотреть на его проделки: до такой степени нейдет к нему всякое живое и резвое движение! Несколько журавлей, выплясывающих друг перед другом, или пара соединяющихся супругов способны заставить расхохотаться всякого несмешливого человека. Разумеется, такие сцены можно видеть или издали, или подкравшись так осторожно, чтоб журавли не приметили человека.

Я уже сказал, что журавлей стрелять трудно по разным причинам и что никогда не добудешь их много в одно поле, особенно не убьешь одним зарядом двух или трех. Для этого нужен какой-нибудь счастливый случай: со мной случилось таких два. Один раз поздно воротившиеся с работы крестьяне сказали мне, что проехали очень близко мимо станицы спящих журавлей; ночь была месячная, я бросился с ружьем в крестьянскую телегу и велел везти себя по той самой дорожке,

по которой ехали крестьяне. Журавли подпустили меня очень близко; хотя сторожа их не спали, но не подняли тревоги. Я заехал так, чтоб можно было ударить вдоль линии спящих журавлей, которых было десятка два: я прицелился в третьего с края и одним выстрелом убил четверых. Это случилось в августе, во время еще сильных жаров. В другой раз, в необыкновенно теплую осень, именно 24 сентября, увидел я, разумеется уже пролетную, огромную стаю журавлей, опустившуюся на хлебное сжатое поле. Место было чистое, и подъезд, даже подход, невозможен. Я пополз межой, заросшею бобовником и вишенником, и залег в ней, а дрожкам своим велел заехать с противоположной стороны. Журавли медленно подвигались прямо на меня, а мои дрожки продолжали ездить взад и вперед до тех пор, пока вся журавлиная стая не подошла ко мне очень близко. Наконец, я выстрелил: три журавля остались на месте, а четвертый, тяжело раненный, пошел на отлет книзу и упал, версты за полторы, в глухой и болотистой уреме, при соединении реки Боклы с Насягаем. Я искал его вплоть до вечера и, наконец, нашел с помощью собаки, но уже мертвого.

Журавль не может подняться с места вдруг. Ему нужно сажени две-три, чтоб разбежаться. В доказательство этому я видел своими глазами весьма странный случай: охотник, возвращавшийся домой с двумя борзыми собаками, случайно съехался со мной, и мы, продолжая путь вместе, увидели двух журавлей, ходивших по скошенному лугу очень близко от большого стога сена. Охотник вздумал показать их своим собакам; они вòзрились и пустились мастерить к журавлям из-за стога. Охотник, ехавший верхом, шутя поскакал за собаками. Что же вышло? Одна из собак, порезвее, выскочив внезапно из-за стога, успела схватить за ногу тяжело поднимавшегося журавля; скоро подоспела другая собака, и обе вместе, хотя порядочно исклеванные, удержали журавля до прибытия охотника, и он взял его живого. На этом основании можно поверить рассказам, что в Саратовской и Астраханской губерниях, где к осеннему отлету собираются бесчисленные станицы журавлей, крестьяне бьют их дубинами, предварительно заставя столпиться в кучу боковыми заездами и наведя таким

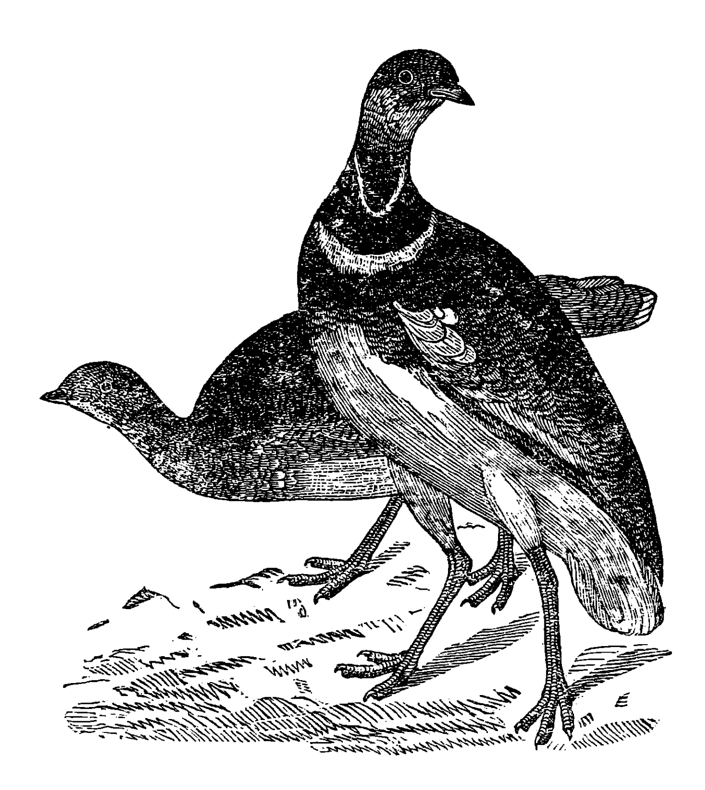
образом на засаду, из которой бросаются неожиданно на журавлей верховые с длинными палками.

Мясо старых журавлей всегда сухо и довольно черство, но имеет весьма приятный вкус и запах дичины. Мясо же молодых отлично хорошо, мягко и сочно. Журавли никогда не бывают жирны, даже перед своим отлетом, несмотря иногда на питательную хлебную пищу. Самый сытый осенний журавль имеет только на своей хлупи тонкую пелену жира, лежащую двумя полосами, да по небольшому куску сала подмышками, но во внутренности жиру бывает довольно. Молодой жареный журавль, по-моему, очень вкусен; всего же пригоднее он для фарша в паштет и для окрошки.

Старинные охотники, да и теперь охотники деревенские, дорожат журавлями за их величину: хотя мясо и жестковато, зато *есть*, что *поесть*. Я должен признаться, что в молодости сам с большим увлечением гонялся за ними, жадничая убить такую крупную дичь.

3. СТРЕПЕТ

Народ называет его иногда *стрепел*; и то и другое имя характерно выражает взлет, или подъем, и самый полет этой птицы. Стрепет точно *встрепенется*, когда поднимается, или, вернее сказать, сорвется с земли. Он летит очень сильно и проворно. Даже маханье крыльями не заметно, так часто он ими машет. Стрепет дрожит, *трепещет* в воздухе как будто на одном месте и в то же время быстро летит вперед. Всегда прямой его полет производит дребезжащий свист, далеко слышный и неравнодушно слышимый охотниками. По крайней мере я уважал стрепетов более всей степной дичи, разумеется кроме дроф, которых мне стрелять не удавалось. Стрепет поменьше несколько старой тетеревиной курочки. Он, конечно, в восемь раз менее матерой дрофы, но сходен с нею во всем устройстве своих наружных и внутренних членов, кроме цвета перьев. Он преимущественно питается травой, но изредка глотает и насекомых; пища переваривается у него не в зобу, а в желудке; пух на теле имеет редкий, розовый и такого же цвета пушистые

корни всех перьев; голова, шея, нос, ноги и весь склад стрепета — чисто куриный. Весьма трудно передать зеленовато-серую пестроту перьев стрепета. Каждое перо, по бланжевому полю, испещрено в разные стороны идущими прямыми и извилистыми полосками, но правильно и однообразно расположенными; все же перья вместе на спине представляют общую пестроту того же цвета с черноватыми пятнами, которая происходит от того, что одно перо складывается с другим своими темными полосками или извилинками: из этого составляются как будто пятна. Шея также пестрая, с дольными беловатыми полосками, головка черновата, а зоб и верхняя часть хлупи по белому полю испещрены, напротив, поперечными полосками; остальная хлупь вся белая, и под крыльями подбой также белый; в крыльях три первые

пера сверху темные, а остальные белые с темными коймами на концах; хвост короткий, весь в мелких серых пестринках; на каждом хвостовом пере, на палец от конца, лежит поперек темная узенькая полоска; ноги бледно-зеленоватого цвета. Самец же отличается тем, что у него под горлом и на зобу перья темнее и даже кажутся сплошь черными, а поперек зоба лежит прорезная белая полоска. Крылья у стрепета кругловаты и, когда он летит, кажутся как будто выпуклыми. Стрепет водится, то есть выводит детей, непременно в степи, но летает кормиться и даже постоянно держится везде на полях: весной по жнивью, по молодым хлебам и залежам, а к осени по скошенным лугам, когда начнет подрастать на них молодая отава, и по озимям. Он охотно ест всякие хлебные зерна, любит клевать лошадиный помет, и для добыванья того и другого упорно держится около степных и полевых дорог, по колеям которых бегает очень проворно; но преимущественная пища его — молодая трава. Кто езжал по таким дорогам, тот, верно, поднимал стрепетов и даже видал, как они бегут впереди лошадей. Если проезжий едет тихо, то стрепет, наскучив долгим бегом и не желая, вероятно, отдалиться от прежнего своего места, сворачивает в сторону, для чего надобно ему не без труда перелезть чрез глубокие колеи, отбегает несколько сажен и приляжет в траву до тех пор, пока не проедет мимо телега или кибитка. Лежа с вытянутой шеей, он поднимает от времени до времени свою черноватую головку и, видя, что проезжий спокойно удаляется, возвращается опять на дорогу и побежит по ней уже назад. Если же повозка едет скоро и стрепет видит, что его догоняют, он поднимается и, отлетев несколько сажен, а иногда и шагов, садится на землю и через несколько времени также возвращается опять на дорогу. Это я говорю о стрепетах смирных и не напуганных. Около полдён он уходит в степь, а по утрам и вечерам постоянно колотится около дорог. Он имеет свой особенный крик, звуки которого трудно передать буквами; он несколько похож на слог *пржи*. Крик этот очень обманчив: будучи слаб и глух, он слышен очень далеко; сначала покажется, что стрепет кричит в нескольких саженях; неопытный охотник бросается с ружьем

прямо на этот крик, ожидая, что стрепет сейчас поднимется, но крик все удаляется, и, утомясь понапрасну, охотник будет принужден оставить свои преследования. Конечно, этому обману много способствует то, что стрепет очень скоро бегает, но не подлежит сомнению, что охотник и заслышал этот крик очень издалека, потому что близко к человеку стрепет не кричит.

Стрепета прилетают весною не рано и, без сомнения, большими станицами, точно так, как улетают осенью, но мне не удавалось видеть их *пролетных*. Когда наступит теплая погода и везде пойдет молодая трава, стрепета вдруг оказываются по степным местам и полям уже врассыпную. По преимуществу будучи степною птицею, стрепет вьет гнездо в степи в самом открытом месте, почти всегда под кустиком ковыля. Плоское круглое гнездо свивается из сухой травы с примесью собственных перьев. Яиц бывает до девяти; по крайней мере я более не нахаживал. Стрепетиные яйца крупнее, чем можно ожидать: они не меньше куриных крупных яиц; покрытые ярким, зеленым, лоснящимся цветом, с маленькими желтоватыми крапинками, яйца необыкновенно красивы. Ничего не могу сказать, одна ли самка сидит на яйцах, или эту заботу разделяет с нею самец. Стрепетиные гнезда и выводки попадаются охотникам очень редко, молодых же стрепетят я даже не нахаживал; вероятно оттого, что матка удаляется с детьми в даль степей, куда мне редко случалось ходить, гнезда я находил не так далеко от хлебных полей. Можно предполагать, что стрепета разбиваются на пары, во-первых, потому, что никто никогда не замечал их токов, и, во-вторых, потому, что с весны почти всегда где поднимешь одного стрепета, там найдется и другой. Различия в перьях между самцом и самкою, кроме сказанного мною, никакого нет, но самка несколько поменьше. Он сидит на яйцах до невероятности крепко; я имел этому убедительное доказательство. Однажды подъезжал я к стрепету, который, не подпустив меня в настоящую меру, поднялся; я ударил его в лет *на езде*, и мне показалось, что он подбит и что, опускаясь книзу, саженях во ста от меня, он упал; не выпуская из глаз этого места, я сейчас побежал к нему, но, не добежав еще до замечен-

ной мною местности, я на что-то споткнулся и едва не упал; невольно взглянул я мельком, за что задела моя нога, и увидел лежащего стрепета с окровавленною спиной; я счел его за подстреленного и подумал, что ошибся расстоянием; видя, что птица жива, я проворно схватил ее и поднял. Каково было мое удивление, когда я увидел, что под ней находилось гнездо и девять яиц; кровь на спине выступила оттого, что я задел по ней каблуком своего сапога, подбитого гвоздями, и содрал лоскут кожи шириною в палец. Я еще не видывал стрепетиных гнезд, и как в то время я собирал птичьи яйца, то чрезвычайно обрадовался этой находке; вдобавок яйца были не насиженные, совершенно свежие и выпускать их внутренность было очень легко. Очевидно, что стрепетиная курочка недавно снесла последнее яйцо и села высиживать свои яйца. Я замазал незначительную рану густым дегтем с колеса моих дрожек и пустил стрепетиную самку на волю: чрез несколько минут поднялся мнимоподбитый стрепет, не подпустив меня в меру и не дав почуять себя моей собаке; вероятно, это был самец пущенной мною на волю самки. Я считаю это обстоятельство несколько подтверждающим мое мнение, что стрепета разбиваются на пары и вместе выводят детей.

К осени стрепета собираются в стаи, которые иногда бывают очень велики, пар до пятидесяти; чем стая больше, тем труднее к ней подъехать, потому что птица во множестве всегда очень сторожка. Стрепета держатся иногда до октября, и в это время любимое их местопребывание — озими и скошенная степь; они любят щипать вторые, поздние ростки озимей и молодую травку. В холодноватую и ненастную погоду, кроме утра и вечера, они держатся остальное время в залежах, заросших высокою полынью, лебедой и козлецом; там им и тепло и сухо. Дребезжащий, мерный свист от полета стрепетиной стаи очень далеко слышен по зарям.

Охоту за стрепетами я любил страстно и часто езжал за ними очень далеко, потому что там, где я постоянно жил, их водилось не много. С весны и в продолжение всего лета стрепета в местах степных, далеких от жилья, не пуганые и не стреляные, особенно в одиночку или попарно, довольно смирны, но весьма скоро делаются чрезвычайно

дики и сторожки, особенно стайками, так что нередко, изъездив за ними десятки верст и ни разу не выстрелив, я принужден бывал бросать их, хотя и видел, что они, перелетев сажен сто или двести, опустились на землю. С напуганными стрепетами не помогает и самый действительный способ, то есть *круговой заезд*. Нечаянно можно иногда наехать очень близко не только на одного стрепета, но и на порядочную станичку; зато как скоро они пересядут, подъезд сделается гораздо труднее. Надобно заметить, что стрепета, взлетев, скоро садятся, и очень редко случается, чтоб они улетали слишком далеко, то есть пропадали из глаз. Вообще стрепет сторожек, если стоит на ногах или бежит, и смирен, если лежит, хотя бы место было совершенно голо: он вытянет шею по земле, положит голову в какую-нибудь ямочку или впадинку, под наклонившуюся травку, и думает, что он спрятался; в этом положении он подпускает к себе охотника (который никогда не должен ехать прямо, а всегда около него и стороною) очень близко, иногда на три и на две сажени. В такой близкой мере нет никакой надобности, но я пробовал делать это из любопытства. Итак, весь успех зависит от того, чтобы стрепет или стрепета легли. Благонадежнейшее средство для достижения этой цели, как я уже и говорил, состоит в том, чтобы ездить кругом их до тех пор, пока они лягут. Если стрепет один и не слишком напуган, то ляжет сейчас. Если же их несколько, то они долго бродят вместе, пока не разобьются и не полягут в разных местах; большая пересевшая стая никогда не ляжет. Иногда случается, что от выстрела и даже от двух выстрелов в лежащего или взлетевшего стрепета другой, близехонько притаившийся стрепет не поднимается, а потому никогда не должно брать убитого и вообще ненадобно трогаться с места, не зарядив обоих стволов своего ружья. Весьма ловко и способно бить стрепетов в лет, даже лучше, чем сидячих, по крайней мере мне всегда так казалось. Обыкновенно, подъехав в меру, я соскакивал с дрожек и шел прямо к стрепету до тех пор, пока он не поднимался, тогда я стрелял, не торопясь, на каком мне угодно расстоянии и редко прибегал к другому стволу. Убить несколько стрепетов одним зарядом — великая редкость: надобно, чтоб боль-

шая стая подпустила в меру и сидела кучно или чтоб вся стая нечаянно налетела на охотника; убивать пару, то есть из обоих стволов по стрепету, мне случалось часто, но один только раз убил я из одного ствола трех стрепетов сидячих, а из другого двух в лет; это случилось нечаянно: я наскакал на порядочную стаю, которая притаилась в густой озими, так что ни одного стрепета не было видно; в нескольких саженях двое из них подняли свои черные головки, кучер мой увидел их и указал мне; из одного ствола выстрелил я по сидячим, а из другого по взлетевшей стае: трое остались на земле, два упали сверху; стрепетов было штук тридцать.

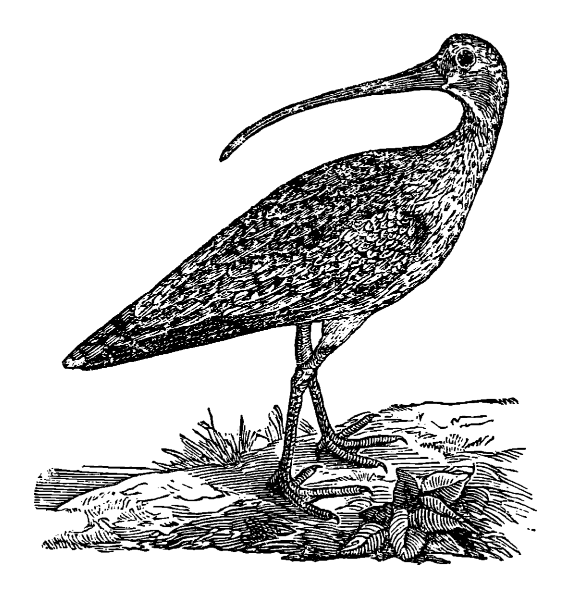
Только самая вежливая собака, послушно идущая сзади, почти под самыми дрожками, может быть пригодна для стрельбы стрепетов с подъезда. То же должно сказать о стрельбе вообще всякой сидячей птицы, кроме тетеревов и вяхирей, которые, сидя на деревьях и посматривая с любопытством на рысканье собаки, оттого даже менее обращают внимания на охотника и ближе его подпускают; всякая другая птица, сидящая на земле, гораздо больше боится собаки, чем приближающегося человека. Несмотря на то, добрая собака с долгим и верхним чутьем весьма полезна для отыскиванья стрепетов, которые иногда, особенно врассыпную, так плотно и крепко таятся в траве или молодом хлебе, что охотник проедет мимо и не увидит их, но собака с тонким чутьем почует стрепетов издалека и поведет прямо к ним охотника; зато боже сохрани от собаки горячей и гоняющейся за птицей: с ней не убьешь ни одного стрепета. Дробь надобно употреблять по большей части 5-го нумера, потому что стрепет не из крепких птиц. Впрочем, для напуганных стрепетов нужен и 4-й нумер; для больших же стай на дальную меру можно иногда пустить в дело и самые крупные сорты дроби.

Жирных стрепетов я не видывал, но прилетные с весны, особенно отлетные осенью, бывают довольно сыты. Мясо их имеет отличный вкус, собственно ему принадлежащий: оно несколько похоже на куриное с примесью тонкого вкуса дичины. Стрепета считаются самым питательным и в то же время легким и здоровым кушаньем.

В Малороссии называют стрепета *хохотва*, имя тоже чрезвычайно выразительное. Великороссы дали стрепету название по его взлету, по трепетному, видимому движению его крыльев, а малороссы — по особенным звукам, производимым его полетом. Действительно, эти дребезжащие звуки похожи на какой-то странный, отдаленный хохот.

4. КРОНШНЕП, ИЛИ СТЕПНОЙ КУЛИК

Русского имени этого кулика объяснять не нужно, но почему немцы называют его *коронным*, или *королевским*, куликом, — я не знаю; на голове его ничего похожего на венец или корону не приметно; может быть, за

величину, которою кроншнеп бесспорно превосходит всех других куликов. Французы называют его *курли*, русские охотники — кроншнепом, а народ — *степняком*, или *степнягой*, потому что степь по преимуществу служит ему постоянным жилищем; в степи выводит он детей, и в степи же достигают они полного возраста. Его

звучный, колокольчиком заливающийся голос больше всех других птичьих голосов одушевляет однообразную равнину и тишину степи. Кроншнепы по величине своей разделяются на три рода: больших, средних и малых. Кроншнеп большого рода объемом своего тела будет с тетеревиную курочку или дворовую курицу; кроншнеп средний несколько его меньше, а кроншнеп малый — гораздо меньше, не больше русского голубя; последняя порода несравненно многочисленнее двух первых. Я опишу подробно, разумеется с натуры, среднего кроншнепа и потом скажу, в чем все три породы различаются между собою; в пестроте же перьев и в складе всех частей тела они совершенно сходны. Средний кроншнеп весь серопестрый и покрыт бледнокоричневыми пятнами или крапинами; на спине и крыльях, особенно на крайней их половине, крапины гораздо крупнее и темнокоричневее, а на шее, голове и груди мельче, желтоватее и светлее; брюхо почти белое, кроме редких коричневых, весьма красивых копьеобразных пятен; подбой крыльев, идущий около папоротки, состоит из чистобелых мелких перышек, и изнанка остальных больших перьев бледносерая, очень красивая и явственно повторяет узор верхней стороны крыльев. Хвостовые перья сверху пестрые, а снизу почти белые; над хвостом, под коричневыми длинными перьями, уже с половины спины лежат яркобелые перья с небольшими копьеобразными крапинками; на шее, под горлышком, перышки светлы, даже белесоваты; глаза небольшие, темные, шея длиною в три вершка; нос темнорогового цвета, довольно толстый, загнутый книзу, в два вершка с половиною; крылья очень большие, каждое длиною в две четверти с вершком, если мерить от плечного сустава до конца последнего пера; хвост коротенький; ноги в четверть длиною, пальцы соразмерные; цвет кожи на ногах темный, пальцы еще темнее, ногти совсем черные, небольшие и крепкие. Особенность кроншнепа — загнутый книзу нос — мешает ему пить обыкновенным образом. Кроншнеп, зачерпнув носом воды, проворно оборачивает голову и нос нижнею стороной кверху, чем и удерживает в нем воду, как в вогнутом сосуде; еще проворнее заворачивает он назад голову и нос, в том же обращенном положении поддевает под

ногу (для чего одну ногу подгибает), потом быстро вытягивает вверх голову и спускает воду в горло... операция довольно мудреная, которую кроншнеп выполняет очень ловко и легко. Кроме превосходства в величине, кроншнеп первого разряда темнокоричневее пером и голос имеет короткий и хриплый; он выводит иногда детей в сухих болотах и в опушках мокрых, поросших большими кочками, мохом, кустами и лесом, лежащих в соседстве полей или степных мест; изредка присоединяется к нему кроншнеп средний, но никогда малый, который всегда живет в степях и который пером гораздо светлее и крапинки на нем мельче; голос его гораздо чище и пронзительнее, чем у среднего кроншнепа, крик которого несколько гуще и не так протяжен. Все три породы — отличные бегуны, особенно кроншнеп малого рода: когда станет к нему приближаться человек, то он, согнувши несколько свои длинные ноги, вытянув шею и наклонив немного голову, пускается так проворно бежать, что глаз не успевает следить за ним, и, мелькая в степной траве какою-то вьющеюся лентою, он скоро скрывается от самого зоркого охотника.

Все три породы кроншнепов прилетают не рано, в половине и даже в исходе апреля; сначала летят большими стаями очень высоко, так что их не видно, а слышен только особенный, звучный крик, который, однако, не так протяжен, как в то время, когда они займут свои постоянные летние квартиры — зеленые степи. Вскоре после своего раннего пролета начнут попадаться кроншнепы по вспаханным полям, по оттаявшему прошлогоднему жнивью, по берегам весенних луж, прудов, озер и даже плоским берегам рек, разлившихся по низменным местам. Редко попадались они мне станичками, а почти всегда попарно или в одиночку. Для всякого охотника приятно встретить в это время и убить кроншнепа; он бывает тогда сторожек, сыт и довольно редок; к тому же весеннее появление и шатанье их продолжается весьма не долго: как скоро оттают и провянут степи — кроншнепы уже там. Я даже полагаю, что встречаемые весной по рекам, озерам и прудам степные кулики — все пролетные, еще не долетевшие до своего настоящего местопребывания, а коренные жильцы степей прямо опускаются на

степи: они тоже в свою очередь были пролетными и шатались везде, пока не долетели до своих выводных мест. Я убеждаюсь в справедливости этого предположения тем, что почти всегда, объезжая весною разливы рек по долинам и болотам, встречал там кроншнепов, которые кричали еще пролетным криком или голосом, не столь протяжным и одноколенным, а поднявшись на гору и подавшись в степь, на версту или менее, сейчас находил степных куликов, которые, очевидно, уже начали там хозяйничать: бились около одних и тех же мест и кричали по-летнему: звонко заливались, когда летели кверху, и брали другое трелевое колено, звуки которого гуще и тише, когда опускались и садились на землю. Точно то же замечали и другие охотники. Первое колено в крике кроншнепа, можно сказать, состоит из верхних нот, а второе из нижних. Есть еще крик у него, который похож на какое-то завыванье или затягиванье голоса в себя: он испускает его *только* в сидячем положении, собираясь лететь. Часто эти звуки открывают его, притаившегося в траве. Кроншнепы с прилета, как и всякая птица, довольно сторожки; но оглядясь, скоро делаются несколько смирнее, и тогда можно подъезжать к ним на охотничьих дрожках или крестьянских роспусках; как же только примутся они за витье гнезд, то становятся довольно смирны, хотя не до такой степени, как болотные кулики и другие мелкие кулички. Беда для кроншнепов ранняя теплая и сухая весна! Они скоро совьют гнезда и сядут на яйца, и в это время застигают их степные пожары, или палы. Я имел уже случай говорить об этом губительном обычае; степная дичь терпит от него ужасное разоренье. Если весна поздняя и мокрая, то огонь не может распространиться везде, не уходит далеко вглубь степей, и птица бывает спасена; но в раннюю сухую весну поток пламени обхватывает ужасное пространство степей и губит не только все гнезда и яйца, но нередко и самих птиц... Когда огненный ураган пронесется, земля остынет и перестанет дымиться, уцелевшие кроншнепы, иногда далеко отогнанные разливом огня, сейчас возвращаются к своим гнездам, и если найдут их сгоревшими, то немедленно завивают новые, как можно ближе к старым и непременно на местах или местечках, уцелевших от

огня. Несомненная истина, что на горелом месте никакая птица гнезда не вьет; иногда это может показаться несправедливым, потому что птица живет и выводится, очевидно, на паленых степях; но я внимательным изысканием убедился, что гнездо всегда свивается на месте *не паленом*, хотя бы оно было величиною в сажень, даже менее, и обгорело со всех сторон. Когда вырастет трава, то при поверхностном обозрении нельзя заметить, где горело и где нет; но, разогнув свежую зеленую траву около самого гнезда, вы всегда найдете прошлогоднюю сухую траву, чего на горелом месте нет и быть не может и в чем убедиться нетрудно. Если же палы случатся поздно (что иногда бывает) и у степных куликов пропадут яйца уже насиженные или они сами обожгутся как-нибудь во время пожара, особенно в ночное время, то кулики других гнезд не заводят и остаются на этот год холостыми, продолжая колотиться около тех мест, где погорели их гнезда. Мне случалось находить и убивать таких холостых кроншнепов; они всегда жирнее тех, у которых есть дети; у иных я даже находил слегка опаленные перья.

Итак, во второй половине апреля кроншнепы занимают степи или степные места, иногда со всех сторон окруженные пашнею, и немедленно вьют, или, вернее сказать, устраивают свои гнезда, потому что витья тут немного. Устройство гнезда очень просто: небольшая ямочка на сухом месте, под кустиком прошлогоднего ковыля, дно и бока которой невысоки, окружены и устланы сухою травою, — вот и все. Самка несет четыре яйца обыкновенной куличьей формы; величина яиц зависит от величины кроншнепов: у больших они бывают крупнее куриных, а у малых — не больше мелких яичек цыцарки, а только длиннее; цвет яиц зеленовато-серый, они испещрены крапинами или пятнами, которые на тупом конце яйца крупнее и темнее. Самец разделяет с самкою высиживанье яиц и все заботы о детях. Чрез три недели вылупляются куличата, покрытые сизо-зеленоватым пухом: их почти всегда бывает четыре, потому что болтуны очень редки; они очень скоро оставляют гнездо и начинают проворно бегать, но в первые дни отец с матерью кормят их. Пища и старых и молодых

состоит из разных насекомых и преимущественно из червей, которых они весьма искусно вытаскивают своими длинными, кривыми носами из земли, не всегда мягкой. Впрочем, иногда мне случалось находить в их зобах семена разных трав и хлебные зерна. Когда куличата подрастут и труднее станет прятаться им в степной, иногда невысокой траве, отец с матерью выводят их в долочки и вообще в такие места, где трава выше и гуще или где растет мелкий степной кустарник; там остаются они до совершенного возраста молодых, до их взлета, или подъема. В это время трудно найти их, ибо от больших детей старые кулики уже не вылетают навстречу человеку или собаке и не вьются над ними, даже не издают никакого голоса, который мог бы открыть охотнику их потаенное убежище.

Степные кулики в степях то же, что болотные кулики в болотах: так же далеко встречают человека, собаку, даже всякое животное, приближающееся к их гнездам или детям, так же сначала налетают близко на охотника, вьются над ним и садятся кругом, стараясь отвесть его в противоположную сторону, но все это делают они с меньшей горячностью и большею осторожностью. После нескольких выстрелов степные кулики отдаляются и становятся сторожки. Впрочем, в степях, не слыхавших ружейного выстрела, первый натиск кроншнепов, особенно на едущего охотника с собакою, бывает очень смел. В молодости случалось мне много езжать по степным дорогам Оренбургской и Симбирской губерний, и целые стаи степных куликов, налетавших со всех сторон, бывало преследовали меня десятки верст, сменяясь вновь прилетающими, свежими кроншнепами, по мере удаления моего от гнезд одних и приближения к другим. Весь воздух наполнялся их звонкими, заливными трелями: одни вились над лошадьми, другие опускались около дороги на землю и бежали с неимоверным проворством, третьи садились по вехам[1]. Тут можно было на-

[1] По степным дорогам Оренбургской губернии вехи становятся частые, довольно толстые и высокие. Должно заметить, что степные кулики очень охотно садятся на сучья сухих дерев или на высокие пни.

стрелять кроншнепов сколько угодно, ибо беспрестанно попадались новые, непуганые кулики. Я много раз приходил в затруднительное положение для горячего охотника: проезжая по какой-нибудь надобности, иногда очень спешной, набив кроншнепов целую кучу, не находя места, куда их класть, и не зная, что с ними потом делать, беспрестанно я давал себе обещанье: не останавливаться, не вылезать из тарантаса, не стрелять... Но вдруг налетала новая стая, крупнее и смелее прежней, — и снова падали кроншнепы от метких моих выстрелов. Гораздо более смелости и горячности к детям показывают кроншнепы малого рода; средние — осторожнее, а большие даже с первого раза никогда не налетают слишком близко на человека, разве как-нибудь нечаянно: они сейчас удалятся на безопасное расстояние и начнут летать кругом, испуская свои хриплые, как будто скрипящие, короткие трели. Тут молодой, горячий охотник может много посеять дроби по зеленой степи, не убив ни одного большого кроншнепа, особенно если станет употреблять не самые крупные сорты дроби. Правда, чем крупнее дробь, тем шире она разносится и реже летит и тем труднее попасть в цель, но дело в том, что на далеком расстоянии, то есть шагов на шестьдесят или на семьдесят, не убьешь большого кроншнепа даже дробью 3-го нумера, ибо степной кулик гораздо крепче к ружью, чем болотные и другие кулики. Удивительно, до какой степени обманывается зрение! Приглядится ли охотник к кругам, которые дает около него птица, и они начнут казаться ему меньше, или при поворотах, иногда́ крутых, за которыми поворачивается и сам охотник, покажется ему, что кулик летит прямо на него?.. Не знаю, только этому обману нередко подвергался я сам, и множество промахов были его следствием. Иногда, убив кроншнепа и смерив расстояние, которое казалось обыкновенным, находил я, что оно бывало далеко за семьдесят шагов, а на эту меру я не стал бы и стрелять. В таких отчаянных обстоятельствах, видя, что утиная дробь не *забирает*, как выражаются охотники, употреблял я гусиную и хотя изредка, но добывал по нескольку огромных степняков.

Как только молодые начнут перелетывать, то старые начнут шататься с ними отдельными выводками по вспаханным полям, недавним залежам и вообще по местам, где земля помягче; потом соединяются в станички, выводки по две и по три, наконец сваливаются в большие стаи, в которых бывают смешаны иногда все три рода кроншнепов, и начинают посещать болота, разливы больших прудов и плоские берега больших озер. Там проводят они по нескольку часов, около полдён, и отдыхают, лежа на хлупи, даже дремлют. Всего охотнее бродят они по грязным, мокрым местам, растоптанным стадами. Пошатавшись таким образом недели две, кроншнепы, несмотря на теплое, иногда даже жаркое время, в половине августа пропадают, то есть, соединясь еще в огромнейшие стаи, подвигаются к югу. Так бывает по крайней мере в Оренбургской губернии.

Стрельба кроншнепов весьма различна и по своей добычливости и по достоинству добычи: степные кулики весною, *пролетные*, еще не разбившиеся на пары или по крайней мере не начавшие вить гнезд, бывают довольно сыты, вкусны и, что всего важнее, редки. Конечно, в числе разной пролетной дичи слышишь и видишь пролетающие стаи кроншнепов, но за дальностью расстояния стрелять их невозможно. Потом начнешь встречать их изредка, также вместе с другой дичью, по грязным берегам прудов, весенних луж и разлившихся рек, но подъехать к ним в меру ружейного выстрела бывает очень трудно; во-первых, потому, что они сторожки, а во-вторых, потому, что другая мелкая дичь взлетывая беспрестанно от вашего приближенья, пугает и увлекает своим примером кроншнепов; подкрасться же из-за чего-нибудь или даже подползти — невозможно потому, что места почти всегда бывают открытые и гладкие. Одним словом, весенний пролетный, степной кулик — дорогая добыча для охотника. В степи, на местах своего постоянного жительства, они также сначала довольно сторожки. Конечно, они скоро делаются смирнее, но уже разбившись на пары, принявшись за витье гнезд и похудев с невероятною скоростью. Впоследствии времени, когда кроншнепы сядут на яйца или выведут молодых, можно добывать их гораздо больше, а в местах не стреляных, как я уже гово-

рил, нетрудно убивать их во множестве, но в это время, еще более исхудалые, сухие и черствые на вкус, они потеряют свою цену, особенно степняки третьего, малого рода. Вся эта стрельба производится с начала весны с подъезда по сидячим и, всего чаще, по бегущим кроншнепам, а потом — в лет, когда, при первом появлении охотника, кулики от гнезд станут налетать и виться около него.

Когда молодые кроншнепы поднимутся и начнут летать выводками по полям, а потом и стаями по берегам прудов или озер, — стрельба их получает опять высокую цену, потому что их трудно отыскивать и еще труднее подъезжать к ним, ибо они бывают очень сторожки и после первого выстрела улетают на другие, отдаленные места. К отлету своему старые кроншнепы до того разжиреют, что вся хлупь покрывается салом, даже молодые бывают довольно жирны. Вот пора, в которую дорого и лестно добыванье кроншнепов; но, к сожалению, добыча бывает незначительна и случайна; собственно охоты за кроншнепами в это время уже нет. Если и наткнешься как-нибудь нечаянно, объезжая берега пруда, озера или речного плеса, на большую станицу степных куликов, то хорошо, если удастся и один раз в них выстрелить; надобно, чтобы места были очень обширны и привольны и чтобы стая кроншнепов пересела на другой берег или другое место после вашего выстрела, а не улетела совсем. Вышибить из стаи одним или двумя выстрелами несколько штук можно только в том случае, если местность позволит подкрасться из-за чего-нибудь к бродящей стае или если она налетит на охотника, который имел возможность притаиться в кусту, в рытвине, в овражке, в камыше или просто на земле, но для этого нужно, чтобы охотник знал заранее, когда прилетают кроншнепы и на каком любимом месте садятся, чтоб он дожидался их или увидел по крайней мере издали летящую стаю. У меня был в соседстве, верстах в двадцати, такой пруд[1], на который кроншнепы прилетали перед своим отлетом осенью ежедневно в полдень; этот прилет

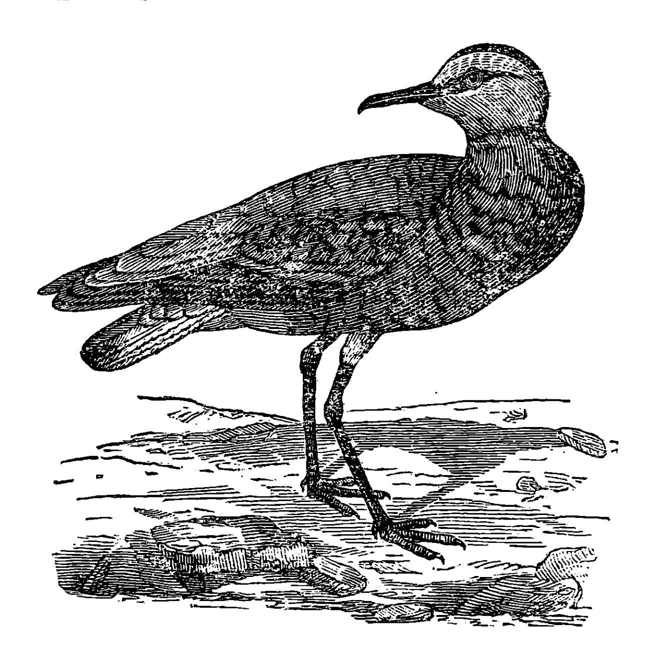
[1] Принадлежавший А. М. Карамзину и называвшийся Карамзинским.

повторялся постоянно каждый год в исходе июля или в начале августа и продолжался недели две. По счастию, именно вдоль того самого берега, плоского и открытого, на который обыкновенно садилась вся стая, тянулся старый полусогнивший плетень, некогда окружавший коноплянник, более десяти лет оставленный; плетень обрастал всегда высокою травою, и мне ловко было в ней прятаться. Около полдён садился я в свое скрытное убежище и ожидал прилета кроншнепов. Плавно и беззаботно налетала на меня огромнейшая станица степных куликов всех трех пород; не только шум — ветер слышал я от их тяжелого полета; надо мной неслась темная туча, вся составленная из длинных крыльев, ног, шей и кривых носов... В первый раз я так оторопел, что пропустил стаю и выстрелил уже вдогонку в одного отставшего кулика и поранил его в крыло. Впоследствии я был спокойнее и целил или в самого большого кроншнепа, или в то место, где гуще слеталась стая, не подпуская ее к себе слишком близко или пропустя; выстрелить в слишком близком расстоянии — значит убить и нередко разорвать только одного кулика. Иногда я допускал их садиться и стрелял по сидячим, и мне случалось вышибать одним зарядом по три и по четыре кроншнепа. Испуганная стая, взволновавшись, с шумом улетала, но, сделав круг и не видя нигде присутствия человека, возвращалась назад и нередко вновь опускалась на прежнее место единственно потому, что я не выходил из своего убежища *и не подбирал* убитых или подстреленных кроншнепов; последнее обстоятельство очень важно, потому что к раненой птице почти всегда опустится стая. Вторичный выстрел доставлял мне новую добычу, и кроншнепы улетали окончательно до следующего дня. Впрочем, я никогда не приезжал два дня сряду, а всегда через день или два и всегда находил их до самого отлета, который никогда не случался позже 17 августа.

Вкус мяса кроншнепов так же совершенно различен, как и охота за ними: с прилета они довольно сочны и вкусны, во время вывода детей — сухи и черствы, а на отлете и молодые и особенно старые, облитые жиром, превосходны.

5. КРЕЧЕТКА, ИЛИ СТЕПНАЯ ПИГОЛИЦА

Без сомнения, она так названа по своему крику, или голосу. *Кречъ, кречъ, кречъ,* — повторяет она беспрестанно, завидя человека или летая над ним. Кречетка — настоящая коренная жительница степей, и я никогда не

видывал ее в других местах. Величиною и складом совершенно похожа на чибиса, или болотную пиголицу, только несколько ее пошире и на ногах пониже; голова у ней побольше и хохолка нет. Она так же проворно бегает, такие же имеет круглые крылья и такой же, как у чибиса, *особенный* полет. Издали, видя, как она редко машет крыльями и перевертывается на лету вверх брюхом, ее решительно можно принять за болотную пиголицу, но цветом перьев она совсем на нее не похожа: кречетка вся сизая, дымчатая, с темными отливами и пятнами. Вообще кречеток очень мало, и они имеют ту особенность, что никто из охотников не видывал их прилета и

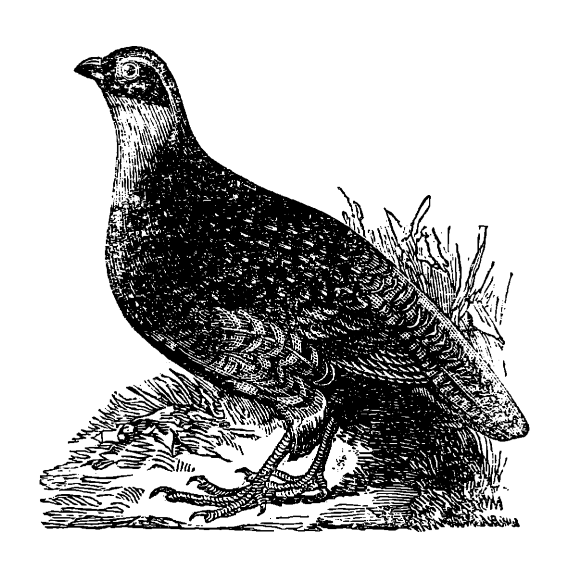
отлета, между тем как они не пролетная дичь; напротив, выводят у нас детей постоянно, и всякий охотник каждый год встречал кречеток в степи, где они всегда живут вместе с степными куликами, так же как чибисы — вместе с болотными. Степными пигалицами зовут их одни охотники, а не народ; но и из всего сказанного мною видно, что кречетки имеют на это имя полное право. Вероятно, кречетки прилетают позднее кроншнепов, потому что на тех самых местах, где с начала весны кроншнепы жили одни, впоследствии, недели две позднее, мне случалось много раз находить вместе с ними и кречеток, всегда уже вьющихся над человеком или собакой, очевидно от гнезд, которые, без сомнения, устроиваются ими очень поспешно. Молодые мне не попадались, а гнезда с яйцами изредка я находил: они были свиты очень просто, в них всегда лежали четыре небольшие яичка, похожие фигурой на чибисиные, серо-пестрого цвета. Кречетки живут парами; самец и самка сидят попеременно на яйцах не более двух недель с половиною; оба кружатся над охотником, стараясь отвлечь его в сторону, налетают гораздо ближе и вьются неотступнее кроншнепов, с которыми вместе, по крайней мере в продолжение лета, питаются совершенно одинаким кормом. Можно предположить, что и впоследствии времени самец разделяет с самкою все заботы о детях до полного их возраста, хотя кречетки исчезают так скоро, что нельзя сделать наблюдения над выводками молодых, уже начавших летать. В начале июля, несколько ранее степных куликов, кречетки оставляют степи и совершенно пропадают.

Охотники не уважают кречеток единственно потому, что встречают их только в то время, когда они бывают очень худы телом, как и всякая птица во время вывода детей; но я никогда не пренебрегал кречетками из уважения к их малочисленности, ибо в иной год и десятка их не убьешь, даже не увидишь. Мясо их сухо, черство, имеет общий вкус с мясом куликов и чибиса, когда они худы.

Встречая кречеток только в продолжение двух месяцев, с начала мая до начала июля, в исключительную эпоху их жизни, я, к сожалению, ничего не могу сказать более о нравах этой довольно крепкой, складной и красивой птицы.

6. КУРОПАТКА ПОЛЕВАЯ, ИЛИ СЕРАЯ

Весь склад, все части тела этой птицы совершенно куриные, отчего и получила она свое имя; *полевою* же, или *серою*, называется она сколько в отличие от лесной, белой в зимнее время куропатки, о которой будет говорено в своем месте, столько же и потому, что сера пером

и живет в поле. Серая куропатка, по моему мнению, если не лучшая, то одна из лучших птиц во всех породах степной и лесной дичи, кроме вальдшнепа. Как красивы ее пестрые, темные, красно-желтые, коричневые и светло-серые перья! Как она стройно, кругло и крепко сложена! Как она жива, проворна, ловка и миловидна во всех своих движениях! Как жирна и вкусна бывает осенью и зимою! Даже летом исхудалая матка от яиц или детей не совсем теряет сочность, мягкость и приятность вкуса. Величиною эта бойкая птичка будет на взгляд несколько больше русского голубя, но гораздо его мясистее: она будет с цыпленка в полкурицы. Она имеет под горлышком и около носика перья красноватые или светлокорич-

невые, такого же цвета нижние хвостовые перья и, в виде подковы, пятна на груди или на верхней половине хлупи, которые несколько больше, ярче и темнее; красноватые поперечные полоски лежат по серым перьям боков. Зоб и часть головы серо-дымчатые; на верхней, первой половине красновато-пестрых крыльев виднеются белые дольные полоски, узенькие, как ниточки, которые не что иное, как белые стволинки перьев; вторая же, крайняя половина крыльев испещрена беловатыми поперечными крапинками по темно-сизоватому полю, ножки рогового цвета, мохнатые только сверху, до первого сустава, как у птицы, назначенной для многого беганья по грязи и снегу. Куропатка — настоящая наша туземка, не покидающая родимой стороны и зимой. Это первая *не перелетная*, не улетающая дичь, о которой я начинаю говорить. Она отличается проворством своего бега и необыкновенною силою и быстротою своего прямого, как стрела, полета. Взлет или подъем ее быстр, шумен и может испугать, если человек его не ожидает. Несмотря на силу и скорость полета, куропатки всегда летят невысоко от земли и недалеко улетают. У куропаток есть три рода крика, или голоса: первый, когда они целою станицей найдут корм и начнут его клевать, разгребая снег или землю своими лапками: тут они кудахчут, как куры, только гораздо тише и приятнее для уха; второй, когда, увидя или услыша какую-нибудь опасность, собираются улететь или окликаются между собою, этот крик тоже похож несколько на куриный, когда куры завидят ястреба или коршуна; и, наконец, третий, собственно им принадлежащий, когда вспуганная стая летит со всею силою своего быстрого полета. Пища куропаток состоит из семян растений и хлебных зерен. Изредка попадались мне в их зобах червячки и другие насекомые. Куропатки если не спят или не лежат во время отдыха, то беспрестанно бегают, суетятся, роются и клюют всякую всячину. Куропатки имеют решительную склонность к обществу и никогда не попадаются в одиночку, даже парами, исключая время вывода детей, в чем сходны с ними тетерева.

О жизни и нравах куропаток с весны до осени я ничего не знаю и воспользуюсь наблюдениями другого

охотника. Я всегда живал в таких местах, близко которых куропатки детей не выводили, и самому мне никогда не случалось найти куропаточьего гнезда. Во всю мою жизнь попалась мне одна только выводка молодых, но зато очень много бивал и наблюдал я куропаток осенью, когда они собирались уже в стаи, также по первому зимнему мелкому снегу, когда их можно сследить, бегающих по жнивью, и, наконец, зимою, когда глубокий снег и метели подгонят их к жилью человеческому: в хлебные гумна, а на ночь — даже в крытые тока и сараи. В выводке, мною найденной, находилась одна старка и восемь цыпленков; я перебил всех, потому что дело происходило на гладкой степи; хотя молодые пересаживались очень далеко, но спрятаться было негде, и добрая собака перебрала их поодиночке. Из этого опыта я заключаю, что там, где можно найти много куропаточьих выводок, эта охота должна быть очень весела: молодые куропатки не тетеревята, они довольно сильны и крепки; деревьев нет, да куропатки не садятся на деревья; улетают иногда очень далеко и летят ужасно быстро; стрелять надобно живо, а не то они как раз вылетят из меры.

Вот описание вывода куропаток, стрельбы молодых и особенного способа, посредством которого разводят их в назначенных местах, составленное одним опытным, вполне достоверным охотником Симбирской губернии, коротко знакомым с охотой этого рода.

«Весною, как только начинают показываться в полях и кустарниках проталины, то есть смотря по погоде, в конце марта или в начале апреля, куропатки разделяются попарно. Самец с самкою живут вместе, не изменяя друг другу; понимаются же они с наступлением совершенно теплой погоды в конце апреля или в начале мая. Самка не свивает гнезда, а расчищает для него местечко, делая в густой траве, в озимях или под кустиком небольшую ямку, как бы окруженную или опушенную перышками и пухом, нащипанными из собственной хлупи. Молодая самка несет от двенадцати до пятнадцати, а старая — от пятнадцати до двадцати яиц овальной фигуры, бледнооливкового цвета. Высиживание продолжается до трех недель. Молодые куропатки выводятся около половины

июня и вылупляются особенным образом: они не пробивают носиком тонкой скорлупы, чтобы выйти из нее. Скорлупу куропаточных яиц всегда находят развалившеюся вдоль на две совершенно ровные части, как бы разрезанною острым ножом. Цыплята тотчас начинают порхать и бегать за старыми. Самец вместе с самкою сзывает, водит и охраняет выводку. Через несколько дней молодые начинают уже летать, потому что выводятся с перьями в крыльях. Цвет пуха на молодой куропатке красновато-серый, и вообще она похожа тогда на взрослую перепелку; к осени же, достигая совершенного возраста, она перелинивает и выцветает. Как только молодые начнут свободно летать, то всякое утро, на рассвете, вся стая поднимается с места ночлега лётом и перемещается на недальнее расстояние; побегав немного, через несколько минут скликается, делает другой перелет и там остается на целый день. Вечером, сейчас по захождении солнца, самец и самка опять сзывают молодых, делают опять два перелета и располагаются на ночлег.

Охота за молодыми куропатками начинается в исходе июля, но лучшее для того время — когда все хлеба сжаты и скошены, то есть в августе и сентябре. Хорошо дрессированная, послушная и не слишком горячая легавая собака необходима для удачной охоты за куропатками. В июле выводки держатся в поле, в степных лугах с мелким кустарником, *в некосях*, в бастыльнике. Сначала они очень смирны, и когда собака нападет на след, то старый самец начнет бегать, вертеться и даже перепархивать у ней под носом, чтобы отвести ее от выводки. Опытный охотник заметит это по поиску собаки, отзывает ее, идет в противоположную сторону и отыскивает стаю. В августе и сентябре куропаточьи выводки держатся преимущественно в местах гористых и овражистых, в яровых полях, около скирдов, на просяницах, гречневых и гороховых загонах. В октябре иногда находишь их в озимях, а когда время сделается холоднее, они спускаются в луга, поймы, к таловым кустам. Тогда они становятся гораздо бойчее, поднимаются всей стаею вдруг, с шумом и треском, почти всегда вне выстрела. Поднявши стаю, надобно следить глазами за ее

полетом, всегда прямолинейным, и идти или, всего лучше, ехать верхом по его направлению; стая перемещается недалеко; завалившись в долинку, в овражек или за горку, она садится большею частию в ближайший кустарник и редко в чистое поле, разве там, где перелет до кустов слишком далек; переместившись, она бежит шибко, но собака, напавши на след снова, легко ее находит. Во второй раз куропатки вылетают гораздо ближе, часто не все вдруг, а по две, по три разом: тогда если удастся разбить стаю, они лежат смирно и вылетают из-под ног собаки. Таким образом можно застрелить много куропаток, а при большом терпении — перебить всю стаю. Если как-нибудь не скоро попадешь на след разрозненных куропаток, то через полчаса после перемещенья можно подманивать их особого рода свистком, на который они отвечают, или подождать, когда они сами начнут скликаться, и тогда немедленно идти на голос: они скоро опять соединяются в стаи и тогда уже не отзываются. Куропатка с подбитым крылом, упав на землю, спасается быстрым бегом, иногда даже уходит от поиска собаки: бывает, что, после долгих отыскиваний, нападешь снова на собравшуюся стаю и тут же найдешь подбитую куропатку.

Некоторые охотники заказывают крестьянам приносить к ним крытых куропаток живых и сажают их на зиму в большие, нарочно устроенные клетки, где они живут очень хорошо, чтоб весною высадить их для размножения. Высаживанье это производится таким образом: весною, как только окажутся проталины, из клетки, где куропатки провели зиму, разбирают самцов и самок в отдельные коробки, наблюдая, чтобы в них входил воздух и чтобы в тесноте куропатки не задохлись; потом едут в избранное для высиживанья место, для чего лучше выбирать мелкий кустарник, где бы впоследствии было удобно стрелять, преимущественно в озимом поле, потому что там не пасут стад и не ездят туда для пашни крестьяне, обыкновенно пускающие своих лошадей, во время полдневного отдыха, в близлежащий кустарник; в ржаное поле вообще никто почти до жатвы не ходит и не мешает высаженным куропаткам выводиться. Выбрав такое место, берут пару куропаток, самца и самку,

сажают их под лукошко, к которому привязана длинная бечевка; кругом, в нескольких местах, насыпают для корма разного ухвостья и, отошед подальше, осторожно, потихоньку поднимают лукошко посредством бечевки, перекинутой чрез него. Высаживаемая пара куропаток не замедлит выбежать из-под лукошка и начнет перекликаться; когда она убежит из виду, тогда опрокинутое лукошко притягивают к себе и удаляются так, чтобы не вспугнуть высаженную пару. Обыкновенно засидевшиеся зимой куропатки не перелетают на дальнее расстояние и, находя поблизости готовый и знакомый корм, остаются и выводят детей в том месте, где были высажены. Так в небольшой отъемник можно высадить две-три пары и к осени найти их поблизости с выводками»[1].

Теперь обращаюсь к моему описанию образа жизни и стрельбы куропаток осенью. В начале октября начинают попадаться куропатки уже станицами, в две и три выводки. Весьма охотно бегают они по дорогам, особенно по тем, по которым возят в гумна снопы, и подбирают насорившиеся зерна; впрочем, мне случалось очень часто находить их на таких степных дорогах, по которым никогда снопов не возили. Сжатые хлебные поля и предпочтительно те десятины, на которых производилась молотьба гречи, гороха и других хлебов (в сухую погоду молотят иногда в полях сыромолотом), также охотно посещаются стаями куропаток. Нередко зарываются они в кучи соломы, оставленной на десятине, особенно гречневой и гороховой, даже прячутся в них, если завидят ястреба, беркута и вообще хищную птицу. Мне случалось наезжать на стаи куропаток, которые при мне прятались таким образом, потому что в то же время видели плавающего в облаках своего смертельного врага. Стрельба выходила славная и добычливая: куропатки вылетали из соломы поодиночке, редко в паре и очень близко, из-под самых ног: тут надобно было иногда или послать собаку в солому, или взворачивать ее самому ногами. Можно было бить их рябчиковою дробью, даже 7-м и 8-м нумером, чего уже никак нельзя сделать на

---

[1] Этим любопытным описанием обязан я И. П. Ах—ву.

обыкновенном неблизком расстоянии, ибо куропатки, особенно старые, крепче к ружью многих птиц, превосходящих их своею величиною, и уступают в этом только тетереву; на сорок пять шагов или пятнадцать сажен, если не переломишь крыла, куропатку не добудешь, то есть не убьешь наповал рябчиковою дробью; она будет сильно ранена, но унесет дробь и улетит из виду вон: может быть, она после и умрет, но это будет хуже промаха — пропадет даром. Чем становится погода холоднее, тем крепче делаются куропатки, и я всегда с успехом употреблял на них, кроме особенных случаев, мелкую утиную дробь или 5-й нумер.

Отыскивать куропаток осенью по-голу — довольно трудно: издали не увидишь их ни в траве, ни в жниве; они, завидя человека, успеют разбежаться и попрятаться, и потому нужно брать с собой на охоту собаку, но отлично вежливую, в противном случае она будет только мешать. Искать их надобно всегда около тех десятин, на которых они повадились доставать себе хлебный корм. Зато по первому мелкому снегу очень удобно находить куропаток. Во-первых, потому, что на снежной белизне они гораздо виднее, а во-вторых, потому, что их можно сследить. Куропаточья стая бежит широко, врассыпную и оставляет за собою бесчисленные нити следов, которые, расходясь, сходясь и перекрещиваясь, издали кажутся кружевными сплошными узорами. Стрельбу эту не всегда можно назвать добычливою: если охотник и застигнет куропаток в сборе, в куче, то они редко подпустят его в меру: они побегут сначала в разные стороны и вдруг поднимутся, и потому из порядочной станицы по большей части убьешь одну, много двух куропаток. Если же удастся разбить стаю в разноту или найти куропаток, зарывшихся в снегу по разнице, то можно убить их много; в последнем случае они так крепко лежат, что надобно их выталкивать ногой. Когда же наступит настоящая зима и сугробами снегов завалит хлебные поля и озими, то куропаткам нельзя будет бегать по глубокому снегу, да и бесполезно, потому что никакого корму в полях нет. Стаи куропаток приближаются тогда к деревням и появляются на гумнах, где подбирают зерна, наточившиеся около копен и кладей;

бегают по дорожкам, по которым возят хлеб сушить на ригу или овин, и также около токов, на которых молотят и веют хлеб. Стаи куропаток ночуют где-нибудь поблизости селенья, в лесных оврагах, в таловых кустах по речке, и непременно в уреме, если урема есть. Едва только черкнет заря, несмотря на довольно еще сильную темноту, куропатки поднимаются с ночлега, на котором иногда совсем заносит их снегом, и прямо летят на знакомые гумна; если на одном из них уже молотят, — что обыкновенно начинают делать задолго до зари, при свете пылающей соломы, — куропатки пролетят мимо на другое гумно. Если помешают на другом — они перелетят на третье, одним словом работающие крестьяне куропаткам небольшая помеха, они уживаются с ними дружно: летят мимо, если гумно занято, и уступают место, когда крестьяне их там застанут. Часов в десять утра куропатки улетают в те места, где ночевали, и проводят там на отдыхе несколько часов: лежат до половины зарывшись в снег и даже спят. За час до захождения солнца они опять являются на гумнах и остаются до поздней ночи. Во время зимних метелей, или, по-оренбургски, буранов, куропатки нередко и ночуют на гумнах, забиваясь в огромные вороха соломы, между высокими кладями, где не берет их ветер, или под крытые тока и сараи. Куропатки иногда так привыкают к житью своему на гумнах, особенно в деревнях степных, около которых нет удобных мест для ночевки и полдневного отдыха, что вовсе не улетают с гумен и, завидя людей, прячутся в отдаленные вороха соломы, в господские большие гуменники, всегда отдельно и даже не близко стоящие к ригам, и вообще в какие-нибудь укромные места; прячутся даже в большие сугробы снега, которые наметет буран к заборам и околице, поделают в снегу небольшие норы и преспокойно спят в них по ночам или отдыхают в свободное время от приискиванья корма. Вызнав все это предварительно, охотнику уже не трудно будет отыскивать куропаток; конечно, он прежде перебьет бóльшую половину стаи, чем она бросит места, к которым привыкла. Стрельба бывает и в лет и по сидячим или бегущим куропаткам, всегда довольно близко,

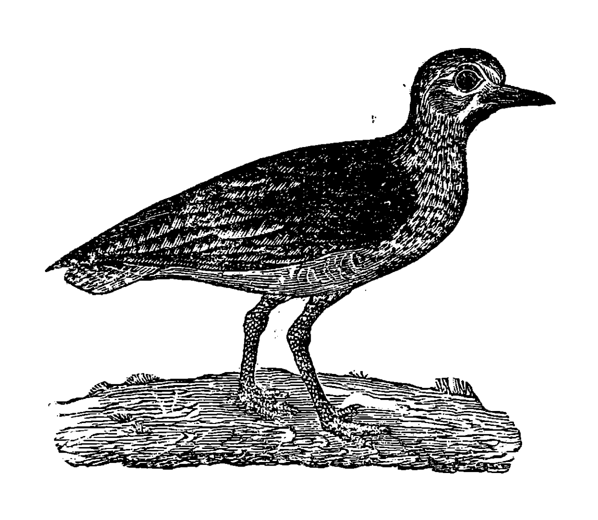
и потому рябчиковая дробь для нее весьма пригодна. Таким образом, мне случалось стрелять куропаток до самой весны, то есть до апреля, когда уже на токах в полдень стояли лужи воды.

Куропатки столько оказывают в себе наклонности к привычке и готовности *сделаться* ручными, что я почти уверен в возможности переродить их в дворовых кур. На всякую хлебную приваду они идут весьма охотно. Для того чтоб они могли скорее увидеть, где насыпан для них корм, проводятся, в разные стороны от привады, дорожки из хлебной мякины в виде расходящихся лучей; как только нападет на одну из них куропатка, то сейчас побежит по ней и закудахчет; на ее голос свалится вся стая и прямо по мякине, из которой мимоходом на бегу выклюет все зерна, отправится к приваде. Там обыкновенно кроют их шатром, так же как тетеревов, но куропатки гораздо повадливее и смирнее, то есть глупее; тетеревиная стая иногда сидит около привады, пристально глядит на нее, но нейдет и не пойдет совсем; иногда несколько тетеревов клюют овсяные снопы на приваде ежедневно, а другие только прилетают смотреть; но куропатки с первого раза все бросаются на рассыпанный корм, как дворовые куры; тетеревов надобно долго приучать, а куропаток кроют на другой же день; никогда нельзя покрыть всю тетеревиную стаю, а куропаток, напротив, непременно перекроют всех до одной. Мне случилось однажды целый месяц каждый день стрелять их на одном и том же току; кроме убиваемых на месте, некоторые пропадали оттого, что были поранены; стая убавлялась с каждым днем, и, наконец, остались две куропатки и продолжали прилетать на тот же ток в урочное время... Из уважения к такому постоянству я пощадил их.

7. СИВКИ, РЖАНКИ, ОЗИМЫЕ КУРЫ

Все три названия охотничьи и книжные. Народ называет стаи этих пролетных, кратковременных гостей *полевыми курахтанчиками*. Не знаю, откуда взялось имя *сивка*, но *ржанка* и *озимая курочка*, очевидно, происходят

от того, что эти птички всегда бывают видимы на ржаных или озимых полях. Сивка гораздо больше скворца, гораздо его шире в груди и мясистее, хотя она так же имеет куриный склад, как и куропатка, но не так кругла и стан ее длинен относительно к величине, а голова велика; нос куриный, обыкновенного темного, рого-

вого цвета, ножки бледно-зеленоватые. Сивка вся покрыта темнооливкового цвета перьями, испещренными белыми, желтоватыми и яркозелеными крапинками; брюшко светлее, а шея под горлом, щеки и зоб черные. Вообще сивки очень плотного, крепкого сложения и довольно красивы; летают быстро и бегают чрезвычайно проворно; появляются всегда огромными станицами. Я уже имел случай говорить о сивках, особенно об их голосе, или писке, описывая весенний пролет птицы. Они появляются позднее всех пород дичи, и каждый год весьма не одинаково. В моих записках отмечено, что иногда сивок бывало очень мало, а иногда очень много; были года, в которые я слышал только их писк и видел их стан, кружившиеся под небесами, как темное облако, но не видал их опускающихся на землю; в 1811 году

сивки не прилетали совсем. Появление этой пролетной птички весьма загадочно, по крайней мере в Оренбургской губернии: обыкновенно она гостит там в мае, от двух до четырех недель, и неизвестно куда пропадает. Если б это был весенний пролет, как у некоторых мною описанных куликов, то был бы и обратный, осенний пролет, уже с молодыми, но осенью никогда озимых кур я не видывал. Притом пропадая в исходе мая, они, кажется, уже пропускают время для вывода детей, которых где-нибудь да выводят же. Должно предположить, что сивки возвращаются на зимнее местопребывание уже другою дорогою или летят осенью так высоко и тихо, что их никто не видит и не слышит. Любопытно было бы сделать наблюдение над появлением сивок в других полосах России [1]. Я очень любил их стрелять, и каждый год с большим нетерпением ожидал мелодических, серебряных звуков, льющихся с неба из невидимых стай озимых кур, вертящихся в вышине с удивительною быстротою и неутомимостью. Услыша эти желанные звуки, я уже всякий день начинал искать сивок по озимям, объезжая иногда понапрасну огромные пространства ржаных полей. Изредка случалось мне видеть, что сивки спускались даже на скошенные прошлого года луговины и на яровые поля, покрытые молодыми хлебными всходами. Станица сивок никогда не садится прямо на землю: кружась беспрестанно, то свиваясь в густое облако, то развиваясь широкою пеленою, начинает она делать свои круги все ниже и ниже и, опустясь уже близко к земле, вдруг с шумом покрывает целую десятину; ни одной секунды не оставаясь в покое, озимые куры проворно разбегаются во все стороны. Мгновенно поверхность занимаемого ими места представится вам движущеюся, живою! В глазах зарябит, если долго посмотришь на эту волнующуюся пестроту!

С появлением озимых кур начинается горячая, хлопотливая, бывало очень любимая мною, стрельба этой дичи. Жадность и горячность увеличивались от мысли,

---

[1] Я встретил охотника, который сам не видал, но слышал, что в губерниях более южных осенью бывают пролетные стаи сивок.

что пребывание озимых кур ненадежно и что, может быть, завтра или послезавтра они и совсем пропадут. С подхода стрелять нельзя: сивки, не подпуская в меру, начнут поодиночке перелетывать с места на место, да и бегут так проворно, что не поспеешь за ними. С подъезда они смирнее и подпускают ближе, хотя и тут те же отчасти неудобства, то есть беспрестанное беганье и взлетыванье. Редко случалось мне убивать более трех штук одним зарядом: но не должно жадничать и выжидать, покуда сбежится стая плотнее. Надобно принять за правило: как скоро подъедешь в меру — стрелять в ближайших; целя всегда в одну, по большей части убьешь пару и даже изредка трех. Желая убить больше одним зарядом — измучишь себя и лошадей и убьешь несравненно меньше, потому что угонишь далеко и беспрестанным преследованьем напугаешь озимых кур гораздо скорее, чем редкими выстрелами. Обыкновенно после каждого выстрела поднимется вся стая и, сделав невысоко круг или два, опять сядет. Таким образом, на одном поле иногда удастся подъехать и выстрелить несколько раз, потому что сивки, наигравшись прежде в вышине и опустясь на землю, уже неохотно поднимаются вверх, а только перелетывают с места на место. Один раз нечаянно сделал я открытие, что сивки вьются довольно низко над подстреленными своими товарищами, что, впрочем, замечается и в других птицах. Вот как это было: выстрелив в стаю озимых кур и взяв двух убитых, я следил полет остальной стаи, которая начала подниматься довольно высоко; вдруг одна сивка пошла книзу на отлет (вероятно, она ослабела от полученной раны) и упала или села неблизко; в одно мгновение вся стая быстро опустилась и начала кружиться над этим местом очень низко; я немедленно поскакал туда и нашел подстреленную сивку, которая не имела сил подняться, а только ползла, потому что одна нога была переломлена; стая поднялась выше. Я сейчас отослал дрожки и лошадей прочь, а сам лег недалеко от подстреленной птицы; стая сивок стала опускаться и налетела на меня довольно близко; одним выстрелом я убил пять штук, после чего остальные перелетели на другое поле. Потом я уже много раз пользовался этим средством с успе-

хом. — Самое выгодное время стрелять озимых кур — дождливые, ненастные дни, тогда они гораздо смирнее: мало вьются вверху, менее бегают по мокрой пашне и даже иногда сидят на одном месте, собравшись в кучу. Покуда не были изобретены пистоны, дождь не только мешал стрелять, но даже иногда прогонял с поля охотника, потому что у ружей с кремнями очень трудно укрывать полку с порохом: он как раз отсыреет и даже замокнет, а при сильном дожде и никакое сбережение невозможно; но с пистонами дождь не помеха, и сивок, без сомнения, можно убить очень много в одно поле. Говорю это предположительно: с тех пор, как ввелись в употребление замки нового устройства, мне не удалось и видеть озимых кур.

Вообще, как я уже сказал, сивка довольно сильная и крепкая к ружью дичь, и потому дробь надобно употреблять не мельче 6-го или 7-го нумера. Впрочем, все зависит от расстояния. Мне случалось стрелять их бекасинником в ненастную погоду и крупною утиною дробью в вёдро, когда они вьются кверху. Сивки никогда не бывают жирны, но зато и не бывают худы, а всегда сыты. Мясо их очень сочно и вкусно.

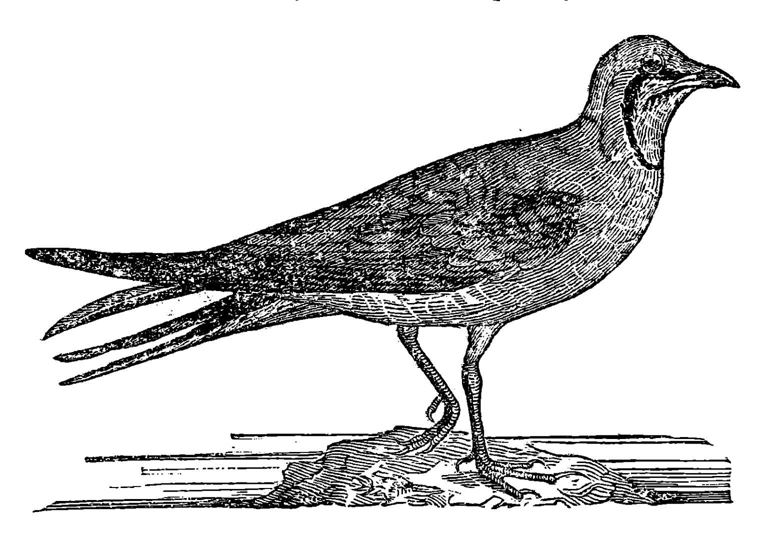
В 1822 году, в Белебеевском уезде Оренбургской губернии, поехал я осматривать яровые всходы, разумеется с ружьем, потому что я с ним никогда не расставался. Вдруг ехавший со мной крестьянин указал мне пересевшую небольшую станичку *полевых курахтанчиков*. Я приказал сейчас поворотить к ним и, подъехав в меру, выстрелил. Станичка, десятка в три или четыре, быстро взвилась и улетела вон из виду; я убил три штуки. Когда их принесли, я пришел в крайнее изумление: вместо обыкновенных темнозеленых, пестрых озимых кур я увидел птиц, совершенно похожих на сивок складом, только несколько поменьше, но совершенно неизвестных по их перьям. Как досадно, что я тогда же не описал их с натуры! Крестьянин уверял меня, что таких много шатается по полям; он ошибся: я не только в эту весну, но и никогда уже таких сивок не встречал; я все называю их сивками, потому что неизвестные птички были совершенно на них похожи всем своим образованьем, кроме того, что головки их показались мне не

так велики и более соразмерны с общею величиной тела. Они были очень красивы: цвет перьев светлокоричневый, и от глаз, вдоль шеи, лежали беловатые полоски... больше не помню ничего.

Есть еще порода «болотных сивок», близко подходящих перьями к кроншнепу. Они стаями не летают, а попадаются в одиночку по отмелям рек и берегам прудов, но я их почти не знаю.

8. МОРСКАЯ ЛАСТОЧКА, КРАСНОУСТИК

Первое названье заимствовано мною из «Совершенного егеря». Дано ли это имя по сходству птички с ласточкой, а слово *морская* пошло впридачу так, без вся-

кого основания, или точно живет она около морей и там называется *морскою ласточкою* — ничего сказать не могу. Некоторые оренбургские охотники, в том числе и я, называют ее *красноустик*, а крестьяне, так же как и сивку, — *полевой курахтанчик*, но последнее имя ей совершенно нейдет; склад ее не похож на куриный, а очень сходна она своим образованьем именно с ласточкой.

Красноустиком мы называли эту птицу потому, что зев ее рта оторочен или окаймлен рубчиком яркого красного цвета. Я удержу это последнее имя. Красноустик вдвое или почти втрое больше обыкновенной ласточки; цвет его перьев темнокофейный, издали кажется даже черным, брюшко несколько светлее, носик желтоватый, шея коротенькая, головка довольно велика и кругла, ножки тонкие, небольшие, какого-то неопределенного дикого цвета, очевидно не назначенные для многого беганья, хвостик белый, а концы хвостовых перьев черноватые; крылья длинные, очень острые к концам, которые, когда птичка сидит, накладываются один на другой, как у всех птиц, имеющих длинные крылья, например: у сокола, копчика и даже у обыкновенной ласточки. Появление и пребывание красноустиков в Оренбургской губернии еще загадочнее появления и пребывания сивок. Редко я встречал их два года сряду, а чаще через два года в третий; но однажды заметил я появление красноустиков два раза в один год: в июне, когда парят пар (время обыкновенного их прилета), и в начале августа, во время ржаного сева. Это последнее обстоятельство совершенно сбивает меня с толку. Как назвать первое появление красноустиков? Если весенним пролетом, то осенний возврат слишком скор и нет времени им вывесть детей и возвратиться с молодыми. Я убил тогда несколько красноустиков, и один из них был с яйцом; если не счесть его *жировым* [1], то можно предположить, что красноустики выводят детей осенью, разумеется где-нибудь в теплом климате, и что они летят туда в августе. Яичко было очень красиво, по бледнопалевому основанию испещрено коричневыми крапинками. Красноустики летают очень резво и беспрестанно вьются над вновь вспаханною землею, хватая толкущихся над ней мошек, разных крылатых насекомых и также насекомых, ползающих по земле, для чего часто садятся, но ходят

---

[1] Ж и р о в ы м и я й ц а м и называются те, которые несет самка без совокупления с самцом. Такие яйца бывают у всех домашних птиц, вероятно и у диких, но детей из них никогда не выводится. Я делал опыты над жировыми яйцами кур, индеек и цыцарок.

мало и медленно. В этот же единственный раз в моей жизни я нашел красноустиков в августе месяце не на пашне и не в поле, а приметил их в поздние сумерки, летающих взад и вперед и вьющихся по берегам заливов, в верху пруда. Я убил четверых; на другой день рано поутру остальных уже не было. Для меня, как для охотника, который с ранней молодости имел безотчетную страсть к наблюдению и возможному исследованию образа жизни и нравов птиц, появление красноустиков было особенно любопытно. Всегда удивляло меня то, что как скоро начнут парить пар, так они и появятся. Время пара и ржаного сева не везде и не всегда совершенно одинаково; да и нельзя предположить, чтоб они знали его по инстинкту и прилетали именно к сроку издалека. Следовательно, должно заключить, что они жили до того времени где-нибудь поблизости, хотя и это предположение довольно невероятно. Красноустики появляются всегда небольшими станичками, их скоро увидишь издали, потому что они беспрестанно кружатся или снуют взад и вперед около одного и того же места и садятся только на короткое время. Они не так дики, особенно сначала, стрелять почти всегда приходится в лет. Я становился обыкновенно на средине той десятины или того места, около которого вьются красноустики, брал с собой даже собаку, разумеется вежливую, и они налетали на меня иногда довольно в меру; после нескольких выстрелов красноустики перемещались понемногу на другую десятину или загон, и я подвигался за ними, преследуя их таким образом до тех пор, пока они не оставляли поля совсем и не улетали из виду вон. Стрелять их довольно трудно, потому что они летают не близко, вьются не над человеком, а около него и стелются по земле именно как ласточки, отчего, особенно в серый день, цель не видна и для охотника сколько-нибудь близорукого (каким я был всегда) стрельба становится трудною; притом и летают они очень быстро. Много убить их мне никогда не удавалось, хотя я занимался ими прилежно: они летают врознь, а не кучей, и потому больше одного одним зарядом убить нельзя. К ружью они не так крепки, и для них очень достаточно мелкой

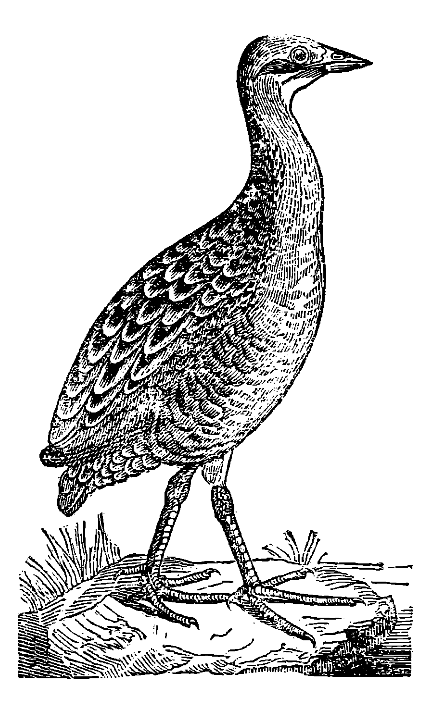
рябчиковой дроби, то есть 7-го нумера и даже 8-го. Так же как и озимые куры, красноустики никогда не бывают жирны во время краткого своего пролета, но всегда довольно сыты, и мясо их мягко, сочно и очень вкусно.

9. КОРОСТЕЛЬ

Может быть, покажется странным причисление коростеля к разряду степной, или полевой, дичи, потому что главнейшее его местопребывание — луга, поросшие изредка кустами, не только лежащие в соседстве болот, но и сами иногда довольно мокрые; все это справедливо: точно, там дергуны живут с весны и там выводят детей, но зато сейчас с молодыми перебираются они в хлеба, потом в травянистые межи и залежи и, наконец, в лесные опушки. Итак, куда причислить коростеля? Не составлять же для него особого отдела болотисто-луговой дичи? Да и это будет неверно. В болотах же, где он также иногда держится, есть свой коростель, постоянно в них живущий, — погоныш, о котором я уже говорил.

Коростель — названье охотничье и книжное; *дергун, дергач* — вот русские народные имена. Городская и особенно столичная публика мало знает коростеля; но зато все деревенские жители, от мала до велика, вдоволь наслушались его неугомонных криков. Но как приятны весной и летом эти неблагозвучные хриплые звуки, особенно когда они впервые начнут раздаваться, что, впрочем, никогда не бывает рано; довольно поднявшаяся трава и зазеленевшие кусты — вот необходимое условие для дергуновой песни, поистине похожей на какое-то однообразное дерганье.

Коростель немного больше перепелки объемом своего тела, только несколько длиннее станом, но при первом взгляде кажется гораздо ее больше; причиною тому длинная шея, длинные ноги и перья. Несмотря на то, все устройство его членов также чисто куриное. Коростель покрыт перьями красно-бурого цвета, с небольшими, продолговатыми, темными полосками или пестринками; крылья у него гораздо краснее; по всей спине лежат длинные перья, темноватые посредине и с светлокоричневыми обводками по краям; брюшко

гораздо светлее, зоб отливает каким-то слегка сизым глянцем, нос обыкновенного рогового, а ноги светлокостяного цвета, подбой крыльев красный, на боках, под ними, перышки пестрые. Эта пестрота простирается к хвосту и даже на верхние части ног, покрытые мелкими перышками; хвост коротенький, также пестрый. Полетом своим он отличается от всех птиц: зад у него всегда висит, как будто он подстрелен, отчего дергун держится на лету не горизонтально, а точно едет по воздуху, почти стоймя; притом он имеет ту особенность, что, взлетев, не старается держаться против ветра, как все другие птицы, но охотно летит по ветру, отчего перья его заворачиваются и он кажется каким-то косматым. Впрочем, может быть, это охота невольная и он летит по ветру вследствие устройства своих небольших крыльев, слабости сил и полета, который всегда наводил на меня сомнение: как может эта птичка, так тяжело, неловко

и плохо летающая, переноситься через огромное пространство и даже через море, чтобы провесть зиму в теплом климате? Притом никто не видывал коростелей не только прилетными или отлетными станицами, но двух или трех вместе: весной они появляются поодиночке и осенью пропадают так же. Как не подумать, что коростели забиваются осенью в какие-нибудь лесные трущобы и проводят зиму в состоянии оцепенения, как, например, коршуны, которых находят в дуплах замерзшими, жесткими как дерево и которые, оттаяв в тепле, оживают, что я видал сам. Между тем отлет коростелей не подвержен сомнению.

Возвращаюсь к описанию коростеля. Летает он плохо, зато бегает удивительно проворно и неутомимо. Если собака причует его в большой траве, то дергун, надеясь больше на свои ноги, чем на крылья, не скоро поднимется, он измучит охотника, особенно в жаркое время. Чем собака лучше дрессирована, чем крепче у ней стойка, тем труднее ей поднять коростеля: почуяв близко дичь, издающую из себя особенно сильный запах, отчего всякая собака ищет по коростелю необыкновенно горячо, она сейчас делает стойку, а коростель, как будто с намерением приостановясь на минуту, пускается бежать во все лопатки. Покуда охотник успеет сказать *пиль* и собака подойти или броситься к тому месту, где сидела птица, коростель убежит за десять, за двадцать сажен; снова начнет искать собака по горячему следу, снова сделает стойку, и опять повторится та же проделка; собака разгорячится и начнет преследовать прыжками беспрестанно ее обманывающего дергуна и, наконец, спугнет его; но это чрезвычайно портит собаку. Вот почему охотники не дают молодой хорошей собаке искать по коростелям и вот почему бьют их не так много; впрочем, для старой, твердо дрессированной собаки приискиванье коростелей безвредно, особенно для имеющей верхнее чутье; она, не утомляя себя разбираньем и беганьем по перепутанным, бесконечным дергуновым следам, поведет охотника скоро и прямо к нему, и он принужден будет подняться. На местах, поросших невысокою и негустою травою, коростели подымаются гораздо скорее, потому что боятся подпускать собаку к себе

слишком близко. Но вот странность: мне и другим охотникам часто случалось спугивать дергунов неожиданно, без собаки, ходя совсем не за ними и даже в большой траве; кажется, им было бы очень легко спрятаться или убежать.

Всего замечательнее в коростеле — его голос, или крик, доставляющий ему общенародную известность. Этот крик очень похож на слог *дерг, дерг, дерг,* повторяемый им иногда до пятнадцати раз сряду. В хриплых звуках этого крика есть какая-то горячность и задорность. Прислушиваясь внимательно, сейчас почувствуешь, что это не просто спокойный голос или пенье птицы, а крик страсти. Этот крик имеет еще ту особенность, что в одно время слышится в разных направлениях и расстояниях; сначала я думал, что кричат несколько коростелей вдруг, но впоследствии имел случай убедиться, что кричит один и тот же коростель. Я увидел своими глазами причину, от которой происходит этот обман: коростель кричит, как бешеный, с неистовством, с надсадой, вытягивая шею, подаваясь вперед всем телом при каждом вскрикиванье, как будто наскакивая на что-то, и беспрестанно повертываясь на одном месте в разные стороны, отчего и происходит разность в силе и близости крика. Как скоро коростель крикнет, отвернувшись головой в противоположную сторону, крик покажется гораздо дальше, и наоборот. Притом коростель, прокричав раз с десять или более, сейчас начинает бегать взад и вперед и, отбежав на сажень или на две, опять начинает кричать, следственно беспрестанно переменяет место. Различия в полноте и силе голоса коростеля, которое замечается у перепелов, я не находил, но есть разница в числе криков, или ударов. Из всего вышесказанного я заключаю, что крики коростеля не что иное, как призыванье самки и выражение собственного чувства сладострастия. Много хлопотал я, чтоб все это узнать поближе и поподробнее, но при всех моих стараниях никак не мог подглядеть их совокупления, потому что в траве и в кустах ничего разглядеть нельзя, несмотря на довольно сильную зрительную трубку, которою я вооружался в своих наблюдениях. Мне сказывал крестьянин, что однажды он спал в кустах и, проснув-

шись, увидел, что недалеко от него дергун совокуплялся с дергунихой самым обыкновенным порядком, после чего самка, отряхнувшись, убежала, а самец, немного погодя, начал кричать. Это подтверждает мое предположение, что коростель криком зовет самку, которая или к нему прибежит, или подаст ему от себя голос, как перепелка: голоса этого, впрочем, никто из охотников не слыхивал. — Несмотря на неопределенность и неполноту этих сведений, можно вывести следующие заключения: 1) коростели не разбиваются на пары; 2) не имеют токов; 3) совокупление происходит случайно с разными самками и 4) самец не разделяет с самкою забот о выводе детей.

Близкое знакомство с коростелями увлекло меня несколько вперед; но я возвращаюсь к принятому мною порядку. Я уже сказал, что никто не видал прилета коростелей. Судя по времени начала их крика, можно подумать, что коростели появляются очень поздно, но это будет заключение ошибочное: коростели прилетают едва ли позднее дупельшнепов, только не выбегают на открытые места, потому что еще нет на них травы, а прячутся в чаще кустов, в самых корнях, в густых уремах, иногда очень мокрых, куда в это время года незачем лазить охотнику. Я догадывался об этом давно по горячему поиску собаки, даже видал что-то, взлетавшее в кустах, и по красноте перьев думал, что это вальдшнепы, но потом убедился, что это были коростели; я убивал их в исходе апреля, а кричать начинают они в исходе мая. В это же последнее время два раза случилось мне найти гнезда коростелей, тщательно свитые из сухой травы и устроенные весьма скрытно в непроходимой чаще кустов, растущих на опушке уремы. Яиц я не находил более десяти, но, говорят, их бывает до пятнадцати, чему я не совсем верю, потому что в последнем случае коростели были бы многочисленнее; яички маленькие, несколько продолговатой формы, беловато-сизого цвета, покрыты красивыми коричневыми крапинками. На гнезде сидит одна самка; коростелята выводятся очень мелки и покрыты черным, как уголь, пухом, скоро оставляют гнездо и бегают с большим проворством. Вообще и гнезда и выводки коростелей попа-

даются очень редко. Как скоро немного подрастут молодые, матка уводит их в хлебные поля, и с этого времени до поздней осени я уже не нахаживал молодых коростелей выводками, а всегда поодиночке. Самцы и вообще коростели холостые остаются около лугов даже тогда, когда их скосят, перемещаясь на время в соседние поля, залежи и не очень мокрые болота или опушки уремы. Коростели перестают кричать ранее перепелов: в половине июля. Не знаю, когда спят дергуны? Они кричат и день и ночь, преимущественно по зарям, которые, именно в это время года, одна с другою сходятся: вероятно, они дремлют около полдён.

Собственно за одними коростелями охоты нет; они попадаются между другой дичью: в лугах — между дупелями и болотными куликами, в поле — между перепелками и в мелких перелесках — между молодыми тетеревами. Коростелей никогда не убьешь много: десяток в одно поле — это самое большое число. Во-первых, они не так многочисленны, и во-вторых, подымать их тяжело и для собаки и для охотника.

Я описал полет коростелей, и потому нетрудно заключить, что стрельба их весьма легка: к ружью они слабы, и для них очень достаточно мелкой бекасиной дроби. По большей части они поднимаются так близко и всегда летят так медленно, что их надобно выпускать в меру. Молодые, горячие охотники, забывающие это необходимое правило, нередко разбивают вдребезги коростеля или дают промах, что бывает очень досадно и что (надо признаться) случалось со мной. В кустах и около кустов стрелять коростеля труднее: он сейчас завернет за куст, сквозь который, когда он одет зелеными листьями, птицы не видно и убить ее невозможно.

Весною и летом, до исхода июля, коростели довольно худы, но с перемещением в поля очень скоро так жиреют, что к концу августа буквально заплывают салом, и в это время коростель имеет отличный вкус, потому что жир его не так приторен, как перепелиный. Впрочем, коростели всегда недурны. В болотных лугах они питаются всякою дрянью, то есть всякими насекомыми, а в полях кушают чистый хлеб и созревшие семена не-

которых трав, также очень питательные. Весь август бьются коростели около хлебных полей, укрываясь — в свободное от приискиванья корма полдневное время — в широких травянистых межах, поросших мелким полевым кустарником: это любимое их местопребывание, но за неимением его держатся в соседственных залежах, долочках с мелким лесом и в лесных опушках, куда перебираются уже окончательно перед отлетом, или, вернее сказать, перед своим пропаданьем. Я нахаживал коростелей до 10 сентября и, признаюсь, тогда считал их дорогою добычею.

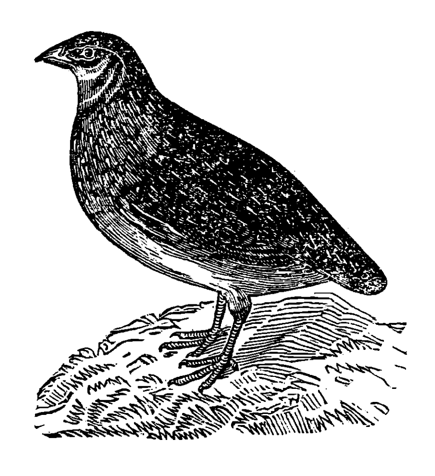
Коростелей вместе с перепелками травят ястребами, но нельзя сказать, чтобы всякий ястреб *брал* коростеля, и по весьма смешной причине: как скоро ястреб станет догонять коростеля и распустит на него свои когти, последний сильно закричит; этот крик похож на щекотанье сороки или огрызанье хорька. Если в первый раз ястреб испугается и пролетит мимо, то уже никогда не станет брать коростелей. Разумеется, это случается с ястребами молодыми, *гнездарями* (вынутыми из гнезд и выкормленными в клетке), а старые, или *слетки*, уже заловившие на воле, не испугаются коростелиного щекотанья. Иногда берет их и жадный гнездарь, уже много ловивший до встречи с коростелем.

10. ПЕРЕПЕЛКА

Эта миловидная птичка гораздо известнее коростеля по своей многочисленности даже городским жителям. Народ слышит и видит ее беспрестанно, почти при всех своих полевых работах: во время полотья, пара, степного сенокоса и жнитва. Уменьшительное имя *перепелочка* употребляется иногда как слово ласки, хотя далеко не так часто, как имена некоторых других птиц. Перепелка, или *перепелица*, зашла и в русскую песню. Молодой парень, распевая о том, как ловко и легко пройдет он к своей красной девице, между прочим говорит:

Уж я улицею — серой утицею,
Через черную грязь — перепелицею.

Очевидно, что легкость и проворство перепелиного бега внушили ему это живописное сравнение. — Перепелка немного больше скворца, но мясистее его; впрочем, кто же ее не видывал по крайней мере на столе? Кто не едал ее сочного, мягкого, вкусного, иногда до приторности жирного мяса? Устройством всех частей своего тела перепелка есть не что иное, как курица или куропатка в уменьшенном виде, только она кажется еще

складнее и миловиднее даже куропатки: вероятно, оттого, что несравненно ее меньше. Перепелки, равно и куропатки, в высшей степени имеют свойства и приемы домашних кур: они точно так же беспрестанно роются, копаются, разгребая проворно ножками сор, песок и рыхлую землю; они делают это и для отысканья корма и для того, чтоб присесть ловчее на отдых или ночлег. Трудно описать серые, пестрые перышки перепелки, к тому же они слишком всем известны. По видимому в них ничего нет красивого, но для меня так приятна эта не яркая, не разноцветная пестрота, что я предпочитаю ее блестящей красоте перьев других птиц. Самка разнится от самца тем, что зоб ее светлее, белесоватее, а у самца он красноват и под горлом находится черное пятнышко; притом носик его темнее и у корня опушен

как будто волосками. Перепелка не только бегает проворно, но и летает очень быстро, когда она худа и легка. Это настоящая степная птичка и хотя очень любит хлебный корм и хлебные поля, особенно засеянные просом, но водится изобильно и постоянно держится в настоящих степных местах, где иногда на далекое расстояние вовсе нет пашни. Там питается она разными мелкими насекомыми и травяными семенами. Ни весеннего прилета, ни осеннего отлета перепелок никто не видал. В стаи они тоже никогда не собираются. Появляются неприметно поодиночке и пропадают также неприметно. В последних числах апреля, а чаще в начале мая, когда уже подрастет молодая трава, начинают попадаться перепелки, всегда в самом малом числе, в степных лугах и залежах, но никогда на прошлогодней жниве. В это время они не так смирны, не так близко и долго выдерживают стойку собаки, пересаживаются далеко и летят отменно быстро. Полет их всегда очень прям; несмотря на то, с весны стрелять их довольно трудно; зато осенью все переменяется, и стрельба делается самою легкою. Как скоро трава поднимется повыше, так что птице будет удобно в ней прятаться, начинается всем известный крик перепелов, называемый по-охотничьи *бой*. Он состоит из двух колен: сначала перепел *вавачет*, то есть кричит похоже на слоги *ва-вва̀, ва-вва̀*. Он повторяет их до трех раз, иногда меньше, но никогда больше, по крайней мере я не слыхал. После чего следует собственно *бой*, похожий на слова *подь-полоть*. Так по крайней мере передает этот крик русский народ. Бой повторяется сряду, без перемежки, от четырех до десяти раз: последнее число считается редкостью. Перепела кричат с такою же горячностью и с такими же движениями, как дергуны. Есть перепела, у которых голос очень чист и громок, так что их слышно весьма далеко. Русский человек любит бой перепелов, хотя в нем нет ничего особенно приятного для уха, и многие держат их в клетках. Даже теперь в Москве, по некоторым небольшим улицам и переулкам, сквозь стук колес и гам народа нередко можно услышать голос перепела. Нечего и говорить, что этот жалкий, заглушаемый шумом крик не похож на звучный, вольный перепелиный бой в чистых полях, в чистом

воздухе и тишине; как бы то ни было, только на Руси бывали, а может быть и теперь где-нибудь есть, страстные охотники до перепелов, преимущественно купцы: чем громче и чище голос, чем более ударов сряду делает перепел, тем он считается дороже. Я слыхал, что в старину плачивали по сту рублей за отличного перепела. Крик, или бой, некоторых перепелов продолжается до половины августа.

С начала перепелиного боя начинаются их любовные похождения, а правильнее сказать: этот крик есть не что иное, как уже начало безотчетного стремления одного пола к другому. Я говорил неутвердительно о коростелях, но совокупление перепелок я знаю положительно. Еще будучи мальчиком, часто хаживал я с старым охотником ловить перепелов сетью *на дудки,* то есть смотреть, как он ловил их. Ловля эта, вполне открывающая процесс совокупления, производится следующим образом: запасшись *перепелиными дудками,* устройство которых я описывать не стану, издающими звуки, сходные с тихим, мелодическим голосом перепелиной самки, запасшись квадратным полотном тонкой сети, аршин в двенадцать и более, ячейки которой вяжутся такой величины, чтобы головка перепела свободно могла пролезть в них, — охотник отправляется в поле. Выбрав луговину, около которой слышны перепелиные бои и на которой трава повыше или, что еще лучше, растут небольшие кустики дикого персика или чилизника, охотник бережно расстилает по их верхушкам свою сеть, а сам ложится возле одного ее края. Лишь только он ударит несколько раз в дудку, перепела отзовутся со всех сторон: дальние перелетывают, а ближние бегут. Как скоро охотник увидит, что несколько перепелов подошли под сеть, очень близко к нему, он стремительно вскакивает, перепела взлетают и запутываются в сетку. Здесь не место описывать подробности и тонкости этой ловли; дело в том, что тут насмотрелся я вдоволь на любовные проделки и совокупление перепелов с перепелками, потому что на голос дудки прибегают иногда и самки. Перепела до неистовства горячи в совокуплении: бросаются на самку по нескольку раз и один после другого, но между собой не дерутся: по крайней мере я ни-

когда драки не видывал [1]; обыкновенно история оканчивалась тем, что слишком удовлетворенная перепелка обращалась в бегство или улетала, а перепела ее преследовали. Очевидно, что при таковом соединении нет пар, нет супружества и что самец не разделяет с самкой никаких забот о выводе детей. Когда перепелки разберутся по гнездам и сядут на яйца, перепела напрасно ищут и зовут своих временных подруг, озабоченных уже другим делом: горячность самцов доходит до опьянения, до безумия. В это время они до невероятности ходко идут на дудки под сеть и, говорят, дерутся между собою. Мой товарищ, старый охотник, пробовал вместо дудки употреблять живую самку, ставя ее под сеть в небольшой низенькой клетке, и я видел своими глазами, как по два и по три перепела вскакивали на клетку и бились на ней, чтоб достать самку. Этого мало: проказливый старик, свернувши заблаговременно мячиком свою перчатку, бросал ее катком навстречу перепелам, когда они подбегали очень близко: в слепой ярости они вскакивали на перчатку и топтали, как перепелку.

В половине мая некоторые перепелки уже сидят на гнездах: такие выводки называются *ранниками*, зато иные выводят детей в исходе июля, которые и называются *поздышами*. Итак, в течение двух месяцев всегда можно найти самых маленьких перепелят. Это исключительное свойство перепелок заставляет многих охотников думать, что одна и та же самка выводит два раза детей в одно лето. Хотя необыкновенное размножение перепелок к осени дает некоторую вероятность этому предположению, но я, с моей стороны, нисколько его не утверждаю. — Гнездо перепелки свивается на голой земле из сухой травы, предпочтительно в густом ковыле. Гнездо, всегда устланное собственными перышками матки, слишком широко и глубоко для такой небольшой птички; но это необходимо потому, что она кладет до шестнадцати яиц, а многие говорят, что и до двадцати; по моему

---

[1] Я слыхал от охотников и даже читал, что перепела в клетках очень горячо дерутся за корм: но мне не случилось этого видеть.

мнению, количество яиц доказывает, что перепелки выводят детей один раз в год. Перепелиные яички очень похожи светлокоричневыми крапинками на воробьиные, только с лишком вдвое их больше и зеленоватее. После обыкновенного трехнедельного сиденья вылупляются перепелята, покрытые серым пухом с пеньками в крыльях, из которых, в несколько дней, вырастают перышки, отчего перепелята еще в пуху начинают понемногу перепархивать и называются *поршками*. Много раз находил я в одной и той же перепелиной выводке поршков разного возраста и величины. Охотники объясняют это обстоятельство тем, что перепелка не вдруг высиживает всех своих цыплят, что будто она вытаскивает из гнезда первых вылупившихся перепелят и продолжает сидеть на остальных яйцах. Я не видал этого своими глазами и потому не могу признать справедливым такого объяснения; я нахожу несколько затруднительным для перепелиной матки в одно и то же время сидеть в гнезде на яйцах, доставать пищу и самой кормить уже вылупившихся детей, которые, по слабости своей в первые дни, должны колотиться около гнезда без всякого призора, не прикрытые в ночное или дождливое время теплотою материнского тела. Я нахаживал перепелят, еще не сбежавших с гнезда, видел, как мать их кормила из своего рта, и все они были одного возраста. Не лучше ли объяснить это странное обстоятельство тем, что выводка, у которой мать как-нибудь погибла, разбегается и присоединяется к другим выводкам, старшим или младшим, как случится? Вот отчего может происходить большая разница между перепелятами, повидимому, одной выводки.

Как скоро начнут поспевать хлеба, особенно прòса, перепелки сбегаются к ним со всех сторон и постоянно около них держатся. На таком привольном и сытном корме не только старые, но и молодые перепелки жиреют с изумительною скоростью, особенно перепела и холостые самки. В это время они уже весьма неохотно поднимаются с земли; летят очень тяжело и медленно и, отлетев несколько сажен, опять садятся, выдерживают долгую стойку собаки, находясь у ней под самым рылом, так что ловчивая собака нередко ловит их на месте,

а *из-под ястреба*[1] можно брать их руками. Перепелки особенно лакомы к просу, и когда дожинается десятина или загон с этим хлебом, то при каждом взмахе серпа вылетает по нескольку перепелок. Не желая таскаться в жаркое время с собакой, я пользовался этим средством и, стоя спокойно посреди жниц и жнецов, стрелял взлетающих перепелок. Нередко убивал я более двух десятков, а взлетевших перепелок с одной десятины насчитывали иногда далеко за сотню; но такое многочисленное сборище сбегается только по вечерам, перед захождением солнца; разумеется, оно тут же и остается на всю ночь, а днем рассыпается врознь во все стороны, скрываясь в окружных межах, залежах и степных луговинах. Когда хлеба сожнут, перепелки продолжают кормиться по жниве, забиваясь нередко в снопы, особенно под горсти еще не связанного проса, и мне часто случалось, взворачивать их ногой, чтобы выгнать оттуда перепелок. Они продолжают посещать даже и те десятины, с которых хлеб свезен, особенно поросшие долго зеленеющими посреди желтой соломы жабрами и чередой, и подбирают там наточившиеся из колосьев переспелые зерна. Так проходит целый август и даже первые числа сентября; но тут перепелки начинают приметно уменьшаться и к половине сентября иногда совсем пропадают: морозы или холодное ненастье, разумеется, ускоряют, а теплая погода замедляет их отлет. Надобно заметить, что перепелки пропадают не вдруг, а постепенно. Быв смолоду *перепелятником,* то есть охотником травить перепелок ястребом, я имел случай много раз наблюдать за постепенностью их отлета. Если б я был только ружейным охотником, я никогда бы не мог узнать этого обстоятельства во всей подробности: стал ли бы я ежедневно таскаться за одними перепелками в такое драгоценное для стрельбы время?

---

[1] Это выражение буквально точно, но относится уже к травле перепелок ястребами. Когда собака приищет перепелку и станет над ней, то охотник поднимает руку, на которой сидит ястреб, как можно выше, над самой птицей. Жирная и тяжелая перепелка, увидя ястреба и боясь лететь, со страху прижимается плотнее к траве и очень часто допускает взять себя руками.

Первое уменьшение числа перепелок после порядочного мороза или внезапно подувшего северного ветра довольно заметно, оно случается иногда в исходе августа, а чаще в начале сентября; потом всякий день начинаешь травить перепелок каким-нибудь десятком меньше; наконец, с семидесяти и даже восьмидесяти штук сойдешь постепенно на три, на две, на одну: мне случалось несколько дней сряду оставаться при этой последней единице, и ту достанешь, бывало, утомив порядочно свои ноги, исходив все места, любимые перепелками осенью: широкие межи с полевым кустарником и густою наклонившеюся травою и мягкие ковылистые ложбинки в степи, проросшие сквозь ковыль какою-то особенною пушистою шелковистою травкою. Хороша в это время вся облитая жиром перепелка! Давно бросивши для ружья перепелиную охоту с ястребом, я любил, однако, добывать иногда ружьем в это позднее время уже весьма редких перепелок.

Никакому сомнению не подвержен отлет их на зиму в теплые страны юга. Много читали и слышали мы от самовидцев, как перепелки бесчисленными станицами переправляются через Черное море и нередко гибнут в нем, выбившись из сил от противного ветра. Теперь предстоит вопрос: когда и где собираются они в такие огромные стаи? Очевидно, что у них должны быть где-нибудь сборные места, хотя во всех губерниях средней полосы России, по всем моим осведомлениям, никто не замечал ни прилета, ни отлета, ни пролета перепелок. Даже никто не поднимал, не видал их собравшихся в стаи. Нельзя предположить, чтобы каждая перепелка отдельно летела прямо на берег моря за многие тысячи верст, и потому некоторые охотники думают, что они собираются в станицы и совершают свое воздушное путешествие по ночам, а день проводят где случится, рассыпавшись врознь, для приисканья корма, по той местности, на какую попадут. Я должен упомянуть, что знал одного охотника, который уверял меня, что перепелки не улетают, а уходят и что ему случилось заметить, как они пропадали в одном месте и показывались во множестве, но не стаей, в другом, где их прежде было очень мало, и что направление этого похода, совершаемого днем,

а не ночью, по его замечаниям, производилось прямо на юг. Этот охотник преследовал идущих в поход перепелок и замечал, что они показывались на новых местах не поутру, а в полдень и более к вечеру. Я не берусь решить, чье мненье справедливее: для этого нужны точнейшие наблюдения не одного, а многих охотников. Я слыхал также от достоверных людей, что перепелок нахаживали случайно зимою, именно под наклоном густой, высокой травы, растущей по межам и даже в сурочьих норах, изнутри всегда плотно затыкаемых самими сурками не близко к выходу; перепелки были живы, но находились в каком-то полусонном состоянии; будучи внесены в теплое жилье и посажены в клетку, они скоро принимались за корм и совсем оправлялись. Отсюда родилась ложная мысль у некоторых старинных охотников, которую я слыхал и от крестьян, что перепелки у нас зимуют. По моему мнению, найденные зимой перепелки были *поздыши* или хворые: и те и другие не имели сил улететь или уйти во-время и принуждены были зазимовать. Перенесли ли бы они всю зиму, или померзли — это вопрос.

Из всего описания образа жизни и нравов перепелок можно видеть, что стрельба их должна производиться из-под собаки и всегда в лет. Все мелкие сорты дроби пригодны для этой стрельбы, потому что перепелок, особенно осенью, охотник может стрелять на каком угодно расстоянии: чистое поле, крепость лежки и близость взлета, к которому можно заблаговременно приготовиться, если собака имеет хорошую стойку, делают охотника полным господином расстояния: он может выпускать перепелку в меру, смотря по сорту дроби, которою заряжено его ружье. Очевидно, что выпусканье в меру здесь так же необходимо, как при стрельбе коростелей. Вообще перепелок, относительно к их множеству и достоинству, стреляют мало, а простые добычливые охотники никогда не стреляют, считая, что такая маленькая птичка не стоит заряда; да и стрелять в лет многие не умеют. Настоящие же охотники предпочитают перепелкам, что и весьма справедливо, болотную дичь, которая достигает лучшей своей поры именно в августе, то есть в одно время с перепелками; но в местах, где болот

мало или совсем нет, стрельба перепелок очень приятна и добычлива; к тому же можно иногда вырвать часок-другой времени из охоты за болотной дичью и посвятить его жирным осенним перепелкам. Я сказал, что относительно стреляют их мало, но зато ловят несчетное количество: на дудки, о чем я уже говорил, *наволочною* сетью, которую натаскивают, *наволакивают* на перепелку и на собаку, когда последняя приищет первую и сделает стойку, а всего более травят их ястребами. Пойманных двумя первыми способами перепелок сажают в садки, то есть в большие клетки, где они живут очень хорошо и отъедаются весьма жирны. В таких клетках можно перевозить их живых на далекое расстояние. Для предохранения от порчи жирного мяса травленых перепелок их слегка просаливают и заливают в кадках или бочонках коровьим маслом; по мнению многих, свежепросольные перепелки лучше свежих.

РАЗРЯД IV

ДИЧЬ ЛЕСНАЯ

ЛЕС

Вся лесная дичь живет более или менее в лесу, некоторые же породы никогда его не покидают. Итак, я предварительно рассмотрю и определю, сколько умею, разность лесов и лесных пород.

Я сказал о воде, что она «краса природы»; почти то же можно сказать о лесе. Полная красота всякой местности состоит именно в соединении воды с лесом. Природа так и поступает: реки, речки, ручьи и озера почти всегда обрастают лесом или кустами. Исключения редки. В соединении леса с водою заключается другая великая цель природы. Леса — хранители вод: деревья закрывают землю от палящих лучей летнего солнца, от иссушительных ветров; прохлада и сырость живут в их тени и не дают иссякнуть текучей или стоячей влаге. Убыль рек, в целой России замечаемая, происходит, по общему мнению, от истребления лесов [1].

---

[1] Есть много селений, навсегда потерявших воду от истребления леса, которым некогда обрастали головы их речек или родниковых ручьев. Некоторые деревни заменили их колодцами, а некоторые переселились на другие места. Я видел пример, как значительное село, сидевшее на прекрасной родниковой речке (Большой

Все породы дерев смолистых, как-то: сосна, ель, пихта и проч., называются *красным лесом*, или *краснолесьем*. Отличительное их качество состоит в том, что вместо листьев они имеют иглы, которых зимою не теряют, а переменяют их исподволь, постепенно, весною и в начале лета; осенью же они становятся полнее, свежее и зеленее, следовательно встречают зиму во всей красе и силе. Лес, состоящий исключительно из одних сосен, называется *бором*. Все остальные породы дерев, теряющие свои листья осенью и возобновляющие их весною, как-то: дуб, вяз, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другие, называются *черным лесом* или *чернолесьем*. К нему принадлежат ягодные деревья: черемуха и рябина, которые достигают иногда значительной вышины и толщины. К чернолесью же надобно причислить все породы кустов, которые также теряют зимой свои листья: калину, орешник, жимолость, волчье лыко, шиповник, чернотал, обыкновенный тальник и проч.

Красный лес любит землю глинистую, иловатую, а сосна — преимущественно песчаную; на чистом черноземе встречается она в самом малом числе, разве где-нибудь по горам, где обнажился суглинок и каменный плитняк. Я не люблю красного леса, его вечной, однообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы, может быть, оттого, что я с малых лет привык любоваться веселым разнолистным чернолесьем и тучным черноземом. В тех уездах Оренбургской губернии, где прожил я большую половину своего века, сосна — редкость. Итак, я стану говорить об одном чернолесье.

По большей части чернолесье состоит из смешения разных древесных пород, и это смешение особенно приятно для глаз, но иногда попадаются места отдельными

Сююш), которая поднимала постоянно мукомольный постав, в один год лишилось воды. Это случилось очень просто: в жестокую буранную зиму крестьяне, чтобы не ездить далеко, вырубили на дрова березник и олешник (ольховый лес), густо росший около кругловидной паточины, из которой вытекало более двадцати родников, составлявших речку Сююш. Весна была сухая; все обнаженные от лесной тени родники летом иссякли, и речка пересохла. Только в третий год, когда чивая ольха опять подросла, начали вновь открываться родники, и только лет через десять потекла речка попрежнему.

гривами, или *колками*, где преобладает какая-нибудь одна порода: дуб, липа, береза или осина, растущие гораздо в большем числе в сравнении с другими древесными породами и достигающие объема строевого леса. Когда разнородные деревья растут вместе и составляют одну зеленую массу, то все кажутся равно хороши, но в отдельности одни другим уступают. Хороша развесистая, белоствольная, светлозеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладкодушистая во время цвета, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русский народ. Хорош и клен с своими лапами-листами (как сказал Гоголь); высок, строен и красив бывает он, но его мало растет в знакомых мне уездах Оренбургской губернии, и не достигает он там своего огромного роста. Коренаст, крепок, высок и могуч, в несколько обхватов толщины у корня, бывает многостолетний дуб, редко попадающийся в таком величавом виде; мелкий же дубняк не имеет в себе ничего особенно привлекательного: зелень его темна или тускла, вырезные листья, плотные и добротные, выражают только признаки будущего могущества и долголетия. Осина [1] и по наружному виду и по внутреннему достоинству считается последним из строевых дерев. Не замечаемая никем, трепетнолистная осина бывает красива и заметна только осенью: золотом и багрянцем покрываются ее рано увядающие листья, и, ярко отличаясь от зелени других дерев, придает она много прелести и разнообразия лесу во время осеннего листопада.

Зарость или *пορость*, то есть молодой лес приятен на взгляд, особенно издали. Зелень его листьев свежа и весела, но в нем мало тени, он тонок и так бывает част, что сквозь него не пройдешь. Со временем большая часть дерев посохнет от тесноты, и только сильнейшие овладеют всею питательностью почвы и тогда начнут расти не только в вышину, но и в толщину.

Чернея издали, стоят высокие, тенистые, старые,

---

[1] Народ говорит: *горькая осина* и употребляет эти слова в бранном смысле. Кора осины точно горька, но зайцы предпочтительно любят глодать молодой осинник.

темны леса, но под словом старый не должно разуметь состарившийся, дряхлый, лишенный листьев: вид таких дерев во множестве был бы очень печален. В природе все идет постепенно. Большой лес всегда состоит из дерев разных возрастов: отживающие свой век и совершенно сухие во множестве других, зеленых и цветущих, незаметны. Кое-где лежат по лесу огромные стволы, *сначала* высохших, потом подгнивших у корня и, наконец, сломленных бурею дубов, лип, берез и осин [1]. При своем падении они согнули и поломали молодые соседние деревья, которые, несмотря на свое уродство, продолжают расти и зеленеть, живописно искривясь набок, протянувшись по земле или скорчась в дугу. Трупы лесных великанов, тлея внутри, долго сохраняют наружный вид; кора их обрастает мохом и даже травою; мне нередко случалось второпях вскочить на такой древесный труп и — провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухого дождевика, обхватывало меня на несколько секунд... Но это нисколько не нарушает общей красоты зеленого, могучего лесного царства, свободно растущего в свежести, сумраке и тишине. Отраден вид густого леса в знойный полдень, освежителен его чистый воздух, успокоительна его внутренняя тишина и приятен шелест листьев, когда ветер порой пробегает по его вершинам! Его мрак имеет что-то таинственное, неизвестное; голос зверя, птицы и человека изменяются в лесу, звучат другими, странными звуками. Это какой-то особый мир, и народная фантазия населяет его сверхъестественными существами: *лешими* и *лесными девками*, так же как речные и озерные омута — *водяными чертовками*, но жутко в большом лесу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипят и стонут, сучья трещат и ломаются. Невольный страх нападает на душу и заставляет человека бежать на открытое место.

---

[1] Дуб живет многие столетия; липа — более ста пятидесяти лет, береза — за сто, а осина — менее ста лет. Общий признак старости дерев, даже при зеленых, но уже редких листьях — повисшие книзу главные сучья; этот признак всего заметнее в березе, когда ей исполнится сто лет.

На ветвях дерев, в чаще зеленых листьев и вообще в лесу живут пестрые, красивые, разноголосые, бесконечно разнообразные породы птиц: токуют глухие и простые тетерева, пищат рябчики, хрипят на тягах вальдшнепы, воркуют, каждая по-своему, все породы диких голубей, взвизгивают и чокают дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги [1], стонут рябые кукушки, постукивают, долбя деревья, разнопёрые дятлы, трубят желны, трещат сойки; свиристели, лесные жаворонки, дубоноски и все многочисленное крылатое, мелкое певчее племя наполняет воздух разными голосами и оживляет тишину лесов; на сучьях и в дуплах дерев птицы вьют свои гнезда, кладут яйца и выводят детей; для той же цели поселяются в дуплах куницы и белки, враждебные птицам, и шумные рои диких пчел [2]. Трав и цветов мало в большом лесу: густая, постоянная тень неблагоприятна растительности, которой необходимы свет и теплота солнечных лучей; чаще других виднеются зубчатый папоротник, плотные и зеленые листья ландыша, высокие стебли отцветшего лесного левкоя да краснеет кучками зрелая костяника; сырой запах грибов носится в воздухе, но всех слышнее острый и, по-моему, очень приятный запах груздей, потому что они родятся семьями, *гнездами* и любят *моститься* (как говорят в народе) в мелком папоротнике, под согнивающими прошлогодними листьями.

---

[1] Иволги имеют еще другой, противоположный крик или визг, пронзительный и неприятный для уха. Находя в этих звуках сходство с отвратительным криком грызущихся кошек, народ называет иволгу *дикою кошкой*.

[2] Дуплястое дерево, занимаемое пчелами, называется *борть*. Заметив отверстие, в которое лазят пчелы, его выдалбливают и обделывают *должеями*, чтоб можно было вынимать их и свободно доставать соты душистого зеленого меда, известного под именем *липца*. Бортевые промыслы в Оренбургской губернии были прежде весьма значительны, но умножившееся народонаселение и невежественная жадность при доставанье меда, который нередко вынимают весь, не оставляя запаса на зиму, губят диких пчел, которых и без того истребляют медведи, большие охотники до меда, некоторые породы птиц и жестокость зимних морозов.

В таком чернолесье живут, более или менее постоянно, медведи, волки, зайцы, куницы и белки[1]. Между белками попадаются очень белесоватые, почти белые, называемые почему-то *горлянками*, и *белки-летяги:* последние имеют с обеих сторон, между переднею и заднею лапкою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогает им прыгать с дерева на дерево на весьма большое расстояние. Во время такого прыжка, похожего на полет, я убил однажды летягу на воздухе, и вышло, что я застрелил *зверя в лет*. Хищные птицы также в лесах выводят детей, устраивая гнезда на главных сучьях у самого древесного ствола: большие и малые ястреба, луни, белохвостики, копчики и другие. В густой тени лесных трущоб таятся и плодятся совы, сычи и длинноухие филины, плачевный, странный, дикий крик которых в ночное время испугает и непугливого человека, запоздавшего в лесу. Что же мудреного, что народ считает эти крики *ауканьем* и *хохотом* лешего?

Если случится ехать лесистой дорогою, через зеленые перелески и душистые поляны, только что выедешь на них, как является в вышине копчик, о котором я сейчас упомянул. Если он имеет гнездо неподалеку, то обыкновенно сопровождает всякого проезжего, даже прохожего, плавая над ним широкими, смелыми кругами в высоте небесной. Он сторожит изумительно зоркими своими глазами, не вылетит ли какая-нибудь маленькая птичка из-под ног лошади или человека. С быстротою молнии падает он из поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успеет упасть в траву, спрятаться в листьях дерева или куста, то копчик вонзит в нее острые когти и унесет в гнездо к своим детям. Если же не удастся схватить добычу, то он взмоет вверх крутой дугою, опять сделает *ставку* и опять упадет вниз, если снова поднимется та же птичка или будет вспугана другая. Копчик бьет сверху, черкает, как сокол, на которого совершенно похож. Иногда случается, что от больших детей вылетают на ловлю оба копчика, самка и чеглик,

[1] В некоторых, более лесных уездах Оренбургской губернии, где растут породы и смолистых дерев, водятся олени, рыси и росомахи; в гористых местах — дикие козы, а в камышах и камышистых уремах по Уралу — кабаны.

и тогда они могут позабавить всякого зрителя и не охотника. Нельзя без приятного удивления и невольного участия смотреть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человеку как-то не жаль бедных птичек, которых он ловит! Так хорош, изящен, увлекателен процесс этой ловли, что непременно желаешь успеха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то он сейчас уносит добычу к детям, а другой остается и продолжает плавать над человеком, ожидая и себе поживы. Случается и то, что оба копчика, почти в одно время, поймают по птичке и улетят с ними; но через минуту один непременно явится к человеку опять. Копчик — загадочная птица: на воле ловит чудесно, а ручной ничего не ловит. Я много раз пробовал *вынашивать* копчиков (то же, что дрессировать собаку), и гнездарей и слетков; выносить их весьма легко: в три-четыре дня он привыкнет совершенно и будет ходить на руку даже без *вабила* (кусок мяса); стоит только свистнуть да махнуть рукой, стоит копчику только завидеть охотника или заслышать его свист — он уже на руке, и если охотник не протянет руки, то копчик сядет на его плечо или голову — живой же птички никакой не берет. Эта особенность его известна всем охотникам, но я не верил, пока многими опытами не убедился, что это совершенная правда[1]. Потеряв всякую надежду, чтобы копчик стал ловить, я обыкновенно выпускал его на волю, и долго видели его летающего около дома и слышали жалобный писк, означающий, что он голоден. Получал ли копчик прежнюю способность ловить на воле, или умирал с голоду — не знаю.

Лес и кусты, растущие около рек по таким местам, которые заливаются полою водою, называются *уремою*. Уремы бывают различны: по большим рекам и рекам средней величины, берега которых всегда песчаны, урема состоит предпочтительно из вяза, осокоря, ракиты или ветлы и изредка из дуба, достигающих огромного роста и объема; черемуха, рябина, орешник и крупный

[1] И все-таки это неправда! Из «Книги сокольничья пути» очевидно, что копчиками травили: итак, мы не умеем только их вынашивать. — *Позднейшее примечание сочинителя.*

шиповник почти всегда им сопутствуют, разливая кругом во время весеннего цветения сильный ароматический запах. Вяз не так высок, но толстый, свилеватый пень его бывает в окружности до трех сажен; он живописно раскидист, и прекрасна неяркая, густая зелень овальных, как будто тисненых его листьев. Зато осокорь достигает исполинской вышины; он величав, строен и многолиствен; его бледнозеленые листья похожи на листья осины и так же легко колеблются на длинных стебельках своих при малейшем, незаметном движении воздуха. Его толстая и в то же время легкая, мягкая, красная внутри кора идет на разные мелочные поделки, всего более на наплавки к рыболовным сетям, неводам и удочкам. Такие уремы не бывают густы, имеют много глубоких заливных озер, богатых всякою рыбою и водяною дичью. Везде по берегам рек и озер, по песчаным пригоркам и косогорам предпочтительно перед другими лесными ягодами растет в изобилии *ежевика* (в некоторых губерниях ее называют *куманикой*), цепляясь за все своими гибкими, ползучими, слегка колючими ветками; с весны зелень ее убрана маленькими белыми цветочками, а осенью черно-голубыми или сизыми ягодами превосходного вкуса, похожими наружным образованьем и величиною на крупную малину. Хороша такая урема: огромные деревья любят простор, растут не часто, под ними и около них, по размеру тени, нет молодых древесных побегов, и потому вся на виду величавая красота их.

Уремы другого рода образуются по рекам, которых нельзя причислить к рекам средней величины, потому что они гораздо меньше, но в то же время быстры и многоводны; по рекам, протекающим не в бесплодных, песчаных, а в зеленых и цветущих берегах, по черноземному грунту, там редко встретишь вяз, дуб или осокорь, там растет березник, осинник и ольха [1]; там, кроме черемухи и рябины, много всяких кустов: калины,

---

[1] Ольха самое чивое к росту дерево; она любит почву сырую и обыкновенно густо растет по берегам небольших речек и ручьев, если же грунт болотист, то покрывает и гористые скаты. Ольха достигает довольно большого роста и толщины, но дерево ее мягко, хрупко и непрочно; однако столяры употребляют его, распилив на филенки, для обклейки разной мебели.

жимолости, боярышника, тальника, смородины и других. Эти-то уремы особенно мне нравятся. Многие деревья и предпочтительно таловые кусты пронизаны, протканы и живописно обвиты до самого верха цепкими побегами дикого хмеля и обвешаны сначала его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а потом палевыми, золотыми шишками, похожими на виноградные кисти, внутри которых таятся мелкие, круглые, горькие на вкус, *хмельные* семена. Множество соловьев, варакушек и всяких певчих птичек живет в зеленых, густорастущих кустах такой уремы. Соловьи заглушают всех. День и ночь не умолкают их свисты и раскаты. Садится солнце, и *ночники* сменяют до утра усталых денных соловьев. Только там, при легком шуме бегущей реки, посреди цветущих и зеленеющих деревьев и кустов, теплом и благовонием дышащей ночи, имеют полный смысл и обаятельную силу соловьиные песни... но они болезненно действуют на душу, когда слышишь их на улице, в пыли и шуме экипажей, или в душной комнате, в говоре людских речей.

По небольшим рекам и речкам, особенно по низменной и болотистой почве, уремы состоят из одной ольхи и таловых кустов, по большей части сквозь проросших мелким камышом. Изредка кое-где торчат кривобокие березы, которые не боятся мокрых мест, равно как и сухих. Такие уремы бывают особенно густы, часты и болотисты, иногда имеют довольно маленьких озерков и представляют полное удобство к выводу детей для всей болотной и водяной дичи; всякие звери и зверьки находят в них также безопасное убежище [1].

И этот лес, так поверхностно, недостаточно мною описанный, эту красу земли, прохладу в зной, жилище зверей и птиц, лес, из которого мы строим дома и которым греемся в долгие жестокие зимы, — не бережем мы в высочайшей степени. Мы богаты лесами, но богатство вводит нас в мотовство, а с ним недалеко до

---

[1] В Оренбургской губернии урему, поросшую разными мелкими кустиками, постоянно заливаемую, *занимаемую* весной полою водою, называют иногда *займищем*; а урему, состоящую исключительно из одних таловых кустов, плотно растущих, — *талы*.

бедности: срубить дерево без всякой причины у нас ничего не значит. Положим, что в настоящих лесных губерниях, при всем старании не так многочисленного их населения, лесу не выведут, но во многих других местах, где некогда росли леса, остались голые степи, и солома заменила дрова. То же может случиться и в Оренбургской губернии. Не говорю о том, что крестьяне вообще поступают безжалостно с лесом, что вместо валежника и бурелома, бесполезно тлеющего, за которым надобно похлопотать, потому что он толст и тяжел, крестьяне обыкновенно рубят на дрова молодой лес; что у старых дерев обрубают на топливо одни сучья и вершину, а голые стволы оставляют сохнуть и гнить; что косят траву или пасут стада без всякой необходимости там, где пошли молодые лесные побеги и даже зарости. Все это еще не в такой степени губительно, как *выварка* поташа и сиденье, или *сидка*, дегтя: для поташа пережигают в золу преимущественно ильму, липу и вяз, не щадя, впрочем, и других древесных пород, а для дегтя снимают бересту, то есть верхнюю кожу березы. Хотя эта съемка сначала кажется не так губительною, потому что береза гибнет не вдруг, а снятая осторожно, лет через десять наращает новую кожу, которую снимают вторично; но станут ли наемные работники осторожно *бить бересту*, то есть снимать с березы кожу? и притом ни одна, с величайшею осторожностью *снятая* береза не достигает уже полного развития: она хилеет постепенно и умирает, не дожив своего века.

Из всего растительного царства дерево более других представляет видимых явлений органической жизни и более возбуждает участия. Его огромный объем, его медленное возрастание, его долголетие, крепость и прочность древесного ствола, питательная сила его корней, всегда готовых к возрождению погибающих сучьев и к молодым побегам от погибшего уже пня, и, наконец, многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уважение и пощаду... но топор и пила промышленника не знают их, а временные выгоды увлекают и самих владельцев... Я никогда не мог равнодушно видеть не только вырубленной рощи, но даже падения одного большого подрубленного дерева; в этом

падении есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкие удары топора производят только легкое сотрясение в древесном стволе; оно становится сильнее с каждым ударом и переходит в общее содрогание каждой ветки и каждого листа; по мере того как топор прохватывает до сердцевины, звуки становятся глуше, больнее... еще удар, последний: дерево осядет, надломится, затрещит, зашумит вершиною, на несколько мгновений как будто задумается, куда упасть, и, наконец, начнет склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потом, с возрастающей быстротою и шумом, подобным шуму сильного ветра, рухнет на землю!.. Многие десятки лет достигало оно полной силы и красоты и в несколько минут гибнет нередко от пустой прихоти человека.

1. ГЛУХОЙ ТЕТЕРЕВ, ГЛУХАРЬ, МОХОВИК

Глухой тетерев по его величине, малочисленности, осторожности и трудности добыванья беспрекословно может назваться первою лесною дичью. Он не отлетает на зиму; напротив, водится в изобилии в самых холодных местах Сибири. Имя *глухаря* дано ему не потому, что он глух, а потому, что водится в глухих, уединенных и крепких местах; точно так и последнее имя *моховика* происходит от моховых, лесных болот, в которых живут глухари. В молодости моей я еще встречал стариков охотников, которые думали, что глухие тетерева глухи, основываясь на том, что они не боятся шума и стука, особенно когда токуют. Мнение это совершенно ошибочно. Во-первых, птица вообще мало боится шума и стука, если не видит предмета, его производящего, во-вторых, токующий тетерев, особенно глухой, о чем я буду говорить ниже, не только ничего не слышит, но и не видит. Народ также думал, да и теперь думает, что глухарь глух. Это доказывает всем известная, укорительная поговорка, которою подчуют того, кто, будучи крепок на ухо или по рассеянности чего-нибудь не дослышал: «Эх ты, глухая тетеря». Глухарь, напротив, имеет необыкновенно тонкий слух, что знает всякий опытный охотник. В Оренбургской губернии глухие

тетерева не так крупны. Я взвешивал многих глухих косачей (самцов): самый большой весил двенадцать с половиною фунтов, между тем как косач-моховик, например, около Петербурга (говорю слышанное), весит до семнадцати фунтов. Глухой косач не совсем похож на косача тетерева полевого, хотя они составляют одну по-

роду, а курочки их пером совершенно сходны, с тою разницею, что глухарка красноватее и темные пестрины на ней чернее. Глухарь самец имеет на хвосте черные косицы (менее загнутые, чем у самца-полевика), почему и называется косачом; величиною он будет с молодого, годовалого, индейского петуха и похож на него своей фигурою. Если вытянуть глухого косача, то от клюва до конца хвостовых перьев будет полтора аршина. Впрочем, тело его занимает около двух четвертей длины, а в хвосте и шее с головой — по полуаршину. Клюв толстый, твердый, несколько погнутый книзу, бледно-зеленоватого костяного цвета, длиною почти в вершок. Глаза темные, брови широкие и красные, голова неболь-

шая, шея довольно толстая; издали глухарь-косач покажется черным, но это несправедливо: его голова и шея покрыты очень темными, но в то же время узорно-серыми перышками; зоб отливает зеленым глянцем, хлупь испещрена белыми пятнами по черному полю, а спина и особенно верхняя сторона крыльев — по серому основанию имеют коричневые длинные пятна; нижние хвостовые перья — темные, с белыми крапинками на лицевой стороне, а верхние, от спины идущие, покороче и серые; подбой крыльев под плечными суставами яркобелый с черными крапинами, а остальной — сизо-дымчатый; ноги покрыты мягкими, длинными, серо-пепельного цвета перышками и очень мохнаты до самых пальцев; пальцы же облечены какою-то скорлупообразною, светлою чешуйчатою бронею и оторочены кожаною твердою бахромою; ногти темные, большие и крепкие.

Глухая курочка несравненно менее самца: я ни одной из них тяжеле шести фунтов не убивал. Я не стану говорить о токах глухих тетеревов и о выводе тетеревят, потому что в этом они совершенно сходны с простыми тетеревами, *полевиками*, или *березовиками*, как их называют: последние гораздо ближе мне известны, и я буду говорить о них с большею подробностию. Глухари предпочтительно водятся в краснолесье; для них необходимы — сосна, ель, пихта и можжевельник; погонцы, молодые побеги этих дерев, составляют их преимущественную пищу, отчего мясо глухаря почти всегда имеет смолистый запах. Впрочем, в чернолесье, где изредка растут сосны, глухари водятся иногда и держатся вместе с тетеревами березовиками. Вместе же с ними кроют их иногда шатрами — но всегда в малом количестве, — для чего к обыкновенной приваде из овсяных снопов прибавляют вершинки молоденьких сосен и елей, которыми обтыкают кругом приваду. Глухари мало едят хлебных зерен и редко летают в хлебные поля. Вообще они гораздо уединеннее, строже меньших своих братий, простых тетеревов, держатся постоянно в крупном лесу, где и вьют гнезда их курочки на голой земле, в небольших ямках. Яйца их, почти всегда в числе семи или восьми, вдвое более куриных, рыжеватого цвета, с темнокоричневыми крапинами.

Глухарь — очень плотная, бодрая и крепкая птица. Хотя некоторые охотники считают, что глухие косачи слабее к ружью косачей полевиков, но я не согласен с этим мнением. Я могу только сказать, что глухари относительно своей величины не так крепки к ружью, как можно бы ожидать, но я положительно убежден, что они крепче простых тетеревов. В доказательство я укажу на то, что все охотники употребляют самую крупную дробь для стрельбы глухарей; разумеется, я говорю об охоте в позднюю осень или по первозимью и преимущественно о косачах.

Я уже сказал, что глухарь необыкновенно пуглив и осторожен. Он любит садиться на вершинах огромных сосен, особенно растущих по неприступным оврагам и горам. Разумеется, сидя на таком месте, он совершенно безопасен от ружья охотника: если вы подъедете или подойдете близко к сосне, то нижние ветви закроют его и вам ничего не будет видно, если же отойдете подальше и глухарь сделается виден, то расстояние будет так велико, что нет никакой возможности убить дробью такую большую и крепкую птицу, хотя бы ружье было заряжено безымянкой или нулем. Из этого следует, что стрельба глухарей самая трудная и тяжелая, особенно косачей, ибо курочки гораздо смирнее, слабее и чаще садятся на невысокие деревья. Всего удобнее бить глухих косачей маленькой пулей из винтовки, что и делают не только сибирские стрелки-звероловы, но и вотяки и черемисы в Вятской и Пермской губерниях. Но многие ли из обыкновенных наших ружейных охотников умеют стрелять мастерски из винтовки? Тут не помогут проворство, ловкость и даже меткость глаза; ко всему этому тут необходима в высшей степени верная рука. Я знаю это по себе: я был хороший стрелок дробью из ружья, а пулей из винтовки или штуцера не мог попасть и близко цели; то же можно сказать о большей части хороших охотников. Впрочем, страстная охота, несмотря на трудности, все преодолевает; она имеет железное терпение, и я нередко из обыкновенного ружья, обыкновенной гусиной дробью убивал штук до шести глухарей в одно утро. Подъехать в меру на санях или дрожках редко удавалось по неудобству местности, и я подкра-

дывался к глухарям из-за деревьев; если тетерева совершенно не видно и стрелять нельзя, то я подбегал под самое дерево и спугивал глухаря, для чего иногда жертвовал одним выстрелом своего двуствольного ружья, а другим убивал дорогую добычу в лет, целя по крыльям; но для этого нужно, чтоб дерево было не слишком высоко. Употреблял я также с успехом и другой маневр: заметив, по первому улетевшему глухарю, то направление, куда должны улететь и другие, — ибо у всех тетеревов неизменный обычай: куда улетел один, туда лететь и всем, — я становился на самом пролете, а товарища-охотника или кучера с лошадьми посылал пугать остальных глухарей. Долго приходилось иногда ждать и зябнуть, стоя смирно на одном месте; горы и овраги надобно было далеко обходить или объезжать, чтобы спугнуть глухих тетеревов, но зато мне удавалось из небольшой стаи убивать по две штуки. Это особенно удобно потому, что глухарь, слетев с высокой сосны, всегда возьмет книзу и летит в вышину обыкновенных дерев: следовательно, мера не далека, если он полетит прямо над вами или недалеко от вас. Нечего и говорить, что довольно случалось промахов и еще больше подбитых глухарей, которых, ходя и ездя по одним и тем же местам по нескольку дней сряду, я нахаживал иногда на другой день мертвыми. Надобно признаться, что при осенней стрельбе глухарей по большей части только те достаются в руки, у которых переломлены крылья: этому причиной не одна их крепость, а неудобства стрельбы от высоких, густыми иглами покрытых сосен. Очевидно, как внимательно надобно смотреть — не подбит ли глухарь, не отстал ли от других? нет ли крови на снегу по направлению его полета? не сел ли он в полдерева? не пошел ли книзу? При каждом из сказанных мно̀ю признаков подбоя сейчас должно преследовать раненого и добить его: подстреленный будет смирнее и подпустит ближе.

К токующему глухому косачу ранней весною можно подходить не только из-за дерева, но даже по чистому месту, наблюдая ту осторожность, чтоб идти только в то время, когда он токует, и вдруг останавливаться, когда он замолчит; весь промежуток времени, пока косач не

токует, охотник должен стоять неподвижно, как статуя; забормочет косач — идти смело вперед, пока подойдет в меру. Больше о глухаре я ничего особенного сказать не могу, а повторяю сказанное уже мною, что он во всем остальном совершенно сходен с обыкновенным тетеревом, следовательно и стрельба молодых глухих тетеревят совершенно та же, кроме того, что они никогда не садятся на землю, а всегда на дерево и что всегда находишь их в лесу, а не на чистых местах.

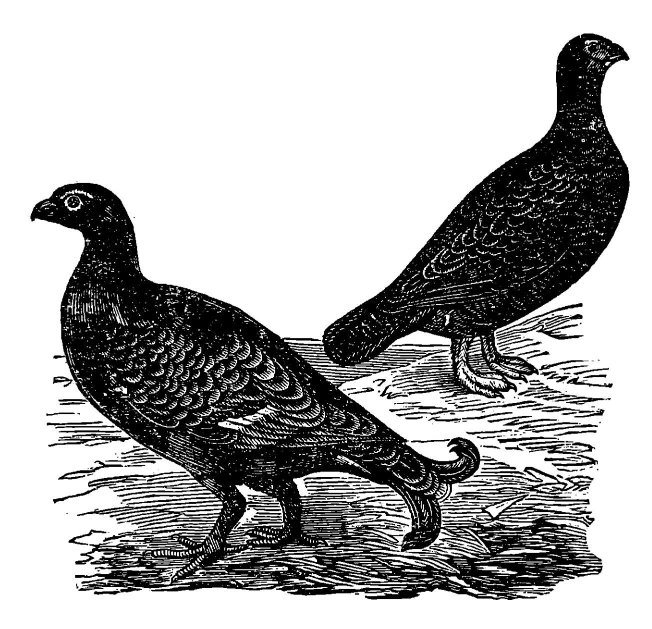
Мясо молодых глухарей очень вкусно, в чем согласны все; мясо же старых, жесткое и сухое, имеет особенный, не для всех приятный вкус крупной дичи и отзывается сосной, елью или можжевеловыми ягодами; есть большие любители этого вкуса.

Трудная и малодобычливая стрельба старых глухарей в глубокую осень по-голу или по первому снегу меня чрезвычайно занимала: я страстно и неутомимо предавался ей. Надобно признаться, что значительная величина птицы, особенно при ее крепости, осторожности и немногочисленности, удивительно как возбуждает жадность не только в простых, добычливых стрелках, но и во всех родах охотников; по крайней мере я всегда испытывал это на себе.

2. ТЕТЕРЕВ

Кто не знает тетерева, простого, обыкновенного, полевого тетерева березовика, которого народ называет *тетеря*, а чаще *тетерька?* Глухарь, или глухой тетерев, — это дело другое. Он не пользуется такою известностью, такою народностью. Вероятно, многим и видеть его не случалось, разве за обедом, но я уже говорил о глухаре особо. Итак, я не считаю нужным описывать в подробности величину, фигуру и цвет перьев полевого тетерева, тем более что, говоря о его жизни, я буду говорить об изменениях его наружного вида. Нужно только заметить, что тетерев из всех птиц, равных ему величиною, самая сильная и крепкая птица. Летает он очень проворно и неутомимо; машет крыльями с такою быстротою, что производит резкий и сильный шум своим полетом, особенно поднимаясь с земли. Тетерева водятся

везде: и в большом и малом, и в красном и черном лесу, в перелесках, в редколесье и даже в местах безлесных, если только не распахана вся степь, ибо тетеревиная самка никогда не совьет гнезда на земле, тронутой сохою. В губерниях, не тесно населенных, в местах, при-

вольных хлебом и особенно лесом, тетерева живут в великом множестве. Они не отлетают на зиму, равно как и глухари. Жестокость морозов для них безвредна, и едва ли они не больше плодятся там, где холоднее. Но начнем сначала.

В мае месяце тетеревиные самки вьют гнезда в опушках леса, по редколесью и преимущественно по молодым зарослям, а в местах степных — в каком-нибудь полевом кустарнике. Самка несет до десяти и даже до двенадцати яиц, как говорят охотники, но я сам никогда более девяти не нахаживал. Она сидит на яйцах очень крепко, так что не только все хищные звери и зверьки, но даже дворные собаки ловят иногда ее на гнезде. Мне самому случалось наезжать тройкой на тетеревиных курочек,

сидящих на гнездах, и один раз моя коренная даже задавила копытом тетерьку на яйцах. Три недели матка почти не слезает с гнезда и день и ночь; только в полдни сходит она на самое короткое время, непременно закрыв гнездо травою и перьями, чтобы яйца не простыли. Тетеревята выводятся из яиц обыкновенно около половины июня. Впрочем, это случается и позднее, если первые яйца по какому-нибудь несчастному случаю пропадут. Нередко гибнут они от палов, если палы производятся поздно, о чем я уже говорил. Сначала тетеревята, все без исключения, бывают серовато-желто-пестрого цвета, так что нельзя и различить самца от самки: первый впоследствии называется *косачом* (от косиц в хвосте), а вторая курочкой. В исходе августа на самце начинают показываться местами темные перья, как будто букеты темнокоричневых цветов; в это время он имеет особенный и весьма красивый вид, и тогда охотники говорят: *тетеревята помешались*. Косач уже и в этом периоде возраста крупнее курочки, и брови у него шире и краснее: преимущество, которое он навсегда сохраняет. Старый самец всегда тяжелее одним фунтом старой курочки. В начале зимы косач становится темнокофейного цвета, черные косицы в хвосте отрастают, концы их загибаются: одна половина направо, а другая налево. Фигура этих косиц очень похожа на загнутое лезвие старинного столового ножа. Косачи чернеют год от году и на третий год становятся совершенно черными, с маленькою сериною на спине между крыльев и с отливом вороненой стали по всему телу и особенно по шее. Впрочем, внутренняя сторона крыльев подбита мелкими белыми перышками, также и косицы в хвосте; и белая же поперечная полоса видна на правильных перьях. Курочка существенно не изменяет своего цвета: только к зиме перья делаются жестче и крупнее, а пестрины темнее и желтее.

Тетеревята имеют то особенное свойство, что через несколько дней после вылупления своего из яиц начинают понемногу летать, или, точнее сказать, перепархивать, отчего самые маленькие называются в иных местах так же, как перепелята, *поршками*. Питаются они сначала разными травяными семенами и мелкими насе-

комыми, потом разными ягодами: полевою клубникою, костяникою и вишнею, до которых они большие охотники, а в местах лесных — всякими лесными ягодами. Способ, посредством которого тетеревята лакомятся вишнями, растущими гораздо выше их роста, очень оригинален: они пускают вишенные кустики между ног и, подвигаясь вперед, постепенно их наклоняют до тех пор, пока ягоды не приблизятся к самому их рту. В это время молодые тетерева бывают особенного и отличного вкуса, разумеется там, где ягод так много, что они могут составлять единственную или преимущественную их пищу. Впоследствии времени они кормятся хлебными зернами и, наконец, когда хлеба уберут в гумно, а поля покроются снегом, древесные почки, дубовые желуди[1], березовые сережки, ольховые шишечки, можжевеловые ягоды, сосновые и еловые погонцы доставляют им обильный и питательный корм.

Стрельба тетеревов раннею весною незначительна; она прекращается, когда курочки сядут на гнезда, а косачи спрячутся в лесные овраги и другие крепкие места, что бывает в исходе мая. В июне косачи и холостые курочки линяют; матки линяют после вывода детей, гораздо позднее. Стрельба молодых тетеревов начинается в июле и продолжается до начала сентября, разумеется всегда из-под собаки. Когда же деревья облетят, а трава от дождей и морозов завянет и приляжет к земле, тетерева по утрам и вечерам начинают садиться на деревья сначала выводками, а потом собравшимися стаями, в которых старые уже смешиваются с молодыми. Эти стаи нередко состоят из одних косачей или одних курочек. Чем становится позднее осень, тем сидят они долее, если не сгонит их сильный ветер. При тихой погоде, особенно при мелком дожде, только в полдень слетают тетеревиные стаи на землю, на поляны и чистые места, где бы не беспокоили их дождевые капли, падающие беспрестанно с мокрых древесных ветвей. Когда же солнце начнет склоняться к западу, тетерева поднимаются с *лежки*, то есть с места своего отдохновения,

---

[1] Дубовые желуди глотают тетерева вместе с чашечками и даже маленькими веточками в изумительном количестве.

опять садятся на деревья и сидят нахохлившись, как будто дремлют, до глубоких сумерек; потом пересаживаются в полдерева и потом уже спускаются на ночлег; ночуют всегда на земле. Также в полдерева и близко к древесному стволу садятся тетерева в ветреное время, чтобы их вместе с ветвями не качало ветром, чего они не любят. Опускаясь на ночлег, они не слетают, а как будто падают вниз, без всякого шума, точно пропадают, так что, завидя издали большое дерево, унизанное десятками тетеревов, и подъезжая к нему с осторожностью, вдруг вы увидите, что тетеревов нет, а они никуда не улетали! Если вы вздумаете подойти к дереву ближе, то поднимете всю стаю, усевшуюся на ночевку. В зимние бураны заносит их снегом совершенно, так что надобно необыкновенную силу тетерева, чтоб выбиться из снежного сугроба. Вот тут-то губят их лиса и волк, которые отыскивают лакомую добычу чутьем. Мне случалось не раз, бродя рано по утрам, попадать нечаянно на место тетеревиного ночлега; в первый раз я был даже испуган: несколько десятков тетеревов вдруг, совершенно неожиданно, поднялись вверх столбом и осыпали меня снежною пылью, которую они подняли снизу и еще более стряхнули сверху, задев крыльями за ветви дерев, напудренных инеем. Конец осени и начало зимы — самая лучшая и добычливая стрельба тетеревов с подъезда и на чучелы. Она прекращается только глубокими снегами, следственно может продолжиться иногда до исхода декабря.

Это общий очерк тетерева. Говоря о стрельбе его, я стану говорить подробнее об его нравах, изменяющихся с переменами времени года, и мой очерк должен отчасти повториться.

В исходе марта начнет сильно пригревать солнышко, разогреется остывшая кровь в косачах, проснется безотчетное стремление к совокуплению с самками, и самцы начинают *токовать*, то есть, сидя на деревьях, испускать какие-то глухие звуки, изредка похожие на гусиное шипенье, а чаще на голубиное воркованье или бормотанье, слышное весьма далеко в тишине утренней зари, на восходе солнца. Вероятно, многим удавалось слышать, не говоря об охотниках, «вдали тетеревов глухое

токованье»[1], и, верно, всякий испытывал какое-то неопределенное, приятное чувство. В самих звуках ничего нет привлекательного для уха, но в них бессознательно чувствуешь и понимаешь общую гармонию жизни в целой природе... Итак, косач пускается токовать: сначала токует не подолгу, тихо, вяло, как будто бормочет про себя, и то после сытного завтрака, набивши полный зоб надувающимися тогда древесными почками. Потом, с прибавлением теплоты в воздухе, с каждым днем токует громче, дольше, горячее и, наконец, доходит до исступления: шея его распухает, перья на ней поднимаются, как грива, брови, спрятанные во впадинках, прикрытые в обыкновенное время тонкою, сморщенною кожицею, надуваются, выступают наружу, изумительно расширяются, и красный цвет их получает блестящую яркость. Косачи рано утром, до солнечного всхода, похватав уже кое-как несколько корма (видно, и птице не до пищи, когда любовь на уме), слетаются на избранное заранее место, всегда удобное для будущих подвигов. Это бывает или чистая поляна в лесу, или луг между дерев, растущих на опушке и иногда стоящих на открытом поле, преимущественно на пригорке. Такое место, неизменно посещаемое, всегда одно и то же, называется *током*, или *токовищем*. Надобно постоянное усилие человека, чтоб заставить тетеревов бросить его и выбрать другое. Даже сряду несколько лет токи бывают на одних и тех же местах. Косачи, сидя на верхних сучьях дерев, беспрерывно опуская головы вниз, будто низко кланяясь, приседая и выпрямляясь, вытягивая с напряжением раздувшуюся шею, шипят со свистом, бормочут, токуют, и, при сильных движениях, крылья их несколько распускаются для сохранения равновесия. Они час от часу приходят в бо̀льшую ярость: движения ускоряются, звуки сливаются в какое-то клокотанье, косачи беснуются, и белая пена брызжет из их постоянно разинутых ртов... Вот откуда родилась старинная басня, которой, впрочем, уже давно никто не верит, будто тетеревиные самки, бегая по земле, подхватывают и глотают слюну, падающую изо ртов токующих на деревьях

---

[1] Стих Державина из стихотворения *«Жизнь Званская»*.

самцов, и тем оплодотворяются. — Но не напрасно оглашается окрестность горячими призывами косачей, несколько времени токующих уединенно: курочки уже давно прислушивались к ним и, наконец, начинают прилетать на тока; сначала садятся на деревья в некотором отдалении, потом подвигаются поближе, но никогда не садятся рядом, а против косачей. Неравнодушно слушая страстное шипенье и бормотанье своих черных кавалеров, и пестрые дамы начинают чувствовать всемогущий голос природы и оказывают сладострастные движения: они охорашиваются, повертываются, кокетливо перебирают носами свои перья, вздрагивая, распускают хвосты, взмахивают слегка крыльями, как будто хотят слететь с дерева, и вдруг, почувствовав полное увлечение, в самом деле быстро слетают на землю... стремглав все косачи бросаются к ним... и вот между мирными, флегматическими тетеревами мгновенно вскипает ревность и вражда, ибо курочек бывает всегда гораздо менее, чем косачей, а иногда на многих самцов — одна самка. Начинается остервенелая драка: косачи, уцепив друг друга за шеи носами, таскаются по земле, клюются, царапаются без всякой пощады, перья летят, кровь брызжет... а между тем счастливейшие или более проворные, около самой арены, совокупляются с самками, совершенно равнодушными к происходящему за них бою [1]. Оплодотворенная курочка сейчас начинает заботиться о своем потомстве: в редколесье или мелком лесу выбирает место сухое, не низкое, разрывает небольшую ямочку, натаскивает ветоши, то есть прошлогодней сухой травы, вьет круглое гнездо, устилает его дно мелкими перышками, нащипанными ею самою из собственной хлупи, и кладет первое яйцо. На другой день она

[1] В местах совершенно безлесных тока происходят в степи, на голой земле, но предпочтительно на местах высоких и открытых. Некоторые охотники уверяли меня, что видали нечто подобное весенним тетеревиным токам в позднюю теплую осень; косачи не дрались между собою, а только бормотали, бегая по озимям или лугу и надуваясь, как индейские петухи. Я никогда не замечал в Оренбургской губернии осеннего тетеревиного токованья, но около Москвы каждую осень токуют косачи, то есть бормочут, сидя на деревьях в одиночку, и брови их выступают и краснеют, как весной. Курочки не принимают в этом никакого участия.

опять вылетает на токовище, тщательно прикрыв гнездо травой и перьями, опять оплодотворяется от первого ловкого косача, кладет второе яйцо и продолжает ту же историю до тех пор, пока гнездо будет полно или временное чувство сладострастия вполне удовлетворено. Несколько времени косачи продолжают слетаться на токовища, постепенно оставляемые курочками, и тока, слабея день от дня, наконец прекращаются. Время любви прошло, распухшая кожа на шее косачей опадает, брови прячутся, перья лезут... пора им в глухие, крепкие места, в лесные овраги; скоро придет время *линять*, то есть переменять старые перья на новые: время если не болезни, то слабости для всякой птицы.

Весенняя стрельба тетеревов не добычлива и не легка. Как только начнет пригревать солнце, а поверхность снегов, проникнутая его лучами, вовсе незаметно для глаз начнет в полдень притаивать, то образуется на ней тонкая, блестящая бриллиантовыми огнями кора: она называется *наст*. По этому-то насту можно весною в марте, а иногда и в начале апреля, подкрадываться к сидящим на деревьях и токующим в одиночку косачам, а также и к слушающим их курочкам. Подкрадываться надобно с величайшею осторожностию из-за других деревьев, без всякого шума, всегда идя так, чтоб голова тетерева, к которому подходит охотник, была закрыта сучками или пнем дерева. Когда тетерев токует, то можно подходить смелее, но как скоро перестанет бормотать, то надобно или остановиться, или идти только в таком случае, когда толщина древесного пня совершенно закрывает стрелка. Косач, токуя, ничего не слышит и не видит в своей горячности, но как скоро перестает бормотать от утомления или от какого-нибудь нечаянного испуга, то слух и зрение сейчас к нему возвращаются. Собаки тут не нужно, а нужно ружье, которое бы било далеко, кучно и сильно: хотя в это время года тетерев уже не так крепок к ружью, как в конце осени и в начале зимы, но зато стрелять приходится почти всегда далеко и нередко сквозь ветви и сучки. Это не то, что с подъезда, где останавливаешься и стреляешь тогда, когда тетерев сидит в меру и ничем не закрыт. Здесь совсем другое дело: если подкрался к

ближайшему дереву, из-за которого нельзя высунуться, не испугав птицы, то уж близко ли, далеко ли, ловко или неловко, стрелять надо. Само собою разумеется, что немало бывает промахов и нельзя убить много тетеревов. — Когда же снег растает, а где не растает, по крайней мере обмелеет, так что можно ездить хотя как-нибудь и хоть на чем-нибудь, то сделается возможен и подъезд к тетеревам: сначала рано по утрам, на самых токах; а потом, когда выстрелы их разгонят, около токов: ибо далеко они не полетят, а все будут биться вокруг одного места до тех пор, пока придет время разлетаться им с токов по своим местам, то есть часов до девяти утра. Разумеется, с подъезда можно убить больше, чем с подхода, но все немного. — Вот и вся бедная весенняя стрельба тетеревов, которая продолжается до начала, много до половины мая и которою охотники очень мало и редко занимаются, ибо в это время года идет самая горячая охота за прилетною дичью всех родов [1].

Итак, с начала или много с половины мая тетерев совершенно пропадает из глаз охотника. Косачи и холостые курочки скрываются в самых глухих лесных местах, где и линяют в продолжение июня месяца. В июле появляются на сцену тетеревята. Покуда они малы, матка, или *старка*, как называют ее охотники, держит свою выводку около себя в перелесках и опушках, где много молодых древесных побегов, особенно дубовых, широкие и плотные листья которых почти лежат на земле, где растет густая трава и где удобнее укрываться ее беззащитным цыплятам, которые при первых призывных звуках голоса матери проворно прибегают к ней и прячутся под ее распростертыми крыльями, как цыплята под крыльями дворовой курицы, когда завидит она в вышине коршуна и тревожно закудахчет. Надобно при сем случае сказать, что обыкновенные тетерева весьма близки к домашним курам. Во всех нравах их

[1] Стрельба косачей или чернышей на токах из шалашей в Оренбургской губернии неизвестна, а равно и стрельба их во время линьки, которая в некоторых местах России в большом употреблении и бывает очень добычлива, особенно в Костромской губернии, как я слышал от тамошних охотников.

и приемах видна одна и та же натура; куропатки и перепелки еще более имеют этого сходства. Хотя во всех породах птиц матери горячее отцов любят своих детей, но те самки, с которыми самцы не разделяют этого чувства, а, напротив, разоряют их гнезда (как то делают все селезни утиных пород), показывают детям более горячности. Не могу утверждать, как поступают косачи, но многие охотники меня уверяли, что они также разоряют гнезда своих курочек. Как бы то ни было, но тетеревиная матка не меньше утиной бережет своих детей и при всякой опасности жертвует за них своею жизнью. Много хлопот бывает ей, ибо не только самая дрянная хищная птица, но даже вороны и сороки таскают маленьких тетеревят. Не говорю уже о том, что волки, а особенно лисы нередко их истребляют. Когда же тетеревята подрастут в полтетерева, то матка водит их на более открытые места, где они могут кормиться ягодами.

В это время начинается настоящая охота за молодыми тетеревятами. Стрельба самая добычливая, легкая и самая веселая для многих охотников, но не для меня: я предпочитаю осеннюю стрельбу с подъезда. В стрельбе тетеревят главную роль играет собака, а не искусство, не ловкость охотника; от ее чутья, стойки и вежливости зависит весь успех. Хотя дух от целой тетеревиной выводки весьма силен и даже тупая собака горячо ищет по ее следам, но знойное время года много ей мешает: по ранним утрам и поздним вечерам сильная роса заливает чутье, а в продолжение дня жар и духота скоро утомляют собаку, и притом пыль от иных отцветших цветков и засохших листьев бросается ей в нос и также отбивает чутье, а потому нужна собака нестомчивая, с чутьем тонким и верхним. Не имеющая же этих качеств, разбирая бесчисленные и перепутанные нити следов, сейчас загорится и отупеет, ибо тетеревята бегают невероятно много. — Итак, охотник с легавою собакой отправляется в те места, где должны держаться тетеревиные выводки. Добрая собака, особенно с верхним чутьем, не станет долго копаться над их следами, а рыская на кругах в недальнем расстоянии от охотника, скоро почует выводку, сделает стойку, иногда за сто и более шагов, и поведет своего хозяина прямо к птице.

Если выводка будет настигнута в куче, то нередко поднимается вдруг, если же она рассыпана, то есть тетеревята находятся в некотором друг от друга отдалении, то обыкновенно поднимается прежде старка не для того, чтобы скорее улететь прочь, но чтобы привлечь все внимание на себя и отвесть неприятеля в сторону. Для этого, поднявшись с шумом и клохтаньем, она едва летит, как будто хворая или подстреленная, трясется в воздухе почти на одном месте, беспрестанно садится и вновь поднимается. Невежливая собака сейчас бросится за ней и будет уведена за версту и более, а тетеревята между тем разбегутся в разные стороны. Даже охотник, разумеется новичок, ошибется и захочет, не тратя заряда, поймать ее руками. Но охотник, знающий эти проделки, сейчас убивает матку; потом собака поодиночке найдет всех тетеревят, и хороший стрелок, если не станет горячиться и будет выпускать тетеревенка в меру, перебьет всех без промаха. Когда же выводка поднимается вся вдруг, то тетеревята летят врознь, предпочтительно к лесу, и, пролетев иногда довольно значительное пространство, смотря по возрасту и силам, падают на землю и лежат неподвижно, как камень. В этом случае, после уже всей выводки, или по крайней мере последняя и всегда очень близко от охотника, взлетает старка и начинает свои отводы. Разумеется, она сейчас бывает убита, но для собаки отыскать пересевших тетеревят гораздо труднее, потому что они, как я уже сказал, лежат неподвижно, притаясь под молодыми деревьями, в кустах или густой траве. К тому же и бить их уже не так ловко между редколесьем и кустарниками. Тетеревята вообще сидят очень крепко, а пересевших собака переловит всех, если к тому поважена. — Когда тетеревята подрастут еще побольше и начнут понемногу мешаться, то уже чаще, особенно если место голо, поднимаются целою выводкой и начинают садиться на деревья: иногда на разные, а иногда все на одно большое дерево; они садятся обыкновенно в полдерева, на толстые сучья поближе к древесному стволу, и ложатся вдоль по сучку, протянув по нем шеи. Тут уже вся трудность состоит в том, чтоб их разглядеть, перебить же всех до единого ничего не стоит, ибо они ни за что с

дерева не слетят[1]. К концу августа тетеревята делаются так велики и сильны, что, будучи подняты собакой, улетают очень далеко в лес, так что их и не найдешь: следственно, выстрелишь один раз. Стрельба молодых тетеревов кончилась, но через месяц начнется другая стрельба.

В этот промежуток трудно добывать тетеревов: они кроются в лесу. Между тем молодые тетерева вырастут совершенно: косачи получат свой темный, с синим отливом, первогодный цвет; косицы в хвостах вытянутся и расправятся как следует. Отдельные семьи, то есть выводки, собираются сначала в маленькие общества, в небольшие стаи, а потом в огромные станицы. По утрам и вечерам летают они в поля на хлебные скирды и копны; особенно любят гречу, называемую в Оренбургской губернии *дикушей*, и упорно продолжают посещать десятины, где она была посеяна, хотя греча давно обмолочена и остались только кучи соломы. В конце сентября деревья начинают сильно облетать, и тетерева уже садятся на них по утрам и вечерам. Начинается осенняя охота.

Стрельба тетеревов в осень по-голу, или по черностопу, как говорят охотники, а также по первозимью, по неглубокому еще снегу, имеет свой особенный характер. Она называется: стрельба с подъезда. Осенние дожди, утренние морозы и ветры обнажили деревья. Намоченная земля сделалась мягка, и подъезжать к тетеревам стало удобно, не шумно даже на колесах. Но вот, наконец, первый пушистый снег покрывает землю — и вот лучшее время подъезда.

Уже шесть часов утра, а еще совершенно темно. Охотник давно проснулся, давно встал и оделся со свеч-

---

[1] Спрашиваю я охотников до этой стрельбы: что за радость душить молодых тетеревят, которых не только переловит собака, но которых можно перебрать из-под нее руками? Притом мудрено ли попасть в тетеревенка, который летит, как шапка, прямо по одному направлению, или лежит на сучке неподвижно над вашею головой?

Этот вопрос возбудил общее противоречие охотников, и некоторые энергически защищали охоту за тетеревятами, но я, уважая вкусы других, не могу изменить своего. — *Позднейшее примечание сочинителя.*

кой. Ружье и все охотничьи вещи и припасы с вечера приготовлены и лежат на особом столе. Лошади поданы. Места стрельбы не близки, рассвенет дорогой, пора ехать. Он садится в невысокие сани с широкими наклестками, чтоб ловко было, прицеливаясь, опереться на них локтем, и бережно закрывает ружье суконным чехлом или просто шинелью, чтоб не заметало его снегом из-под конских копыт. Полетела бойкая тройка [1]. Везде путь по первому мелкому снегу: горы и овраги не помеха простому и крепкому устройству охотничьих саней. Вот, наконец, и хлебные поля, еще не совсем занесенные снегом, куда тетерева повадились летать за лакомою, сытною пищею; вот и опушки леса, молодые осиновые и березовые зарости, в которых тетерева непременно ночуют, если большой ястреб или беркут не угнал их накануне куда-нибудь подальше. Здесь надобно остановиться: лошадям вздохнуть и самому охотнику осмотреться и подождать вылета тетеревов. Вот уже совсем рассвело, вороны закаркали и полетели с ночлега, сороки вдалеке щекочут, завидя какую-то диковинку... С нетерпением озирается во все стороны охотник и, привычный к делу, его кучер: ничего не видать. Вдруг на обнаженных сучьях далекой старой березы появилось темное, кругловатое тело, вот другое, третье... Это тетерева подымаются с ночлега. Охотник скачет к ним во весь опор, чтоб напасть на голодных и еще не собрав-

[1] Странным покажется подъезд к тетеревам тройкой: но это особенность Оренбургской губернии, тамошних расстояний и охотников. Без преувеличения могу сказать, что я и другие охотники часто делывали до обеда, то есть до второго часа, по пятьдесят верст, гоняясь за улетающими стаями тетеревов и ошибаясь иногда в их направлении. Если снег не мелок (а мы езжали до глубокого снега), то на одной лошади далеко не уедешь. Притом очень часто ездишь, бывало, до поздних сумерек. Нет сомнения, что лучше подъезжать в одну лошадь; по мелкому лесу, кустам и опушкам гораздо удобнее проезжать в одиночку, да и тетерева менее боятся одной лошади, чем двух или трех вместе, ибо они привыкли видеть одноконные телеги и дровни, на которых крестьяне ездят за дровами и сеном. Но со всем тем, только *отъездя* осень на тройке отличных, крепких лошадей, можно убить такое количество тетеревов, какое бивал я и другие охотники: триста штук в одну осень — это было делом обыкновенным. В 1816 году, с исхода сентября до 6 декабря, я убил с подъезда около пятисот тетеревов.

шихся в одну большую стаю, ибо большая стая летает иногда за кормом очень далеко в хлебные поля, куда повадилась она летать с осени. Охотник начинает подъезжать к тетеревам, выбирая ближайшего или крайнего. Главное условие подъезда: никогда не направлять лошадей прямо на тетерева и никогда не подъезжать к нему сзади, разумеется если выполнить то и другое позволяет местность; надобно так подъезжать, что как будто вы едете мимо. Тетерева (да и всякая другая птица) не любят, когда едут прямо на них, особенно если едут сзади. Они начнут беспрестанно оглядываться и скоро улетят, не подпустив в меру ружейного выстрела. Случается иногда, если им почему-нибудь не хочется слетать с дерева, что тетерева поворачиваются носами к подъезжающему сзади охотнику, но это исключение. Если тетерев, сидя на сучке, в то же время хватает древесные почки или плотно сидит нахохлившись, это значит, что тетерев смирен и не думает улететь: следовательно, охотник может подъезжать поближе. Когда же тетерев вытянул шею, встал на ноги, беспрестанно повертывает голову направо и налево или, делая боковые шаги к тонкому концу сучка, потихоньку кудахчет, как курица, то охотник должен стрелять немедленно, если подъехал уже в меру: тетерев сбирается в путь; он вдруг присядет и слетит. Без крайней необходимости не должно стрелять тетеревов далеко, особенно в лет: от тридцати пяти до сорока пяти шагов — вот настоящая мера. Конечно, можно убить тетерева на шестьдесят и даже на семьдесят шагов, но это редкость; он необыкновенно крепок к ружью, особенно косач, на большую меру очень редко убьешь его наповал, и не только раненный слегка, но раненный смертельно, он улетает на большое расстояние и пропадает. Мне случалось видеть, что у подстреленного тетерева каплет кровь изо рта (верный признак внутренней, смертельной раны) — и он летит. Этого мало: у тетерева так расшибен зад, что висят кишки — и он летит! Последнему обстоятельству поверят только охотники, которые сами это видали или слыхали от достоверных самовидцев. Из всего сказанного мною следует, что после каждого выстрела, если тетерев не упал, надобно смотреть

за ним, пока он не улетит из глаз. Правило — необходимое и важное для всякой дичи. Весьма часто случается, что тяжело раненный тетерев слетает с дерева как ни в чем не бывал, но, пролетев иногда довольно значительное пространство, вдруг поднимается вверх столбом и падает мертвый. Очень редко бывает, чтоб раненый тетерев упал на лету прямо вниз, не сделав подъема кверху. Надобно весьма хорошо заметить место, где он упадет, и скакать туда немедленно, особенно если снег довольно глубок и тетерев упал в лесу или в кустах; пухлый снег совершенно его засыплет, и, потеряв место из глаз, вы ни за что его после не найдете, разве укажут сороки и вороны, которые сейчас налетят на мертвую птицу, лишь бы только заметить им, что она упала.

Найденных сначала голодных тетеревов охотник должен преследовать и стрелять до тех пор, пока они разобьются и разлетятся в разные стороны. Потом он поскачет отыскивать другие тетеревиные стаи на обыкновенных местах их корма и если не застанет там, то найдет где-нибудь в окрестности. Тетерева, утолив голод, сядут отдыхать или на одно большое, развесистое дерево и облепят его со всех сторон, или рассядутся на нескольких деревьях, но всегда зобами против ветра. Тут опять начинается та же история: если тетерева в куче, то не подпустят и, слетая один за другим, все разместятся врассыпную по разным окольним деревьям. Охотник начинает подъезжать всегда к крайнему тетереву и предпочтительно к одному или двум: ибо чем меньше тетеревов на дереве, тем они смирнее и подпускают ближе. Такая стрельба может продолжаться до вечера, разумеется если местность удобна и тетеревам некуда улететь далеко. — Нестрелянные тетеревиные стаи, сидящие врассыпную, бывают очень смирны. Одного убьешь, а другие сидят кругом спокойно; но напуганные частою стрельбою становятся очень сторожки и подпускают в меру только рано утром, пока голодны. Такую напуганную стаю надо на время оставить и отыскать другую; через неделю можно опять воротиться к ней: она сделается смирнее. Вообще курочки смирнее косачей; и те и другие смирнее в туманную, мокрую и тихую погоду, чем в ясную, сухую и ветреную. — Крепость к ружью

тетеревов растет с морозами и доходит иногда до такой степени, что приводит в отчаяние охотника; по крайней мере я и другие мои товарищи испытали это не один раз на себе. Не один раз думал я, что мое ружье расстрелялось или погнулось, что слаб порох или неверны заряды; мне случалось делать до двадцати пяти выстрелов и убить трех или четырех тетеревов. Даже подбитых было мало. Воротясь домой, я отвертывал казенник, прикладывал ствол на струну, проходил его легким шустом, и все оказывалось исправно. Пробовал в цель — ружье било хорошо, как прежде. Сделав тщательно заряды сам, отправлялся я за тетеревами, и ружье било опять очень плохо. С другим и третьим ружьем повторялась та же история. Между тем эти же самые ружья весною начинали бить попрежнему хорошо. Настоящая причина этой неимоверной крепости, особенно косача, происходит от того, что перья, покрывающие его зоб и верхнюю часть хлупи (не говорю уже о больших перьях в крыльях), делаются от холода так жестки и гладки, что дробь в известном расстоянии и направлении скользит по ним и скатывается. Это может показаться невероятным, но я приглашаю всякого неверующего сделать, осенью или зимой, сравнительный опыт над домашним петухом, которого следует положить в тридцати шагах на землю, завернуть голову под крыло и выстрелить в его зоб утиною дробью. Петух останется невредим. Косач тетерев — тот же дикий петух, и ничего нет мудреного, что он, особенно старый, в сильные ноябрьские морозы укрепленный холодом, уже не подпускающий охотника близко, очень редко подвергается губительному действию охотничьих выстрелов[1]. Прямым доказательством моему мнению служит то, что такой же косач, поднятый охотником нечаянно в лесу в конце весны, летом и даже в начале осени, падает мертвый, как сноп, от вашего выстрела, хотя ружье было

---

[1] Много раз случалось со мной и с другими охотниками, что тетерев выдерживал по два и по три выстрела и улетал даже не подбитый. Мне сказывал вполне достоверный охотник, что ему привелось выстрелить *семь* раз в одного косача, который после седьмого выстрела закудахтал и улетел невредим. Надобно прибавить, что кудахтанье считается признаком, что тетерев не ранен.

заряжено рябчиковой дробью и хотя мера была не слишком близка. В позднее время года я всегда стрелял тетеревов крупной гусиной дробью и избегал цели в зоб, от чего видел некоторую пользу. Вот где сердито и крупно бьющее ружье, кладущее дробь звездочками, получает свою настоящую высокую цену, а стрельба тетеревов — свой истинно охотничий интерес.

Наконец, подъезд к тетеревам отбивается. Снег углубел, и тетерева сваливаются огромными стаями вовнутрь больших лесов или в густые уремы, где им теплее и кормнее. Мне случалось, однако, стрелять тетеревов и в декабре, даже за двадцать пять градусов мороза. Тетерева смирны в жестокую стужу, а звуки выстрелов так слабы, что походят на хлопанье кнутом. Сначала я подумал, что заряды малы, и не поверил глазам своим, видя падающего тетерева, которого почти не видно было в густом инее, обыкновенно опушающем в такое время все ветви дерев. Неудобство стрельбы в сильную стужу состоит в неловкости движений, потому что охотник должен тепло одеться, и главное — в неловкости заряжать ружье, особенно с кремнем, где надобно насыпать пороху на полку. Впрочем, большая редкость, чтоб в Оренбургской губернии в декабре было мало снегу и можно было ездить на санях везде *целиком*, как говорится.

Много есть охотников до стрельбы тетеревов на чучелы; но я до нее небольшой охотник. Она много имеет сходства с приманкою селезней на ученую дикую или русскую утку и побиением их из шалаша. Какое тут удовольствие, что обманутая птица сядет или подплывет к вам под нос и вы застрелите ее в нескольких шагах! Эта охота имеет уже характер добыванья дичи и составляет переход к ловле тетеревов: весною на токах — поножами в силья, осенью — ковшами и пружками и, наконец, зимою — накрываньем их посредством сети, называемой по своей фигуре шатром. Последним способом ловят их по нескольку десятков вдруг; такое истребление дичи ненавистно настоящему ружейному охотнику; но для некоторых страстных любителей стрельбы на чучелы, которую я пробовал и сам, расскажу об ней все, что знаю.

Тетерева имеют особенное свойство, о чем я уже говорил: куда улетел один, первый из них, непременно

туда же улетит вся стая; где сядет один, там сядут и все. На этом основании поступают следующим образом: на открытых местах и даже в редколесье, где часто пролетают и садятся тетерева, строится просторный шалаш, круглый или четырехугольный, но не узкий кверху и не низкий; надобно, чтоб охотник мог встать и, хотя в наклоненном положении, зарядить ружье. Полукругом около шалаша, не далее двенадцати шагов, становятся *присады,* то есть втыкаются в землю молодые деревья, в две или три сажени вышиною, очищенные от листьев и лишних ветвей, даже ставят жерди с искусственными сучками; на двух, трех или четырех присадах (это дело произвольное) укрепляются тетеревиные чучелы, приготовленные тремя способами. Первый, самый употребительный, состоит в том, что без всякой церемонии выкраивают из черного крестьянского сукна *нечто,* подобное тетереву, набивают шерстью или сенной трухой, из красненького суконца нашивают на голове брови, а по бокам из белой холстины две полоски и, наконец, натычут в хвост обыкновенных тетеревиных косиц, если они есть: впрочем, дело обходится и без них. Второй способ заключается в том, что делают чучелы из папье-маше, разрисовывают их и кроют масляным лаком. Третий способ — в том, что набивают шерстью или хлопками настоящие кожи косачей, сняв их осторожно с перьями. — Первый способ всего простее. Во всякой деревне есть для него искусник и материал. Второй, напротив, всего труднее и дороже, ибо бумажные чучелы должно заказывать в Москве. Третий неудобен потому, что надобно уменье набивать чучелы; притом они всегда выходят менее настоящих тетеревов, а нужно, чтоб они были больше и виднелись издали, да и хищные птицы — орлы, беркуты и ястреба-гусятники нередко вцепляются в них и уносят, если они воткнуты на присады, а не привязаны (таким образом убил я однажды огромного беркута). Шалаши строятся и присады ставятся в начале осени для того, чтоб тетерева к ним привыкли. Еще до света охотник, расставив свои чучелы, также зобами против ветра, с ружьем и со всеми охотничьими снарядами входят в шалаш и отверстие за собой затыкает соломой. Как только тетерева подымутся с ночлега

и полетят кормиться, то сейчас увидят чучелы и к ним сядут. Испуганные несколькими выстрелами, они улетят на хлебные поля, возвращаясь откуда, опять увидят чучелы и опять к ним сядут. Этого мало: их можно подогнать к присадам, для чего достаточно двух верховых загонщиков. Тетерева легко поддаются обману, принимая чучелы за своих товарищей, и, пересев после выстрела на ближайшие деревья как скоро их оттуда спугают, сейчас возвращаются к чучелам. Тетерева так глупы в этом отношении, что если воткнуть на присады обожженные чурбаны, кочки или шапки, то они и к ним будут садиться; я слыхал о подобных проделках. Притом, не видя человека, которого они боятся больше всех зверей, тетерева и после выстрела и падения одного из своих товарищей редко оставляют присады, а перелетают с одной на другую. Если на присаде сидят несколько тетеревов, то охотник обыкновенно бьет нижнего, а верхние нередко сидят, смотрят на упавшего и кудахчут, как будто переговариваясь и удивляясь: отчего он свалился? Так поступают тетерева смирные, нестрелянные, а напуганные разлетаются после нескольких выстрелов и не возвращаются. — В местах, где водятся и держатся тетерева в большом множестве, а подъезжать к ним неудобно, стрельба на чучелы составляет добычливую охоту. Она имеет еще ту выгоду, что человек ленивый, старый или слабый здоровьем, который не в состоянии проскакать десятки верст на охотничьих дрожках или санях, кружась за тетеревами и беспрестанно подъезжая к ним по всякой неудобной местности и часто понапрасну, — такой человек, без сомнения, может с большими удобствами, без всякого утомления сидеть в шалаше на креслах, курить трубку или сигару, пить чай или кофе, который тут же на конфорке приготовит ему его спутник, даже читать во время отсутствия тетеревов, и, когда они прилетят (за чем наблюдает его товарищ), он может, просовывая ружье в то или другое отверстие, нарочно для того сделанное, преспокойно *пощелкивать тетеревков* (так выражаются этого рода охотники)... Но где же тут охота? — Возвращаюсь к прерванному рассказу. Убитых из шалашей тетеревов надобно сбирать в то время, когда нигде кругом не видно сидящего тете-

рева, а всего лучше по окончании стрельбы, иначе распугаешь тетеревов, хотя должно признаться, что, несмотря на доброе ружье, крупную дробь и близкое расстояние (кажется, достаточные ручательства, что тетерева должны быть убиты наповал или смертельно ранены), редко бывает поле, чтоб охотник собрал всех тетеревов, по которым стрелял и которые падали с присад, как будто убитые наповал: одного или двух всегда не досчитываются. — Стрельба на чучелы может продолжаться только до полдён. Перед захождением солнца тетерева опять вылетают и садятся к чучелам; но сидят сторожко и недолго: все как будто торопятся, да и времени очень мало[1]. В местах, изобильных тетеревами и удобных для подгона, можно убить в одно утро, на одно ружье, пар до двенадцати. Впрочем, мне нередко случалось, вероятно и другим охотникам, убивать с подъезда, также в одно утро, до тридцати пяти тетеревов. Но может ли убийство из шалаша сравняться с подъездом к тетеревам? Чем вознаградится это живое, постоянное занятие, движение, это ожидание, опасение: подпустит ли тетерев, или нет? это волнение в душе охотника, когда он видит, что добыча ежеминутно сбирается улететь? Наконец, где то удовольствие, которое чувствует стрелок от удачных, блистательных выстрелов по дальности расстояния или неудобству, побежденным далекобойностью ружья, меткостью и проворством? — выстрелов, которые весьма нередко случаются при стрельбе с подъезда и сохраняются навсегда в памяти охотника?.. Например, тетерева сторожки, беспрестанно слетают, не допуская в меру... можно подъезжать так, чтоб они, следуя уже принятому направлению, заранее замеченному, должны были лететь мимо вас или через вас: вы можете сделать, не слезая с дрожек, два славных удара из обоих стволов и спустить иногда пару тетеревов на землю! А как весело ссадить косача метким выстрелом с самой вершины огромного дерева и смотреть, как он,

---

[1] Около Москвы, по Троицкой дороге, стреляют тетеревов на чучелы весною еще по насту, разумеется в самом малом числе. В Оренбургской губернии я об этом не слыхивал, да и теперь не понимаю, на каком основании это делается.

медленно падая, *считая сучки*, как говорят, то есть валясь с сучка на сучок, рухнет, наконец, на землю! Иногда случается, что тетерев завязнет на дереве между сучками; тогда, делать нечего, надобно лезть за ним.

Об истребительной охоте егерей-промышленников, петербургских и московских, которая мне, как и всякому истинному охотнику, противна, я распространяться не стану. Скажу только, что всякую дичь и даже зайцев они умеют подманивать весьма искусно. Всего более истребляют они выводки тетеревов, рябчиков и белых куропаток; сначала убивают старку, подманя ее голосом детеныша, а потом перебьют всех молодых, подманив их голосом матери.

Мясо молодых тетеревов остается белым, как у рябчика, до тех пор, пока они помешаются, тогда оно постепенно начнет темнеть и принимает, наконец, свой обыкновенный вид. Известно всем, что молодые тетеревята считаются одним из лакомых блюд, но и достигшие полного возраста тетерева, особенно в первый и второй год своей жизни, очень вкусны, питательны и здоровы. Впоследствии они делаются жестче, но жирный тетерев, что бывает не часто, всегда отлично вкусен. Тетеревов употребляют в пищу великое множество, по большей части крытых шатрами; хищные птицы и звери также много их истребляют. Изумительно, откуда берутся они? Впрочем, надобно вспомнить необъятность России и беспредельность ее лесов.

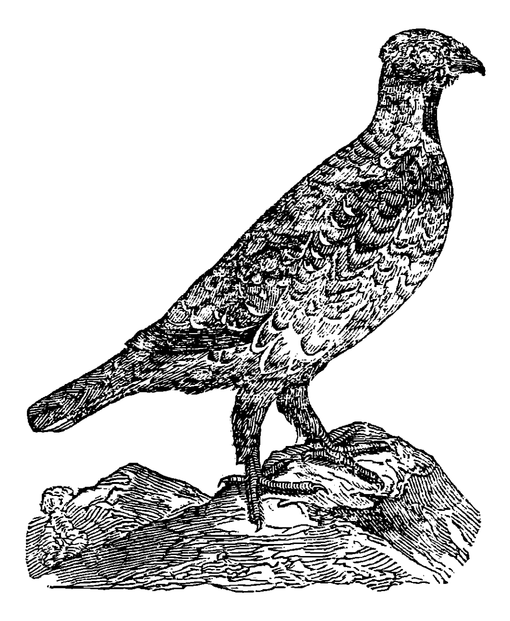
В заключение речи о тетереве я расскажу удивительный случай, которого был самовидцем, еще будучи мальчиком. Сидел я однажды в шалаше с старым охотником, который крыл тетеревов шатром. Тетерева уже подходили, и старик, держа в руке веревку, чтоб уронить шатер, когда подойдет тетеревов побольше, смотрел в отверстие, а я глядел в скважину, которую проковырял пальцами. Вдруг вся стая, как будто чем испуганная, стремительно поднялась. Старик выскочил из шалаша, а за ним и я, чтоб посмотреть: кто испугал тетеревов?.. Что ж мы увидели? Тетерева летели без оглядки в ближний лес, а одна курочка шла столбом вверх будто подстреленная. Поднявшись довольно высоко, она упала, и от нее отскочила и побежала *ласка*, или *ласочка:* маленький

хищный зверек, всем известный, не длиннее четверти аршина и немного толще большого пальца мужской руки. Тетерев бился недолго: у него была перекушена жила на шее под горлом. Какова хищность и отвага! Очевидно, что ласка впилась в шею тетерева, сидевшего на снегу, и поднялась с ним на воздух. Впоследствии убедился я, что этот крошечный зверек точно так же умерщвляет зайцев и напивается из них крови. Долго я не хотел верить этому, но однажды сам нашел в снежной норе мертвого, уже остывшего русака, которого сошел по свежему *малику* (следу): у зайца также оказалась прокушенною жила на окровавленной шее и никакого следа к норе не было, кроме следов ласки.

3. РЯБЧИК

Рябчика во многих местах называют *рябцом;* имена эти он вполне заслуживает: он весь рябой, весь пестрый. Величиною рябчик, самый старый, немного больше русского голубя, но будет несколько покруглее и помясистее. Склад его совершенно тетеревиный. Брови красные, глаза довольно большие и черные, перышки на голове темного цвета, иногда приподнимаются и кажутся чем-то вроде хохолка, ножки мохнатые, кроме пальцев. Пестрины, или рябины, на шее, зобу и брюшке разноцветные: черноватые, белые, желтоватые и даже красноватые, особенно на боках под крыльями; пух на теле и корнях перьев темный; фигура пестрин похожа на пятна кругловатые и несколько дугообразные; спинка и хвост, состоящий из жестких перьев умеренной длины, испещрены только серыми крапинами; такими же серыми, коротенькими поперечными полосками покрыты перья на крыльях; самец имеет под горлом темное пятно, брови у него краснее, и вообще он пестрее самки, которая кажется серее. Крылья у рябчика небольшие и короткие, отчего он вспархивает или взлетывает с большим усилием и шумом. Очевидно, что природа назначила ему только перелетывать небольшие расстояния, но бегает он весьма проворно. Рябчик — зимующая у нас и по преимуществу лесная дичь и уже вполне, в точности, заслу-

живает это название. Все другие породы лесной дичи, для добывания корма или для избежания капели с дерев в ненастную погоду, иногда хоть на короткое время оставляют лес, рябчик — никогда; он даже не водится

в отдельных лесных колках: сплошные леса, занимающие большое пространство, предпочтительно краснолесье, — вот его постоянное жилище и летом и зимой; впрочем, он водится и держится иногда и в обширном чернолесье. В тех уездах Оренбургской губернии, где я живал и охотился, рябчиков нет, и потому я мало знаком с их нравами; я стреливал их в Вятской губернии: тамошние дремучие леса, идущие непрерывно до Архангельска, населены рябчиками в изобилии. Я не нахаживал их гнезд и выводок молодых, потому что охотился за ними не в то время, когда они выводят детей; но вот что рассказывали мне туземные вятские охотники. Рябчики в начале мая садятся на гнезда, которые вьют весьма незатейливо, всегда в лесу на голой земле, из сухой травы, древесных листьев и даже мелких тоненьких

прутиков; тока у них бывают в марте; самка кладет от десяти до пятнадцати яиц; она сидит на них одна, без участия самца, в продолжение трех недель; молодые очень скоро начинают бегать; до совершенного их возраста матка держится с ними предпочтительно в частом и даже мелком лесу, по оврагам, около лесных речек и ручьев. Говорят, что и во всякое время рябчики очень любят текущую воду и охотно слушают ее журчанье, сидя кругом на деревьях. Как скоро охотником или собакой будет поднята выводка молодых, уже несколько поматеревших; то они непременно рассядутся по деревьям весьма низко и так плотно прижмутся к главным толстым сучьям, так лежат неподвижно, что их разглядеть очень трудно, особенно на елях.

Рябчики никогда не бывают очень жирны; пища их состоит из почек всех древесных пород черного и красного леса: последние сообщают им особенный смолистый вкус; до всяких лесных ягод они большие охотники.

Весною, еще в марте месяце, рябчики самцы начинают *откликаться, лететь*, или *идти на пищик*, как говорят охотники. Я уже упоминал об этом нехитром инструменте, который издает звуки, похожие на голос или писк рябчиковой самки. Пищики делаются из липовых прутьев, толщиною в гусиное перо и длиною вершка в полтора, из которых до половины искусно вынимается деревянная внутренность и которых один конец обделывается наподобие тростниковой дудки; такие же пищики приготовляются из гусиных перьев, даже выливаются из олова. Некоторые добычливые стрелки умеют звать рябчиков собственным свистом. Стрельба начинается со второй половины марта: сначала на лыжах, а потом по насту. Эта охота продолжается до половины лета с тою разницею, что с весны рябчики самцы не только откликаются на искусственный голос самки, но и летят на него с большою горячностью, так что садятся по деревьям весьма близко от охотника, и бить их в это время очень легко; со второй половины мая до половины июля они откликаются охотно, но идут тупо; потом перестают совсем приближаться на голос самки, а только откликаются, и потому охотник должен отыскивать их уже с собакой. Осенью находят рябчиков, которые сначала

держатся выводками, а потом парами, также посредством легавой собаки; в исходе октября и в ноябре они опять идут на пищик. Поднявшись с земли, рябчики сейчас садятся на деревья. Тут необходимо острое зрение, чтоб разглядеть их, спрятавшихся в густой и темной зелени сосен и елей. У туземцев Пермской, Вятской и других лесных губерний способность эта развита в высшей степени, и я не один раз имел случай удивляться необыкновенной их зоркости. Рябчик к ружью не крепок: 6-й и 7-й нумера очень достаточны для их стрельбы, но простые охотники пермяки, вятичи и архангельцы бьют их обыкновенно мелкой и крупной утиной дробью из ружей очень узкоствольных и заряд кладут самый маленький; употребляют иногда даже чугунную дробь. Они стреляют рябчиков нередко из винтовок, которые так узки, что заряжаются пулечкой немного побольше одной дробины нуля или безымянки. Стреляют они мастерски и часто такою крошечною пулечкою простреливают голову рябчика; маленькие заряды употребляют они из экономии; звуки их выстрелов так слабы, что даже в самом близком расстоянии не сочтешь их за выстрелы, а разве за взрывы пистонов. Эти охотники и до сих пор употребляют ружья с кремнями и охотятся за рябчиками до половины зимы, употребляя лыжи, когда снег углубеет.

Рябчиков ловят много сильями, которые называются *пружки*. Весь этот снаряд состоит из наклоненного сучка, к концу которого прикреплен волосяной силок, а позади повешен пучок рябины или калины, ибо рябчики большие охотники до этих ягод. Ловцы, по большей части чуваши, черемисы и вотяки, запасаются ягодами с осени и продолжают ловлю во всю зиму. Снаряд так устроен, что рябчик не может достать ягод, не просунув головы сквозь силок и не тронув сторожка, который держит древесный сук в наклоненном положении. Сучок мгновенно выпрямляется, петля затягивается, и рябчик повешен.

Простой народ не ест давленой птицы; но в городах мало об этом заботятся, да где и когда разглядывать, стрелянные рябчики или удавленные привозятся на рынок? Притом для продажи им ломают крылья и прокалывают головы пером, чтоб они казались подстреленными и приколотыми.

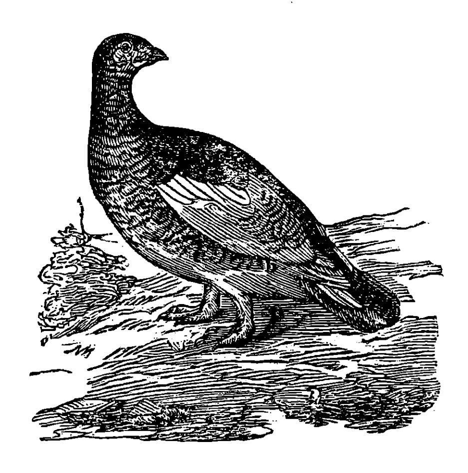
Петербург, Москва, все губернские и даже уездные города потребляют рябчиков несметное число, но благодаря лесным местам северной России рябчики не переводятся. К удивлению моему, они водятся, хотя в малом числе, даже около Москвы.

Белое мясо рябчиков, нежное, здоровое и хотя несколько сухое, но превосходное вкусом, известно всем; внутренность его и ножки несколько горьковаты, что особенно уважается гастрономами.

4. БЕЛАЯ ЛЕСНАЯ КУРОПАТКА

Белою она называется потому, что выцветает к зиме, как заяц, и становится совершенно белою, как снег, а лесною — потому, что, подобно рябчику, круглый год постоянно, безвыходно живет в лесу, преимущественно в красном и болотистом. Я не слыхивал даже, чтоб белые куропатки водились в чернолесье. В Оренбургской губернии, да и во всей средней полосе России, совсем нет белых куропаток; даже около Москвы, несмотря на преобладание краснолесья, они не водятся, но в Тверской губернии и вообще на северо-западе уже начинают попадаться. Около Петербурга до сих пор их очень много. Величиною лесная куропатка будет гораздо больше полевой, или серой, на которую даже летом она нисколько не похожа перьями. Она вся искрасна-желто-пестрая и при первом взгляде имеет какое-то сходство с тетеревиной курочкой, на которую действительно похожа складом тела, красноватыми бровями и вкусом мяса, только несколько поменьше; глаза имеет черные, очень светлые, а ножки мохнатые, покрытые белыми перышками до самых пальцев. Отличительное ее качество от всех других птиц состоит в том, что она, как я уже сказал, зимою бывает чисто белая. Как только наступит холодное и ненастное время, у ней начнут показываться белые перья, а серо-пестрые, летние, начнут вылезать, так что в начале ранней зимы или в конце поздней осени она имеет не скажу красивый, но очень странный вид: по белому полю кое-где рассыпаны букеты или пятна красно-желтых пестрых перьев. Я совершенно незнаком с нравами

лесных куропаток, даже один раз только в жизни видел их живых, но знаю, что охотники стреляют их в глубокую осень *в узерк*, точно как выцветших побелевших зайцев.

Напрасно прячутся они в лесной чаще; яркобелый цвет перьев изменяет им: он виден издалека, и охотники бьют их сидячих. Мясо белых куропаток, которые никогда не бывают жирны, а всегда сухи и довольно черствы, далеко уступает не только мясу серых куропаток, но и тетеревов. Впрочем, во время линьки последних, когда они бывают очень худы и тощи, находясь в полуболезненном состоянии, вкус их мяса бывает очень сходен со вкусом мяса белых куропаток. В Петербурге они очень много употребляются для стола во всякое время; в Москве же только в конце осени и зимою появляются они в продаже.

Белою куропаткою заключается небольшое число не улетающей на зиму дичи.

5. ГОЛУБИ

Диких голубей три породы, но они так различны, что я о каждой буду говорить особо, предварительно сказав несколько слов вообще о их свойствах.

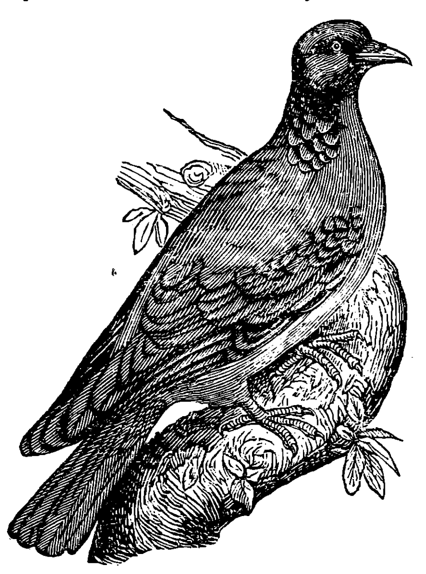
Голубь с незапамятных времен служит эмблемою чистоты, кротости и любви — и не напрасно: все эти три

качества принадлежат ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми, ветхо- и новозаветными словами. Любовь голубя к голубке и общая их нежность к детям признаны всем народом русским и засвидетельствованы его песнями и поговорками: авторитет убедительный и неопровержимый. Слова ласки и сожаления, *голубчик* и *голубушка*, постоянно слышны в речах простого народа. Хотят ли сказать, как ладно живет муж с женой, как согласны брат с сестрой, как дружны между собой приятели и приятельницы, и непременно скажут: «Они живут, как голубь с голубкой, не наглядятся друг на друга». Желая выразить чье-нибудь простодушие или доброту, говорят: «У него голубиная душа». Сострадая чужой беде, всякая крестьянка скажет: «Ох, моя голубушка, натерпелась она горя». Самая наружность голубя выражает его качества: как он всегда чист и опрятен, как соразмерны все части его тела! Какая круглота, мягкость в очертаниях его фигуры! Во всех движениях нет ничего порывистого, резкого: все так кротко, спокойно, грациозно. — Народ глубоко чувствует нравственные качества голубей и питает к ним особенную любовь. Русских голубей, без сомнения переродившихся из диких, многие домохозяева кормят хлебными зернами, ставят им пóлки для гнезд, и всякий хозяин считает благоприятным знаком, если голуби хорошо ведутся у него на дворе. Крестьяне никогда не едят голубей и во многих деревнях не позволяют их стрелять.

а) Вяхирь, или витютин

Это самый крупный из голубей. Трудно определить происхождение обоих его имен. Народ употребляет их как нарицательные в укоризненном смысле: «Экой вяхирь» или «витютин» говорят про человека вялого или несметливого. Говорят также про себя или другого в случае ошибки: «Какую вяху дал»; слова *вяхирь* и *вяха*, очевидно, происходят от одного корня. Но в свойствах голубя витютина нет ничего оправдывающего такое злоупотребление его имени. Вероятно, незлобие и робость его были тому причиной. Имея так мало физических средств для своей защиты, нельзя же голубям быть

храбрыми противу хищных и хорошо вооруженных врагов своих. Величиною витютин в полтора раза превосходит обыкновенного русского голубя. Пером очень красив: весь сизый, дымчатый, с легким розовым отливом, особенно на зобу и шее; этот отлив двуличен и на свету или

на солнце отражается зелено- и розово-золотистым блеском. На верхней половине шеи лежит поперечная белая полоса, которая, однако, под горлом не соединяется, и немцы не совсем верно называют витютина «кольцовый голубь» (Ringtaube); на плечном сгибе крыла также видно белое, несколько продолговатое пятно, которое вытягивается полосою, если распустить крыло; концы крайних длинных перьев в крыльях и хвосте — темного цвета; на нижней внутренней стороне хвостовых перьев лежит поперек опять белая полоса, состоящая из белых пятен на каждом пере, которых на другой, верхней стороне совсем незаметно; ножки красные, как у русского голубя; нос бледно-красноватый или розовый; глаза ясные, не темные и не серые: какого-то неопределенного светлопепельного цвета. Вяхири прилетают вес-

ною не рано, почти всегда во второй половине апреля. Под словом *прилетают* я разумею то время, когда они уже садятся на деревья или оттаявшие поля. Недели за две до того они уже летят большими стаями довольно высоко, редко опускаясь на землю. Я никогда не нахаживал их весной с прилета иначе, как маленькими станичками, штук по десяти, а по большей части пары по две и по три. Вскоре после своего прилета вяхири разбиваются на пары, понимаются и начинают устроивать свои гнезда на толстых сучьях больших дерев. Все породы голубей — нежные и верные супруги. Задолго, прежде чем голубка начнет нести яйца, голубь витютин уже не расстается с ней ни на одну минуту, очень часто ласкается, целует ее страстно и продолжительно или воркует, ходя кругом, беспрестанно наклоняясь и выпрямляясь и раздувая перья на шее, как гриву, а хвост — как веер. Целованье голубей — отличительная черта, которая ставит их выше других птиц: тут видно выражение сердечного чувства. Я старательно наблюдал за многими птицами; у некоторых есть что-то похожее на целованье, но у голубей оно совершается определеннее. Иногда голубка не хочет целоваться, и голубь долго старается разжать ей стиснутый носик; обыкновенно же оба соединяют свои разинутые носы и глаза обоих часто закрываются от удовольствия... Но вот голубка послышит в себе значительное увеличение яичек, и поспешно свивается или складывается гнездо на толстом сучке у самого древесного пня, из мелких прутиков, и устилается внутри мягкою, сухою травою и перышками. Голубка кладет только два[1] яйца или три (как утверждают иные охотники), бледнорозового или бланжевого цвета, обыкновенной куриной формы, но гораздо крупнее и круглее яиц русских голубей. Голос витютина по-настоящему нельзя назвать воркованьем: в звуках его есть что-то унылое; они протяжны и более похожи на стон или завыванье, очень громкое и в то же время не противное, а приятное для слуха; оно слышно очень издалека, особенно по зарям и по ветру, и нередко открывает

---

[1] Я видел более десяти гнезд витютина и всегда находил по два яйца.

охотнику гнезда витютина, ибо он любит, сидя на сучке ближайшего к гнезду дерева, предпочтительно сухого, выражать свое счастие протяжным воркованьем или, что будет гораздо вернее, завываньем. Когда же голубка захочет поесть и пораспрaвить свои усталые от долгого сиденья крылья, голубь сейчас садится на ее место. — С прилета вяхири не очень смирны, да и всегда они гораздо осторожнее других голубиных пород; когда же заведутся у них гнезда, то они не летят далеко от них, делаются смирнее и с подъезда подпускают довольно близко; но пешком к ним не подойдешь, разве подкрадешься как-нибудь из-за дерева. Вообще витютин очень сильная и крепкая к ружью птица и, по моему замечанию, уступает в этом качестве только тетереву, следовательно дробь надобно употреблять утиную, 4-го и даже 3-го нумера.

Голубь и голубка сидят попеременно на яйцах в продолжение двух с половиною недель. Многие охотники говорят, что все голубиные породы выводят детей по три раза в одно лето. Не могу с точностию подтвердить этого мнения, но считаю его вероятным потому, что в мае, июне и июле нахаживал я голубей, сидящих на яйцах, а равно и потому, что яиц бывает всегда только по два. Голубята выводятся покрытые бледножелтоватым пухом; они не оставляют гнезда, покуда не оперятся, да и потом долго держатся по сучьям родимого дерева, или *гнездового*, сначала перепрыгивая с сучка на сучок, а потом и перелетывая. В продолжение всего этого времени отец и мать постоянно кормят их и поят водою из собственного рта, для чего должны беспрестанно отлучаться от детей за кормом; покуда голубята малы, голубь и голубка улетают попеременно, а когда подрастут — оба вместе. Корм их состоит из всяких древесных и травяных семян; всего более любят они хлебные зерна, но как во время выкармливания ранних детей хлеба еще не поспели, да и семена трав большею частию еще не вызрели, то молодые питаются преимущественно всякими насекомыми, которых ловят отец и мать и к ним приносят. В этих заботах проходит для них целый день, от раннего утра до позднего вечера. Голуби имеют замечательную способность, в которой пре-

восходят они всех других птиц: набивать себе полон зоб всякого рода кормом и потом, прилетев домой, то есть к своему гнезду, извергать всю эту пищу назад и кормить ею детей. Голубь или голубка вкладывают свой нос в разинутый рот голубенка, и, без заметного усилия, пища переходит в горло детеныша так скоро, что он едва успевает глотать: это повторяется несколько раз в день. Вследствие такого обильного питания голубята, еще не слетев с гнезд, становятся необыкновенно жирны и вкусны.

Витютин имеет также особенный полет: слетев с дерева, сначала он круто берет вверх и, ударя одним крылом об другое или обоими крыльями о свои бока, производит звук, весьма похожий на хлопанье в ладони, который повторяется несколько раз; потом витютин направляет свой полет немного вниз и летит уже прямо, обыкновенным образом, но всегда очень сильно и скоро. К тому времени, когда голубята совершенно оперятся и начнут летать, как старые, уже поспеют хлеба, и витютины с молодыми, соединясь в небольшие станички, каждый день, утро и вечер, проводят в хлебных полях. Преимущественно посещают они выжатые десятины: покуда хлеб не свезен, облепляют они сначала *пятки*, а потом длинные *скирды* [1]; когда же снопы уберутся с полей, витютины бродят по жнивью, подбирая обломившиеся колосья и насорившиеся зерна. Конечно, они гораздо охотнее клюют зерна голые, без шелухи, как-то: рожь, яровую пшеницу и горох. Но за недостатком их не пренебрегают всеми породами яровых хлебов. Разумеется, от такой сытной, питательной пищи они очень скоро жиреют, и тут наступает самое лучшее время для стрельбы вяхирей. Стрелять их надобно с подъезда, а пешком редко удастся подойти в меру, разве местность позволит из-за чего-нибудь подкрасться; впрочем, покуда скирды стоят в поле и довольно часты (как бывает при сильных урожаях), то подкрадываться из-за них весьма

---

[1] В Оренбургской губернии становят сначала сжатые снопы пятка́ми, и, если жнива травяниста или погода сыра, оставляют на несколько дней для просушки; если же и время и солома сухи, то снопы в тот же день складываются в скирды, которые по множеству посевов остаются иногда в поле очень долго. Тетерева посещают их также очень охотно по утрам и вечерам.

удобно и нередко можно убить одним зарядом несколько штук. Витютины гораздо смирнее рано утром, покуда еще не успели наесться: тут они неохотно прерывают свой обильный завтрак и не летят прочь, а только перелетывают с одного места на другое. Если же поблизости, иногда на тех же хлебных десятинах, находятся деревья, то после первого выстрела они сейчас рассядутся на них, чтоб опять спуститься на корм, когда охотник удалится. Они к этому привыкают потому, что во время сноповой возки беспрестанно повторяют этот маневр, то есть садятся на деревья, когда крестьяне приедут за снопами, и слетают опять на скирды, когда крестьяне уедут с нагруженными телегами. В половине сентября витютины сваливаются в большие стаи, делаются очень сторожки и вскоре совсем улетают. Перед отлетом они все становятся очень жирны и очень вкусны, особенно молодые; во время же вывода детей мясо старых вяхирей сухо и жестко.

б) Клинтух, дикий голубь

Первым, не русским, именем зовут его охотники, а вторым — народ. Клинтух очень похож на чистосизого русского голубя; на всех его перьях нет никаких отметин, никакого пятнышка даже под хвостом; когда клинтух сидит и даже летит над вами, ни малейшей белизны не видно. Повторяю сказанное мною прежде, что его не вдруг различишь с чистосизым русским молодым голубем, а старого он будет несколько поменьше. Пером клинтух темновато-сизого матового цвета; на шее приметен небольшой зеленоватый отлив, если посмотреть к свету, нос светлороговой, ноги бледнобланжевого или, как говорится в охотничьих книжках, *абрикосового* цвета. Во всех своих нравах, свойствах и образе жизни клинтухи совершенно схожи с вяхирями, следовательно нет надобности говорить об них особенно. Вся разница состоит, по моим наблюдениям, в следующем: клинтухи появляются чрезвычайно рано, задолго до всякой другой дичи, всегда в марте месяце, и даже один раз я нашел пару клинтухов на гумне в исходе февраля, что и замечено в моих охотничьих записках; но я не знаю, назвать ли это раннее появление прилетом. По большей части

находил я первых клинтухов в одиночку, иногда по паре и очень редко по две пары. Это появление бывает недели за две, даже за три до настоящего прилета, когда клинтухи начнут лететь и опускаться на землю огромнейшими стаями. Впрочем, и этот прилет бывает гораздо ранее прилета витютинов. Я нахаживал в исходе марта станицы клинтухов в несколько сотен, сидящие на редких еще тогда проталинах, и убивал одним выстрелом по десятку: они гораздо смирнее вяхирей. Клинтухи устроивают свои гнезда также на главных сучьях больших дерев, но выбирают места уединеннее, в лесах обширного объема. Воркованья и вообще голоса клинтухов я не слыхивал, а также и другие охотники, которых я об этом спрашивал. Полет клинтухов не имеет ничего особенного. В продолжение лета они попадаются редко, но с половины августа до исхода сентября встречаются уже станичками и вскоре начинают пролетать огромными стаями. Странно, что во время осеннего валового пролета и даже после него опять попадаются клинтухи в одиночку и парами и держатся до октября, то есть точно так же пропадают осенью, как появляются весной. Осенних клинтухов я всегда считал отсталыми по болезни или позднему выводу, но как объяснить раннее, одиночное их появление в марте, иногда при двадцатиградусных морозах, и даже в феврале, который и по календарю считается зимним месяцем? Вот мое предположение: клинтухи начинают лететь с севера на юг ранее, чем мы думаем, даже в феврале; но летят по ночам и высоко, как многие породы дичи, почему никто о том не знает; в больших стаях, вероятно, всегда есть усталые и слабые, которые отстают от станиц в продолжение дороги, где случится, и как некуда более деваться, то поселяются до настоящей весны на гумнах: их-то так рано встречают охотники.

Мясо клинтуха точно такого же качества, как и витютина, даже нежнее, следственно лучше. К ружью они гораздо послабее старших своих братьев, вяхирей. Охотники мало уважают эту дичь, когда попадается она в одиночку; но когда из большой стаи можно вышибить несколько пар, особенно с прилета, — охотники не пренебрегают клинтухами. Я уже говорил, как дорого раннее появление их весною.

в) Горлица, или горлинка

Третья голубиная порода называется горлицей по книжному и горлинкой по общенародному употреблению. Происхождение этого имени определить не умею; не происходит ли оно от пятна на горле, которое имеет горлица? — Горлинка не пользуется особенным значением в понятиях народных; она исчезает в общем значении голубя, но зато в публике нашей пользуется большою известностью. Господа стихотворцы и прозаики, одним словом поэты, в конце прошедшего столетия и даже в начале нынешнего много выезжали на страстной и верной супружеской любви горлиц, которые будто бы не могут пережить друг друга, так что в случае смерти одного из супругов другой лишает себя жизни насильственно следующим образом: овдовевший горлик или горлица, отдав покойнику последний долг жалобным воркованьем, взвивается как можно выше над кремнистой скалой или упругой поверхностью воды, сжимает свои легкие крылья, падает камнем вниз и убивается. Чувствительная публика верила такому чувствительному рассказу... Горлицы не только служили идеалом верной любви, но имели обязанность сочувствовать пламенным и особенно несчастным любовникам. Не краснея, а с истинным чувством писал поэт:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах,
Воркуя томно, скажут:
Он умер во слезах.

И с искренним сочувствием повторяла эти стихи публика... но время это прошло, и я, к сожалению, должен сказать сухую правду, что повесть трогательного самоубийства не имеет никакого основания; я держал горлинок в клетках; они выводили детей, случалось, что один из пары умирал, а оставшийся в живых очень скоро понимался с новым другом и вместе с ним завивал новое гнездо.

Горлинка гораздо меньше клинтуха и с лишком вдвое или почти втрое менее витютина. Перьями очень красива и резко отличается от других голубей, строго сохраняя

все их стати. Что же касается до миловидности и нравственных качеств, то горлинку должно признать высшим их выражением или по крайней мере очевиднейшим, потому что она смирна, не боится человека, не прячется от него и дает полную возможность к наблюдению своих

нравов даже нелюбопытному человеку. Горлинки не только прилетают в сады или огороды, но нередко садятся на широкие зеленые дворы деревенских помещичьих усадеб и их простые заборы. Носик у ней с пережабинкой, светлорогового цвета; голова, шея и зоб сизорозовые; около темных прекрасных глаз лежит ободочек, довольно широкий, из не заросшей перышками кожицы светломалинового цвета; на обеих сторонах шеи, на палец от глаз, есть продолговатое, очень красивое, кофейное

пятно, пересекаемое белыми полосками, или, лучше сказать, три темнокофейные пятнышка, обведенные белою каемочкой; по крыльям от плеч лежат темные продолговатые пятна, отороченные коричневым ободочком; длинные перья в крыльях светлокофейные, такого же цвета и хвост, довольно длинный; два верхние хвостовые пера без каемок, а все нижние оканчиваются белою полосою в палец шириной; по спине видны небольшие, неясные пестринки; хлупь чистобелая и ножки розовые.

Из этого описания видно, что горлинки похожи перьями и величиною на египетских голубей [1], даже в воркованье и тех и других есть что-то сходное; впрочем, горлинки воркуют тише, нежнее, не так глухо и густо: издали воркованье горлиц похоже на прерываемое по временам журчанье отдаленного ручейка и очень приятно для слуха; оно имеет свое замечательное место в общем хоре птичьих голосов и наводит на душу какое-то невольное, несколько заунывное и сладкое раздумье.

Горлинки прилетают весною позднее всех голубей, по крайней мере позднее оказываются. Мне не случалось видеть их пролетными стаями, что, без сомнения, бывает и что многие охотники видали. Я всегда встречал их уже парами, уже занятых своими гнездами, которые вьют они в лесных опушках, в перелесках и предпочтительно на деревьях, растущих по речкам и ручьям, но никогда в средине густого и большого леса. Горлинки понимаются, вьют, или, лучше сказать, устроивают, гнезда, несут яйца, выводят детей и выкармливают их точно так же, как витютины и клинтухи; я не замечал в их нравах ни малейшего отступления от общей жизни голубиных пород и потому не стану повторять одного и того же. Вся разница, если это только можно назвать разницей, состоит в том, что горлинки несравненно смирнее других голубей, так что к ним не только можно близко подъехать, но всегда можно подойти пешком; они почти так же смирны, как воробьи, галки и русские голуби. Сделать их ручными весьма легко, особенно если вынуть голубят из гнезда еще не совсем оперившихся: надобно только посадить их в просторную клетку, деревянную или из сетки

[1] С которыми весьма охотно понимаются.

(это все равно), и хорошенько кормить хлебными зернами; достигнув полного возраста, они начнут выводить детей и жить, как дворовые голуби. — Осенью горлинки улетают довольно рано, в августе, задолго до наступления холодной погоды. Большими станицами перед отлетом они никогда мне не попадались, но маленькими станичками, от трех пар до пяти, я встречал их нередко. В это время года они бывают довольно жирны и очень вкусны, да и во всякую другую пору мясо их лучше мяса прочих голубиных пород. К ружью они не так крепки, и рябчиковой дроби для них достаточно.

Горлинок стреляют мало: простые охотники не бьют их, сколько из уважения к их голубиной природе, столько же и потому, что они мелки, а настоящие стрелки пренебрегают ими как слишком смирною дичью.

Надобно прибавить еще одну общую черту к голубиной характеристике: все изъявления их чувств до такой степени мягки, кротки и робки, что даже любовь к детям, при угрожающей им очевидной опасности, не оказывается никакими стремительными, смелыми порывами. Мне случалось много раз подходить близко к дереву, на котором находилось гнездо с голубятами, даже влезать на него, и голубь с голубкой не бросались на меня, как болотные кулики, не отводили в сторону, прикидываясь, что не могут летать, как то делают утки и тетеревиные курочки, — голуби перелетывали робко с дерева на дерево, тоскливо повертываясь, подвигаясь или переступая вдоль по сучку, на котором сидели, беспрестанно меняя место и приближаясь к человеку по мере его приближения к детям; едва были слышны какие-то тихие, грустные, ропотные, прерывающиеся звуки, не похожие на их обыкновенное воркованье. Одним словом, голубиная, кроткая природа вполне выражалась и тут.

6. ДРОЗДЫ

Дроздовых пород считается семь: 1) *Серый дрозд*, самый крупный из всех, величиною почти с горлинку; он весь светлосерый; зоб и брюшко белесоваты и покрыты мелкими темноватыми крапинками; спина и верхняя

сторона крыльев иссеро-сизая, даже как будто зеленоватая; глаза темные, нос светлорогового цвета. Этот дрозд довольно редок в Оренбургской губернии. 2) *Большой дрозд рябинник*, несколько поменьше серого дрозда; он очень любит клевать рябину, почему и назван рябинником; пестрины на нем довольно крупны; они лежат в виде продолговатых темнокоричневых пятен по серо-желтоватому полю; спина и верхние перышки на крыльях коричневые с темносизыми оттенками; глаза и клюв темного, почти черного цвета. Водится везде во множестве, особенно в Оренбургской губернии. 3) *Малый дрозд рябинник*, или *можжевельник*, совершенно похож перьями на большого рябинника, но вдвое его меньше и несравненно малочисленнее. Где растет можжевельник, там он предпочтительно держится в нем и питается можжевеловыми ягодами, почему и называют его можжевельником. В Оренбургской губернии зовут его *малый рябчик*. 4-я и 5-я породы — *черные дрозды*, величиною будут немного поменьше большого рябинника; они различаются между собою тем, что у одной породы перья темнее, почти черные, около глаз находятся желтые ободочки, и нос желто-розового цвета, а у другой породы перья темнокофейные, чистого цвета, нос беловатый к концу, и никаких ободочков около глаз нет; эта порода, кажется, несколько помельче первой [1]. Вообще у дроздов ножки темные, у черных совсем черные. 6) *Певчий дрозд* при первом взгляде очень похож перьями на серого дрозда, но вдвое его меньше и пятна имеет крупнее, круглее, почти черные, но редкие, отчего

---

[1] Тот же почтенный профессор, о котором я говорил на стр. 173, сделал мне следующие замечания: 1) что описанные мною черные дрозды, как две породы, есть не что иное, как самец и самка одной породы, и 2) что птица, описанная мною под именем *водяного дрозда*, не принадлежит к роду дроздов и называется *водяная оляпка*. Я не могу с уверенностию опровергать первого замечания, потому что не имел случая наблюдать вблизи жизнь черных дроздов, о чем мною и сказано: в Оренбургской губернии они не водятся. На замечание второе я могу только отвечать, что так думают охотники и народ. Вообще я должен сказать, что писал о том, что видел своими глазами, и называл птиц, как называют их народ и охотники, мои туземцы. Ученая классификация уже не мое дело.

и кажется издали серым; поет очень хорошо и передразнивает даже соловья. 7) *Водяной дрозд*, почти такой же величины, как певчий, или немного его поменьше, темнопепельного цвета; ножки очень черны; под горлом имеет белое пятно; он держится по маленьким речкам и ручьям и бегает по их бережкам; он нередко перебегает по дну речки с одного берега на другой, погружаясь в воду на аршин и более глубиною, даже ловит мелкую рыбешку; нос имеет прямой и жесткий, светлорогового цвета.

Шестая и седьмая породы дроздов мне мало знакомы. Певчих дроздов я видал в клетках, а водяных — только издали и потому описываю их со слов достоверного охотника.

Все дрозды имеют один склад, несколько похожий на сорочий, и все скачут, то есть прыгают обеими ногами вместе, вдруг. Этой *по́скочи* не имеет ни одна порода дичи, а потому, по народному понятию, дроздов не следует есть, как скачущих ворон, сорок, галок, воробьев и проч. Разумеется, добычливые деревенские охотники дроздов не стреляют не столько из уважения к народному предрассудку, сколько потому, что они мелки и не стоят заряда; около же больших городов, особенно около столиц, крестьяне стреляют дроздов очень много и еще более ловят и выгодно продают для роскошных столов богатых городских жителей.

Дрозд — живая, бодрая, веселая и в то же время певчая птичка. Большой рябинник с крупными продолговатыми пятнами и черный дрозд с желтыми ободочками около глаз считаются лучшими певцами после певчего дрозда. Про *черного* ничего не могу сказать утвердительно, но *рябинника* я держал долго в большой клетке; он пел довольно приятно и тихо, чего нельзя ожидать по его жесткому крику, похожему на какое-то трещанье, взвизгиванье и щекотанье. Каждому охотнику известны звуки, всего чаще издаваемые дроздами[1], которые я всегда слушал с особенным удовольствием, похожие на слоги *чок, чок, чок*. Ими нередко обличает себя дрозд, сидя в густых древесных ветвях и листьях или на вершине

[1] Так кричат дрозды серые, большие рябинники и обе породы черных.

высокого дерева. Большая же стая дроздов, рассевшись по деревьям, поднимает такое чоканье, что его услышишь издали. Я всего более знаком с породами большого и малого дрозда-рябинника и потому, говоря вообще, буду говорить собственно о них. Дрозды обеих этих пород появляются весною ранее почти всей дичи, обыкновенно в исходе марта. Я всегда находил их в кустах, около обтаявших кругом родников или теплых навозных куч. Некоторые охотники утверждают, что дрозды не улетают на зиму за море или в теплейший нашего климат, основываясь на том, что часто нахаживали их зимою, изредка даже в немалом количестве, около незамерзающих ключей, но это ничего не доказывает, кроме того, что они могут выносить нашу зиму: утки, без сомнения, отлетная птица, но по речкам, не замерзающим зимою, всегда можно найти кряковных и даже серых уток, которые на них зимуют. По моему мнению, это утки поздних выводок — отсталые, запоздавшие к отлету по каким-нибудь особенным обстоятельствам; точно такими же отсталыми могут быть и дрозды, находимые зимой около родников. Впрочем, я готов согласиться, что дрозды улетают куда-нибудь недалеко, потому что они улетают иногда очень поздно и нередко держатся даже по снегу. Что же касается до меня, то я никогда, нигде зимою дроздов не встречал. Как бы то ни было, дрозды появляются весною очень рано и сначала поодиночке, но вскоре огромные их стаи рассыпаются по мелкому лесу и по кошеным около него луговинам. Нельзя сказать, чтоб дрозды и с прилета были очень дики, но во множестве всякая птица сторожка, да и подъезжать или подкрадываться к ним, рассыпанным на большом пространстве, по мелкому голому лесу или также по голой еще земле, весьма неудобно: сейчас начнется такое чоканье, прыганье, взлетыванье и перелетыванье, что они сами пугают друг друга, и много их в эту пору никогда не убьешь [1], хотя с прилета и дорожишь ими. Это я говорю про больших дроздов рябинников; малые же появляются позднее и всегда в неболь-

---

[1] Мне сказывал один достоверный охотник, что ему случилось в одну весьма холодную зиму убить на родниках в одно поле восемнадцать дроздов рябинников, почти всех в лет, но это дело другое.

шом числе; они гораздо смирнее и предпочтительно сидят или попрыгивают в чаще кустов, у самых корней; их трудно было бы заметить, если б они сидели молча, но тихие звуки, похожие на слоги *цу-цу*, помогают охотнику разглядеть их.

Погостив с неделю повсеместно и в большом множестве во время весеннего валового пролета, дрозды вдруг пропадают, и во все лето уже редко встретишь их холостых. Они разбиваются на пары и устраивают свои гнезда на древесных сучьях в лесах и рощах, а около Москвы даже в заброшенных парках и садах; самка кладет четыре яйца, немного меньше голубиных, но продолговатой формы, зелено-пестрого цвета, и попеременно с самцом в три недели высиживают молодых, которых и отец и мать кормят постоянно, до совершенного возраста, только что начинающими наливать в то время зелеными ягодами, всякими семенами и насекомыми. От гнезд с яйцами, особенно от детей, старые дрозды бывают еще смирнее, или, вернее сказать, смелее, и если не налетают на охотника, то по крайней мере не улетают прочь, а только перепархивают с сучка на сучок, с дерева на дерево, немилосердо треща и чокая и стараясь отвести человека в другую сторону. Вывод дроздят бывает довольно рано, в первой половине июня, но они долго остаются в гнезде и на сучьях выводного дерева, пока не начнут летать, как старые; потом некоторое время держатся весьма скрытно в частых и мелких лесных порослях; потом начинают небольшими станичками летать на ягоды, а потом уже к осени сваливаются в большие станицы. Ягоды всех родов — любимая пища дроздов, для чего они охотно и постоянно посещают ягодные сады, и если последние оберегаются в день сторожами, то они производят свои опустошительные налеты очень рано по утрам, даже до восхождения солнца. В привольных оренбургских лесах, особенно в обширных речных уремах, самую лакомую и питательную пищу доставляют дроздам черемуха, рябина и калина; две последние ягоды после морозов становятся слаще, и дрозды жадно лакомятся ими до самой зимы. Чем более они употребляют в пищу ягод, тем сами становятся вкуснее и бывают очень жирны. Стрелять их должно рябчиковою дробью, потому

что они, относительно к своей величине, довольно крепки к ружью. Охота за дроздами, предпочтительно рябинниками, производится весной и осенью. Пожалуй, можно бить их летом от детей, но они в то время очень худы. Весенняя стрельба слишком кратковременна, но осенняя продолжается иногда очень долго. Собаки тут не нужно. Вообще дрозды не дики, но они беспрестанно перелетывают с сучка на сучок, с дерева на дерево и всегда сидят так, что их не вдруг разглядишь в чаще ветвей и листьев. По большей части стреляют их с подхода, сидячих или прыгающих. Было бы ловчее бить их в лет, но в лесу всегда мешают деревья.

В Оренбургской губернии ловят дроздов на пучки спелой рябины или калины, далеко краснеющиеся, особенно на яркой белизне первых снегов; дрозды попадают в силья, которыми опутывают со всех сторон повешенные на дерево ягодные кисти; их даже кроют лучками из сетки, приманивая на приваду тою же рябиной или калиной.

Около Москвы много черных дроздов обеих пород; они исключительно водятся там, где растет красный лес, и особенно любят ельник; они еще смелее и хищнее к истреблению ягод, чем дрозды — большие рябинники. Мне не случалось находить гнезд черных дроздов, и я никогда не замечал, чтобы они соединялись в стаи, хотя врассыпную их бывает очень много. Они преимущественно держатся в мелком еловом лесу, по большей части садятся на нижние ветви или прыгают по земле, точно как малые рябинники. Стрелять их очень легко, но разглядывать на елях трудно.

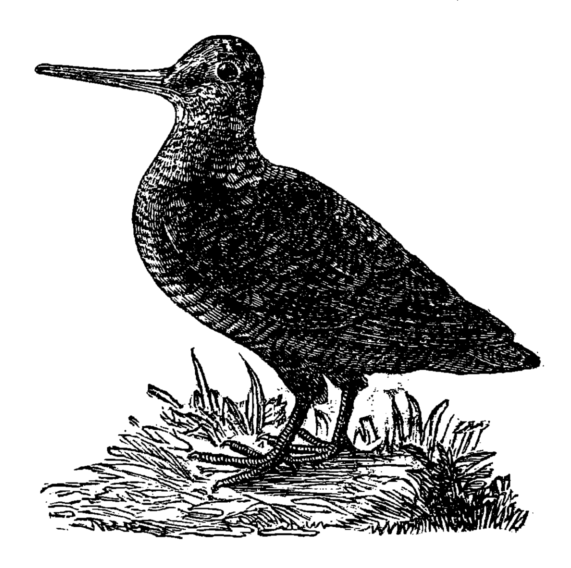
Серых больших дроздов я убил только трех в Оренбургской губернии. Они находились в стае обыкновенных больших рябинников и даже издали казались крупнее телом и гораздо светлее пером. Около Москвы я не встречал серых дроздов и ничего более о них не знаю.

Жирный дрозд считается лакомым куском. Он славился своим изящным вкусом еще в древнем Риме, на пирах Лукулла, который плачивал баснословную цену за серых дроздов. Дрозд один из всей дичи пользуется знаменитою привилегиею бекасов, то есть его жарят в кастрюле не потрошенным. За что он удостоивается этой

чести — совершенно не знаю. Не за славу ли предков? Но во всяком случае этот способ приготовления очень хорош, и я уже советовал поступать таким образом со всеми породами дичи. По моему мнению, жирный дрозд очень вкусен, но не лучше всякой другой жирной дичи. Впрочем, нет никакого сомнения, что дрозды, питающиеся исключительно одними ягодами, плодами или виноградом, как то бывает в теплых странах, должны иметь превосходнейший вкус.

7. ВАЛЬДШНЕП, ЛЕСНОЙ КУЛИК, СЛУКА

По достоинству своему это — первая дичь, но так как она, хотя, по месту жительства, принадлежит к отделу лесной дичи, но в то же время совершенно разнится с ней

во всем: в устройстве своих членов, чисто куличьем, в пище и нравах — то я решился говорить о вальдшнепе после всех пород лесной дичи.

Об иностранном и русских именах вальдшнепа я уже говорил довольно. Должно заметить, что по-польски

и на юге России его называют *слонка,* или *сломка,* и что это название, вероятно, имеет одно происхождение с именем *слука.*

Как-то странно, что вальдшнеп с своими длинными ногами и носом, одним словом что кулик живет в лесу и нередко в лесной чаще. Устройство членов его требует простора, и с понятием о кулике соединяется болото или по крайней мере берега рек, прудов и озер. Конечно, кроншнеп живет же в степи, но зато там хотя сухо да просторно, и притом он, в известные времена года, бывает постоянным посетителем мокрых и мягких берегов всяких вод. Казалось бы, вальдшнепу неловко бегать и особенно летать в лесу; он, кажется, должен цепляться за сучья и ветви длинным носом и ногами, но на деле выходит не то: он так проворно шныряет по земле и по воздуху в густом, высоком и мелком лесу, что это даже изумительно.

Вальдшнеп, беспрекословно, превосходнейшая, первая дичь во всех отношениях; он даже первенствует в благородном семействе бекасов, к которому принадлежит по отличному вкусу своего мяса, по сходству с ним в пестроте перьев, красоте больших черных глаз, быстроте и увертливости полета, по способу добыванья пищи и даже по трудности стрельбы. Вальдшнеп, несмотря на длинные ноги, шею и нос, телом кругл и мясист, величиною будет с крупного русского голубя. Складом членов особенно сходен с дупельшнепом, да и самые перья, кроме красноватого или коричневого цвета, своими пестринами несколько похожи на дупелиные. Вальдшнеп очень красив. Все пятна, или пестрины, его перьев состоят из смешения темных, красноватых, серо-пепельных оттенков, неуловимых для описания, как и у других бекасиных пород. На голове у вальдшнепа сверху лежат четыре поперечные полоски, или растянутые пятна темного цвета; красноты больше на спине и верхней стороне крыльев, а нижняя, зоб и брюхо — светлее и покрыты правильными поперечными серо-пепельными полосками; хвост коротенький, исподние его перья подлиннее верхних, очень темны, даже черны, и каждое оканчивается с изнанки белым пятнышком, а сверху красно-серым; верхние же хвостовые перышки помельче, покороче и светлокоричневые; нос в

длину вершок с четвертью: ноги для кулика такой величины коротки; цвет носа и ног светлороговой.

Первое одиночное появление вальдшнепов весною иногда бывает очень рано, так что и проталин нигде нет. Непостижимо, где они могут держаться и чем питаться в это время? Вероятно, около каких-нибудь не замерзших зимою и еще более оттаявших с приближением весны родниковых озерков и ключей. Не один раз случалось мне поднять и убить вальдшнепа посреди глубоких, еще не тронувшихся снегов: это бывало даже в исходе марта. Замечательно, что все ранние вальдшнепы бывают довольно жирны. Потом, с наступлением теплой погоды и дружной весны (почти всегда около 12 апреля в Оренбургской губернии), начинается валовой пролет вальдшнепов. Высыпки их бывают иногда чрезвычайно многочисленны, большею частию по лесным опушкам, по порубам, по мелкому лесу и по кустарникам, а около Москвы по плодовитым и ягодным садам. Охотнику надобно пользоваться этими высыпками, потому что пролетные вальдшнепы редко остаются одни и те же более трех суток на одном месте. Пролетающих или прилетающих вальдшнепов стаями никто никогда не видал: без сомнения, они летят ночью. В неделю пролет и высыпки кончатся; жилые, туземные вальдшнепы займут свои леса, и сейчас начинается тяга, или *цуг*. Я уже объяснял значение этих слов и впоследствии, говоря о стрельбе вальдшнепов, займусь подробнее этою особенностью их нравов. В половине мая вальдшнепы садятся на гнезда, а в половине июня выводятся молодые. Гнездо свивается в большом и крупном лесу, на земле, из старой сухой травы и перышек. Самка кладет четыре яйца, немного побольше голубиных, продолговатой куличьей формы, испещренные коричневыми крапинками. Не могу ничего утвердительного сказать — разбиваются ли вальдшнепы на пары, и разделяет ли самец с самкою заботы в устройстве гнезда и высиживании яиц. Некоторые охотники уверяли меня, что при выводках молодых всегда бывают и самец и самка, но мне не случалось убедиться в этом собственным опытом. Точно так же ничего не знаю о подробностях и, может быть, особенностях их совокупления.

Хотя я сказал утвердительно в первом издании этой книги, что тяга вальдшнепов не ток, но некоторыми охотниками были сделаны мне возражения, которые я признаю столь основательными, что не могу остаться при прежнем моем мнении. Вот наблюдения, сообщенные мне достоверными охотниками: 1) летающие вальдшнепы, всегда самцы (как и мною замечено было), иногда внезапно опускаются на землю, услышав голос самки, которому добычливые стрелки искусно подражают, и вальдшнепы налетают на них очень близко; 2) если стоящий на тяге охотник, увидя приближающегося вальдшнепа, бросит вверх шапку, фуражку или свернутый комом платок, то вальдшнеп опустится на то место, где упадет брошенная вещь; 3) там, где вальдшнепы детей не выводят, хотя с весны держатся долго и во множестве, тяги не бывает. Основываясь на таких убедительных доказательствах, с достоверностью можно заключить, что тяга — ток вальдшнепов: самцы летают по лесу и криком своим зовут самок; последние откликаются, самцы отыскивают их по голосу и совокупляются с ними. Итак, приняв тягу за ток, уже нельзя сомневаться, что самки одни выводят детей. Что же касается до того, что вальдшнепы на тягах ловят мошек и мелких крылатых насекомых, толкущихся или порхающих около древесных вершин, — в чем иные охотники сомневаются, — то это обстоятельство не подлежит сомнению. Я нарочно и много раз разрезывал зобы сейчас застреленных на тяге вальдшнепов и всегда находил только что проглоченных мошек, больших комаров, сумеречных бабочек и летающих жукалок. Впрочем, ничто не мешает летающим на токах вальдшнепам ловить попадающихся им насекомых.

Как скоро молодые вальдшнепята подрастут, матка выводит их из крупного леса в мелкий, но предпочтительно частый; там остаются они до совершенного возраста, даже до осени, в начале которой перемещаются, смотря по местности, или в опушки больших лесов, около которых лежат озимые поля, — ибо корешки ржаных всходов составляют любимую их пищу, — или сваливаются прямо из мелких лесов в болотистые уремы и потные места, заросшие кустами, особенно к родникам, паточинам, где остаются иногда очень долго, потому что

около родников грязь и земля долго не замерзают. В это время вальдшнепы охотно и смело приближаются к человеческим жилищам, к мельничным прудам и плотинам, особенно к коноплянникам и огородам; днем скрываются в густых садах, парках, рощах, ольховых и таловых кустах, растущих почти всегда около прудов, плотин и речек, а ночью летают в огороды и капустники, где ловко им в мягкой, рыхлой земле доставать себе пищу. Они любят также посещать те места, где днем бродил или стоял рогатый скот. Они охотно клюют свежий коровий помет, состоящий из пережеванных трав и мелких червячков, которые в нем сейчас заводятся. В лесных местах, где много водится вальдшнепов, не найдешь вчерашнего помета, который не был бы истыкан их носами, но старый, крепко загустевший сверху, остается неприкосновенным [1]. Пища вальдшнепов, как и других бекасиных пород, предпочтительно состоит из корешков разных лесных и болотных трав, которые они мастерски достают своими длинными и довольно крепкими носами, а также из разных насекомых. Я уже сказал, что с прилета вальдшнепы бывают довольно сыты, но потом скоро худеют, и до самой осени мясо их становится сухим, черствым и теряет свое высокое достоинство; зато чем позднее осень, тем жирнее становятся вальдшнепы и, наконец, совсем заплывают салом. Впрочем, это бывает не каждый год: по большей части они пропадают, не успев разжиреть хорошенько. Мне особенно памятен в этом отношении 1822 год. Осень стояла долгая, сначала очень ясная и холодная, а потом теплая и мокрая; все вальдшнепы, без исключения, свалились в мелкие кусты, растущие по сырым и потным местам, держались там до 8 ноября и разжирели до невероятности! Бросяя все другие охоты, я неутомимо, ежедневно ходил за вальдшнепами: 6 ноября я убил восемь, 7-го двенадцать, а в ночь на 8-е выпал снег в четверть глубиною и хватил мороз в пятнадцать градусов. Предполагая, что не могли же все вальдшнепы улететь в одну ночь, я бросился с хорошею собакою обыскивать все родники и ключи, которые не замерзли и не

---

[1] Некоторые охотники утверждают, что вальдшнепы не едят коровьего помета, а только ищут в нем червячков.

были занесены снегом и где накануне я оставил довольно вальдшнепов; но, бродя целый день, я не нашел ни одного; только подходя уже к дому, в корнях непроходимых кустов, около родникового болотца, подняла моя неутомимая собака вальдшнепа, которого я и убил: он оказался хворым и до последней крайности исхудалым и, вероятно, на другой бы день замерз. Двадцать вальдшнепов, облитые салом, застреленные 6-го и 7 ноября и висевшие в анбаре, замерзли как камень. С этого времени началась жестокая зима, и я до самого великого поста лакомился от времени до времени совершенно свежими вальдшнепами, что, конечно, может считаться большою редкостью. Осеннее разжирение этой драгоценной дичи, при оскудевающем ежедневно корме, всегда меня удивляло, но не объясняется ли оно тем, что корешки трав делаются в это время особенно питательными, потому что соки растений устремляются в корень? По большей части вальдшнепы пропадают около половины октября. Весенний и осенний пролеты их, сопровождающиеся высыпками, бывают весьма различны: иногда чрезвычайно многочисленны и продолжаются осенью около двух недель, иногда так скудны, что в целый день не отыщешь и двух пар. Случается и то, что вдруг везде появится множество вальдшнепов, и в одни сутки все пропадут; последнее обстоятельство считается верным признаком скорого наступления постоянной зимы, что и справедливо, но временное выпадение даже большого снега, не сопровождаемое морозом, вальдшнепы выдерживают без вреда и часто не только дождутся времени, когда снег растает, но и после него остаются долго. Не один раз случалось мне видеть в осеннюю, теплую, печатную, как говорится, порошу весь снег по мелкому лесу и кустам испещренный узорами вальдшнеповых следов; подобное тому бывает и весной при внезапных выпадениях снега, какие случаются иногда даже в первых числах мая.

Стрельба вальдшнепов начинается с самого их прилета. Покуда появляются они в розницу, в одиночку — стрельба незначительна и случайна. Вдруг поднимешь вальдшнепа там, где и не думал его найти, и, наоборот, в самых лучших *угодных* местах — нет ни одного. В это время вальдшнеп — неожиданный и, конечно, драгоцен-

ный подарок, но собственно за вальдшнепами охоты нет. Когда же начнется настоящий валовой пролет и окажутся высыпки вальдшнепов, стрельба их получает особенную важность и самый высокий интерес для настоящих охотников, тем более что продолжается очень недолго и что в это раннее время, после шестимесячного покоя, еще не насытилась охотничья жадность; не говорю уже о том, что вальдшнепы — дичь сама по себе первоклассная и что никогда никакой охотник не бывает к ней равнодушен. Весною, как скоро поднимешь в одном месте двух-трех вальдшнепов — наверно можно сказать, что тут высыпка, что тут их много. Разумеется, оставя всякую другую пролетную дичь, истинный охотник бросится за вальдшнепами, и добрая легавая собака, не горячая, преимущественно вежливая, будет очень ему полезна. Хотя на весенних высыпках вальдшнепы не так близко подпускают собаку и стойки может она делать только издали, но при всем том беспрестанно случается, что дальние вальдшнепы поднимаются, а ближайшие, плотно притаясь, сидят так крепко, что без собаки пройдешь мимо их; выстрелишь в поднявшегося далеко, а сзади или сбоку поднимаются вальдшнепы в нескольких шагах. Собака с долгим чутьем, не гоняющаяся за взлетающей дичью, много поправит неудобства этой стрельбы: она сейчас потянет и тем издали укажет, где сидит вальдшнеп; охотник не пройдет мимо и поставит себя в такое положение, чтоб кусты и мелкий лес не помешали выстрелам. Высыпки бывают иногда так многочисленны, что даже опытный и хладнокровный охотник смутится и растеряется, а молодой, горячий просто с ума сойдет, и если к этому присоединится собака, которая гоняется за птицей, то в несколько минут распугается и разлетится бог знает куда сотенная высыпка. Когда случится нечаянно наткнуться на высыпку, вальдшнепы вдруг начнут вскакивать, производя довольно сильный шум крыльями и мелькая во всех направлениях: впереди, с боков и даже сзади. Если они еще не напуганы выстрелами, то, описав небольшую дугу, равную вышине дерев или кустов, сейчас садятся. За непременное правило должно взять: не бегать к тем вальдшнепам, которые пересели в глазах охотника и которых он сначала даже видит бегущих или

стоящих неподвижно. Надобно подвигаться вперед тихим, ровным шагом, осматривая или заставляя собаку обыскивать все места направо и налево, стараясь держаться так, чтоб деревья и кусты, где всегда происходит эта стрельба, сколько можно менее мешали выстрелам. Это правило очень важно: пересевшие вальдшнепы в первые минуты так сторожки, что не подпустят охотника в меру, а бегая к ним понапрасну, он будет оставлять вальдшнепов позади и по сторонам — вальдшнепов, которые сидели крепко и близко около него. Если нужда заставляет охотиться с собакой, которая гоняется, то как скоро она найдет высыпку, надобно сейчас привязать собаку, потому что гораздо больше убьешь без нее, особенно если несколько человек с ружьями или без ружей будут идти около охотника не в дальнем расстоянии друг от друга, равняясь в одну линию. Надобно осматривать внимательно каждый отдельный куст, каждую рытвинку, каждое крепкое местечко, всегда заранее становясь в выгодное положение. Только таким образом производимая охота может быть успешна и добычлива во время весенних высыпок. Все затруднения исчезают, если стрельба производится в мелком, частом кустарнике или лесных поростях, вышиною в полчеловека, не заслоняющих взлетающей птицы от глаз охотника и от ружейного дула. Обширные ягодные сады около Москвы, состоящие из малинника, крыжовника, смородинных и барбарисовых кустов, представляют самое богатое и выгодное место для стрельбы вальдшнепов во время весенних и осенних высыпок, которые, как я слыхал, бывают иногда баснословно многочисленны. В этом случае всего лучше нескольким охотникам идти рядом, растянувшись в какую угодно линию; даже без собак (если идти потеснее) охота будет добычливая, но с вежливыми собаками она будет еще успешнее и веселее. Вальдшнеп не крепок к ружью, и как довольно редко случается стрелять его далеко, а по большей части близко, но зато в ветвях и сучьях, то крупнее рябчиковой дроби употреблять не нужно: даже 8-го нумера весьма достаточно, а иногда и 9-го. Стрелять вальдшнепов и легко и трудно: на чистых местах он летит прямо и плавно, а в лесу и кустах вертится и ныряет между сучьями очень проворно; без преувеличения можно

сказать, что он иногда мелькает как молния, а потому стрельба в лесу, довольно высоком и частом, требует чрезвычайного проворства и ловкости. Надобно бить вальдшнепа на подъеме, когда он выбирается кверху и покуда частая сеть ветвей его не совсем закрыла, или, если он летит диагонально, косвенно, надо ловить те мгновения, когда он вымелькнет на сколько-нибудь чистое место. Это уж не то, что в поле или голом болоте, где можно выпускать в меру, тянуть и прицеливаться в птицу на просторе: вальдшнепа, мелькающего в лесу, надобно так же быстро стрелять, как ныряющего на воде гоголя. Много бывает промахов по вальдшнепам, но зато нигде не бывает таких непостижимо удачных выстрелов, как в охоте за ними. Часто случалось мне не верить своим глазам, когда, после отчаянного выстрела, пущенного просто в куст или в чащу древесных ветвей по тому направлению, по какому юркнул вальдшнеп, вдруг собака выносила мне из кустов убитого вальдшнепа. Как частые сучья, правда без листьев, за которыми не видно птицы, не мешают иногда дроби попасть в нее — не понимаю и теперь!..

Как скоро весной *слетят* высыпки, начинается стрельба вальдшнепов на тяге, которая происходит всегда в лесу, через поляны, просеки и лесные дороги. Высота полета зависит от вышины леса: вальдшнепы всегда летят над самыми верхушками дерев. Весною тяга начинается на закате солнца и продолжается до совершенной темноты или, справедливее сказать, во всю ночь и даже поутру до солнечного восхода, в чем я имел случай не один раз убедиться. Чем более весна переходит в лето, тем позднее по вечерам начинают тянуть вальдшнепы, так что в начале июля тяга начинается тогда, когда уже совсем стемнеет и стрелять нельзя. Вальдшнепы сопровождают свой полет особенного рода криком, или голосом: он похож на какое-то хрюканье или хрипенье и слышен задолго до появления вальдшнепа, что очень помогает стрельбе, ибо без этого предварительного звука охотник, особенно стоя в узком месте, не заметит большей части пролетающих вальдшнепов, а когда и заметит, то не успеет поднять ружья и прицелиться. Этот крик разделяется, так сказать, на две ноты или на два колена: первое состоит из хриплых,

коротких звуков, повторяющихся раза три, а второе — из несколько продолженного звука, похожего на слог *ису*. Во всякое другое время, кроме тяги, вальдшнепы не издают никакого голоса. В тех местах, где их водится много и где места для стоек удобны, стрельба на тяге довольно весела, особенно целым обществом охотников. Только в этом случае можно допустить, что чем больше стрелков, тем лучше: расставленные по своим местам, они друг другу не мешают, а помогают, потому что, испуганный выстрелом одного охотника, вальдшнеп налетит на другого, а от другого на третьего и так далее, и кто-нибудь да убьет его. Если общество велико и вальдшнепов много, то выстрелы раздаются беспрестанно, как беглый ружейный огонь; иногда лесное эхо звучно повторяет их в тонком прохладном весеннем воздухе, раскатывая отголоски по лесным оврагам; с изумлением останавливается проезжий или прохожий, удивляясь такой частой и горячей стрельбе, похожей на перестрелку с неприятелем в передовой цепи. Ночная темнота прекращает стрельбу. Сходятся охотники; с напряженным вниманием устремляются глаза каждого на ягташи своих товарищей, стараясь разглядеть в темноте: много ли добычи у других? Громко и весело рассказывает про свою удачу один, с досадою — про свои неудачи другой. Впрочем, эта охота никогда не бывает очень добычлива относительно к числу охотников и нейдет в сравнение со стрельбою на высыпках даже весенних, а об осенних и говорить нечего: самому счастливому охотнику редко удастся убить на тяге более двух пар, а некоторым не достанется ни одной штуки. Очевидно, что в одиночку такая охота не заманчива, хотя очень спокойна: можно курить, сидеть, прохаживаться, даже лежать, если угодно, но она уже слишком недобычлива и даже может быть скучновата, потому что иногда лет вальдшнепов располагается весьма неудачно: во всех направлениях слышны их голоса, а именно на то место, где стоит охотник, не налетит в меру ни один, и, простояв часа три, охотник принужден будет воротиться домой, не разрядив даже ружья. — Но я любил изредка стоять на тяге и один, выбирая для этого ясные и тихие майские вечера. В погоду сумрачную и ветреную вальдшнепов не разглядишь и не расслышишь, да они мало

и тянут. Теплый, весенний или почти летний вечер в исходе мая именно в чернолесье имеет невыразимую прелесть: деревья и кусты только что распустились, особенно липа и дуб, которые распускаются поздно; по захождении солнца весь воздух напояется тонким благовонием молодых листьев, заглушаемым иногда густым потоком запаха цветущей черемухи. Всякая птица, от соловья до голубенького крошечного бесочка, горячо и торопливо поет свои вечерние песни, умолкая постепенно вместе с темнеющими сумерками, которые в лесу ложатся ранее и быстрее. Наконец, все утихнет, наступит совершенная тишина: слышны не только прыжки зайца, но даже шелест маленьких зверьков. Невольно задумаешься иногда и вздрогнешь, услыхав хриплый голос вальдшнепа, который, с приближением его, становится час от часу явственнее... исчезли и распускающийся лес, и чудный вечер, и вся природа!.. С каким волнением, бывало, ждешь появления вальдшнепа из-за вершин дерев и как обрадуешься удачному выстрелу!

С наступлением настоящего лета прекращается стрельба вальдшнепов до осени. Молодых вальдшнепят отыскивать в лесу трудно, да и бить такую славную дичь, не достигшую полного возраста, как-то жалко, а потому этого рода охотой никто не занимается, но в исходе августа молодые выровняются и начнут попадаться в мелком лесу или в опушках большого: обо всем этом было говорено уже довольно. Около 6 сентября, а иногда и позднее, начинается настоящая осенняя охота за вальдшнепами. Тут добрая легавая собака делается главным действующим лицом: без ее помощи эта стрельба невозможна. Вальдшнепы сидят крепко и плотно таятся в корнях дерев и кустов, в частых, мелких поростях, в крупной, высокой траве и очень любят лесные сырые опушки около озимей и небольшие овражки с рытвинами и водоеминами, густо поросшие таловыми кустами и молодыми ольхами, особенно если по овражку бежит речка или ручеек, а по берегам есть родниковые паточинки. Последняя местность всего удобнее для двух охотников: они пойдут по обеим сторонам овражка, собака отправится в кусты, а вальдшнепы будут вылетать направо и налево; по лесным же опушкам лучше ходить одному, разумеется с собакой. Если таких удобных мест много, то охота бывает

чудесная и чрезвычайно добычливая. Это все я говорю о тех вальдшнепах, которые вывелись в соседних лесах и свалились из них в мелкие кусты и болотистые уремы; но независимо от них еще задолго до отлета вальдшнепов, так сказать, туземных начинаются осенние высыпки вальдшнепов пролетных, предпочтительно по мелким лесам и кустам; эти высыпки в иные года бывают необыкновенно многочисленны, а иногда совсем незаметны. Вот на этих-то осенних высыпках происходит самая горячая и многодобычливая охота. Жаль только, что высыпки по большей части весьма кратковременны и что нередко, постреляв вдоволь один день, на другой на том же месте не найдешь ни одного вальдшнепа. К тому же пролетные вальдшнепы выбирают каждый год *разные* места для высыпок, а не одни и те же: вероятно, это делается случайно. В иной год потому и нет пролетных вальдшнепов, что не нападешь во-время на их высыпки. Никак не умею объяснить, отчего вслед за пролетевшими сейчас же не улетают туземные вальдшнепы, а, напротив, держатся иногда после них очень долго?

Иногда осенняя охота за вальдшнепами получает особенный характер. Хотя они постоянно держатся в это время в частых лесных опушках и кустах уремы, кроме исключительных и почти всегда ночных походов или отлетов для добыванья корма, но в одном только случае вальдшнепы выходят в чистые места: это в осеннее ненастье, когда кругом обложится небо серыми, низкими облаками, когда мелкий, неприметный дождь сеет, как ситом, и день и ночь; когда все отдаленные предметы кажутся в тумане и все как будто светает или смеркается; когда начнется *капель*, то есть когда крупные водяные капли мерно, звонко и часто начнут падать с обвисших и потемневших древесных ветвей. Эти-то капли, которых падения не любит и боится всякая птица и зверь, выгоняют вальдшнепов не только из леса, но даже из лесных опушек и кустов. В самом деле, однообразное, неумолкаемое падение капель в лесу имеет в себе что-то печальное и пугающее. Сколько раз случалось мне вслушиваться в этот странный шум, невольно задумываться и вздрагивать, когда крупная капля холодно и больно попадала мне

в лицо... Итак, кроме пугающего шума, капе́ль внешним образом беспокоит птицу и заставляет ее беспрестанно переходить с места на место. Зато какая чудесная выходит стрельба вальдшнепов, когда они выбегут в чистые луговины около леса или болотистые места около уремы. Впрочем, под словом *чистые* не должно разуметь таких гладких мест, на которых негде было бы спрятаться и притаиться. Вальдшнеп не маленькая птичка; ему нужны кочки, некошеная крупная трава, межи, обросшие бобовником и чилизником, или глубокие борозды рослых озимей, где бы можно было укрыться, и все это в самом близком расстоянии от леса или кустов. Как скоро, хотя на время, уймется дождь и перемежится капе́ль, вальдшнепы перемещаются в лес, от которого отдаляются редко далее нескольких сажен и куда сейчас возвращаются, несмотря на дождь и капе́ль, если будут спуганы. В это время вальдшнепы очень смирны, сидят крепко, подпускают охотника близко и долго выдерживают стойку собаки: очевидно, что тут бить их весьма нетрудно, особенно потому, что вальдшнепы в мокрую погоду, сами мокрые от дождя, на открытом месте летают тихо, как вороны: только очень плохой или слишком горячий охотник станет давать в них промахи. Можно подумать, что такая простая, легкая стрельба не доставит удовольствия настоящему, опытному и, разумеется, искусному стрелку, но такая охота редка, кратковременна, вообще малодобычлива, имеет особенный характер, и притом вальдшнеп такая завидная, дорогая добыча, что никогда не теряет своего высокого достоинства. В этой охоте еще приятно то, что можно видеть хорошую собаку во всей ее красоте и вполне ею любоваться. В лесу, кустах, в камыше, высокой траве и осоке охотник почти не видит собаки, но здесь она вся на виду. Вальдшнеп издает сильный запах, и все собаки очень горячо по нем ищут. Только истинные охотники могут оценить всю прелесть этой картины, когда собака, беспрестанно останавливаясь, подойдет, наконец, вплоть к самому вальдшнепу, поднимет ногу и, дрожа, как в лихорадке, устремив страстные, очарованные, как будто позеленевшие глаза на то место, где сидит птица, станет иссеченным из камня истуканом, *умрет на месте*, как выражаются охотники.

8. ЗАЙЦЫ

К числу дичи, как я уже сказал, принадлежат не одни птицы, но и звери, как-то: медведи, олени, кабаны, дикие козы и зайцы. Мне хорошо известны только зайцы, и о них-то я намерен поговорить теперь.

В Оренбургской губернии, да, кажется, и во всех других, зайцы водятся трех пород: русаки, беляки и тумаки. Я не причисляю к дичи земляного зайчика, или *тушканчика*, которого в пищу не употребляют. Имя русака происходит, вероятно, не от того, что он живет на Руси, а разве от того, что и зимою хребет спины остается у него серый, как будто русый. Беляк, очевидно, назван по совершенной белизне своей шерсти в зимнее время. Тумак, происходя от совокупления русака с беляком, получил имя, обличающее его происхождение: слово *тумак* значит помесь. Обыкновенное местопребывание русака и тумака — степь или безлесные горы, беляка — лес. Но всегда есть исключения: иногда и в степи попадаются беляки, иногда и в лесных местах, как, например, около Москвы, водятся русаки, только они почти никогда не ложатся на дневку в большом лесу, а всегда на открытых местах или в мелком кустарнике; старый русак, матерой, как говорят охотники, всегда крупнее и жирнее беляка одного с ним возраста и в то же время как-то складнее: уши у русака острее; лапки его, особенно передние, поменьше и поютнее, и потому русачий *малик* (след) отличается с первого взгляда от белячьего. Всем известно, что русак бежит несравненно резвее беляка, кроме весьма редких исключений, но лихой тумак бывает резвее самого резвого русака. Летом русак так же сер, как и беляк, и не вдруг различишь их, потому что летний русак отличается от летнего беляка только черным хвостиком, который у него несколько подлиннее, черною верхушкою ушей, большею рыжеватостью шерсти на груди и боках; но зимой они не похожи друг на друга: беляк весь бел как снег, а у русака, особенно старого, грудь и брюхо несколько бледно-желтоваты, по спине лежит довольно широкий, весьма красивый пестрый ремень из темных желтоватых и красноватых крапинок, в небольших завитках, или, точнее сказать, вихрях, похожий на крымскую крупную

мерлушку. Тумак сохраняет все отличия русака от беляка, только в слабом виде: желтина на груди и брюхе едва заметна, ремень на спине узок, без завитков, и цвет его не ярок, не пестр, а сизовато-сер. Зайцы необыкновенно *плодущи*, по простонародному и охотничьему выражению, смысл которого непосредственно относится к белякам; порода русаков несравненно малочисленнее, а тумаки даже редки. *Течка* беляков [1] начинается с января, а в исходе марта, еще по снегу, зайчиха уже мечет самых ранних, первых зайчат, которые и называются *настовики*; в исходе июня — вторых, называемых *летниками* и *травниками* [2], а в исходе сентября — третьих, носящих имя *листопадников:* так по крайней мере говорят деревенские охотники. Я, с своей стороны, ничего не могу сказать против этого мнения. Могу только с достоверностью подтвердить, что крошечные зайчата попадались мне во все *три* вышесказанные срока, но мечет ли одна и та же зайчиха три раза в год — не знаю. Судя по скорому, иногда в один год совершающемуся, изумительному размножению зайцев, такое мнение допустить можно. Зайчиха, как говорят, *ходит сукотна* девять недель, зайчат мечет до девяти, говорят также, что они родятся слепые и до двенадцати дней сосут мать. Господа ученые натуралисты думают, что зайчиха ходит сукотна *четыре* недели, зайчат мечет от трех до шести и кормит их своим молоком *одну* неделю. Кто прав — не знаю, но в четырехнедельном сроке сукотности зайчих очень сомневаюсь. Это время слишком коротко. Заяц — первый год от рождения — называется *прибылой*, а во все последующие года — *матерой*.

Наружность зайца известна всем, но он имеет в себе замечательную особенность: это устройство его задних ног, которые гораздо длиннее, толще, сильнее передних и снабжены необыкновенно эластическими, крепкими,

---

[1] Время их совокупления.

[2] Есть еще заячий помет, который в губерниях поюжнее называется *снытники*, то есть зайчата, родящиеся тогда, когда поспеет трава сныть, вероятно в апреле месяце. Вообще можно с достоверностью предположить, что зайчихи мечут с исхода марта до исхода сентября; странно, что зайцы самого позднего помета называются у охотников *ярышами*.

сухими жилами. Отсюда происходит диковинная легкость прыжков, иногда имеющих в длину до трех аршин[1], и вообще чудная резвость заячьего бега. Присев на задние ноги, то есть сложив их на сгибе, упершись в какое-нибудь твердое основание, заяц имеет способность с такою быстротою и силою разогнуть их, что буквально бросает на воздух все свое тело; едва обопрется он о землю передними лапками, как уже задние, далеко перепрыгнув за передние, дают опять такой же толчок, и бег зайца кажется одною линией, вытянутою в воздухе. Без сомнения, быстроте прыжков много способствует крепость спинного хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бежать под гору и, наоборот, очень ловко — на гору или в гору. Первого он всегда избегает; но, вынужденный иногда к тому преследованьем врагов, преимущественно борзых собак, он нередко скатывается кубарем с вершины до самой подошвы горы. Заяц не ходит, а только прыгает, он даже не может стоять вдруг на всех четырех ногах; как скоро он останавливается на своем бегу, то сейчас присядет на задние ноги, так они длинны. Он особенный мастер вдруг сесть на всем бегу, и охотники говорят, что заяц *са̀док*. Надобно еще заметить, что шея у зайца не повертывается, и он не может оглянуться назад; услыхав какой-нибудь шум сзади или сбоку, он опирается на задние ноги, перекидывает всего себя в ту сторону, откуда послышался шум, садится на корточки, как сурок, и насторожит свои длинные уши. Зайцы положительно травоядные животные, хотя имеют очень острые зубы, которыми больно кусаются, если возьмут их в руки неловко: живого зайца должно всегда держать за уши и задние ноги. Когда есть трава, зайцы питаются ею, также древесными листьями, всякими хлебными посевами и особенно любят озимь. Зимою гложут они древесную кору, предпочтительно молодых осин и таловых кустов, а в степях — всякую травяную ветошь, разгребая для того своими лапками довольно большие снежные сугробы. Плодовитые са̀ды мо-

---

[1] Трехаршинную меру заячьих прыжков можно найти на всяком взбудном следе, но один известный охотник (А. С. Хомяков) сказывал мне, что русак на бегу перепрыгивает глубокие рытвины или расселины до семи аршин шириною.

гут жестоко пострадать от зайцев в продолжение зимы, если не будут взяты известные предохранительные меры. Заяц имеет особенный, жалобный крик, похожий на плач младенца. Он испускает его, будучи ранен и попав в когти, зубы или руки врага. На течках же зайцы кричат особенным образом, и, подражая этому крику, манят их охотники.

Заяц — самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всех торопливых его движениях и утверждена русскою пословицею: *труслив, как заяц*. Мне самому случалось видеть, как он дрожит, сидя в своем логове, слыша какой-нибудь приближающийся шум и готовясь вскочить каждую минуту. Он по справедливости боится и зверя и птицы, и только ночью или по утренним и вечерним зарям выходит из своего дневного убежища, *встает с логова*; ночь для него совершенно заменяет день; в продолжение ее он бегает, ест и *жирует*, то есть резвится, и вообще исполняет все требования природы; с рассветом он выбирает укромное местечко, ложится и с открытыми глазами, по особенному устройству своих коротких век, чутко дремлет до вечера, протянув по спине длинные уши и беспрестанно моргая своею мордочкой, опушенною редкими, но довольно длинными, белыми усами. В долгие осенние и зимние ночи заяц исходит, особенно по открытым полям и горам, несколько верст, что каждый охотник, *сходивший* русаков по *маликам*, изведал на опыте [1].

Русский народ называет зайца косым. Его глаза, большие, темные навыкате, — не косы, это знает всякий; но, будучи пуглив и тороплив, не имея способности оглядываться, он набегает иногда прямо на охотника или на пенек, оторопев, круто бросается в другую сторону и опять на что-нибудь набегает. Вероятно, вследствие таких неловких движений назвали его косым, и даже человека, пробежавшего второпях мимо того предмета, которого он ищет, или забежавшего не туда, куда следует, приветствуют шуточным восклицанием: «Эх ты, косой заяц»,

---

[1] Сходить зайца по малику — термин охотничий и значит — отыскать его по следам. Вообще ружейные охотники держатся терминологии псовых охотников, чему и я последую.

или: «Куда забежал скосу?» К тому же заяц, сидя на логове, закатывает под лоб иногда один глаз, иногда и оба; вероятно, это дремота, но при первом взгляде заяц покажется косым. Зайцев истребляют все, кто может: волки, лисы, дворные и легавые собаки, которые сами собою ходят охотиться за ними в лес, даже горностаи и ласки, о чем я имел уже случай говорить. Но кроме врагов, бегающих по земле и отыскивающих чутьем свою добычу, такие же враги их летают и по воздуху: орлы, беркуты, большие ястреба готовы напасть на зайца, как скоро почему-нибудь он бывает принужден оставить днем свое потаенное убежище, свое *логово;* если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степным кустарником (разумеется, в чистых полях), то непременно и там увидит его зоркий до невероятности черный беркут (степной орел), огромнейший и сильнейший из всех хищных птиц, похожий на копну сена, почерневшую от дождя, когда сидит на стогу или на сурчине, — увидит и, зашумев как буря, упадет на бедного зайца внезапно из облаков, унесет в длинных и острых когтях на далекое расстояние и, опустясь на удобном месте, съест почти всего, с шерстью и мелкими костями. Мало этого, даже ночью сторожат зайцев на мирных гулянках большие совы и филины [1]. Сказывал мне один достоверный охотник, что орлы и беркуты сходят зайцев по маликам. Это довольно странно: орлы, беркуты — не пешеходные твари, но дело доказывается тем, что эти хищники попадают иногда в капканы, которые ставятся на

---

[1] Мне рассказывали охотники, что совы и филины ловят по ночам зайцев следующим образом: они подстерегают их на тропах; однюю ногою сова вкогтится в зайца, другою ухватится за ветку куста или дерева и таким образом держит его до тех пор, пока он не выбьется из сил; тогда сова вкогтится в него и другою лапой и окончательно задушит. К этому прибавляют, что заяц отрывает иногда вкогтившуюся в него лапу (разумеется, в то время, когда сова другою лапою держится за куст), что охотникам случалось затравливать зайцев, на которых висела вкогтившаяся в тело, оторванная и уже высохшая лапка совы. Признаюсь, последнее обстоятельство я считал выдумкою; но тот же охотник и знаток этого дела, на которого я недавно ссылался (А. С. Хомяков), удостоверил меня, что это совершенно справедливо. То же подтверждает и другой стрелок — охотник Ю. Ф. Самарин.

зайцев, именно на сплетении маликов, называемом *заячьею тропой*[1].

Случайно можно застрелить беляка и даже русака во всякое время года, но охота, особенно за беляками, начинается весной, около больших и средних рек, на островах, залитых со всех сторон полою водою. Эта охота очень добычлива; на иной небольшой островок набежит зайцев множество, и они, *вэбуженные*[2] охотниками, бегают как угорелые взад и вперед, подобно испуганному, рассеянному стаду овец; некоторые от страха бросаются в воду и переплывают иногда немалое пространство. В это время стреляют их в большом количестве, но я никогда не любил такой охоты, похожей на какую-то бойню загнанной в загородь скотины. Я предпочитал весною стрельбу беляков, обыкновенно ложащихся по снежным сувоям, которые, когда все уже кругом растаяло, остаются неприкосновенными несколько времени и тянутся длинными, белыми гривами по лесным опушкам и кустам; снег скипится, окрепнет, как лед, и свободно поднимает охотника. Зайцы любят лежать на сувоях днем после ночных похождений для добыванья корма. Эту стрельбу удобнее производить нескольким охотникам вместе: один, двое или трое, смотря по ширине снега, должны идти по самому сувою, остальные около его краев; зайцы будут вскакивать в меру и, неохотно оставляя снег, станут набегать на которого-нибудь из охотников. Этою весеннею охотой оканчивается настоящая стрельба зайцев до осени; впрочем, и летом, когда в лесу нападут на зайцев клещи, они выбегают, особенно по утрам и вечерам, на чистые поляны, опушки и дороги; проехав по лесной дороге или пройдя поляной и опушкой, всегда можно убить несколько беляков, непременно с несколькими клещами, которые плотно впились в них, насосались крови и висят, как синие моченые сливы. Я никогда не хаживал в эту пору нарочно за зайцами, а бивал их, когда попадались не-

---

[1] 1854 года, декабря 11-го, принесли мне средней величины желто-бурую сову, попавшую в капкан, поставленный на заячьем малике: очевидно, что и совы сходят зайцев по следам. — *Позднейшее примечание сочинителя.*

[2] То есть вспуганные, поднятые с места, отсюда *вэбудный след.*

чаянно. Стреляют также зайцев (с весны, в конце лета, когда выкосят травы, и осенью) из-под гончих собак целым обществом охотников, и многие находят эту стрельбу очень веселою, особенно в глубокую осень, когда все зайцы побелеют и вместе с ними может выскочить на охотника из острова красный зверь: волк или лиса. Я не оспориваю удовольствия этой осенней стрельбы, но у всякого свой вкус: я не люблю охоты, где надобно содействие посторонних людей, иногда вовсе не охотников, и должен признаться, что не люблю ни гончих, ни борзых собак и, следовательно, не люблю псовой охоты.

Самая лучшая стрельба беляков производится по черностопу в позднюю осень, когда они выцветут, побелеют и сделаются видны издалека. Эта стрельба называется *узерк*, или *узерка*. Необходимое условие для нее — долгая мокрая осень; в сухую и короткую — зайцы не успевают выцвесть, нередко выпадает снег и застает их в летней серой шкуре. В ненастное же время зайцы, чувствуя неприятную мокроту, беспрестанно трутся о деревья, кусты, стоги сена или просто валяются по земле. По мнению охотников, именно потому они белеют скоро, что от трения лезут серые, летние, слабые волосы и вместо них выходят белые, зимние, крепкие. Зайцы выцветают не вдруг: сначала делаются чалыми, потом побелеет внешняя сторона задних ног, или *гачи*, и тогда говорят: *заяц в штанах*; потом побелеет брюхо, а за ним все прочие части, и только пятном на лбу и полосою по спине держится красноватая, серая шерсть; наконец, заяц весь побелеет, как *лунь*, как *колпик*[1], как первый снег. Издалека мелькает и сквозит на почерневшей земле какая-то неопределенная белизна: в лесу, в чаще кустов, в полях и даже в степи, где иногда ложатся беляки, — и по какому-то, тоже неопределенному, чутью издалека узнает привычный зоркий глаз охотника, что эта белизна — заяц, хотя бывают иногда и самые смешные ошибки. Странное дело: отчего стрельба зайцев в узерк очень нравится почти всем

---

[1] Лунь — чеглик (самец) *белохвостика*, довольно большой хищной птицы низшего разряда: он весь белый и нисколько не похож на свою темно-красноватую пеструю самку, превосходящую его величиной почти вдвое, а колпик — белый аист с красными ногами и носом; он водится около Астрахани.

настоящим охотникам высшего разряда, не говоря уже о простых добычливых стрелках? По видимому в ней нет ничего заманчивого. Зайца увидишь по большей части издали, можешь подойти к нему близко, потому что лежит он в мокрое время крепко, по инстинкту зная, что на голой и черной земле ему, побелевшему бедняку, негде спрятаться от глаз врагов своих, что даже сороки и вороны нападут на него со всех сторон с таким криком и остервенением, что он в страхе не будет знать, куда деваться... Итак, подойдешь к зайцу близко или подозришь его нечаянно еще ближе, прицелишься, выстрелишь и убьешь. Вот и вся история. Что же тут есть особенно веселого, возбуждающего, *лестного*, как говорят простые охотники?.. Решительно нет ничего; но я сам, рассуждающий теперь так спокойно и благоразумно, очень помню, что в старые годы страстно любил стрельбу в узерк и, несмотря на беспрерывный ненастный дождь, от которого часто сырел на полке порох, несмотря на проклятые вспышки (ружья были тогда с кремнями), которые приводили меня в отчаяние, целые дни, правда очень короткие, от зари до зари, не пивши, не евши, мокрый до костей, десятки верст исхаживал за побелевшими зайцами... то же делали и другие. Какие же тому причины? Я говаривал об этом не один раз со многими охотниками. Все соглашались, что точно это странность, и всякий объяснял ее по-своему: один говорил, что заяц — крупная штука, а на крупную штуку всегда охотник *зарится*, то есть жадничает ее добыть; другой объяснял вопрос тем, что весело бить зайцев *в поре*, когда они выцвели, *выкунели*, что тут не пропадет даром и шкурка, а пойдет кому-нибудь в пользу. Все это отчасти справедливо, но мне кажется, что есть и другая, так сказать, нравственная, прямая, чисто охотничья причина: стрельба зайцев в узерк совсем не так легка и проста, какою кажется с первого взгляда, что и доказывается немалым числом промахов, особенно у новичков, покуда они не применятся к делу. Промахи же случаются оттого, что логово зайца почти всегда защищено: оно прикрыто сучками и прутьями (когда он лежит под срубленной вершиною, что очень любит) или пеньками дерев, завялой крупной травою, вообще каким-нибудь дрязгом, всегда находящимся

в корнях кустов или в лесной чаще. Не нужно объяснять, что дробь, касаясь каких-нибудь препятствий на своем пути, уклоняется от цели и выстрел делается неверен. Но этого мало: промахи бывают по зайцам, лежащим в степи на совершенно голых и чистых местах. Последнее происходит, по моему мнению, от того, что в траве виден только верх белеющей шерсти, которую заяц, обыкновенно сжимаясь в комок на логове, всегда приподнимает: если целить именно в ту крайнюю черту белизны, которая граничит с воздухом, то заряд ляжет высоко, и случается иногда (случалось и со мною), что дробь выдерет белый пух и осыплет им полукруг около логова, а заяц убежит. Впрочем, опытные охотники знают этот секрет, берут на цель пониже, под самую белизну; кучным зарядом вскинет убитого зайца вверх, и в меру, на чистом месте, промаха никогда не будет. Прибавьте ко всему, мною сказанному, что, подозрив издалека нечто белое, подходишь с сомнением, высматриваешь; то убеждаешься, что это заяц, то покажется, что совсем не заяц, а какая-то белая кость; иногда вся белизна пропадет из глаз, потому что на ходу угол зрения охотника, заслоняемый и пересекаемый разными предметами, изменяется беспрестанно; наконец, уверившись совершенно, что это заяц, очень редко будешь иметь терпение подойти к нему близко; все кажется, что как-нибудь зашумишь, испугаешь зайца, что он сейчас вскочит и уйдет, и охотник, особенно горячий, всегда выстрелит на дальную меру... Вот причины многих промахов, вот отчего эта стрельба горячит охотников и за что они ее любят.

В долгую, мокрую, безморозную осень, в плодородный на зайцев год, стрельба в узерк бывает очень добычлива: мне самому случалось убивать в одно поле до двадцати четырех зайцев... это целый воз. В постоянно дождливую погоду капель с деревьев выгоняет беляков в опушки леса и даже в чистые поля. Я помню не одну такую осень; бывало, подъедешь к небольшому отъемному острову или лесному отрогу — и около него, даже по озимям, везде виднеются беловатые пятна: это зайцы. В одну такую осень, именно в 1816 году, октября 28-го, мне случилось убить диковинной величины беляка. Он напугал меня не на шутку: ходя по лесу в серый туманный день, я убил

уже много зайцев и развесил их по сучьям, чтобы собрать после, вместе с другим охотником; от наступающих сумерек становилось темно; вдруг вижу я огромное подобие белого зайца, сидящего на корточках, *в воздухе*, как мне показалось, на аршин от земли. Охотники несколько суеверны, и я не хочу запираться, что сначала сильно испугался; долго стоял на одном месте и думал, что мне померещилось, что обман исчезнет. Наконец, я успокоился, ободрился и разглядел, что огромный беляк сидел не на воздухе, а на толстом липовом пеньке, что зайцы делают нередко. Он сидел несколько боком ко мне, шевелил ушами и передними лапками, прислушивался к шуму и, повидимому, меня не замечал; расстояние было недалекое, оба ствола моего ружья заряжены крупной гусиной дробью, я собрался с духом, приложился, выстрелил — заяц необычайно пронзительно и жалобно закричал и повалился, как сноп, на землю... Я убежал, отыскал моего товарища и вместе с ним и кучером пришел на то место, где выстрелил в диковинного беляка: убитый наповал, он лежал у пенька, и в самом деле — это было чудо! По крайней мере в полтора раза, если не вдвое, был он больше самого матерого русака! По всему его телу, под кожей, находились какие-то шишки, а на скулах, также под кожей, лежали твердые, мясистые желваки, чуть не в кулак величиною. Я долго сберегал этого зайца и показывал охотникам, но мяса такого урода никто есть не стал. Один крестьянин, стрелок, объяснял мне, что это *заячий князек* и что он появляется лет через сто. Очень досадно, что я не сделал чучелы, даже не взвесил и не смерил этого диковинного зайца, в котором излишество животной растительности переходило даже в болезненное уродство.

Но есть еще стрельба зайцев, которая, по-моему, в охотничьем отношении лучше стрельбы в узерк, хотя она не только недобычлива, но даже бывает скудна и очень утомительна: это стрельба русаков *по пороше* [1]. Изредка

[1] Порошею называется каждый новый снег, выпавший с вечера или даже в ночь, но переставший к утру: он точно запорошит все старые следы, а новые, если погода тепла, отпечатаются на свежем снегу так отчетисто, что даже видны ноготки ходившего зверя. Если снег небольшой, то пороша называется *мелкою*, если большой — *густою*, если мокрый — *печатною*.

между ними попадаются и *тумаки*, в нравах своих совершенно сходные с русаками. Тут надобно уменье сходить зайца, то есть по малику дойти, наконец, до логова и застрелить его на лежке или в бег. Это уменье можно приобресть одной опытностью. Если *принять* рано утром вечерний малик русака, только что вставшего с логова, то в мелкую и легкую порошу за ним, без сноровки, проходишь до полдён: русак сначала бегает, играет и греется, потом ест, потом опять резвится, жирует, снова ест и уже на заре отправляется на логово, которое у него бывает по большей части в разных местах, кроме особенных исключений; сбираясь лечь, заяц *мечет петли* (от двух до четырех), то есть делает круг, возвращается на свой малик, вздваивает его, встраивает и даже четверит, прыгает в сторону, снова немного походит, наконец после последней петли иногда опять встраивает малик и, сделав несколько самых больших прыжков, окончательно ложится на логово; случается иногда, что место ему не понравится, и он выбирает другое. Все это изменяется, смотря по качеству пороши и по погоде: если пороша мелка и погода холодна, заяц ходит много; если напротив — ходит мало. Сверх того, чем позднее перестанет идти снег, тем короче заячьи малики, так что если снег шел сильный и перестал на заре (что случается довольно часто), то где увидишь малик, там лежит и заяц, ибо все его прежние *ходы* запорошило снегом; само собою разумеется, что малики тогда попадаются редко. Пешком эта охота слишком тяжела, и потому для отысканья русачьих маликов надобно ездить верхом, а всего лучше в легких санях; разбирать путаницы всех *жировок*, или *жиров*, и ходов не должно, а надобно объезжать их кругом и считать входы и выходы: если нет лишнего выхода — русак лежит тут, в *жирах*, что, впрочем, бывает довольно редко; отыскав же выход и увидя, наконец, что заяц начал *метать петли*, охотник должен уже пешком, с ружьем наготове и с взведенными курками, идти по малику: логово где-нибудь недалеко, и надобно не зевать и не слишком заглядываться на свежесть следов, а смотреть, нет ли *сметки* вбок и не лежит ли русак где-нибудь в стороне. Случается иногда, что не услышишь ни

малейшего шороха и не увидишь, как он вскочит и уйдет; добравшись до логова, только по взбудному следу догадаешься, что добыча ускользнула. Впрочем, днем заяц ходит мало и сейчас ложится; через несколько времени, дав зайцу успокоиться, можно опять и уж очень скоро сойти его; но на второй лежке он не так крепко лежит, как на первой. Любимые места у русака для логова — сурчины, где он ложится у самой сурочьей норы и прячется в нее при первой опасности; потом снежные *удулы* по межам и овражкам: в них он делает себе небольшое углубление в виде норы, в которое ложится; если дует погодка и тащит снежок, то заметет совсем *лаз* в его логово. Тут он так крепко иногда лежит, что мне самому случалось взминать снег ногами, чтоб взбудить русака... и что за красота, когда он вылетит из удула, на все стороны рассыпав снежную пыль, матерой, цветной, красивый, и покатит по чистому полю!.. Весело прекратить этот быстрый бег метким выстрелом, от которого колесом завертится русак с разбега и потом растянется на снегу!.. Покуда пороши еще мелки и снежной норы сделать нельзя, русаки ложатся предпочтительно по горным долочкам, поросшим каким-нибудь степным кустарником, также по межам, где обыкновенно придувает снег к нагнувшейся высокой траве; нередко сходят они с гор в замерзшие, камышистые болота (если они есть близко) и выбирают для логова иногда большие кочки; в чистой и гладкой степи русаки лежат под кустиками ковыля. Очевидно, что по пороше в один день не много сойдешь и убьешь зайцев; а когда первозимье устанавливается *беспутно*, говоря по-охотничьи, то есть снег идет днем, а не ночью и пороши ложатся неудобно, и если скоро сделается на снегу наст, который поднимает зайца, а не поднимает охотника, хрустит под его ногами и далеко вспугивает русака, — тогда этой заманчивой стрельбы вовсе не бывает.

Русаки — большие охотники до хлебной пищи, и потому ближайшие от деревень постоянно посещают хлебные гумна, даже ложатся в них на день и так бывают смелы, что, несмотря на ежедневные крестьянские работы и на гам народа и стук цепов, остаются спокойно на

своих логовах. Таких русаков называют *гуменниками*; они сытее и резвее других. Я много раз сам нахаживал русаков на гумнах и бивал их. Один раз при мне поймали у самой риги русака в огромной куче длинных дров, куда он залезал на день: крестьянин, сушивший ригу, заметил на заре, что заяц влез в дрова, и заставил лазею плахой. Около Москвы, где хлеб обмолачивается с осени, русаки ходят есть сено в сенные сараи. Иногда делают то же и беляки. Хлебный русак до того бывает жирен, что, не видавши, трудно поверить: от одних почек из внутренности русачьей тушки собирается иногда сала до двух фунтов! Сколько же его еще остается? Такой русак отлично вкусен, и беляк, даже очень сытый, никогда сравниться с ним не может. Вообще заячье мясо имеет сильный и приятный вкус дичины: оно очень питательно, даже горячительно. Еще недавно на моей памяти народ не ел зайцев; теперь в некоторых местах начинают употреблять в пищу *задки* или *почки*, а передки бросают, говоря, что *передок у зайца собачий*. Это я рассказываю о крестьянах отдаленных Симбирской и Оренбургской губерний, а подмосковные, вероятно, не так строги в соблюдении народных предрассудков.

Самый сильнейший истребитель заячьих пород — человек, и ружье еще самое слабое орудие к их истреблению; борзые собаки и выборзки (до которых большие охотники мордва, чуваши и татары), тенета, то есть заячьи сети, капканы — вот кто губит их тысячами.

Для стрелянья зайцев надобно употреблять крупную дробь: 1-й и 2-й нумера. Кроме того, что иногда приходится стрелять далеко, зайцы, не будучи особенно крепки к ружью, защищены пушистой шерстью, которая очень ослабляет действие и крупной дроби, а мелкая в ней завертывается. Впрочем, само собою разумеется, что в близком расстоянии убьешь зайца всякой дробью.

Кроме описанных мною трех пород, в Оренбургской губернии изредка попадаются черные зайцы обыкновенного склада и величины; мне никогда не удалось их видеть.

МЕЛКИЕ ПТИЧКИ

Я хочу сказать несколько слов о тех мелких птичках, которые употребляются в пищу и которые очень недурны вкусом, особенно если жирны. Их никто не называет дичью, и настоящие охотники редко их стреляют, разве так, чтоб разрядить ружье или за совершенным отсутствием всякой настоящей дичи. Охотники же промышленники по большей части ловят их для продажи. Я не стану описывать этих птиц, а только назову некоторых: это скворцы, жаворонки, свиристели, овсянки, снегири и многие другие. В Москве, в Охотном ряду, можно почти всегда найти их нанизанных носами на снурки и висящих красивыми пучками. Повара употребляют их в соусы и паштеты, и гастрономы благосклонно отзываются о таких блюдах с *мелкими птичками*. Некоторые охотники стреляют *кукушек* и едят; я отведывал их и нахожу, что они довольно вкусны. Но несравненно лучше всех *подорожники*. Эти птички, сходные величиною и фигурою с жаворонками, известными всем и каждому, появляются в Оренбургской губернии зимою стаями и пропадают весною вместе со снегом. Пером они довольно красивы: все пестрые или пегие, с весьма разнообразными оттенками, которые состоят из цветов: голубовато-сизого, серого, темного и немного рыжеватого, перемешанных неправильно на яркобелом основании; иные подорожники бывают почти чистобелые; в марте, к весне, они начинают сереть и, вероятно, летом делаются совсем серыми, но где проводят лето и где выводят детей — не знаю. Имя свое получили от того, что всегда колотятся по дорогам станичками, иногда довольно большими, особенно около гумен; они очень охотно клюют всякие зерна, и я всегда находил их зобы наполненные предпочтительно овсом. Подорожники, когда их вспугает проезжий или прохожий, всегда перелетают на небольшое расстояние вперед и опять садятся на дорогу, что повторяется много раз; наконец, наскучив беспрестанным перелетываньем, подорожники облетают вкруг проезжего или прохожего, возвращаются назад и садятся на ту же дорогу. Я слыхал, что они поют, и пробовал держать их в клетках,

но опыты были неудачны: подорожники ели очень хорошо корм, но через несколько времени начинали хрометь, валяться на спине и умирали. Я не могу решить: теплота или теснота были тому причиною. Один раз наловили деревенские мальчики множество подорожников лучками с сеткой; это случилось в январе; я насажал их с сотню в холодную комнату, и они жили благополучно до исхода марта, были очень жирны и вкусны: их всех употребили для стола, и потому не знаю, как стали бы они жить в теплом воздухе.

РАССКАЗЫ
И ВОСПОМИНАНИЯ
ОХОТНИКА
О РАЗНЫХ ОХОТАХ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мои «Записки об уженье рыбы» и особенно «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» были так благосклонно приняты читающей публикой, что я решился написать и напечатать все, что знаю о других охотах, которыми я некогда с горячностью занимался. Кроме удовлетворения собственной потребности — есть что-то невыразимо утешительное и обольстительное в мысли, что, передавая свои впечатления, возбуждаешь сочувствие к ним в читателях, преимущественно охотниках до каких-нибудь охот. Вот причина, заставляющая меня писать: я признаюсь в ней откровенно, а равно и в желании, чтобы книжка моя имела такой же успех, как и прежние мои охотничьи записки.

ВСТУПЛЕНИЕ

Охота, охотник!.. Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?.. «Ну, это уж его охота, уж он охотник», — говорят, желая оправдать или объяснить, почему так неблагоразумно или так странно поступает такой-то человек, в таком-то случае... — и объяснение всем понятно, всех удовлетворяет! Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспитанием, возбуждается примером окружающих; но мы часто видим, что сыновья, выросшие в доме отца-охотника, не имеют никаких охотничьих склонностей и что, напротив, дети людей ученых, деловых ex professo, никогда не слыхавшие разговоров об охоте, — делаются с самых детских лет страстными охотниками. Итак, расположение к охоте некоторых людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть не что иное, как врожденная наклонность, бессознательное увлечение. Такая мысль всего убедительнее подтверждается, по моему мнению, наблюдениями над деревенскими мальчиками. Сколько раз случалось мне замечать, что многие из них не пройдут мимо кошки или собаки, не толкнув ее ногой, не лукнув в нее камнем или палкой, тогда как другие, напротив, защищают бедное животное от обид товарищей, чув-

ствуют безотчетную радость, лаская его, разделяя с ним скудный обед или ужин; из этих мальчиков непременно выйдут охотники до какой-нибудь охоты. Один, заслышав охотничий рог или лай гончих, вздрагивает, изменяется в лице, весь превращается в слух, тогда как другие остаются равнодушны, — это будущий псовый охотник. Один, услыхав близкий ружейный выстрел, бросается на него, как горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своих товарищей, — это будущий стрелок. Один кладет приваду из мякины, ставит волосяные силья или настораживает корыто и караулит воробьев, лежа где-нибудь за углом, босой, в одной рубашонке, дрожа от дождя и холода, — это будущий птицелов и зверолов. Других мальчиков не заставишь и за пряники это делать. Чем объяснить такие противоположные явления, как не врожденным влечением к охоте? — Обратив внимание на зрелый возраст крестьян, мы увидим то же. Положим, что между людьми, живущими в праздности и довольстве, ребячьи фантазии и склонности, часто порождаемые желанием подражать большим людям, могут впоследствии развиться, могут обратиться в страсть к охоте в года зрелого возраста; но мы найдем между крестьянами и, всего чаще, между небогатыми, которым некогда фантазировать, некому подражать, страстных, безумных охотников: я знавал их много на своем веку. Кто заставляет в осенние дождь и слякоть таскаться с ружьем (иногда очень немолодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто поднимает с теплого ночлега этого хворого старика и заставляет его на утренней заре, в тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки, чтоб поймать какого-нибудь язя или головля? Охота. Кто заставляет этого молодого человека, отлагая только на время неизбежную работу или пользуясь полдневным отдыхом, в палящий жар, искусанного в кровь летним оводом, таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, без сомнения одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно.

Оттенки охотников весьма разнообразны, как и сама природа человеческая. Некоторые охотники, будучи

страстно привязаны предпочтительно к одной охоте, любят, однако, хотя не так горячо, и прочие роды охот. Другие охотники, переходя с детских лет постепенно от одной охоты к другой, предпочитают всегда последнюю всем предыдущим; но совершенно оставляя прежние охоты, они сохраняют теплое и благодарное воспоминание о них, в свое время доставлявших им много наслаждений. Есть, напротив, третий разряд охотников *исключительных:* они с детства до конца дней, постоянно и страстно, любят какую-нибудь *одну* охоту и не только равнодушны к другим, но даже питают к ним отвращение и какую-то ненависть. Наконец, есть охотники четвертого разбора: охотники до всех охот без исключения, готовые заниматься всеми ими вдруг, в один и тот же день и час. Такие охотники в настоящем, строгом смысле слова — ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дела они не бывают. По большей части они делаются добрыми товарищами других охотников.

Не разбирая преимуществ одного рода охотников перед другими, я скажу только, что принадлежу ко второму разряду охотников. В ребячестве начал я с ловли воробьев и голубей на их ночевках. Несмотря на всю ничтожность такой детской забавы, воспоминание о ней так живо в моей памяти, что, признаюсь, и на шестьдесят четвертом году моей жизни не могу равнодушно слышать особенного, торопливого чиликанья воробья, когда он, при захождении солнца, скачет взад и вперед, перепархивает около места своего ночлега, как будто прощаясь с божьим днем и светом, как будто перекликаясь с товарищами, — и вдруг нырнет под застреху или желоб, в щель соломенной крыши или в дупло старого дерева. — От ловли воробьев на ночевках перешел я к ловле других мелких птичек волосяными сильями, натыканными в лубок, к ловле конопляными необмолоченными снопами, опутанными веревочкой с сильями, и, наконец, к ловле разными *лучками* из сетки. Потом пристрастился я к травле перепелок ястребами и к ловке перепелов сетью на дудки. Все это на некоторое время заменила удочка; но в свою очередь и она была совершенно заменена ружьем. Единовластное владычество ружья продолжалось половину моего века, тридцать лет; потом снова

появилась на сцене удочка, и, наконец, старость, а более слабость зрения, хворость и леность окончательно сделали из меня исключительного рыбака. Но я сохраняю живое, благодарное воспоминание обо всех прежних моих охотах, и мои статьи о них служат тому доказательством.

Все охоты, о которых я упоминал: с ружьем, с борзыми собаками, с ястребами и соколами, с тенетами и капканами за зверями, с сетьми, острогою и удочкой за рыбою и даже с *поставушками* за мелкими зверьками, — имеют своим основанием ловлю, добычу; но есть охоты, так сказать, бескорыстные, которые вознаграждаются только удовольствием: слушать и видеть, кормить и разводить известные породы птиц и даже животных; такова, например, охота до певчих птиц и до голубей. Первые по крайней мере веселят слух охотников пением, но вторые и этого удовольствия доставить не могут: иногда только услышишь их голос, то есть глухое воркованье. Но я знавал страстных охотников до голубей всех возможных пород: бормотунов, двухохлых, турманов, мохноногих горлиц и египетских голубей. Эти охотники проводили целые дни на голубятне, особенно любуясь на голубей мохноногих, у которых мохры, то есть перья, выросшие из ног, до трех вершков длиною, торчали со всех сторон и даже мешали им ходить. Теперь редко встретишь охотников до этих сортов голубей, но в городах и столицах еще водятся охотники до голубей *чистых* или *гонных*, особенно до турманов, гоньба которых имеет свою красоту. Быстро носясь кругами в высоте, стая гонных, или чистых, голубей то блестит на солнце яркой белизной, то мелькает темными пятнами, когда залетит за облако, застеняющее стаю от солнечных лучей. Турманы имеют особенное свойство посреди быстрого полета вдруг свертывать свои крылья и падать вниз, перевертываясь беспрестанно, как птица, застреленная высоко на лету: кувыркаясь таким образом, может быть, сажен десять, турман мгновенно расправляет свои легкие крылья и быстро поднимается на ту же высоту, на которой кружится вся стая. Такие проделки очень живописны, всякий посмотрит несколько минут с удовольствием на эту живую картину; но охотники с увлеченьем смотрят на

нее по нескольку часов сряду, не давая садиться усталым голубям на родимую крышу их голубятни.

Содержание непевчих птиц и даже некоторых из пород дичи в больших клетках или садках имеет уже особого роду прелесть, которая может быть понятна только людям, имеющим склонность к наблюдениям над живыми творениями природы: это уже любознательность.

Несмотря на увлечение, с которым я всегда предавался разного рода охотам, склонность к наблюдению нравов птиц, зверей и рыб никогда меня не оставляла и даже принуждала иногда, для удовлетворения любопытства, жертвовать добычею, что для горячего охотника не шутка.

Воспоминание обо всем этом доставляет мне теперь живейшее наслаждение, и поделиться моими воспоминаниями с охотниками всех родов — сделалось моим постоянным желанием. Может быть, мой пример возбудит и в других такое же желание. Сколько есть опытных охотников на Руси, круг действия которых был несравненно обширнее моего! Сколько любопытных сведений и наблюдений могли бы сообщать они! Кроме того, что издание таких сведений и наблюдений составило бы утешительное, отрадное чтение для охотников, оно было бы полезно для естественных наук. Только из специальных знаний людей, практически изучивших свое дело, могут быть заимствованы живые подробности, недоступные для кабинетного ученого.

ПОЛАЯ ВОДА
И ЛОВЛЯ РЫБЫ В ВОДОПОЛЬЕ

Одно из любимых удовольствий русского народа — смотреть на разлив полой воды. «Река тронулась...» — передается из уст в уста, и все село, от мала до велика, выхлынет на берег, какова бы ни была погода, и долго, долго стоят пестрые, кое-как одетые толпы, смотрят, любуются, сопровождая каждое движение льда своими предположениями или веселыми возгласами. Даже в городах, например в Москве, когда тронется мелководная Москва-река, все ее берега и мосты бывают усыпаны народом; одни сменяются другими, и целый день толпы зрителей, перевесившись через перилы мостов, через решетки набережной, глядят — не наглядятся на свою пополневшую Москву-реку, которая в водополь действительно похожа на порядочную реку. В самом деле, вид большой тронувшейся реки представляет, в это время года, не только величественное, но странное и поразительное зрелище. Около полугода река как будто не существовала: она была продолжением снежных сугробов и дорог, проложенных по их поверхности. По реке ходили, ездили и скакали, как по сухому месту, и почти забыли про ее существованье, и вдруг — широкая полоса этого твердого, неподвижного, снежного пространства пошевелилась, откололась и пошла... пошла со всем, что на ней находилось в то время, с обледеневшими прорубями, навозными кучами, вехами и почерневшими

дорогами, со скотом, который случайно бродил по ней, а иногда и с людьми! Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухим, но грозным и зловещим шумом и скрыпом, плывет снежная, ледяная, бесконечная, громадная змея. Скоро начинает она трескаться и ломаться, и выпираемые синие ледяные глыбы встают на дыбы, как будто сражаясь одна с другою, треща, и сокрушаясь, и продолжая плыть. Потом льдины становятся мельче, реже, исчезают совсем... река прошла!.. Освобожденная из полугодового плена мутная вода, постепенно прибывая, переходит края берегов и разливается по лугам. Такое зрелище представляет река большая; но мелкие реки, очищаясь от льда исподволь, *проходят* незаметно; только в полном своем разливе, обогащенные водою соседних оврагов и лесов, затопив низменные окрестности, образовав острова и протоки там, где их никогда не бывало, веселят они несколько времени взоры деревенских жителей. Зато мельничные проточные пруды и спуск полой воды в вешники, представляя искусственные водопады, вознаграждают быстротой, шумом и пеной падающих вод скудность их объема.

Вскрытие реки, разлив воды, спуск пруда, заимка — это события в деревенской жизни, о которых не имеют понятия городские жители. В столицах, где лед на улицах еще в марте сколот и свезен, мостовые высохли и облака пыли, при нескольких градусах мороза, отвратительно носятся северным ветром, многие узнают загородную весну только потому, что в клубах появятся за обедом сморчки, которых еще не умудрились выращивать в теплицах... но это статья особая и до нас не касается.

В продолжение водополья рыболовство, по небольшим рекам, производится особенным образом, о котором я и намерен говорить. Как скоро река прошла, но еще не выступала из берегов, сейчас начинается *первая* ловля рыбы «наметкой», которая есть не что иное, как всем известный глубокий сак с мотней, то есть мешок, похожий на вытянутый колпак из частой сетки, но не круглый и пришитый к деревянной, треугольной раме, крепко утвержденной на длинном шесте. Известно, что во время прибывающей полой воды рыба идет вверх. Покуда река не разлилась — она держится около берегов, а когда

вода разольется по поймам, рыба также разбредется по полоям. Итак, береговой лов наметкою продолжается весною только до тех пор, покуда река не вышла из берегов, и повторяется тогда, когда начнет вода вбираться в берега. Этот лов повторяется всякий раз, когда река от проливных дождей прибудет и сравняется с берегами; чем мутнее, грязнее вода, тем лучше. Наметки бывают *одиночные* (поменьше) и *двойные* (побольше); с одиночною может управляться один сильный человек, а с двойною — непременно двое. Быстрое течение затрудняет ход рыбы, сносит ее вниз, а потому она жмется предпочтительно к тем местам берега, где вода идет тише: на этом основан лов наметкой. Рыбак, стоя на берегу, закидывает наметку (сетка которой сейчас надувается водою) как можно дальше, опускает бережно на дно, легонько подводит к берегу и, прижимая к нему плотно, но не задевая за неровности, вытаскивает наметку отвесно, против себя, перехватывая шест обеими руками чем ближе к сетке, тем проворнее. Очевидно, что тут, кроме ловкости, надо много силы: быстрое течение сносит наметку вниз, для чего иногда нужно конец шеста положить на плечо, чтоб на упоре легче было прямо погрузить наметку в воду: ибо наметка должна идти прямо поперек реки и разом всеми тремя сторонами рамы прикоснуться к стенам берега, чтоб захватить стоящую возле него рыбу. Если как-нибудь течением воды наметку заворотит и она боком или краем ударится в берег, рыба от берега бросится в противную сторону, испугает и увлечет за собою всю другую рыбу, около стоявшую, хотя бы она и не видала, отчего происходит тревога, — и в таком случае здесь поймать уже нельзя ничего. Мутность воды мешает рыбе видеть приближение рыболовной снасти, и наметка загребает, так сказать, в свой кошель всякую рыбу, которая стояла у берега на этом месте. Обыкновенно попадаются щучки, окуни, ерши, плотва, по большей части мелкая, но иногда захватываются другие породы рыб, довольно крупные. В реках и речках, изобильных рыбою, крутоберегих, узких, особенно в верховьях больших прудов, в эту пору года можно и наметкой наловить множество рыбы. Весело вытряхивать на снег или на оттаявший берег тяжелую наметку, нагруженную в мотне

рыбою, разнообразие которой особенно приятно. Тут и щука — голубое перо, и полосатый окунь, и пестрый ерш, до того уродливо полный икрою, что точно брюшко и бока его набиты угловатыми камешками. Тут и многие другие, золотистые, серебристые, проворные, красивые, давно не виданные охотником жители водяного царства!

Но вот летняя теплая туча засинела на юго-западном крае горизонта, брызнули дождевые капли... гром... и полился дождь... Пора обмыть землю, выходящую из-под снега, опутанную тенетниками, или паутинами, пора растопить и согнать последние снежные, обледенелые сугробы! Тронулись большие овраги, подошла лесная вода, бегут потоки, журчат ручьи со всех сторон в реку — и река выходит из берегов, затопляет низменные места, и рыба, оставляя бесполезные берега, бросается в полои. Наметка уже не годится: пришла пора употреблять другие рыболовные снасти. Эти снасти: *морды*, или верши, вятели [1], хвостуши. Морда (нéрот, или нарот — по-московски, или верша — по-тульски) есть не что иное, как плетенный из ивовых прутьев круглый, продолговатый мешок или бочонок, похожий фигурою на растопыренный колпак; задняя часть его кругловата и крепко связана, к самому хвосту прикреплен камень, а передняя раскрыта широко, четвероугольною квадратною рамою, в аршин и даже в аршин с четвертью в квадрате [2]. Внутри этой отверстой стороны выплетено, из прутьев же, горло в виде воронки, для того чтобы рыбе войти было удобно, а назад выйти нельзя.

Для ставленья морд в полую воду приготовляются места заранее в *межéнь*, как говорится. Известно, по каким низменностям будет разливаться вода, а потому на ложбинках, небольших долочках и в неглубоких овражках, всегда на ходу рыбы, набиваются колья и заплетаются плетнем, шириною от одной сажени до двух и более,

---

[1] Или вентели, которые в Можайском уезде называются *жохами*.

[2] Около Москвы плетут нерота круглые, но это неудобно: они неплотно ложатся на дно и вставляются в язы, и дыры надо затыкать *лапником*, то есть ветвями ели.

смотря по местности, поверх которого и сквозь который вода проходит, но рыба, кроме малявки, то есть самой мелкой, сквозь пройти не может. В середине этого плетня оставляются одни, иногда двое ворот, или дверей (в аршин или аршин с четвертью шириною), в которые вставляются морды, прикрепленные к шестам; два хода, или отверстия, оставляются иногда для того, чтобы можно было ставить одну морду по течению, а другую против течения воды: рыба идет сначала вверх, а потом, дойдя до края разлива, возвращается назад и будет попадать в морды в обоих случаях. Когда же вода пойдет на убыль, то все морды и другие снасти в этом роде ставятся против ската воды, то есть против течения. Места в полоях между кустами, устья ручейков, суходолов и вообще всякое углубление земли, сравнительно с прочею местностью, считаются самыми выгодными местами. В такие морды с загородками попадает всякая рыба без исключения не только крупная, но и мелкая, потому что сквозь плетеный нерот не может пролезть и плотичка. Морды, или нероты, ставят и без плетней, даже без шестов, на одних веревках, но это уже не весенний лов.

Вятель, вентель, или крылена, как зовут его в низовых губерниях, фигурою — совершенно длинная морда, только вместо прутьев на основании деревянных обручей обтянута частой сеткой и, сверх того, по обоим бокам раскрытой передней части имеет крылья, или стенки, из такой же сетки, пришитые концами к кольям; задняя часть или хвост вятеля также привязан к колу, и на этих-то трех главных кольях, втыкаемых плотно в землю, крылена растягивается во всю свою ширину и длину. Ее ставят по залитым водою местам, предпочтительно тихим, имеющим ровное дно. Название *крылена* очень выразительно, потому что боковые ее стенки из сети, заменяющие плетень около морды, имеют вид растянутых крыльев: общая фигура снасти представляет разогнутую широко подкову. Крылены имеют ту выгоду, что для них не нужно приготовлять мест заранее, набивать колья и заплетать плетни, что их можно ставить везде и переносить с места на место всякий день: ибо если рыба в продолжение суток не попадает, то это значит, что тут

нет ей хода; но зато на местах, где вода течет глубоко и быстро, вятель, или крылену, нельзя ставить, потому что ее может снести сильным течением и может прорвать, если по воде плывут какие-нибудь коряги, большие сучья или вымытые из берега корни дерев. Морду можно поставить на узком и на довольно глубоком месте (заранее приготовленном), потому что рыба идет по дну; но крылена становится не глубже полутора аршина, а иногда и гораздо мельче, притом на местах пологих и широких, где бы могли растянуться ее крылья. И морду и крылену можно ставить с лодки, хотя это и не так ловко; но русские люди не боятся простуды (за что нередко дорого расплачиваются) и обыкновенно бродя в воде, иногда по горло, становят свои рыболовные снасти. Морда утверждена, то есть крепко привязана, в двух местах снаружи к шесту, который проходит посередине отверстой стороны и, будучи длиннее вершка на три нижнего края морды, плотно втыкается в дно. Крылена привязана к трем главным кольям и еще к двум, так сказать, вспомогательным, находящимся посредине крыльев, имеющих в длину каждое до двух и более аршин; два вспомогательные колышка, поменьше главных, служат крыльям для лучшего растягиванья и сопротивленья течению воды. Все пять кольев крепко втыкаются в мягкое дно. — В крылены попадается, так же как в морды, всякая рыба, иногда в таком количестве и такая крупная, что сетка разрывается или даже выскакивают колья, на которых утверждена крылена. В водополь очень ловко перебивать несколькими вятелями какой-нибудь значительный залив воды в узком его месте. Крылены ставят одну возле другой плотно, крыло с крылом, наблюдая, чтоб одна крылена стояла по течению, или ходу, воды, а другая — напротив, очевидно с тою целью, чтобы рыба — вперед ли, назад ли идет она — попадала в расставленные снасти.

Хвостуша уже названием своим показывает, что должна иметь длинный хвост. Это род морды; она также сплетена из прутьев, только не похожа фигурой своей на бочонок, имеющий в середине более ширины, на который похожа морда. Хвостуша от самого переднего отверстия, которое делается и круглым, и овальным, и

четвероугольным, все идет к хвосту у́же и связывается внизу там, где оканчиваются прутья, кончики которых не обрубают; бока хвостуши в трех или четырех местах, смотря по ее длине, переплетаются вокруг поперечными поясами из таких же гибких прутьев, для того чтоб вдоль лежащие прутья связать плотнее и чтоб рыба не могла раздвинуть их и уйти. Хвостуша всегда бывает длиннее морды, и прутья, для нее употребляемые, потолще; к хвосту ее, и также к двум концам нижней стороны привязываются довольно тяжелые камни для погружения и плотного лежанья хвостуши на дне, ибо она ничем другим на нем не утверждается; к тому же ставится всегда на самом быстром течении, или, лучше сказать, падении, воды, потому что только оно может захлестать, забить рыбу в узкую часть, в хвост этой простой снасти, где, по тесноте, рыбе нельзя поворотиться и выплыть назад, да и быстрина воды мешает ей сделать поворот. Мне случалось видеть хвостуши, до того полные рыбами, что задние или последние к выходу не умещались и до половины были наружи. Самое выгодное место для ставленья хвостуш — крутой скат воды, и самое выгодное время — спуск мельничных прудов, когда они переполнятся вешнею водою, особенно если русло, по которому стремится спертый поток, покато. Я живо помню эту ловлю в моем детстве: рыбы в реке, на которой я жил, было такое множество, что теперь оно кажется даже самому мне невероятным; вешняка с затворами не было еще устроено, в котором можно поднимать один запор за другим и таким образом спускать постепенно накопляющуюся воду. Вешняк запружали наглухо, когда сливала полая вода, а весной, когда пруд наливался как полная чаша и грозил затопить плотину и прорвать, раскапывали заваленный вешняк. Вода устремлялась с яростью и размывала прошлогоднюю запрудку до самого дна, до материка. Сильная покатость местоположения умножала водную быстрину, и я видал тут такую ловлю рыбы хвостушами, какой никогда и нигде не видывал после. Во всю ширину течения, в разных местах, вколачивали заранее крепкие колья; к каждому, на довольно длинной веревке, привязывалась хвостуша так, чтобы ее можно было вытаскивать на берег не отвязывая.

Впрочем, иногда веревка оканчивалась глухой петлей и надевалась на кол. Рыба, которая шла сначала вверх, доходя до крутого падения воды, отбивалась стремлением ее назад, а равно и та, которая скатывалась из пруда вниз по течению (что всегда бывает по большей части ночью), попадала в хвостуши, которые хотя не сплошным рядом, но почти перегораживали весь поток. Рыбы вваливалось невероятное множество и так скоро, что люди, закинув снасти, не уходили прочь, а стояли на берегу и от времени до времени, через полчаса или много через час, входили по пояс в воду, вытаскивали до половины набитые хвостуши разной рыбой, вытряхивали ее на берег и вновь закидывали свои простые снасти. На берегу была настоящая ярмарка: крик, шум, разговоры и беготня; куча баб, стариков и мальчишек таскали домой лукошками, мешками и подолами всякую рыбу; разумеется, немало было и простых зрителей, которые советовали, помогали и шумели гораздо более настоящих рыбаков. Все это довершалось ревом падающей воды, с шумом, пеной и брызгами разбивающейся о крепкое дно и колья с привязанными хвостушами. Много попадалось очень крупных головлей, язей, окуней, линей (фунтов по семи) и особенно больших щук. Я сам видел, как крестьянин, с помощию товарища, вытащил хвостушу, из которой торчал хвост щуки: весу в ней было один пуд пять фунтов. Не могу понять, как такая огромная и сильная рыба не выкинулась назад? Должно предположить, что стремление воды забило ее голову в узкий конец хвостуши, где она ущемилась между связанными прутьями и где ее захлестало водой; сверх того, натискавшаяся по бокам щуки другая рыба лишала ее возможности поворотиться. Хвостуши, оставляемые на ночь, то есть часов на шесть, набивались рыбою только на четверть не вровень с краями, но сверху обыкновенно была мелкая плотва: вероятно, крупная рыба выскакивала.

Во время самого разлива полой воды щуки мечут икру и выпускают молоки; в продолжение этой операции они ходят поверху одна за другою, иногда по нескольку штук. Заметив места, около которых они трутся — всегда в траве или кустах по полоям, — охотник входит

тихо в воду и стоит неподвижно сбоку рыбьего хода с готовою острогою, и, когда щуки подплывут к нему близко, бьет их своим нептуновским трезубцем, который имеет, однако, не три, а пять и более зубцов, или игл с зазубринами. В это же время стреляют щук из ружей крупною дробью, потому что щуки ходят высоко и не только спинное перо, но и часть спины видна на поверхности. И острогой и ружьем добывают иногда таких огромных щук, какие редко попадаются рыбакам в обыкновенные рыболовные снасти и если попадаются, то снасти не выдерживают.

ОХОТА С ЯСТРЕБОМ ЗА ПЕРЕПЕЛКАМИ

«Будите охочи, забавляйтеся, утешайтеся сею доброю потехою, зело потешно, и угодно, и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте не лениво и бесскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу.

О славные мои советники и достоверные и премудрые охотники! Радуйтеся и веселитеся, утешайтеся и наслаждайтеся сердцами своими добрым и веселым сим утешением в предыдущие лета!»

(Древ. росс. Вивлиофика, ч. III, книга «Урядник сокольничья пути».)

Хотя содержание сей статьи положительно объясняется ее названием, но я хочу предварительно сказать несколько слов о ястребах вообще. Все хищные птицы высшего, среднего и даже низшего разряда могут быть разделены на две породы: соколиную и ястребиную. Принадлежащие к первой ловят свою добычу, устремляясь, *падая* на нее с высоты, для чего им необходимо подняться на известную меру вверх. Принадлежащие же к породе ястребиной, напротив, ловят свою добычу *в угон*, то есть находясь с ней в одинаковом горизонтальном положении, гонятся за ней и, по резвости своего

полета, догоняют. У нас речь идет о последних. — Ястреба разделяются, по их величине, на три рода. Самые большие, достигающие величины крупной индейки, называются *гусятниками*, потому что *берут*, то есть ловят, диких гусей. Такими ястребами, попадающимися довольно редко, можно травить зайцев и даже лисиц. Я имел одного такого ястреба уже двух осеней, которого, как диковинку, привез моему отцу один башкирец. Он рассказывал, что затравил им двух лис, чему очень можно было поверить, судя по силе и жадности птицы. Я прошу позволения у читателей рассказать судьбу этого ястреба: он был чисторябый, то есть светлосерый, и так тяжел, что и сильный человек не мог его долго носить на руке. Башкирцы охотятся с такими ястребами, а чаще с беркутами, всегда верхом и возят их на палке, которая приделывается к седельной луке. По несчастию, этот редкий ястреб жил у нас очень недолго. Мы затравили им только двух беляков, которых сошли по первой октябрьской пороше, и для опыта затравили русского гуся, привыкшего хорошо летать. Вот как было это сделано: стая дворовых гусей повадилась ежедневно ходить пешком на господское гумно, стоявшее на довольно высокой горе; накушавшись досыта и находя неудобным и затруднительным сходить вниз с крутой горы с полными зобами, которые и на ровном месте перетягивают их вперед, гуси обыкновенно слетали с горы и опускались прямо на житный двор. В урочное время я поставил охотника с ястребом за хлебною кладью, у самого того места, где гуси должны были слетать с горы, а сам зашел сзади и погнал гусей, которые, ковыляя и падая, дошли до спуска с горы и поднялись; ястреб бросился, свалился с одним гусем и, к общему нашему удовольствию, сладил с ним без всякого труда. Мы не дали ястреба в обиду другим гусям (без чего они бы забили его крыльями и защипали бы своими носами) и накормили на добыче до отвала. Несмотря на то, что эта славная хищная птица жила у нас только две недели, с ней случилось диковинное приключение: была у нас летняя кухня на острову, в которой давно уже перестали готовить; в эту кухню, на толстой колодке, стоявшей посредине кирпичного пола, сажали на ночь этого большого

ястреба. Охотник, которому был он отдан на руки, приходит однажды поутру и видит, что ястреб, привязанный должником к колодке, стащил ее с места, сидит, распустив крылья, в углу и держит в когтях огромную сову, еще живую. Испугавшись, не испортила ли она ястреба, охотник прибежал сказать об этом мне; мы с отцом пришли немедленно и нашли ястреба в том же положении. С большим трудом вынули из его когтей очень большую, почти белую сову, которая тут же издохла; на ястребе никаких знаков повреждения не оказалось. Если б я не сам видел этот диковинный случай — я бы не вдруг ему поверил; кухня была заперта; кроме трубы, которая оказалась не закрытою, другого отверстия в кухне не было; должно предположить, что сова попала в кухню через трубу для дневки и что она залетела недавно, на самом рассвете, но как поймал ее ястреб, привязанный на двухаршинном должнике, — придумать трудно; во всяком случае жадность, злобность и сила ястреба удивительны. Я даже был уверен, что никакой ястреб не кинется и не возьмет совы, особенно большой, потому что она сама вооружена длинными острыми когтями. Охотники наши думали, что сова сама напала на ястреба, но такое предположение невероятно. Через несколько дней после приключения с совой наступила оттепель, снег совершенно сошел, сделался отличный узерк, и я послал охотника с ястребом верхом поискать в наездку русаков, которые тогда совершенно выцвели, а сам поехал стрелять тетеревов. Охотник, поездив несколько времени по горам и полям и не найдя нигде зайцев, сделал соображение, что они все лежат в лесу; а как на беду он взял с собой ружье, то, подъехав к лесу, привязал на опушке лошадь к дереву, посадил ястреба на толстый сучок, должник привязал к седлу, а сам отправился стрелять в лес зайцев. Очевидно, что все это было сделано крайне глупо, и вот какие вышли последствия: лошадь, вероятно, чего-нибудь испугалась, оторвала повод, стащила ястреба с сучка и ускакала; только к вечеру воротилась она домой. Несчастный ястреб был еще жив, но с вытянутыми и вывихнутыми ногами; через сутки он издох... Так жалостно и совершенно даром погибла эта редкая хищная птица. Я видел потом еще двух ястребов

гусятников; оба были меньше моего и гораздо темнее пером.

Второго рода ястреба (вдвое меньше первых) называются *утятниками,* потому что ими обыкновенно травят уток. Надобно сказать правду, что охота с большими ястребами, гусятниками и утятниками — охота пустая и малодобычливая, особенно с последними. Для травли ястребами необходимо условие, чтобы птица поднималась близко, иначе они не могут ее догнать; утки же всегда сидят на воде или на берегу воды, в которую сейчас могут броситься, а ястреба никакой плавающей птицы на воде не берут и брать не могут. Итак, травля уток производится по маленьким речкам или ручьям и озеркам, находящимся в высоких берегах, для того, чтоб охотник мог подойти очень близко к утке, не будучи ею примечен, и для того, чтоб лет ее продолжался не над водою; если же ястреб схватит утку и она упадет с ним в воду, то редко можно найти такого жадного ястреба, который не бросил бы своей добычи, ибо все хищные птицы не любят и боятся мочить свои перья, особенно в крыльях, и, вымочивши как-нибудь нечаянно, сейчас распускают их как полузонтик и сидят в укромном месте, пока не высушат совершенно. Очевидно, что травля уток без особенной, удобной местности невозможна. Иногда травят утятниками молодых тетеревов, но для того необходимо, чтобы выводка находилась в чистом поле; травить же в редколесье неудобно, потому что ястреб может убиться об дерево, чего он сам по инстинкту так боится, что, бросившись за тетеревенком и увидя перед собой даже редкие деревца, сейчас взмоет кверху или возьмет в сторону. Притом *помешавшийся* молодой тетерев летит очень проворно, и ястреб догонит его только в таком случае, если он поднимется очень близко. Из всего сказанного мною следует, что травля уток и тетеревов не может быть добычлива. Совсем другое представляет охота за перепелками с мелкими ястребами третьего разряда, которые и называются *перепелятниками;* об них и об охоте с ними поговорю я подробно.

Я уже сказал, что ястреба-гусятники — большая редкость, так что немногим охотникам удавалось видеть их на воле; утятники попадаются чаще, а перепелятников

деревенские жители видят по нескольку раз в день или по крайней мере замечают эффект, производимый появлением или присутствием ястреба-перепелятника, которого часто глазами и не увидишь. Эффект состоит в том, что вся дворовая и около дворов живущая птица закричит всполошным криком и бросится или прятаться, или преследовать воздушного пирата: куры поднимут кудахтанье, цыплята с жалобным писком побегут скрыться под распущенные крылья матерей-наседок, воробьи зачирикают особенным образом и как безумные попрячутся куда ни попало — и я часто видел, как дерево, задрожав и зашумев листьями, будто от внезапного крупного дождя, мгновенно прятало в свои ветви целую стаю воробьев; с тревожным пронзительным криком, а не щебетаньем, начнут черкать ласточки по-соколиному, налетая на какое-нибудь одно место; защекочут сороки, закаркают вороны и потянутся в ту же сторону — одним словом, поднимется общая тревога, и это наверное значит, что пробежал ястреб и спрятался где-нибудь под поветью, в овине, или сел в чащу зеленых ветвей ближайшего дерева. Иногда так и не увидишь ястреба. Он переждет тревогу, весьма ему невыгодную, потому что она предупреждает о нем тех птиц, которые могли бы сделаться его добычей, да, вероятно, надоедает и пугает его весь этот писк, крик, шум и преследованье, — переждет и улетит! Но я всегда любил такие явления общей суматохи, всегда стерег вылет ястреба из его убежища и часто видал, как он, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнет и скроется в кустах уремы или в ближайшем лесу.

Все, что я стану говорить о наружном виде ястребов-перепелятников, об их выкармливанье, вынашиванье и проч., совершенно прилагается и к двум первым родам. Перепелятники, пером светлосерые, называются *чисторябыми*; они бывают посветлее и потемнее. Оренбургские охотники приписывают это различие в пере (то есть в цвете ястребиной *крыши*) влиянию дерев, на которых они вывелись, и потому светлых называют *березовиками*, а темных — *дубовиками*. Ястреба коричнево-пестрые называются красно-рябыми, их гнезда всегда находятся на ольхах, а потому их зовут *ольшняками*. Надобно заме-

тить, что они мельче других ястребиных пород. Хотя странно приписывать цвет перьев птицы тому дереву, на котором она вывелась, и хотя я всегда плохо этому верил, но я должен сознаться, что несколько опытов, сделанных мною самим, подтверждают мнение охотников. — Самка перепелятника (как у всех хищных птиц) гораздо больше и сильнее *чеглика,* то есть самца, который для травли не употребляется по своей малосильности и стомчивости. Я пробовал воспитывать и вынашивать перепелятников-чегликов: они в выноске гораздо понятнее и повадливее самок. Я травил ими воробьев и всяких мелких птичек, даже перепелок; но чеглик-перепелятник так слабосилен, что легкую перепелку не *угонит,* а с сытой старой едва сладит и нередко выпускает ее из когтей. Поршков перепелиных он ловит хорошо и то не помногу. Поймав штук пять-шесть, он уже и их не догоняет и даже не летит с руки, на которую присядет, если очень устал. Чегликов-утятников употребляют иногда для травли перепелок, но это имеет свои неудобства: для перепелки он слишком силен и, поймав ее, не вдруг опускается на землю. В книге: «Урядник сокольничья пути» царя Алексея Михайловича, которую всякий охотник должен читать с умилением, между прочим сказано: «Добровидна же и копцова добыча и лет. По сих доброутешна и приветлива правленных (то есть выношенных) ястребов и челигов (то есть чегликов; иногда называются они там же *чеглоками*) ястребьих ловля; к водам рыщение, ко птицам же доступание». Из сих немногих строк следует заключить: 1) что копцов вынашивали и что ими травили, чего я и другие мне известные охотники никак добиться не могли и признали их к ловле неспособными; 2) что *ястребьи челиги,* то есть ястребиные чеглики, употреблялись для охоты точно так же, как и самки; но должно думать, что это были ястреба большие, а не перепелятники. Последнее доказывается словами: *«к водам рыщение»,* а равно и тем, что перепелок никогда около Москвы, в достаточном числе для охоты, не бывало, да и быть не могло. Следственно, речь идет о травле уток, вероятно мелких чирков, к чему чеглики-утятники могут быть пригодны.

Ястреба вьют, или кладут, свои гнезда в лесу из мелких прутиков, на толстых деревьях, всегда на одном из главных сучков и близ самого древесного ствола; самки кладут по четыре, а чаще по три яйца; во всякой выводке есть один чеглик. Охотники заранее осматривают леса, особенно те места, где выводились прежде ястреба, и по разным признакам знают наверное, где именно находится гнездо; но близко к нему до вывода молодых не подходят, потому что самка бросит яйца. Время выемки ястребов из гнезд зависит от охотников: кто из них не скучает уходом за маленькими ястребятами, для корма которых нужно мясо мелко рубить, тот вынимает молодых в пушку; такие ястребята ручнее, и вынашивать их легче; но многие охотники утверждают, что они бывают тупее, то есть не так жадны, резвы и сильны, как ястребята оперившиеся, которых ловить уже приходится силом на длинной лутошке, потому что, когда человек влезет на дерево, — они распрыгаются по сучьям. Хотя я выкармливал ястребят разных возрастов, но как это случалось в разные годы, то я как-то не замечал разницы в их качествах; но что касается до *слетков*, то есть до молодых ястребов, слетевших с гнезд, заловивших на воле и пойманных потом в *кутню* [1], то я утвердительно могу сказать, что они гораздо лучше гнездарей, но зато и вынашивать их гораздо труднее. Вынутых ястребят сажают в просторную клетку из прутиков или из сетки, а если они очень малы, то сначала кладут в круглое лукошко, в котором они, как в гнезде, станут сидеть смирно, плотно прижавшись друг к другу; даже кормят их из рук рубленым свежим мясом каких-нибудь птиц: голуби и воробьи считаются самою здоровою пищею, которою можно скоро поправить слишком исхудавших ястребов, *нателить*, говоря по-охотничьи. Впрочем, можно давать

---

[1] Кутнею называется длинная клетка из сетки, разгороженная на три отделения или клетки же; в средней сидят живые воробьи для приманки, а две боковые имеют спускные дверцы также из сетки, которые поднимаются и настораживаются, как в чепках. Молодой ястреб (слеток), увидев воробьев, бросается к ним через которую-нибудь боковую клетку, тронет сторожок, дверца опустится — и ястреб пойман. Иногда попадаются и старые ястреба, но очень редко.

баранину, говядину, телятину и зайчатину, если она случится. Когда ястреба подрастут, то дается каждому, чтобы они не дрались между собою, по особому куску мяса, всегда один раз в сутки, и если это мясо будет птичье, то непременно с перьями и костями. Изобильный корм, особенно парным мясом только что убитой птицы, — самое верное средство вырастить хороших ястребов: они будут *родны* (велики), сильны, выведут перья ровно, отчего летают резвее и поспевают ранее к охоте. Я знавал таких охотников, у которых ястреба не только получали корм неточно, несвоевременно, но дня по два иногда постились. У таких ястребов всегда бывают на стволах хвостовых перьев пережабины беловатого цвета и самые перья как будто помяты, надломлены и взъерошены; эти знаки называются *заморами*. Если их много — ястреб туп на лету. В клетке надобно сделать нашестки или поставить колодки для ночевки и отдельного сиденья ястребят после корма; последнее нужно для того, чтобы они как-нибудь не подрались между собою и не помяли полных пищею зобов, что бывает для них иногда даже смертельно. Зоб просиживается часов в восемь, то есть пища разлагается и спускается из зоба в кишки, после чего скидывается ястребами так называемая *погадка*, которая есть не что иное, как перышки, косточки и жилки, все неудобосваримое из проглоченного мяса, свернувшееся в продолговатый, овальный сверточек, извергаемый ежедневно хищными птицами ртом. Когда ястреб *скинул погадку*, можно идти с ним в поле на охоту; до совершения же этой операции даже вольные хищные птицы, как утверждают охотники, ничего не ловят и не едят. Нужно также, чтобы в клетке постоянно стояло корытце с водой, ежедневно переменяемой; в жары ястреба часто пьют и купаются, что способствует их здоровью, чистоте и скорой переборке перьев. Хотя в гнезде и на сучьях выводного дерева нечего им пить и негде купаться, но слетевшие с гнезд и старые ястреба любят и то и другое во время летнего зноя.

Наконец, пришло время, обыкновенно в половине или исходе июля, *поднимать* и *вынашивать* ястребов. Вечером, когда довольно смеркнется, охотник осторожно

влезает в клетку и бережно берет, вдруг обеими руками, спящего ястреба, который спит, всегда поджав одну ногу со сжатыми в кулачок пальцами, а голову завернув под крыло. При поимке неспящего ястреба днем непременно были бы помяты его перья и сам бы он напугался. Охотник вытягивает ему ноги, складывает ровно крылья, выправляет хвостовые перья и, оставя на свободе одну голову, спеленывает его в платок, нарочно для того сшитый вдвое, с отверстием для головы, плотно обвивает краями платка и завязывает слегка снурком или тесемкой; в таком положении носит он на ладони спеленанного гнездаря по крайней мере часа два, и непременно там, где много толпится народа; потом, развязав сзади пеленку, надевает ему на ноги *нагавки* с *опутинками,* которые привязываются обыкновенною петлею к *должнику* [1], наглухо прикрепленному к кожаной рукавице или перчатке с правой руки, на которой всегда будет сидеть выученный ястреб. В это же время прикрепляют к ястребу бубенчик, в чем хотя нет необходимости, но что на охоте бывает очень полезно. Дутый медный бубенчик, величиною с крупный русский орех или несколько побольше, но круглый, звонкий и легкий, пришпиливается в хвосте, для чего надобно взять ястреба в обе руки, а другому охотнику разобрать бережно хвост на две равные половинки и, отступя на вершок от репицы, проко-

---

[1] Нагавками, или обносцами, называются суконные или кожаные, но подшитые тоненьким суконцем онучки, шириною в большой палец, которыми обертывают просторно, в одну рядь, ноги ястреба; на онучках, то есть нагавках, нашиты *опутинки,* плетеные тесемочки волос в тридцать, длиною четверти в полторы; каждая опутинка нижним концом своим продевается в петельку, пришитую к нагавке, затягивается и держится крепко и свободно на ноге. Должник — тонкий ремень, или, пожалуй, снурок, аршина в полтора длиною, наглухо пришитый к охотничьей рукавице. Должник устроен довольно затейливым образом: другой конец его прикрепляется к железному прутику, вершка в два с половиной длиною; прутик просовывается весьма свободно в круглое отверстие костяной дощечки, просверленной на средине (длиною вершка в два, а шириною в палец), и держится в дощечке на широкой шляпке, какая бывает у большого гвоздя; к обоим концам косточки прикреплен своими концами ремешок (в четверть длиною), вытянутый посредине кверху; он составляет острый

лоть одно из средних хвостовых перьев посредине обыкновенной медной булавкой; на нее надеть за ушко бубенчик, острый конец воткнуть в другое среднее соседнее перо и вогнать булавку до самой головки; она будет так крепко держаться, что точно врастет в перо; иногда ушко бубенчика отломится, а булавка останется навсегда. Прежде охотники привязывали бубенчик к ноге; но этот способ несравненно хуже: бубенчик будет беспрестанно за что-нибудь задевать и как раз сломается; когда же ястреб с перепелкой сядет в траву или в хлеб, то звука никакого не будет; а бубенчик в хвосте, как скоро ястреб начнет щипать птицу, при всяком наклонении головы и тела станет звенеть и дает о себе знать охотнику, в чем и заключается вся цель.

Потом охотник идет в самое темное место, в какой-нибудь сарай или хлев, бережно снимает всю пеленку и старается посадить ястреба на свою правую руку, защищенную от его когтей рукавичкой. Эта минута самая трудная; иногда долго нельзя усадить ястреба, и требуется много ловкости и сноровки, чтобы он, бившись и вися на опутинках, не тронул, то есть не вытянул ног, отчего ястреба навсегда остаются слабыми. Иногда гнездарь, смирный и привычный к человеку, наскучивший принужденным положением в пеленке и боящийся в темноте летать (к чему он и не привык в клетке), сразу

треугольник, которому основанием служит дощечка; к верхнему острому углу ременного треугольника привязываются простою петлею обе опутинки; стоит дернуть за их концы — петля развяжется, и ястреб может лететь. — Само собою разумеется, что охотничьи названия всех *уборов* хищных птиц могут называться различно в разных местах России и что уборы эти бывают роскошны и бедны. Драгоценная книга царя Алексея Михайловича, глаголемая: «Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути», показывает, как великолепно убирали соколов и кречетов: «И мало понорови, подсокольничий молвит: *начальные, время наряду и час красоте.* И начальные емлют со стола наряд: первый, Парфентий, возьмет клобучок, по бархату червчатому шит серебром с совкою нарядною; вторый, Михей, возьмет колокольцы серебряны, позолочены: третий, Леонтий, возьмет обнасцы и должик (должник) тканые с золотом волоченым. И уготовав весь наряд на руках, подошед к подсокольничему, начальные сокольники наряжают кречета». Очевидно, что колокольцы (бубенчики) всякий раз, когда нужно, привязывались к ногам ловчих птиц.

садится на руку; разумеется, не то бывает с слетком, как сказано будет ниже. Как скоро ястреб усядется на руке, то надобно стоять смирно и оставаться с полчаса в том же темном месте; потом растворить двери, отчего сделается светлее, и ястреб непременно станет слетать с руки; когда же он успокоится, охотник потихоньку выходит на вольный воздух и ходит с своим учеником по местам уединенным и открытым. Перед солнечным восходом сон начнет одолевать ястреба, и он сделается смирнее: тут можно поступать смелее: поглаживать его, поправлять крылья, которые он целые сутки держит в распущенном положении (не подбирает), и потягивать полегоньку за хвост, чтобы он крепче держался когтями за руку охотника и не дремал. Часов в семь утра можно посадить ястреба на колодку в безопасном месте и дать ему отдохнуть часа два, а чтобы он не скоро заснул и не крепко спал, то надобно его раза три вспрыснуть водою: ястреб не заснет до тех пор, пока не провянут перья, которые он беспрестанно будет прочищать и перебирать своим носом. Охотник также может соснуть в это время. После короткого отдыха, которого слеткам никогда в первый день не дают, потому что они гораздо упрямее и крепче, надобно взять ястреба на руку и носить до вечера, выбирая места, где меньше толкается народу: внезапное и быстрое появление нового человека всегда пугает и заставляет слетать с руки молодых ястребов; особенно не любят они, если ктонибудь подойдет сзади. Вынашивая гнездаря, смирного и привычного к человеку, не нужно его слишком вымаривать, а потому можно перед вечером дать ему соснуть еще часика полтора. Во вторую ночь продолжается та же история, как и в первую; на другой день, если ястреб уже привыкает хорошо сидеть на руке и если он не очень сыт (то есть не жирен), то можно к вечеру предложить ему мясо. Хотя редко, но случается, что на другой день вечером ястреб-гнездарь, который не ел уже полторы сутки, да и в предыдущий день был кормлен очень мало, станет есть, сидя на руке у охотника: в таком случае можно его *подкормить*, то есть покормить немного, дать третью часть против обыкновенного. На третий день ястреб сделается гораздо смирнее: бессонница и голод отнимут у него ту врожденную энергию дикости, кото-

рую еще не совсем истребила клетка. Вечером надобно его начать *вабить* и заставить *перейти* на руку. Это делается следующим образом: ястреба надобно на что-нибудь посадить, не отвязывая должника, потом взять кусок свежего мяса, показать сначала издали и потом поднести ему под нос, и когда он захочет схватить его клювом, то руку отдернуть хотя на четверть аршина и куском мяса (вабилом) [1] поматывать, а самому почмокивать и посвистывать (что называется *вабить*, то есть звать, манить). Ястреб сначала будет вытягивать шею то на одну, то на другую сторону и наклоняться, чтоб достать корм, но, видя, что это невозможно, решится перелететь или хотя перескочить с своего места на манящее его вабило в руке охотника; этот маневр надобно повторить до трех раз, и всякий раз вабить дальше, так, чтобы в третий — ястреб перелетел на сажень; тут надо покормить его побольше, потом посадить часа на два в уединенное место и вообще накормленного ястреба носить очень бережно, наблюдая, чтобы он, слетев с руки, не ударился о что-нибудь и не помял зоба. На четвертый день ястреб, начав с сажени, перейдет на руку расстояние в десять и двадцать сажен: в таком случае следует покормить еще побольше, вполсыта. Охотник продолжает на следующие дни прежнюю выноску, и, наконец, в семь или восемь дней птица сделается так смирна и ручна, что охотник, вабивший с каждым днем все дальше и дальше, в положенный час кормления, посадив ястреба на забор или на крышу, сам уйдет из виду вон — и только свистнет особливым позывом, которого звук трудно передать буквами, похожим несколько на слог *пфу*, как ястреб сейчас прилетит и явится на руке охотника. Впрочем, иногда даже и гнездарь, несколько упрямый, не вдруг привыкает *сейчас* лететь на свист и голос охотника, а сначала начнет оглядываться направо и налево, как будто прислушиваясь, потом начнет кивать головой, вытягивать шею и приседать, что почти всегда делает птица, когда сбирается с чего-нибудь слететь; вот, кажется, сию

[1] Обыкновенно для вабила употребляется крыло какой-нибудь птицы (всего лучше голубиное), оторванное с мясом: охотнику ловко держать в руке папоротку крыла, которое не должно быть ощипано.

секунду полетит, совсем уж перевесился вперед... и вдруг опять принимает спокойное положение и даже начинает носом перебирать и чистить свои правильные перышки. Но бывает иногда, что посреди таких занятий, вовсе без приготовлений, ястреб внезапно слетает с места, замахав сначала проворно крыльями, потом, увидев охотника, он быстро опускается и бежит низом, то есть плавно плывет, стелется, как ласточка, над землей... воробьи зачиликают и попрячутся, сороки защекочут, куры закудахчут, а ястреб, подбежав вплоть к охотнику, вдруг взмоет кверху и вцепится в вабило, которое охотник успел уже укоротить, так что только маленький кусочек мяса остался наружи. — Срок и строгость выноски зависят от понятливости и покорности ястреба и также от крепости или слабости его сил. Иногда попадается и гнездарь, особенно поднятый поздно, столь упрямый, что и в десять дней не добьешься от него полного повиновения, тогда как другого на шестой день можно притравить, а на седьмой идти с ним в поле. В выноске ястреба нужна строгая точность, неослабное внимание, а главное — нескучливость. Например: ястреб упрямится, не идет на руку иногда два часа сряду, тогда как накануне через такое же расстояние перешел скоро и сегодня должен был перейти еще скорее и дальше; скучливому охотнику надоест стоять на одном месте, махать рукой и понапрасну звать ястреба, он сам подойдет поближе и — испортит все дело: на завтрашний день ястреб захочет еще большего сокращения расстояния, и переломить его упрямство еще труднее; он очень памятлив и впоследствии, когда выносится совсем и станет ходить на руку отлично хорошо, вдруг вспомнит, что его когда-то побаловали, заупрямится без причины и совершенно неожиданно. Выноска должна происходить без всякой уступки: не идет на руку — не давать есть, не давать спать; если ястреб худ и слаб, то лучше просто покормить на руке или в садке, но никак не уменьшать расстояния в переходе на руку. Вообще выноска — дело довольно трудное, а ленивому человеку будет не по вкусу. Спать приходится весьма немного. Хорошо, когда есть другой благонадежный охотник, которому можно поручить и доверить ястреба на время, а самому часок-другой уснуть; но надо быть осторожну в выборе помощника;

мне нередко случалось видеть, как спит охотник, присев к забору, и спит ястреб, сидя у него на руке, тогда как ястребу не следовало в это время даже и дремать. Можно утвердительно сказать, что едва ли третья часть ястребов вынашивается хорошо. Единовременный корм самым свежим мясом и сбережение сытой птицы — также дело хлопотливое, и также утвердительно можно сказать, что все ястреба погибают рановременно от неосторожности и недосмотра охотников.

Слетка вынашивать всегда гораздо труднее, а если попадется прошлогодний ястреб и охотник захочет, за неимением других, его непременно выносить, то это требует много времени, хлопот и беспокойств, да и неблагонадежно. Такой ястреб не может ловить отлично хорошо уже потому, что его всегда надо держать в черном теле, следовательно несколько слабым, а *из тела* (то есть сытый, жирный) он ловить не станет и при первом удобном случае улетит и пропадет.

Слеток вынашивается точно так же, как и гнездарь, только строже, точнее и долее. Обращаю внимание господ охотников на последнее обстоятельство: чем долее вынашивается ястреб до начала травли, тем лучше, тем благонадежнее в будущем. Чтоб выносить скоро, надобно усмирить ястреба бессонницей и голодом, выморить его, а это иногда так ослабляет силы всего организма, что после ничем нельзя восстановить его, тогда как продолжительная носка дает возможность выучить ястреба сытого, полного сил, вкоренить в него ученье одной привычкой, которая гораздо вернее насильственной покорности от голода и бессонницы; даже в продолжение травли все свободное от охоты время, кроме пятичасового сна, надобно носить ястреба на руке постоянно, особенно слетка. Удивительно, какая разница между слетками и гнездарями! Я пробовал кормить последних таким отличным кормом, всегда парным, какого лучше, особенно в таком изобилье, не могла доставать мать своим ястребятам; пойманный слеток далеко не бывал так сыт, как поднимаемый на руку гнездарь, но между тем всегда слеток оказывался как-то глаже, чище пером, складнее, резвее и жаднее гнездаря. У последнего глаза бывают белесовато-мутного цвета, без всякого выражения, а у

слетка глаза живые, яркожелтые, *наигранные*, по выражению охотников, то есть зоркие и блестящие. Правда, впоследствии и гнездарь наиграет глаза: они пожелтеют и получат некоторый блеск, но никогда не сравняются с глазами вольного ястреба. — Возвращаюсь к делу. Итак, ястреб, какой бы он ни был, выношен совершенно, то есть ходит на руку отлично, даже без вабила, на один свист; надобно его притравить: дать ему поймать птицу и накормить до отвала на первой пойманной им добыче. Слетка не нужно притравливать, разве для того, чтоб он брал птицу покрупнее, для гнездаря же это самое важное дело; если в клетке он не поважен щипать птицу в перьях, то иногда, будучи уже выношен хорошо, не вдруг бросится на живую птицу, даже не посмотрит на нее: такого ястреба с первого разу не притравишь; но если в садке ему давали иногда птиц в перьях и живых воробьев или других птичек, то притравить его легко. Охотники уверяют, что притравливать надобно всегда на крупную птицу и что такой ястреб-перепелятник будет жаднее и станет брать вольных крупных птиц, как-то: уток-чирят, некрупных тетеревят, дупельшнепов, галок, сорок и голубей. Я в этом сомневаюсь, и хотя сам всегда притравливал ястребов голубями и некоторые мои ястреба точно брали поименованных мною птиц, но, кажется, это происходило от врожденной злобности и от крепости в ногах и пальцах, а не от первоначальной притравы, потому что не все, а только редкие бывали так жадны и сильны; притом другие охотники притравливают обыкновенно перепелками, а ястреба выходят отличные и даже иные берут дичь и птицу покрупнее.

Выношенного ястреба, приученного видеть около себя легавую собаку, притравливают следующим образом: охотник выходит с ним на открытое место, всего лучше за околицу деревни, в поле; другой охотник идет рядом с ним (впрочем, можно обойтись и без товарища): незаметно для ястреба вынимает он из кармана или из *вачика* [1] голубя, предпочтительно молодого, привязанного

---

[1] Вачик — холщовая или кожаная двойная сумка; в маленькой сумке лежит вабило, без которого никак не должно ходить в поле, а в большую кладут затравленных перепелок.

за ногу тоненьким снурком, другой конец которого привязан к руке охотника: это делается для того, чтоб задержать полет голубя и чтоб, в случае неудачи, он не улетел совсем; голубь вспархивает, как будто нечаянно, из-под самых ног охотника; ястреб, опутинки которого заблаговременно отвязаны от должника, бросается, догоняет птицу, схватывает и падает с добычею на землю; охотник подбегает и осторожно помогает ястребу удержать голубя, потому что последний очень силен и гнездарю одному с ним не справиться; нужно придержать голубиные крылья и потом, не вынимая из когтей, отвернуть голубю голову. Тут надобно дать полную свободу ястребу; пусть он возится и управляется с добычей как ему угодно, лишь бы место было гладко; он ощиплет сам перья с голубя и, проглотив сначала голову и шею, изорванные в кусочки охотником, наестся до отвала, так что перестанет рвать мясо. Тогда охотник, взяв осторожно ястреба на руку, относит его домой, сажает на колодку и не трогает до утра, чтобы он мог выспаться хорошенько. Если притравление, или притрава совершилась удачно, то повторять ее не нужно; если же, например, ястреб бросился, но не схватил голубя или схватил, но не удержал, то надобно повторить притраву и добиться, чтоб ястреб взял птицу хорошо. В случае притравы успешной на другой день после обеда, когда жар посвалит, охотник идет с ястребом в поле в сопровождении собаки, непременно хорошо дрессированной, то есть имеющей крепкую стойку и не гоняющейся за взлетевшею птицею; последнее качество собаки необходимо, особенно для гнездаря, который еще не вловился: если собака кинется на него, когда он схватит перепелку и свалится с ней в траву, то ястреб испугается, бросит свою добычу, и трудно будет поправить первое впечатление.

Итак, охотник выходит в поле, имея в вачике *непременно* вабило; собака приискивает перепелку, останавливается над ней, охотник подходит как можно ближе, поднимает ястреба на руке как можно выше, кричит *пиль*, собака кидается к перепелке, она взлетает, ястреб бросается, догоняет, схватывает на воздухе и опускается с ней на землю. Повторяется вчерашняя история, то есть ястреб накармливается досыта. На третий день

начинается настоящая травля, но в самом умеренном числе; более осьми и много десяти перепелок травить не следует. Притом и возни с ястребом будет много; в каждую перепелку он так вкогтится, что не вдруг отнимешь, потому что надобно это делать бережно, отоптав кругом траву, чтоб не помять перья у ястреба, и вот каким образом: левою рукою должно закрыть пойманную перепелку от глаз ястреба, вместе с его ногами, а правою рукою — отгибать когти, для чего нужно сначала разогнуть приемный передний коготь и потом задний, тогда разогнутся остальные сами собою. Иной ястреб так сердит, что когда разогнут когти на обеих его ногах и отнимут добычу, то он сожмет пальцы в кулачок, так что они замрут и долго иногда остаются в этом судорожном состоянии. Отняв перепелку, охотник, за спиною у себя, отрывает ей голову, кладет к себе в вачик, а шейку с головкой показывает ястребу, который и вскакивает с земли на руку охотника, который, дав ему клюнуть раза два теплого перепелиного мозжечка, остальное прячет в вачик и отдает ястребу после окончания охоты. Охотник дает время ястребу опомниться, оправляет его растопыренные от злости крылья, и, когда он перестанет когтить руку и совсем успокоится, заставляет собаку приискать новую перепелку: где их много, особенно около просяниш, там попадаются они на всяком шагу. Если собака приищет выводку поршков (перепелят), то их травить не надо; во-первых, они подрастут и к осени можно их затравить *в поре*, и во-вторых, такая легкая добыча балует молодого ястреба. Одного первого поршка непременно затравишь, потому что не знаешь, над какой перепелкой стоит собака; но потом надобно ее отозвать от перепелиной выводки и отвесть в сторону: затравленный поршок пойдет на корм ястреба. — С каждым днем увеличивается число затравленных перепелок, и, наконец, травля продолжается от выхода охотника в поле вплоть до ночи. Мне рассказывали, что в старые годы охотники затравливали по сту перепелок, но сам я более пятидесяти не принашивал; впрочем, другие, неутомимые, охотники травили и в мое время до семидесяти штук в одно поле, в числе которых находилось иногда до десяти коростелей, особенно к осени, когда они из болот все выбегают в поля

и опушки. Коростеля берет не всякий молодой ястреб, потому что коростель кричит, когда его догоняют; крик его похож на огрызанье хорька или на щекотанье сороки. Если гнездарь не возьмет его с первого раза, то уже не будет брать никогда. Слеток же крику дергуна не боится.

Бывало, в иной вечер охотники с четырьмя ястребами приносили более двухсот перепелок. Это целый ворох. За поздним временем некогда и темно было чистить и щипать птицу, потому всех перепелок раскладывали на большом лубке, заранее прилаженном на льду в погребе. Это делалось сколько для того, чтобы невыпотрошенная дичь не испортилась, столько же и для того, чтобы она хорошенько охолодела. Теплую, жирную перепелку щипать невозможно, потому что с выдернутыми перышками будет отставать и прорываться кожа, растянутая жиром до необыкновенной тонины. На другой день, рано поутру, в прохладной западной тени погреба начиналась шумная работа: повара потрошили, а все дворовые и горничные девушки и девочки, пополам со смехом, шутками и бранью щипали перепелок; доставалось тут охотникам, которых в шутку называли «побродяжками» за их многочисленную добычу, без шуток надоедавшую всем, потому что эту пустую работу надобно было производить осторожно и медленно, не прорывая кожи, за чем строго смотрела ключница. Перепелок сушили, коптили, а всего более солили. Сначала употребляли в пищу свежих, в паштетах, соусах и жаренных на сковороде в сметане; но скоро они, по своей приторности, так надоедали, что никто не мог смотреть на них без отвращения. — Число затравленных перепелок зависело не от числа приисканных собакою, а от силы ястреба и, главное, от того, что, поймав перепелку, он иногда слишком злобится, когтит, не дает отнять своей добычи, и время уходит даром: впрочем, у молодого ястреба это добрый знак. Травля тогда бывает вполне успешна, когда ястреб немедленно выпускает из когтей перепелку, как скоро охотник наложит на нее руку. Это последнее делает только ястреб старый, пересидевший зиму в садке; впрочем, и молодой гнездарь к концу осени уже перестает сердиться, или, лучше сказать, упрямиться, и легко уступает свою добычу охотнику.

Живо воображая себе эту охоту теперь, с удовольствием и вместе с удивлением вспоминаю, как я увлекался ею в ребячестве и какие страстные охотники были до нее мои товарищи, люди пожилые и даже старики! В других губерниях, например в Курской, травля перепелок составляет промысел однодворцев; но в Оренбургской губернии, кажется, и до сих пор никто не охотится за ними для выгод денежных. Тогда у нас было три охотника, я четвертый; соревнование кипело горячее: чей ястреб лучше и кто затравит перепелок больше! Бывало, не знаешь, что делать от нетерпения, от ожидания, когда жар посвалит и можно будет ехать в поле. Охотники не позволяют травить в жаркие дни часов до пяти пополудни, утверждая, что ястреб заленится и заиграет. Это точно иногда бывает. В таком случае, если ястреб как-нибудь улетит совсем и через несколько дней будет пойман, надобно продержать его некоторое время в садке, чтобы он забыл свой побег, и потом вынашивать вновь, хотя не так уже строго. Впрочем, и собаке искать и охотнику ходить, конечно, в жар тяжело; но в дни серенькие или к осени, уже прохладные, как скоро ястреб скинет погадку, можно хоть с утра идти с ним в поле. Травишь, бывало, до ночи и всякий раз ропщешь, что скоро садится солнышко и рано наступают сумерки! По захождении солнца перепелки сидят уже не так крепко, летят шибче, поднимаются от земли выше и перемещаются дальше; ястреб же утомился, ловит не жадно, и нередко случается, что он не догоняет перепелок легких, то есть не так разжиревших, *чекуш*, как их называют охотники, потому что они на лету кричат похоже на слоги *чек, чек, чек*, — не догонит, повернет назад и прямо сядет на руку охотника или на его картуз, если он не подставит руки. Это называется *ястреб ходит на руку с оборотом*. — Нечего делать, надо возвращаться домой; сядешь на охотничьи дрожки и едешь шагом, кормя дорогой ястреба и пересчитывая в уме затравленных перепелок. Замечательно, что этот счет никогда не бывает верен: как ни считаешь аккуратно — всегда ошибаешься хоть одной штукой, а иногда двумя и тремя. Без сомнения, главное удовольствие в охоте доставляет резвость, ловчивость ястреба и доброе чутье и вежливость легавой собаки.

Они так свыкаются между собою, что это удивительно: ястреб так умеет различать поиск собаки, что по ее движениям и по маханью хвостом знает, когда она близко добирается до перепелки, особенно понимает стойку собаки: он уже не спускает с нее глаз, блестящих какой-то пронзительною ясностию, весь подберется, присядет, наклонится вперед и готов броситься каждое мгновение. Ястреб уже совершенно не боится приближения собаки, не слетает с нашеста или колодки, когда она подходит, и часто под самым ее рылом щиплет пойманную добычу. Если ястреб без бубенчика и свалится с перепелкой в высокую траву или нежатый хлеб, то для скорейшего отыскания его обыкновенно употребляют собаку, и она, найдя ястреба, который притаится и приляжет в траве, сделает стойку и начнет махать хвостом от удовольствия; если же охотник далеко и ее не видит в густом хлебе, то начинает лаять. Если ястреб так свыкается с собакой, то еще более привыкает к своему хозяину: у другого охотника он долго не будет так ловить и особенно ходить на руку, как у того, кто его выносил и охотился с ним сначала. Когда перепелки жирны, а ястреб резов и силен, то можно не подходить очень близко к найденной перепелке, а велеть собаке издали спугать ее: тогда на дальнем расстоянии можно дольше любоваться резвостью ловчей птицы. Иные горячие охотники криком поощряют в это время своего ястреба, как псовые охотники собак: «Эх, милый! ну, ну, ну, подцепи; не промахнись!» и пр. и пр. Про лихого ястреба говорят, что он как пуля догоняет перепелку.

Самая богатая, добычливая травля перепелок бывает во второй половине августа и, смотря по погоде, иногда в начале сентября. Перепелки превратятся в жир, отяжелеют и, пролетев несколько шагов, падают на землю; даже не видя ястреба, поднимаются неохотно, а завидя его, лежат так плотно, что мне случалось брать их руками; невежливая и поваженная к тому собака переловит много таких перепелок. С особенною жадностью охотишься, бывало, в начале сентября, потому что каждый день ожидаешь перемены в погоде и начала *пропаданья* перепелок: никак нельзя сказать, что они отлетают, — они именно пропадают с каждым днем. Это всегда случается при наступлении холодного ненастья, особенно с

северным ветром или морозом. Первое уменьшение гораздо значительнее и заметнее, а потом с каждым днем травишь менее и спустишься штук на шесть, на пять. Тут все охотники обыкновенно бросают травлю; но я продолжал ее упорно; ездил и ходил целые дни по всем любимым местам исчезающих перепелок, как-то: по широким межам, которые в Оренбургской губернии бывают в сажень ширины, поросшим густою травою и мелким кустарником чилизника, бобовника и вишенника, по залежам, начинающим лужать и зарастающим круговинами необыкновенно мягкою и густою шелковистою травкою; также по жнивью, зазеленевшему по местам длинными полосами казульки, жабры и череды, а всего лучше около нежатого просянища, брошенного за малостью урожая. Не один десяток верст проедешь и исходишь, бывало, чтобы затравить одну перепелку... наконец, нет ни одной, на другой день то же — надобно посадить ястреба на зимнюю квартиру.

Пороки ястребов бывают следующие: часто случается, что молодой ястреб *охватывается* и проносится мимо перепелки или даже садится за ней в траву, а перепелка, особенно легкая, пробежав немного, быстро поднимается и возьмет большой перед; ястреб же оправившись, если и погонится за ней, то уже не догонит; иногда даже схватит, повидимому, перепелку на лету и вместе с ней упадет на землю: охотник подбегает и находит, что ястреб держит в когтях траву или какой-нибудь прутик, а перепелки и след простыл. Это показывает или горячность, которую охотники выражают словом *обзарился*, или — слабость в ногах; первое пройдет от опытности, а второе, если не происходит от худобы случайной, бывает неисправимо. Худобу же поправить легко: стоит дня два поменьше травить, побольше кормить парным мясом и побольше давать спать, одним словом — понателить ястреба. Иногда бывает совсем противное: ястреб плохо ловит от лени, от того что жирен; такого, разумеется, следует повыморить: поменьше кормить, побольше носить и не давать много спать. У сильных ястребов, даже у несытых, встречается иногда особенный недостаток: они *носят*, говоря по-охотничьи, то есть, поймав перепелку, не сейчас опускаются на землю, а летят с нею сажен пятьдесят, а иногда

сто, и потом опускаются — это очень скучно и утомительно. Для избежанья такого невзгодья подлепляют у ястреба воском, в самых корнях, приемные когти, чтоб они сделались короче и чтоб ястреб, опасаясь, что перепелка вырвется, сейчас опускался с нею в траву. Наконец, попадаются ястреба просто глупые, тупые, не резво летающие, лентяи и ротозеи; они по большей части слабосильны, и таких надо выпускать на волю. Хорошего ловца можно узнать с первого взгляда: на руке он сидит бодро и весело, перо лежит у него гладко, головка маленькая, спина широкая, стан круглый, посадка стопкой, ноги здоровые и крепкие, но не длинные, емь большая, пальцы твердые, когти острые, умеренно круглые (нехорошо, когда они пологи, еще хуже, если слишком круто загнуты), глаза живые и пронзительные. Верной приметой считается, что ястреб хорош, если у него на хвосте находится семь «черней», то есть семь поперечных темных полос. Все противоположные признаки изобличают ястреба посредственного или плохого.

Травля ястребами-перепелятниками другой дичи, кроме перепелок и коростелей, весьма незначительна, и обыкновенные охотники ею не занимаются, разве представится очень благоприятный случай сам собою. Но я любил эти опыты и пробовал травить жадными перепелятниками тетеревят, которых они берут очень хорошо, если выводка захвачена в чистом поле и если тетеревята малы, а как скоро зайдут за полтетерева, то таких уже догнать не могут, да и не удержат; дупелей также берут хорошо, если они очень жирны и поднимаются из-под самого рыла собаки; но если чуть подальше, то не догоняют. Я затравил в продолжение моей охоты с ястребами одного жирного осеннего вальдшнепа совершенно нечаянно, думая, что собака ищет по коростелю в лесной опушке; затравил двух чирков и одного болотного молодого кулика; голубей русских перетравил множество, а также галок и сорок; но только два ястреба из нескольких десятков ловили у меня отлично последних трех птиц. По мнению охотников, их потому берет не всякий ястреб, что голубь очень силен, галка черна, а сорока щекочет и больно дерется клювом и ногами. Первая и последняя — причины справедливые и весьма уважительные: но точно ли

не нравится черный цвет ястребу — утверждать не могу. Вся хитрость состоит в том, что ястребу надобно нечаянно, из-за чего-нибудь, близко налететь на этих птиц, в противном случае он их не догонит. Один охотник при мне травил сорок, даже зимой, старым ястребом, но вот каким образом: он выбрасывал кости и всякий сор под самым окошком своей избы, сороки налетали, а он поднимал тихонько оконницу, подносил ястреба, который, возрясь в сорок, бросался и захватывал которую-нибудь почти на месте. Этот охотник в продолжение всей зимы почти ежедневно травил таким образом сорок и кормил ими ястреба, который оставался совершенно здоров, начинал линять очень рано, в начале мая, и совершенно поспевал к травле еще в конце июня месяца: очевидно, что мясо сорок хищным птицам здорово. Во время линянья надобно ястреба посадить в садок, хорошо кормить и не трогать. Ястреба могут жить у доброго и попечительного охотника по нескольку лет; год от года становятся они пером светлее, белесоватее и, наконец, сделаются как будто седые. У меня не жили ястреба более двух зим и всегда погибали от какого-нибудь недосмотра; один из них улетел во вторую зиму и не воротился: я полагаю, что он как-нибудь погиб, потому что был очень ручен и большой пискун. Надобно заметить, что некоторые гнездари пищат, когда проголодаются, а другие — никогда.

Я помню у одного охотника ястреба шести осеней; это была чудная птица, брал все что ни попало, даже грачей; в разное время поймал более десяти вальдшнепов; один раз вцепился в серую дикую утку (полукрякву) и долго плавал с ней по пруду, несмотря на то, что утка ныряла и погружала его в воду; наконец, она бросилась в камыш, и ястреб отцепился; уток-чирят ловил при всяком удобном случае; в шестое лето он стал не так резов и умер на седьмую зиму внезапно, от какой-то болезни. Он был так умен, что, идя в поле, охотник не брал его на руку, а только отворял чулан, в котором он сидел, — ястреб вылетал и садился на какую-нибудь крышу; охотник не обращал на него внимания и отправлялся, куда ему надобно; через несколько времени ястреб догонял его и садился ему на голову или на плечо, если хозяин не

подставлял руки; иногда случалось, что он долго не являлся к охотнику, но, подходя к знакомым березам, мимо которых надо было проходить (если идти в эту сторону), охотник всегда находил, что ястреб сидит на дереве и дожидается его; один раз прямо с дерева поймал он перепелку, которую собака спугнула нечаянно, потому что тут прежде никогда не бывало перепелок. У этого ястреба можно было взять из когтей птицу совершенно живую и неповрежденную и посадить в садок на зиму, что часто и делали; только охотник накладывал руку на пойманную им перепелку, как ястреб выпускал ее из когтей и отпрыгивал в сторону. Повидимому, в нем уже не было собственной жадности, и он ловил так, по привычке или как бы для удовольствия своего хозяина. Можно себе представить, что с такой умной птицей удовольствие травли несказанно увеличивалось. Вероятно, на следующий год ястреб стал бы ловить еще тупее, но любопытно было бы наблюдать его старость и постепенный упадок сил. Несмотря на то, что охотник его был человек самый простой и грубый, он плакал о своем лихом поседелом ловце и всегда говорил: «Нет, мне уж не нажить такого ястреба».

ПРИЛЕТ ДИЧИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПТИЦ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Предлагаю мои охотничьи заметки о прилете дичи с 1811 по 1826 год включительно, кроме 1812, 1816 и 1821 годов. Первые восемь лет я жил в Бугурусланском уезде, Оренбургской губернии, что ныне Самарская, а последние пять — в Белебеевском уезде, который и теперь составляет часть Оренбургской губернии. Числа прилета птицы записывались те, в которые поднимали дичь с *земли* или когда видели ее сидящую на воде и деревьях, а не те, в которые видели птицу пролетающую в вышине. Пролет не то, что прилет; пролет совершается почти всегда ночью или по зарям, всегда высоко, и сведения о нем бывают иногда слишком неточны. Прилет значит появление птицы на местах ее обыкновенного жительства.

1811 год

(в Бугурусланском уезде)

Месяц март

14. Прилетели грачи.
20. Клинтухи.
21. Скворцы.

22. Жаворонки.
25. Дрозды.
27. Пиголицы. Гусей и лебедей видели гораздо ранее.
30. Появились по реке и по материку пруда нырки.

Апрель

10. С этого дня началась дружная весна; птица летела всякая.
10. Поднял вальдшнепа.
12. Появились бекасы и кулички-травники.
13. Утки всех крупных родов и кулички-зуйки.
16. Чирки.
18. Болотные кулики.
20. Кроншнепы и дупельшнепы.
22. Гаршнепы.
25. Стрепета и журавли.

Стрельба тетеревов с подъезда осенью, сначала на дрожках, а потом на санях, продолжалась до 27 ноября и прекратилась за углублением снега.

1813 год

Февраль

28. Нашел двух крохалей, или гагар, на родниковом озерке, которое не мерзло и зимой. Должно заключить, что это были утки зимовые, потому что в марте не было совсем прилета птицы, кроме грачей, которые показались 18-го.

Апрель

2. С этого числа по ночам и по зарям начался валовой пролет дичи, особенно уток; но на местах около реки, в расстоянии десяти верст, я нигде не мог найти даже одной птички.

6. Наконец, явились необыкновенно запоздавшие клинтухи и скворцы.

7. Пиголицы, дрозды большие и малые, а к удивлению моему, поручейники и черныши. Тепла было очень мало, а потому мало и проталин; несмотря на то:

8. Показались бекасы, которым сидеть было совсем негде.

9. Появились нырки по реке стаями, чего никогда не бывает: они показываются всегда парами или в одиночку. Началось тепло.

12. Везде шатались травники. Поднял в саду вальдшнепа. Появились все породы уток.

14. Показалось множество мелких куличков.

15. Дупельшнепы.

19. Кроншнепы.

21. Гаршнепы.

26. Журавли.

30. Стрепета.

Стрельба тетеревов с подъезда продолжалась до 30 ноября.

1814 год

Март

Прилет птиц ранний.

8. Прилетели грачи.

12. Клинтухи.

20. Пиголицы.

22. Жаворонки.

25. Скворцы, дрозды и нырки.

27. Гуси, лебеди, крупные утки, даже витютины, всегда прилетающие поздно.

30. Красноножки, или щеголи, и травники.

31. Вдруг везде появились вальдшнепы.

Апрель

3. Показались болотные и степные кулики и все мелкие кулички.

5. Бекасы.

10. Дупели.

12. Гаршнепы.

15. Горлинки.

22. Журавли и стрепета.

1815 год

Март

Прилет птиц начался еще ранее.

3. Показались грачи.

9. Клинтухи по всем гумнам.

13. Не только нырки, но все крупные породы уток.

Воды, то есть весенних луж, не было нигде, и потому все утки садились по реке, мало замерзавшей и зимою, и я никогда не убивал столько уток даже в апреле, сколько убил в этом году в марте. Дни стояли красные, а по ночам морозы. Наст образовался довольно крепкий, и ходить по нем было очень ловко и легко, как по паркету.

17. Прилетели жаворонки; но где они сидели, неизвестно, потому что проталин не было.

19. Оказались вальдшнепы, дрозды и скворцы.

23. Убил бекаса, но потом они не появлялись до 3 апреля.

26. Гуси, лебеди и журавли.

Апрель

1. Дружная весна. Явились витютины и мелкие куличики всех родов.

3. Болотные кулики.

5. Кроншнепы.

7. Дупельшнепы и гаршнепы вместе.

10. Снег сошел. Везде по полям показалось множество стрепетов.

Два раза выпадал потом снег с морозами, и, вероятно, погибло много птиц.

В 1816 году я воротился в деревню уже к осени. Стрельба тетеревов с подъезда была необыкновенно добычлива и продолжалась до 7 декабря.

1817 год

Февраль

28. Показались клинтухи на гумнах и свиристели. Клинтухов было очень много.

Март

6. Прилетели грачи.

7. Убил на реке малого рода гагару.

Клинтухи попадались везде, но до 4 апреля никакой прилетной птички не было, кроме жаворонков, прилетевших на благовещение. Время стояло холодное, и проталин не было.

Апрель

4. Показались пиголицы.

5. Дрозды большие и малые. Начало сильно таять.

9. Черные кулички и зуйки.

10. Бекасы, витютины, нырки, гуси, и видели лебедей.

11. Вальдшнепы, дупельшнепы, травники и другие мелкие кулички.

15. Крупные породы уток.

17. Болотные кулики.

18. Кроншнепы и чирки во множестве.

20. Гаршнепы.

22. Болотные коростели (погоныши).

26. Журавли, которые, впрочем, летели уже давно, и стрепета. Стрельба тетеревов с подъезда продолжалась до 20 ноября.

Прилет горлинок, погонышей, кречеток, курахтанов болотных и сивок редко отмечался в моих записках, а прилета луговых коростелей, перепелок и болотных кур нет совсем. Это значит, что они прилетали или оказывались поздно, когда я уже переставал записывать прилет дичи.

1818 год

Март

12. Прилетели грачи.

25. Клинтухи, жаворонки и скворцы.

28. Нырки.

31. Дрозды и чибисы. Большой дрозд-рябинник был застрелен мною зимой в январе, в верхней уреме реки Бугуруслана, где она местами не мерзла.

Апрель

2. Бекасы.
3. Кулички-травники.
4. Гуси (одного убил), черные кулички и зуйки.
6. Крупные утки и болотные кулики.
7. Дупельшнепы.
9. Витютины, чирята и все породы мелких куличков.
11. Гаршнепы.
13. Кроншнепы и озимые куры (сивки).
25. Речные кулики и курахтаны. Долго стояли холода и выпадал снег при морозах.

Май

2. Появились журавли на полях.
6. Стрепета.
20. Погоныши.

Осенью 31 августа и 2 сентября было много, в сравнении с другими годами, пролетных щеголей, или красноножек. Стрельба с подъезда тетеревов продолжалась только до 11 ноября, по множеству выпавшего снега.

1819 год

Март

19. Прилетели грачи.
22. Клинтухи.
26. Жаворонки и скворцы.
29. Пиголицы и дрозды.

Апрель

2. Показались кряковные утки.
5. Нырки. Было тринадцать градусов морозу.
8. Вальдшнепы, в кустах около реки.
9. Болотные кулики.
10. Бекасы.
11. Дупельшнепы и гаршнепы вместе, большими

высыпками, по размокшим луговинам. Кроншнепы и малые дрозды.

12. Черные кулички и зуйки, утки шилохвости и серые.

14. Кулички-травники, утки чирята и пиголицы, опоздавшие очень много против обыкновения.

19. Витютины и горлинки.

21. Журавли и сивки.

23. Стрепета.

30. Высыпки турахтанов.

1820 год

Март

12. Прилетели грачи.

22. Клинтухи, жаворонки, скворцы, нырки и кряковные утки.

23. Большие дрозды и гуси.

26. Пиголицы.

30. Бекасы.

Апрель

2. Журавли и лебеди (одного убил).

3. Черные кулички и зуйки.

4. Травники.

8. Чирята и все другие крупные и мелкие утки; дупельшнепы и болотные кулики.

13. Гаршнепы и красноножки.

16. Все мелкие кулички.

19. Кроншнепы и стрепета.

22. Витютины и журавли.

28. Болотные коростели, или погоныши.

1822 год
(в Белебеевском уезде)

Март

12. Прилетели грачи.

22. Скворцы, клинтухи, и видел гусей.

24. Жаворонки.

Апрель

6. Пиголицы.

8. Болотные кулики, кроншнепы, нырки, дрозды большие и малые.

10. Бекасы и дупельшнепы вместе. — Близко болот от меня не было, и вся прилетная птица оказывалась по лужам на прошлогодних жнивах.

11. Чирки, клинтухи и кулички-травники.

13. Гаршнепы, тоже по жниве и лужам.

16 апреля выпал снег в пол-аршина глубиною и не сходил трое суток; как только показались проталины, то на них свалилась всякая птица: болотная, водяная, степная и лесная, так что я бил на одной и той же проталине витютинов, уток и куликов.

26. Появились сивки, или озимые куры.

Май

4. Вдруг оказались везде стрепета.

9. Кречетки. — Подъезд к тетеревам продолжался до 8 ноября.

1823 год

Март

15. Прилетели грачи.
20. Клинтухи.
27. Жаворонки.
28. Пиголицы.
30. Скворцы и дрозды.

Апрель

1. Убил черного дрозда, какого никогда не видали в Белебеевском уезде. Появились дрозды малого роду.

4. Кряковные утки, крохали и нырки.

9. Бекасы и витютины.

11. Кроншнепы и болотные кулики.

12. Дупельшнепы и чирята.
13. Гаршнепы.
15. Вальдшнепы.
20. Стрепета.
24. Озимые куры и погоныши.
26. Журавли.

Май

3. Кречетки. — Подъезд к тетеревам прекратился 20 октября, по глубине рано выпавшего во множестве снега.

1824 год

Март

11. Прилетели грачи.
20. Клинтухи и крупные утки. Видели лебедей.
21. Скворцы и дрозды.
23. Пиголицы. До 4 апреля птица не показывалась за стужей. Весны и признака не было.

Апрель

4. Дружная весна, и в один день я увидел всю птицу: всяких уток, журавлей, болотных и степных куликов, травников, чернышей и бекасов.
7. Показались вальдшнепы во множестве.
8. Дупели и гаршнепы.
15. Стрепета и кречетки.
29. Озимые куры.
30. Погоныши.

Октября 18-го я убил бекаса в степи, около большой лужи, когда уже лежал и шел сильный снег, которого 19 октября выпало столько, что подъезд к тетеревам прекратился. В этот же год снег застал стрепетов еще не улетевших, и я отыскивал их по следам, как куропаток.

1825 год

Март

22. Прилетели грачи.
28. Клинтухи и жаворонки.
30. Скворцы и пиголицы.

Апрель

1. Гуси.

3. Кроншнепы и травники. Видел пару пролетевших бекасов.

4. Утки всех родов и дрозды.
5. Лебеди и болотные кулики.
8. Бекасы показались на местах.
10. Дупели и гаршнепы вместе, высыпками.
14. Журавли.

Это был замечательный прилет: самые ранние, первые четыре прилетные птицы, появились очень поздно; но зато вся остальная птица прилетела ранее других годов, так что 14 апреля была вся уже дома, кроме стрепетов, кречеток и озимых кур, которые очень запоздали.

Май

10. Кречетки.
12. Стрепета.

14. Сивки, или озимые куры. — Подъезд к тетеревам продолжался до 5 ноября.

1826 год

Март

Прилет самый поздний, хотя время стояло обыкновенное.

28. Прилетели грачи.

Апрель

7. Скворцы и жаворонки.
10. Дрозды.
12. Пиголицы.

16. Нашел всю птицу прилетевшую вдруг, как-то: вальдшнепов, дупелей, бекасов и гаршнепов, кроншнепов, болотных куликов, травников и уток всех пород; но остальная птица появилась опять после долгого промежутка.

Май

4. Явились стрепета, кречетки и озимые куры.
10. Болотные коростельки, или погоныши.

Об отлете дичи у меня, к сожалению, нет заметок. Причина очевидная: я с жаром занимался охотой и не записывал постоянно убыли в породах дичи, хотя не мог не заметить ее. Скажу, однако, вообще, что птица пропадает в Оренбургской и Самарской губерниях в следующем порядке: в конце августа, иногда и в половине, улетают кроншнепы (всегда прежде всех), болотные кулики и все породы мелких куличков; за ними клинтухи и витютины, а горлинки прежде их. Потом дупельшнепы, за ними бекасы и, наконец, гаршнепы и вальдшнепы. Из утиных пород ранее улетают чирки, но утки держатся до ноября. Гуси начинают лететь в исходе августа, но держатся иногда, независимо от летящих, до половины сентября. Отлет журавлей бывает в иные года очень ранний и тянется очень долго. Мне случалось замечать летящих журавлей в исходе июля и в исходе сентября: это два месяца! — Народная примета, что ранний отлет журавлей значит раннюю зиму, не всегда сбывается.

ЛОВЛЯ ШАТРОМ ТЕТЕРЕВОВ И КУРОПАТОК

Вероятно, две трети тетеревов и серых куропаток (особенно последних), потребляемых в России в огромном количестве, крыты шатрами. Хотя эту охоту положительно можно назвать *добычливою,* в промышленном значении этого слова, но в скучное, бесконечное зимнее время в отдаленной деревне, за отсутствием всех других охот, можно и ею заняться с удовольствием. Я знавал многих людей, больших охотников «крыть тетеревов и куропаток». Я сам с ранней молодости горячо им сочувствовал и много езжал со стариками, несмотря ни на какую погоду, не только крыть уже приваженную птицу, но даже расставлять привады, что, вероятно, немногим может понравиться. Эта охота имеет свои тонкости, свое знанье дела, свое уменье, свои удачи и неудачи, следственно имеет свой интерес.

Шатром называется сеть, связанная из суровых, посконных и преимущественно конопляных крепких ниток. Эта птицеловная снасть представляет подобие колпака, или воронки, или всего ближе — островерхой палатки, *шатра,* отчего и названа очень верно этим последним именем. Квадратные ячейки шатровой тетеревиной сети имеют в поперечнике, вверху шатра, один вершок, а внизу — полтора вершка; эта ширина необходима для того, чтоб накрытая птица могла свободно просунуть голову и шею до самых крыльев; чтоб, обманутая этой свободой, она постоянно пробивалась, лезла вперед, а никак не вздумала

вынуть голову назад и выбежать из-под шатра. Цепкость сетки зависит от тонины ниток и ширины петель, или ячеек. Чем нитки тоньше, а петли шире, тем лучше: само собою разумеется, что нитки не должны рваться, а сквозь ячейки не должна пролезать птица. Величина шатра может быть произвольная, но по большей части окружность его, когда шатер поставлен и растянут, бывает в десять сажен.

Охотник, занимающийся ловлею шатром, еще с осени наблюдает за тетеревами и знает: много ли их, где они предпочтительно держатся и куда летают кормиться. Как скоро выпадет порядочный снег, он ставит привады именно на те места, куда тетерева повадились летать за кормом. Привада состоит из нескольких овсяных необмолоченных снопов, воткнутых в снег стоймя, разумеется кистями кверху, и непременно из кучи какой-нибудь соломы, сложенной копною в четырех или пяти саженях от привады; эта куча соломы впоследствии преобразится в шалаш, в котором будет сидеть охотник, когда придет время крыть тетеревов. Расставив несколько таких привад, охотник, дни через два, начинает их осматривать, наблюдая следующие предосторожности: 1-е) Он осматривает привады на лошади, в санках, а не пешком, и преимущественно в полдень, когда тетерева уже побывали на кормовых местах и улетели на такие, где они обыкновенно отдыхают, сидя на деревьях или на земле, если снег еще мелок. 2-е) Так как иногда случается, что тетерева полднюют недалеко от привад, то надобно приближаться к ним весьма осмотрительно, то есть не подъезжать прямо к приваде, не вылезать из саней и не подходить к ней, а проехать мимо поближе (ибо человека, едущего на санях, тетерева не боятся), так, чтоб можно было разглядеть: бывают тетерева на приваде или нет? 3-е) Если следов тетеревиных много и снопы растрепаны, обиты и обдерганы, то надобно их оправить и прибавить свежих; но если тетерева сидят близко, то есть в виду, то ни под каким видом на приваду не ходить и даже не останавливаться. Оправку старых снопов и прибавку новых можно сделать на другой день; а если опять тетерева будут сидеть неподалеку, то сделать все это рано поутру, то есть на заре, до их вылета, или поздно вечером, когда они сядут на ночевку. В светлые, месячные ночи

оправляют привады даже по ночам; впрочем, многие охотники делают это всегда на утренней заре, для того, чтобы к прилету тетеревов привады находились в хорошем виде: это имеет свою полезную сторону. В снежную, буранную (по-оренбургски) погоду необходимо каждый день ездить на привады и отряхивать снопы от снега, чтоб они были виднее и приманчивее. Необходимо также отряхивать снег с копны соломы для того, чтоб тетерева привыкали постоянно видеть будущий шалаш.

Если привада стоит недели две, не посещаемая тетеревами, и даже поблизости их не видно, то надобно ее перенесть на другое место; как же скоро на некоторых привадах тетерева начнут есть, то все другие около них следует уничтожить совершенно и закидать снегом, чтоб они тетеревов не развлекали в разные стороны. Ход тетеревов на привады — загадочное дело! В иной год идут очень хорошо, а в другой — очень плохо; бывают года, что нейдут совсем, так что где крыли в зиму пар по двести — не покроют и двух десятков. Иногда это можно объяснить случайным изобилием кормов (если хлеб остался в поле несжатым), малоснежностью зимы, отсутствием сильных морозов [1]; но иногда нет ни одной из вышесказанных причин, тетеревов много, а тетерева нейдут на привады, да и только! Не один раз видал я, как большие тетеревиные стаи сидят кругом привады и щиплют себе тощие березовые почки или ольховые шишки, поглядывают умильно на желтые кисти овсяных снопов и — не приближаются к ним! Мало этого: из стаи пар в сорок два или три тетерева всякий день слетят на приваду и едят овсяные зерна досыта, а все другие только смотрят. Последнее обстоятельство тем удивительнее, что тетерева имеют, всем охотникам известное, баранье свойство: куда полетел и где сел один — туда полетят и там сядут все. На этом-то основании, для большего привле-

---

[1] В малоснежные зимы хлебные жнивы и озими иногда до февраля мало бывают покрыты снегом, и тетерева по привычке продолжают летать на них для отыскиванья корма. В теплые же зимы, по мнению охотников, тетерева мало едят и довольствуются одними древесными почками. В обоих случаях они не собираются в большие стаи. Что холод возбуждает аппетит у всех животных — это дело известное.

ченья тетеревов сначала к приваде, потом под шатер, употребляют тетеревиные чучелы; в первом случае ставят их на длинных шестах *около* привады, а в последнем — на снопы, лежащие на самой приваде. Иногда такая приманка бывает очень полезна.

Привада, на которой едят постоянно тетерева, получает понемногу свой окончательный вид, то есть: в середине привады становится шест, аршина в три вышиною, на котором будет держаться сеть; около него, правильным кругом, набиваются колышки, каждый четверти в полторы, к которым будут привязаны веревочками нижние подборы шатра, и, наконец, куча соломы превращается в шалаш, в котором могли бы поместиться два человека. Если после всех этих добавлений, сделанных не вдруг, а постепенно, чтоб изменением вида привады не испугать тетеревов, станут они ежедневно и смело есть корм, — следует немедленно крыть птицу. День для сего выбирается не снежный и не ветреный: снег заносит приваду, налипает на сеть и может даже повалить шатер, а ветер качает его и также может уронить; и то и другое обстоятельство, особенно последнее (то есть качка шатра), пугает тетеревов, и они под шатер не пойдут; одним словом: чем мороз сильнее и погода тише, тем лучше. На заре, задолго до вылета тетеревов с ночевки, охотник с товарищем являются на приваде и расставляют шатер; узким концом надевают его на шест, подложив под самый узел верхушки небольшую круглую дощечку; нижние подборы, или края, привязываются тонкими и крепкими веревочками к колышкам (которых бывает до двадцати), шатер растягивается во все стороны и совершенно представляет фигуру круглой, островерхой, огромной палатки. Нижние края сети поднимаются от поверхности снега (несколько утоптанного) четверти на две, чтоб тетеревам было свободно и не страшно подходить под шатер. К шесту, на котором держится верхушка шатра, в самом низу, привязана веревка, протянутая в шалаш: она засыпается слегка снегом, чтоб ее не было видно. Шест, до того времени крепко воткнутый острым концом своим в снег или землю, тогда обрубается гладко и устанавливается на маленькой дощечке, для того чтобы, дернув за веревку, легко было его уронить и мгновенно накрыть тетеревов

упавшею на них сетью. Устроив все хорошенько и затрусив свои следы, дощечку и веревку на самой приваде мякиной, а около нее снегом, охотник с товарищем садятся в шалаш, затыкают вход изнутри соломой и, притаясь, смирно дожидаются прилета тетеревов.

Долго тянется зимний рассвет, и долго царствует глубокая тишина. Скучно и душно сидеть в темном шалаше. Наконец, свет проникает в его скважины, и на дворе наступает *белый день,* как говорится; послышится карканье ворон и щекотанье сорок; потом *заскрипят* снегири и зазвенят пронзительно голоса зеленых и голубых синиц (бесков — по-оренбургски), также привыкших кормиться около привады. Как, бывало, обрадуешься голосу живой твари! Но вот зарделся юго-восток, солнце готово выкатиться из-за горы; наступило время прилета тетеревов на приваду, которое, впрочем, иногда может замедлиться от разных причин. Вдруг прошумел сильный ветер... стая тетеревов пронеслась над шалашом и расселась около него по деревьям, а если их нет поблизости (что бывает на привадах полевых), то по снегу; даже садятся иногда на шалаш и на шатер [1]. Вот самая интересная минута! Вид шатра так иногда поражает тетеревов, что они, посидев несколько минут на деревьях или побродя по снегу около привады, вдруг улетают, как будто чем испуганные; иногда остаются довольно долго, но не подходят под шатер; иногда подойдут два-три тетерева (вероятно, посмелее других) и досыта наедятся, а все остальные или смотрят, или клюют древесные почки, точь-в-точь как это бывает спервоначала или в такие года, когда нет хода тетеревам на привады. Впрочем, такие случаи — отступление от обыкновенного порядка. По большей части тетерева, привыкшие без опасения ежедневно наедаться на приваде, не смущаются видом шатра и, осмотревшись, через несколько минут, один за другим, все подойдут под шатер. Тогда охотник сильно дергает за веревку, шест падает, с ним вместе падает сеть — и тетерева покрыты. Это

---

[1] Однажды при мне тетерев сел на верхушку шалаша, провалился ногами и стал биться: охотник принужден был схватить его за ноги и протащить в шалаш, чтоб он хлопаньем крепких своих крыльев не перепугал тетеревов.

действие называется: *уронить шатер.* Охотник с товарищем выскакивают из шалаша и, если тетеревов очень много и они, взлетывая, поднимают на себе сеть высоко, так что нижние тетерева, не успевшие запутаться, выбегают из-под шатра и улетают, охотники бросаются на шатер, опускают его книзу и придерживают нижние подборы до тех пор, пока все покрытые тетерева увязнут в ячейках сети. Тогда колют их в голову перьями, тут же выдернутыми из крыльев, или простым железным гвоздем, или заостренной крепкой деревянной палочкой, которыми запасаются заранее. Чуваши, мордва и татары, в Оренбургской губернии, очень усердно занимающиеся ловлею тетеревов шатрами, с покрытыми управляются без церемонии, то есть не колют, а бьют их палками. Если тетеревиная стая с первого раза покрыта не вся, что по большей части бывает, то приваду надобно оправить: перья все собрать, утоптанный и окровавленный снег заметать свежим и положить новых овсяных снопов. Иногда случается, что остальные тетерева, часть которых была покрыта, через несколько времени опять станут прилетать на приваду и есть корм, так что в одну зиму, на одной и той же приваде, кроют тетеревов раза три; но иногда, после первого покрытия, уже ни один тетерев на приваду не прилетит. Замечательно, что оставшееся иногда небольшое число тетеревов, посещая попрежнему приваду, нередко приводит с собою новую тетеревиную стаю.

Важною помехою в приваживании тетеревов бывают большие ястреба и орлы; они ловят тетеревов и часто угоняют далеко с привады; если это повторится несколько раз, то тетерева совсем бросают приваду, хотя бы и привыкли к ней. В таком случае самое лучшее средство — застрелить ястреба или орла, по крайней мере ранить. Для этого надобно поставить недалеко от шалаша чучелу, сделанную из настоящей тетеревиной кожи с перьями, привязав ее крепко к присаде (то есть к длинному шесту). Орел или ястреб, повадившийся летать на приваду, приняв чучелу за настоящего тетерева, вцепится в нее, и охотник, карауливший хищника в шалаше, может легко застрелить его.

Все до сих пор сказанное мною относится к тетеревиным привадам в начале зимы, которые становятся

иногда на хлебной жниве, даже в некотором отдалении от леса; но когда выпадет много снегу и глубокие сугробы совершенно закроют самую высокую жниву, тетерева перестанут летать в поля и постоянно держатся около лесных мест и даже в середине лесов, по небольшим полянам; тогда и привады переносятся именно на такие поляны и на лесные опушки. В буранные зимы тетерева скоро сваливаются в уремы [1], что *обыкновенно* бывает в конце зимы: там для них теплее и сытнее; охотники и там преследуют тетеревов своими привадами и, несмотря на изобилие ольховых шишек, соблазняют овсяными снопами. Ловля шатром производится тем же порядком.

Если почему-нибудь уже приваженные тетерева не прилетят именно в то утро, когда шатер поставлен и охотник сидит в шалаше, или прилетят, но под шатер не пойдут, то некоторые охотники шатра не снимают и оставляют его до следующего утра, а иногда и на несколько дней будто бы для того, чтобы тетерева к шатру присмотрелись, а в самом деле из лени; но я слыхал от самых опытных охотников, что этого никогда делать не должно. Не говоря уже о том, что шатер может упасть от многих причин и закрыть приваду, а если упадет в присутствии тетеревов, то непременно их напугает, — шатра не должно оставлять потому, что он весь опушится инеем и скроет совершенно приваду от глаз тетеревов. К этому должно прибавить, что лежащий на снегу шатер очень часто портят мыши.

Должно сделать общее замечание, что курочки идут на приваду и под шатер гораздо скорее и охотнее косачей; это, вероятно, происходит оттого, что курочки вообще смирнее. Если стая состоит из одних курочек, то ее привадить к корму и покрыть несравненно легче; самые упорные и осторожные бывают стаи из одних косачей; среднее между ними составляют стаи смешанные, в которых курочки всегда первые слетают на приваду и подходят под шатер; за ними, иногда очень не скоро, последуют и косачи.

---

[1] Мне случилось один раз видеть свалившихся тетеревов в ольшняковую урему по реке Усень (Оренбургской губернии Белебеевского уезда) в таком множестве, что только своим глазам можно было поверить. Это случилось в половине ноября.

В тех уездах Оренбургской губернии, где растет сосна и где водятся вместе с простыми, полевыми тетеревами глухари или глухие тетерева, кроют и их также простыми тетеревиными шатрами, только всегда в малом числе. Обыкновенно глухари прилетают на привады вместе с полевыми тетеревами, увлекаясь их примером, одни же они никогда на приваду не пойдут, особенно если летают отдельною стаей. Один охотник рассказывал мне, что он, занимаясь крытьем тетеревов более десяти лет и видя, что глухари, прилетая иногда к приваде вместе с простыми тетеревами, никогда на нее не шли, а сидели в близком расстоянии на деревьях, преимущественно на соснах, ломая крепкими своими носами молодые летние побеги, называемые погонцами, вздумал употребить эти погонцы для приманки глухарей; он нарубил верхних побегов с молодых сосен и натыкал их на приваде, около овсяных снопов. Догадка его увенчалась полным успехом: глухари стали опускаться на приваду и, кушая сначала сосновые верхушки, стали потом есть и овес. С тех пор он стал постоянно втыкать сосновые побеги на привадах, если замечал глухарей в числе простых тетеревов. В иной год удавалось ему, в разное время, покрыть в продолжение зимы до двух десятков глухарей; но никогда более трех в один раз он не крывал. Я не могу сказать положительно, существует ли где-нибудь в России крытье шатром собственно одних глухих тетеревов? Если существует, то для них нужен шатер большего размера, вязанный более широкими петлями, из ниток более крепких и толстых, потому что стая глухарей, пар в двадцать, разорвут или оторвут от кольев обыкновенный тетеревиный шатер.

Для куропаток, напротив, приготовляется шатер гораздо меньшего объема, в окружности сажен в шесть; сообразно этому уменьшению ячейки вяжутся поуже и нитки употребляются потоньше. Впрочем, фигура шатра, его устройство, постановка и весь процесс ловли — один и тот же. Привады кладутся также в полях, в начале зимы, куда с осени повадились прилетать куропатки, и потом на гумнах, куда загонят их глубокие снега и метели. Куропаточьи привады делаются не из снопов, а из хлебной мякины всякого рода: насыпается круг мякины, сажень в поперечнике, и во все стороны от этого круга,

в виде расходящихся лучей, проводятся дорожки из той же мякины; длина их произвольная, и можно сказать, чем они будут длиннее, тем лучше. Как скоро хоть одна куропатка из стаи, бегающей всегда врассыпную, нападет на мякинную дорожку, то сейчас побежит по ней и закричит призывным криком, похожим на куриное кудахтанье; в одну минуту вся стая сбежится и прямо по дорожке отправится на приваду, которую всю разроет и выклюет. Куропатки очень просты, или глупы, как выражаются охотники. Если раз побывают они на приваде, то на другой же день можно поставить шатер и покрыть их всех *до одной*. Если же каким-нибудь образом несколько куропаток выбегут из-под шатра и улетят, то завтра непрѐменно прилетят опять, подбегут под шатер и будут покрыты.

ВЫНИМАНЬЕ ЛИСЯТ

Во многих губерниях наших существовало обыкновение, и теперь существует, вынимать, или доставать, из нор лисят, выкармливать их и, когда они вырастут и выкунеют, что бывает не ранее половины декабря, воспользоваться их шкурками. Лисьи шкурки в разных местах России имеют разные цены: в Оренбургской губернии они продавались от шести до десяти рублей ассигнациями в то время, о котором я пишу, то есть около 1808 года; следовательно, это было прибыльно, потому что деньги тогда были дороже теперешнего. Но кроме выгод денежных, добыванье лисят полезно как истребление хищных зверей, которые сильно переводят всякую дичь и домашних птиц. Вот как производилось это добыванье в старые годы и, вероятно, так же производится теперь: в июне месяце, когда лисята раннего помета вырастут с обыкновенную кошку, отправляются охотники для отыскания лисьих нор, разумеется по местам более или менее им известным, удобным для укрывания лисы с лисятами. Такие места бывают по скатам гор и долинам, поросшим полевыми кустарниками, иногда по крутым оврагам, покрытым мелкими древесными побегами, но *не лесом:* по крайней мере я не видывал, чтобы лиса пометала детей в *настоящем лесу;* может быть, она знает по инстинкту, что на открытых местах безопаснее жить ее детям, что приближение всякой опасности виднее и что они, в случае надобности, могут ту же минуту спрятаться

в нору. Если охотник отправляется на поиск один, то непременно должен ехать верхом, а если охотников двое, то могут идти пешком. В первом случае это нужно потому, что лиса, одаренная от природы самым тонким чутьем, не боится только конского следа и не бросит своей норы, когда побывает на ней человек верхом на лошади; во втором случае необходимо быть двоим охотникам потому, что, найдя нору с лисятами, один должен остаться для караула, а другой воротиться домой за лопатами, заступами, мешком или кошелем, за хлебом для собственной пищи и за каким-нибудь платьем потеплее для ночного времени и на случай дождя, ибо для поимки лисят надобно оставаться в поле иногда несколько дней. Если же человек пешком побывает на норе и уйдет, то лиса, хотя бы на это время была в отсутствии, воротясь, услышит чутьем следы недоброго гостя и непременно уведет лисят в другое скрытное место, сначала неподалеку от первого, как будто для того, чтоб удостовериться: случайно ли заходил человек на ее нору, или с недобрым умыслом? Как скоро в тот же или на другой день опять появится человек на норе — лиса уводит детей дальше; если же, напротив, никто не приходит — лиса возвращается с своими лисятами и поселяется попрежнему в своей норе. Лиса редко вырывает нору сама в таких местах, где есть норы сурочьи или барсучьи; собственная нора лисы всегда очень неглубока, коротка и довольно широка; двоим работникам нетрудно разрыть ее в один день и переловить лисят; барсучья нора — почти то же; но совсем другая история с норами сурочьими. Сурки живут семьями, штук по пяти и более. Чем многочисленнее семейство и чем больше живет на одном месте, тем больше нор и поднорков (то есть задних выходов, употребляемых только в случае особенной надобности), тем глубже и обширнее их подземельные закоулки, и тем выше и шире становится сурчина, или бугор земли, выгребаемой из нор при их копанье и ежегодной расчистке. Разрыть такую сурчину со всеми ее подземными помещениями — тяжкая работа, требующая много времени и рук. После разных опытов охотники придумали способ, как доставать лисят, не разрывая норы, о чем я скажу в своем месте. Некоторые охотники утверждают, что лиса

предварительно истребляет семейство сурков и потом занимает их нору; может быть, это и случается, за неименьем нор пустых, старых, брошенных сурками; но я всегда находил лисят в старых сурочьих норах, очевидно расчищенных *несколько*, а не *вполне* уже самою лисою, которой не нужно много места для временного помещения. Без сомнения, лисе нетрудно сладить с сурком, но трудно его поймать; он вечно сидит над самой норой и при всяком шорохе прячется в нее, а нора бывает очень длинна, глубока и местами узка, так что лисе тесно лазить для преследования сурка и даже не пролезть без расчистки по всем ее закоулкам. Впрочем, я не считаю невозможным, что лиса, замышляя временное помещение будущему семейству, в продолжение весны переловит сурков, подстерегши их поодиночке при выходе из норы. Барсучью нору может занять лиса, разумеется, только брошенную хозяином, потому что барсук злобен и ей не сладить с ним. Нору, в которой живет лиса с лисятами, узнать нетрудно всякому сколько-нибудь опытному охотнику: лаз в нее углажен и на его боках всегда есть волосья и пух от влезанья и вылезанья лисы; если лисята уже на возрасте, то не любят сидеть в подземелье, а потому место кругом норы утолочено и даже видны лежки и тропинки, по которым отбегают лисята на некоторое расстояние от норы; около нее валяются кости и перья, остающиеся от птиц и зверьков, которых приносит мать на пищу своим детям, и, наконец, самый верный признак — слышен сильный и противный запах, который всякий почувствует, наклонясь к отверстию норы. Лиса по необходимости должна беспрестанно отлучаться от детей, когда перестанет кормить их своим молоком. Ей нужно не только самой питаться, но и доставать пищу лисятам, а потому она в норе почти не живет: принесет какого-нибудь зверька или птицу, притащит иногда часть падали [1], которую волочит по земле, не имея силы нести во рту, и, отдав детям, снова отправляется на добычу. Многие охотники своими глазами наблюдали такие явления. В эту трудную пору лиса бывает так худа, как ске-

---

[1] Около норы часто находят кости бараньи, телячьи и даже кости коров и лошадей.

лет, кожа на ней висит и шерсть вся в клочьях. По большей части лиса приносит детям зайцев и зайчат, тетеревят и тетеревиных маток; видно, эту дичь ей легче доставать; впрочем, таскает тушканчиков [1], сусликов и даже молодых сурков, кур, гусей, уток и всяких других дворовых и диких птиц без исключения.

Удостоверясь по вышесказанным мною признакам, что лисята точно находятся в норе, охотники с того начинают, что, оставя один главный выход, все другие норы и поднорки забивают землей и заколачивают деревом наглухо; главную нору, ощупав ее направление палкой на сажень от выхода, пробивают сверху четвероугольной шахтой (ямой, называемой *подъямок*), дно которой должно быть глубже норы по крайней мере на два аршина; четырехугольные стенки этой шахты, имеющей в квадратном поперечнике около полутора аршина, должны быть совершенно отвесны и даже книзу несколько просторнее, чем кверху, для того чтобы лисята, попав в этот колодезь, или западню, никак не могли выскочить. Пересеченную шахтою нору соединяют мостиком из тоненьких прутиков или сухих бастылин, закрыв их мелкою травою и засыпав легонько землей; верх ямы закрывают плотно прутьями и травой, чтобы свет не проходил. Когда выгоняемый голодом и вызываемый завываньем и лаем матери лисенок ступит на этот мостик, считая его продолжением дна норы, то сейчас провалится и выскочить из подъямка уже никак не может; он начнет сильно визжать и скучать, так что охотник услышит и вынет его, а мостик поправит и опять насторожит: через несколько времени попадет другой, и таким образом переловят всех лисят, которых бывает до девяти. Если они уже велики, то иногда приходится вымаривать их с неделю. В продолжение этой ловли, или, вернее сказать, подстереганья, лисят, охотники

[1] Тушканчик — земляной зайчик, величиною вчетверо менее обыкновенного зайца. Сидя на задних лапках у своей норы, по зарям утренним и вечерним и даже ночью, он громко свищет. Этот свист далеко бывает слышен в тихом воздухе. Зиму он проводит в норе, вероятно в таком же сне или оцепенении, как и сурок, вместе с которыми появляется весною. Я пробовал держать тушканчиков в клетках и ящиках с прорезными отверстиями, но они не ели травы, им в изобилии предлагаемой, и скоро умирали.

наблюдают большую осторожность; ночью всегда остаются двое и попеременно не спят; ночью лиса бывает так смела, что подходит на несколько сажен к человеку, особенно когда услышит голос попавшего в западню лисенка, и, если караульный заснет, она отроет который-нибудь из поднорков и уведет лисят, что случалось не один раз и в мое время с сонливыми караульщиками. Многие охотники говорят, что при лисятах бывают отец и мать, то есть самец и самка. Мне сказывали даже, что один глупый охотник застрелил близко подошедшую лису (шкура ее в это время года никуда не годится) и что это был самец; но я сомневаюсь в верности рассказа, судя по их *течке*, сходной с течкою собак, у которых, как всем известно, отцы не имеют ни малейшего чувства к детям, никогда их не знают и вообще терпеть не могут маленьких щенят и готовы задавить их.

Пойманных лисят сажают в лисятник (нарочно для того построенную амбарушку), с крепким полом, потолком и толстою дверью: в противном случае лисята как раз прогрызут отверстие и все уйдут. Кормят их всяким мясом, даже дохлой скотиной, хлебом, творогом, а за неимением всего этого — овсянкой, как борзых собак.

Я помню, когда был еще ребенком, что нас одолевали грачи, переселившиеся из соседней речной уремы в садовые березовые рощи и губившие их безжалостно; чтобы отогнать эту докучливую птицу, всякий день разоряли гнезда грачей и приносили по нескольку десятков грачат, которых отдавали лисятам; это было лакомство для них, и они с жадностью съедали, каждый лисенок, по пяти и более грачат. Помню также, что по множеству ловимой рыбы бросали лисятам мелкую плотву и щурят и что они кушали их с большим аппетитом.

В одном осьмиаршинном лисятнике более девяти или двенадцати лисят держать не годится: когда сделается холодно, они начнут жаться в кучу, отчего нижним и средним бывает так жарко, что шерсть на них подопревает. Несмотря на видимую дружбу во время холода, лисята бывают очень недружны и злобны между собой; жестоко грызутся за корм и в случае голода пожирают друг друга. Лисятник надобно содержать в чистоте и сухости, если охотник хочет получить хорошие шкуры:

летом и осенью ежедневно чистить и усыпать пол песком, а когда выпадет снег, то всякий день накидывать свежего снега, о который они трутся и лучше выцветают, или выкунивают. Сытые лисята очень живы и резвы; они любят играть и прыгать по лавкам, которые нарочно для того устроивают в лисятнике; они весьма похожи на щенят-выборзков, только в первом своем возрасте, покуда не сложились, покуда не распушились их хвосты и покуда бесцветные, молочные, как называют охотники, глаза их не загорелись тем фосфорическим блеском, от которого светятся они в темную ночь и во всяком темном месте. Не охотник, не видавший лисят прежде, с первого взгляда не различит лисенка от обыкновенного щенка-выборзка; но всмотревшись пристально, по выражению даже молочных глаз можно узнать, что это дикий и в то же время хищный зверь.

При одиночном воспитании лисенка постоянно между людьми и домашними животными дикость его постепенно уменьшается и он может сделаться совершенно ручным; но это требует беспрестанных забот и попечений, чтобы лисенок не ушел сначала, покуда еще не привык; притом его не должно кормить мясною пищею и особенно сырым мясом. Многие охотники утверждают, что лису можно перевоспитать и совершенно обратить в дворную собаку. Я не делал таких опытов, но слыхал о них от людей достоверных. В этом даже нельзя сомневаться: всем известно, что знаменитый Бюффон воспитал двух лис, которые ходили под ружьем, как легавые собаки.

Я очень любил рассматривать и наблюдать лисят в узкие и длинные отверстия лисятника (какие делаются в конюшнях), которые нарочно вырубаются высоко от пола для свободного протока воздуха, без чего в лисятнике, летом, было бы очень жарко и душно. Когда лисята сыты, они играют между собой, точно как щенята: прыгают, гоняются друг за другом, прячутся по углам и под лавками, притворяются спящими и вдруг бросаются на того, который нечаянно подойдет к ним; подкрадываются один к другому ползком и соединяют в своих приемах и ухватках вместе с собачьим что-то кошечье. Если лисята голодны, то ссорятся и грызутся беспрестанно; если корм получат только некоторые, то

все остальные бросятся отнимать; если каждому лисенку дано по куску хлеба, мяса или по птице, то все разбегутся в разные стороны, и который съест проворнее свою добычу, тот кинется отбивать у другого, не доевшего своего участка. Когда корм дается общий, в корыте, то поневоле едят вместе, но беспрестанно огрызаясь друг на друга. Лисята очень прожорливы, и трудно их накормить до отвала; до живых птиц весьма лакомы и, прежде чем начнут есть, перегрызают им крылья, а потом шею, что делают даже и с мертвыми птицами: очевидное доказательство слепого инстинкта, который не умеет различать живых птиц от мертвых и употребляет ненужную предосторожность.

Будучи в ребячестве безотчетно страстным охотником до всякой ловли, я считал, бывало, большим праздником, когда отпускали меня на лисьи норы; я много раз ночевывал там и часто не спал до восхода солнца, заменяя караульщика. Тут я наслушался, какими разными голосами, похожими на сиплый лай и завыванье собак, манит лиса своих лисят и как они, в ответ ей, так же скучат и слегка взлаивают. Лиса беспрестанно бегает кругом норы и пробует манить детей то громко, то тихо. Как скоро взойдет солнце, она удаляется. Должно признаться, что ни малейшее чувство жалости не входило мне тогда ни в сердце, ни в голову. Впрочем, это всегда так бывает: мальчик-охотник — существо самое безжалостное в отношении к зверям и птицам. Оставя в стороне охоту, уже непонятную в зрелом возрасте, я не могу, однако, вспоминать без живого удовольствия, как хороши были эти ночевки в поле, после жаркого дня, в прохладном ночном воздухе, напоенном ароматами горных, степных трав при звучном бое перепелов, криках коростелей и посвистываньях тушканчиков и сурков. Как сладко дремалось перед солнечным восходом и потом как крепко спалось под кожа́ном, или ергаком, короткий мех которого серебрился утренней росою!..

ОХОТА С ОСТРОГОЮ

Охота с острогою может доставить много удовольствия особенно потому, что производится в позднюю осень, когда рыба уже перестала клевать, следственно первой, лучшей из рыболовных охот, уже не существует, да и другими способами в это время года ловить рыбу неудобно. Неменьшее преимущество этой охоты состоит в том, что острогою бьется крупная рыба, как-то: щуки, сомы, жерихи, судаки и проч., достигающие иногда такой величины, что обыкновенные рыболовные снасти их не удержат: я разумею бредни, небольшие невода, сети и вятели. Надобно еще прибавить, что эта охота бывает ночью и весь короткий осенний день остается свободным для охотника и он может заниматься всякими другими охотами, существующими в позднее, осеннее время года. Охота с острогою имеет в себе даже много поэтического, и хотя люди, занимающиеся ею, повидимому, не способны принимать поэтических впечатлений, но тем не менее они чувствуют, понимают их бессознательно, говоря только, что «ездить с острогою весело!»

Охота с острогою требует трех условий: темной ночи, светлой воды и совершенно тихой погоды; первым двум условиям всегда удовлетворяет осень, то есть ночи делаются длинны и темны, а вода от морозов становится совершенно прозрачною; третьего условия — тишины — надо выжидать. Охота производится на лодке не

большой, но и не маленькой; лодка должна быть легка, ходка, но не качка́ и не вертлява и довольно глубока. К корме ее, на прочной, железной рукоятке, приделывается железная же четвероугольная решетка, около аршина в квадрате, на которой должен гореть постоянный огонь, яркий, но спокойный, для чего нужно иметь в лодке порядочный запас мелко наколотых, сухих березовых дров. Решетка, посредством изогнутой кверху рукоятки, должна быть выше кормы, чтобы хорошо освещать воду до дна.

Бой рыбы острогою может производиться только на водах тихих или стоячих: на прудах, озерах и на больших затонах, или заливах, рек порядочной величины, но не быстро текущих. В темную осеннюю ночь (чем темнее, тем лучше), но тихую и не дождливую, садятся двое охотников в лодку: один на корме с веслом, а другой с острогою почти посредине, немного поближе к носу; две запасные остроги кладутся в лодку: одна обыкновенной величины или несколько поболее, а другая очень большая, для самой крупной рыбы, с длинною, тонкою, но крепкою бечевкою, привязанною за железное кольцо к верхнему концу остроги. Вероятно, всем известно, что острога имеет фигуру столовой вилки, только с короткими зубьями, которых числом бывает от пяти до семи; каждый зуб или игла бывает не короче четырех вершков и оканчивается зазубриной, точно такою, какая делается на конце рыболовного крючка, для того чтобы проколотая острогою рыба не могла сорваться; железная острога прикрепляется очень прочно к деревянному шесту, крепкому, гладкому, сухому и легкому, длиною в сажень и даже в полторы, но никак не длиннее, потому что рыбу приходится бить не более как на трехаршинной глубине, а по большей части на двухаршинной и менее. Трехаршинную глубину воды огонь озаряет неясно, да и действовать острогою, чем глубже вода, тем тяжеле и труднее: и глаз и рука становятся неверны. Попасть в рыбу острогою, кажется, дело нехитрое, но не всякий к нему способен: кроме верного глаза и верной, сильной руки, надобно иметь много сметки и ловкости. Даже человек, имеющий все эти качества и получивший подробные наставления от опытного бойца, сначала будет ошибаться

и, не попадая в настоящее место, станет попадать близко к хвосту, или в конец рыбьей головы, или будет совершенно промахиваться. Самое главное дело состоит в том, чтобы отгадать меру расстояния, пункт, с которого тихое, медленное опущение остроги должно мгновенно перейти в быстрый удар. Эту меру можно приблизительно положить от полуторы до двух четвертей от рыбы. Острога опускается в воду не прямо над рыбою, не отвесно, потому что в этом положении шест остроги и рука человеческая закрыли бы рыбу, и уметить в нее было бы невозможно. Итак, острога опускается сначала мимо рыбы и, когда подойдет к ней так близко, что надобно уже ударить, — осторожно переносится на цель и направляется против рыбьей спины. Самым лучшим ударом считается тот, который угодит в спину, не далее как пальца на три от головы. Такой удар лишает возможности крупную рыбу сильно биться и возиться на остроге, что непременно случится, если острога попадет близко к хвосту или к концу рыла; в обоих этих случаях большая рыба легко может сорваться и, несмотря на жестокие раны, от которых впоследствии уснет, может уйти и лишить охотника богатой добычи. Даже удар в самый лоб, случающийся очень редко, если не убьет рыбу наповал, дает ей возможность и возиться и сойти с остроги.

Правящий веслом должен быть также мастер своего дела, потому что управление лодкою во время плаванья за рыбою с острогою — совсем не то, что плаванье на лодке в обыкновенное время; даже весло нужно другое: несколько пошире, похожее на деревянную лопатку, но в то же время самое легкое и сподручное. Лодка должна подвигаться вперед ровно, тихо и без всякого волнения водяной поверхности; весло никогда не вынимается из воды, и все повороты, все движения производятся под водою, подобно тому как производит их своими веслообразными лапами гусь, лебедь и вся водоплавающая птица. Чтобы дать более ясное и более полное понятие об этой охоте, я опишу со всеми подробностями одну из моих самых замечательных и добычливых поездок с острогою, в которой я, по молодости моих лет, был только зрителем, а не действующим лицом.

Длинны, темны становились осенние ночи; морозы прохватили, остудили воду, осадили на дно водяные травы: шмару, плесень и всякую плавающую на поверхности дрянь; отстоялась и светла стала вода в полоях и заливах нашего широкого пруда. Уже несколько времени поговаривали охотники, что «пора ездить с острогою», собирались и, наконец, собрались; взяли и меня с собою. Время стояло самое благоприятное, то есть было темно, слегка морозно и совершенно тихо. Развели огонь на решетке, уложили в лодку все нужное, уселись без шума, оттолкнулись от берега и поплыли по полоям. Огонь ярко освещал только небольшое кругловатое пространство около решетки; даже нос лодки освещался уже слабо; круг света скоро поглощался мраком, и еще темнее, чернее казалась ночь, охватившая нас со всех сторон. Казалось, безграничное пространство воды окружало нас; в густом мраке не видно было ни камышей, ни плотины, ни берегов, одна лодка плыла в светлом круге. Я сидел спиною к огню; лицо и весь образ рыбака с острогою, молодого и крепкого человека, сидящего против меня, были ярко освещены. Когда же я оглядывался на старого рыбака с веслом, освещаемого и даже подогреваемого сзади, то он представлялся черною фигурою, образом без лица, рисовавшимся на огненном круге; при всяком повороте лодки или движении гребца свет обливал его то слева то справа и, казалось, заглядывал ему в лицо. Вид с берега на плавающую с огнем лодку по воде также очень живописен. Как очарованная, до половины ярко освещенная, как будто предводимая пламенем, двигалась лодка без шума и, повидимому, без движения, без участия сидящих в ней каких-то призраков.

Скоро стала попадаться нам спящая мелкая рыба, стоявшая, или, лучше сказать, лежавшая, на дне, по маленьким ямкам и впадинам; охотники не обращали на нее внимания, меня же очень занимало рассматриванье тинистого прудового дна, освещенного огнем. Вдруг снималась пелена с другого, неизвестного мира, с его разными почвами, неровностями, растениями и спящими обитателями!.. Мне заранее приказано было сидеть смирно и громко не говорить, и я только шепотом или пальцем указывал на рыбу, мимо которой мы проезжали

и которая казалась мне довольно большою и стоющею удара остроги. Я ошибался, потому что рыба в воде, особенно ночью, при огненном освещении, кажется гораздо крупнее, чем она есть на самом деле. Молодой рыбак, державший в руке острогу, положа ее поперек лодки, не слушал меня и только трясением головы или отрывистым шепотом: «Это все дрянь, сидите смирно»,— отвечал на мои знаки и слова. Наконец, поплыли мы по протоку: так называлось извилистое, длинное протяжение, пересекавшее диагонально почти весь пруд, никогда не зараставшее травою; вероятно, это был когда-нибудь материк реки, старица, как его называют, если он не затоплен водою; может быть также, что это был овражек, по которому некогда бежал ручей. Глубина протока иногда достигала сажени, но большею частию простиралась от полутора до двух аршин и, несмотря на то, была вдвое глубже окружавших его полоев. Проток имел под водою свои собственные берега, обраставшие густыми водяными травами в летнее время, расстилавшимися по водяной поверхности; теперь, побитые сверху морозами, они опустились и лежали по дну грядами, наклонясь в одну сторону. В этом-то протоке начала попадаться нам крупная рыба. «Придержи», — шепнул главный рыбак; лодка приостановилась, острога скользнула в воду, шла сначала медленно, потом быстро вонзилась, и через несколько секунд был осторожно вытащен огромный язь, по крайней мере фунтов в шесть, увязший в зубьях остроги; зазубрины так въелись в тело язя, что даже руками не вдруг его сняли. Вторая добыча попалась — окунь, такой величины, какого в нашем пруду ни прежде, ни после не лавливали. К сожалению, тогда не взвешивали рыбу и я не могу положительно сказать, сколько весил этот окунь, но, конечно, в нем было более пяти фунтов. Потом стали попадаться средние язи и окуни, которых набили десятка полтора. Вытащили также несколько очень крупных плотиц. Изредка наезжали на щук, от трех до семи и до десяти фунтов (говоря примерно), которых также убили штук пять, не считая мелких: щукам не давали пощады и били всякого щуренка, которого только могли зацепить зубья остроги. Такое озлобление на щук происходило оттого, что они слишком развелись

и, без сомнения, поедали множество мелкой рыбы. Щуки стали попадаться нам чаще по заливам, около камышей и предпочтительно в озерках, кругом обросших камышами, и также в отлогих впадинах, которые оканчивались материком реки. Не должно думать, что рыбак убивал всякую рыбу, которая нам попадалась: напротив, некоторые были так чутки, что уходили при одном приближении лодки, а другие уходили по большей части в то время, когда направлялась в них острога. Надобно также заметить, что при вытаскивании порядочной рыбы нельзя было обойтись без некоторого шума и движения воды, и потому много уходило рыб, которые стояли и спали поблизости. Наконец, выплыли мы на материк и, поднявшись довольно далеко вверх, поворотили узким, но глубоким заливом опять в камыш и только стали входить в круглое широкое озеро, как рыбак подозрил щуку огромной величины, стоявшую между двумя затопленными кочками, невдалеке от сплошной гряды камыша. Сердце у меня замерло, когда он, положа свою острогу, взял из лодки самую большую. Я понял, что это значит. Шепотом и знаками указал он своему товарищу место, на которое должна была направиться лодка. Тихо наплыли мы на спящую рыбу, которая показалась мне толстою и длинною деревянною плахою или вершиной бревна, лежащего на дне. С удвоенною осторожностью направил рыбак свой трезубец, или, правильнее сказать, семизубец, долго наводил и метил и, наконец, ударил изо всех сил, проворно приподнялся на ноги, придавил что есть мочи острогу и оттолкнул от себя... Вода точно закипела под нами, лодка зашаталась от толчка и волнения, и я очень испугался, хотя глубина была не больше двух аршин и хотя тогда я боялся воды менее, чем впоследствии. Повернувшись и сильно взволновав воду, щука бросилась сначала как стрела, но потом пошла тише; шест в наклоненном положении до половины торчал из воды: собственная тяжесть и крепкая бечевка, привязанная к верхнему концу, склоняли его набок. Щука шла прямо из озера в материк реки. Держа в руках конец бечевки, молодой рыбак уже громким и веселым голосом сказал: «Попалась, утятница! давно я до тебя добирался!» — но другой рыбак отвечал почти

сердито: «Ну, ну, погоди радоваться. Веревку-то не выпусти из рук». В самом деле, веревка стала натягиваться; рыбак замотал ее за руку, и мы поплыли вслед за щукою, увлекаемые ею. Сойдя в материк, она сначала не один раз погружала в воду весь с лишком четырехаршинный шест, но потом начала утомляться: металась, всплывала наверх, пыталась бросаться в камыш, чтобы вырвать из себя острогу, но напрасно; рыба видимо изнемогала. Рыбак через несколько времени, не менее как через полчаса, подтащил к себе за бечевку верхний конец шеста, взял его в обе руки, встал на ноги и опять притиснул; но щука уже не бросилась так быстро, как в первый раз, а сделала небольшое движение сажен на шесть вперед, побилась, остановилась и совершенно затихла. Протащив щуку сажен пять на бечевке, рыбаки решились поднять ее и положить в лодку. Мы вошли в известный уже читателям проток, устье которого было от нас в нескольких саженях. Оба рыбака не без труда, общими силами вытащили страшно огромную рыбу и ввалили ее в лодку, не вынимая остроги; она была еще жива, разевала рот, но не шевелилась. Шест положили ко мне на плечо; я придерживал его обеими руками, чтобы он не свалился в воду и не мешал плыть. Молодой рыбак также взял весло, сел на нос лодки, и мы полетели как стрела к мельничному каузу. Там мы позвали мельника и, с помощию его и засыпки, выгрузились на плотину. Между тем набежали помольщики из мельничного амбара, разглядели, при свете зажженной лучины, славную добычу, и раздались громкие восклицания удовольствия и удивления. Между помольцами случился один очень малого роста, и сейчас посыпались на него шутки. «Ну, Гришка, — говорил один, очень высокий ростом, — хорошо, что щука-то тебя не видала. Ты летось ведь купался здесь: зглонула бы она тебя, как утенка, и поминай как звали — пропал бы ты без вести!» — «Нет, нет, подавилась бы, — возразил другой, — всё ноги бы остались видны! Что ты на него больно нападаешь, он все покрупнее утенка...» И громкий хохот заглушал на время шум падающей воды и мельничных колес. Между тем вытащили острогу из уснувшей щуки, и мы с торжеством понесли всю рыбу домой. Мне

сказывал на другой день мельник, что помольщики долго не спали, дивились, смеялись и толковали о диковинной щуке, которая, при горящей лучине, показалась им просто чудовищем. Что касается до меня, то с самой той минуты, как началась возня со щукой, я был в каком-то забытьи, смешанном (должно признаться) с некоторым страхом. Только дома, когда внесли щуку в комнату, положили на рогожу и окружили свечами, чтобы лучше разглядеть, — я опомнился и вполне предался шумной радости молодого рыбака. Настоящие виновники победы были неразговорчивы, хотя выпили по доброму стакану вина; но зато я за них рассказывал долго и громко все малейшие подробности только что совершившегося события, ссылаясь на них и заставляя подтверждать слова мои. Плохо спалось мне эту ночь! Впечатления были так живы и противоположны, что произвели сильное волнение в моей крови. Щука, со всею обстановкою ее убиения, грезилась мне беспрестанно, да и в самом деле было от чего взволноваться! Если б это случилось со мной в поре зрелого возраста, когда охота к рыбной ловле была уже развита во мне вполне, если б это случилось даже теперь со мною — кажется, впечатление было бы еще сильнее. По молодости я не мог тогда достаточно оценить важность столь замечательного происшествия в истории рыболовства, особенно если взять в соображение, что щука, достигающая таких размеров многими десятками лет, а может быть, и сотнею годов, чрезвычайно редко попадается в столь незначительных водах, как наш пруд и река, и еще реже становится добычей рыбаков. У нас это был единственный случай, который до сих пор еще не повторился. Надобно только представить себе, каковы были первые движения и порывы этой страшной рыбы! Покуда она не вышла в материк, где могла погрузиться глубоко, она производила такое волнение, что, если б мы не находились от нее в нескольких саженях, то лодка могла бы опрокинуться. Охотники знают по опыту, что в ночное время, даже стоя на берегу, невольно вздрогнешь, когда поворотится или плеснется вблизи обыкновенная крупная рыба, которая не может идти ни в какое сравнение с описываемою мною щукою. Но на небольшой лодке, довольно тяжело нагруженной, на по-

рядочной глубине, на кажущемся безграничном пространстве воды, в непроницаемой темноте, кроме небольшого освещённого круга, беспрестанно ожидая отчаянных порывов водяного чудища, которое возило и поворачивало нашу ладью во все стороны... признаюсь, сердце замирает от одного воспоминанья, и в старости можно отказаться от вторичного участия в такой поэтически рыбачьей сцене!..

Щуку рассмотрел я подробно на другой день. Мерою она была с лишком полтора аршина без хвостового пера и очень толста. Всех удивляла необыкновенная ширина ее лба, на котором были расположены какие-то узоры серого цвета, казавшиеся выпуклыми и седыми. Рыбаки говорили, что она очень стара и что у ней лоб *порос мохом*; когда разевали ей пасть, то поистине страшно было смотреть на ее двойные острые зубы, крупные и мелкие; горло у ней было так широко, что она без всякого затруднения могла проглотить старую утку. Уже много лет замечали ее присутствие в нашем пруду, и, конечно, много утят, и диких и домашних, переглотала она на своем веку. К сожалению, эта редкая щука не была взвешена, и я не могу сказать определительно об ее тяжести, но, судя по сравнению со щукой в один пуд и пятнадцать фунтов, которую я видел несколько лет после [1], щука, убитая острогою, должна была весить около двух пуд.

Впоследствии мне случалось не один раз ездить с острогою и самому бить рыбу, но никакой замечательной добычи нам не попадалось, да и надо признаться, что я этого дела был не мастер. Один только раз тот же самый охотник привез с нижнего Соколовского пруда (на том же Бугуруслане, восемью верстами ниже) огромного налима, которого убил также острогою, в материке под корягами, стоявшего так глубоко, что он едва мог достать его самою большою острогою. В нем было весу около тридцати фунтов, и печенки его не укладывались на обыкновенной тарелке. Это случилось в самую позднюю осень, когда мелкие полои уже покрыты были льдом.

---

[1] Я упомянул об этом в моих «Записках об уженье рыбы», стр. 118. Эта щука попала в хвостушу весною, в полую воду.

Острогой бьют щук и другую крупную рыбу в то время, когда она мечет, *бьет* икру, выражаясь по-рыбачьи. В эту пору особенного своего состояния рыба ходит стаями и нередко поднимается так высоко, что верхние перья бывают видны на поверхности воды; рыбак, стоя неподвижно в камыше, по колени и даже по пояс в воде, или на берегу, притаясь у какого-нибудь куста, сторожит свою добычу и вонзает острогу в подплывающую близко рыбу. В глубоких ямах, под вешняками, крупная рыба любит идти против падающей воды, всплывает иногда довольно высоко и упорно держится в неподвижном положении, уткнув голову в хворост и всякий лес, которым обыкновенно бывает устлано дно спуска под деревянным его полом или помостом. Рыбак, по большей части мельник, потому что это ему сподручно, подкараулив или заметив высоко стоящую рыбу, подкрадывается с острогою и выхватывает иногда славного язя, головля, окуня или жериха. Все это бывает очень приятною, случайною добычею, но не может назваться настоящею *охотою* с *острогою*.

ЛОВЛЯ МЕЛКИХ ЗВЕРЬКОВ

Когда после долгой, то мокрой, то морозной осени, в продолжение которой всякий зверь и зверек вытрется, выкунеет, то есть шкурка его получит свой зимний вид, сделается крепковолосою, гладкою и красивою; когда заяц-беляк, горностай и ласка побелеют, как кипень, а спина побелевшего и местами пожелтевшего, как воск, русака покроется пестрым ремнем с завитками; когда куница, поречина, хорек, или хорь, потемнеют и заискрятся блестящею осью; когда, после многих замерзков, выпадет, наконец, настоящий снег и ляжет пороша, — тогда наступает лучшая пора звероловства. О капканной ловле я стану говорить особо. Куниц ловить мне не удавалось, потому что их водилось очень мало в тех местах, где я живал и охотился; но хорьков, горностаев и ласок я лавливал разными поставушками, и об этой-то охоте, также горячо любимой мною в ребячестве и ранней молодости, доставлявшей мне в свою очередь много радостных минут, хочу я рассказать молодым, преимущественно деревенским охотникам.

Вид земли, покрытой первым снегом, после грязной, гнилой, осенней погоды, надоевшей даже горячим псовым охотникам [1], веселит сердце каждого. Все сделается сухо,

[1] Известно, что псовые охотники проводят в отъезжих полях целые месяцы. Мокрая и сырая погоды считаются выгодными для этой охоты, но иногда так надоедают охотникам, что они радуются сильным морозам, делающим неудобною псовую охоту с гончими и борзыми собаками.

бело, чисто и опрятно; бесчисленные зверьковые и звериные следы, всяких форм и размеров, показывают, что и звери обрадовались снегу, что они прыгали, играли большую часть долгой ночи, валялись по снегу, отдыхали на нем в разных положениях и потом, после отдыха, снова начинали сначала необыкновенно сильными скачками свою неугомонную беготню, которая, наконец, получала уже особенную цель — доставление пищи проголодавшемуся желудку. С полночи зверек уже не резвится, не *жирует* около одних и тех же мест, а рыщет там, где скорее может встретить какую-нибудь добычу, для чего пробегает иногда значительное пространство. Внимательное рассматриванье, неутомимое преследование зверьковых следов раскрывает наблюдательному охотнику все, что зверьки делали ночью; дневной свет объясняет, выводит наружу все тайны ночной темноты. Для меня это имело особенный интерес, и я нередко жертвовал расчетами добычливого охотника, удовлетворяя любопытству наблюдателя. Идя по следу ласки, я видел, как она гонялась за мышью, как лазила в ее узенькую снеговую норку, доставала оттуда свою добычу, съедала ее и снова пускалась в путь; как хорек или горностай, желая перебраться через родниковый ручей или речку, затянутую с краев тоненьким ледочком, осторожными укороченными прыжками, необыкновенно растопыривая свои мягкие лапки, доходил до текучей воды, обламывался иногда, попадался в воду, вылезал опять на лед, возвращался на берег и долго катался по снегу, вытирая свою мокрую шкурку, после чего несколько времени согревался необычайно широкими прыжками, как будто преследуемый каким-нибудь врагом; как норка, или поречина, бегая по краям реки, мало замерзавшей и среди зимы, вдруг останавливалась, бросалась в воду, ловила в ней рыбу, вытаскивала на берег и тут же съедала... Все это совершенно ясно рассказывали зверьковые следы опытному глазу молодого охотника.

Начинаю с ловли хорька, который гораздо больше, хищнее и неутомимее горностая и ласки. Хорек есть не что иное, как полевая, или каменная, куница. Название каменной придается ему некоторыми натуралистами потому, что он любит жить в каменных, опустелых зданиях

и развалинах; впрочем, хорек живет иногда в фундаментах и подвалах жилых каменных строений и даже в подвалах и погребах деревянных домов и крестьянских изб. Всего чаще он только посещает их по ночам для отыскания себе добычи и нередко залезает в курятники и голубятни. Величиною он бывает несколько меньше и тоньше лесной куницы, которая далеко превосходит его достоинством своего пушистого и осистого меха; шерсть на хорьке коротка и жестка; летом она бывает желтовато-бурого цвета, а зимою темная, как на соболе и на кунице. Хорьки живут по полям в норах и в них выводят детей, числом от трех до четырех; вероятно, зимою земляные летние норы заносятся снегом, и тогда хорьки живут в снежных норах или под какими-нибудь строениями: мне случилось один раз найти постоянное, зимнее жилье хорька под толстым стволом сломленного дерева; он пролезал под него сверху, в сквозное дупло. Не один раз находил я также хорька в снежной норе на большом расстоянии от человеческого жилья. Хорек, равно как горностай и ласка, вполне хищный зверек; он ловит всяких птиц, диких и дворовых, во время их сна на ночевках, нападает даже на гусей, как уверяют охотники, в случае же нужды питается также крысами и мышами. Хорек злобен до невероятности и в крайности не только огрызается, но бросается даже на собаку. Огрызанье его сопровождается звуками, похожими на щекотанье сороки. Хорек никогда не ходит, не бегает[1], а прыгает, скачет, становясь обеими лапками вместе, отчего след его издали может показаться лисьим нарыском, когда лиса спокойно идет тихим шагом; обыкновенные прыжки хорька бывают около полуторы четверти, а если он чем-нибудь испуган, то скачки его достигают до двух четвертей и более. Ловят хорьков маленькими капканами и самострелами. Капканы становятся на тех местах, по которым непременно должен пройти хорек, вылезая или влезая в свою нору или пролезая сквозь какое-нибудь отверстие в курятник, подвал, голубятню, куда он повадился ходить за своей добычей. Самострелы становятся непременно над отверстием хорьковой норы, когда он застигнут в ней

[1] Точно так же горностай и ласка.

охотником, потому что хорек может попасть в самострел, только вылезая из норы. Самострел — довольно замысловатое орудие, и трудно получить об нем понятие без рисунка. Это не что иное, как натянутый лук со стрелою, которая, вместо копья, оканчивается довольно широкою лопаточкою; лопаточка ходит в пазах длинной рамки, вделанной прочно в средину лука, и, будучи спущена, плотно и крепко прижимается силою тетивы к краю рамки. Настороженный самострел накладывается на выход из норы, и хорек не может из нее вылезть, не тронув сторожка, утвержденного поперек открытого отверстия рамки; как скоро сторожок соскочит, тетива спускается, и стрела мгновенно прищемляет зверька.

Горностай и ласка могут быть причислены к одному роду. Вся разница между ними состоит в том, что горностай вдвое толще и вершка на три длиннее ласки; фигура, все стати, нравы и цвет шерсти у них совершенно одинаковы, кроме того, что у горностая кончик хвоста черный. Оба эти зверька летом имеют шкурку рыжевато-бурую, которая кажется тогда даже пестрою, а зимой — белую как снег; оба хищной породы и питаются мясом; оба имеют, с первого взгляда, очень грациозную наружность; но, всмотревшись хорошенько в очертание их рта, вооруженного частыми и острыми зубами, особенно в их маленькие, бесцветные глазки, почувствуешь, что они принадлежат к злобной и кровожадной породе зверей. Особенно ласка, будучи слишком длинна и тонка и потому изгибая свою спину дугою, когда останавливается, напоминает как-то изгибающуюся змею. Вероятно, горностай так же хищен и злобен, как хорек и ласка, что и подтверждается охотниками-звероловами, но мне не удавалось видеть своими глазами доказательств его хищности; кровожадности же хорька и особенно ласки я много видел удивительных опытов [1]. Хорек, забравшись в курятник, или утиный хлев, или в голубятню, никогда не удовольствуется одною жертвою, а

[1] Я рассказал в «Записках ружейного охотника» о невероятной жадности и смелости ласки, подымающейся с тетеревом на воздух и умерщвляющей зайца в снежной норе.

всегда задушит несколько кур, уток или голубей. Он обыкновенно прокусывает шею у своей добычи, напивается крови, оставляет ее, кидается на другую и таким образом умерщвляет иногда до десятка птиц; мясо их остается нетронутым, но у многих бывают головы совсем отъедены и даже две-три из них куда-то унесены; иногда же я находил кур, у которых череп и мозг были съедены. Если хорек заедает по одной или не более двух птиц, что случается довольно редко, то уже непременно уносит их головы. Довольно трудно объяснить, отчего происходит у хорька такая разница в числе жертв и в способе употребления в пищу своей добычи. Я слыхал от охотников, что одни молодые хорьки отгрызают головы у птиц и выедают мозг, а старые пьют только кровь и что, будучи умнее молодых, они умерщвляют только по одной или по две штуки, для того чтобы долее пользоваться добычей. Но такому мнению противоречат самые эти признаки: то есть, если старый хорек пьет только кровь заеденных им птиц и умерщвляет не более одной или двух, не касаясь их мяса, то отчего же я всегда находил, что если умерщвлена одна или две птицы, то головы их непременно отгрызены или унесены? Итак, надобно искать другого объяснения.

Горностаев и ласок редко ловят самострелами, потому что редко попадаются их норы. Для ловли этих маленьких зверьков употребляют *плашки* и *стульчики*. Плашка действительно есть не что иное, как плаха, то есть половина бревна, в отрубе вершков четырех или пяти, расколотого посредине. Отрубок такой плахи, в аршин или несколько более длиною, гладко вытесанный с плоской стороны, накладывается на такую же плаху и пригоняется к ней плотно; потом верхняя плаха поднимается на четверть или на полторы и, по известному всем способу, настораживается сторожком, к которому привязана прикормка, или приманка: опаленная мышь, какая-нибудь птичка или кусок ветчинного сала с кожей, также опаленного на огне, для того чтобы запах прикормки был слышнее. Задний конец плахи имеет продолбленную продолговатую дыру, сквозь которую проходит колышек, крепко утвержденный в нижней плахе; это сделано с

целию, чтобы задний конец верхней плахи не мог соскочить; разумеется, верхняя плаха поднимается и опускается на нем свободно. Зверек, почуяв лакомую пищу, подходит и хватает ее зубами, сторожок соскакивает, верхняя плаха падает и придавливает его.

Стульчиком называются две палочки, всегда из сырого тальника, каждая с лишком аршин длиною, которые кладутся крест-накрест и связываются крепкою бечевкою; потом концы их сгибаются вниз и также связываются веревочками, так что все четыре ножки отстоят на четверть аршина одна от другой, отчего весь инструмент получает фигуру четвероножника, связанного вверху плотно; во внутренние бока этих ножек набиваются волосяные силья, расстоянием один от другого на полвершка; в самом верху стульчика, в крестообразном его сгибе, должна висеть такая же приманка, какую привязывают к сторожку плахи; приманка бывает со всех сторон окружена множеством настороженных сильев; зверек, стараясь достать добычу, полезет по которой-нибудь ножке и непременно попадет головой в силок; желая освободиться, он спрыгнет вниз и повиснет, удавится и запутается в сильях даже всеми ногами. Впрочем, случается иногда, что он сначала попадает лапкой, и в таком случае он отгрызет силок. Плашка и стульчик становятся на таких местах, где много замечено горностаевых и ласкиных следов и где они отыскивают себе добычу. Ласку, известную истребительницу мышей в гумнах с хлебом и в хлебных амбарах, никогда не должно около них ловить. Ласка, по своему тонкому и длинному стану, имеет возможность пролезать в мышиные норки, в самые узенькие щели и даже в хлебные клади и копны, а потому мышам нет от нее спасенья.

Расставя с вечера несколько таких поставушек, на рассвете надобно их обойти и все собрать, а в сумерки, оправив все как следует и положив свежей приманки, расставить вновь по другим местам, какие охотник сочтет более удобными. Эта охота может продолжаться всю зиму, разумеется на лыжах и кроме тех ночей, когда идет сильный снег, или *крутит буран*, выражаясь по-оренбургски. В буранную погоду так занесет поставушки, что их на другой день и не отыщешь. Мне нередко слу-

чалось терять мои звероловные снаряды, потому что часто с вечера бывает тихо и поставушки поставишь, а к утру подымется такая метель, что и самому нельзя носа показать. Впрочем, простое устройство этих снастей дает возможность в один день заменить потерянные новыми.

Кажется, что можно найти привлекательного в этой охоте? Но именно в том состоит тайна всех охот, что их нельзя объяснить и определить. То, что покажется не охотнику смешно, скучно и нелепо — горячит, тревожит и радостно волнует сердце охотника. Я сам с удивлением и вместе с удовольствием вспоминаю, как горячо некогда охотился за маленькими зверьками. Расставив десятка полтора разных поставушек по таким местам, где добыча казалась вероятною, воротясь поздно домой, усталый, измученный от ходьбы на лыжах, — не вдруг заснешь, бывало, воображая, что, может быть, в эту минуту хорек, горностай или ласка попала в какую-нибудь поставушку, попала как-нибудь неловко и потому успеет вырваться в продолжение зимней, долгой ночи. Рано проснешься поутру, оденешься задолго до света и с тревожным нетерпением дожидаешься зари; наконец, пойдешь и к каждой поставушке подходишь с сильным биением сердца, издали стараясь рассмотреть, не спущен ли самострел, не уронена ли плашка, не запуталось ли что-нибудь в сильях, и когда в самом деле попалась добыча, то с какой, бывало, радостью и торжеством возвращаешься домой, снимаешь шкурку, распяливаешь и сушишь ее у печки и потом повесишь на стену у своей кровати, около которой в продолжение зимы набиралось и красовалось иногда десятка три разных шкурок.

Я ничего не сказал о ловле норок, потому что мне не удавалось самому ловить их; но я видел, как добывали их другие охотники: они ставили по берегам рек, на которых много было норкиных следов, маленькие капканы, для чего разрывали небольшую ямку в снегу, а если снег мелок, то в песке или земле берега; в первом случае капкан засыпался слегка снегом, а в последнем — сухими листочками. Недавно уверяли меня, что норка питается не одною рыбою, а кушает и мясо. Норку застали очень

рано поутру у кухни и гнались за нею до реки, в которую она будто бы бросилась и нырнула. Из этого вывели заключение, что норка приходила к кухне, стоящей на довольно большой горе, не для ловли рыбы. Я несколько усумнился и говорил об этом с самым опытным звероловом, который тридцать лет ловит норок капканами и знает наизусть образ их жизни. Он уверяет, что видели хорька вместо норки, который, вероятно, бросился не в реку, а под берег, где у него была нора; норка же, по его уверению, никогда к человеческому жилью не подходит.

КАПКАННЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Ловля зверей капканами распространена по всей России, кроме губерний южных, где снегу бывает мало или вовсе не бывает. Я стану говорить собственно об Оренбургском крае и соседственных ему губерниях на север. В этих местах редко можно найти деревушку, в которой бы не было хотя одного капканщика; во многих же больших селениях, почти в каждом крестьянском дворе, есть охотник, а иногда и два. Капканами ловится преимущественно заяц, потом лиса и волк. Я слыхал, что в Вятской и Пермской губерниях ловили прежде огромными капканами медведей и росомах, но больше я ничего не знаю об этой интересной охоте. Итак, обращаюсь к знакомому мне предмету.

Я не стану описывать простого, всем известного механизма капканов. Они бывают двух сортов: большие и малые, круглые и четвероугольные, волчьи и заячьи; первые почти втрое больше последних. Лиса обыкновенно ловится заячьими капканами; собственно же для нее особенной снасти, средней величины, не знаю почему, не делают, а это было бы недурно; иногда попадается лиса и в волчьи капканы. Я видал маленькие капканчики для мелких зверьков, но их надобно было делать на заказ. Теперь их стали приготовлять больше.

Волков и лис добывают следующим образом: еще с осени, по-голу, не позже половины октября, на открытых

местах, около большого леса, или в мелком лесу, в перелесках, вообще, где чаще видают лис и волков, кладут притравы, то есть бросают ободранную лошадь или корову, для того, чтоб волки и лисы заблаговременно привыкли их кушать; впрочем, для этого пригодна всякая падаль или дохлая скотина. Как скоро привада будет съедена, то вместо нее кладут другую, и если зима становится поздно, то случается положить и третью. Когда выпадет снег порядочной глубины, то есть четверти в полторы или две, и волки, продолжая ходить на притраву почти всегда по одним и тем же следам, набьют тропы — наступает время ставить капканы. Это случается по большей части около зимнего Николы. Надобно заметить, что волки ходят на притраву целым обществом или выводками, которые от трех и четырех простираются до восьми и девяти штук, а лиса — всегда в одиночку. Зверолов заранее объезжает верхом все места около привады, или притравы; осматривает волчьи и лисьи тропы и назначает места, где ставить капканы; потом, также верхом, отправляется для их постановки. Ездить верхом потому необходимо, что только конского следа зверь не боится; охотники уверяют, что если подъедешь к приваде на санях и, еще хуже, подойдешь пешком, то волки и лисы перестанут ходить на притраву. Итак, зверолов, взяв с собою несколько капканов, отправляется верхом на свой промысел. Не доезжая шагов ста до притравы, он привязывает лошадь где-нибудь к дереву или кусту, берет один из капканов и деревянную лопаточку, которая служит ему единственным орудием для произведения всех работ, как мы увидим после. Обувь охотника должна быть чиста и не издавать никакого запаха, навозного или дегтярного, и потому лучше употреблять свежие, незаношенные лапти и онучи, чем сапоги; руки и рукавицы или варежки зверолова также должны быть чисты. Подойдя к месту, то есть к тропе, охотник, наклонясь как можно дальше вперед, но не становясь обеими ногами вместе, очерчивает лопаточкой четвероугольник на самой бойкой тропе, так, чтобы тропа приходилась посредине, бережно снимает пласт снега почти до самой земли и, сохраняя по возможности фигуру волчьих следов, кладет пласт снега позади себя, на

свой собственный след; на очищенном месте, которого величина должна быть соразмерна величине снасти, он ставит капкан с его полотном, разводит дуги, настораживает их и потом достает, также позади себя, чистого снегу и бережно с лопаточки засыпает им капкан так, чтобы снежная поверхность была совершенно ровна, и на этом пушистом снегу, углом или концом рукоятки той же лопаточки, искусно выделывает тропу волчьих следов, копируя снятый им с этого места след. Все это надо так мастерски устроить, чтобы острое зрение зверя ничего не могло заметить и тонкое его чутье ничего не могло услышать; одним словом, чтобы место с поставленным капканом и подделанною на нем волчьей тропою было совершенно похоже на окружающую его местность. Потом охотник начинает отступать задом, становясь ногою в свой прежний след и засыпая его, по мере отступления, также свежим, пушистым снегом; отойдя таким образом сажен двадцать и более, он возвращается к своей лошади, уже не засыпая своих следов; садится опять верхом, ставит другой капкан, третий и даже гораздо более, смотря по числу волчьих троп и следов, идущих к притраве с разных, иногда противуположных сторон. Я знавал таких мастеров ставить капканы, что без удивления нельзя было смотреть на подделанные ими звериные тропы и засыпанные собственные следы. Вся работа производилась при моих глазах лопаточкой, и на другой день я сам не узнавал и не находил тех мест, где были поставлены капканы. Точно таким же образом ставят заячьи капканы на лисьих тропах, проложенных к притраве или к какому-нибудь другому месту, куда лиса повадилась ходить за своей добычей; предосторожности наблюдаются те же. В старину, как рассказывали мне тоже старые охотники, к волчьим капканам привязывали веревку с чурбаном или рычагом для того, чтобы попавшийся волк, задевая ими за кочки, кусты и деревья, скорее утомлялся и не мог уходить далеко; но потом этот способ был совершенно оставлен, ибо, кроме хлопот зарывать в снег веревку и чурбан, они оказывались бесполезными: волк перегрызал веревку — и охотники начали ставить капканы на волков и лис, ничего к ним не

привязывая. Впоследствии, по примеру *верховых*[1] охотников, ввели в употребление капканы с железной цепью и якорем, и это много облегчило отыскиванье и убой попавшегося зверя; впрочем, капканы заячьи (они же и лисьи) ставятся без всякой привязки, отчего лисы иногда довольно далеко уходят и тем утомляют охотников. Волк попадает всегда одной ногой, лиса же изредка двумя; это случается, когда она прыгает, скачет, а не бежит рысью или не идет тихой ходою. Лис часто ловят на заячьих тропах, потому что они следят зайцев и ловят их, как борзые собаки. Заячьи капканы на зайцев становятся точно так же на тропах, но несколько с меньшими предосторожностями. Заячий след подделывается иногда отрубленной и высушенной заячьей лапкой, но по большей части тою же лопаточкой. Заяц попадает довольно часто двумя ногами, а изредка и тремя; бывают примеры, что заяц умудряется попасть лапкой и рыльцем; один раз мне случилось видеть, как заяц попал в капкан одною переднею и одною заднею ногой: это еще мудренее. Вообще зайцы не уходят далеко с капканами, хотя бы попали одною заднею ногой.

Бывали примеры, что если волки ходят на приваду стаей и один из них попадет в капкан, то все другие бросаются на него, разрывают в куски и даже съедают, так что на большом утолоченном и окровавленном пространстве снега останется только лапа в капкане да клочки кожи и шерсти; это особенно случается около святок, когда наступает известное время течки. Если волк попадет заднею ногою, то уносит капкан дальше, но если переднею и высоко, то уходит недалеко. Пойманного в капкан волка, особенно без цепи и якоря[2], иногда бывает трудно убить и еще труднее взять живьем; отчаянное положение волка приводит его в бешенство, и тогда он делается опасным. Смелость и горячность многих охотников в таких случаях поистине изумительны! С дубин-

---

[1] Верховыми называются те охотники, которые живут в верховьях Волги.

[2] В отдаленных и глухих местах многие охотники до сих пор ставят волчьи капканы без всякой привязки: доставать цепь и якорь хлопотливо и дорого.

кой или палкой в руке охотник, всегда один, преследует зверя иногда по нескольку верст; задыхаясь от усталости, обливаясь потом, он нередко бросает шапку, рукавицы, тулуп и в одной рубахе, несмотря на сильный мороз, не отстает от волка и не дает ему вздохнуть; он старается загнать зверя в лес, потому что там он задевает капканом за пеньки и деревья и иногда так завязнет в них, что не может пошевельнуться с места; тогда охотник уже смело бросается на свою добычу и несколькими ударами по голове убивает волка. Но никогда не должно приближаться к нему на чистом месте; много бывает примеров, что даже по редколесью волк в капкане, преследуемый близко охотником, выбравши какую-нибудь полянку, вдруг оборачивается назад, бросается на охотника и наносит ему много жестоких ран даже на груди и на шее; в таком опасном случае надобно зарезать волка ножом, который не худо иметь охотнику на своем поясе. В лесу волк не может этого сделать. Он будет цепляться капканом за деревья, да и охотник может прятаться от него за всяким стволом большого дерева. Замечательно, что многие охотники спасались в самых отчаянных случаях от нападающего волка, вдруг крикнув на него грозным голосом: «Прочь! Куда ты? Пошел назад, ступай своей дорогой!..» — или что-нибудь подобное. Я слышал это от самых достоверных, старых и опытных охотников. Нет сомнения, что употребление капканов с цепью и якорем очень много способствует безопасности охотника, но волка, попавшего в капкан, взять живьем — это уже другая история. Это не то, что зверь, загнанный в степи до такой усталости, что едва переводит дыхание (о чем будет рассказано после): с таким волком может человек делать что ему угодно. Живого волка в капкане берут двое и даже трое охотников: утомив предварительно и потом нагнав волка близко, один из охотников просунет длинный рычаг под дугу капкана, прижмет к земле и таким образом совершенно остановит зверя; другой бросает ему на шею мертвую петлю и затягивает, а третий сзади хватает волка за уши; тогда первый охотник, бросив рычаг, связывает волку рот крепкой веревочкой или надевает намордник и завязывает позади головы на шее. После того можно вести или тащить его на веревке

куда угодно. Живых волков добывают для травли собаками.

Очень странно, что волк почти никогда не отвертывает, не отрывает своей ноги, завязшей в капкане, несмотря на отчаянные усилия, которые он для того употребляет. Он нарочно задевает капканом за дерево или куст, мечется и вертится во все стороны; даже зайцу иногда удается оторвать ногу, а лисе очень часто. Лиса, будучи вообще смирною в капкане, как раз переломит ногу в самом том месте, где она сжата капканными дугами, потом перетрет кожу и, оставив свою лапу в капкане, всегда повыше первого позвонка, — преблагополучно уходит. Псовым охотникам случалось затравливать лис о трех ногах, которые, по их словам, бежали очень резво.

Зайцев капканами ловят великое множество, по большей части беляков, но довольно добывается и русаков. Троп русачьих нет, потому что они живут по открытым степям и горам, где никакие кусты и деревья не заставляют их ходить по одному и тому же месту; но зато русаки иногда имеют довольно постоянные денные лежки в выкопанных ими небольших норах, в снежных сугробах или в норах сурочьих; тут натоптываются некоторым образом такие же тропы, как и в лесу, и на них-то ставят капканы; но по большей части ловят русаков на крестьянских гумнах, куда ходят они и зимою кушать хлеб, пролезая для того, в одном и том же месте, сквозь прясла гуменного забора или перескакивая через него, когда он почти доверху занесен снегом. На этих-то прыжках или пролезаньях сквозь прясла всего вернее ставить капканы. Если около гумен находится поблизости болотистая урема или лес, то и беляки посещают гумна, отчего делаются очень жирны; но никогда не могут сравняться с русаками, которые до того отъедаются, что матерые имеют весу до тридцати пяти фунтов.

Само собою разумеется, что чем больше поставлено капканов, тем больше попадет зайцев; но должно признаться, что это работа хлопотливая и медленная, так что в короткий зимний день трудно поставить более пятнадцати капканов. Жестокие оренбургские бураны так иногда заносят их, что привычный и заметливый глаз хозяина не вдруг найдет место, где были поставлены его

снасти; иногда охотник даже теряет их и находит уже весной, да и то не всегда.

Заячьими капканами ловят норок по берегам рек. Изредка ловят и куниц, ставя капканы на толстых древесных сучках и пришивая, для прикормки, кусок какого-нибудь мяса к полотну капкана; куница, попав в него, падает вместе с ним на снег, и охотник сейчас найдет ее по следу.

Во время оттепели и мокрого снега капканов не ставят, потому что снег прилипает к снастям и пружины их оттого действуют слабо; после же метели или выпавшего снега все снасти надобно осмотреть и вновь переставить.

Когда снег углубеет, то заячьи капканы ставят на лыжах, но к волчьим и лисьим капканам, то есть к местам, на которых они ставятся, на лыжах не подходят. Лыжи необходимы для преследования попавшего волка, если снег уже глубок.

Хотя я хаживал на эту охоту только за зайцами и всегда с опытными мастерами, но никогда не умел ставить хорошо капканы, и в мои снасти как-то зверь мало попадал. У меня недоставало терпения для отчетливой, медленной работы, требующей много времени и аккуратности, и я должен признаться, что ходьба по снегу пешком или на лыжах, в зимнюю стужу, мне не очень нравилась. Но обходить поставленные капканы и вынимать попавшуюся добычу я очень любил.

ГОНЬБА ЛИС И ВОЛКОВ

Я упомянул в своих «Записках ружейного охотника» (стр. 314) о том, что по первому снегу, довольно глубокому, добычливые охотники в Оренбургской губернии заганивают, верхом на лошадях, лис и волков и убивают их без помощи собак и огнестрельного оружия. Эта охота, которая может быть производима только в открытых полях или степях, без сомнения, многим вовсе неизвестна, а кто и слыхал о ней, тот также не имеет настоящего понятия о сущности дела, если оно не было сообщено ему участником в охоте или по крайней мере самовидцем. Я расскажу все, что знаю: что видел своими глазами и что слыхал от опытных, настоящих охотников.

Как скоро в начале зимы выпадет так называемая *густая пороша*, то есть выпадет снег глубиною от полуторы до двух с половиною четвертей, наступает удобное время для гоньбы зверя, потому что глубина снега лишает его возможности долго бежать, а для лошади рыхлый снег в две четверти ничего не значит. Для успешной охоты достаточно двух верховых, а более трех уже и не нужно. В случае необходимости даже один охотник на доброй лошади, если местность удобна, может загнать не одну лису, несмотря на краткость осеннего или зимнего дня; но волка загнать одному охотнику почти невозможно; примеры бывают — зато считаются великою редкостью. Цель этой охоты состоит в том, чтобы

гнаться за зверем верхом до тех пор, пока он, выбившись из сил, не в состоянии будет сделать ни одного прыжка, и тогда убить его арапником, дубинкой или взять его живьем. Преимущественно успех зависит от легкости, нестомчивости и неспотыкливости лошади и от крепости сил и ловкости охотника. Другое, не менее важное, условие успеха состоит в том, чтоб снег был ровен, рыхл и пушист; как скоро сделаются хотя маленькие *удулы*[1], или осадка, или наст — гоньба невозможна; тогда если не везде, то по местам снег будет поднимать зверя, а лошадь, напротив, станет везде проваливаться и даже резать себе ноги. Хотя это добыванье зверя очень утомительно, но я видал много страстных охотников, большею частью из простого народа, предпочитавших гоньбу травле зверей борзыми собаками[2]. Быстрая скачка на резвой лошади, по необозримому пространству, за убегающим хищным зверем сильно разгорячает охотника, и он приходит в какое-то вдохновенное состояние, в самозабвение. Вольною птицей носясь по полям и долинам, по горам и оврагам, охотник безвредно мчится по таким неудобным и даже опасным местностям, по каким он не вдруг бы решился скакать в спокойном состоянии духа. Охотники любят такие минуты волнения, да и кто же не любит сильных впечатлений?..

В гонке лиса гораздо слабее волка. Волк может бежать без отдыха от десяти до пятнадцати верст; зато остановившись, он падает совершенно обессиленный, ткнется рылом в снег, и с ним можно делать что угодно: ему надо много времени, чтобы отдохнуть. Лиса, напротив,

---

[1] Удулом называется в Оренбургской губернии снег, сметаемый, придуваемый ветром к некоторым местам, отчего образуются крепкие снежные возвышенности и даже бугры.

[2] Я знаю, что никто из псовых охотников не согласится с этим; знаю, что они смотрят с презрением на гоньбу зверей, что они хотят их травить, а не добывать, хотят любоваться резвостью, поимчивостью собак и проч. и проч. Все это справедливо; но о вкусах в охоте спорить не должно; скажу только, что продолжительной, упорной скачки несравненно больше в гоньбе, чем в травле, что в гоньбе охотник действует самостоятельнее, обходясь без помощи собак и ружья, и что, по словам многих, в то же время псовых охотников, гоньба за зверем в одиночку горячит больше травли.

заганивается на двух, много на трех верстах; даже на одной версте высунется у нее язык, она начнет оглядываться, искать возможности как-нибудь прилечь, чтоб отдохнуть хотя на одну минуту, и если это будет удаваться ей, то силы ее подкрепятся, она снова пускается в бег и сажен сто бежит очень резво. Прятаться она такая мастерица, что во всяком овражке или кустике так плотно заляжет, что охотник может проскакать мимо и даст ей время перевесть дух.

Охота производится следующим образом: как скоро ляжет густая пороша, двое или трое охотников, верхами на добрых незадушливых конях [1], вооруженные арапниками и небольшими дубинками, отправляются в поле, разумеется рано утром, чтобы вполне воспользоваться коротким осенним днем; наехав на свежий лисий нарыск или волчий след, они съезжают зверя; когда он поднимется с логова, один из охотников начинает его гнать, преследовать неотступно, а другой или другие охотники, если их двое, *мастерят*, то есть скачут стороною, не допуская зверя завалиться в остров (отъемный лес), если он случится поблизости, или не давая зверю притаиться в крепких местах, как-то: рытвинах, овражках, сурчинах и буераках, поросших кустарником. Охотники иногда пересекают ему путь, иногда заезжают навстречу, зная заранее по местности, куда побежит зверь, и нередко поворачивают его так, что иногда лиса, особенно волк, кружится на одном и том же пространстве, пробегая его несколько раз взад и вперед. Впрочем, это делается преимущественно с волком, который может пробежать большое расстояние; с лисой же надобно только наблюдать, чтоб она не залегла где-нибудь и не отдохнула. Лошадь того охотника, который гонит зверя по пятам, по всем извилинам и поворотам его бега, разумеется, должна гораздо скорее устать, и тогда товарищ его сменяет; первый начинает мастерить, а второй гнать. В отношении к волку надобно наблюдать следующее правило: как скоро он

---

1. В Оренбургской губернии много есть лошадей, выведенных от башкирских маток и заводских жеребцов; эта порода отлично хороша вообще для охоты и в особенности для гоньбы за зверем.

начнет бежать тише, так что нетрудно смять его лошадью, не должно подскакивать к нему слишком близко. Матерой или старый волк, не лишенный еще сил, может кинуться на лошадь; бывали примеры, что волк бросался на шею лошади и жестоко ее ранил своими клыками, даже кусал за ноги охотника. В таком случае, не теряя присутствия духа и времени, надобно прибегнуть к арапнику или дубинке. Волк боится даже *лучка,* как говорит народ, то есть боится, когда человек замахнется на него, как будто хочет *лукнуть,* бросить что-нибудь, и редко случается, чтоб волк в первое мгновение не отскочил от человека [1]. Удара арапником или дубинкой будет достаточно, чтоб усталый и напуганный зверь пустился опять наутек. В отношении же к лисе никак не должно полагаться на то, что она приляжет и как будто растянется на снегу, а надобно сейчас попробовать поднять ее хлопаньем арапника, потому что в то время как охотник, подскакав к ней, бросится с лошади, лиса вскочит и сначала побежит очень проворно, освеженная минутным отдыхом, чем выиграет перед у охотника, и может куда-нибудь спрятаться. Вообще брать загнанную лису живьем надобно осторожно: она кусается гораздо чаще, чем волк. — Наконец, преследуемый зверь утомится совершенно, выбьется из сил и ляжет окончательно, или, вернее сказать, упадет, так что приближение охотника и близкое хлопанье арапником его не поднимают; тогда охотник, наскакав на свою добычу, проворно бросается с седла и дубинкой убивает зверя; если же нужно взять его живьем, то хватает за уши или за загривок, поближе к голове, и, с помощью другого охотника, который немедленно подскакивает, надевает на волка или лису *намордник,* род уздечки из крепких бечевок; зверь взнуздывается, как лошадь, веревочкой, свитой пополам с конскими волосами; эта веревочка углубляется в самый зев, так что он не может перекусить ее, да и вообще кусаться не может; уздечка крепко завязывается на шее, близ затылка, и соскочить никак не может; уздечка, разумеется, привязана к веревке, на которой можно вести зверя или

---

[1] Многие звероловы с этим не согласны.

тащить куда угодно. Живых лис и волков достают для того, чтоб притравливать на них молодых собак, которые иногда не берут этих зверей: волка — потому, что он силен и жестоко кусается, а лису — потому, что она отыгрывается от молодых собак, которые по неопытности принимают ее за такую же, как они, собаку и начинают с нею играть; лиса же, при первой удобной местности, от них скрывается и уходит; разумеется, эта хитрость не обманет старых, вловившихся собак.

Есть такие ловкие охотники, которые в одиночку заганивают лису и приводят ее живую на веревке. При такой одиночной охоте, загнав лису, надобно левою рукою держать ее за уши, а правою надеть на нее намордник.

МЕЛКИЕ ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУЕВЕРИЯХ И ПРИМЕТАХ ОХОТНИКОВ

Известное дело, что охотники-простолюдины — все без исключения суеверны, суеверны гораздо более, чем весь остальной народ, и, мне кажется, нетрудно найти тому объяснение и причину: постоянное, по большей части уединенное, присутствие при всех явлениях, совершающихся в природе, таинственных, часто необъяснимых и для людей образованных и даже ученых, непременно должно располагать душу охотника к вере в чудесное и сверхъестественное. Человек не любит оставаться в неизвестности: видя или слыша что-нибудь необъяснимое для него очевидностью, он создает себе фантастические объяснения и передает другим с некоторою уверенностью; те, принимая их с теплою верою, добавляют собственными наблюдениями и заключениями — и вот создается множество фантазий, иногда очень остроумных, грациозных и поэтических, иногда нелепых и уродливых, но всегда оригинальных. Я уверен, что охотники первые начали созидание фантастического мира, существующего у всех народов. Первый слух о лешем пустил в народ, вероятно, лесной охотник; водяных девок, или

чертовок [1], заметил рыбак; волков-оборотней открыл звероло в. Я уже говорил в моих «Записках ружейного охотника», что в больших лесах, пересекаемых глубокими оврагами, в тишине вечерних сумерек и утреннего рассвета, в безмолвии глубокой ночи крик зверя и птицы и даже голос человека изменяются и звучат другими, какими-то странными, неслыханными звуками; что ночью слышен не только тихий ход лисы или прыжки зайца, но даже шелест самых маленьких зверьков. Весьма естественно, что какой-нибудь охотник, застигнутый ночью в лесу, охваченный чувством непреодолимого страха, который невольно внушает темнота и тишина ночи, услыхав дикие звуки, искаженно повторяемые эхом лесных оврагов, принял их за голос сверхъестественного существа, а шелест приближающихся прыжков зайца — за приближение этого существа. Крик филина и маленьких сов особенной породы, которых он слыхал, может быть, и прежде, но который не походил на слышимые им теперь звуки в лесу, не мог ли показаться ему и хохотом, и стоном, и воем, и чем угодно? Если же он, дрожа и потея от страха, но подавляемый усталостью, как-нибудь засыпал или хотя задремывал, то, без сомнения, грезил во сне тем же, чем был полон и волнуем наяву; дремота даже могла придать более определенности образу неизвестного существа. С первыми лучами солнца, отыскав дорогу и возвращаясь домой, он чувствовал себя как будто изломанным, исщипанным и, увидя свое тело, покрытое пятнами, он легко мог приписать их щипанью или щекотанью того же сверхъестественного существа. Бедняка искусали крупные лесные муравьи или другие насекомые, но такое простое объяснение не приходит ему в голову. А как событие происходило в лесу, то и дает он имя лешего его таинственному обитателю. Дома рассказывает он свою чудную повесть, показывает красные и синие пятна на своем теле; воображение рассказчика и слушателей воспламеняется, дополняет картину — и леший, или лесовик, получает свое фантастическое существование! Постепенно укрепляясь в народном ведении и

[1] В Оренбургской, а равно Казанской и Симбирской губерниях народ не знает слова *русалка*.

веровании, принимает он определенный образ и черты, иногда очень подробные и разнообразные.

Вода, преимущественно большая, в поздние сумерки и ранний рассвет, особенно в ночное время, производит на человека такое же действие невольного страха, как и дремучий лес. Внезапное движение и плеск воды, тогда как производящей его рыбы или зверя, за темнотою, хорошенько разглядеть нельзя, могло напугать какого-нибудь рыбака, сидящего с удочкой на берегу или с сетью на лодке. Шум и движение в камыше или осоке, производимые уткой с утятами, даже прыгающими лягушками, могли показаться устрашенному воображению чем-то похожим на движение существа несравненно большего объема. Выпрыгнувшая из воды на берег или спрыгнувшая с берега в воду поречина, мелькнувшая неясным, темным призраком, могла отразиться в его воображении чем-то похожим на образ человеческий. *У страха глаза велики*, говорит пословица, и почему же круглому, тупому рылу сома, высунувшемуся на поверхность воды и быстро опять погрузившемуся, не показаться за человеческую голову, которая всплывала на одно мгновенье? Почему остроконечный нос и голова щуки или жериха не могли показаться локтем руки или каким-нибудь человеческим членом? Точно так же, как рассказывал лесной охотник о своих ночных страхах и видениях в лесу, рассказывает и рыбак в своей семье о том, что видел на воде; он встречает такую же веру в свои рассказы, и такое же воспламененное воображение создает таинственных обитателей вод, называет их русалками, водяными девками, или чертовками, дополняет и украшает их образы и отводит им законное место в мире народной фантазии; но как жители вод, то есть рыбы — немы, то и водяные красавицы не имеют голоса [1]. Нельзя ли таким образом объяснить происхождение и других народных суеверий? Впрочем, исследование этого интересного предмета до меня не касается. Я упомянул о нем только для того, чтобы объяснить, отчего охотники суевернее других людей.

---

[1] Так утверждает по крайней мере народ в Оренбургской губернии.

Вероятно, на основании таких суеверных понятий развилось множество примет и вера в колдовство, которыми заражены более или менее все охотники-простолюдины. В Оренбургской губернии, которая известна мне более других, я заметил странное явление: колдунов там довольно, особенно между мордвами и чувашами, но суеверных примет очень мало; разумеется, это отразилось и на охотниках[1]. Вера их в колдовство относительно охоты состоит в том, что колдуну приписывается уменье заговаривать ружья и всякие звероловные и рыболовные снасти. Заговоренное ружье или будет осекаться, как бы ни были хороши кремень и огниво, или будет бить так слабо, что птица станет улетать, а зверь — уходить, несмотря на полученные раны, или ружье станет бить просто мимо от разлетающейся во все стороны дроби. В заговоренные снасти зверь не пойдет, а если пойдет и попадет, то они его не удержат. Само собою разумеется, что колдун может произвести и противное тому действие, то есть пули и дробь станут непременно попадать в цель и наносить смертельные раны; рыба, зверь и птица повлекутся неведомою силою в сети и снасти и, попавшись, никак не освободятся. Ружейные охотники и звероловы, ходящие за красным зверем, всегда обращаются к колдуну, если он есть где-нибудь в соседстве и пользуется славой; они дают ему заговаривать, или наговаривать, на пули, картечь и жеребья, а также и на свои снасти, преимущественно на капканы. Колдуны средней руки, признавая себя не довольно знающими, чтобы производить вышесказанные действия, берутся заговаривать ружья и снасти только для предохранения их от заговора другого колдуна, более их искусного, и охотники считают это необходимым.

Уверенность в недобром глазе, какой бывает у некоторых людей, преимущественно старух и стариков, в спо-

---

[1] Нельзя ли объяснить отсутствие многих суеверных примет в Оренбургской губернии сводностью, разнохарактерностью русского народонаселения, утонувшего, так сказать, в населении туземном, состоящем из башкир, татар, мордвы, чуваш и прочих? От взаимного столкновения переселенцев из разных губерний как между собою, так и между туземными инородцами не могли ли потеряться завозные суеверия и приметы?

собности их «сглазить», или «озепать», очень укоренена в охотниках. Они верят этой силе безусловно и не только сами боятся встречи с такими людьми, особенно при выходе на охоту, но берегут от них собак и ястребов, даже прячут ружья и всякие звероловные и рыболовные снасти.

Независимо от веры в колдовство охотники имеют много примет, которые бывают общими, а иногда исключительными, принадлежащими лично одному какому-нибудь охотнику. Общими дурными приметами считаются:

1) Встреча с людьми недоброжелательными, по большей части имеющими будто бы *дурной глаз*, с людьми насмешливыми (озорниками), вообще с женщинами и в особенности с старухами. Выходя на какую бы то ни было охоту, охотник внимательно смотрит вперед и, завидя недобрую встречу, сворачивает с дороги и сделает обход стороною или переждет, спрятавшись где-нибудь на дворе, так, чтобы идущая старая баба, или недобрый, или ненадежный человек его не увидел. Если какая бы то ни была женщина, непримеченная охотником, неожиданно перейдет ему поперек дорогу, охотник теряет надежду на успешную охоту, нередко возвращается домой и через несколько времени отправляется уже совсем в другую сторону, по другой дороге. Женщины знают эту охотничью примету, и потому благонамеренные из них, завидя идущего охотника, ни за что не перейдут ему дорогу, а дождутся, пока он пройдет или проедет. Замечательно, что эта примета до девиц не касается.

2) Встреча с пустыми телегами или дровнями не предвещает также успешной охоты, тогда как, напротив, полный воз хлеба, сена, соломы или чего бы то ни было считается добрым презнаменованием.

3) Крик ворона, филина и совы, если охотник услышит его идя на охоту, не предвещает успеха.

4) Если кто-нибудь скажет охотнику, идущему стрелять: «Принеси крылышко», зверолову — «Принеси шерстки или хвостик», а рыбаку — «Принеси рыбьей чешуйки», то охотник считает, что охота его в этот день не будет удачна. Вышеприведенными мною словами часто

дразнят охотников нарочно, так, ради шутки, за что они очень сердятся и за что нередко больно достается шутникам.

Для противодействия дурным встречам и предзнаменованиям считается довольно верным средством: охотнику искупаться, собаку выкупать, а ястреба вспрыснуть водою.

5) Есть еще примета у некоторых рыбаков с удочкою, что в ведро, куда предполагается сажать свою добычу, не должно наливать воды до тех пор, покуда не выудится первая рыба. Впрочем, эта примета далеко не общая.

6) Дробины или картечи, вынутые из тела убитой птицы или зверя, имеют в глазах охотников большую важность; они кладут такие дробины или картечи, по одной, в новые заряды и считают, что такой заряд не может пролететь мимо.

7) Почти все охотники имеют примету, что если первый выстрел будет промах, если первая рыба сорвется с удочки или ястреб не поймает первой птицы, то вся охота будет неуспешна. Это обстоятельство случается нередко с охотниками запальчивыми, особенно ружейными, не имеющими даже никаких примет, и случается по причине самой естественной: охотник разгорячится, а горячность поведет за собой нетерпение, торопливость, неверность руки и глаза, несоблюдение меры и — неудачу. Все это обыкновенно приписывается первому промаху. Но вот странность: я знал одного славного ружейного охотника, уже немолодого, у которого была примета, что если первый выстрел будет пудель, то охота будет задачна и добычлива. Я много раз бывал с ним на охоте и должен сказать, что опыт, к моему удивлению, всегда подтверждал его странную примету. Этот охотник добродушно уверял меня, что несколько раз пробовал нарочно промахнуться первым выстрелом, но что в таком случае примета оказывалась недействительною. Эта примета уже личная и служит только новым доказательством, как сильно влияние мысли на телесные наши действия.

Приметы личные, или частные, неисчислимы и не заслуживают особенного внимания, и потому я о них распространяться не стану; расскажу только один забавный

пример. Я знал старика-охотника, весьма искусного стрелка, известного мастера отыскивать птицу тогда, когда другие ее не находят: он ни за что в свете не заряжал ружья, не увидев наперед птицы или зверя, отчего первая добыча весьма часто улетала или уходила без выстрела. Этот охотник был уверен, что если зарядит ружье дома или идучи на охоту, то удачи не будет; он ссылался на множество случившихся с ним опытов, но мне не удалось поверить его слов на деле.

Ни на что так часто не жалуются ружейные охотники, как на легкоранность своих ружей, которая будто по временам, без всякой причины, появлялась в их ружьях, бивших прежде крепко и сердито. По большей части это приписывается вредному действию знахарей, которые портят ружья заговорами и естественными средствами. Заговор может быть пущен даже по ветру, следовательно от него нет защиты и лекарства надобно искать у другого колдуна; но если ружье испорчено тем, что внутренность его была вымазана каким-нибудь секретным составом (в существовании таких секретов никто не сомневается), от которого ружье стало бить слабо, то к исправлению этой беды считается верным средством змеиная кровь, которою вымазывают внутренность ружейного ствола и дают крови засохнуть. Некоторые охотники кладут змею в ствол заряженного ружья, притискивают шомполом и выстреливают, после чего оставляют ружье на несколько часов на солнце или на горячей печке, чтобы кровь обсохла и хорошенько въелась в железо. Вообще змеиная кровь считается благонадежным средством, чтобы ружье било крепко. Впрочем, это можно отнести скорее к суеверию, чем к приметам.

В заключение я должен признаться, что внезапная легкоранность ружей не один раз смущала меня в продолжение многолетней моей охоты; это же необъяснимое обстоятельство случалось и с другими знакомыми мне охотниками. Я упомянул в моих «Записках ружейного охотника» о том, что ружья начинают очень плохо бить тетеревов, когда наступают, в конце осени или в начале зимы, сильные морозы; но там причины очевидны, хотя сначала могут быть не поняты. Здесь совсем другое дело: иногда вдруг посреди лета ружье перестает бить или

бьет так слабо, что каждая птица улетает. Я приходил от того в недоуменье, в большую досаду; искал причин и не находил; но я никогда не приписывал этого колдовству, следовательно не прибегал и к помощи колдунов, даже не пробовал змеиной крови. Поневоле я вешал испортившееся ружье на стену и брал другое. Через несколько времени привычка к любимому ружью заставляла меня попробовать, не возвратился ли к нему прежний бой? И действительно, прежний бой возвращался. Сначала я счел это просто чудом, но потом привык и постоянно лечил появлявшуюся легкоранность в моих ружьях — вешаньем их на стену для отдохновения. Что это такое было? От каких неведомых причин происходило это явление — не знаю, но в действительности его ручаюсь.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Часто случается в охоте, что именно того не находишь, чего ищешь, и наоборот: получаешь драгоценную добычу там, где об ней и не помышляешь. Много раз езжал я с другими охотниками на охоту за волками с живым поросенком, много раз караулил волков на привадах, много раз подстерегал тех же волков из-под гончих, стоя на самом лучшем лазу из острова, в котором находилась целая волчья выводка, — и ни одного волка в глаза не видал. Но вот что случилось со мной в молодости. Это было в 1811 году, 21 сентября. Поехал я рано утром стрелять тетеревов и вальдшнепов. День был пасмурный, и по временам моросил мелкий дождь. Я убил трех вальдшнепов и пять тетеревов, которые еще не состаились, мало садились и недолго сидели на деревьях, да к тому же и ветер сгонял их. Проездив часов до одиннадцати и возвращаясь домой, я хотел выстрелить во что-нибудь, чтоб разрядить ружье, заряженное середней утиной дробью, то есть 4-м нумером. Несколько раз подъезжал я к беркуту (степной орел), необыкновенно смирному, который перелетал с сурчины на сурчину; два раза подъезжал я в меру, но ружье осекалось (оно было

с кремнем); наконец, у самой деревенской околицы вздумал я завернуть на одно маленькое родниковое озерцо, в котором мочили конопли и на котором всегда держались утки. Только что я своротил с дороги и стал спускаться к уреме, как вдруг кучер мой, как-то оглянувшись назад, закричал: «Волки, волки!» — и осадил лошадей. Я обернулся: два волка неслись прямо на нас за двумя молодыми собаками, которые были со мною на охоте. Я сидел верхом на дрожках, но проворно перекинулся назад, лицом к запяткам, снял ружье, висевшее у меня за спиной, и развязал платок, которым был обернут замок, потому что шел мелкий дождичек. В самую эту минуту передний волк, гнавшийся по пятам за собакой, наскакав на самые дрожки, отпрыгнул и шагах в двадцати остановился, почти боком ко мне. Я мгновенно прицелился и выстрелил: волк взвизгнул, подпрыгнул от земли на аршин и побежал прочь, другой пустился за ним; собаки спрятались под дрожки; лошади почуяли волков и подхватили было нас, но кучер скоро их удержал. Волки исчезли в небольшом, но крутоберегом вражке, называющемся и теперь Антошкин враг. Остановив лошадей, я зарядил поскорее своего испанца (так называлось мое любимое ружье) картечью, заряд которой как-то нашелся у меня в патронташе, и поскакал вслед за волками. Шагах в пятидесяти, в глубине вражка, один волк лежал, повидимому мертвый, а другой сидел подле него; увидев нас, он побежал прочь и, отбежав сажен сто, сел на высокую сурчину. Я, удостоверившись, что стрелянный волк точно издох, лег подле него во вражке, а кучеру велел уехать из виду вон, в противоположную сторону; я надеялся, что другой волк подойдет к убитому, но напрасно: он выл, как собака, перебегал с места на место, но ко мне не приближался. Я вышел из моей засады, кликнул кучера и попробовал подъехать к волку; но он, не убегая прочь, держался в дальнем расстоянии. Делать было нечего, я остановился, положил ружье на одно из задних колес и выстрелил: мера была шагов на полтораста. Вероятно, картечь слегка задела волка, потому что он сделал прыжок и скрылся. Я воротился к убитому волку. Все это время я был в каком-то забытьи, тут только опомнился и пришел в такой восторг, какого описать не

умею и к какому может быть способен только двадцатилетний горячий охотник. Убить волка, поехав стрелять вальдшнепов и тетеревов, возвращаясь домой, у самой околицы, без всяких трудов, утиной дробью, из ружья, которое перед тем осеклось два раза сряду... только охотники могут понять все эти обстоятельства и оценить мою тогдашнюю радость! И какой волк! Самый матерой, даже старый! Трудно было взвалить убитого зверя на дрожки, потому что лошади не стояли на месте, храпели и шарахались, слыша волчий дух; но, наконец, кое-как я перевалил волка поперек дрожек и привез в торжестве домой мою добычу. Полдеревни и вся дворня сбежались на такое зрелище, потому что мы с кучером кричали как сумасшедшие и звали всех смотреть застреленного волка. Рассказав не менее ста раз, всем и каждому, счастливое событие со всеми его подробностями, я своими руками стащил волка к старому скорняку и заставил при себе снять с него шкуру. Я положил волку двадцать четыре дробины под левую лопатку. Волк был необыкновенно велик и сыт; в одной его ноге нашли два железных жеребья, давно заросшие в теле. Очевидно, что он был стрелян. Желудок его оказался туго набит свежим свиным мясом вместе со щетиной. По справке открылось, что в это самое утро эти самые волки зарезали молодую свинью, отбившуюся от стада. И теперь не могу я понять, как сытые волки в такое раннее время осени, середи дня, у самой деревни могли с такою наглостью броситься за собаками и набежать так близко на людей. Все охотники утверждали, что это были *озорники*, которые *озоруют* с жиру. В летописях охоты, конечно, можно назвать этот случай одним из самых счастливейших.

СТРАННЫЕ СЛУЧАИ НА ОХОТЕ

Некоторые из случайностей ружейной охоты, рассказанные мною в моих охотничьих записках, как-то: улетевший селезень-широконоска, лежавший мертвым несколько часов в ящике охотничьих дрожек, тетерева, улетавшие с разбитыми задами и висящими из них кишками,

и пр. и пр. — могли показаться, особенно не охотникам, неправдоподобными, потому что охотники имеют репутацию людей, любящих *красное словцо*. Но, не убоясь такой репутации, я расскажу, преимущественно для охотников, еще несколько случаев, которые покажутся также невероятными, хотя они буквально справедливы.

Выстрелил я однажды в кряковного селезня, сидевшего в кочках и траве, так что видна была одна голова, и убил его наповал. Со мною не было собаки, и я сам побежал, чтобы взять свою добычу; но, подходя к убитой птице, которую не вдруг нашел, увидел прыгающего бекаса с переломленным окровавленным крылом. Должно предположить, что он таился в траве около кряковного селезня и что какая-нибудь боковая дробинка попала ему в косточку крыла.

Точно так же выстрелив с пóперека в летящего бекаса, шагах в сорока от меня, я дал промах; бекас крикнул, наддал и понесся еще быстрее; но в то же время я увидел, что шагах в двадцати далее летевшего бекаса, по направлению выстрела, подпрыгивает дупельшнеп с переломленным крылом; собака бросилась и принесла мне его живого. Этот случай гораздо удивительнее первого: дупельшнеп должен был подвернуться под дробинку в той самой точке, где дробинка, пролетев гораздо далее, коснулась земли.

Вот еще случай, весьма замечательный и в то же время служащий убедительным доказательством, что смертельно раненные птицы очень далеко улетают сгоряча и гибнут потом даром и что необходимо пристально наблюдать, если позволяет местность, каждую птицу, в которую выстрелил охотник. В последнее время моей охоты я строго наблюдал это правило и нередко получал иногда добычу, которая ускользнула бы у другого охотника.

Дикие гуси редко посещали наш пруд. Но в одно жаркое лето, в июле, мельник прибежал мне сказать, что пятеро гусей (без сомнения, холостых) опустились на пруд и плавают между камышами в почтительном расстоянии от берегов. Я сел в лодку, и тот же мельник, пробираясь между зелеными высокими камышами, подвез меня к гусям в меру. Я ударил в них крупной дробью: одного убил наповал, а четверо остальных улетели вверх по реке Бугуруслан. Я вышел из лодки и вместе с другим охотником стал стрелять мелкую дичь по болотистым верховьям пруда. Не менее как через час мой товарищ увидел, что гуси летят назад, но только втроем. Я сейчас подумал, что, верно, четвертый гусь был ранен и где-нибудь упал; вместе с охотником я отправился, вверх по реке, его отыскивать. Отошед версты две, мы узнали от пастухов, что четверо гусей опускались на паровое поле, находившееся в полуверсте от реки, на покатости ближней горы, долго сидели там и, наконец, улетели. Разумеется, мы пошли на паровое поле и скоро увидели, уже окруженного воронами и сороками, мертвого гуся. Без сомнения, когда гуси летели вверх по реке, раненый гусь стал ослабевать и пошел книзу, в сторону от реки, товарищи последовали за ним по инстинкту, и когда он спустился на землю или упал, то и они опустились, посидели около него и, видя, что он не встает, полетели опять, уже вниз по реке.

Подобные случаи повторялись со мною не один раз: я имел возможность иногда наблюдать своими глазами и во всех подробностях такие, для охотника любопытные, явления, то есть: как по видимому неподстреленная птица вдруг начнет слабеть, отделяться от других и прятаться по инстинкту в крепкие места; не успев еще этого сделать, иногда на воздухе, иногда на земле, вдруг начнет биться и немедленно умирает, а иногда долго томится, лежа неподвижно в какой-нибудь ямочке. Вероятно, иная раненая птица выздоравливает.

Я уже говорил в своих «Записках об уженье рыбы» о необыкновенной жадности щук и рассказал несколько истинных происшествий, подтверждающих мое мнение. Вот еще два случая в том же роде. Первый из них так невероятен и похож на выдумку, что нельзя не улыб-

нуться, слушая его описание. Я даже не решился бы рассказать его печатно, если бы не имел свидетеля, И. С. Тургенева, вовсе не охотника до рыбной ловли, который на ту пору был у меня в деревне. В исходе мая 1854 года были поставлены на ночь обыкновенные удочки с крепкими лесами и крючками, насаженными рыбкою или земляными червями: ибо днем окуни брали мало, а по ночам попадались довольно крупные. На одну из таких удочек с червяком взял небольшой окунь и проглотил крючок в кутырь; на окунь взяла и заглотала также небольшая щучка, или щуренок, а его схватила поперек большая щука, с лишком в пять фунтов, и так увязила зубы в своей добыче, что рыбак без всякой осторожности вытащил ее из воды, никак не подозревая, чтобы крючок не вонзился в ее жабры; но когда он разглядел эту диковинную штуку, то поспешил принесть щуку к нам. Она, вися на воздухе, не разжала зубов своих дорогой (расстояние было с полверсты), и мы с Тургеневым сами отворили ей рот и потом произвели следствие над окунем и щуренком, который, взяв на окуня, как на насадку, сам сделался в свою очередь насадкою. Поводок был обыкновенный, то есть шелковый, и щуренок легко бы его перегрыз, но должно предположить, что окунь, который был для него несколько велик, так распер ему пасть или горло, что он не мог сжать рта и что именно в этом положении схватила его поперек большая щука, от чего рот щуренка разинулся еще больше. Когда нам принесли эту тройную добычу — щуренок оказался давно уснувшим и даже остамевшим; большая щука была совершенно здорова и даже не оцараплена.

После этого события уже почти не стоит рассказывать, что в том же году щука схватила пескаря, посаженного вместе с другими рыбками в кружок [1], шагах в десяти от меня, крепко вцепилась зубами в сетку и подняла такой плеск, что, услыхав его, мальчик, бывший со мною на уженье, подошел к кружку и, увидев эту проделку, вытащил кружок и щуку на берег. Мы также прину-

---

[1] Мешок из сетки особенного устройства, о котором я говорил в моих «Записках об уженье рыбы».

ждены были разжать ей палкой рот, чтоб она выпустила сетку; в щуке весило около трех фунтов, и сетка оказалась перегрызенною.

Перегрызенная щукою сетка кружка объяснила мне происшествие, которое случилось со мной года два тому назад (тогда неясно понятое мною) и которое кстати рассказать теперь рыбакам-охотникам для предупрежденья их от подобных невзгод. Не помню хорошенько месяца, но, вероятно, в начале августа, потому что погода стояла еще жаркая, поехал я удить в верховье Репеховского пруда на речке Воре. Неизменный мой товарищ-рыбак встал ранее меня и был давно уже на месте. Когда я приехал, он показал мне пять славных окуней и только что выуженного им щуренка, которые ходили в кружке. Через полчаса кружок понадобился, чтобы посадить в него выуженного мной окуня; но каково было наше удивление и досада, когда, вытащив кружок, мы увидели, что в нем остался только один снулый окунь, как нарочно небольшой, а четырех больших и щуренка в кружке не оказалось. Рассмотрев его хорошенько, мы нашли дыру, в которую ушла вся живая рыба. Кружок был новый, и мы не знали, как объяснить это происшествие: думали, что попались гнилые нитки или что щуренок перегрыз сетку. Клев был, против обыкновения, очень удачен, окуни брали крупные, и мы вознаградили свою потерю. Тем не менее товарищу моему очень было жаль своих крупных окуней. Теперь же, после нападения щуки на кружок, сейчас описанного мною, понятно, что не щуренок перегрыз сетку, а, вероятно, большая щука схватила снаружи которого-нибудь из окуней, прорвала несколько петель и, не задев за них зубами, ушла, испугавшись шумного и сильного плеска остальной рыбы (который мы слышали, но кружка не посмотрели), и что несколько окуней и щуренок воспользовались прорехою и отправились опять гулять в Ворю. Нравоучение этого рассказа состоит в том, что щук лучше не сажать в кружок, хотя прежде я делывал это часто без всяких дурных последствий, и что кружок, опущенный в воду с пойманною рыбою, надобно внимательно осматривать при каждом сильном плеске рыбы.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

В добавок к рассказам о странных происшествиях на охоте я расскажу случай, который самому мне показался сначала каким-то сном или волшебством. Будучи еще очень молодым охотником, ехал я в исходе июля, со всем моим семейством, на серные Сергиевские воды; в тридцати пяти верстах от нашего имения находилось и теперь находится богатое село Кротково, всеми называемое Кротовка. Проехав село, мы остановились у самой околицы ночевать на прекрасной родниковой речке, текущей в высоких берегах. Солнце садилось; я пошел с ружьем вверх по речке. Не прошел я и ста шагов, как вдруг пара витютинов, прилетев откуда-то с поля, села на противоположном берегу, на высокой ольхе, которая росла внизу у речки и вершина которой как раз приходилась на одной высоте с моей головой; близко подойти не позволяла местность, и я, шагах в пятидесяти, выстрелил мелким бекасинником. Для такой дроби расстояние было далеко; оба витютина улетели, а с дерева упала крестьянская девочка... Всякий может себе представить мое положение: в первое мгновение я потерял сознание и находился в переходном состоянии человека между сном и действительностью, когда путаются предметы обоих миров. По счастью, через несколько секунд девочка, с большим бураком [1] в руках, вскочила на ноги и ударилась бежать вниз по речке к деревне... Не стану распространяться в описании моего испуга и изумления. Бледный, как полотно, воротился я к месту нашего ночлега, рассказал происшествие, и мы послали в Кротовку разведать об этом чудном событии; через полчаса привели к нам девочку с ее матерью. По милости божией, она была совершенно здорова; штук тридцать бекасинных дробинок исцарапали ей руку, плечо и лицо, но, по счастью, ни одна не попала в глаза и даже не вошла под кожу. Дело объяснилось следующим образом: двенадцатилетняя крестьянская

---

[1] Бураком называется круглая кадушечка из бересты, с дном и крышкой. В низовых губерниях отлично делают бураки, от самых крошечных до огромных, и употребляют их преимущественно для собирания ягод.

девочка ушла тихонько с фабрики ранее срока и побежала с бураком за черемухой, которая росла по речке; она взлезла за ягодами на дерево и, увидев *барина с ружьем*, испугалась, села на толстый сучок и так плотно прижалась к стволу высокой черемухи, что даже витютины ее не заметили и сели на ольху, которая росла почти рядом с черемухой, несколько впереди. Широко раскинувшийся заряд одним краем своего круга задел девочку. Конечно, велик был ее испуг, но и мой не меньше. Разумеется, мать с дочерью ушли от нас, очень довольные этим происшествием.

НОВЫЕ ОХОТНИЧЬИ ЗАМЕТКИ

Весною 1855 года, после выхода этой книжки, случилось мне собственными глазами увидеть то, о чем я прежде даже и не слыхивал и что рыбакам по ремеслу должно быть непременно известно. Я узнал, что щуки ежегодно в мае месяце переменяют зубы. Охотник, занимавшийся исключительно ловлею щук на жерлицы и сообщивший мне это известие, показал мне несколько пойманных им щук, у которых старые зубы, ослабев в своих корнях, потеряли всякую упругость, сделались мягки, повисли и лезли, как волосы, когда я слегка потирал внутренность щучьего рта моими пальцами в обыкновенной перчатке. Из-под старых, еще не выпавших зубов торчали уже новые, тонкие и острые, но еще мягкие. Вот в это-то время щуки, ловя рыбу, нередко только портят ее, а удержать по слабости зубов не могут, и вот отчего именно в это-то время года часто случается рыбакам видеть рыб, хватанных щуками. Разумеется, дело идет о рыбе несколько покрупнее; мелкую же щуки могут глотать и вовсе без помощи зубов. Насадка на жерлицах также в эту пору часто бывает измята и даже не прокушена до крови.

Хотя я знал, что кошки едят рыбу, но никогда не слыхал и не видал, как они производят эту охоту. Третьего мая 1855 года сидел я очень тихо на берегу неболь-

шого проточного пруда, где брали окуни и лини. Около противоположного берега, уже обросшего травою, била икру плотва и для того выбрасывалась в траву у самого берега. Вдруг я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползет и прячется, растянувшись в самой береговой траве. Так всегда поступают кошки, выжидая своей добычи. Я стал смотреть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву — кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указал на эту проделку садовнику, который недалеко от меня копался в своих грядах; он нисколько не удивился, а, напротив, рассказал мне, что рано по утрам, когда еще нет народу, всякий день выходят на этот промысел кошек шесть и более, располагаются по удобным местам вдоль берега и ловят рыбу.

Недавно узнал я от одной достоверной особы, что в Калужской губернии, на реке Оке, производится с большим успехом следующее уженье. В июне месяце появляется, всего на неделю, по берегам Оки великое множество беленьких бабочек (название их я позабыл). Рыбаки устроивают на песках гладкие *точки* и зажигают на них небольшие костры с соломой; бабочки бросаются на огонь, обжигаются и падают, их сметают в кучки и собирают целыми четвериками. Обгорелых бабочек крепко сминают с хлебом или тестом и шариками этой смеси насаживают крючки. Рыба берет на такую насадку с необыкновенной жадностью, и очень крупная: язи, головли, лещи и даже окуни и судаки. Таким образом, в самое пустое время выходит славное и добычливое уженье. Должно заметить, что окуни и судаки на хлеб никогда не берут, следовательно вся приманка заключается в бабочках.

Вот еще достоверный рассказ, относящийся уже к птицам. По соседству от меня в одной деревушке, называющейся Коростелево, одна крестьянка подложила под курицу двенадцать кряковных яиц; утята вывелись, воспитались в стае русских утят и привыкли вместе с ними

есть корм. Должно заметить, что это случай редкий; обыкновенно утята, выведшиеся из яиц диких уток, сейчас пропадают. Осенью корму понадобилось больше, и, чтоб не тратиться даром, крестьянка продала восемь утят, а двух молодых селезней и двух уток оставила на племя, но через несколько недель они улетели и пропали. На следующую весну беглецы воротились на тот же пруд и стали попрежнему жить и есть корм с дворовыми утками. Осенью одна пара опять улетела, а другая осталась зимовать, а в следующую весну утка нанесла яиц и вывела десять утят, из числа которых я сам купил четырех. Крестьянка опять оставила пару, и потомство их совершенно смешалось и ничем уже не отличалось от русских уток. Итак, только в третьем поколении порода диких уток совершенно потеряла память о своем вольном житье; купленные же мною молодые утки, принадлежавшие ко второму поколению, еще отличались от дворовых как своею наружностью, так и нравами: они были бойчее, проворнее, как-то складнее и пугливее домашних уток, часто прятались и даже пробовали несколько раз уходить. Крылья были подрезаны.

СТАТЬИ ОБ ОХОТЕ

ПИСЬМО РУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

На лестные отзывы о моей книге, появившиеся в «Москвитянине», «Современнике», московских и петербургских «Ведомостях», я могу отвечать только благодарностью, но замечания охотника я должен или принять, или опровергнуть и потому спешу отвечать почтенному рецензенту-охотнику, напечатавшему в 8-м № «Москвитянина» свой благосклонный отзыв о моих «Записках ружейного охотника»: все его замечания принимаю с благодарностью, но считаю за нужное прибавить несколько объяснений и возражений.

1) Я сам, еще до отпечатания всей книги, заметил грубую ошибку, сделанную в определении меры заряда. Она состоит в том, что описанный мною заряд пригоден только для ружей, умеренно малóпульных, какими я всегда стрелял; этот заряд просто невозможен для широкодульных и слишком мал для узеньких стволов. Это была непростительная недомолвка с моей стороны, которая может ввесть в большую ошибку неопытного стрелка. Я надеялся, впрочем, что первый настоящий охотник, который удостоит мои «Записки» своим разбором, поправит мою погрешность, что и исполнилось.

2) Господин рецензент говорит, что кулика-сороку и куличка-черныша московские охотники *никогда не видали и не знали по названию*. Это несправедливо: и того и другого всякий год можно найти в охотном

ряду; но, может быть, они известны под другими именами.

3) Время отлета травников не может совпадать с отлетом дупелей, как пишет г-н рецензент, потому что травники, как скоро поднимутся молодые, что бывает в начале июля и даже в конце июня, из болот вылетают и остальное время шатаются по берегам озер, прудов и рек. Травники пропадают совсем целым месяцем ранее дупелей; по крайней мере так бывает в Оренбургской губернии.

4) На странице 114-й г-н рецензент говорит: «Любопытно было бы знать, каким образом доводит гагара плывучее гнездо свое до такой непромокаемости, что вода не проходит в него и не подмачивает яиц?» Гагара употребляет такую же внутреннюю обмазку, как и лысуха; а что эта обмазка, или штукатурка, есть не что иное, как помет этих птиц — убедиться нетрудно, сличив между собою обмазку и свежий помет, которого всегда бывает довольно на верху гнезда. В словах рецензента «чего не видал, о том не спорь» слышно сомнение в справедливости моего описания; но я смею его уверить, что оно совершенно истинно.

5) Я именно сказал, что кроншнепы первого рода, а изредка и второго, выводят детей иногда в болотах (стр. 269), следовательно четыре выводка кроншнепов, найденных г-м рецензентом в Кожуховском болоте, не будут фактом, исключительным из правил.

6) Серая куропатка даже в народе называется полевою куропаткою: этого достаточно, чтобы отнесть ее к разряду полевой дичи. Сверх того, степные губернии наши, как всем известно, преимущественно изобилуют серыми куропатками, которые выводят только детей в мелком лесу и кустарнике. Итак, эту дичь нет никакого основания отнести к другому разряду.

7) Белая, или лесная, куропатка еще бесспорнее принадлежит к отделу лесной дичи, чем серая — к полевой, ибо никогда из леса не выходит. Но это совершенная правда, что она предпочтительно выводится и держится в лесах болотистых, о чем мне следовало упомянуть.

8) Взлет вальдшнепа не только шумен, но и стремителен, особенно в частом и крупном лесу; но я отказываюсь сам от шуточного словопроизводства имени *слука*.

По-польски вальдшнеп называется *слонка*, и надобно искать другого словопроизводства.

Наконец, 9) и последнее замечание г-на рецензента насчет тяги вальдшнепов очень важно, основано на убедительных причинах и сильно меня поколебало. Я не могу уже удостовериться в истине их собственными опытами, но считаю прежние мои наблюдения недостаточными и не могу упорно оставаться при прежнем моем мнении. Пусть другие охотники решат это спорное дело.

Все остальное различие в мнениях г-на рецензента с моими заключается в разности вкусов, а главное в том, что я охотник оренбургский, он же охотник московский, столичный, и любит стрелять только болотную дичь высшего сорта да молодых тетеревят, о чем я именно говорю во вступлении моей книги (на стр. 10).

Повторяю мою благодарность и убедительно прошу всех охотников сообщать мне свои замечания. Я не для фразы напечатал, что считаю мои «Записки» иногда односторонними и неполными. Я охотно приму все замечания, соглашусь с дельными и постараюсь опровергнуть несправедливые. Я прошу для этого места в листах «Москвитянина». Для истинных охотников это дело серьезное; остальная публика может не читать нашей специальной, охотничьей переписки.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К «УРЯДНИКУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ»

Желая сколько-нибудь пособить объяснению некоторых малопонятных слов, выражений и названий в книге: «Урядник сокольничья пути», относящихся к соколиной охоте с хищными птицами, ныне приходящей в совершенное забвение[1], я предлагаю мои примечания на вышесказанную книгу и расскажу все, что знаю о соколиной охоте понаслышке от старых охотников и — как самовидец.

Очевидно, что первое место в великолепной соколиной охоте царя Алексея Михайловича занимали *кречета*; сначала упоминается просто «кречет», потом «кречатий челиг», или «чеглик», как его теперь называют охотники, то есть сначала говорится о самке кречатьей, которая всегда бывает крупнее и сильнее, а потом о самце, о челиге, уступающем ей в силе, но превосходящем в резвости полета. Кречет — птица очень мало известная; ее знают только по слухам или из книг; но я видел в моем ребячестве двух кречетов, уже немолодых, которые доживали свой век у моего отца, бывшего некогда страстным охотником до ловчих птиц. Кречет пером почти белый, стати все имеет соколиные, величиною даже по-

[1] Я не называю соколиной охотой травлю уток соколами, до сих пор продолжающуюся у башкирцев Оренбургской губернии; они портят высокую природу сокола, приучая его, не забираясь вверх, ловить уток почти в угон, по-ястребиному.

меньше сокола-утятника. Он очень красив, особенно потому, что чудесные черные соколья глаза его кажутся еще чернее и блещут еще ярче от белого цвета его перьев. Я не видел этих кречетов *в поле*, то есть в деле, в охоте; но мне рассказывали ходившие за ними охотники, что оба кречета (оба самки) ловили чудесно и что они бьют птицу по-соколиному, устремляясь на свою добычу сверху вниз. Очень помню, что оба кречета жили в одной большой клетке, загороженной из частокола на родниковом ключе, и что в жаркое время кречета сидели, погрузив ноги в холодную воду. Охотники объясняли мне, что кречет птица сибирская, о чем упоминается не один раз в книге «Соколиного пути», что он чувствует такой жар и зуд в ногах, что в летнее время без холодной воды жить не может; что станет щипать и рвать носом свои пальцы и так их изранит, что, наконец, околеет. Я не утверждаю этого рассказа, а передаю только, что слышал. Те же охотники рассказывали мне, что у моего отца бывали некогда *дербники*, или *дробники*. Не об них ли говорит книга «Сокольничья пути» следующими словами: «Угодительна же и потешна дермлиговая перелазка и добыча»? По словам старых охотников дербник бывает очень мал, не более копчика, и соединяет в себе свойства сокола и ястреба, то есть бьет птицу сверху и ловит в угон; что на травлю всегда пускают двух дербников, что ими травят только мелкую птицу и что самая веселая охота напускать их на жаворонков в то время, когда жаворонок сам поднимется высоко от земли: один дербник бьет его сверху вниз, а другой, не допуская садиться, подбивает снизу вверх; что эта потеха продолжается иногда несколько минут, до тех пор, пока один из дербников поймает добычу. Для охотника это зрелище должно быть в высшей степени восхитительно. Что же касается до слов: «Добровидна же копцова добыча и лет», то я должен повторить то, что сказано мною в «Записках ружейного охотника».

Если случится ехать лесистой дорогою, чрез зеленые перелески и душистые поляны, — только что выедешь на них, как является в вышине копчик. Если он имеет гнездо неподалеку, то обыкновенно сопровождает всякого проезжего, даже прохожего, плавая над ним широкими,

смелыми кругами в высоте небесной. Он сторожит изумительно зоркими своими глазами: не вылетит ли какая-нибудь маленькая птица из-под ног лошади или человека. С быстротою молнии падает он из поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успеет упасть в траву, спрятаться в листьях дерева или куста, то копчик вонзит в нее острые когти и унесет в гнездо к своим детям. Если же не удастся схватить добычу, то он взмоет вверх крутою дугою, опять сделает *ставку* и опять упадет вниз, если снова поднимется та же птичка или будет вспугана другая. Копчик бьет сверху, черкает, как сокол, на которого совершенно похож. Иногда случается, что от больших детей вылетают на ловлю оба копчика, самка и чеглик, и тогда они могут позабавить всякого зрителя и не охотника. Нельзя без приятного удивления и невольного участия смотреть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человеку как-то не жаль бедных птичек, которых он ловит! Так хорош, изящен, увлекателен процесс этой ловли, что непременно желаешь успеха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то он сейчас уносит добычу к детям, а другой остается и продолжает плавать над человеком, ожидая и себе поживы. Случается и то, что оба копчика, почти в одно время, поймают по птичке и улетят с ними, но чрез минуту один непременно явится к человеку опять. Копчик загадочная птица: на воле ловит чудесно, а ручной ничего не ловит. Я много раз пробовал *вынашивать* копчиков (то же, что дрессировать собаку) и гнездарей и слетков; выносить их весьма легко: в три, четыре дня он привыкнет совершенно и будет ходить на руку даже без *вабила* (кусок мяса); стоит только свистнуть да махнуть рукой, стоит копчику только завидеть охотника или заслышать его свист — он уже на руке, и если охотник не протянет руки, то копчик сядет на его плечо или голову — живой же птички никакой не берет. Эта особенность его известна всем охотникам, но я не верил, пока многими опытами не убедился, что это совершенная правда. Потеряв всякую надежду, чтобы копчик стал ловить, я обыкновенно выпускал его на волю, и долго видели его летающего около дома и слы-

шали жалобный писк, означающий, что он голоден. Получал ли копчик прежнюю способность ловить на воле, или умирал с голоду — не знаю.

К этому надобно прибавить, что уже было также мною сказано, то есть, что охотники у царя Алексея Михайловича умели вынашивать копчиков, что ими травили и что *лов и лет* копцовый, без сомнения, были *добровидны*.

Следующие строки, когда поставляют нововыборного: «И взяв его те рядовые два сокольника Никитка и Мишка под руки, поставляют *на полянов*» (в другом месте: на поляново), — заставляют меня думать, что *поляново*, состоящее из сена, покрытого попоной, представляет эмблематически поле или луг, заросший травою.

Слово *ващага*, употребленное так: «Федька Кошелев держит вабило; второй поддатень, Наумка Петров, держит ващагу», — наводит меня на мысль, что это есть не что иное, как сумка, в которую кладется вабило и которая теперь называется *вачег*; вероятно, эта сумка делалась из материи, пропитанной воском для того, чтобы кровь от вабила не марала платья, а потому и называлась *ващагой*. — Считаю нелишним рассказать все, что я видел и помню в соколиной охоте. Сокола бывают трех пород: большие, средние и малые. По цвету перьев называют их серыми и черными. Обыкновенно охота производится следующим образом: охотники с одним или двумя соколами, разумеется хорошо выношенными, ездят по полям, по речкам или около небольших озер; усмотрев издали птицу, сокола *бросают с руки*, и он сейчас начинает всходить кругами вверх; когда же он взойдет до известной *своей* высоты, птицу *поднимают*, спугивают, и сокол как молния падает на нее с неба. Сокола старого и *умного* (глупых бывает немало) [1] спускают с руки сейчас по выезде в поле; он возьмет умеренный верх и *идет им* впереди охотников, сам высматривает добычу и едва

[1] У отца моего перебывало до ста соколов, и только четверых называли умницами. Глупым называют только такого сокола, который *верху не держит* и сейчас бросается за всякой дрянной птицей.

завидит — вдруг начинает подниматься выше и выше над самою птицею; следовательно, сам и укажет охотникам добычу. — Лучшим соколом считается тот, который высоко ходит и, взобравшись кругами в поднебесье, делает там *ставку,* то есть становится неподвижно в воздухе, не поднимаясь уже кверху. В это время охотник спугивает птицу с воды или с хлебного поля, что я уже и сказал. Самый лучший сокол, что называется первого сорта, очень редко попадающийся охотникам, не станет бить птицы, пока не взойдет вверх на свою настоящую, определенную высоту. Плохой же сокол летает на кругах низко, ставки не делает и, как скоро увидит птицу, сейчас на нее бросается, схватывает когтями и опускается на землю, следовательно тут нет никакого удовольствия для охотника. Соколиная охота по преимуществу благородная охота. Тут дело идет не о добыче, не о числе затравленных гусей или уток,—тут охотники наслаждаются резвостию и красотою соколиного полета, или, лучше сказать, неимоверной быстротой его падения из-под облаков, силою его удара. В народе говорят, что сокол бьет птицу грудью, и при первом взгляде это покажется справедливым; сокол бьет свою добычу крепкими приемными когтями своих задних пальцев, которые он очень искусно складывает вместе, а как в это время ноги его бывают прижаты к груди, то действительно можно подумать, что он бьет птицу грудью. Приемные когти бывают так остры и крепки, удар так силен, что если попадет по утиной шее, то иногда перерезывает ее пополам: голова отлетит в сторону, а утка падает обезглавленною. Если удар придется по крылу, то так его повреждает, что птица не может уже лететь, если же удар сложенных когтей угодит вдоль утки, то разрежет ей всю спину от репицы до шеи и заворотит кожу на сторону: пух и перья полетят по воздуху, и ошеломленная утка, перевертываясь как кубарь в воздухе, падает на землю; сокол взмоет вверх, увидит, где упала его добыча, и прямо уже опускается на нее. При соколиной охоте необходимо, чтоб охотники были верхами. Удар сокола с такой высоты, что едва можно разглядеть его, как темное пятнышко, стоящее в небе, бывает иногда очень косвенный (диагональный), и сокол может *свалиться* с добычей даже за полверсты

и более, и потому надобно скакать туда, чтоб немедленно отыскать его, пока он не успел наесться и сделаться негодным к продолжению охоты; при травле же гусей поспешность еще необходимее: когда сокол вышибет одного гуся из стаи — иногда повторенным ударом, если первый окажется недостаточным, — и опустится на него или свалится с ним на землю, то вся стая гусей бросится на помощь погибающему товарищу, и если охотник не подоспеет, то гуси своими крыльями и носами не только изуродуют сокола, но даже забьют до смерти.

После всего сказанного мною будет еще понятнее, как верно и живописно несколькими словами изображен сокол в «Новом уложении и устроении чина сокольничья пути»: «Красносмотрителен же и радостен высокого сокола лет».

1855 г. Декабря 15-го.

ЗАМЕЧАНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ ОХОТНИКА БРАТЬ ГРИБЫ

В числе разнообразных охот человеческих имеет свое место и смиренная охота ходить по грибы, или брать грибы. Хотя она не может равняться с другими охотами, более оживленными, уже потому, что там приходится иметь дело с живыми творениями, но может соперничать со многими, так сказать, второстепенными охотами, имеющими, впрочем, свои особые интересы. Я даже готов отдать преимущество грибам, потому что их надобно отыскивать, следовательно можно и не находить; тут примешивается некоторое уменье, знание месторождения грибов, знание местности и счастье. Недаром говорит пословица: «Со счастьем хорошо и по грибы ходить» [1]. Тут есть неизвестность, нечаянность, есть удача и неудача, а все это вместе подстрекает охоту в человеке и составляет ее особенный интерес. Охота ходить по ягоды или за орехами (одна из охот второстепенных) с первого взгляда может показаться сходною с охотою брать грибы, но при ближайшем рассмотрении мы увидим, что последняя имеет большие преимущества. Охотники брать грибы, верно, со мною согласны, и с ними-то хочу я побеседовать, им хочу сообщить мои многолетние наблюдения.

---

[1] Эту пословицу я слыхал употребляемую и в обратном содержании: «Без счастия и по грибы нечего ходить».

Грибы составляют самую питательную, вкусную и здоровую пищу, если они употребляются не в излишестве, не слишком жирно приготовленные, а совершенно прожаренные и уваренные или совершенно просолившиеся. Последнее относится к тем породам грибов, которые солятся сырыми, как-то: грузди, рыжики и другие. Для горожан грибы лакомство, для народа пища, а в иных местах отрасль дохода. Гриб — дитя леса. В степи нет грибов, кроме шампиньонов и луговиков, но и те родятся только на земле унавоженной, на выгонах, толоках и дорогах, всегда около жилищ человеческих или скотских. Всем известное дело, что если посеять и насадить, одним словом развести и вырастить лес в чистом поле, то непременно начнут родиться в нем грибы, свойственные породам разведенного леса. Но не в одной тени (как думают многие), бросаемой древесными ветвями, заключается таинственная сила дерев выращать около себя грибы; тень служит первым к тому орудием, это правда; она защищает землю от палящих лучей солнца, производит влажность почвы и даже сырость, которая необходима и для леса и для грибов; но главная причина их зарождения происходит, как мне кажется, от древесных корней, которые, также в свою очередь увлажая соседнюю землю, сообщают ей древесные соки, и в них-то, по моему мнению, заключается тайна грибопорождения. Это убедительно доказывается тем, что около пней срубленных дерев, производивших в изобилии известные породы грибов под своей живительной тенью, долго продолжают родиться те же самые породы, иногда десять лет и более. Медленно умирая, наконец корни сгниют и высохнут, и грибы перестанут родиться. Я неоднократно имел случай производить мои наблюдения над пнями дерев, стоявших отдельно на полянах и опушках, где нельзя предполагать влияния других соседних дерев. В доказательство же, что одной тени и влажности недостаточно для произведения грибов, можно указать на некоторые породы дерев, как, например, на ольху, осокорь, тополь, черемуху и проч., под которыми и около которых настоящие грибы не родятся. Полная зависимость гриборождения от древесных соков и даже от качества их всего убедительнее доказывается уже тем, что многие деревья

производят исключительно им свойственные грибы. Если бы нужны были только сырость, тень и прохлада, то всякие породы грибов родились бы под всякими деревьями.

Народ, признавая вполне влияние дерев на грибы, дал некоторым из них названия, происходящие от названия дерев, как, например, березовик, осиновик, подорешник, дубовик и проч.

Грибы разделяются на употребляемые в пищу и не употребляемые: последние вообще называются поганками; в числе их находятся грибы ядовитые, как-то: дубовик, мухомор и другие. Между поганками есть грибы, которые в иных местах России считают вредными, а в иных местах употребляют в пищу, например: свинухи, или коровьи уши, валуи, моченки, чернухи и проч.; их предварительно отваривают или вымачивают, потом солят и кушают без всякого вреда. Я знал даже человека, который все грибы, кроме дубовиков и мухоморов, считал съедобными и доказывал их безвредность собственным примером и всего своего семейства; он утверждал даже, что так называемые поганки точно так же вкусны, как и другие грибы.

Этому, впрочем, трудно поверить, потому что поганки по большей части не только имеют неприятный цвет и вид, но и пахнут очень противно.

Замечательно, что многие породы грибов съедобных, или хороших, как иногда их называют, имеют как бы соответствующие им грибы *поганки*, несколько похожие на них образованием своим и цветом; еще замечательнее, что когда начнут появляться эти поганки между хорошими грибами, то они начнут пропадать; наконец, слой съедобных грибов проходит, и местом их пребывания совершенно завладеют поганки. Это особенно бывает приметно в тех грибах, которые родятся во множестве слоями, кучками, как, например, в масленниках, рыжиках и белянках.

Всем охотникам известно, что у грибов есть *любимые места*, на которых они непременно каждый год родятся в большем или меньшем изобилии. Без сомнения, этому должны быть естественные причины, но для простого взгляда эта разница поразительна и непостижима. В лесу

довольно частом, где корни и даже ветви одних дерев встречаются с корнями и ветвями других дерев, любимые места, если они и есть, заметить трудно; но в редколесье или на полянах они очевидны и никакому сомнению не подвержены. У меня есть дубовая роща, в которой находится около двух тысяч старых и молодых дубов; старые, в числе более двухсот, стоят очень редко между собою на большой сенокосной поляне, и только под некоторыми из них с незапамятных времен родятся во множестве белые грибы, несколько особенного образования и величины, необыкновенной плотнины и крепости и также необыкновенного бронзового или стального цвета, иногда пестрые и глянцевитые, как мрамор. Первое качество, вероятно, происходит от качества сока дубовых корней, а последнее — от действия солнечных лучей, потому что одиночно стоящие высокие дубы дают мало тени. Под другими же дубами, на той же вышесказанной сенокосной поляне, грибов бывает очень мало, а под некоторыми и совсем не бывает. Есть также у меня в саду и в парке, конечно, более трехсот елей — и только под четырьмя елями родятся рыжики. Местоположение, почва, порода дерев — все одинаково, а между тем вот уже двенадцать лет, как я сам постоянно наблюдаю и каждый год вновь убеждаюсь, что грибы родятся у меня на одних и тех же любимых своих местах, под теми же дубами и елями. Разные породы грибов, родясь около отдельных дерев, представляют замечательную особенность, которая состоит в том, что грибы предпочтительно родятся на северной стороне дерева: на восточной и западной — их бывает гораздо меньше, а на южной стороне, особенно в сухое время, грибов почти не бывает.

Такое влияние частей света и солнечного стояния еще очевиднее в породе рыжиков: рыжики красные около одной и той же ели постоянно родятся на север и до половины восточной и западной стороны. Тут, точно по назначенной черте, к югу идут уже рыжики зеленовато-синие, имеющие поверхность шероховатую, как будто засохшую, хотя корень и шляпка гриба в изломе точно так же красны и сочны. Таким образом, окружность дерева разделяется по равным частям; рыжики красные занимают северную сторону, а рыжики зеленоватые — юж-

ную; восток же и запад обеими породами делится пополам: но и тут на южной стороне грибов бывает меньше.

Нет никакого сомнения, что в дождливые, мочливые года, как выражается народ, грибы родятся в большем изобилии, особенно если ненастье сопровождается теплом; но и тут бывают исключения, непонятные простому наблюдателю, которые объяснить может только наука. Я неоднократно замечал, что, несмотря на сильную теплоту атмосферы, дожди бывают иногда вредные грибам: иногда это вредное действие оказывается медленно и незаметно, а иногда — с поразительной очевидностью и быстротой, особенно на грибах молодых, только что вышедших из земли. В продолжение последних двенадцати лет я видел четыре раза сильные опустошения, произведенные дождем, выпавшим по видимому при благоприятных условиях теплоты. Два раза такой дождь сопровождался какою-то сухою мглою, которая пахла противною гарью, а два раза дожди были проливные, сильно промочившие землю и мгновенно смененные солнечным сиянием. Посещая каждый день, около полудня, все грибородные места моего сада и парка, на которых накануне я оставил множество молодых белых грибов, я был поражен внезапною переменою их вида: более или менее все молодые грибки сморщились и позасохли, а самые маленькие, величиною с горошинку и даже с маленький лесной орех — исчезли, и только какая-то гниловатая пыль, которую и различить было очень трудно, лежала на тех местах, где находились грибные зародыши. Некоторые из грибов, более возмужавших, оправились и достигли своей обыкновенной величины, но уже в каком-то несколько изуродованном виде; прочие же подгнили и свалились. Такие вредные следствия дождя были замечены и записаны мною каждый раз. Подобное же действие, но медленно обнаруживающееся, производят иногда изобильные ночные росы, производящие желтоватые пятна даже на траве. Кстати будет здесь сказать, что существующее в народе поверье, будто замеченный человеком гриб не вырастет, а завянет, по моим наблюдениям совершенно несправедливо. У меня всегда бывает множество замеченных грибов, преимущественно белых, и я беру их в та-

ком возрасте, какой мне понадобится, или оставляю достигать полного своего развития и красоты. Я не стану самоуверенно утверждать, что взгляд человека не может производить магнетического действия на растительное царство, но скажу только, что бесчисленные опыты меня убедили в том по крайней мере, что *мой* взгляд никогда грибам не был вреден; я даже пробовал слегка дотрогиваться до грибов и освобождать их от листьев и травы, которые иногда мешают грибам расти; я даже отламывал кусочки от их шляпок, а грибы росли попрежнему. Одно верно: если пошатнуть корень гриба, он завянет и пропадет.

В ненастное время и к осени грибы отдаляются от деревьев и охотнее растут по опушкам и голым горам — *на отскочихе*, как выражается народ, — а в сухую и жаркую погоду грибы жмутся под тень и даже под ветви дерев, особенно елей, которые расстилают свои сучья, как лапы по земле, отчего крестьяне и называют их *лапником* и рубят без пощады и без вреда дереву на всякие свои потребности; они даже утверждают, что ель лучше и скорее достигает строевой величины, если ее *подхолить*, то есть обрубить нижние ветви.

Кроме вредных дождей и рос, грибам вредят, на открытых местах, жаркие лучи полдневного солнца; они прижигают грибные шляпки, и хотя прохлада ночи, роса и перепадающий дождь освежают их, но если прижиганье повторяется ежедневно, то грибы засыхают, не достигнув полного возраста. Продолжительное и постоянное ненастье также в свою очередь вредно грибной растительности, особенно в тени, в густой траве и местах глухих: грибы загнивают, плеснеют и погибают. Их очень портят и даже истребляют и живые враги: земляные улитки, или слизни, которые, плотно приклеясь к грибам, точат и поедают шляпки и корни их. В неурожайные, негрибные годы редко попадется гриб, на котором бы не было двух или трех слизней. Белки также охотницы до грибов, преимущественно до белых, и часто тонкие и острые беличьи зубки оставляют дорожчатые следы на изглоданных грибных шляпках. Но всего более истребляются грибы зарождающимися в них мелкими белыми червячками; в иной год их бывает такое множество, что корень у вся-

кого белого гриба, по наружности крепкий и здоровый, непременно источен внутри и рассыпается, если возьмешь его неосторожно или крепко рукою; по счастию, шляпки грибов уже последние истачиваются червями и нередко остаются здоровыми и нетронутыми при совершенно съеденном внутри корне; удивительно, как получают грибы питательные соки и как могут расти в таком положении?

Существует мнение, что будто бы грибы, особенно после дождя, вырастают в одну ночь: это несправедливо. Правда, что иногда найдешь молодые грибы там, где вчера их не находил, но они были и остались только незамеченными, потому что мало отделялись от земли, скрывались под листьями или в траве. Самые скороспелые, или скорорастущие, грибы, как, например, березовики и сыроежки, достигают полного развития в три дня, а грибы белые — в неделю и более. Всех медленнее растет дубовик, гриб, впрочем, никуда не годный и даже ядовитый, как я уже сказал.

В урожайные, или грибные, года грибы часто попадаются кучками, семьями, даже растут двойчатками, тройчатками и более. Это я говорю о таких породах грибов, которые обыкновенно растут в одиночку, как-то: белые, березовые, осиновые и проч. У меня срисован осиновик, у которого шесть отдельных корней покрыты одною шляпкой. Изобилие грибного семени и земляных соков нередко проявляется в самых странных и уродливых видах. Один раз я нашел сыроежку, из шляпки которой выросла другая сыроежка также со шляпкою; я срисовал эту уродливую редкость. Я также находил не один раз в земле большие куски белогрибного семени — массу, совершенно похожую на корень, величиною даже с человеческую голову.

Порядок появления грибов бывает следующий: как только весною окажутся проталины, то по лесным полянам и вообще по редколесью начнут появляться сморчки — сначала *глухие*, а потом *стройки*; они растут даже под снежною корою, где бежит под ней вода; после сморчков следует промежуток времени с месяц, а при засухе и более, в продолжение которого грибов нет никаких. Потом появляются масленики, березовики, сыроежки и

осиновики, потом первые слои груздей, подгруздков и белых грибов; потом следуют лисички и шампиньоны; наконец, идут осенние грибы: волжанки, белянки, рыжики и опенки. Весь этот порядок иногда нарушается, но всегда зависит от состояния погоды и атмосферических явлений. К этому должно прибавить, что каждая порода грибов появляется слоями раза два или даже три в продолжение лета и осени, покуда частые и сильные морозы, особенно при засухе, не убьют окончательно грибную растительность. Говоря о каждой породе грибов отдельно, я скажу подробнее о случайных изменениях в произрастании грибов.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАННЕМ ВЕСЕННЕМ И ПОЗДНЕМ ОСЕННЕМ УЖЕНЬЕ

В старые годы, то есть в годы молодости и зрелого возраста, я совсем не знал ни раннего весеннего, ни позднего осеннего уженья; под словом *позднего* я разумею не только сентябрь, но весь октябрь и начало ноября — одним словом, все то время, покуда не покроются крепким льдом пруды и реки. Будучи страстным ружейным охотником, я обыкновенно еще в исходе августа, в самом разгаре окуневого клева, оставлял удочку до будущей весны. Только в моей подмосковной, на берегах речки Вори, которая, будучи подпружена, представляется с первого взгляда порядочной рекою, только на ее живописных берегах я вполне узнал и вполне оценил и раннее весеннее и позднее осеннее уженье. Оценил и ценю их высоко: это одна охота, которой я могу предаваться, потому что недостаток дичи около Москвы, а главное хворость и слабость зрения давно принудили меня оставить ружье, с которым, конечно, ничто сравниться не может.

Недавно я прожил пять лет безвыездно в моей подмосковной, и тут-то уженье получило для меня полное свое развитие. Когда я жил в Оренбургской губернии, то не до уженья было мне весной, во время прилета дичи, и осенью, во время ее отлета; но здесь, в подмосковной, было уже совсем другое дело.

Итак, я хочу сообщить охотникам-рыболовам мои опыты и наблюдения над ранним и поздним уженьем рыбы.

Весною, как только река начинала входить в берега, несмотря на быстроту теченья и мутность воды, сначала без всякой надежды на успех, я начал пробовать удить. Удочку с обыкновенным грузилом в это время и закинуть нельзя: ее будет сносить быстротой теченья и слишком высоко поднимать крючок с насадкой, а потому я употребил грузило, может быть, в десять раз тяжелее обыкновенного и прикрепил его четверти на три от крючка; наплавок поднял очень высоко, так что половина лесы должна была лежать на дне: разумеется, я хорошо знал глубину весенней полой воды. Устроив таким образом удочку, выбрав место, где вода завертывала около берега, насадив большого или малого червяка, что зависело от величины крючка и толщины лесы, я закидывал удочку поперек реки и втыкал удилище в берег, наклонив верхний конец его почти до поверхности воды. Насадка не ложилась сейчас на дно, несмотря на тяжесть грузила; быстротою течения ее сносило и подбивало к берегу; леса вытягивалась в диагональную линию, но грузило, вероятно, по временам касалось дна, крючок же с насадкой беспрестанно мотался, о чем можно было с достоверностью заключить из различных движений и погружений наплавка. Зная, что в это время года рыба (все равно, идет ли она вверх, или скатывается вниз) держится около берегов и ходит низко, и надеясь, что мутность воды на близком расстоянии не помешает рыбе разглядеть червяка, я с терпением ожидал последствий моей попытки. Я просидел часа три на разных местах, и только один раз показалось мне движение наплавка подозрительным, похожим на рыбий клев, да и червяк, когда я вынул удочку, оказался несколько стащенным: то и другое могло происходить от быстрого движения воды и от задевания насадки за берег и дно. На другой день я повторил опыт, прибавив тяжесть грузила, и, к великой моей радости, очень скоро выудил головлика и потом несколько окуней. С этого дня я уже удил постоянно и с успехом, хотя вода продолжала быть мутною и слишком быстрою. Таким образом, я выгадал две или три недели лишнего

уженья. По мере как течение реки становилось тише, я убавлял понемногу тяжесть грузила. Четыре года сряду удил я рыбу весною так рано, как никогда прежде не уживал. Самою лучшею насадкою оказался красный навозный червяк, или глиста: на большого червяка брала рыба как-то неверно, вероятно оттого, что неловко было заглатывать большой кусок на ходу, при постоянном его движении; на хлеб же рыба не брала до тех пор, покуда вода не прояснилась. Еще надобно заметить, что в это время клев был не на «местах», то есть не в глубоких омутах, а везде, и предпочтительно на местах мелких, с песчаным дном. Рыба брала всех пород, кроме линей и щук. Почему не брали лини — не знаю, но щуки, вероятно, не брали потому, что в это время года они мечут икру и ходят поверху. В дождливые годы, особенно в прошедший 1857 год, когда от множества вдруг выпадавшего дождя река в продолжение лета три раза наполнялась вровень с берегами, даже выходила из них и, разумеется, текла быстро и была очень мутна, — коротко сказать, во время «паводков», я перестроивал свои удочки по-весеннему (о чем сейчас было рассказано мною) и продолжал удить иногда с большим успехом: особенно брали крупные ерши и язи, которые среди и в конце лета берут очень редко.

Много раз я ловил рыбу удочкой в такой реке, которая вровень с берегами неслась с ужасной быстротой и похожа была на жидкий раствор глины. Без собственных опытов я никому бы не поверил, что в такое время есть возможность выудить какую-нибудь рыбку.

Обращаюсь к осеннему уженью. Я люблю осень даже самую позднюю, но не ту, которую любят все. Я люблю не морозные, красные, почти от утра до вечера ветреные дни; я люблю теплые, серые, тихие и, пожалуй, дождливые дни. Мне противна резкость раздражительного сухого воздуха, а мягкая влажность, даже сырость атмосферы мне приятна; от дождя же, разумеется не проливного, всегда можно защититься неудобопромокаемым платьем, зонтиком, ветвями куста или дерева. В это-то время года я люблю удить; ужу даже с большею горячностью и наслаждением, чем весною. Весна обещает много впереди; это начало теплой погоды, это начало

уженья; осенью оно на исходе, каждый день прощаешься с ним надолго, на целые шесть месяцев. Для охотников, любящих осень, хочу я поговорить о ней; я знаю многих из них, сочувствующих мне.

Осень, глубокая осень! Серое небо, низкие, тяжелые, влажные облака; голы и прозрачны становятся сады, рощи и леса. Все видно насквозь в самой глухой древесной чаще, куда летом не проникал глаз человеческий. Старые деревья давно облетели, и только молодые отдельные березки сохраняют еще свои увядшие желтоватые листья, блистающие золотом, когда тронут их косые лучи невысокого осеннего солнца. Ярко выступают сквозь красноватую сеть березовых ветвей вечно зеленые, как будто помолодевшие ели и сосны, освеженные холодным воздухом, мелкими, как пар, дождями и влажными ночными туманами. Устлана земля сухими, разновидными и разноцветными листьями: мягкими и пухлыми в сырую погоду, так что не слышно шелеста от ног осторожно ступающего охотника, и жесткими, хрупкими в морозы, так что далеко вскакивают птицы и звери от шороха человеческих шагов. Если тихо в воздухе, то слышны на большом расстоянии осторожные прыжки зайца и белки и всяких лесных зверьков, легко различаемые опытным и чутким ухом зверолова.

Синицы всех родов, не улетающие на зиму, кроме синицы придорожной, которая скрылась уже давно, пододвинулись к жилью человеческому, особенно синица московка, называемая в Петербурге новогородской синицей, в Оренбургской же губернии — беском. Звонкий, пронзительный ее свист уже часто слышен в доме сквозь затворенные окна. Снегири также выбрались из лесной чащи и появились в садах и огородах, и скрыпучее их пенье, не лишенное какой-то приятной мелодии, тихо раздается в голых кустах и деревьях.

Еще не улетевшие дрозды, с чоканьем и визгами собравшись в большие стаи, летают в сады и уремы, куда манят их ягоды бузины, жимолости и, еще более, красные кисти рябины и калины. Любимые ими ягоды черемухи давно высохли и свалились, но они не пропадут даром: все будут подобраны с земли жадными гостями.

Вот шумно летит станица черных дроздов и прямо в парк. Одни рассядутся по деревьям, а другие опустятся на землю и распрыгаются во все стороны. Сначала притихнут часа на два, втихомолку удовлетворяя своему голоду, а потом, насытясь, набив свои зобы, соберутся в кучу, усядутся на нескольких деревьях и примутся петь, потому что это певчие дрозды. Хорошо поют не все, а, вероятно, старые; иные только взвизгивают; но общий хор очень приятен; изумит и обрадует он того, кто в первый раз его услышит, потому что давно замолкли птичьи голоса и в такую позднюю осень не услышишь прежнего разнообразного пенья, а только крики птиц и то большею частью дятлов, снегирей и бесков.

Река приняла особенный вид, как будто изменилась, выпрямилась в своих изгибах, стала гораздо шире, потому что вода видна сквозь голые сучья наклонившихся ольховых ветвей и безлистные прутья береговых кустов, а еще более потому, что пропал от холода водяной цвет и что прибрежные водяные травы, побитые морозом, завяли и опустились на дно. В реках, озерах и прудах, имеющих глинистое и особенно песчаное дно, вода посветлела и стала прозрачна как стекло; но реки и речки припруженные, текущие медленно, получают голубовато-зеленый, неприятный, как будто мутный цвет; впрочем, это оптический обман; вода в них совершенно светла, но дно покрыто осевшею шмарою[1], мелким зеленым мохом или коротеньким водяным шелком — и вода получает зеленоватый цвет от своей подкладки, точно как хрусталь или стекло, подложенное зеленой фольгой, кажется зеленым. Весной (летом это не заметно) вода мутна сама по себе, да и весеннее водополье покрывает дно новыми слоями ила и земли, на поверхности которых еще не образовался мох; когда же, по слитии полой воды, запрудят пруды, сонные воды таких рек цветут беспрестанно, а цвет, плавая массами и клочьями по водяной поверхности, наполняет в то же время мелкими своими частицами (процессом цветения) всю воду и делает ее густою и мутною, отчего и не заметно отражение зеленого дна.

---

[1] Шмара — зелень, водяной цвет.

Вот такую-то осень люблю я не только как охотник, но как страстный любитель природы во всех ее разнообразных изменениях.

Те же самые причины, то есть постоянная жизнь в деревне и невозможность охотиться с ружьем, заставившие меня попробовать уженье так рано весною, заставили меня продолжать охоту с удочкой осенью, до последней крайности, несмотря ни на какую погоду. Сначала, до сильных морозов и до наступления холодного ненастья, рыба брала на прежних, глубоких и крепких местах, как и во все лето. Мало-помалу клев в омутах переходил в береговой, то есть в клев около берегов; потом некрупная рыба, средней величины, начала подниматься в верховье пруда [1] и держалась более посредине реки, отчего и удочку надобно было закидывать далеко от берега. Уженье такого рода я продолжал до таких морозов, от которых вся моя речка, несмотря на родниковую воду, затягивалась довольно крепким льдом; лед же, не очень крепкий на тех местах, где держалась рыба, я разбивал длинным шестом, проталкивал мелкие льдины вниз по течению воды или выбрасывал их вон и на таком очищенном месте реки продолжал удить, ловя по большей части средних окуней и разную мелкую рыбу. Нередко уживал я при нескольких градусах мороза, стоя по колени в снегу и спрятав за пазуху коробочку с червями, потому что червяк замерзал даже при насаживании его на крючок. Очевидно, что насадку надобно было производить проворно: впрочем, я несколько раз видел, что замерзший и окоченевший червяк сейчас оттаивал в воде и начинал шевелиться. Покуда моя река замерзала только с краев, а по ее середине тянулась длинная, сплошная полынья, удить можно было везде, где была открыта вода, наблюдая только ту осторожность, чтоб леса не прикасалась к ледяным окраинам, потому что она сейчас при-

---

[1] Напоминаю моим читателям, что я удил на речке Воре, которая вся состоит или из прудов, или из прудовых верховьев; настоящего свободного теченья речки, или, справедливее сказать, ручья, почти нет: оно продолжается не более как сажен на сто от мельниц, а потому мои наблюдения не могут быть прилагаемы к реке неприпруженной, которая течет собственной своей массою воды.

мерзла бы к ним и при первой подсечке можно было ее оторвать; надобно было также наблюдать осторожность при вытаскивании рыбы, бережно вынимая ее на лед и потом уже выбрасывая на берег: такой двойной прием вытаскиванья драгоценной добычи нужен для того, чтоб об острые края береговых льдин не перерезать лесы.

Когда морозы становились сильнее, то на реке не замерзали только те места, где больше было сильных родников и куда постоянно собиралась всякая мелкая рыба. Клевали по большей части окуни, но клев их терял свою решительность и бойкость, да и сами они, вытащенные как будто без сопротивления из воды, казались какими-то вялыми и сонными. Может быть, многие возразят мне: «Что за охота добывать с такими трудностями несколько полусонных рыб?» — На это я буду отвечать, что «охота пуще неволи», что в охоте все имеет относительную цену. Я думаю, что в этом случае все охотники согласятся со мной. Где много благородной дичи или крупной рыбы лучших пород, там, конечно, никто и не посмотрит на дичь низшего достоинства или на мелкую рыбу; но где только она одна и есть, да и той мало, там и она драгоценна.

1858 г. Января 3-го.
Москва.

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ «ЖУРНАЛА ОХОТЫ»

Милостивый государь!

С большим удовольствием прочел я в № 2 издаваемого вами «Журнала охоты» прекрасную статью г. Константина Петрова «Охотничье метательное оружие». Автор с большим вниманием разработал этот предмет. Я могу прибавить к его описанию еще одно метательное оружие, лично мне известное, потому что я родился и вырос в Оренбургской губернии, посреди соседственных нам башкирцев и кочующих татар, у которых оно в употреблении. Это оружие называется *казарга*. Я видел его еще в детстве и потому подробно описать не могу, но очень помню, как один оренбургский охотник и славный стрелок, Е. Н. Т — в, при мне бил из казарги голубей, сидящих на высокой колокольне. Казарга есть не что иное, как обыкновенный лук, но с двумя тетивами, между которыми на самой средине находится мешочек или кошелечек, в который вкладывается глиняная небольшая пуля. Стрелок, держа лук посредине левою рукою, ухватив двумя пальцами правой руки пулю в мешочке, натягивает тетиву до известной степени и, наметив на предмет, мгновенно выпускает пулю из руки. Удары, которых я был свидетелем, были очень метки и сильны, потому что голуби, будучи, как всем известно, крепкою птицею, падали мертвыми, или оглушенными, или с переломленными крыльями. К этому я должен прибавить, что пули приготовлялись не из обыкновенной

желтой или красноватой глины, а из глины сизого цвета, очень вязкой, крепкой и тяжелой. Пули высушивались не вдруг, не в печи, а сохли медленно в тепловатом месте, закрытом от солнца и света. Все это мне рассказал дядька мой и прибавил к этому, что тетиву у казарги прямо натягивать нельзя, а надо брать как-то набок, в противном же случае разобьешь себе левую руку. Вероятно, это оружие и теперь находится в употреблении между оренбургскими азиатскими племенами. Сведение мое очень неполно, но я считаю нелишним сообщить его вам; если же вы захотите, то нетрудно будет получить подробнейшее описание казарги из Оренбургской губернии.

1858 г. Марта 15-го.
Москва.

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ «ЖУРНАЛА ОХОТЫ»

Милостивый государь!

Позвольте на страницах вашего прекрасного журнала рассказать происшествие, случившееся с одним известным и почтенным охотником, Н. Т. Аксаковым, в начале сентября текущего 1858 года. Удил он на реке Инзе, которая служит живою границею между Симбирской и Пензенской губерниями. Он закинул несколько удочек, наживленных маленькими рыбками. Наплавок одной из них начал тихо пошевеливаться, поворачиваться и, наконец, погружаться совсем; охотник подсекает и чувствует необыкновенную тяжесть; он выводит рыбу на поверхность воды и видит, что на удочку взяла порядочная щука, фунтов в шесть, и что она проглочена до половины другою огромною щукою; он начинает ее водить взад и вперед, подводит к берегу и подхватывает сачком; в это время большая щука выпускает из зубов ту щуку, которая действительно попала на крючок; пользуясь свободою, она стремительно бросается в сторону и срывается с удочки, но зато огромная щука, в двенадцать фунтов, остается в сачке, и охотник вытаскивает ее на берег. Хотя жадность щук мне хорошо известна и я не один раз видел, что щука, вцепившись зубами в рыбу, попавшую на удочку, и нисколько не задев за

крючок, допускала вытащить себя на берег, но в рассказанном мною случае любопытно то, что щука, заглотившая крючок, спаслась оттого, что другая щука, вдвое ее больше, вздумала ее проглотить. Вот еще новое доказательство, что щуки едят щук.

С истинным почтением честь имею быть ревностным читателем и почитателем вашего журнала.

23 октября 1858 г.
Москва.

ОТЗЫВ О «ЖУРНАЛЕ ОХОТЫ»

С января текущего 1858 года издается в Москве г-м Г. Мином «Журнал охоты», который выходит по одной книжке 28-го числа каждого месяца. При каждой книжке прилагается прекрасный отдельный рисунок: или политипаж известного в Москве первого и отличного мастера этого дела г. Рихау, или литография Бахмана, также очень хорошо сделанная. Из десяти вышедших рисунков — политипажей семь, а литографий три. Каждая книжка журнала доставляла мне каждый месяц истинное удовольствие своими статьями, удовольствие в то же время совершенно новое, потому что охотничьего журнала на русском языке у нас никогда не бывало. Были попытки, но как-то не состоялись. Судя по себе, я предполагаю, что «Журнал охоты» во всех ее видах, охоты в обширном смысле этого слова должен доставлять такое же удовольствие всем охотникам, рассеянным по огромному пространству России. Но, к удивлению моему, ни в одном журнале, кроме «Московских ведомостей», не было сказано доброго и благодарного слова издателю. Я ожидал также гораздо более сочувствия в наших охотниках, ожидал, что они своими статьями поспешат дополнить некоторые пробелы в «Журнале охоты». Сколько бы любопытных сведений, сколько интересных рассказов, современных, живых охотничьих новостей могли бы доставить специалисты-охотники, каждый по своей части! Я считаю единственною тому причиной, что «Журнал

охоты» мало еще распространен, что во многих отдаленных углах пространной Руси даже не знают о его существовании. Как старый охотник, как человек, писавший об охоте, я считаю за долг выразить полную благодарность г-ну Мину и поговорить о достоинстве статей, помещенных в вышедших уже книжках. Я очень был бы счастлив, если б эти строки обратили внимание моих собратов-охотников на издание г. Мина и возбудили в них участие к «Журналу охоты», который поистине заслуживает полное одобрение всех образованных читателей.

В 1-й, январской, книжке обращает на себя внимание «Охотничий дневник» царя Алексея Михайловича, этого истинного патриарха, царственного представителя русских охотников, который вполне чувствовал всю поэзию охоты и художественно относился не только к самому делу, но ко всем мелочам и подробностям его обстановки. Царь Алексей Михайлович, не говоря о других его царственных и человеческих достоинствах, самое умилительное и самое достолюбезное лицо для каждого охотника. Я уверен, что многие места в «Уряднике», или в «Уставе сокольничья пути», непременно писаны или диктованы им самим. Надобно быть истинным охотником в душе, с поэтической стороны смотрящим на дело, чтобы так метко, так тепло и увлекательно выражаться. Хотя «Дневник» есть только перечень государевой охоты, но он живо представляет царственного охотника во все часы дня и даже ночи, при всех переменах погоды, во всей его охотничьей деятельности. Письма же царя Алексея Михайловича к стольнику Матюшкину, которыми заключается эта любопытная статья г. Забелина, просто прелесть и драгоценность.

Статья «Куропатка серая, полевая» также очень интересна не только для охотника, но и для всякого любителя натуральной истории. Политипаж, изображающий стаю куропаток на отдыхе, превосходен как по своему составлению, так и по исполнению. Охотник не может смотреть на него равнодушно. Вот они, эти красивые по своему перу и миловидные по своему складу наши туземки, неотлетные, серые куропатки: иные почти совсем зарылись в снег, другие закопались в него до половины;

иные остаются на поверхности снега и как будто дремлют, надувшись и оттопырив свои перышки, отчего кажутся гораздо толще и круглее, иные собираются усесться на отдых и уже готовятся разгребать снег своими голыми, резвыми на бегу, красивыми ножками; а между тем по голым сучьям, опушенным снегом, наклонившимся над стаей отдыхающих куропаток, прыгают бески, щеглята и снегири, с любопытством заглядывая в разрытый и разбросанный снег и думая найти в нем какую-нибудь для себя поживу. Во втором нумере «Журнала охоты» статьи «Английские законы об охоте» Г. и «Охотничьи метательные оружия», с политипажами, г. Константина Петрова замечательны и любопытны: первая сообщает нам, какое значение имеет охота в Англии, где еще в 1017 году по рождестве Христове были изданы законы об охоте англосаксонским завоевателем Канутом, законы, из которых многие теперь еще существуют; вторая, то есть история охотничьего метательного оружия, представляет полное и добросовестное исследование этого важного предмета, его постепенного развития и усовершенствования, до которого дошло оно теперь. Статья Жюль-Жерара «Арабы и львы» исполнена самого живого интереса, даже и для всякого любознательного читателя. Наконец, статья И. Бильфельда «Олений рев», окончание которой напечатано в № 3, украшенная двумя прекрасными литографиями, рисует разнообразную и великолепную картину высокой охоты в окрестности Кизляра за дичью первоклассною, охоты, мало известной у нас внутри России, а потому заслуживающей еще большего любопытства и внимания. На первой литографии (№ № 2 и 3 журнала) изображен олень, ревом своим оглашающий пустынное пространство и тишину темной ночи; закинув ветвистые рога на спину, он зовет зычным ревом к себе подругу, чутко слушая, не отзовется ли где ее ответный голос. На второй литографии олень, как видно, услыхав какие-то знакомые звуки, в пылу страсти ничего не разбирая, бросился в воду и распугал стадо уток в прибрежном камыше, усевшихся там на ночлег: одни с испугом разлетаются в разные стороны, а другие, вероятно встревоженные прежде, опять возвращаются уже вереницей на прежнее место. В № 3 отлично хорошо написана

статья «Грач», но она, конечно, интересна только для любителей натуральной истории, а не для ружейного охотника. У нас в России грачей не едят, хотя мясо молодых и жирных очень вкусно; никто не считает их дичью, и никто не стреляет, разве только для того, чтоб отогнать их от березовой рощи, которую сушат они устройством своих безобразных гнезд. Но статья моя далеко бы превзошла назначенные ей пределы, если б я стал распространяться о всех любопытных и замечательных статьях, напечатанных в десяти книжках «Журнала охоты», как, например: «Перепелки на острове Кипре», «Дикая индейка», «Охота на кагуара, или американского льва» и пр. Не буду говорить также о превосходно нарисованных и вырезанных политипажах, из числа которых изображение «альпийского охотника» превзошло все прежние политипажи Рихау [1]. Я остановлюсь только на «Воспоминаниях охотника» г. Ф. Арсеньева и на «Записках ружейного охотника Костромской губернии» А. В — ва. Оба рассказа написаны очень живо и драматично, но рассказ г. В — ва лучше и вполне переносит читателя в костромские лесные места. В № 10 «Журнала охоты» помещены две в высшей степени замечательные статьи: «Охота в горах» (из записок о Шотландии) самого редактора, г. Мина, и «Охота в окрестностях Усть-Сысольска» г. Ф. Арсеньева. В статье г. Мина дело еще не дошло до охоты, но его очерк шотландских гор, морского залива и чудных величественных, изменяющихся картин, производимых и солнцем и дождем, его живые описания встречавшихся с ним людей так интересны и занимательны, так рисуют страну, о которой говорит он, что заставляют нас ожидать удовольствия от продолжения его статьи. Я прошу г. Мина не поскупиться на отрывки из его путешествия по Шотландии, которую он, как я слышал, исходил пешком вдоль и поперек. «Охота в окрестностях Усть-Сысольска» г. Арсеньева, на берегах рек Вычегды и Сысолы, в громадных лесах Северной России, в этой сказочной стороне (как говорит сочини-

---

[1] Должно упомянуть, что стихотворение «Альпийский охотник» из Рейтюрда очень живо и сильно переведено г. Дмитрием Мином.

тель), любопытна для каждого охотника по своей новости, свежести картин и особенностям. По этому прекрасному образчику читатель вправе надеяться встретить то же достоинство в последующих его статьях.

Высказав искренно мое мнение о «Журнале охоты», я прибавлю два желания: 1) чтобы книжки были потолще и 2) чтобы они состояли из статей об охотах преимущественно русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

Четвертый том Собрания сочинений включает в себя почти все охотничьи произведения С. Т. Аксакова. Помимо трех основных его книг — «Записок об уженье рыбы», «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Рассказов и воспоминаний охотника о разных охотах», — в этот том вошли и некоторые статьи об охоте.

В настоящем издании основные произведения этого тома — «Записки об уженье рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» — подобно последним прижизненным изданиям, а также первому Полному собранию сочинений С. Т. Аксакова (СПБ. 1886), выходившему под наблюдением И. С. Аксакова, снабжены политипажами. В «Записках ружейного охотника» воспроизведены политипажи последнего прижизненного издания 1857 года, повторенные и в Полном собрании сочинений. Политипажи «Записок об уженье рыбы» даны по изданию 1886 года, не повторяющему в этом отношении последнего прижизненного издания 1856 года. Есть основание предполагать, что такого рода отступление от прижизненного издания в Полном собрании сочинений 1886 года было не только санкционировано сыном писателя, но, в свое время, авторизовано самим С. Т. Аксаковым. Сохранилось письмо профессора Н. П. Вагнера, указавшего С. Т. Аксакову на существенные недостатки политипажей издания 1856 года (ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, д. № 6).

В отсылках автора на страницы его предшествующих произведений, кроме случаев специально оговоренных, приводятся соответствующие страницы настоящего издания.

Имена, обозначенные в тексте инициалами, в бесспорных случаях нами расшифрованы.

ЗАПИСКИ ОБ УЖЕНЬЕ РЫБЫ

Охотничьи произведения писались С. Т. Аксаковым в годы расцвета его таланта, то есть почти одновременно с автобиографической трилогией.

Обратившись во второй половине 40-х годов к активной литературно-художественной деятельности, Аксаков вместе с тем окунулся в атмосферу напряженных общественных интересов, которая кипела вокруг него. Рост социальных противоречий в России и Западной Европе и связанное с ними повсеместное обострение идейной борьбы, назревание серьезных политических событий — все это вызывало в Аксакове очень сложную реакцию. С одной стороны, в нем проявлялись элементы критического отношения к порядкам современной жизни, а с другой — эти порядки и все последствия, которыми они были чреваты, пугали писателя и возбуждали в нем желание уйти от «скверной действительности», от «хаоса» современной политической жизни в природу, «в мир спокойствия, свободы». Вот характерные для подобных настроений Аксакова строки из его письма к сыну Ивану от 12 октября 1849 г.: «Скверной действительности не поправишь, думая об ней беспрестанно, а только захвораешь, и я забываюсь, уходя в вечно спокойный мир природы» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 16, лл. 70—70 об.).

Но уход в «спокойный мир природы» отнюдь не мог изолировать писателя от острых вопросов действительности. Работа над другими произведениями этого периода вызывала у Аксакова более непосредственные ассоциации с идейными проблемами современности.

В середине 40-х годов, в самый разгар работы над «Семейной хроникой и Воспоминаниями», Аксаков задумал написать книгу о рыбной ловле. Удочка была давней страстью писателя. В «Детских годах Багрова-внука» он рассказал о первых радостях рыболова, которые испытал в самом детстве. «Уженье просто свело меня с ума! — писал он. — Я ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить...» В годы юности и молодости Аксаков стал отдавать решительное предпочтение охотничьему ружью перед удочкой. Но на склоне лет он снова увлекся уженьем рыбы. Даже старым, немощным, тяжело больным человеком Аксаков ежедневно летом, в любую погоду, выходил из дому с опущенным на почти невидящие глаза защитным козырьком и часами просиживал на берегу Вори в Абрамцеве с удочкой в руках.

Рано пробудившееся в Аксакове пытливое внимание к самым разнообразным явлениям природы было вскоре дополнено еще одной страстью — стремлением описывать предметы своих наблюдений. В известном своем мемуарном очерке «Собирание бабочек» писатель рассказал о том, как любил он с детских лет «натуральную историю», а также о своих первых ребячьих попытках описывать полюбившихся ему зверьков, птиц и рыб. «Но горячая любовь к природе и живым творениям, населяющим божий мир, — продолжал Аксаков, — не остывала в душе моей и через пятьдесят лет; обогащенный опытами охотничьей жизни страстного стрелка и рыбака, я оглянулся с любовью на свое детство — и попытки мальчика осуществил шестидесятилетний старик: вышли в свет «Записки об уженье рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (наст. изд., т. 2, стр. 165).

Начало работы над первой книгой можно с большой достоверностью отнести к 1845 году. 8 октября этого года С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «Впереди у меня составление книжки об уженье и диктовка моих воспоминаний» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 16, л. 67 об.). А неделю спустя Вера Аксакова в письме к М. Г. Карташевской отмечала: «По утрам отесенька диктует книгу об уженье, которую недавно начал писать» (ИРЛИ, ф. 3, 10.615/XV с. 12, л. 112 об.). Наконец, 22 ноября того же 1845 года Аксаков сообщал Гоголю: «Я затеял написать книжку об уженье не только в техническом отношении, но в отношении к природе вообще; страстный рыбак у меня так же страстно любит и красоты природы; одним словом, я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня и пр. Тут займет свою часть чудесная природа Оренбургского края, какою я зазнал ее назад тому сорок пять лет. Это занятие оживило и освежило меня» (наст. изд., т. 3, стр. 326).

В конце 1846 года работа над книгой была закончена, и в начале следующего, 1847 года, она вышла из печати под названием «Записки об уженье». Разъясняя во Вступлении содержание и характер этой книги, автор предупреждал читателей, что она — «не трактат об уженье» и «не натуральная история рыб», что это «ни больше ни меньше, как простые записки страстного охотника». Нисколько не претендуя на «художественность», автор строил свою книгу в форме непритязательных зарисовок-очерков «бывалого» человека-рыболова. Начав свое повест-

вование деловыми заметками о рыболовных снастях и способах рыбной ловли, автор затем переходит к характеристике «рыб вообще» и подробному описанию различных пород рыб. Весьма кстати оказались многочисленные дневниковые заметки, которые Аксаков вел на протяжении многих лет. Он аккуратно записывал количество выловленной рыбы, найденных грибов, застреленной дичи, точно классифицируя ее по видам и способам добычи (например, убитых «в лет», «сидячими», «покрытых шатром», пойманных капканом). В этих записях сопоставлены цифры, характеризующие число выстрелов и количество добытой дичи. Например, «в 1817 году выстрелено 1758, убито 863» или: «в 1819 году выстрелен 1381 заряд, убито 743» (отрывки из этих своеобразных дневников Аксакова опубликованы Н. М. Павловым в журнале «Природа и охота», 1890, № 1, стр. 93—98). Все это очень пригодилось Аксакову в работе над его охотничьими книгами.

Сведения, сообщаемые Аксаковым в «Записках об уженье», сопровождаются многочисленными его воспоминаниями из «собственного опыта». Практические советы, полезные для рыболова, перемежаются с тонкими «портретными» зарисовками рыб, их повадок и нравов, поэтическими описаниями картин природы.

Появление «Записок» Аксакова неожиданно для него самого стало сразу же приметным явлением в русской литературе. Скромное, деловито-прозаическое заглавие книги воспринималось как нечто мало соответствующее богатству и удивительной поэтичности ее содержания, ее литературной манере, языку. «Вообще автор человек бывалый; его записки дают более, нежели обещает заглавие», — отмечал рецензент «Современника» (1847, № 6, стр. 114). О необычайной новизне и своеобразии аксаковских «Записок» писал рецензент «Финского вестника»: «Мы были совершенно изумлены, когда, раскрыв «Записки об уженье» с полною уверенностью встретиться в них с галиматьею, сделавшеюся отличительным достоянием книг о подобного рода предметах, увидели вдруг книгу если не весьма полезную, то весьма умную, написанную чистым русским языком и складом, книгу, которая, на безделье, может быть прочитана с удовольствием не одними охотниками удить рыбу, но и каждым образованным человеком» («Финский вестник», 1847, № 6, отд. V, стр. 2).

В таком же духе откликнулись и многие другие современные критики, единодушно отмечавшие и чисто познавательные и эстетические достоинства книги Аксакова. Как вспоминал позднее

Хомяков: «Нашлись люди, которые догадались, что тут скрывалось искусство, и искусство истинное» («Русская беседа», 1859, № 3, стр. III). В числе почитателей аксаковских «Записок» был и Гоголь. «Об вашей же книжке он говорил и прежде, что хотя он и совсем не интересуется предметом, но прочел ее всю от доски до доски с большим удовольствием»,— сообщала в сентябре 1848 года отцу Вера Аксакова («Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 706).

«Записки об уженье» быстро завоевали симпатии читателей, и вскоре возникла потребность в их переиздании. Писатель воспользовался этим обстоятельством и значительно расширил свою книгу. Появилась новая глава: «О рыбах вообще», и существенно были расширены почти все остальные главы. По этому поводу С. Т. Аксаков писал М. П. Погодину 5 декабря 1853 года: «Я с любовью занимаюсь 2-м изданием. И, кажется, многие прибавки удачны. Книжка выйдет почти вдвое толще» (Л. Б., ф. Погодина, II 1/64; ср. также письмо к Тургеневу от 3 ноября 1853 г. — «Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 499). В начале 1854 года второе издание этой книги вышло в свет. Она теперь стала называться «Записки об уженье рыбы».

В новом издании книга открывалась стихотворным эпиграфом, взятым из «Послания к М. А. Д<митриеву>» (полный текст стихотворения см. в т. 3 наст. изд.). У этого эпиграфа есть своя история. Аксаков первоначально хотел сопроводить им второе издание «Записок ружейного охотника» (М. 1852). В бумагах Анны Григорьевны Достоевской, жены Ф. М. Достоевского, сохранился автограф С. Т. Аксакова, озаглавленный: «Эпиграф». За текстом эпиграфа следует короткая записка Аксакова, начинающаяся фразой: «Не правда ли, что этот эпиграф был очень кстати к моим «Запискам ружейного охотника»? (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, д. № 260). Замысел Аксакова не был осуществлен. Московская цензура, напуганная недавним скандалом, который был вызван появлением на страницах «Московских ведомостей» знаменитой некрологической статьи Тургенева о Гоголе, решила теперь действовать более «осмотрительно» и категорически воспротивилась напечатанию эпиграфа из-за строки: «В мир спокойствия, *свободы*». 29 октября 1852 года Аксаков с горечью сообщил об этом обстоятельстве Тургеневу («Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 484). Два года спустя писатель вспомнил об этом эпиграфе, но теперь уже в связи со вторым изданием «Записок об уженье рыбы». Отрывок из послания к Дмитриеву был

на сей раз пропущен, но в искалеченном виде. В строке «В мир спокойствия, свободы» последнее слово цензором И. Снегиревым было признано предосудительным, вымарано и заменено отточием. Лишь в третьем издании «Записок об уженье рыбы» злополучный эпиграф был напечатан целиком.

Выход книги Аксакова вторым изданием вызвал в печати снова ряд восторженных критических откликов. Наиболее значительным из них явилось выступление И. И. Панаева на страницах «Современника». Самой важной чертой «Записок» Аксакова, по его мнению, является то «глубоко поэтическое чувство природы», которое свойственно большому художнику, и та удивительная «простота в изложении», которая отличает истинное произведение искусства. В этой книге «столько простоты,— писал Панаев,— что ее смело можно променять на десятки так называемых романов, повестей и драм, которые пользовались у нас в последнее время даже довольно значительным успехом. В ней столько поэзии, в этой небольшой книжечке, сколько вы не отыщете в целых томах различных стихотворений и поэм, которые привились и точно имеют в себе некоторые поэтические достоинства. Она, может быть, даже для специалиста, для охотника удить не имеет такого значения, какое имеет для художника, для литератора» («Современник», 1854, № 8, стр. 130—131). Словом, «Записки об уженье рыбы» были восприняты современным читателем и критикой как произведение искусства. «Ты так умеешь писать, что и этот предмет делается у тебя литературным»,— сообщал Аксакову М. Дмитриев в ответ на получение от него экземпляра «Записок» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, д. № 18, л. 1).

Два года спустя «Записки об уженье рыбы» вышли третьим, и последним при жизни автора, изданием (М. 1856). Это издание отличалось от предшествующего немногочисленными стилистическими поправками и незначительными дополнениями. Кроме того, книга была сопровождена специальными примечаниями и заключительной статьей «Ход рыбы против течения воды», принадлежащими перу выдающегося русского естествоиспытателя К. Ф. Рулье. Статья Рулье явилась своего рода естественно-научным комментарием к некоторым положениям аксаковских «Записок». Впервые в этом издании они вышли с политипажами, подобранными, очевидно, Рулье.

Литературные достоинства книги Аксакова были и впоследствии по достоинству оценены самыми выдающимися писателями. Для многих из них она служила своего рода эталоном, образцом

того, как надо живописать природу. В 1884 г. А. П. Чехов писал своему брату педагогу Ивану Павловичу, что с интересом читает журнал «Природа и охота» и особенно статьи об аквариумах, уженье рыбы. «Хорошие есть статьи, — добавляет Чехов, — вроде аксаковских» (А. П. Чехов, Полн. собр. соч., т. 13, М. 1948, стр. 110). «Запискам об уженье рыбы» воздавал должное и Горький. Во второй части романа «Жизнь Клима Самгина» есть любопытный эпизод. В серьезном, важном разговоре, который ведет большевик Степан Кутузов с Климом Самгиным, неожиданно всплывает имя Аксакова. Кутузов обращается к своему собеседнику: «Вы, Самгин, рыбу удить любите? Вы прочитайте Аксакова «Об уженье рыбы» — заразитесь! Удивительная книга, так, знаете, написана — Брем позавидовал бы!» (М. Горький, Собр. соч., т. 20, М. 1952, стр. 47).

В настоящем собрании «Записки об уженье рыбы» печатаются по тексту третьего издания, с устранением мелких неисправностей и опечаток.

Стр. 12. *Моро* Жан Виктор (1761—1813) — французский полководец, сражался под началом Наполеона; после конфликта с ним уехал в 1805 г. в Америку; восемь лет спустя вернулся в Европу и в мундире русского генерала воевал против наполеоновской армии.

Стр. 44. *...о которых напечатано в «Совершенном егере».* — Полное название книги: «Совершенный егерь, или Знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте», в трех частях, перев. с немецк. В. Левшина (СПБ. 1779).

Стр. 73. *Сердце мое, рыбка моя, ожерелье. Выгляни на меня...»* — Цитата из «Майской ночи» была приведена Аксаковым, вероятно, по памяти. Следует: «Выгляни на миг».

Стр. 97. *...идиллию «Рыбачье горе»* — стихотворение С. Т. Аксакова «Рыбачье горе», см. стр. 668 в т. 3 наст. Собр. соч.

Стр. 115. *Я уже сказал...*—Это примечание появилось впервые во втором издании «Записок об уженье рыбы» (М. 1854). Аксаков имеет в виду объяснение, которое он дал ко второму изданию «Записок ружейного охотника» (М. 1852). См. в наст. томе, стр. 304.

Стр. 118. Речь идет о сочинении В. Левшина «Книга для охотников до звериной и прочей ловли, также до ружейной стрельбы и содержания певчих птиц...» в четырех частях, М. 1810—1814.

ЗАПИСКИ РУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Успех рыболовных записок побудил Аксакова написать новый цикл записок, на этот раз — охотничий.

О значении охотничьего ружья в своей жизни Аксаков свидетельствует в «Детских годах Багрова-внука». Там рассказывается о том, с каким волнением и радостью одерживал свои первые охотничьи победы Сережа Багров. «Я и в ребячестве был уже в душе охотник», — говорит Багров-Аксаков. В последующие двадцать — тридцать лет не было занятия, которому бы Аксаков предавался с большим самозабвением, чем охота. 21 июня 1848 года он писал Гоголю: «Два года тому назад провел я зиму в деревне и, между прочим, написал книжку под названием «Записки об уженье», которую к вам и посылаю. Она невелика, вы прочтете ее на досуге. Я писал ее с большим наслаждением. Воспоминание прошедшего освежало и оживляло меня. Если бог исполнит мое желание и я проведу эту зиму в деревне, то начну писать другую книжку: «Об охоте с ружьем». С двенадцатилетнего возраста до тридцатилетнего я был предан этой охоте страстно, безумно. Я уже написал «Прилет птицы весною» и думаю, что даже не охотник может прочесть с удовольствием этот отрывок» (наст. изд., т. 3, стр. 364—365).

Работа над «Записками ружейного охотника» была начата в 1849 г. В декабре того же года Аксаков писал своему сыну Ивану: «С удовольствием воображаю, как я стану читать тебе мои записки. Хотя я не всем доволен, но убежден, что в них много достоинства: для охотника с душою, натуралиста и литератора. Я постоянно удерживаю себя, чтоб не увлекаться в описании природы и посторонних для охоты предметов, но Константин и Вера сильно уговаривают, чтоб я дал себе волю: твой голос решит это дело. Боюсь как огня стариковской болтливости, которая как раз подумает, что все ей известное никому не известно и интересно для всех» (ИРЛИ, ф. 3, д. № 13, л. 55; ср. «Русскую мысль», 1915, кн. VIII, стр. 123, где это письмо напечатано с существенной ошибкой).

В высшей степени требовательно, придирчиво относился Аксаков к каждой новой главе своей книги, и ничьи отзывы не могли поколебать этой его позиции. «Я написал «Гуся» и «Лебедя», — сообщает он сыну Ивану, — Гоголь и то и другое очень хвалит, но я недоволен; впрочем, я надеюсь исправить» («Литера-

турное наследство», 1952, т. 58, стр. 723). «Я не могу найти приличного тона, не могу с точностью назначить себе границы; все, что я написал до сих пор, мне не нравится», — отмечает он в другом письме к сыну (там же, стр. 728). Из рукописей «Записок ружейного охотника» сохранился лишь неполный текст, весьма близкий к тексту печатному (Л. Б., ф. Аксакова, IV/2), не позволяющий уяснить весь процесс работы писателя над этим произведением. Но в том же архивохранилище имеются еще две небольшие записные книжки Аксакова. Одна из них называется «Описание разной дичи в наших местах» (Л. Б., ГАИС III, V/2а) и содержит короткие характеристики ряда птиц (болотного кулика, кроншнепа, дупельшнепа и т. д.); другая озаглавлена «Заяц» (Л. Б., ГАИС III, V/4) и заключает в себе столь же короткие, черновые, предварительные «портретные» зарисовки зайца, белки, журавля. Обе записные книжки Аксакова — значительно более давнего происхождения, чем упомянутая выше рукопись «Записок ружейного охотника», но, сопоставляя эти беглые черновые записи с соответствующими разделами окончательного текста охотничьих записок Аксакова, можно получить наглядное представление о том, какую серьезную эволюцию претерпел первоначальный замысел писателя.

У нас есть основание судить не только о тщательности работы Аксакова над «Записками ружейного охотника», но и о направлении этой работы. В соответствии со своими эстетическими принципами Аксаков добивался, чтобы его охотничьи рассказы отличались максимальной простотой и непосредственностью. Никакого умиления перед величием и красотой природы! Никаких вычур, красивостей, экзотики, ложной патетики! Спокойная и неторопливая манера повествования, максимальная экономия изобразительных средств — именно в этом направлении неутомимо перерабатывал главы своей книги Аксаков. Когда Иван Аксаков написал отцу, что, по его мнению, глава «Лебедь» должна получиться «особенно хорошо», что она должна быть написана «как можно проще» и что между прочим его описания нравятся «потому, что в них простота выражений без лиризма доводит производимое впечатление до лиризма», С. Т. Аксаков отвечал сыну: «Совершенно ты прав, мой милый Иван, насчет описания лебедя; именно потому-то я и недоволен собою, хотя и Гоголь, и Вера, и Константин очень хвалят («Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 723—724).

В конце 1851 года «Записки ружейного охотника» были завершены. 12 января следующего года Аксаков писал Тургеневу: «Расставшись с моими «Записками», я грущу о прекращении дела, которое приятно занимало меня три года...» («Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 463). Работа над этими «Записками» была для Аксакова особенно памятной тем, что они были некоторым образом связаны с именем Гоголя. По свидетельству Аксакова, Гоголь всячески «подстрекал» его к написанию охотничьих записок и с живейшим интересом знакомился в рукописи с отдельными их фрагментами. «Вчера читали Гоголю дупельшнепа и гаршнепа, — сообщал Аксаков сыну Ивану 17 января 1850 года, — и он чрезвычайно был доволен, даже выпросил себе все, чтобы перечесть у себя дома; конечно, если б я был теперь способен чем-нибудь поощряться, то внимание Гоголя должно было поощрить меня...» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 13, л. 69). Когда книга была уже закончена и близился момент ее выхода в свет, Аксаков писал А. О. Смирновой 10 марта 1852 года: «Я пришлю вам также мою книгу, которая скоро будет отпечатана. Гоголь с особенною любовью следил за ее сочинением, постоянно подстрекал меня и хотел вместе с нею выдать второй том «Мертвых душ», которого уже не существует; я означу вам места, после прочтения которых Гоголь читал мне по одной главе «Мертвых душ» («Русский архив», 1896, кн. 1. стр. 151). В другом письме, отправленном месяц с лишним спустя, Аксаков сообщил Смирновой те места из его «Записок», которые особенно ценил Гоголь: «*Болота* и *бекас* ему особенно нравились, хотя все предпочитают описание вод, степей. Ему также нравились следующие места в птицах: *кулички, вцек* и *воробей;* в описании *гуся* — страницы 168, 169 и 170[1]; описание зоркости и проворства утки *(гоголя)*, причем он сказал: «*Вот какой проворный мой соименник*». В журавле замечены им 250 и 251 страницы; всего более хвалил он голубей *витютина* и *горлинку* и смеялся, слушая описание *тетеревиного тока* (стр. 355). Из последней половины моих «Записок» он более ничего не слыхал и не читал; но первую, после моего чтения, брал к себе на дом. Вторую главу «Мертвых душ» прочел он мне, выслушав наперед *гаршнепа*, а третью — после куличка-поплавка, которого совершенно не слушал: едва я успел дочитать,

---

[1] Здесь и ниже С. Т. Аксаков указывает страницы по первому изданию «Записок ружейного охотника» (М. 1852). В настоящем томе им соответствуют: в первом случае стр. 260, 261; во втором — стр. 320, 321; в третьем — стр. 398.

как он вытащил из кармана тетрадь и с необыкновенной энергией начал читать» («Русский архив», 1896, кн. 1, стр. 155—156. Об отношении Гоголя к «Запискам ружейного охотника» см. еще «Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 707, 728, а также сб. «Гоголь в воспоминаниях современников», М. 1952, стр. 494—495).

В мае 1851 года небольшой отрывок из охотничьих записок Аксакова был опубликован на страницах «Московских ведомостей» (№ 55, стр. 486—487) под названием «Пролет и прилет птиц», а в марте следующего, 1852 года они целиком вышли из печати с посвящением «братьям и друзьям» Николаю и Аркадию Тимофеевичам Аксаковым.

Новая книга Аксакова имела успех еще больший, нежели первая. 16 мая 1852 года Некрасов писал Тургеневу, что перечитывает книгу Аксакова и что он «в новом от нее восхищении» (Полн. собр. соч. и писем, т. 10, М. 1952, стр. 174). С редким единодушием приветствовала «Записки ружейного охотника» современная критика. «Это книга, которую охотник прочтет от первой страницы до последней с пользою и наслаждением, не охотник прочтет с увлечением, как роман» («Труды императорского вольного экономического общества», 1852, т. 2, Библиография, стр. 52), «Книга... интересная для всех» («Отечественные записки», 1852, № 5, Библиографическая хроника, стр. 26) — таковы были первые критические отклики, многократно затем варьировавшиеся в различных органах печати.

Никогда еще до сих пор охотничья книга не имела такой широкой читательской аудитории. Ни одному охотнику еще не удавалось так возвысить этот род занятий, так опоэтизировать его и так неотразимо завладеть интересом читателей. Как писал об Аксакове несколько позднее один из критиков: «В описаниях жизни, природы, птиц и зверьков он выказал тот талант, который сделал имя его известным как литератора уже, а не только как охотника» («Отечественные записки», 1855, № 7, стр. 32).

В этой связи следует отметить внутреннюю близость между Аксаковым-охотником и Аксаковым-литератором. В обеих сферах деятельности перед нами раскрывается образ человека, совершенно чуждого стремления к романтической приподнятости, внешней патетике. Охота, в представлении Аксакова, тем и увлекательна, что она позволяет человеку проявить свою выносливость, энергию, ловкость, изобретательность. Охота — это торжество разума и воли человека над природой. Аксаков не признает легкой победы над спящим и не подозревающим опасности зверьком. Он

готов часами выслеживать его, а порой, притаившись в кустах и пренебрегая добычей, пытливо наблюдать за его повадками, образом жизни. И в выборе объекта охоты и в манере повествования, то есть и как охотник и как литератор, Аксаков не приемлет экзотики. «Он не увлекает нашего внимания рассказами о слонах и тиграх, — писал впоследствии «Журнал охоты», — но так сильно направляет его на предметы, всем нам более или менее известные, что мы не можем оторваться от его увлекательного повествования иначе, как удивляясь — почему многие не могут сделать того же, что сделал он в тесном, говоря сравнительно, кругу своего действия в этом отношении» («Журнал охоты», 1859, № 13, стр. 9).

Еще очевиднее обнаруживается эта свойственная Аксакову черта в его пейзажной живописи. Дело не только в том, что Аксаков с необычайным искусством сумел изобразить поэзию природы. Писатель подошел к этой задаче совершенно по-новому. Он не умиляется «красотами природы» и не пытается ни потрясти, ни удивить ими читателя. Природа — мертвая и живая — интересует Аксакова во всей ее повседневности и простоте. Никаких излишеств красок и риторического пышнословия. Не внешняя красота пейзажа занимает Аксакова, а сложная, многообразная порой драматическая, жизнь природы. Под его пером природа действительно оживает, и становится удивительно близким сердцу человека все, что живет в ней, — звери, птицы, рыбы. Верно писал современный Аксакову критик: «В целом репертуаре иной сцены, со всеми ее трагедиями, коллизиями, водевилями и балетами не примешь такого участия, как в судьбе пернатых жителей болота, степи и леса, описанных автором. Вот что значит знать дело и любить дело: всякая мелочь оживает, и простое описание возвышается на степень искусства» («Москвитянин», 1852, № 8, стр. 120).

Одним из первых оценил «Записки ружейного охотника» И. С. Тургенев, ознакомившийся с ними еще в рукописи. 2 января 1851 года С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «Когда появились «Записки охотника» Тургенева, я подумал, как бы мне приятно было прочесть ему мои записки! Мое несбыточное желание исполнилось: ему прочли несколько отрывков, и они были вполне оценены им. Ему захотелось еще послушать, и завтра вечером Константин прочтет ему еще несколько отрывков. Первым слушаньем его я был очень доволен» («Русская мысль», 1915, кн. VIII, стр. 126).

Тургенев всячески поощрял Аксакова в его работе над «Записками ружейного охотника». 2 февраля 1852 г., т. е. за месяц с лишним до выхода книги в свет, Тургенев в письме к Аксакову называет ее «прекрасною» и замечает далее: «Притом ваши «Записки» будут дороги не для одних охотников; всякому человеку, не лишенному поэтического чутья, они доставят истинное наслажденье, и потому я готов отвечать за успех их — и литературный и материальный. А для меня, повторяю, написать им разбор будет просто праздник» («Вестник Европы», 1894, № 1, стр. 331).

Первая, короткая рецензия Тургенева на «Записки ружейного охотника» появилась в апрельской книжке «Современника» за 1852 год. Поздравив русскую литературу с выходом в свет «Записок» Аксакова, Тургенев продолжал: «Кому еще незнакомо новое сочинение С. Т. А—ва, тот не может себе представить, до какой степени оно занимательно, какой обаятельной свежестью веет от его страниц» (Собр. соч., т. XII, М. — Л. 1933, стр. 143). Главное достоинство книги Аксакова Тургенев видит в том, что она дает поразительно правдивое изображение русской природы, которое лишено какой бы то ни было прикрашенности и условности. «Эту книгу, — пишет он, — нельзя читать без какого-то отрадного, ясного и полного ощущения, подобного тем ощущениям, которые возбуждает в вас сама природа; а выше этой похвалы мы никакой не знаем» (там же, стр. 150)

Это был первый публичный отклик Тургенева. За ним должны были последовать две пространных его статьи — в «Современнике» и «Отечественных записках». Написана была лишь одна из них, появившаяся в январской книжке «Современника» за 1853 г. в форме письма к одному из издателей этого журнала. Автор предупреждает, что он пишет «не критику», ибо «в книге г. А — ва критиковать нечего, или почти нечего» (там же, стр. 151). Говоря о содержании «Записок ружейного охотника» и сопровождая свой рассказ примерами из собственного опыта — охотника и писателя, Тургенев подчеркивает принципиально новаторское значение книги Аксакова с точки зрения искусства пейзажа, изображения животного мира, стиля, языка.

Восторженная статья Тургенева не содержала в себе ни единого критического замечания в адрес «Записок ружейного охотника». И это, повидимому, огорчило Аксакова. Взыскательный художник, он ожидал, что Тургенев нелицеприятно укажет ему на конкретные художественные недостатки книги. В этой связи он упрекал автора статьи: «Ваше письмо к издателю «Современ-

ника» — не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги. Впрочем, я очень понимаю, что, удержав характер критики, статья ваша вышла бы, может быть, не так интересна и несколько суха, а главное, что для такого рода разборов прошло уже время, и я совершенно согласен, что большинство читателей было бы решительно от того в проигрыше. Потом, я ожидал менее похвал, но зато ожидал беспристрастного суда и справедливых осуждений; я надеялся более серьезного тона, особенно в отношении к языку и слогу» («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 11).

Первое издание «Записок ружейного охотника» разошлось с беспримерной быстротой. Уже полгода спустя возник вопрос об их повторном издании. «Как я рад, что мои предсказания насчет ваших «Записок» сбылись, — писал Тургенев Аксакову 17 октября 1852 года, —и вы уже готовите второе издание» («Вестник Европы», 1894, № 1, стр. 336). Но неожиданно Аксаков столкнулся с цензурными препятствиями. Атмосфера цензурного террора 1852 года отразилась на судьбе не только «Записок об уженье рыбы», но и «Записок ружейного охотника». Жалуясь в письме к Тургеневу от 1 января 1853 года на «цензурные проделки», Аксаков с горечью отмечал: «Насчет второго издания моих «Записок» я сообщу вам неприятную новость, которая приведет вас в совершенное изумление: г. цензор Флеров исключил, кроме разных выражений, несколько страниц целиком. Выражения, например, исключены следующие: «отлетная строевая птица» — *строевая* не понравилась г. цензору; «народ не ест давленой птицы» — эти все слова вымараны. Как это ни глупо, но из-за этого я не завел бы процесса, если б г. Флеров не исключил все описания тетеревиных токов, а также тока дупельшнепов и перепелов Теперь же не хочу уступить ни одного слова. Я предложил Назимову, ради сохранения чести цензурного комитета, поправить дело домашним образом. Если он не согласится, то на сих днях подам формальную просьбу в общее присутствие цензурного комитета; в случае отказа подам прошение в главное управление цензуры и даже в известный особый комитет и к графу Орлову Одним словом, я употреблю все усилия, и если не успею, то брошу все отпечатанные 18 листов. Авось мой процесс будет полезен для других и откроет глаза правительству на действия цензуры, дошедшие до крайней нелепости... Я должен вам признаться, что цензурные проделки меня взбесили, и я целые сутки не мог успокоиться» («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 7).

В библиотеке Московского университета хранится уникальный экземпляр первого издания «Записок ружейного охотника», приготовленный автором к переизданию. Книга носит на себе следы очень большой работы, проделанной Аксаковым в процессе подготовки второго издания. Почти на 300 страницах из общего количества 444 имеется авторская правка. Кроме того, к отдельным страницам книги приложено 26 листков, исписанных рукой автора, — различного рода вставки, дополнения. Именно на этом экземпляре книги были произведены цензором В. Флеровым купюры, о которых Аксаков сообщал Тургеневу. Перечеркнутые красными чернилами места сопровождены припиской цензора, что они могут быть напечатаны лишь «с разрешения его превосходительства господина попечителя».

Энергичные меры, предпринятые Аксаковым, увенчались в конце концов успехом. В исходе января 1853 г. он радостно извещал Тургенева, что все цензурные мытарства остались позади и второе издание «Записок» через две недели выйдет и что, самое важное, «прежний текст восстановлен совершенно...» («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 12).

Второе издание «Записок» Аксакова вызвало множество новых критических откликов. Отметим среди них отзывы Чернышевского («Отечественные записки», 1854, № 2) и Некрасова («Современник», 1855, № 6). «Превосходная книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» облетела всю Россию, — писал Некрасов, — и в короткое время достигла второго издания — честь, которой в последние годы весьма редко достигали русские книги» (Полн. собр. соч и писем, т. 9, М. 1950, стр. 255).

«Записки ружейного охотника» в еще большей степени, чем предшествующая книга Аксакова, получили признание как крупное явление искусства. «Свежее и глубокое чувство природы. Степь. Мастерское описание», — восторженно отмечал в своей записной книжке П. А. Вяземский (Полн. собр. соч., т. X, СПБ. 1886, стр. 137). Современная Аксакову критика и виднейшие писатели единодушно оценили художественные достоинства «Записок ружейного охотника» и свойственное их автору чувство стиля и языка. «Слог его мне чрезвычайно нравится, — писал Тургенев в своей второй статье, в «Современнике». — Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нет вычурного и ничего лишнего, ничего напряженного и ничего вялого — свобода и точность выражения одинаково за-

мечательна. Эта книга написана охотно и охотно читается» (Собр. соч., т. XII, 1933, стр. 160). Поэзия аксаковских «Записок» была вдохновлена живой стихией народного языка. Это обстоятельство было подчеркнуто критиком «Отечественных записок»: «Изложение доставляет материалы и дает пример народному складу речи, от которого литературный язык во многом уклонился» (1852, № 5, Библиографическая хроника, стр. 26). «Записки» давали наглядное представление о словарном богатстве, разнообразии и множестве тонких стилистических оттенков аксаковского языка, о его почти безграничных художественно выразительных возможностях. «Язык его чрезвычайно выразительный, — писал критик «Сына отечества», — а многие слова его могут войти с пользою в академический словарь» («Сын отечества», 1852, кн. 10, Критика и библиография, стр. 5).

Книга Аксакова отличалась от многих других охотничьих сочинений достоверностью сообщаемых в ней фактов и точностью в их изложении. Аксаков писал лишь о том, чему сам был свидетелем. Поразительная наблюдательность позволила ему, как писал «Журнал охоты», внести «огромный запас фактов в науку» («Журнал охоты», 1859, № 3, стр. 9).

«Записки ружейного охотника», равно как и «Записки об уженье рыбы», получили весьма положительную оценку в кругу ученых-натуралистов. Обе книги были восприняты как серьезный вклад в науку. Такова была точка зрения, например, знаменитого К. Ф. Рулье. Характерно его участие в тех и других «Записках» Аксакова в качестве автора примечаний. Прочитав статью Тургенева в «Современнике» о «Записках ружейного охотника», Аксаков между прочим писал ему: «Особенно благодарю я вас за то, что вы обратили внимание на мою книгу гг. естествоиспытателей, которым могли бы быть полезны мои добросовестные наблюдения, хотя они не всегда полны и часто односторонни. Рулье словесно и письменно восторгался ими, хотел написать огромную статью еще в мае месяце — и не написал ни одной строчки» («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 11). В октябре 1854 года Иван Аксаков сообщал отцу из Харькова, что познакомился с «ветераном русских естествоиспытателей» профессором ботаники Харьковского университета В. М. Черняевым, который просил передать «от имени ученых всю глубокую их признательность за ваши сочинения. Завтра назначен диспут одного магистранта о какой-то рыбке-овсянке, и Черняев с вашей книжкой в руке намерен опровергать его или доказывать тождество этой

рыбы с верховкою, или сентявкою, вами описанною». И далее, уже в связи с «Записками ружейного охотника», Иван Аксаков продолжает: «Книгу вашу он постоянно рекомендует с кафедры молодым ученым для приохочивания слушателей к естественным наукам» («И. С. Аксаков в его письмах», т. III, М. 1892, стр. 97—98).

С громадным уважением относились к книге С. Т. Аксакова и последующие поколения русских ученых. Выдающийся орнитолог Модест Богданов называл имя автора «Записок ружейного охотника» рядом с именами Э. А. Эверсмана и Н. А. Северцова, под общим влиянием которых он сам формировался как ученый. «Натуралист-самоучка, наблюдатель животной жизни без всякой научной подготовки, — писал М. Богданов, — С. Т. Аксаков оставил нам в своих «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» драгоценные материалы для истории жизни некоторых форм, — материалы, к которым не раз еще обратятся русские орнитологи» (М. Богданов, Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги, Казань, 1871, стр. 3).

В заключение укажем, что наряду с высокой оценкой художественных и научных достоинств «Записок ружейного охотника» современная Аксакову критика отмечала и один свойственный этой книге недостаток. Речь идет о некоторых специальных сведениях, сообщаемых писателем, например о технических данных охотничьих ружей, об определении меры заряда и пр. Эти сведения уже к середине прошлого века казались неполными и устарелыми. В статье о книге Аксакова Тургенев писал, что «техническая ее часть довольно слаба и неполна, она, говоря высокопарным слогом, отстала от современного состояния науки... За этими 34 страницами вступления начинается собственно книга» (Собр. соч., т. XII, 1933, стр. 154). Несколько раньше Тургенева выступил на страницах журнала «Москвитянин» (1852, № 8, стр. 106—120) некий В. В., сделавший ряд аналогичных критических замечаний в адрес «Записок ружейного охотника». В следующей книжке журнала Аксаков опубликовал письмо в редакцию, в котором отчасти согласился с замечаниями В. В., но вместе с тем высказал и некоторые возражения (см. в наст. томе, стр. 581—583).

«Записки ружейного охотника» выходили при жизни автора трижды, последний раз — в 1857 году, в Москве. Это третье издание, как уже отмечалось, было сопровождено краткими примечаниями К. Ф. Рулье, а также политипажами, очевидно, подобранными Рулье и одобренными Аксаковым.

Примечания К. Ф. Рулье несколько раз воспроизводились в последующих изданиях «Записок ружейного охотника». В 1909 году книга вышла под редакцией другого видного натуралиста, М. А. Мензбира, сопроводившего ее своими примечаниями. В 1953 году «Записки» Аксакова были выпущены Государственным издательством географической литературы с примечаниями проф. С. В. Кирикова. В примечаниях к указанным изданиям специалистами отмечены некоторые частные фактические неточности, допущенные С. Т. Аксаковым. Отдельные виды птиц, описанные Аксаковым, имеют в современном научном обиходе иные наименования (ср. примечания к упомянутым выше изданиям «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии»).

В настоящем собрании «Записки ружейного охотника» печатаются по тексту третьего, последнего прижизненного издания с устранением неисправностей и опечаток.

Стр. 222. *Морской куличок.* — М. А. Мензбир полагал, что под этим именем Аксаков описал кулика, известного под названием мородунки.

Стр. 223. *...где они бывают во время весеннего пролета в невероятном множестве.* — По этому поводу М. А. Мензбир замечает: «Это совершенно ошибочно: мородунка нигде не собирается на пролете «в невероятном множестве».

Стр. 253. *Лебедь.* — По мнению М. А. Мензбира, недостаток описания лебедя у Аксакова состоит в том, что «очень трудно сказать, к какому виду наших лебедей это описание относится». «Судя по описанию наружного вида, — замечает по этому поводу С. В. Кириков, — следует считать, что С. Т. Аксаков имел в виду лебедя-шипуна... Но слова «зычный крик их» дают основание предполагать, что С. Т. Аксаков слыхал голоса и лебедей-кликунов... (у шипуна голос менее звонок, чем у кликуна). С. Т. Аксаков не различал этих видов лебедей. Этим и объясняется его примечание в 3-м издании: «Лебедь и гусь так всем известны, что считаем ненужными их политипажи».

Стр. 276. Цитированное С. Т. Аксаковым четверостишие «из послания одного молодого охотника» — отрывок из его собственного стихотворения «Послание к брату» (Об охоте) (см. том 3 наст. изд., стр. 661).

Стр. 287. *Чирок.* — По утверждению С. В Кирикова, «...под

названием чирка-коростелька С. Т. Аксаков описывал чирка-трескунка... а под названием полового чирка — чирка-свистунка...»

Стр. 295. *Долго думал я, что крохаль — утка-рыбалка, особенная от гагары.* — По утверждению С. В. Кирикова «гагарой С. Т. Аксаков называет какую-то поганку». Тот же исследователь замечает, что более раннее мнение Аксакова, что крохаль и гагара разные виды, более справедливо.

Стр. 296. *...три ножные пальца, соединенные между собой крепкими глухими перепонками.* — По этому поводу К. Ф. Рулье заметил: «...не глухими, а расщепленными».

Стр. 298. *Название гагары объяснить не умею.* — К этому месту К. Ф. Рулье дал следующее примечание: «Названия *галка, гусь, гагара, гагак, гагачь, гоголь* звукоподражательны: *говору, гаму* (го-го) этих птиц. *Голк* — шум, *гул; голанить* — шуметь (горло, гайло)».

Гоголь. — По предположению К. Ф. Рулье Аксаков под именем гоголя разумел самку гагары; М. А. Мензбир, соглашаясь с этим мнением, высказывал и другое предположение, что Аксаков описал под именем гоголя один из видов крохалей. «За последнее, — пишет он, — отчасти говорит упоминаемая красная радужина глаз и особенно описание формы клюва».

Стр. 334. *...последняя порода несравненно многочисленнее двух первых.* — С этим утверждением полемизировал М. А. Мензбир, полагавший, что в Оренбургской губернии малый кроншнеп «положительно реже большого».

Стр. 358. *...больше не помню ничего.* — «Это несомненно были так называемые *глупые ржанки,* гнездящиеся и пролетные в охотничьей области С. Т. Аксакова», — пишет М. А. Мензбир.

Стр. 381. *...свиристели, лесные жаворонки, дубоноски...* — К. Ф. Рулье пишет: «Едва ли здесь не обмолвка поэта: по крайней мере под Москвою, да очень вероятно и в Оренбургской губ., свиристель, лесной жаворонок и дубонос не могут встретиться вместе потому, что дубонос здесь только веснует, лесной жаворонок только летует, а свиристель только зимует; притом же свиристель и дубонос не поют».

Что касается до свиристеля, то М. А. Мензбир указывает, что он «бывает в Оренбургской губ. только зимою и тогда не внутри леса, а по его окраинам, чаще же по кустам».

Стр. 383. *Копчик — загадочная птица...* — «Едва ли может быть сомнение, — пишет М. А. Мензбир, — что под названием

«копчика» автор говорит о чеглоке. Настоящий копчик — птица насекомоядная и нападает на птичек лишь редко и случайно».

Стр. 388. *...почему и называется косачом.* — М. А. Мензбир замечает по этому поводу: «Глухарь-самец не имеет в хвосте черных косиц».

Стр. 389. ... *они совершенно сходны с простыми тетеревами.* — По утверждению М. А. Мензбира, тетеревиные и глухариные тока «весьма различны».

Стр. 438. *...некоторыми охотниками были сделаны мне возражения...* — Очевидно, речь идет о статье В. В. в «Москвитянине» (1852, № 8,), на которую Аксаков отвечал «Письмом ружейного охотника Оренбургской губернии» (ср. наст. том, стр. 581—583).

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХ ОХОТАХ

Это третий цикл охотничьих произведений Аксакова. Он имеет свою историю. Первоначально многие из включенных в него рассказов были предназначены для задуманного писателем в 1853 году «Охотничьего сборника». В соответствии со специально разработанной Аксаковым программой в «Сборнике» предусматривалась публикация художественных и публицистических произведений, «относящихся ко всем родам охоты без исключения». К изданию имелось в виду привлечь не только писателей, но и ученых. Характерно в этом отношении письмо родственника С. Т. Аксакова, Александра Михайловича Бутлерова — тогда еще молодого ученого, впоследствии знаменитого химика: «Очень я порадовался, милый дяденька, Вашему намерению издавать «Охотничий сборник». Быть может, и нам удастся принести что-нибудь в общую кассу» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, д. № 15, лл. 9 об.—10).

В конце концов «Охотничий сборник» не был разрешен. Истинная причина запрета, оставшаяся неизвестной даже самому Аксакову, ныне достаточно прояснена. Так называемое «дело» Аксакова в III отделении сыграло здесь роковую роль (см. вступительную статью к т. 1 наст. изд., стр. 45—47).

Словно предвидя возможность того, что идея с периодическим «Охотничьим сборником» «захряснет» где-то в высоких инстанциях, Аксаков вынашивал мысль об ином использовании обещан-

ных различными авторами, а частично уже и подготовленных материалов. В письме от 30 апреля 1853 года он поделился своими новыми планами с Тургеневым: «В случае положительного отказа я все-таки выдам большой том — «Собрание статей о различных охотах» разных сочинителей» («Русское обозрение», 1894, № 9, стр. 36). Однако и эта идея оказалась неосуществленной. Одни авторы, посулившие Аксакову свое сотрудничество (Ю. Самарин, Хомяков), вовсе не сдержали своих обещаний. Другие выполнили свои обязательства лишь частично. Тургенев, например, вместо двух очерков прислал один — «О соловьях» — и тот с опозданием.

В конце концов пришлось отказаться от мысли о коллективном сборнике. Аксакову ничего другого не оставалось, как подготовить книгу, состоящую исключительно из его собственных произведений. 10 ноября 1853 года он писал Погодину: «Главное управление цензуры сначала позволило, а потом запретило издание «Охотничьего сборника», а у меня первый том уже написан почти одним мною» (Л. Б., ф. Погодина, II 1/59). Погодин в ответ предложил Аксакову напечатать на страницах «Москвитянина» все его произведения, предназначенные для «Охотничьего сборника». Аксаков отклонил это предложение. «Материалы «Охотничьего сборника», — писал он, — не могут быть все помещены в «Москвитянине», ибо многие статьи только потому имеют достоинство, что помещены вместе с другими, подле них. Например, есть у меня наблюдение за 15 лет о прилете и отлете дичи в Оренбург. губ.; для настоящего охотника это интересно, а для всякого другого читателя — пустяки. Читатели литературного журнала вправе роптать за помещение таких статей, которых у меня довольно, а потому я не оставляю намерения издать через год целый том статей о различных охотах. Через неделю, однако, я пришлю вам статью для «Москвитянина» «О травле ястребами перепелок» — охота слишком специальная, но статья, кажется, так написана, что должна понравиться и не охотникам» (письмо от 29 ноября 1853 г., Л. Б., ф. Погодина, II 1/59). Из цикла своих новых охотничьих произведений Аксаков представил Погодину для его журнала лишь три рассказа: «Охота с ястребом за перепелками» («Москвитянин», 1854, т. 1, Смесь, стр. 10—30), «Охота с острогою» и «Ловля шатром тетеревов» (там же, т. V, Смесь, стр. 159—176).

В 1855 г. Аксаков выпустил свои рассказы отдельной книгой, озаглавив ее: «Рассказы и воспоминания охотника о разных

охотах». К сборнику был приложен очерк Тургенева «О соловьях». На этот счет у обоих писателей была специальная договоренность. 18 октября 1854 года Аксаков писал Тургеневу: «Рукопись моя «Рассказы и воспоминания о разных охотах» должна была поступить в цензуру в самых первых числах ноября. Но я очень рад подождать ваших статеек хоть целый месяц; они украсят мою книжку и придадут ей разнообразие, которого именно ей недостает» («Русское обозрение», 1894, № 11, стр. 19).

Третья по счету охотничья книга Аксакова принесла автору много творческих радостей. Сравнительно с предшествующими двумя книгами в этой — элемент художественный играл несравненно большую роль. Новая книга была уже почти совершенно свободна от утилитарных, «специально охотничьих» элементов и приобретала характер свободного, художественного повествования. Некрасов назвал ее «прекрасной книгой, исполненной дельных охотничьих заметок и наблюдений, живописных картин природы, интересных анекдотов и поэзии» (Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М. 1950, стр. 255).

Выдающиеся художественные достоинства новых охотничьих произведений Аксакова отмечал и Тургенев. После появления в «Москвитянине» рассказа «Охота с ястребом за перепелками» Аксаков попросил его прочитать «на досуге» этот рассказ и высказать о нем свое «мнение без всякого снисхождения и ласки старому... приятелю». «Ведь я серьезно боюсь, — продолжал Аксаков, — чтобы мне не заболтаться на старости; трудно уловить ту минуту, когда неминуемо начнешь глупеть и станешь принимать желание приласкать старика за наличную монету» («Русское обозрение», 1894, № 11, стр. 10). Тургенев тотчас же ответил, что рассказ «не прочел, а проглотил целиком», и добавил: «Это превосходная вещь — и написана тем славным русским языком, которым вы один владеете» («Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 481). Очерк «Охота с ястребом за перепелками» был восторженно оценен и Чернышевским. Процитировав в одной из своих статей несколько строк, рисующих тревогу мелких птиц, которые почуяли ястреба, он воскликнул: «Что может быть живописнее этого описания! А глупые тетерева, утки, дупели, вальдшнепы, гаршнепы и им подобные и не подозревают, что судьба наделила их таким историком, как г. Аксаков; не подозревают, что в описаниях г. Аксакова они лучше, красивей и вкуснее, нежели на самом деле. Какой-нибудь дрянной ястреб, способный напугать одних воробьев, доставляет нам столько удовольствий, и все по-

тому, что его описывает г. Аксаков» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XVI, М. 1953, стр. 26).

Касаясь в письме к А. И. Панаеву в 1855 г. необычайного успеха своих охотничьих сочинений, Аксаков не без гордости заметил: «Вообще все три мои охотничьи книги продолжают расходиться очень хорошо, и к великому удовольствию моему вижу, что они проникли во все слои общества и что их читали все что-нибудь читающие люди» (ИРЛИ, Р-1, оп. 1, д. № 10, л. 5 об.).

Не прошло и года, как «Рассказы и воспоминания о разных охотах» вышли вторым изданием» (М. 1856). В книгу были внесены некоторые исправления и дополнения. В настоящем собрании текст печатается по второму, последнему вышедшему при жизни Аксакова изданию, с устранением неисправностей и опечаток.

Стр. 529. *Бюффон* Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель.

Стр. 544. *Я рассказал в «Записках ружейного охотника»...* — см. в наст. томе, стр. 412—413.

Стр. 567. *Я упомянул в моих «Записках ружейного охотника»...* — см, в наст. томе, стр. 407.

Стр. 572. *Я уже говорил в своих «Записках об уженье рыбы»...* — см. в наст. томе, стр. 121—122.

СТАТЬИ ОБ ОХОТЕ

Помимо нескольких известных статей Аксакова об охоте, в этот раздел включены и статьи, которые были затеряны в современных изданиях и никогда не входили в собрания его сочинений. Эти статьи интересны не только содержащимся в них фактическим материалом, но и тем, что они являются своего рода комментарием к основным охотничьим произведениям Аксакова.

ПИСЬМО РУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Опубликовано в журнале «Москвитянин», 1852, т. III, № 9, Смесь, стр. 21—23, за подписью: *А — в.*

Стр. 582, 583. С. Т. Аксаков в скобках указывает страницы по первому изданию «Записок ружейного охотника» (М. 1852). В настоящем томе им соответствуют стр. 335 и 148.

Стр. 583. *...и последнее замечание г-на рецензента насчет тяги вальдшнепов* — ср. в наст. томе, стр. 438.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К «УРЯДНИКУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ»

Впервые напечатано в книге «Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути», М. 1856, стр. 139—146, за подписью: *С. Аксаков*.

«Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути» была написана в 1656 году по приказанию царя Алексея Михайловича. Автор этого сочинения неизвестен. Высказывается предположение, что оно написано самим Алексеем Михайловичем. Во всяком случае в рукописи имеются приписки, сделанные его рукой. Слово «урядник» означало в старину изложение постановлений, правил, уряда, или распорядка. Книга имела своей целью установить определенный церемониал, порядок в делах, касающихся соколиной охоты, страстным любителем которой был Алексей Михайлович.

Стр. 585. *...что сказано мною в «Записках ружейного охотника».* — Очевидно, имеется в виду замечание писателя в книге «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (наст. том, стр. 485).

Стр. 587 *...что уже было также мною сказано* — см. в наст. томе, стр. 485.

ЗАМЕЧАНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ ОХОТНИКА БРАТЬ ГРИБЫ

Впервые напечатано в «Вестнике естественных наук», 1856, № 6, стр. 162—171, за подписью: *С. Аксаков*.

В своих «Воспоминаниях» Аксаков рассказал о том, с какой силой пробудилась у него в самом раннем детстве страсть собирать грибы. Это увлечение он сохранил до глубокой старости. Аксаков предполагал даже написать «книжку о грибах и об удовольствии брать их» (см. наст. изд., т. 2, стр. 65). Но обещание это он выполнить не успел. Написал лишь статью, напечатанную в «Вестнике естественных наук», издававшемся под редакцией К. Ф. Рулье. Эту статью редактор сопроводил подстрочными примечаниями, в одном из которых было сказано: «С особенным удовольствием помещаем эту статью, составляющую первую главу нетерпеливо публикою ожидаемого сочинения высокоуважаемого автора, издавшего «Ружейного оренбургского охотника», «Рассказы охотника», «Об уженье». С научной точки зрения, эта статья чудесно

обрисовывает зависимость грибов, этих низших растительных форм, от внешних условий и тем служит новым развитием *закона общения*, о котором мы говорили в статье «Сен-Бернардская собака».

Статья печатается по журнальному тексту.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАННЕМ ВЕСЕННЕМ И ПОЗДНЕМ ОСЕННЕМ УЖЕНЬЕ

Опубликовано в «Журнале охоты», 1858, т. I, №1, стр. 1—8, за подписью: *С. Аксаков.*

В январе 1858 года под редакцией охотника и литератора Г. Е. Мина начал выходить «Журнал охоты». Аксаков и Рулье в самом начале горячо поддержали это издание и, как писал во вступительной заметке к первой книжке журнала редактор, «приветно одобрили как самое предприятие издания журнала, так программу и цель его, выразив при этом желание содействовать его ходу своим добрым советом и драгоценным делом». Первая книжка нового журнала открывалась настоящей статьей Аксакова. В дальнейшем Аксаков продолжал сотрудничать в «Журнале охоты», напечатав в нем ряд стихотворений и статей.

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ «ЖУРНАЛА ОХОТЫ»

Опубликовано в «Журнале охоты», 1858, т. I, № 4, стр. 294—295, за подписью: *С. Аксаков.*

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ «ЖУРНАЛА ОХОТЫ»

Опубликовано в «Журнале охоты», 1858, т. II, № 10, стр. 220—221, за подписью: *С. Аксаков.*

ОТЗЫВ О «ЖУРНАЛЕ ОХОТЫ»

Впервые напечатано в «Русском вестнике», 1858, т. XVIII, кн. 1, Современная летопись, стр. 66—69, за подписью: *С. Аксаков.*

Стр. 611. ...*прыгают бески, щеглята и снегири...* — В тексте «Русского вестника» явная опечатка: «прыгают белки, щеглята и снегири», что противоречит смыслу и не соответствует политипажу, который описывает Аксаков. О бесках см. в наст. томе, стр. 519.

СЛОВАРЬ
ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ

Аир — болотное растение с длинными листьями.

Бастыльник — сорная крупная трава, бурьян.

Безосый — без ости, см. осистый.

Бобровая струя — пахучие выделения особых желез бобра.

Бокалдина — колдобина.

Вабить — см. объяснение автора на стр. 491.

Вачик (вачег) — см. объяснение автора на стр 494 и 587.

Верхнее чутье — способность собаки чуять не по следу, а по воздуху.

Вешняк — мельница, действующая только во время весеннего разлива вод; ворота в плотинах с подъемным засовом для спуска вешней воды.

Вэбудный след — см. объяснение автора на стр. 453.

Во́зреться — увидеть, обнаружить.

Выборзок — помесь борзой собаки с дворняжкой.

Выкунеть — см. объяснение автора на стр. 541.

Вятель — см. объяснение автора на стр. 475.

Гнездарь — ловчая птица, вынутая из гнезда птенцом и выращиваемая в неволе.

Гребло — дощечка, брусок, палочка, которою ровняют сыпучие тела с краями меры; мера в гребло — вровень с краями.

Должник — см. объяснение автора на стр. 488.

Емь — объем лапы ловчей птицы.

Ергак — тулуп из коротко-шерстных шкур шерстью наружу.

Жабры (чертовы жабры) — растение, луговой пырей.

Ж́ивотка — см. объяснение автора на стр. 33.

Задев — коряги, пни и хворост на дне реки, озера или пруда.

Ильм — дерево, похожее на вяз.

Казулька — репейник.

Канюк — хищная птица.

Ка́рбыш — один из видов хомяка.

Карша — коряга, суховатый пень; замытое в песке под водой дерево.

Кауз — см. объяснение автора на стр. 304.

Колок — см. объяснение автора на стр. 307.

Кружок — см. объяснение автора на стр. 57.

Крылена — см. объяснение автора на стр. 475.

Кутня — см. объяснение автора на стр. 486.

Кутырь — рыбий пузырь.

Лежень — бревно в горизонтальном положении, подкладываемое под какое-нибудь сооружение.

Липеть — едва держаться.

Лужать — зарастать луговой травой.

Лукать, лукнуть—метать, швырять.

Лутошка — липка, с которой снята кора, содрано лыко.

Лучок — специальное приспособление с сетью для ловли птиц.

Малик — заячий след по снегу или песку.

Мастерить (о гончей собаке или охотнике-всаднике) — метаться от следа в сторону, чтобы перехватить зверя на повороте.

Материк (реки или пруда) — самое глубокое место, стрежень.

Межень — средний уровень воды в реке.

Мокредина — лужа, болотце.

Нагавка — см. объяснение автора на стр. 488.

Наклестка (нахлестка) — перекладина, поперечный брус.

Наметка — см. объяснение автора на стр. 473.

Наточить — нацедить, насыпать.

Нарыск — след лисы.

Недотка — бредень из редкой и грубой ткани.

Нерот — см. объяснение автора на стр. 135 и 474.

Нестомчивость — неутомимость.

Осистый (остистый) — от слова ость, или ось, означающего длинный волос меха или щетинистый усик на оболочке каждого зерна колосовых растений.

Оста́меть — остолбенеть.

Остров — см. объяснение автора на стр. 307.

Отава (атава) — трава, выросшая в тот же год на месте скошенной.

Отруб — поперечник, поперечное сечение.

Отъемник — большой, отдельно стоящий лес.

Пал — выжигание старой и сухой травы на лугах, применявшееся при примитивных формах земледелия для увеличения плодородности земли.

Папороток — малое крылышко, то есть второй сустав птичьего крыла.

Паточина — болотный родник.

Перебраться — перелинять.

Подлинь — линяющая птица, теряющая способность летать.

Подозреть (подозрить) — высмотреть, подстеречь.

Половой — палевый, белесовато-желтый.

Помешаться — здесь: переменить масть, цвет оперения.

Поречина (поречня, порешина) — пушной водяной зверек, норка.

Поршок (от порхать) — неоперившийся птенец.

Поскачь — походка, побежка.

Поставушка — приспособление для ловли мелких зверьков.

Пружок — силок для ловли птиц.

Пупавка — полевое сорное растение.

Раст — пора дозреванья плодов, ягод; пора быстрого роста зелени, хлеба.

Роспуски — повозка для клади.

Свилеватый (от свить, свивать) — извилистый, косослойный (о дереве).

Севкая (дробь) — рассыпная, мелкая.

Скопа — хищная птица. По мнению В. И. Даля, от ее названия происходит название *копчик*.

Скучить — ныть, скулить.

Слеток — молодая птица, ставшая уже летать из гнезда.

Сорокоуша — мерная бочка в сорок ведер.

Стомчивость — ср. нестомчивость.

Сторожок (в ловушках) — приспособление, задерживающее действие капкана или ловушки.

Сувой — сугроб.

Сурчина — см. объяснение автора на стр. 314.

Сырт — возвышенность, разделяющая истоки двух рек, водораздел.

Сходить (зверя) — см. объяснение автора на стр. 451.

Терпуг — небольшой брусок из стали с насечкой, служащий напильником.

Толока — вытоптанное место.

Тюбеневка (тебеневка) — зимняя пастьба.

Увал — крутой склон, возвышенный берег реки.

Удул — см. объяснение автора на стр. 557.

Узерк — см. объяснение автора на стр. 454.

Урема — см. объяснение автора на стр. 383.

Ухвостье — мякина, сор, пустые и легкие зерна.

Хвостуша — см. объяснение автора на стр. 476.

Хлупь (хлуп) — кончик крестца у птицы.

Черностоп — осенние холода без снега.

Чивый — щедрый, в данных случаях обильно произрастающий.

Шмара — см. объяснение автора на стр. 602.

Шуста — мох, которым обрастают пни деревьев.

Яв — см. объяснение автора на стр. 134—135.

ПОРТРЕТЫ С. Т. АКСАКОВА

Том 1. С. Т. Аксаков, с фотографии Бергнера (1856). С этой фотографии И. Н. Крамской в 1878 г. написал портрет писателя по заказу П. М. Третьякова. Оригинал — музей «Абрамцево» АН СССР.

Том 2. С. Т. Аксаков, с акварели неизвестного художника (конец 20 — начало 30-х гг.). Оригинал — ИРЛИ.

Том 3. С. Т. Аксаков, с рисунка Э. А. Дмитриева-Мамонова (40-е гг.). Оригинал — музей «Абрамцево».

Том 4. Теряющий зрение Аксаков диктует в Абрамцеве свои воспоминания. С акварели К. А. Трутовского (1891). Оригинал — Государственная Третьяковская галерея. Хотя акварель была сделана много лет спустя после смерти писателя, но художник использовал для этой работы зарисовки с натуры, которые он в свое время делал при жизни своего родственника — С. Т. Аксакова. Об этом сохранилось прямое свидетельство самого Трутовского. 8 сентября 1892 г. он писал внучке писателя О. Г. Аксаковой: «На ваш вопрос о рисунке, изображающем С. Т., диктующего свои записки, отвечу, что я делал этот рисунок и другой (я и Иван Сергеевич в путешествии по Малороссии) — по наброскам, сохранившимся у меня. Пишущею же под диктовку С. Т. — я думал изобразить Веру Сергеевну, которая всегда ходила в таком костюме, как на рисунке, т. е. с косынкой на голове и в пелеринке» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 17, д. № 143, лл. 1—1).

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В ДАННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

1832

1833

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В ДАННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ОПЕЧАТКИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ ВО 2-м и 3-м ТОМАХ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
		Том 2	
485	3 св.	1852 г.	1858 г.
		Том 3	
634	18 св.	В простой клетке	В просторной клетке
726	15 сн.	„Московитянина“	„Москвитянина“
727	13 сн.	„Московитянине“	„Москвитянине“
798	10 св.	Петрова — актриса Московской труппы—547, 558.	Петров — ученик Московского театрального училища — 577.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПИСКИ ОБ УЖЕНЬЕ РЫБЫ

ЗАПИСКИ РУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Разряд I. *Болотная дичь*

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХ ОХОТАХ

СТАТЬИ ОБ ОХОТЕ

Аксаков Сергей Тимофеевич
Собрание сочинений, т. 4.

Редактор *А. Ванслова.* Оформление художника *А. Ахметьева.*
Художественный редактор *К. Буров.*
Технический редактор *В. Гриненко.* Корректор *Р. Гольденберг.*

Сдано в набор 23/I 1956 г. Подписано в печать 25/VI 1956 г. А08226.
Бумага 84×108$^{1}/_{32}$ — 20,75 печ. л. = 34,03 усл. печ. л. 31,58 уч.-изд. л.
+1 вкл. = 31,63. Тираж 150 000. Цена 11 р. 50 к. Зак. № 1009.
Гослитиздат. Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности, 4-я тип. им. Евг. Соколовой.
Ленинград, Измайловский пр., 29.